СЛОВАРЬ

ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ЛЮДЕЙ

РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

Ч. 3.

Без Дела, и без Скуки
Сидеть подставив Руки.

9(с)1
Б23

СЛОВАРЬ

ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ЛЮДЕЙ

РУССКОЙ ЗЕМЛИ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Бантышъ-Каменскимъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Съ портретомъ Графа Ростопчина.

Р. — Ѳ.

1151622 Р

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

1847.

Тюмень
область

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 26 Ноября 1846 г.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

БІОГРАФІИ (*).

Р.

Стр.

91) РАЗУМОВСКАГО, Князя Андрея Кирилловича, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника перваго класса. * . . 1.

92) РЕПНИНА, Князя Аникиты Ивановича, Генералъ-Фельдмаршала. * * . . . . . 13.

93) РЕПНИНА, Князя Николая Григорьевича, Генерала отъ Кавалеріи. * . . . . . 23.

94) РИМСКАГО-КОРСАКОВА, Александра Михайловича, Генерала отъ Инфантеріи. * . . . . . 67.

95) РОЗЕНБЕРГА, Андрея Григорьевича, Генерала отъ Инфантеріи. * . . . . . 94.

96) РОСТОПЧИНА, Графа Ѳедора Васильевича, Генерала отъ Инфантеріи и Московскаго Главнокомандующаго, въ послѣдствіи Оберъ Камергера. * . . . . . 106.

(*) Вновь составленныя біографіи означены *подъ одною звѣздочкою*, а взятыя изъ другихъ моихъ сочиненій и исправленныя, *подъ двумя*. Б. К.

С.

Стр.

97) **САЛТЫКОВА-МОРОЗОВА**, Михаила Глѣбовича, приверженца Сигизмунда III-го. * . . . . . 176.

98) **СЕНЯВИНА**, Димитрія Николаевича, Адмирала. * . . 199.

99) **СЕРАФИМА ГЛАГОЛЕВСКАГО**, Митрополита Новгородскаго и С. Петербургскаго. * . . . . . 244.

100) **СИЛЬВЕСТРА**, Іерея и наставника Іоанна IV-го. * . 259.

101) **СИЛЬВЕСТРА МЕДВѢДЕВА**, Настоятеля Московскаго Заиконоспаскаго монастыря. * . . . . . 262.

102) **СКУРАТОВА-БѢЛЬСКАГО**, Григорія (Малюты) Михайловича, любимца Іоанна IV-го. * . . . . . 264.

103) **СОЙМОНОВА**, Осдора Ивановича, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Сенатора. * . . . . . 268.

104) **СОЛОВЬЕВА**, Барона Осипа Алексѣевича, Ассесора Коммерцъ-Коллегіи. * . . . . . 280.

105) **СПЕРАНСКАГО**, Графа Михаила Михайловича, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника. * . . . . . 283.

106) **СУВОРОВА**, Александра Васильевича, Графа Рымникскаго, Князя Италійскаго, Генералиссимуса. * * . . 293.

107) **СУХАНОВА**, Кирилла Васильевича, Протоіерея, просвѣтителя Тунгузовъ. * . . . . . 392.

Т.

108) **ТАТИЩЕВА**, Алексѣя Даниловича, Генералъ Полиціймейстера * . . . . . 394.

109) **ТАТИЩЕВА**, Аоанасія Даниловича, Генералъ-Маіора * 398.

110) **ТАТИЩЕВА**, Василія Никитича, Историка. * . . . . 401.

111) **ТАТИЩЕВА**, Игнатія Петровича, Казначея. * . . . . 412.

112) **ТАТИЩЕВА**, Михаила Игнатьевича, Окольничаго * . 414.

113) **ТЕКЕЛЛІЯ**, Петра Авраамовича, Генералъ Аншефа. * 420.

114) **ТИМОѲЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА НАДАРЖИНСКАГО**, Духовника Петра Великаго. (*исправлена и дополнена*) * * . . . . . 425.

115) **ТОЛСТАГО**, Графа Петра Андреевича, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника * * . . . . . 428.

116) **ТРАВЕРСЕ**, Маркиза Ивана Ивановича, Адмирала. (*Изъ свѣдѣній доставленныхъ сыномъ его, Архангельскимъ Военнымъ Губернаторомъ.*) * . . . . 433.

У.

Стр.

117. УШАКОВА, Графа Андрея Ивановича, Генералъ-Аншефа. ** . . . . . 438.

Ф.

118) ФОНЪ-ВИЗИНА, Дениса Ивановича, сочинителя комедій: *Бригадира и Недоросля.* * . . . . . 446.

Х.

119) ХЕМНИЦЕРА, Ивана Ивановича, Баснописца * . . . 492.

120) ХРАПОВИЦКАГО, Александра Васильевича, Статсъ-Секретаря Императрицы Екатерины II-й (*Изъ его Записокъ.*) * . . . . . 503.

Ч.

121) ЧЕРНЫШЕВА, Графа Григорія Петровича, Генералъ-Аншефа. ** . . . . . 509.

122) ЧЕРНЫШЕВА, Графа Ивана Григорьевича, Генералъ-Фельдмаршала *по флоту.* ** . . . . . 514.

Ш.

123) ШАФИРОВА, Барона Петра Павловича, Подканцлера. ** 520.

124) ШУБИНА, Алексѣя Яковлевича, Генералъ-Поручика. * . . . . . 548.

Щ.

125) ЩЕРБАТОВА. Князя Михаила Михайловича, Историка.* 551.

Э.

126) ЭЛЬМТА, Графа Ивана Карповича, Генералъ-Фельдмаршала. * . . . . . 556.

Я.

127) ЯГУШИНСКАГО, Графа Павла Ивановича, перваго Генералъ-Прокурора. ** . . . . . 560.

128) ЯЗЫКОВА, Димитрія Ивановича, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и Ординарнаго Академика. * . . 574.

Ѳ

Стр.

129) ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА, Архіепископа Новгородскаго. * . . . . . 604.

Приложенный къ третьей части портретъ Графа Ростопчина снятъ съ подлинника, писаннаго, въ 1822 *году, Кипренскимъ.*

СЛОВАРЬ

ДОСТОПАМЯТНЫХЪ РОССІЯНЪ.

Р.

РАЗУМОВСКІЙ, Графъ (потомъ Князь), Андрей Кириловичъ, сынъ послѣдняго Малороссійскаго Гетмана и Генералъ-Фельдмаршала Графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, родился 22 октября 1752 года. На двѣнадцататомъ году былъ онъ уже Мичманомъ; часто проводилъ время съ Наслѣдникомъ Престола. Тогда (1764 г.), Фельдмаршалъ повезъ своего сына въ чужіе краи, гдѣ послѣдній продолжалъ, потомъ, ученіе въ разныхъ университетахъ по 1769 годъ; служилъ въ англійскомъ флотѣ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, Графъ Андрей Кириловичъ возвратился въ отечество Лейтенантомъ и представилъ Адмиралтейской Коллегіи журналъ своего путешествія, на Англійскомъ языкѣ. Въ это самое время Адмиралъ Спиридовъ отправленъ въ Средиземное море и въ Архипелагъ: Графъ Разумовскій участвовалъ въ знаменитомъ его походѣ, находясь подъ начальствомъ Контръ-Адмирала Ельфинстона (*). Въ 1773 году, будучи Капитанъ-Лейтенантомъ, пожалованъ онъ Камеръ-Юнкеромъ; поступилъ

(*) См. біографію Григорія Андреевича Спиридова.

въ гребный флотъ; командовалъ фрегатомъ *Екатериною*; произведенъ (1774 г.) въ Бригадиры и, по случаю прекращенія войны съ Портою-Оттоманскою (1775 г.), получилъ чинъ Генералъ-Маіора, на 24-мъ году отъ рожденія. Все благопріятствовало ему: прекрасная наружность, громкое имя, умъ образованный, богатство. Онъ наслаждался жизнію въ полномъ смыслѣ этого слова; любезностію и щегольствомъ бралъ первенство надъ всѣми молодыми людьми. Однажды Фельдмаршалъ принужденъ былъ заплатить портному за сыновнее платье до двадцати тысячь рублей: одинхъ жилетовъ у Графа Андрея Кириловича было нѣсколько сотъ. Отецъ велѣлъ показать ему свой гардеробъ; молодой Графъ, чтобъ развеселить старца, сказалъ: «*между нами великая разница: я сынъ Фельдмаршала, вы сынъ пастуха.*» — Вскорѣ онъ вступилъ на новое поприще, долженствовавшее передать имя его потомству: опредѣленъ былъ (1776 г.) Полномочнымъ Министромъ въ Венецію; оттуда перемѣщенъ (1778) въ Неаполь, гдѣ оставался пять лѣтъ. Здѣсь великолѣпіемъ своимъ и блистательными успѣхами, Графъ Разумовскій удивилъ не только жителей, но и Посланниковъ иностранныхъ Дворовъ. Въ 1783 году, 24 ноября, имѣлъ онъ отпускную аудіенцію у Короля, а Графъ Скавронскій, заступившій его мѣсто, пріемную. Императрица пожаловала Графа Андрея Кириловича (1784 г.) Дѣйствительнымъ Камергеромъ и, черезъ два года (1786 г.), Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ въ Швецію, съ чиномъ Тайнаго Совѣтника; препроводила къ нему (22 Сентября) орденъ Св. Владиміра второй степени

большаго креста. Тогда царствовалъ Густавъ III-й, уничтожившій (1772 г.), въ пользу самодержавной власти, разныя преимущества, присвоенныя дворянствомъ послѣ смерти Карла XII-го. Питая нелюбовь къ Россіи и надѣясь отторгнуть отъ нашего Государства завоеванныя земли, онъ постановилъ (1788 г.) тайный договоръ съ Турціею, которая обязалась вознаградить всѣ военныя издержки Швеціи. Графъ Разумовскій немедленно донесъ своему Двору о замыслахъ Густава III-го. Императрица усилила войска на границѣ. Предвидя, что война неизбѣжна, Посланникъ нашъ счелъ обязанностію удостовѣрить, въ представленной имъ (18 Іюня н: с:) нотѣ: «Короля, «Шведское Министерство, *особъ, имѣющихъ участіе «въ правленіи и народѣ:* что Императрица Россій-«ская не намѣрена напасть на Швецію; вооружается «для собственной обороны и желаетъ сохранить друж-«бу съ Королемъ». — Слова, помѣщенныя въ этой нотѣ *объ особахъ, имѣющихъ участіе въ правленіи и о народѣ*, сильно раздосадовали Короля; онъ прислалъ къ Графу Разумовскому своего Оберъ-Церемоніймейстера, съ письменнымъ объявленіемъ: «что «неумѣстныя въ нотѣ выраженія, употребляемыя до «того его предшественниками и несогласныя съ то-«гдашнимъ образомъ правленія, ибо Король одинъ «управляетъ своимъ Государствомъ, лишили его пра-«ва представлять лице Полномочнаго Министра; что «запрещено Шведскимъ вступать съ нимъ въ какіе-ли-«бо переговоры, и что единственно, изъ уваженія къ «прежде носимому имъ званію, отсрочивается на во-«семь дней выѣздъ его изъ Королевства.» — Графъ

Разумовскій отвѣчалъ: «что онъ, пока не получитъ «приказанія отъ Императрицы оставить занимаемую «имъ должность, не можетъ согласоваться съ намѣ«реніями Короля.» — Вслѣдъ за тѣмъ (21 іюня) объявлено было Шведскому Посланнику въ Россіи, Барону Нолкену, чтобы онъ выѣхалъ изъ С. Петербурга. Остававшійся еще въ нашей столицѣ Секретарь Шведскаго Посольства Шлафъ подалъ (1 Іюля) Россійскому Министерству записку, въ которой Густавъ III-й, оправдывая вооруженіе свое, предлагалъ слѣдующія условія для возстановленія мира: 1) *чтобы Графъ Разумовскій былъ наказанъ примѣрнымъ образомъ за употребленные имъ происки въ Швеціи къ возмущенію дружбы, довѣренности и добраго согласія между двумя Имперіями; дабы подобные ему отвращены были навсегда отъ желанія вмѣшиваться во внутреннія дѣла Имперіи независимой.* — 2) Чтобъ, въ вознагражденіе убытковъ, понесенныхъ Королемъ на свои вооруженія, Императрица уступила ему на вѣчныя времена всю часть Финляндіи и Кареліи, съ губерніею и городомъ Кексгольмомъ, какъ все это перешло къ Россіи посредствомъ мирныхъ договоровъ: Нейштадскаго и Абовскаго, дабы границею служилъ Систербекъ. 3) Чтобы Императрица приняла посредничество Короля въ доставленіи ей мира съ Портою Оттоманскою, и уполномочила бы его предложить Портѣ уступку всего Крыма, и возстановленіе границъ по договору 1774 года, или (въ случаѣ несогласія Порты) оставить ихъ въ томъ положеніи, какъ онѣ были до войны 1768 года. — Сверхъ сего, Король предлагалъ: чтобы Императрица

обезоружила свой флотъ; приказала кораблямъ, вышедшимъ въ Балтійское море, возвратиться въ пристани; вывела свои войска изъ новыхъ границъ и согласилась, чтобы Король остался вооруженнымъ до заключенія мира между Россію и Портою. Въ заключеніе, Король спрашивалъ: *да* или *нѣтъ?* объявляя, что не можетъ уменьшить ни мало дѣлаемыхъ предложеній. — Шлафъ и вся свита его немедленно были высланы изъ С. Петербурга. — «Какъ вы на«ходите предложенія Королевскія?» — спросила Императрица Екатерина II Французскаго Посланника Графа Сегюра. — «Мнѣ кажется, Государыня» — отвѣчалъ онъ — «что Король Шведскій, обманутый «сонною мечтою, воображаетъ себѣ, будто одержалъ «надъ войсками Вашего Величества три большія по«бѣды.» — «Но еслибъ онъ и дѣйствительно три ра«за побѣдилъ мои войска» — отвѣчала съ жаромъ Екатерина, — «еслибъ даже завладѣлъ Петер«бургомъ и Москвою, то я и тогда доказала-бы ему, «что̀ можетъ сдѣлать, на развалинахъ обширной Им«періи, женщина, одаренная великимъ характеромъ и «повелѣвающая народомъ храбрымъ и преданнымъ «Ей.» — Отъѣзжая изъ Стокгольма, Густавъ III-й сказалъ дамамъ, *что дастъ имъ завтракъ въ Петергофѣ.* — Графъ Разумовскій въ началѣ августа былъ еще въ Стокгольмѣ. Императрица велѣла тогда сообщить ему: *чтобы онъ берегъ себя отъ личной злобы Короля, тѣмъ болѣе, что не занимаетъ прежней должности; чтобъ переѣхалъ къ Министрамъ Императорскому или Французскому и до отъѣзда своего остался подъ ихъ защитою.* — 22 августа Графъ

Разумовскій перешелъ съ данной ему Шведской яхты, чрезвычайно дурной и опасной, на купеческое судно. — «Онъ хотѣлъ его утопить» — произнесла Екатерина II, читая донесеніе Разумовскаго (*). — По 1790 годъ Графъ Андрей Кириловичъ оставался безъ назначенія: 8 Іюня опредѣленъ онъ въ помощь къ находившемуся въ Вѣнѣ Чрезвычайному и Полномочному Послу Князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, который около тридцати лѣтъ исправлялъ уже эту должность и имѣлъ отъ роду 69 лѣтъ. Въ 1792-мъ, Князь Голицынъ вышелъ въ отставку и Графъ Разумовскій заступилъ его мѣсто, на 37-мъ году отъ рожденія: содѣйствовалъ въ постановленіи ($\frac{3}{15}$ іюля) союзнаго и оборонительнаго договора между нашимъ Дворомъ и Королемъ Венгерo-Богемскимъ Францомъ II-мъ (**); въ окончательномъ (1795 г.) раздѣлѣ остальныхъ частей Польши между Россіею, Австріею и Пруссіею; награжденъ орденами: Св. Александра Невскаго (1793 г.) и Св. Владиміра первой степени (1795 г.). По вступленіи на Престолъ Императора Павла I-го (1796 г.), Графъ Андрей Кириловичъ, пожалованный (1797 г.) Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, не только сохранилъ важный постъ, имъ занимаемый, но еще умѣлъ заслужить особое благоволеніе Государя; склонилъ Вѣнскій Кабинетъ къ удержанію опасныхъ для Европы завоеваній Французской Республики, посредствомъ соединенія Австрійскихъ силъ съ Русскими; награжденъ (20 Февраля

(*) *Записки Храповицкаго.*

(**) См. біографію Графа Ивана Андреевича Остермана.

1799 г.) орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго (*). Союзною Арміею предводительствовалъ Баронъ Меласъ; вспомогательная ввѣрена Императоромъ Павломъ I-мъ Суворову, который принялъ потомъ главное начальство надъ обѣими. Безсмертный Полководецъ остановился въ Вѣнѣ въ домѣ нашего Посла. Зная, что Фельдмаршалъ былъ врагъ роскоши, Графъ Разумовскій приготовилъ для него комнаты безъ зеркалъ, картинъ, драгоцѣнной мебели и бронзы; велѣлъ, вмѣсто кровати, разложить сѣно: на немъ опочилъ (15 марта) будущій освободитель Италіи. Въ день отъѣзда своего въ армію, Суворовъ, садясь въ дорожный экипажъ, надѣлъ на Графиню Разумовскую, въ знакъ благодарности за гостепріимство, сердечко (которое лежало въ золотомъ блюдѣ), заперъ его ключемъ и, положа ключикъ въ карманъ, уѣхалъ. Побѣды *Италійскаго* доставили Графу Разумовскому новую награду отъ признательнаго Монарха: Онъ препроводилъ къ нему (въ іюлѣ) алмазные знаки ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго: *за труды и усердіе на пользу общаго дѣла.* — Трудно было Графу Разумовскому бороться съ политикою перваго Министра Барона Тугута, который посредствомъ Главнаго Воинскаго Совѣта (Гофкригсрата) связывалъ руки Суворову, останавливалъ его быстрые успѣхи, раздроблялъ силы. Тщетно нашъ Посолъ требовалъ дать свободу Русскому Полководцу, не стѣснять его предварительными распоряженіями. «Дипломати-

(*) Вмѣстѣ съ Андреевскимъ орденомъ, Графъ Разумовскій получилъ Аннинскій.

«ческій слогъ мнѣ пазлѣйшій непріятель своею дву-«личностію» — писалъ Герой къ Графу Андрею Кириловичу — «Спасителя ради! не мѣшайте мнѣ!» — 10-го Декабря 1800 года велѣно Графу Разумовскому присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. Императоръ Александръ оставилъ его при Вѣнскомъ Дворѣ въ томъ же званіи; въ 1806 году сдалъ онъ свою должность Князю Александру Борисовичу Куракину, но не оставилъ города, въ которомъ имѣлъ великолѣпный домъ и пріобрѣлъ общее уваженіе и любовь. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ важныхъ событій, послѣдовавшихъ въ Европѣ, Графъ Разумовскій имѣлъ случай оказать новыя услуги отечеству: участвовалъ (1814 г.) на Шатильонскомъ Конгрессѣ, вмѣстѣ съ Лордомъ Кастльре, Графомъ Стадіономъ и Барономъ Гумбольдомъ, въ переговорахъ съ Коленкуромъ; объявилъ ему «что поли-«тическое равновѣсіе, долгое время потрясаемое, на-«конецъ разрушено, и что одно только согласіе Фран-«цузскаго правительства принять границы 1792 года, «можетъ возстановить общій порядокъ»; — подписалъ $\frac{18}{30}$ мая, въ Парижѣ, мирный договоръ съ Франціею, положившій конецъ продолжительнымъ волненіямъ въ Европѣ и несчастію народовъ; назначенъ первымъ Полномочнымъ со стороны Россіи на Вѣнскомъ Конгрессѣ; подписалъ $\frac{1}{13}$ марта (1815 г.) Декларацію противъ Наполеона, по случаю бѣгства его съ острова Эльбы; $\frac{15}{27}$ марта, союзные договоры съ Великобританіею, Австріею и Пруссіею, о лишеніи Бонапарте возможности нарушать болѣе спокойствіе Европы; $\frac{8}{20}$ марта Декларацію, обезпечившую

политическое бытіе Швейцаріи; $\frac{17}{29}$ марта, договоръ съ Королемъ Сардинскимъ; $\frac{21\ \text{Апрѣля}}{3\ \text{Мая}}$ трактаты между Россіею и Австріею, между Россіею и Пруссіею, о присоединеніи къ нашему Государству Варшавскаго Герцогства, переименованнаго Царствомъ Польскимъ; дополнительный договоръ означенныхъ трехъ Державъ относительно вольнаго города Кракова; $\frac{6}{18}$ мая, договоръ съ Королемъ Саксонскимъ; $\frac{15}{30}$ мая, договоръ съ Королемъ Нидерландскимъ; $\frac{28\ \text{Мая}}{9\ \text{Іюня}}$ актъ Вѣнскаго Конгресса, состоящій изъ 123 статей. — До появленія Наполеона, во время дипломатическихъ переговоровъ, почти каждый день бывали въ Вѣнѣ балы и вечернія собранія при Дворѣ, у Пословъ, Австрійскихъ вельможъ и въ публичныхъ мѣстахъ. Любопытно было зимнее катанье: множество людей собирали по полямъ лишь только выпавшій снѣгъ и усыпали имъ мостовыя. Впереди ѣхали музыканты; за ними Оберъ-Шталмейстеръ Австрійскаго Двора; потомъ Императоръ Францъ съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною; Императоръ Александръ съ Княгинею Габріеллою Ауерсбергъ; Король Прусскій съ Великою Княгинею Маріею Павловною и такъ далѣе. Всѣхъ саней, въ которыхъ сидѣли только владѣтельные Князья, было до пятидесяти: онѣ блестѣли позолотою и походили на колесницы. Самый щегольской экипажъ принадлежалъ бывшему Вице-Королю Италійскому Евгенію. Музыкантами оканчивался поѣздъ. Вечеромъ Высокія Особы возвратились изъ Шенбруна въ томъ же порядкѣ, только служители и верховые освѣщали дорогу факелами. — Не менѣе занимателенъ былъ блестящій каруссель, происходившій въ огромномъ и прекрасномъ

манежѣ: сражающіеся имѣли на себѣ рыцарскую одежду, принадлежали къ древнѣйшимъ фамиліямъ; конскіе уборы соотвѣтствовали одѣянію всадниковъ; дамы, раздававшія награды побѣдителямъ, были облиты бриліантами. — Въ декабрѣ представляли при Дворѣ живыя картины. — Императоръ Александръ часто угощалъ особъ царствующихъ Домовъ обѣденными столами, а 7-го октября, въ день воспоминанія освобожденія Москвы, пригласилъ болѣе трехъ сотъ человѣкъ на обѣдъ въ великолѣпный домъ Графа Разумовскаго. Столовая зала, перестроенная для этого праздника изъ манежа, была убрана знаменами всѣхъ Союзныхъ Державъ. На столахъ возвышались воинскіе трофеи. Они состояли изъ трехцвѣтныхъ Французскихъ знаменъ, украшенныхъ орлами и круглыми щитами, съ означеніемъ сраженій, выигранныхъ Союзниками въ послѣдніе походы, исключая побѣдъ, одержанныхъ Русскими въ Отечественную Войну (*). — Графъ Разумовскій далъ два блистательные бала: на послѣднемъ изъ нихъ танцовали не въ большой, но въ маленькой залѣ, которая была освѣщена огромною люстрою, занимавшею весь почти потолокъ: горѣвшія въ ней, во множествѣ, восковыя свѣчи начали отъ сильнаго жара таять, и у мужчинъ вдругъ черное платье покрылось все бѣлыми пятнами. По этому случаю, Принцъ де-Линь, находившійся на балѣ, сказалъ послѣднее (можетъ быть) острое слово передъ своею

(*) См. *Записки* 1814 *и* 1815 *годовъ* Михайловскаго-Данилевскаго, изд. 1836 г. стр. 143.

смертію: «C'est une pluie de cire (*Sires*) (*)!» — Графъ Разумовскій, не смотря на свои преклонныя лѣта, еще вальсировалъ съ Великою Княгинею Екатериною Павловною; но ему измѣнили ноги! — Важныя услуги, оказанныя Графомъ Андреемъ Кирилловичемъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ, не остались безъ должной награды: Императоръ Александръ возвелъ его (1815 г.) въ Княжеское достоинство Россійской Имперіи и, по ходатайству Великой Княгини Екатерины Павловны, пожаловалъ ему (19 Янв.), подъ залогъ 8,710 крестьянъ (Черниговской губерніи), четыреста пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ, безъ процентовъ, на пять лѣтъ. Онъ участвовалъ, въ томъ же году, въ дипломатическихъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Парижѣ;

(*) На балахъ у Графа Разумовскаго, кромѣ Императора Александра и Императрицы Елисаветы Алексѣевны, присутствовали: Императоръ Францъ съ Супругою; Короли: Прусскій, Датскій, Виртембергскій и Баварскій; Наслѣдный Австрійскій Принцъ (нынѣшній Императоръ); нѣсколько Эрцгерцоговъ; Неаполитанскій Принцъ Леопольдъ; Прусскіе Принцы: Вильгельмъ и Августъ; Курфюрстъ Гессенъ-Кассельскій; Принцъ Голштейнъ-Бекскій; Баварскій Наслѣдный Принцъ (нынѣшній Король); Принцъ Карлъ; Виртембергскій Наслѣдный Принцъ (нынѣшній Король); Принцъ Фердинандъ; Герцогъ Альбертъ Саксенъ-Тешенскій; Великій Герцогъ Баденскій; Герцогъ Веймарскій; Дармштатскій Наслѣдный Принцъ; Герцогъ Кобургскій; Наслѣдный Принцъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій; Кобургскіе Принцы: Леопольдъ и Фердинандъ; бывшій Вице-Король Италійскій Евгеній; Гессенъ-Гомбургскіе Принцы; Нассаускій Герцогъ съ Наслѣднымъ Принцемъ и Принцъ Гессенъ-Филипстальскій.

подписалъ $^{8}/_{20}$ ноября мирный договоръ, постановленный Франціею съ Россіею, Австріею, Великобританіею и Пруссіею, которымъ первая Держава обязалась заплатить Союзникамъ семь-сотъ милліоновъ франковъ; получилъ (28 ноября), *за отличныя заслуги и успѣшные труды*, титулъ *Свѣтлости*. — Возвратясь въ Вѣну, Князь Разумовскій сочетался (1816 г.) вторымъ бракомъ съ Графинею Констанціею Іосифовною Тюргеймъ, которой подарилъ, при заключеніи свадебнаго договора, половину своего дома съ принадлежностями: ему было шестьдесять три года; Графинѣ Тюргеймъ тридцать лѣтъ; но онъ пережилъ ее (*). Императоръ Александръ именовалъ его, 31 января 1819 года, Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ *перваго класса*, соотвѣтствующимъ званію Генералъ-Фельдмаршала (**) и, во уваженіе разстроеннаго состоянія хозяйственныхъ дѣлъ Князя Разумовскаго, всемилостивѣйше повелѣлъ въ тотъ день: 1) обезпечить учиненную ему ссуду въ 1815 году одною волостію Батуринскою, въ которой числилось тогда 4,335 крестьянъ. 2) Отсрочить платежъ 450 тысячъ

(*) Первая супруга Князя Разумовскаго была Княжна Лигновская; вторая скончалась въ 1829. Онъ не-имѣлъ отъ нихъ дѣтей.

(**) Указа о пожалованіи Князя Разумовскаго *въ первый классъ* не было; онъ именованъ такимъ образомъ ошибкою 31 января 1819 года, въ Указѣ, состоявшемся по займамъ его. На послѣдовавшемъ, потомъ, докладѣ: «считать ли его *первымъ классомъ*?» — Императоръ написалъ» что Онъ не можетъ уже отмѣнить подписаннаго Имъ.»

рублей серебромъ еще на пять лѣтъ, по 31 декабря 1825 года, и, по истеченіи срока, начать уплату по равнымъ частямъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, съ процентами; до того же времени, съ 31 декабря 1820 года, взыскивать одни только проценты съ капитала. 3) Изъ числа 3,408 крестьянъ, составляющихъ волость Ропскую, оставить въ залогѣ Заемнаго Банка 437 душъ на обезпеченіе долга, а на остальныя 2971 душу выдать изъ Заемнаго Банка по двѣсти рублей и, вычтя 113 тысячъ, должныя Банку, прочіе четыреста восемьдесять одну тысячу рублей ас. обратить въ новую ссуду, на правилахъ 8-ми лѣтнихъ Заемныхъ Банковъ. 4) Предоставить самому владѣльцу заложенную Ропскую волость продавать въ частныя руки и, по мѣрѣ продажи, уплачивать Банковый долгъ, по двѣсти рублей за душу. — Князь Андрей Кирилловичъ Разумовскій скончался въ Вѣнѣ $^{11}/_{23}$ сентября 1836 года, на восемьдесять четвертомъ году отъ рожденія. Онъ имѣлъ правъ горячій, сердце доброе; отличался справедливостію, возвышенными правилами; свободно говорилъ и писалъ на Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ и Италіянскомъ языкахъ. Графъ Сегюръ, въ своихъ Запискахъ, отдаетъ справедливость его усердію и блистательнымъ успѣхамъ на дипломатическомъ поприщѣ.

РЕПНИНЪ, Князь Аникита Ивановичъ, занимаетъ почетное мѣсто между Полководцами, содѣйствовавшими Петру Великому въ устройствѣ войскъ и въ побѣдахъ надъ врагами отечества. Онъ родился въ 1668 году. Отецъ его, Князь Иванъ Борисовичъ, на-

чальникъ Сибирскаго Приказа, пользовался особымъ уваженіемъ мудраго Преобразователя нашего, хотя, придерживаясь старыхъ обычаевъ, сохранилъ свою сѣдую, окладистую бороду, продолжалъ носить золотую серезею, не принялъ чиновъ иностранныхъ, предпочитая титло *Ближняго Боярина*, полученное имъ отъ Царя Алексѣя Михайловича за сорокъ лѣтъ до введенія въ Россію одежды Европейской (*). На шестнадцатомъ году Князь Аникита Ивановичъ опредѣленъ Спальникомъ къ Петру Великому, имѣвшему тогда одиннадцать лѣтъ (1683 г.); пріобрѣлъ любовь Его и довѣренность и, при учрежденіи *Потѣшной роты*, въ 1685 году, пожалованъ Поручикомъ оной, а чрезъ два года Подполковникомъ (**). Храня вѣрность къ законному Государю, Князь Репнинъ оберегалъ Его въ Троицкомъ монастырѣ во время мятежа Стрѣльцовъ (1689 г.); сопутствовалъ потомъ Петру подъ Азовъ, въ званіи Генералъ-Адъютанта Генерала Головина (1695 г.); явилъ первые опыты своей храбрости при отнятіи у Турковъ, около этой крѣпости, двухъ каланчей, гдѣ найдено 32 пушки. Въ слѣдующемъ году (1696) участвовалъ во взятіи Азова, въ званіи Капитана одного фрегата, подъ главнымъ начальствомъ Лефорта. Въ 1698 году Князь Репнинъ былъ уже Генераломъ (***). Ему поручено, вслѣдъ за тѣмъ, на-

(*) Князья Репнины происходятъ отъ Князей Черниговскихъ. См. *Гербовникъ*, *ч. I.*

(**) Такъ упомянуто въ послужномъ спискѣ Князя А. И. Репнина.

(***) См. *Древн. Рос. Вивліоѳ.*, *изд. второе.*, *ч. IX*, *стр.* 203 *и Журналъ Петра Вел.*, *ч.* 1. *стр.* 3.

брать въ Низовыхъ городахъ одиннадцать пѣхотныхъ полковъ, обмундировать и обучить ихъ (1699 г.) Изъ числа ихъ девять поступили въ его дивизію (1700 г.) и сверхъ того Бутырскій полкъ, который отличался отъ прочихъ красными мундирами. 25-го іюня Репнинъ, на 32 году отъ рожденія, пожалованъ въ *Генералы отъ пѣхоты*, чинъ, соотвѣтствовавшій Генералъ-Аншефу. Тогда возгорѣлась война на Сѣверѣ между двумя Героями, изъ которыхъ одинъ украсилъ себя уже лаврами побѣдителя, другой выступалъ только на поле славы. Репнинъ двинулся къ Нарвѣ, но получилъ на дорогѣ приказаніе отъ Государя, сдавъ предводимое имъ войско Генералъ-Фельдмаршалу Графу Головину, отправиться въ Новгородъ, для набора новой дивизіи. Въ то время пожалованъ онъ Губернаторомъ Новогородской губерніи, и, послѣ Нарвской битвы, привелъ въ надлежащій порядокъ и дополнилъ возвратившіеся полки. На основаніи договора, постановленнаго съ Августомъ II-мъ, Королемъ Польскимъ, Князь Репнинъ былъ отправленъ (въ мартѣ 1701 г.) съ девятнадцатью пѣхотными полками въ Лифляндію, для подкрѣпленія Саксонскаго Фельдмаршала Графа Штейнау. Разбитый Карломъ XII подъ Ригою, Полководецъ Августовъ обратился въ бѣгство, и Репнинъ, занимавшій тогда, по его распоряженію, другой постъ, провелъ безъ всякой потери войско свое чрезъ Друю и Опочку ко Пскову, гдѣ (15 авг.) и соединился съ Генералъ-Фельдмаршаломъ Шереметевымъ. Князь Репнинъ находился потомъ при взятіи Нётебурга, переименованнаго Шлиссельбургомъ (1702 г.), и Нієншанца (1703 г.); получилъ отъ Короля Польскаго

орденъ Бѣлаго Орла; участвовалъ, 8 іюня 1704 г., подъ Нарвою въ слѣдующей военной хитрости: узнавъ чрезъ перехваченное письмо, что Шведы ожидали Генерала Шлиппенбаха съ свѣжимъ войскомъ, Петръ Великій приказалъ двумъ полкамъ пѣхотнымъ и двумъ коннымъ надѣть синіе мундиры, взять Шведскія знамена, и повелъ ихъ къ городу, между тѣмъ, какъ другой отрядъ, въ зеленыхъ мундирахъ, подъ предводительствомъ Репнина и Меншикова, напалъ на мнимыхъ противниковъ. Шведы выслали вспомогательное войско, которое потерпѣло сильное пораженіе. Вслѣдъ за тѣмъ Нарва взята была приступомъ (9 августа). Въ концѣ 1704 года Князь Репнинъ повелъ ввѣренный ему корпусъ къ Полоцку, гдѣ остановился на зимнихъ квартирахъ, тревожа непріятеля партизанскими дѣйствіями. Подъ его командою находилось тогда девять пѣхотныхъ полковъ и пять драгунскихъ. Онъ участвовалъ (1705 г.) во взятіи Государемъ Митавскаго замка; отправленъ (1706 г.) въ Гродно съ пѣхотными полками; имѣлъ разныя стычки съ непріятелемъ, на которыхъ, хотя и оставался побѣдителемъ, но отступалъ къ границамъ, руководствуясь приказаніемъ не давать въ Польшѣ Карлу XII генеральнаго сраженія. «Мы слышали — писалъ къ нему Петръ Великій — «что у васъ былъ бой и, чрезъ милость «Божію, побѣду наши одержали, но со всѣмъ тѣмъ на«добно поступать осторожно. На счастіе отнюдь на«дѣяться не надлежитъ, ибо оно всегда непостоянно.» Король, Шведскій подошелъ къ Гродно (въ янв. 1706 г.). Августъ II повелъ войска свои въ Саксонію. Россіяне, отдаленные отъ главной арміи, оставленные

175122

союзниками, нуждались въ провіантѣ. Имъ надлежало отступить, и маневръ этотъ, казавшійся труднымъ, даже невозможнымъ безъ сраженія, искусно произведенъ Генералъ-Фельдмаршаломъ-Лейтенантомъ Огильвіемъ и Княземъ Репнинымъ. Въ 1707 году Репнинъ снова расположился съ войсками въ Польшѣ. Наступилъ 1708 годъ, достопамятный въ его жизни: армія наша, подъ предводительствомъ Шереметева, занимала, въ началѣ Іюля, близъ мѣстечка Головчина, позицію вдоль по Бабичу. Въ тылу находился лѣсъ; впереди болотистый берегъ, укрѣпленный небольшими шанцами и рогатками. Центромъ командовалъ Фельдмаршалъ; на правомъ флангѣ Генералъ Аларть; на лѣвомъ Фельдмаршалъ-Лейтенантъ Гольцъ и Князь Репнинъ. 14-го числа Карлъ XII-й, пользуясь сильнымъ дождемъ и туманомъ, переправился на разсвѣтѣ черезъ рѣку съ пятью пѣхотными полками, перешелъ непроходимое почти болото и напалъ на дивизію Репнина, отрѣзалъ ее отъ Гольца, принудилъ отступить въ безпорядкѣ къ лѣсу. Репнинъ, охранявшій разныя переправы и мосты, и потому ослабленный въ силахъ, остановилъ бѣжавшихъ и, подъ прикрытіемъ лѣса, возобновилъ битву, удержалъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ натискъ непріятеля; но, разстративъ всѣ заряды, принужденъ былъ удалиться, оставивъ Шведамъ семь пушекъ. Въ этомъ дѣлѣ, съ нашей стороны убито 118 чел., ранено 218 и безъ вѣсти пропало 408. Потеря Шведовъ состояла изъ 255 чел. убитыми и 1219 ранеными (*).

(*) *Адлерфельдъ. Histoire militaire de Charles XII. t. 3. p. 298.*

Недовольный дѣйствіями Репнина, Петръ Великій предалъ его военному суду; приказалъ Меншикову *накрѣпко розыскать виновныхъ, съ перваго до послѣдняго, со всякою правдою, какъ предъ судомъ Божіимъ, учинивъ предъ розыскомъ присягу.* Князь Репнинъ разжалованъ былъ въ солдаты. Вскорѣ представился ему случай отличить себя въ присутствіи Государя. 28-го Сентября, въ двухъ миляхъ отъ Пропойска, подъ деревнею Лѣснымъ, Петръ Великій настигъ Левенгаупта. Меншиковъ, Брюсъ, Голицынъ предводительствовали нашими войсками. Репнинъ стоялъ съ ружьемъ въ рядахъ воиновъ, и видя, что Шведы превосходили числомъ Россіянъ, осмѣлился просить Государя дать грозное повелѣніе, *чтобы находившіеся за регулярною пѣхотою Козаки и Калмыки кололи всѣхъ, кто подастся назадъ.* — «Товарищъ!» — сказалъ тогда Петръ Великій Репнину — «Я еще отъ «тебя перваго слышу такой совѣтъ, и чувствую, что «мы не проиграемъ баталіи.» — Отчаянная битва продолжалась болѣе шести часовъ; 16 пушекъ, 42 знамень и штандартовъ и 2673 чел. плѣнныхъ достались побѣдителямъ. На полѣ сраженія сочтено 8000 непріятельскихъ тѣлъ. Подъ Лѣснымъ Князь Голицынъ (*), предводительствовавшій центромъ, покрылъ себя безсмертною славой, *сражался какъ левъ.* Петръ Великій разцѣловалъ его на мѣстѣ битвы, пожаловалъ ему портретъ Свой, осыпанный брилліантами, чинъ Генералъ-Поручика и предоставилъ просить еще чего

(*) См. біографію Князя Михаила Михайловича Голицына.

пожелаетъ. «Прости Репнина» — сказалъ великодушный герой, забывъ вражду свою съ опальнымъ и уважая храбрость его. Черта, рѣдко встрѣчаемая въ наше время! Вслѣдъ за тѣмъ Князь Репнинъ снова, въ чинѣ Генерала, принялъ начальство надъ дивизіею, расположенною въ Малороссіи. 27-го Іюня (1709 г.), въ день знаменитой битвы Полтавской, Репнинъ командовалъ центромъ арміи, состоявшимъ изъ двѣнадцати пѣхотныхъ полковъ, и за мужественные подвиги свои удостоенъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго; награжденъ деревнями. Отъ Полтавы Князь Репнинъ съ ввѣренною ему дивизіей пошелъ въ Лифляндію участвовалъ въ блокадѣ Риги, и когда Фельдмаршалъ Графъ Шереметевъ отозванъ былъ въ Москву съ Генераломъ Алартомъ, для присутствованія при торжественномъ въѣздѣ Государя, принялъ, 7-го Ноября, главное начальство надъ арміею; продолжалъ бомбардировать Ригу; прервалъ, посредствомъ устроенныхъ батарей, сообщеніе осажденныхъ съ Динамюндомъ; взорвалъ на воздухъ пороховой магазинъ; превратилъ въ кучу развалинъ внутренность цитадели; разрушилъ часть вала, прилегавшаго къ Двинѣ; сдалъ 11 Марта (1711 г.) предводительство Фельдмаршалу. Еще храбрый Генералъ-Губернаторъ Рижскій Штрембергъ защищалъ нѣкоторое время ввѣренный ему городъ, представлявшій груду камней; наконецъ, принужденъ былъ просить перемирія и согласился на сдачу: 4-го Іюля Репнинъ первый вошелъ въ Ригу, съ нѣсколькими полками; Фельдмаршалъ Графъ Шереметевъ имѣлъ торжественный въѣздъ 12-го числа. Тогда Князь Никита Ивановичъ, за военные подвиги свои, пожало-

ванъ Рижскимъ Генералъ-Губернаторомъ и, по случаю отъѣзда Фельдмаршала (въ Авг.), начальствовалъ надъ войсками, разставилъ ихъ въ окрестностяхъ города, въ которомъ свирѣпствовали болѣзни и множество умирало людей. Въ 1711 г. возгорѣлась война съ Турціею. Князь Репнинъ получилъ приказаніе присоединиться съ дивизіею къ арміи Графа Шереметева; командовалъ авангардомъ въ достопамятный походъ къ Пруту и, когда войско наше было окружено многочисленнымъ непріятелемъ, объявилъ, вмѣстѣ съ прочими Генералами, желаніе *лучше умереть нежели поддаться.* Онъ состоялъ вторымъ, послѣ Меншикова, начальникомъ корпуса, высланнаго въ Померанію; держалъ въ осадѣ Штетинъ (1712 г.); овладѣлъ подъ Фридрихштадтомъ нѣсколькими укрѣпленіями; содѣйствовалъ Князю Ижерскому во взятіи Тенингена; отобралъ, по приказанію Фридриха IV, отъ Шведскаго Фельдмаршала Штенбока найденныя въ крѣпости орудія, знамена, ружья и прочіе воинскіе снаряды; получилъ отъ Короля Датскаго орденъ Слова; участвовалъ во взятіи Штетина (1713 г.) (*); квартировалъ съ дивизіею въ Смоленской губерніи (1714 г.); возвратился въ Ригу 30 Мая, и расположилъ войска лагеремъ въ окрестностяхъ города. — Петръ Великій, отдыхая отъ военныхъ трудовъ, пригласилъ въ исходѣ 1714 года въ Петербургъ многихъ Вельможъ, и въ томъ числѣ Князя Репнина, на маскарадную свадьбу стараго наставника своего Зотова, носившаго титулъ *Князя Папы.* Всѣ гости, равно какъ и Государь, при-

(*) См. біографію Князя Меншикова.

сутствовали на оной и разъѣзжали потомъ (съ 16 янв. 1715 г.) въ разнохарактерныхъ одеждахъ, въ длинныхъ линеяхъ, по городу, веселясь такимъ образомъ до февраля мѣсяца. Репнинъ (съ Графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, двумя Князьями Долгоруковыми и Рагузинскимъ) представлялъ Венеціянина и имѣлъ въ рукахъ свирѣль. Меншиковъ, Апраксинъ, Брюсъ, Вейде нарядились Гамбургскими Бургомистрами и играли на рыляхъ; Подканцлеръ Шафировъ, чрезвычайно тучный, находился въ числѣ скороходовъ; Канцлеръ Графъ Головкинъ и славный Долгоруковъ, безтрепетно говорившій правду Петру, играли на дудочкахъ, въ Китайскихъ платьяхъ; Государь былъ въ барабанъ. — Въ Маѣ (1715 г.) Князь Репнинъ вступилъ съ дивизіею своею въ Курляндію и защищалъ морской берегъ отъ непріятеля; въ 1716 году былъ въ Копенгагенѣ, во время предпамѣреваемой Петромъ Великимъ высадки войскъ въ Шонію; расположилъ, потомъ, въ Мекленбургіи ввѣренные ему полки и, въ началѣ 1717 года, занялъ въ Польшѣ Воеводства: Хельминское, Плоцкое, Мазовецкое и Любельское; принудилъ Данцигскій Магистратъ (1718 г.) къ уплатѣ наложенной Государемъ контрибуціи, 140,000 ефимковъ; не участвовалъ въ утвержденіи смертнаго приговора Царевичу Алексію. Съ того времени, Князь Аникита Ивановичъ, возвратясь въ Ригу, пять лѣтъ управлялъ ввѣренною ему губерніею. Въ 1724 году (20 Янв.) пожалованъ онъ, вмѣсто Меншикова, Президентомъ Военной Коллегіи съ сохраненіемъ званія Рижскаго Генералъ-Губернатора, а 7-го Мая, въ день коронованія Петромъ Великимъ Екатерины, получилъ достоинство Генералъ-

Фельдмаршала (*). Князь Репнинъ находился въ Петербургѣ, когда Екатерина I возведена была на Престолъ отважнымъ Меншиковымъ (1725 г.). Онъ желалъ, вмѣстѣ съ Голицыными, Трубецкими, Долгорукovыми, Головкинными, воцаренія юнаго Великаго Князя Петра Алексѣевича, но Меншиковъ превозмогъ, имѣя на своей сторонѣ Синодъ, гвардію и флотъ. Тогда Князь Аникита Ивановичъ, получившій, съ прочими Андреевскими кавалерами, орденъ Св. Александра Невскаго въ день учрежденія онаго (21 мая 1725 г.), удалился отъ придворныхъ интригъ въ Ригу, гдѣ скончался 3-го іюля 1726 года, на 58-мъ году отъ рожденія. Останки его покоятся въ тамошней Россійской церкви, преображенной имъ изъ Лютеранской въ Православную и находящейся въ крѣпости. Доселѣ виситъ въ ней гербъ Князя Репнина.

Къ чести Князя Аникиты Ивановича, служившаго безпрерывно отечеству сорокъ три года, должно упомянуть, что онъ терпѣливо переносилъ всѣ непріятности, постигшія его въ многотрудной жизни; пострадалъ, въ 1708 году, невинно, по оговору Меншикова, ибо при Головчинѣ дивизія его, на которую внезапно напалъ Карлъ XII-й, была ослаблена разными откомандировками отрядовъ; Репнинъ не получилъ никакого подкрѣпленія отъ своихъ, и совсѣмъ тѣмъ, остановя бѣжавшихъ, защищался отчаянно, нанесъ чувствительный вредъ Шведамъ. Потомъ былъ онъ подчиненъ своему обвинителю, не имѣвшему еще ни-

(*) Тогда, кромѣ Князя Репнина, былъ Фельдмаршаломъ въ Россіи только Меншиковъ.

какого значенія, когда Репнинъ служилъ Генераломъ. Утверждаютъ, будто Князь Аникита Ивановичъ, по дѣлу Камергера Монса, отклонилъ Петра Великаго, въ минуту сильнаго гнѣва, отъ мщенія, которое могло бы помрачить безсмертныя Его дѣла. Сынъ Князя Репнина, Князь Василій Аникитичъ, Генералъ-Фельдцейхмейстеръ, предводительствовалъ въ 1748 году Россійской арміею въ Франконіи и былъ главнымъ виновникомъ постановленнаго въ Ахенѣ мира Французскими, Англійскимъ и Голландскими Министрами; внукъ, Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Николай Васильевичъ, извѣстный Полководецъ и Министръ Императрицы Екатерины II-й (*).

РЕПНИНЪ, Князь Николай Григорьевичъ, сынъ Генерала отъ Кавалеріи Князя Григорія Семеновича Волконскаго (**) и старшей дочери Генералъ-Фельдмаршала Князя Николая Васильевича Репнина, Статсъ и Кавалерственной Дамы, Княгини Александры Николаевны, получилъ эту фамилію по кончинѣ своего дѣда, не имѣвшаго сыновей. Онъ родился 28 января 1778 года; обучался, сначала, въ домѣ своихъ родителей, потомъ въ первомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Въ день выпуска (въ 1792 году) на экзаменѣ присутствовала Императрица Екатерина II и обратила на

(*) См. біографію Князя Николая Васильевича Репнина въ моемъ *Словарѣ*, издан. 1836 года, ч. IV, стр. 281 — 308. Б. К.

(**) См. объ немъ въ біографіи Князя Николая Васильевича Репнина.

него особое вниманіе по удовлетворительнымъ отвѣтамъ. Въ числѣ отличныхъ учениковъ замѣтила Она также Коновницына (*) и Голенищева-Кутузова (**); но они и Князь Волконскій, къ удивленію Государыни, не получили никакихъ наградъ. На вопросъ Императрицы: «Почему отличные воспитанники остались «безъ поощренія?» — Ей отвѣчали, что они своекошные. — «Такъ это Мое дѣло наградить ихъ» — возразила Екатерина II-я, и въ тотъ же день прислала имъ офицерскія шпаги. Князь Волконскій, на пятнадцатомъ году отъ рожденія, пожалованъ Прапорщикомъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка. Когда онъ, съ товарищами, явился во дворецъ, для принесенія благодарности Государынѣ, Она подошла къ нимъ, поддерживаемая Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ, и произнесла: «Александръ! «Отцы и дѣды этихъ молодыхъ людей вѣрно и усердно служили Мнѣ, и они также будутъ служить тебѣ: люби и береги ихъ.» — Слезы навернулись на глазахъ юношей, безмолвныхъ, но признательныхъ за лестный отзывъ и попечительное вниманіе. — Познакомясь, въ Кадетскомъ Корпусѣ, съ фрунтовою службою, юный Князь Волконскій продолжалъ ученіе въ домѣ почтеннаго своего дѣда, который нѣжно любилъ

(*) Петра Петровича, въ послѣдствіи Графа, Генералъ-Адъютанта, Генерала отъ Инфантеріи, Военнаго Министра и Главнаго Директора всѣхъ Кадетскихъ Корпусовъ.

(**) Павла Васильевича, потомъ Графа, Генералъ-Адъютанта, Генерала отъ Кавалеріи и Члена Государственнаго Совѣта.

его, самъ слѣдилъ за успѣхами въ наукахъ и языкахъ: отечественномъ, Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англійскомъ; опредѣлилъ къ нему дядькою своего Адъютанта, Петра Прокопьевича Панкратьева, человѣка строгихъ правилъ, добродѣтельнаго (*). Въ 1795 году поступилъ онъ въ дѣйствительную службу и находился, равно какъ и въ 1796, въ арміи нашей, расположенной въ Польшѣ. Тогда былъ онъ уже Поручикомъ Гвардіи, получивъ два чина въ одномъ году (1796). Императоръ Павелъ I-й пожаловалъ его Своимъ Флигель-Адъютантомъ (1797) и перевелъ Лейбъ-Гвардіи въ Гусарскій полкъ. Князю Волконскому было тогда только девятнадцать лѣтъ. Онъ участвовалъ, въ 1799 году, будучи (съ 1798 г.) Штабсъ-Ротмистромъ, въ походѣ въ Голландію Барона Германа фонъ Ферзена, въ завладѣніи тремя укрѣпленными деревнями и небольшимъ городомъ Бергеномъ: двѣ тысячи Французовъ пали на мѣстѣ битвы; тысяча плѣнныхъ и четырнадцать орудій увѣнчали подвиги Россіянъ; Германъ произведенъ былъ въ Генералы отъ Инфантеріи; Князь Волконскій въ Ротмистры; но вскорѣ, первый, увлекаемый своей храбростію и пылкимъ нравомъ, потерпѣлъ совершенное пораженіе отъ непріятеля и взятъ былъ въ плѣнъ. Князь Волконскій возвратился въ столицу, принялъ начальство надъ эскадрономъ Гвардіи Гусарскаго полка, и въ слѣдующемъ году, (1800) пожалованъ Полковникомъ. 12 мая 1801 года имѣлъ онъ несчастіе

(*) См. его біографію въ четвертой части моего *Словаря*, изданнаго 1836 года, стр. 126 и 127.

оплакать кончину своего дѣда и благодѣтеля Генералъ-Фельдмаршала Князя Репнина, который не задолго передъ смертію взялъ съ него честное слово, «что онъ никогда не вступитъ ни въ какое тайное общество (*).» Вслѣдъ за тѣмъ Императоръ Александръ I-й далъ (12 іюля) слѣдующій Указъ Правительствующему Сенату: «Въ ознаменованіе отличнаго Нашего уваженія въ воинскимъ и гражданскимъ подвигамъ Генералъ-Фельдмаршала Князя Репнина, въ память добродѣтелей его и любви къ Отечеству, коими и въ мирѣ и войнѣ, и на службѣ и въ уединеніи, до самого конца жизни своей былъ онъ преисполненъ, и во свидѣтельство, что истинныя заслуги никогда не умираютъ, но, живя въ признательности всеобщей, переходятъ изъ рода въ родъ, согласно его желанію, ближнихъ его родственниковъ и Намъ Самимъ извѣстному, соизволяемъ, чтобъ родный его внукъ, отъ дочери его рожденный, Полковникъ Князь Николай Волконскій, принялъ фамилію его и отнынѣ потомственно именовался *Княземъ Репнинымъ*. Да родъ Князей Репниныхъ, столь славно отечеству послужившихъ, съ кончиною послѣдняго въ ономъ, не угаснетъ, но, обновясь, пребудетъ навсегда, съ именемъ и примѣромъ его, въ незабвенной памяти Россійскаго дворянства!» Въ 1802 году Князь Репнинъ (не именовавшійся болѣе *Княземъ Волконскимъ*, согласно Высочайшему указу) переведенъ въ Кавалергардскій полкъ, гдѣ также командо-

(*) Передано мнѣ Княземъ Николаемъ Григорьевичемъ Репнинымъ. Б. К.

валъ эскадрономъ. Тогда вступилъ онъ въ бракъ съ дочерью Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, Графинею Варварою Алексѣевною, Фрейлиною Высочайшаго Двора, которая съ наружною красотою соединяла душевную, съ образованнымъ умомъ необыкновенную скромность, съ возвышенными правилами любезность обворожительную и увеличила потомъ родовое его имѣніе, состоящее изъ 1680 крестьянъ, 17,000 крестьянами въ Нижегородской, Полтавской и Черниговской губерніяхъ. Съ того времени Князь Репнинъ, не смотря на молодыя лѣта, совершенно перемѣнилъ свой образъ жизни, разсѣянной въ кругу полковаго товарищества: осталась въ немъ одна только прежняя любовь къ славѣ, нераздѣльная съ громкимъ именемъ, которое желалъ онъ поддержать во всемъ его блескѣ. Война съ Франціею, въ 1805 году, исторгла его изъ объятій нѣжной, обожаемой имъ супруги: на Аустерлицкомъ сраженіи, командуя четвертымъ эскадрономъ Кавалергардовъ, остановилъ онъ лѣвое крыло непріятеля, въ то время, какъ наша Гвардейская пѣхота перебиралась за оврагъ; освободилъ ее, но самъ попался въ страшную сѣчу, схваченный съ двухъ сторонъ конными гренадерами и егерями Наполеоновой гвардіи. Эскадронъ его весь былъ истребленъ; уцѣлѣло только 18 человѣкъ. Въ числѣ ихъ находился Князь Репнинъ, тяжело раненый въ голову, и нѣсколько офицеровъ, сражавшихся до истощенія силъ. Всѣ они взяты въ плѣнъ. Послѣ сраженія Наполеонъ отправился въ Позоржицъ. Дорогою встрѣтилъ онъ плѣнныхъ, и узнавъ, что между ними находятся Русскіе гвардейскіе офицеры, спросилъ: «Кто старшій?» — Назвали Полковни-

ка Князя Репнина. «Вы Командиръ Кавалергардскаго «полка Императора Александра?» — спросилъ у него Наполеонъ. — «Я командовалъ эскадрономъ» — отвѣчалъ Князь Репнинъ. — «Вашъ полкъ честно ис«полнилъ долгъ свой» — сказалъ Наполеонъ — «По«хвала великаго Полководца есть лучшая награда сол«дату» — отвѣчалъ онъ. — «Съ удовольствіемъ от«даю ее вамъ» — возразилъ Наполеонъ, и спросилъ: «Кто этотъ молодой человѣкъ подлѣ васъ?» — Князь Репнинъ назвалъ Корнета, Графа Сухтелена (*), едва выходившаго изъ отроческихъ лѣтъ, также раненаго. Посмотрѣвъ на него, Наполеонъ сказалъ улыбаясь: «Онъ слишкомъ молодымъ вздумалъ потереться съ на«ми». — «Молодость не мѣшаетъ быть храбрымъ» — смѣло, но выразительно отвѣчалъ Сухтеленъ. — «Офи«церъ одаренъ честію!» — продолжалъ Наполеонъ. — «Это чувство» — возразилъ Сухтеленъ — одушевляетъ «каждаго Русскаго офицера (**).» — Прощаясь съ плѣнниками, Наполеонъ приказалъ отвести ихъ на бивакн его и перевязать имъ раны. По прошествіи нѣкотораго времени, когда Князь Репнинъ, находив·

(*) Графа Павла Петровича Сухтелена, въ послѣдствіи Генералъ-Адъютанта и Оренбургскаго Военнаго Губернатора. Онъ скончался 20 Марта 1833 года, на 47 отъ рожденія.

(**) См. *Описаніе войны* 1805 *года*, сочин. Михайловскаго-Данилевскаго, изд. въ С. Петербургѣ 1844 года, стр. 195, 206 и 207. Разговоръ Наполеона съ семнадцатилѣтнимъ Графомъ Сухтеленомъ помѣщенъ мною здѣсь, безъ всякихъ перемѣнъ, какъ былъ мнѣ переданъ, въ 1807 году, Княземъ Репнинымъ. Б. К.

шійся въ Брюннѣ (гдѣ и Наполеонъ имѣлъ, тогда, пребываніе) началъ выздоравливать, Императоръ Французовъ велѣлъ позвать его къ себѣ и, разспросивъ о ранахъ, сказалъ: «Хочу отправить васъ къ Императору «Александру, и вновь предложить Ему миръ. Намъ не «за что воевать. Скажите Ему, что еслибы Онъ при«нялъ мое приглашеніе и пріѣхалъ на свиданіе со «мною, я покорился бы прекрасной душѣ Его. Выслу«шавъ мысли Императора Александра о способахъ «возстановить миръ въ Европѣ, я согласился бы съ «нимъ. Вмѣсто Себя прислалъ Онъ молодаго человѣ«ка (*), который наговорилъ мнѣ дерзостей, и гдѣ? «среди моихъ колоннъ! Что же вышло? Мы сразились, «и теперь я имѣю право объявлять предложенія. Мы «еще можемъ сблизиться. Пусть Императоръ назначитъ «Полномочнаго въ Вѣну, но только не изъ тѣхъ людей, «какіе въ Его главной квартирѣ. Истина далека отъ «Монарховъ. Александръ родился на Престолѣ, а я «самъ сдѣлался Монархомъ, и что же? Мои прежніе «товарищи, даже мои прежніе начальники не смѣютъ «говорить мнѣ правды. Перейдемъ къ сраженію: что «за странная мысль была у васъ растянуться на о«громное пространство, разобщить колонны? Надобно «держать армію вмѣстѣ, такъ сказать, въ кулакѣ, что«бы вдругъ бросить всю ее въ лице непріятеля. Впро-

---

(*) Князя Петра Петровича Долгорукова, служившаго тогда Генералъ-Адъютантомъ, котораго Императоръ Александръ 1-й удостоивалъ Своею дружбою и особою довѣренностію. Онъ скончался въ 1806 году, на 29-мъ отъ рожденія.

«чемъ Императоръ Александръ долженъ былъ про-«играть сраженіе. Здѣсь его первая, а моя сороковая «битва. Прощайте! Передайте Императору слова мои «и скажите, что я хочу возобновить съ Нимъ друже «скія сношенія.» — Не зная навѣрно о мѣстѣ пребыванія Императора Александра, Наполеонъ совѣтовалъ Князю Репнину ѣхать на Ольмюцъ. Здѣсь засталъ онъ управлявшаго нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ, Князя Чарторижскаго, который отправилъ Князя Репнина обратно въ Брюнь, и поручилъ сказать, что, завѣдывая дѣлами политическими, знаетъ онъ всегдашнюю наклонность Государя къ миру, но не иначе, какъ пришлвъ основаніемъ переговоровъ предложенія, съ коими, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, былъ посланъ Новосильцовъ въ Парижъ, сдѣлавъ, однакожъ, нѣкоторыя въ нихъ измѣненія. Возвратясь въ Брюнь, Князь Репнинъ не засталъ тамъ Французской главной квартиры, и данный ему въ Ольмюцѣ отвѣтъ Князя Чарторижскаго письменно сообщилъ Маршалу Бертье (*). — Въ это время добродѣтельная супруга Князя Репнина находилась уже съ нимъ; заботилась о возстановленіи драгоцѣннаго для нея здоровья его, и, вмѣстѣ, по влеченію ангельской души, съ такимъ же пламеннымъ усердіемъ старалась подавать помощь раненымъ соотечественникамъ, для которыхъ на собственныя свои деньги учредила особою больницу.—За мужественные подвиги въ Аустерлицкомъ сраженіи, Князь Репнинъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 класса, въ 1806 году. Вслѣдъ за тѣмъ онъ, во уваженіе полученныхъ

(*) *Описаніе войны 1805 года*, стр. 239 — 241.

рапъ, уволенъ въ отставку (11 Сентября) Генералъ-Маіоромъ и съ мундиромъ; но продолжалъ служить отечеству въ званіи Уѣзднаго Командира Земскаго войска и кандидата губернскаго начальника, въ которое избранъ Нижегородскимъ Дворянствомъ. По прошествіи двухъ лѣтъ (въ 1808 году), снова онъ принятъ въ службу, тѣмъ же чиномъ, съ повелѣніемъ состоять по Арміи, и въ началѣ 1809 года назначенъ Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ къ брату Наполеона, Вестфальскому Королю Іерониму. Здѣсь Князь Репнинъ умѣлъ во всемъ блескѣ поддержать достоинство представителя великаго Монарха, и своими дипломатическими бумагами, исполненными ума, и дальновидными соображеніями, обратилъ на себя Его вниманіе. Онъ былъ переведенъ въ томъ же званіи, въ 1810 году, къ Испанскому Двору; но возгорѣвшаяся война между Франціею и храбрымъ народомъ, котораго завоеватель подчинилъ другому своему брату, Іосифу, заставила Князя Репнина ожидать въ Парижѣ рѣшеніе упорной борьбы. Въ это время онъ не оставался праздынмъ: наблюдалъ за дѣйствіями Наполеона и сообщалъ нашему Министерству любопытнѣйшія свѣдѣнія о предпріятіяхъ мнимаго союзника, клонившихся къ нарушенію мирнаго договора. Полезная и усердная служба его награждена Императоромъ Александромъ I-мъ, въ 1811 году, орденомъ Св. Анны перваго класса. Наступилъ достопамятный 1812 годъ и Князь Репнинъ явился въ ряду защитниковъ любезнаго отечества: назначенъ, 15 марта, дивизіоннымъ Командиромъ 9-й кавалерійской дивизіи, которая находилась въ корпусѣ Графа Витгенштейна; нѣсколько

разъ посылаиъ былъ съ особымъ отрядомъ, для занятія постовъ и надзора за движеніемъ непріятеля; участвовалъ въ сраженіяхъ: подъ Клястицами, 20 іюля; при Свольнѣ, 30 іюля; подъ Полоцкомъ, 5-го и 6-го августа, гдѣ неоднократно, съ большимъ успѣхомъ, водилъ кавалерію въ атаку на пѣшія и кавалерійскія колонны; во взятіи Полоцка, 6-го и 7-го октября; при Чашникахъ, 20-го октября; награжденъ, *за оказанное имъ мужество и распорядительность*, военнымъ орденомъ Св. Георгія 3-го класса (4-го сентября) и золотою шпагою, украшенною алмазами, съ надписью: *за храбрость*. Въ 1813 году Князь Репнинъ, командуя авангардомъ Графа Витгенштейна, переправился чрезъ Одеръ, близъ крѣпости Кюстрина, занялъ, 20-го февраля, Берлинъ, вытѣснилъ и преслѣдовалъ, съ передовымъ отрядомъ, до Эльбы, корпусъ Французскихъ войскъ, предводимыхъ Вице Королемъ Италійскимъ; назначенъ (8 марта) Генералъ-Адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Онъ находился въ битвахъ: 14-го и 15-го августа подъ Дрезденомъ, 18 числа того-жъ мѣсяца, при Кульмѣ; 4, 6 и 7-го октября въ генеральномъ сраженіи и совершенномъ разбитіи Французской арміи подъ Лейпцигомъ; награжденъ отъ Государя брилліантовыми знаками ордена Св. Анны; отъ Короля Прусскаго лентою Краснаго Орла; получилъ Австрійскій командорственный крестъ Св. Леопольда, и, 8-го Октября, будучи Генералъ-Маіоромъ, именованъ Генералъ-Губернаторомъ Королевства Саксонскаго, на правахъ отдѣльнаго Корпуснаго Командира, съ подчиненіемъ ему Россійскихъ и союзныхъ войскъ, расположенныхъ

въ этомъ Государствѣ. Оставляя, 9-го октября, Лейпцигъ, гдѣ находился Фридрихъ-Августъ, вѣрный союзникъ Наполеоновъ, Государь приказалъ Князю Репнину, въ особенности озаботиться выѣздомъ Короля въ мѣсто назначеннаго ему пребыванія. Затруднительное порученіе было исполнено имъ съ чрезвычайнымъ благоразуміемъ, осторожностію и съ сохраненіемъ должнаго уваженія къ несчастному Монарху. Когда Князь Репнинъ явился къ нему: «Не для того-ли пожалова-«ли»—спросилъ его Фридрихъ-Августъ— чтобы меня «арестовать?»—«Я пришелъ къ Вашему Величеству»— отвѣчалъ Князь Репнинъ — «совсѣмъ съ другою цѣ-«лію: безопасность ваша требуетъ, чтобы вы изволи-«ли оставить этотъ городъ, чрезъ который безпре-«станно проходятъ войска. Отвѣтственность въ охра-«неніи особы вашей лежитъ на мнѣ, а я, съ малымъ «гарнизономъ, не могу ручаться за послѣдствія.» — Фридрихъ-Августъ во второй разъ долженъ былъ покинуть свои владѣнія (*), препровожденъ въ Пруссію, гдѣ твердостію и пожертвованіями умѣлъ сохранить колебавшійся на главѣ его вѣнецъ. — Въ то время когда Союзныя Державы подчинили Генералъ-Губернаторской власти управленіе Саксонскимъ Королевствомъ, страна эта находилась въ совершенномъ разстройствѣ, истощенная послѣдствіями войны, многолѣтнимъ квартированіемъ войскъ, поставками и налогами. Нѣкоторыя провинціи были совсѣмъ опустошены; многіе города и мѣстечки истреблены огнемъ и

(*) Въ 1809 году онъ принужденъ былъ Австрійскими войсками удалиться во Франкфуртъ.

мечемъ, другіе ограблены и лишены даже самаго необходимаго; жители ихъ обращены въ бѣгство. Въ большихъ помѣстьяхъ, въ цѣлыхъ даже приходахъ, не было ни рабочаго, ни племяннаго скота, ни хлѣба для домашняго обихода, ни зерна для обсѣмененія полей. Преимущественно правый берегъ Эльбы не имѣлъ, въ точномъ смыслѣ слова, способовъ продовольствія. Повсемѣстно свирѣпствовали болѣзни, заразы и падежи; тысячи несчастныхъ, осиротѣлыхъ дѣтей бродили безъ пріюта и пристанища; города наполнены были лазаретами, въ которыхъ нѣсколько тысячъ раненыхъ и больныхъ воиновъ разныхъ странъ содержались на счетъ казны. Саксонская армія, за исключеніемъ незначительнаго корпуса въ 5300 человѣкъ, перешедшаго подъ знамена Союзныхъ войскъ, была разсѣяна и терпѣла недостатокъ въ воинскихъ потребностяхъ. Королевскія кассы имѣли въ наличности одинъ только капиталъ въ билетахъ Казначейства, безъ всякой въ то время цѣнности. Государственный кредитъ былъ уничтоженъ, и не представлялось никакихъ средствъ къ его возстановленію; бумажныя облигаціи не имѣли курса. Жители были, такъ сказать, подавлены столь неслыханными бѣдствіями. Правительственныя мѣста не могли дѣйствовать съ силою и твердостію, необходимыми въ такихъ обстоятельствахъ. Весь механизмъ управленія, потрясенный до основанія, не имѣлъ единства и согласія. Дрезденъ, Торгау и Виттенбергъ находились еще въ рукахъ непріятеля: въ стѣнахъ ихъ многочисленные гарнизоны, а предъ стѣнами значительные осадные корпуса, усиливаемые постоянно новыми отрядами Союзныхъ войскъ, требова-

ли продовольствія отъ жителей этой, уже безъ того истощенной, страны! Таково было положеніе Саксоніи. Изъ этого мрачнаго хаоса надлежало Князю Репнину извлечь порядокъ, жизнь и единство; сверхъ того, выставить армію, какой Саксонское Королевство никогда еще не имѣло: вооружить, снабдить всякаго рода воинскими снарядами и продовольствовать двадцать тысячь линейнаго войска, двадцать тысячь земскаго ополченія; выдать жалованье служащимъ, возвысить цѣнность бумажныхъ денегъ и удовлетворить требованіямъ государственныхъ заимодавцевъ. Вотъ краткій очеркъ его дѣйствій, совершенныхъ въ теченіе одного года: недостатокъ въ устройствѣ среднихъ инстанцій уже съ давнихъ временъ былъ ощутителенъ въ Саксонскомъ Королевствѣ. Князь Репнинъ, желая имѣть возможность дѣйствовать на народъ съ бо́льшимъ успѣхомъ, немедленно избралъ нѣсколько особъ, пользовавшихся общимъ довѣріемъ, и назначилъ ихъ въ качествѣ Коммиссаровъ отъ Правительства, для каждой области по одному. Имъ подчинены были Окружные Коммиссары, коихъ также было по одному въ каждомъ Округѣ и которымъ преимущественно порученъ надзоръ надъ мѣстною полиціею. Сверхъ того, размѣщены въ главнѣйшихъ городахъ, и предпочтительно на этапныхъ дорогахъ, воинскія команды, для охраненія общественнаго спокойствія и народной безопасности. Какъ устройство прежней Дрезденской полиціи оказалось далеко не соотвѣтствующимъ своему предназначенію, то, по распоряженію Князя Репнина и подъ главнымъ надзоромъ Генеральной Полицейской Дирекціи, учреждена была

Городовая Полицейская Коллегія, которая состояла изъ Предсѣдателя Городовой Полиціи, нѣкоторыхъ членовъ Городоваго Совѣта, въ качествѣ Совѣтниковъ, девяти Полиціи-Капитановъ, такого же числа Поручиковъ и шестидесяти полицейскихъ жандармовъ. Въ судопроизводствѣ сдѣланы измѣненія, которыя, на первый только случай, оказались совершенно необходимыми. Для обнародованія законовъ и всякихъ другихъ распоряженій Правительства началась издаваться газета, за незначительную плату. Чтобы оказать пособіе городамъ и лицамъ, пострадавшимъ отъ войны, учреждена *Вспомогательная Коммиссія*. Въ распоряженіе ея предоставлены были триста тысячь талеровъ земскими облигаціями, отъ заіма, открытаго у Рейхенбаха и комп. въ Лейпцигѣ. Продажею, а частію отдачею въ залогъ этихъ облигацій, Коммиссія приведена въ возможность получить въ скоромъ времени достаточную для первоначальныхъ ея дѣйствій наличную сумму. Сверхъ того отданы въ ея вѣдѣніе всѣ поступившіе въ Экспедицію о доходахъ, по день Св. Михаила 1814 г., хлѣбные припасы. Независимо отъ сего ввѣрено ей управленіе и распредѣленіе суммами, полученными отъ благотворителей, въ томъ числѣ иноземныхъ, преимущественно изъ Англіи, въ пользу пострадавшихъ мѣстъ и ихъ жителей. $^{11}/_{23}$ апрѣля Князь Репнинъ даровалъ потерпѣвшимъ отъ войны различныя льготы въ уплатѣ податей и повинностей; нѣкоторыя изъ нихъ совершенно уничтожены. Озабочиваясь облегченіемъ этого сбора, и вмѣстѣ желая возвысить курсъ бумажныхъ денегъ, онъ издалъ декретъ, которымъ разрѣшилъ уплачивать недоимки би-

летами Казначейства. Недостатокъ въ припасахъ вынудилъ его дозволить безпошлинный ввозъ иностраннаго хлѣба и скота, а также уменьшить пошлину, существовавшую на заграничные крѣпкіе напитки. Обнародованіемъ $\frac{22 \text{ октября}}{3 \text{ ноября}}$ приняты мѣры для заготовленія необходимаго количества дровъ, и разрѣшена безденежная ихъ раздача наиболѣе нуждавшимся. Къ скорѣйшему возстановленію погорѣвшихъ зданій послужило распоряженіе Князя Репнина, чтобы казна вознаграждала убытки, понесенные жителями отъ пожаровъ, которые были причинены непріятельскимъ нашествіемъ. Сверхъ того дарованы имъ разнаго рода облегченія и разсрочки въ платежѣ за лѣса, отпускаемые изъ казенныхъ дачъ. Дороги были исправлены; приняты мѣры для охраненія почтъ вообще и ускоренія экстра-почтъ. Возстановлены сообщенія съ нѣкоторыми чужестранными Державами, и учреждена ежедневная почта въ Богемію. Приведенъ къ окончанію проектъ закона объ улучшеніи состоянія жидовъ. Возстановленіемъ церковныхъ торжествъ поддержаны и возвышены въ народѣ чувства религіознаго благоговѣнія. Публичные праздники имѣли цѣлью веселить народъ, скорбящій подъ игомъ столь великихъ бѣдствій. Заслуги и дарованія были награждаемы. Доступъ къ Генералъ-Губернатору открытъ для каждаго. Всякій проситель, если только требованіе его заслуживало вниманія, былъ, по возможности, удовлетворяемъ, и ни одна просьба не оставалась безъ надлежащаго разсмотрѣнія. Въ финансовомъ и экономическомъ отношеніяхъ произошли слѣдующія измѣненія: во всѣхъ частяхъ придворнаго штата сдѣланы

всевозможныя ограниченія: жалованье Каммергерамъ и Каммеръ-Юнкерамъ прекращено; дѣйствительно же нуждающимся въ этомъ пособіи назначены пенсіи; Швейцарская гвардія распущена; Придворная аптека (содержаніе которой требовало значительныхъ издержекъ) отдана на откупъ, и, вмѣсто прежнихъ расходовъ, начала приносить доходъ въ 13 т. тал.. Дворцовыя Экспедиціи переобразованы: служащимъ въ оныхъ опредѣлены соотвѣтственные ихъ должностямъ оклады; оставшимся за штатомъ назначены пенсіи или единовременныя вспомоществованія (*). Какъ политическія выгоды Саксоніи находились въ то время подъ защитою Союзныхъ Державъ, и она не имѣла надобности посылать дипломатическихъ агентовъ къ иностраннымъ Дворамъ, то опредѣленныя на тотъ предметъ издержки, простиравшіяся до девяноста тысячь талеровъ, были сбережены, и Посольская касса уничтожена. Королевская охота, чрезъ возвращеніе владѣльцамъ взятыхъ у нихъ на это увеселеніе земель, и посредствомъ отдачи нѣкоторыхъ на откупъ частнымъ лицамъ, стала приносить доходъ отъ 35 т. до 40 т. талеровъ въ годъ, тогда, какъ прежде на ея содержаніе отпускалось ежегодно 35 т. талеровъ. Доходъ по лѣсной части увеличенъ до 31,292 талеровъ. Лѣсная Академія въ Тарандѣ распространена и усовершенствована. Умноженъ также доходъ съ казенныхъ оброчныхъ статей. Конскіе за-

(*) По Придворному вѣдомству сдѣлано было экономіи на пятьсотъ семдесять тысячь талеровъ, со включеніемъ въ эту сумму Каммергерскихъ и Каммеръ-Юнкерскихъ окладовъ, простиравшихся до того на 37900 тал. въ годъ.

воды и земскія случныя конюшни, которыя находились въ Придворномъ вѣдомствѣ, управляемыя Оберъ-Шталмейстерскою Канцеляріею, отданы въ распоряженіе Тайной Финансовой Коллегіи. Приняты мѣры къ уничтоженію разоренія, нанесеннаго имъ военнымъ временемъ, и къ сокращенію значительныхъ расходовъ на ихъ содержаніе. Ежегодно на конскіе заводы требовалось добавочныхъ 136 т. талер. Издержки же, назначенныя новымъ штатомъ, составленнымъ Княземъ Репнинымъ, не превышали 17,700 талеровъ. Устранены также ограниченія, препятствовавшія Саксонцамъ пользоваться случными конюшнями. Изготовленъ новый проектъ завѣданія казенными постройками: всѣ онѣ, какъ вонскія, (за исключеніемъ крѣпостей), такъ придворныя и публичныя, подчинены только одному Главному Строительному Управленію. Между тѣмъ остановлены постройки, въ которыхъ не имѣлось особенной необходимости. Нѣсколько Королевскихъ дворцовъ, требовавшихъ значительныхъ суммъ, тогда какъ оставались безъ всякаго употребленія и пользы, были Княземъ Репнинымъ отчислены изъ Гофмаршальскаго вѣдомства и переданы въ распоряженіе Королевской Тайной Финансовой Коллегіи; находящіяся при нихъ земляныя угодья отданы въ оброчное содержаніе, или назначены на общественныя потребности. Мейссенскій фарфоровый заводъ, на содержаніе котораго отпускалось ежегодно добавочныхъ шестдесять тысячь талеровъ, получилъ совершенно новое преобразованіе: соединенъ съ заводами каменной и фаянсовой посудъ въ Деленѣ и Губертсбургѣ, началъ содержать себя собственными средствами, и сдѣлался въ скорочъ времени новою

отраслью торговли и государственнаго дохода. Любопытно, что Князь Репнинъ улучшилъ выдѣлку вещей на этомъ заводѣ, посредствомъ данныхъ имъ образцовъ и рисунковъ, въ которыхъ изящнѣйшій видъ соединялся съ отличнымъ вкусомъ. Низкій курсъ билетовъ Казначейства, поступавшихъ на уплату половины податей и повинностей, причинялъ государственнымъ доходамъ значительный ущербъ. Чтобы возвысить цѣнность этихъ билетовъ, Князь Репнинъ употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, и заключилъ съ первыми Лейпцигскими банкирами договоръ, которымъ они приняли на себя управленіе вновь учрежденнаго *Размѣннаго Банка*. Этому Банку Князь Репнинъ долженъ былъ отдать остальную часть капиталовъ отъ займа, сдѣланнаго въ Голландіи Королевско-Саксонскимъ Правительствомъ, подъ залогъ коронныхъ брилліантовъ. Но вынужденная мѣра оказалась недостаточною, и когда ежедневно усиливавшіяся требованія угрожали Размѣнному Банку совершеннымъ истощеніемъ, то Князь Репнинъ, для поддержанія онаго, принужденъ былъ заложить находившееся подъ сохраненіемъ, въ Кенигштейнской крѣпости, Королевское серебро. Учрежденіемъ Банка оказалась возможность уничтожить Коммиссію билетовъ Казначейства, и чрезъ то сберечь издержки, сопряженныя съ ея содержаніемъ. Крайняя запутанность финансовъ требовала преобразованія этой важной отрасли Государственнаго управленія, и водворенія въ механизмѣ ея того единства, безъ котораго самыя дѣйствія не могли имѣть желаемаго успѣха. Монастырскія Каммеръ-Коллегіи были уничтожены, и дѣла ихъ переданы въ Тай-

ную Финансовую Коллегію. Дѣла по податямъ и повинностямъ возложены на Главную Податную Коллегію. Этимъ были сбережены довольно значительныя суммы: содержаніе обѣихъ Монастырскихъ Каммеръ-Коллегій обходилось ежегодно въ 13,912 тал., ассигнованныхъ на жалованье, и 3300 тал. на другіе расходы. Должности Окружныхъ и Походныхъ Коммиссаровъ, на обязанности которыхъ лежалъ сборъ денегъ, назначенныхъ Кавалеріи, были уничтожены; самый же сборъ возложенъ на обыкновенныхъ сборщиковъ податей. Окружные и Походные Коммиссары получали: жалованья 6375 тал., прочаго содержанія 4322 тал. Особенно важно преобразованіе, сдѣланное по Казначейскому управленію вообще: поступленіе государственныхъ доходовъ, распредѣленныхъ до того на нѣсколько кассъ, изъ которыхъ каждая дѣйствовала отдѣльно, было ассигновано на одну главную Кассу, которая долженствовала снабжать потребными капиталами всѣ прочія Казначейства. Финансовая бухгалтерія получила также различныя улучшенія, не столь многосложныя, какъ прежде. Учреждена особенная *Депозитная Касса*. Дѣла о продовольствіи и снабженіи войскъ всѣми припасами управлялись до того Тайною Военною Коллегіею и Земскою Коммиссіею. Кругъ дѣйствія обѣихъ былъ столь тѣсно связанъ между собою, что соединеніе ихъ въ одну инстанцію казалось не только необходимымъ для сокращенія письменнаго производства, но и представляло значительныя сбереженія. Цѣль эта достигнута учрежденіемъ *Каммеры для управленія дѣлами военнаго вѣдомства*. Она принесла слѣдующія выгоды: на содержаніе Тайной Военной Коллегіи и Земской Ком-

миссіи отпускалось ежегодно 68,866 талер.; новое же управленіе, со включеніемъ въ расходъ пенсій и единовременныхъ пособій, ассигнованныхъ оставшимся за штатомъ лицамъ, обошлось въ 47,438 талер., слѣдовательно, сбережено уже на первый случай 21,428 тал. ежегодно. Будущій нормальный штатъ Каммеры Военныхъ Дѣлъ опредѣленъ въ 25900 талер. Такимъ образомъ неусыпными трудами и неутомимою дѣятельностію Князя Репнина, въ короткое время приведенъ въ движеніе совершенно разстроенный механизмъ Государственнаго управленія; спокойствіе и общественная безопасность возстановлены и сохранены не нарушимо, и въ такую эпоху, когда, послѣ самой жесточайшей войны, войска нѣсколькихъ Державъ безпрестанно проходили чрезъ Саксонію, по всѣмъ ея направленіямъ. Наружные слѣды опустошенія были всюду изглажены съ неимовѣрною быстротою; города и деревни возстали изъ пепла; земледѣліе и скотоводство начали поправляться; внутренняя и внѣшняя торговля оживилась и предвѣщала самые удовлетворительные успѣхи; выгодные обороты Лейпцигской ярмарки и дѣятельность на фабрикахъ и мануфактурахъ подавали лестнѣйшія надежды; не смотря на множество уничтоженныхъ судовъ, судоходство по рѣкѣ Эльбѣ оживилось; городъ Дрезденъ, который едва можно было узнать въ то время, когда Князь Репнинъ перевелъ туда свое мѣстопребываніе, получилъ прежній видъ и чистоту; разоренный Французами замокъ умалишенныхъ въ Зоннѣнштейнѣ возстановленъ, и устроено нѣсколько домовъ для призрѣнія сиротъ. Относительно вооруженія, Князь Репнинъ вполнѣ испра-

вдалъ ожиданія Союзныхъ Державъ: разсѣянная армія Саксонская, которая на Лейпцигскомъ сраженіи состояла только изъ 5300 человѣкъ, а съ присоединившимся къ ней въ послѣдствіи остаткомъ, имѣла на лицо, въ октябрѣ 1813 г., 7400 пѣхоты и 2587 конницы, была вновь устроена и увеличена до 20,085 пѣхоты и 5344 конницы. Хотя война и болѣзни чрезвычайно уменьшили это войско, а образованіе земскаго ополченія казалось крайне затруднительнымъ, но Князь Репнинъ вооружилъ еще, снабдилъ всѣмъ нужнымъ и отправилъ въ походъ: въ январѣ (1814 г.) шесть тысячъ, въ февралѣ шесть тысячъ и въ мартѣ шесть тысячъ человѣкъ, оставивъ три тысячи въ Королевствѣ. Независимо отъ сего, вооружены имъ двѣ тысячи волонтеровъ, въ числѣ которыхъ болѣе половины конныхъ. Всѣ эти войска удовлетворены сполна жалованьемъ и прочимъ содержаніемъ. Возвратившіеся изъ плѣна офицеры и нижніе чины также получили слѣдуемые имъ оклады. Вдовы и дѣти умершихъ не оставлены безъ призрѣнія. Весь артиллерійскій паркъ и три батареи были возобновлены и вновь вооружены. Куплены лошади для кавалеріи, подъ орудія и обозы, и сверхъ того уплачена часть долга, оставшагося на прежнемъ Правительствѣ за подобныя же поставки. Къ успѣшному сформированію войскъ послужилъ учрежденный Княземъ Репнинымъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, *зеленый крестъ* (нашивный, на лѣвой сторонѣ), который онъ раздавалъ Саксонцамъ въ ознаменованіе добровольнаго участія ихъ въ войнѣ за независимость Германіи, а Россіянамъ за ревностную и усердную службу въ Саксоніи. Князь

Репнинъ не ограничилъ дѣйствій своихъ одною только выдачею всѣхъ прежде пожаловашныхъ пенсіоновъ и кормовыхъ денегъ, но и назначилъ новые тѣмъ лицамъ, которыя имѣли законное на то право. Всего израсходовано, въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ, на пенсіоны, кормовыя деньги и единовременныя вспомоществованія 386,993 талер. Общій же итогъ издержекъ, сдѣлашныхъ при немъ на вооруженіе и обмундированіе войска, простирался до 2,500,000 талер. со включеніемъ въ эту сумму вышепомянутыхъ 386,993 талер. Потерпѣвшія отъ войны зданія военнаго вѣдомства имъ возстановлены; прочія, которыя остались въ прежнемъ видѣ, были содержаны въ величайшей исправности. Инженерная и Артиллерійская Академія и Военная Чертежная Каммера улучшены. Дрезденскія казармы, для облегченія жителей, обращены снова въ первобытное ихъ назначеніе. Жалованье гражданскимъ чиновникамъ, а также всѣ гражданскіе пенсіоны и единовременныя вспомоществованія, были выплачиваемы бездомочно. Билеты Казначейства, которые при вступленіи Князя Репнина въ управленіе Саксоніею сбывались съ трудомъ по 14 и 16 грошей за талеръ, возвышены благоразумными его распоряженіями до 21 гроша. Онъ не только не увеличилъ числа обращавшихся въ народѣ облигацій, но посредствомъ вымѣна, а частію невыпускомъ оныхъ изъ кассъ, успѣлъ исключить изъ оборота около двухъ милліоновъ талеровъ въ билетахъ Казначейства. Въ уплатѣ процентовъ съ государственныхъ долговъ не произошло ни малѣйшей остановки. Необходимо было на этотъ предметъ до шестисотъ тысячъ талеровъ по разно-

родным внутреннимъ займамъ и Голландскому долгу, также 150 т. тал. въ счетъ занятыхъ 365,200 талеровъ у торговаго дома Рейхенбаха и Комп.. Князь Репнинъ, не смотря на встрѣченныя имъ препятствія при изысканіи источниковъ для пополненія столь значительнаго, въ то время, капитала, умѣлъ удовлетворить срочные платежи бездепмочно, и посредствомъ пріобрѣтеннаго довѣрія возвысилъ денежный курсъ на степень, въ какой онъ никогда еще не находился въ самое цвѣтущее правленіе Короля. Возстановленіемъ кредита послужило ему слѣдующее событіе при самомъ вступленіи его въ должность Генералъ-Губернатора Саксоніи: одному поставщику надлежало получить изъ Казны болѣе девятисотъ тысячъ талеровъ. Главное Финансовое Управленіе соглашалось выдать ему самую ничтожную часть; но Князь Репнинъ, простирая взглядъ свой далѣе видимыхъ предметовъ, приказалъ удовлетворить его сполна. «Государствен-«ная касса»—произнесъ онъ тогда—«совершенно ни-«чтожна въ сравненіи предстоящихъ потребностей; «Финансовое положеніе наше всѣмъ извѣстно; но ко-«гда мы вдругъ уплатимъ такую огромную сумму, то, «при новомъ Россійскомъ управленіи Саксоніею, за-«ставимъ думать, что казна находится въ лучшемъ «положеніи, нежели въ какомъ ее считаютъ, и мы «пріобрѣтемъ кредитъ, который намъ болѣе всего ну-«женъ.» Займы, сдѣланные Княземъ Репнинымъ въ разныхъ мѣстахъ для Королевскихъ кассъ, сполна имъ уплачены, за исключеніемъ 100 т. талер. Лейпцигскому купечеству и 51 т. талер. нѣкоторымъ лицамъ Верхней Лузаціи. Значительные расходы и скудность

средствъ не воспрепятствовали ему заняться многими постройками: взорванные своды Дрезденскаго моста чрезъ Эльбу были имъ исправлены. Въ средине поставлено распятіе съ латинскою надписью: *Александръ возстановилъ, что Галлы сокрушили.* Мостъ Мейссенскій, необходимый для внутреннихъ сообщеній, потребовалъ большихъ издержекъ на возобновленіе; но, въ теченіе года, былъ также отдѣланъ съ прилегающимъ къ оному шоссе. Устройство плотины близъ Торгау, имѣвшей цѣлью охранять тамошнюю страну отъ ежегодныхъ разлитій Эльбы, обошлось еще дороже. Князь Репнинъ распорядился и исправленіемъ плотинъ близъ Ангальтской границы, далъ приказаніе составить проектъ для соединенія ихъ съ Ангальтскими. На всѣ эти постройки ассигновано, по смѣтѣ, 130,424 тал., изъ которыхъ 56,282 талер. дѣйствительно выданы. Окрестности Дрездена были разорены Французами. Желая возвратить столицѣ Саксоніи ея украшенія, а жителямъ увеселительныя мѣста, Князь Репнинъ обратилъ вниманіе и на этотъ предметъ. Большой садъ, паркъ рѣдкой красоты, получилъ прежній видъ и открытъ для публики. Князь Репнинъ, охотникъ до садоводства, развелъ въ немъ обширный разсадникъ плодоносныхъ деревьевъ. Брюльская терасса, извѣстная своею красивою архитектурою и прелестнымъ мѣстоположеніемъ внутри города, сдѣлана доступною для жителей, возведеніемъ большой открытой лѣстницы (*). На томъ мѣстѣ, гдѣ въ отдаленныя времена стояла

(*) На эту лѣстницу и возобновленіе Дрезденскаго мо-

страшная статуя, въ видѣ женщины съ серпами въ рукахъ, которая разсѣкала въ своихъ объятіяхъ осужденнаго на смерть, низвергая кровавые останки въ Эльбу, Князь Репнинъ, чтобы изгладить въ народѣ горестное воспоминаніе, соорудилъ красивый, увеселительный домикъ. Сверхъ исчисленныхъ здѣсь построекъ, исправлены при Князѣ Репнинѣ всѣ береговыя поврежденія Эльбы отъ разлива весенних водъ, равно разоренныя Королевскія зданія въ дворцовыхъ и другихъ коронныхъ имѣніяхъ. Онѣ и частныя владѣнія нуждались въ домашнемъ скотѣ и въ хозяйственныхъ обзаведеніяхъ; арендаторы, по случаю понесенныхъ убытковъ, не могли вносить бездоимочно условленной откупной суммы. По этой причинѣ (не смотря на оказанное имъ пособіе) съ этихъ имѣній, при Князѣ Репнинѣ, получено дохода противъ 1812 года менѣе 611,068 талер. Опустошенныя Французскими и Польскими войсками овчарни въ Реппердорфѣ и Ломнѣ приведены въ прежнее хорошее устройство. Владѣльцамъ фабрикъ сдѣланы денежныя ссуды на 46,000 талер., другимъ разсрочены платежи оказанныхъ имъ до того денежныхъ пособій. Науки, художества и общественное образованіе также не были оставлены Княземъ Репнинымъ безъ должнаго вниманія. Минеральный Кабинетъ Вернера, единственный въ своемъ родѣ по богатству и полнотѣ, купленъ для Фрейбергской Горной Академіи

ста, Князь Репнинъ, для уменьшенія Государственныхъ расходовъ, пожертвовалъ слѣдуемыя ему изъ Казны деньги по званію Генералъ-Губернатора.

за 40,000 талер. Библіотека умершаго Оберъ-Ландбаумейстера Гауптмана, драгоцѣнное собраніе произведеній искусствъ и книгъ по части архитектуры, а также собраніе сочиненій по части минералогіи Надворнаго Совѣтника Титіуса, были пріобрѣтены для общественнаго употребленія. Вмѣсто существовавшей въ Дрезденѣ, и въ военное время совершенно разоренной Медико-Хирургической Коллегіи, учреждена Княземъ Репнинымъ *Медико-Хирургическая Военная Академія* съ двумя Клиниками, по 18 кроватей въ каждой, и больницею для неимущихъ жителей города. Преподаваніе наукъ вѣрено было девяти Профессорамъ. Академія Художествъ увеличена и вновь переобразована. Чтобы дать Правительству болѣе средствъ и способовъ содѣйствовать къ улучшенію театровъ, уничтожены контракты съ прежними содержателями, по полюбовному съ ними соглашенію; куплены у нихъ машины и всѣ нужныя вещи, а театры вѣрены особому Интендантству. Кадетскій и Пажескій Институты соединены подъ названіемъ *Военной Академіи*. Лангово частное заведеніе для воспитанія юношества, въ Тарандѣ, Дрезденскій Фламинга Институтъ слѣпыхъ и Институты повивальныхъ бабокъ и глухонѣмыхъ въ Лейпцигѣ получили значительныя вспомоществованія. На всѣ эти издержки, Князь Репнинъ не имѣлъ другихъ источниковъ, кромѣ обыкновенныхъ доходовъ; но и тѣ, по причинѣ совершеннаго разоренія одной части Королевства и истощенія всѣхъ вообще провинцій, поступали медленно и не въ полномъ количествѣ. Такимъ образомъ осталось въ недоимкѣ $18\frac{3}{4}$ года 910,122 талер.; въ наличности же по-

лучено при Князѣ Репнинѣ только 700,000 тал., а Котбусскій Округъ, платившій ежегодно 90 т. талер., ничего не взнесъ. За исключеніемъ *центральной подати*, о которой упоминается ниже сего и которая употреблена не на государственные расходы, а имѣла совершенно другое назначеніе, не было дѣлаемо никакихъ чрезвычайныхъ налоговъ; напротивъ, Центральная Касса получила въ ссуду изъ Королевскихъ кассъ наличною монетою 185 т. тал. и облигаціями 740 т. тал. Вспомогательныя средства состояли: изъ уплаченныхъ, въ счетъ податей, семи сотъ тысячь талер.; оставшихся отъ прежняго Голландскаго займа двухъ сотъ тысячь талер.; занятыхъ подъ залогъ Королевскаго серебра ста шестидесяти тысячь талер. (эти двѣ послѣднія суммы были исключительно употреблены на составленіе капитала для *Размѣннаго Банка);* изъ Королевско-Удѣльной суммы, ста шести тысячь двухъ сотъ восьмидесяти одного талер., и изъ занятыхъ у нѣкоторыхъ купцовъ Лейпцига и Верхней-Лузаціи ста пятидесяти семи тысячь талер., и того одного милліона, трехъ сотъ двадцати трехъ тысячь, двухъ сотъ восьмидесяти одного талера. — Окончивъ очеркъ внутренняго управленія Князя Репнина Саксоніею, разсмотримъ дѣйствія учрежденной имъ *Центральной Кассы* на удовлетвореніе расходовъ по содержанію иностранныхъ войскъ. При вступленіи его въ управленіе Королевствомъ, нѣкоторыя крѣпости Саксонскія были заняты непріятельскими гарнизонами и осаждаемы значительными корпусами Союзныхъ Державъ. Въ лазаретахъ лежало около пятидесяти тысячь раненыхъ и больныхъ воиновъ разныхъ странъ. Правительство обязано

было содержать шпоземные гарнизоны: въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ и въ другихъ городахъ; учредить Комендантства и воинскіе постои на этапныхъ дорогахъ. Сверхъ сего, Россійская трехъ-сотъ-тысячная армія проходила чрезъ Саксонію. Все это требовало значительныхъ издержекъ, между тѣмъ, какъ финансы находились въ совершенномъ истощеніи. Оставалось одно только средство выйти изъ затруднительнаго положенія: прибѣгнуть къ палогу двухъ милліоновъ таллеровъ; но означенную сумму не возможно было выручить съ поспѣшностію, а ежедневные расходы не терпѣли отсрочекъ. Надлежало дѣйствовать кредитомъ, который пріобрѣтается только временемъ, и Князь Репнинъ, посредствомъ точныхъ исчисленій, искусныхъ оборотовъ, совершеннаго знанія дѣла и вѣрнаго исполненія всѣхъ принятыхъ имъ условій, достигъ до того, что облигаціи *Центральной Кассы* получили цѣнность, почти равную деньгамъ. Ими и списканнымъ довѣріемъ, также патріотическими вспомоществованіями Лейпцигскаго купечества, совершенно устранень недостатокъ, угрожавшій Саксоніи, прикрыты сполна всѣ расходы, и Королевство снабжено съ избыткомъ и безъ всякаго промедленія времени, изъ иностранныхъ Державъ, необходимыми продовольственными припасами (*). Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1814 года Высочайше нове-

(*) Подробности объ управленіи Князя Репнина Саксоніею почерпнуты мною изъ *Обозрѣнія онаго*, изданнаго, на Нѣмецкомъ языкѣ, въ Дрезденѣ, 1815 года, на сорока страницахъ. Я обязанъ этою книжкою другу моему, Дѣйств: Ст: Сов: Алексѣю Осиповичу Имберху, который

лѣно Князю Репнину, съ согласія Австріи и Англіи, сдать управленіе Саксоніею Пруссіи, и смѣнить наши войска Прусскими. Тогда Министръ Фридриха-Вильгельма, Баронъ фонъ деръ Рекъ, и Генералъ-Маіоръ Баронъ Гауди приняли начальство въ Дрезденѣ. 26 числа Князь Репнинъ простился со всѣми сословіями, и въ сильной, краснорѣчивой рѣчи изложилъ отчетъ своего управленія; выхваляя кроткое сорокапятилѣтнее царствованіе Фридриха-Августа и преданность Саксонцевъ къ несчастному Монарху, утѣшилъ ихъ тѣмъ: *что Саксонія останется Саксоніею*; что свободная конституція упрочитъ политическое бытіе Королевства и счастіе гражданъ; что подъ мощнымъ скипетромъ Фридриха-Вильгельма и его преемниковъ, оно не будетъ болѣе подвержено военнымъ опустошеніямъ; что Король Прусскій, великій въ несчастіи, великодушный въ благополучіи, займется обезпеченіемъ ихъ участи; что въ немъ найдутъ они сильнаго покровителя, заслуживающаго любовь и повиновеніе искреннее, безпредѣльное; что они, безъ сомнѣнія, сохранятъ память и о Другѣ его, Императорѣ Александрѣ, который содѣйствовалъ устройству будущаго ихъ счастія. Въ заключеніе произнесъ: «Теперь никакія служебныя сно«шенія не соединяютъ меня болѣе съ вами; но искренняя «привязанность къ вамъ прекратится только съ моею

долго служилъ подъ начальствомъ Князя Репнина, пользовался его довѣренностію, и сохранилъ къ нему живѣйшую признательность за предѣлами гроба. Онъ также сообщилъ мнѣ разныя любопытныя свѣдѣнія о Князѣ Репнинѣ. Б. К.

«жизнію. Вся слава моя, все мое благополучіе заклю-«чаются въ снискапномъ мною уваженіи вашемъ, въ «вашей дружбѣ. Саксонцы! вспоминайте иногда о че-«ловѣкѣ, который въ теченіе года блаженствовалъ «среди васъ.»—7-го ноября выѣхалъ онъ изъ Дрездена въ Вѣну, гдѣ находился Государь Императоръ. Россійскія и Саксонскія войска, составлявшія Дрезденскій гарнизонъ, стояли въ парадѣ, отъ дворца до городскихъ воротъ, и простились съ любимымъ Начальникомъ громкими восклицаніями *ура!* Въ Пирнѣ, гдѣ онъ остановился обѣдать, жители Дрездена приготовили ему праздникъ, въ домѣ, убранномъ съ отличнымъ вкусомъ и украшенномъ его вензелями изъ цвѣтовъ. Дня за два до отъѣзда Князя Репнина, соотечественники, находившіеся подъ его начальствомъ въ Дрезденѣ, дали ему великолѣпный балъ и ужинъ въ Шенберговомъ дворцѣ: приглашенныхъ было болѣе 600 человѣкъ. Къ чести Князя Репнина должно присовокупить, что онъ рѣдкою добротою своего сердца, привѣтливостію и строгимъ правосудіемъ умѣлъ снискать въ Саксоніи общую любовь. Всѣ дѣйствія его въ управленіи Королевствомъ имѣли основаніемъ выгоды Государственныя и облегченіе народа. Представляя первое лице, будучи уполномоченъ неограниченною властію, онъ ограждалъ себя осторожностію: уважалъ въ отсутствовавшемъ Королѣ достоинство его, несчастную участь, любовь къ нему Саксонцевъ; жилъ не во дворцѣ; велѣлъ запечатать Королевскую ложу въ Дрезденскомъ театрѣ и загородный дворецъ въ Пильницѣ. Фридрихъ-Августъ, принявъ бразды правленія, въ 1815 году, хотя и лишилъ подданныхъ своихъ на-

градъ и мѣстъ, полученныхъ имп отъ бывшаго Генералъ-Губернатора, но не перемѣнилъ хода дѣлъ и устроеннаго имъ порядка, — столь благоразумны и полезны были всѣ введенія его. Государь Императоръ произвелъ Князя Репнина, 5 марта 1814 года, въ Генералъ-Лейтенанты, и препроводилъ къ нему, въ августѣ мѣсяцѣ, орденъ Св. Владиміра второй степени. Въ октябрѣ онъ получилъ отъ Короля Прусскаго ленту Чернаго Орла и сто тысячь талеровъ. — Увеселенія, оживлявшія Вѣну во время Конгресса, были прерваны, въ 1815 году, неожиданнымъ появленіемъ Наполеона и бѣгствомъ изъ Парижа Людовика XVIII: война за спокойствіе Европы возобновилась, и Князь Репнинъ, находившійся при Государѣ, участвовалъ во второмъ походѣ во Францію. Тогда онъ получилъ отъ Короля командорственный крестъ Св. Людовика. Въ слѣдующемъ году, 22 іюля, Государь опредѣлилъ его Военнымъ Губернаторомъ въ Малороссію, съ подчиненіемъ ему гражданскихъ дѣлъ въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской. Въ этомъ почетномъ званіи оставался онъ восемнадцать лѣтъ, посвящая все свое время, съ трехъ часовъ по полуночи (*), службѣ, стараясь искоренять зло, давая быстрое движеніе дѣламъ, водворяя повсемѣстно порядокъ и благоустрой-

---

(*) Сочинитель этой біографіи, служившій пять лѣтъ въ Малороссіи, подъ начальствомъ Князя Репнина, сначала Чиновникомъ особыхъ порученій, потомъ Правителемъ его Канцеляріи, являлся къ нему каждый день въ это время, и занимался съ нимъ дѣлами, когда всѣ покоились въ городѣ. Б. К.

ство, заботясь объ улучшеніи городовъ и дорогъ, и удѣляя свободныя минуты садоводству, любимому его занятію. Къ достопамятнымъ подвигамъ, совершеннымъ Княземъ Репнинымъ въ Малороссіи, принадлежатъ: открытіе болѣе 50,000 прописныхъ душъ и отысканіе дѣлателей и переводителей фальшивыхъ ассигнацій: посредствомъ принятыхъ имъ дѣятельныхъ и благоразумныхъ мѣръ, уничтожены внѣ Высочайше ввѣреннаго ему управленія пять фабрикъ, промышлявшихъ этимъ ремесломъ. При самомъ вступленіи въ управленіе Малороссіею, онъ обратилъ вниманіе на множество тяжбъ, въ которыя мнимые законовѣдцы, жившіе ябедою, вовлекали людей слабыхъ, довѣрявшихъ имъ, расторгая священныя связи дружбы и родства. Князь Репнинъ, силою предоставленной ему власти, преслѣдовалъ злонамѣренныхъ; но дѣла, заведенныя ими съ давнихъ лѣтъ, имѣли свое теченіе, хотя и не поступали при немъ въ такомъ числѣ. Въ 1817 году Императоръ Александръ осчастливилъ Своимъ посѣщеніемъ Малороссію, и въ разговорахъ съ Военнымъ Губернаторомъ о безчисленныхъ тяжбахъ, изъявилъ волю, чтобы прекращали ихъ миромъ; а для бо́льшаго успѣха, уполномочилъ его обнадежить посредниковъ Высочайшими наградами и благоволеніемъ. Это лестное порученіе было возложено Княземъ Репнинымъ на Губе́рскихъ и Уѣздныхъ Маршаловъ Дворянства. «Кому приличнѣе» — писалъ онъ къ нимъ — «принять участіе въ дѣлахъ, порождающихся между Дворянами, какъ не Маршаламъ ихъ? Бывъ «избираемы цѣлыми обществами, они, съ жезломъ «предводительства, получаютъ доказательства общаго

«къ нимъ уваженія и довѣрія; болѣе другихъ должны «беречь честь своего сословія, и устранять оскорбле- «ніе, падающее на ихъ край; обязаны быть приме- «ромъ добродѣтелей, ревностными исполнителями воли «Государя и законовъ, попечителями о благѣ об- «ществъ. Какая же добродѣтель можетъ быть выше «примиренія враждующихъ? Она постановлена Спаси- «телемъ въ числѣ первѣйшихъ христіанскихъ, а Вели- «кій Государь нашъ примѣромъ Своимъ призываетъ «насъ къ ревностному послѣдованію. Прекращеніемъ «тяжбъ, обременяющихъ и оскорбляющихъ Правитель- «ство, исполнится Священная воля Его, и согласіе «водворится въ кругу вашемъ съ спокойствіемъ, а «возмутители онаго, живущіе ябедою, лишенные воз- «можности, для собственной пользы вредить другимъ, «накажутся общимъ презрѣніемъ». — Воззваніе Князя Репнина было увѣнчано полнымъ успѣхомъ: многія раз- орительныя тяжбы вскорѣ прекращены миромъ. Онъ отправилъ, 21 ноября 1817 года, къ Государю спи- сокъ дѣламъ и содѣйствовавшимъ въ окончаніи ихъ, при слѣдующемъ собственноручномъ донесеніи: «Все- «вышній благословилъ Отеческую мысль Вашего Им- «ператорскаго Величества о примиреніи тяжу- «щихся. Съ восторгомъ, съ чувствами, наполняющими «сердце мое, но коихъ изъяснить я не въ силахъ, «представляю при семъ доказательства добра, которое «она сдѣлала въ столь короткое время. Вы, Всеми- «лостивѣйшій Государь, какъ Ангелъ мира, про- «текли чрезъ Малороссію, и зло нѣсколькихъ вѣковъ «исчезаетъ предъ Вами (*).» — Въ 1821 и 1822

(*) Всѣ участвовавшіе въ прекращеніи тяжебныхъ дѣлъ миромъ были награждены орденами.

годахъ, по его представленію, воспрещено Евреямъ имѣть жительство въ Малороссійскихъ деревняхъ и содержать въ нихъ кабаки, къ стѣсненію казенныхъ крестьянъ и Козаковъ. Они были высланы въ города и мѣстечки, гдѣ состояли записанными по ревизіи, и посредствомъ этой благодѣтельной мѣры народъ улучшилъ свое состояніе, доведенное до совершеннаго разстройства. Въ томъ же 1822 году, по ходатайству Князя Репнина, распространены на Малороссійскія губерніи, для обезпеченія отъ разстройства и расхищенія дворянскихъ имѣній, поступающихъ въ опекунское управленіе, правила объ Опекахъ, постановленныя въ Великороссійскихъ губерніяхъ. Ему обязаны Малороссіяне позволеніемъ (въ 1830 г.) учредить компанію добыванія сахара изъ свекловицы; по главными подвигами Князя Репнина были: основаніе, въ Полтавѣ, Кадетскаго Корпуса (для воспитанниковъ котораго написаны имъ особыя правила) и сформированіе изъ Малороссійскихъ Козаковъ восьми кавалерійскихъ полковъ. Въ 1830 году (1 февраля) Высочайше утверждено предположеніе *о Губернскихъ Кадетскихъ Корпусахъ*. Къ *Полтавскому* присоединены губерніи: Черниговская, Екатеринославская, Слободско-Украинская и Курская. При первомъ воззваніи Князя Репнина, Дворянство ввѣренныхъ ему двухъ губерній пожертвовало сорокъ восемь тысячь рублей ас. и постановило ежегодно вносить на этотъ полезный предметъ по десяти копеекъ съ ревизской души, что составило, съ одинакимъ сборомъ въ Екатеринославской, Слободско-Украинской и Курской губерніяхъ (кромѣ единовременнаго взноса), восемьдесять тысячь рублей

ас. — Въ Высочайшемъ рескриптѣ о кавалерійскихъ полкахъ, данномъ на имя Князя Репнина 6 мая 1831 года, даровано, по его представленію, Малороссійскимъ Козакамъ облегченіе въ отправленіи Государственныхъ повинностей: исключена вся числившаяся на нихъ податная недоимка; ограниченъ платимый ими оброкъ, въ 1831 году тремя, а съ 1832 года во все время существованія полковъ, только четырьмя рублями съ каждой ревизской души. Повелѣвая Князю Репнину объявить Козакамъ объ этомъ облегченіи, и заняться сформированіемъ полковъ, Государь Императоръ изъявилъ ему *твердую увѣренность, что онъ въ выполненіи столь важнаго порученія будетъ дѣйствовать съ тою же благоразумною распорядительностію и отличною ревностію, коими всегда сопровождалась полезная служба его.* (*). Каждый полкъ состоялъ изъ шести эскадроновъ: четырехъ дѣйствующихъ и двухъ резервныхъ. Полковые Командиры были назначены Высочайшимъ Приказомъ; Штабъ и Оберъ-Офицеры, по выбору Дворянства, предпочтительно изъ отставныхъ, находившихся въ военной службѣ. Казна снабдила сихъ воиновъ только саблями съ портупеями, патронными ладунками и пистолетами. Въ непмовѣрно короткое время всѣ восемь полковъ выступили въ походъ. Въ 1832 году (іюня 25) послѣдовалъ Именный Высочайшій Указъ, согласно ходатайству Князя Репнина: объ обязанностяхъ и повинностяхъ Малороссійскихъ Козаковъ; под-

(*) Слова Высочайшаго Рескрипта.

тверждено судопроизводство ихъ и право питейной продажи въ домахъ. Въ томъ же году (27 декабря) разсрочены податныя недоимки въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ. Въ 1834 году (25 іюня) открыты дѣйствія Главной Хозяйственной Конторы, учрежденной въ Полтавѣ, по представленію Князя Репнина, для управленія Малороссійскими Козаками. Изъ примѣчательныхъ перемѣнъ, послѣдовавшихъ въ его время въ Малороссіи, должно считать: Высочайше утвержденное, 3 февраля 1831 года, положеніе Комитета Министровъ, о замѣненіи въ томъ краѣ Магдебургскаго права Литовскимъ Статутомъ и общими Россійскими узаконеніями, и данный, 6 декабря тогожъ года, Именный Указъ Правительствующему Сенату: о присвоеніи Присутственнымъ мѣстамъ Полтавской и Черниговской губерній и лицамъ, въ оныхъ служащимъ, наименованій, Учрежденіемъ о Губерніяхъ для мѣстъ равныхъ опредѣленныхъ. Во время восемнадцатилѣтняго управленія Полтавскою и Черниговскою губерніями, Князь Репнинъ удостоился получить отъ двухъ Монарховъ нѣсколько благоволеній: въ 1819 г., 18 января, *за открытіе дѣлателей и переводителей фальшивыхъ ассигнацій;* 20 марта 1823 года, *за пониженіе, при торгахъ, цѣнъ на провіантъ для войскъ*; 14 декабря 1826 года, *за попечительность и пониженіе цѣнъ на содержаніе почтовыхъ станцій.* Въ томъ же году, 22 августа, *отличная и усердная служба* его награждена орденомъ Св. Александра Невскаго; въ 1828 (іюня 25) пожалованъ онъ Генераломъ отъ Кавалеріи; въ 1831 (22 августа) получилъ алмазныя украшенія Св. Александра Невскаго: *въ ознаменованіе Монарша-*

го благоволенія и признательности къ отлично ревностной его службѣ, съ неутомимою дѣятельностію и пламеннымъ усердіемъ на пользу ввѣреннаго ему края продолжаемой, новымъ доказательствомъ чего, къ удовольствію Государя, свидѣтельствовало успѣшное сформированіе имъ восьми легкоконныхъ полковъ изъ Малороссійскихъ Козаковъ Полтавской и Черниговской губерній (*); въ 1833 (25 Іюня) препровожденъ къ нему орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра большаго креста первой степени: *въ награду долговременной постоянно-ревностной службы Престолу и Отечеству, всегда обращавшей на него Монаршее вниманіе, и въ изъявленіе отличной признательности за неутомимые труды, подъемлемые имъ по управленію ввѣренными ему Губерніями* (**). Изъ сего очерка можно видѣть, съ какою дѣятельностію и съ какимъ пламеннымъ усердіемъ служилъ Князь Репнинъ въ Малороссіи, любимый, уважаемый всѣми сословіями. Память объ немъ долго сохранится въ томъ краю, которому онъ посвятилъ лучшіе года своей жизни. Не менѣе почтенная супруга содѣйствовала ему въ полезныхъ и благотворительныхъ занятіяхъ учрежденіемъ, въ 1818 году, въ Полтавѣ, Института для благородныхъ дѣвицъ, на что Князь и Княгиня Репнины пожертвовали изъ своего достоянія значительнымъ капиталомъ. Дворянство Малороссійское, лишенное до того средствъ воспитывать дочерей, получило, посредствомъ благодѣтельнаго заведенія, возможность образовать ихъ соотвѣтственно

(*) Слова Высочайшей Грамоты.

(**) Слова Высочайшей Грамоты.

рожденію, а многія бѣдныя дѣвушки, обучавшіяся въ Институтѣ (нѣкоторыя на иждивеніи учредительницы), сами сдѣлались наставницами, содѣйствуя распространенію просвѣщенія и обезпечивая трудами своими содержаніе своихъ семействъ. — Въ 1834 году, 6 декабря, Князь Репнинъ былъ пожалованъ Членомъ Государственнаго Совѣта, и оставилъ Малороссію, къ чувствительному огорченію подчиненныхъ и народа. Служба его въ С. Петербургѣ не долго продолжалась: 28 іюня 1838 года онъ былъ уволенъ въ отставку, поѣхалъ въ чужіе край, для возстановленія разстроеннаго здоровья; поселился въ Италіи; жилъ во Флоренціи, Пизѣ, Римѣ, Неаполѣ и, въ послѣднее время, въ Женевѣ, откуда возвратился, въ 1842 году, въ имѣніе свое, м: Яготино, Полтавской губерніи. Малороссіяне вездѣ встрѣчали его съ хлѣбомъ и солью, съ прежнею любовію: народъ и въ особенности Козаки толпились вокругъ дорожнаго экипажа, изъявляя бывшему Начальнику непритворныя чувства душевной радости, цѣлуя руки, платье его. Дворянство намѣревалось праздновать возвращеніе Князя Репнина торжественнымъ обѣдомъ, и готовилось отправить къ нему изъ Полтавы депутатовъ; но онъ отклонилъ этотъ благородный порывъ признательности, отозвался болѣзнію, и просилъ не дѣлать для него никакихъ издержекъ. Всѣ спѣшили, поперемѣнно, изъ обѣихъ Малороссійскихъ губерній, въ Яготино, влекомые искреннею привязанностію къ владѣльцамъ. Добродѣтель, не смотря на скромность, торжествовала, сливаясь съ благодарностію: трудно рѣшить, на чьей сторонѣ былъ перевѣсъ!—Тогда Князь Репнинъ, удрученный тѣлес-

ными и душевными недугами, которыхъ не облегчилъ благорастворенный климатъ юга, на 65 году отъ рожденія представлялъ изъ себя маститаго старца, видимо приближавшагося къ могилѣ. Онъ чувствовалъ горестное свое положеніе, скрывалъ глубокую печаль отъ семейства, нѣжно къ нему привязаннаго, и прощался съ друзьями. Подагра, которая нѣсколько уже лѣтъ безпокоила его, вскорѣ превратилась въ водяную болѣзнь, и пособія опытнаго врача, усилія приближенныхъ сохранить драгоцѣнную жизнь—остались тщетными. Въ исходѣ 1844 года страданія Князя Репнина усилились: онъ прежде всего простился съ своими служителями; благодарилъ ихъ, со слезами на глазахъ, за вѣрную, усердную службу; извинялся, если неумышленно нанесъ имъ въ чемъ-либо огорченіе; просилъ любить, охранять супругу его, и, въ глубокомъ смиреніи, прибавилъ: «Она лучше меня будетъ управлять вами!» Онъ не вставалъ уже съ кровати, не могъ ходить, по причинѣ чрезвычайной слабости; но 28 декабря изъявилъ желаніе пріобщиться Св. Таинъ въ домовой своей церкви, куда съ великимъ трудомъ приведенъ былъ, поддерживаемый дѣтьми и служителями. Тамъ, съ умилительною набожностію, истинный этотъ Христіанинъ приготовился къ переходу въ лучшую жизнь, и возвратясь оттуда на смертный одръ, не покидалъ его уже болѣе. 5 января 1845 года показалась у него лихорадка, сопровождаемая обильнымъ потомъ. Полагали, что это переломъ къ лучшему: онъ мало говорилъ, но узнавалъ окружавшихъ. 6-го числа, вечеромъ, въ 9 часовъ съ четвертью, больной собрался съ силами и произнесъ,

довольно громкимъ голосомъ, супругѣ своей: «Именемъ всѣхъ умоляю тебя, другъ мой, успокоиться». Потомъ сказалъ невѣсткѣ: «Благодарю тебя за нѣжную любовь.» — Онъ желалъ, чтобъ и она удалилась; но дѣти попеременно надзирали за ходомъ болѣзни и давали ему лекарство. Въ четыре часа пополуночи, 7 января, поднесли порошокъ, прописанный докторомъ: онъ не могъ принять его, и вскорѣ, испустивъ тихій вздохъ, уснулъ, въ объятіяхъ дѣтей, вѣчнымъ сномъ, на 67 году отъ рожденія. Лицо его приняло прежній видъ: спокойствіе, кротость и пріятная улыбка свидѣтельствовали, что прекрасная душа, оставивъ земное, вознеслась къ Всевышнему, съ Которымъ сблизилась въ тяжкое время страданій! — Князь Репнинъ избралъ вѣчнымъ жилищемъ своимъ Густинскій Троицкій монастырь, находящійся близъ г. Прилукъ, желая обычнымъ вкладомъ содѣйствовать возобновленію этой скромной обители, благодѣтельствуя и за предѣлами гроба! 17-го января духовенство, дворяне и чиновники собрались въ Яготинѣ, безъ всякаго приглашенія, узнавъ, что въ тотъ день бренные останки бывшаго ихъ начальника препровождались въ монастырь. Толпы народа изъ окрестныхъ селеній окружали церковь, въ которой стоялъ свинцовый гробъ. По совершеніи панихиды, погребальное шествіе, въ торжественномъ молчаніи, прерываемомъ рыданіями, тронулось съ мѣста, въ 10 часовъ утра. Медленно двигалось оно, окруженное народомъ и Козаками, шедшими за гробомъ и ѣхавшими на лошадяхъ по глубокому снѣгу, въ сильную мятель и стужу; болѣе сорока экипажей заключали печальную процессію. Народъ про-

вожалъ гробъ отъ одной деревни до другой; въ каждомъ селеніи духовенство, безъ предваренія, встрѣчало его въ облаченіи и съ крестами. На 36-й верстѣ, въ м. Яблоновкѣ, гробъ былъ внесенъ въ церковь, и на другой день, 18 января, по отслуженіи Божественной литургіи, шествіе продолжалось въ такомъ же порядкѣ. Козаки, помня благодѣянія и неусыпныя попеченія покойнаго о благосостояніи ихъ, движимые собственнымъ желаніемъ и усердіемъ, провожали его во всю дорогу. Вьюга такъ усилилась что при въѣздѣ въ Прилуки нельзя было въ нѣсколькихъ шагахъ различить предметовъ; но со всѣмъ тѣмъ всѣ жители города, дворяне съ своимъ Предводителемъ, купцы съ Городскимъ Главою, и цехи встрѣтили процессію у заставы. Народъ мгновенно окружилъ гробъ, и, не смотря на просьбы, на увѣщанія родныхъ Князя Репнина, отпрягъ лошадей и повезъ останки его чрезъ весь городъ, къ монастырю, который находится въ семи верстахъ отъ Прилукъ. Въ два часа по-полудни, послѣ Божественной литургіи и панихиды, гробъ былъ опущенъ въ склепъ, въ соборной церкви Густинской обители.—Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ былъ ростомъ выше средняго, тучный собою, имѣлъ лице, исполненное ума, на которомъ душевная доброта изображалась въ быстромъ и вмѣстѣ кроткомъ взглядѣ, въ пріятной улыбкѣ; брови, какъ дѣдъ его, Генералъ-Фельдмаршалъ временъ Императрицы Екатерины II-й, проведенныя дугою; чело возвышенное, открытое, соотвѣтственное прекрасной душѣ его; нравъ пылкій, сердце сострадательное; не зналъ постыдной гордости, былъ Боярин во всемъ

пространствѣ слова, обходительный, ласковый, откровенный; чуждался интригъ, шелъ всегда прямою дорогою, руководимый честію; съ даромъ слова соединялъ особое искусство и силу выражать мысли на бумагѣ; храбрый на полѣ брани, опытный, неусыпный въ гражданскомъ управленіи, онъ подвергался неоднократно военнымъ опасностямъ, и среди мира ограждалъ себя осторожностію, особенно при разсмотрѣніи дѣлъ уголовныхъ: «Гдѣ идетъ дѣло» — писалъ онъ, въ 1821 году, къ сочинителю этой біографіи — «о «участи, чести и жизни человѣка, надобно изыскивать всѣ способы для спасенія его, и я никогда «не отрицался принимать совѣты и мысль каждаго, «особливо безпристрастнаго сотрудника». Одна мать, оскорбленная непокорнымъ сыномъ, принесла жалобу на него. Виновнаго ожидало тяжкое наказаніе. Приговоръ зависѣлъ отъ почерка пера: оно выпало изъ руки Князя Репнина. «Онъ молодой человѣкъ» — сказалъ сострадательный Вельможа своему Правителю Канцеляріи (*) — «можетъ исправиться. Есть случаи, что «неблагонамѣренные люди, для собственной пользы, «поселяютъ раздоръ въ семействахъ. Надобно удостовѣриться и укротить гнѣвъ матери». — Догадка Князя Репнина оправдалась на дѣлѣ: Уѣздный Предводитель водворилъ согласіе между матерью и сыномъ, котораго алчные родственники желали погубить, для полученія наслѣдства. — Канцелярскіе чиновники имѣли право входить безъ доклада въ кабинетъ Военнаго Губернатора и просить у него въ займы денегъ

(*) Сочинителю *Словаря*, Б. К.

до полученія жалованья. Отказа никогда не было: Князь Репнинъ отпиралъ ящикъ, въ которомъ лежали ассигнаціи, и говорилъ, улыбаясь: «Берите сколько надобно.» — Наступалъ срокъ платежа; чиновники являлись съ поклонами и съ деньгами. Тогда начальникъ принималъ грозный видъ, и отвѣчалъ имъ: «О «какихъ деньгахъ говорите? Вы у меня никогда не за«нимали. Идите въ Канцелярію и не теряйте напра«сно время, которымъ должно дорожить.» — Однажды узналъ онъ, что бывшій воспитатель его, управлявшій въ то время губерніею, человѣкъ добросовѣстный, честнѣйшихъ правилъ, вошелъ въ неоплатные долги и убивалъ себя печалію. Князь Репнинъ тотчасъ препроводилъ къ нему двадцать тысячь рублей ас:, при слѣдующемъ письмѣ:» «Я теперь, посредствомъ выгод«ной, во всѣхъ отношеніяхъ, женидьбы, имѣю огром«ное состояніе, ни въ чемъ не нуждаюсь; ты, слышу, «обремененъ долгами. Не откажи, другъ мой, принять «въ ссуду посылаемыя деньги (съ возвратомъ, когда «устроишь дѣла свои), какъ слабый знакъ вѣчной «благодарности, которою я преисполненъ за твое по«печеніе о моемъ дѣтствѣ.» — Славный актеръ нашъ Щепкинъ обязанъ ему свободнымъ состояніемъ: до появленія въ столицахъ, восхищалъ онъ игрою своею Полтавскихъ жителей. Князь Репнинъ взнесъ за все его семейство десять тысячь рублей ас., получилъ отъ Щепкина столько же заемныхъ писемъ, съ разсрочкою платежа, безъ процентовъ, на десять лѣтъ, взялъ тысячу рублей по прошествіи перваго года, и въ слѣдующій возвратилъ ему остальныя обязательства, съ надграфіемъ, отказавшись отъ принесенныхъ имъ де-

негъ. Въ Дрезденѣ, каждый день, Адъютанты его, исполняя данное имъ приказаніе, надѣляли *червонцами* неимущихъ, которые толпились въ его пріемной. Поставщикъ Саксонскій (о которомъ выше сего упомянуто), получивъ, по приказанію Князя Репнина, значительный капиталъ изъ казны, слѣдуя введенному тамъ обыкновенію, явился къ нему съ десяти-процентными деньгами, которыя составляли девяносто тысячь талеровъ. Князь Репнинъ предложилъ милліонщику выбрать любую дорогу: окошко или дверь! — Въ молодости своей онъ вызванъ былъ на поединокъ сослуживцемъ; послѣдній, какъ обиженный, долженъ былъ первый стрѣлять изъ пистолета; но сдѣлалась осѣчка, и Князь Репнинъ настоялъ, чтобы онъ возобновилъ свой выстрѣлъ (*). Въ то время, какъ онъ управлялъ Малороссіею, одинъ отставной Штабъ-Офицеръ, украшенный военнымъ орденомъ, по личному на него неудовольствію, говорилъ открыто, *что намѣренъ лишить его жизни.* Князь Репнинъ пригласилъ недовольнаго въ Полтаву, и когда доложили о его пріѣздѣ, приказалъ Правителю Канцеляріи удалиться. Высокій, худощавый, черноволосый офицеръ, въ мундирѣ, съ блѣднымъ лицомъ, быстрымъ, отчаяннымъ взглядомъ, остался съ нимъ въ кабинетѣ. Князь Репнинъ тотчасъ заперъ дверь ключемъ. «Я посылалъ за ва«ми — сказалъ онъ ему твердымъ голосомъ — узнавъ, «что вамъ нужна моя кровь: мы теперь одни. При «васъ шпага; вотъ грудь моя—совершите ваше намѣ«реніе. Что медлите?» —Обезоруженный его отважно-

(*) Передано мнѣ Княземъ Репнинымъ. Б. К.

стію, противникъ не могъ удержаться отъ слезъ и принесъ повинную. Послѣ отеческаго наставленія, Князь Репнинъ обнялъ его, отворилъ дверь, и увеличилъ въ тотъ день множество почитателей своихъ еще однимъ человѣкомъ, по видимому непримиримымъ. Во время холеры, въ 1831 году, онъ оказалъ необыкновенное самоотверженіе, безстрашіемъ своимъ ободряя не только Полицейскихъ чиновниковъ, но и докторовъ, которые считали болѣзнь эту прилипчивою. Довольно сихъ примѣровъ, чтобы судить о неустрашимости, правотѣ, щедрости и возвышенныхъ правилахъ незабвеннаго! Любопытно, что вскорѣ по кончинѣ его, во время сильнаго разлива Эльбы (въ 1845 году) сорвана напоромъ воды и льда, отъ старой постройки Дрезденскаго моста, новая, сдѣланная Княземъ Репнинымъ, какъ-будто вмѣстѣ съ нимъ поглощенная вѣчностью. Мысль ужасная, если бъ, среди общаго разрушенія, не утѣшала насъ добродѣтель, безсмертная, торжествующая надъ людьми и временемъ.

РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ, Александръ Михайловичъ, сынъ Статскаго Совѣтника Михаила Андреевича Римскаго-Корсакова (*), родился въ Москвѣ 13 августа 1753 года, и на пятнадцатомъ своего возраста (1768),

---

(*) *Римскіе-Корсаковы* происходятъ отъ выѣхавшаго въ 1390 году, къ Великому Князю Василію Димитріевичу, изъ Литвы Венцеслава Жигмунтовича *Корсака*. Потомки его показали въ родословной своей, что родъ ихъ воспріялъ начало изъ предѣловъ Римскихъ, откуда переселился

продолжая ученіе въ домѣ родителей, записанъ былъ Капраломъ Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскій полкъ. Въ слѣдующемъ году произведенъ онъ въ Подпрапорщики; 1770-го въ Сержанты. Тогда Римскій-Корсаковъ находился уже въ дѣйствительной службѣ и жилъ въ С. Петербургѣ, съ старшимъ братомъ своимъ, Петромъ Михайловичемъ, который также служилъ въ Преображенскомъ полку. Отецъ ихъ, человѣкъ строгій и вмѣстѣ пламенно любившій дѣтей, прислалъ имъ четыре лошади, едва влачившія ноги, *чтобы онѣ не разбили ихъ*, и готическую карету съ пожилымъ кучеромъ, при которомъ находился медвѣженокъ. Стыдно имъ было разъѣзжать на клячахъ въ прадѣдовскомъ экипажѣ: они ходили пѣшкомъ и, между тѣмъ, должны были содержать кучера, кормить лошадей и покупать молоко для медвѣженка. По обычаю того времени, пудра была въ употребленіи у военныхъ: однажды воспитанникъ кучера, чрезвычайно лакомый, сунулъ морду свою въ пудреницу, полагая найти въ ней молоко, и удостовѣрясь въ противномъ, прогнѣвался, вышелъ изъ должнаго повиновенія, началъ бѣситься, бросаться на всѣхъ — едва могли унять его. Объ этомъ событіи Корсаковы отправили къ отцу подробное донесеніе: рѣшено сослать медвѣженка, на почтовыхъ, въ деревню. Прошло нѣсколько времени: престарѣлый отецъ пригласилъ сыновей въ Москву, гдѣ имѣлъ пребываніе, и, къ чрез-

---

въ Польшу. По этой причинѣ велѣно имъ, съ 1677 года, писаться: *Римскими-Корсаковыми*. Гербовникъ, ч. 2.

вычайному огорченію послѣднихъ, не узналъ ихъ. Тогда поступили они подъ непосредственный надзоръ пожилой няни. *Фіона* — такъ называлась она — женщина богомольная и строжайшихъ (въ то время) правилъ, слѣдовала за ними вездѣ, какъ тѣнь, и препятствовала имъ не только говорить съ горничными, но даже встрѣчаться съ ними. Отецъ отправился съ меньшимъ сыномъ въ деревню къ одному пріятелю, лежавшему на смертномъ одрѣ, чтобъ засвидѣтельствовать духовное его завѣщаніе, и въ самый день своего пріѣзда скончался. Александру Михайловичу не было еще двадцати лѣтъ; онъ довѣрилъ брату (который вышелъ тогда въ отставку Прапорщикомъ) управлять всѣмъ недвижимымъ имѣніемъ, и возвратился въ полкъ. Продолжая службу въ Гвардіи, Римскій-Корсаковъ быстро возвышался: въ 1774 году произведенъ въ Прапорщики; 1775 въ Подпоручики; въ 1777 поступилъ въ полковые Адъютанты; 1778 выпущенъ Подполковникомъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ; участвовалъ (1778 и 1779 г.) въ Польскихъ походахъ; исправлялъ (1779 г.) должность Оберъ-Кригсъ-Коммисара, и въ томъ же году, на двадцать седьмомъ отъ рожденія, пожалованъ въ Полковники. Первымъ руководителемъ его на полѣ чести былъ другъ Суворова, Принцъ Саксенъ-Кобургскій: находясь въ качествѣ *акредитованнаго чиновника* въ Цесарской Союзной арміи, Римской-Корсаковъ участвовалъ (1788 г.), подъ его знаменами, въ завоеваніи Хотина; отличился потомъ въ кровопролитномъ сраженіи, одержанномъ (19 декабря) Генераломъ Каменскимъ надъ Турками и Татарами при селеніи Гапгурѣ; ко-

мандовалъ въ походѣ 1789 года особымъ отдѣльнымъ отрядомъ изъ двухъ батальоновъ гренадеръ, одного егерей, пѣхотнаго полка и нѣкотораго числа конницы: сразился (1 апрѣля) съ восьмитысячнымъ Турецкимъ корпусомъ, разбилъ его, занялъ Берладъ, преслѣдовалъ около тридцати верстъ непріятеля, до селенія Максименъ, при рѣкѣ Серетѣ; подкрѣпленный двумя батальонами пѣхоты и тремя эскадронами конницы, атаковалъ трехъ-бунчужнаго Якубъ-Пашу, занявшаго тутъ, съ превосходнымъ числомъ, выгодную позицію; обратилъ его въ бѣгство, отбросилъ къ Галацу; увеличилъ имъ число плѣнныхъ; присоединился къ корпусу Генералъ Поручика Дерфельдена; овладѣлъ земляннымъ укрѣпленіемъ предъ Галацомъ; содѣйствовалъ сдачѣ этого города; отправленъ отъ Главнокомандующаго въ С. Петербургъ съ извѣстіемъ объ одержанныхъ побѣдахъ. Императрица наградила Александра Михайловича, *за усердную его службу, мужество и неустрашимость* (*): орденомъ Св. Георгія 4 класса, чиномъ Бригадира и почетнымъ званіемъ Секунд-Маіора Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка (9 мая). 14 іюля переведенъ онъ въ Семеновскій полкъ и перешелъ изъ Молдавской въ Финляндскую армію. Государыня письменно рекомендовала Графу Мусину-Пушкину Римскаго-Корсакова, называя его: *ревностнымъ, храбрымъ и искуснымъ офицеромъ.* Онъ прибылъ въ армію въ то самое время, какъ Принцъ Нассау-Зигенъ одержалъ (13 августа), близъ Фридрихсгама, знаменитую побѣду надъ Шведскимъ

(*) Слова Высочайшаго Рескрипта.

Адмираломъ Эренсвердомъ, и Главнокомандовавшій нашъ рѣшился атаковать на сухомъ пути главный корпусъ непріятельскихъ войскъ, находившійся подъ командою самого Короля и расположенный между Гекфорса и Кюменгарда. Нападеніе поручено произвести Генералъ-Поручику Левашеву, который, раздѣливъ (21 августа) свои полки на три колонны, ввѣрилъ одну Римскому-Корсакову: послѣдній, по условленному сигналу, не смотря на выгодную позицію непріятеля въ мѣстахъ, укрѣпленныхъ природою и многими батареями, повелъ войска на одну изъ нихъ, стоявшую противъ него, впереди рѣки; но Шведы тотчасъ начали свозить орудія и зажгли мостъ. Римскій-Корсаковъ преслѣдовалъ ихъ по тлѣвшимся бревнамъ и потомъ до мызы Кюменгардъ. Поспѣшное отступленіе Короля спасло его отъ дальнѣйшаго пораженія. Тогда Графъ Мусинъ-Пушкинъ ввѣрилъ Римскому-Корсакову пятитысячный отрядъ, расположенный въ Нейшлотѣ и Помалазундѣ и состоявшій до того подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Шульца. «Первый предметъ попеченія вашего» — писалъ къ нему Главнокомандующій, отъ 24 августа — «долженъ быть «тотъ, чтобы, охраняя границу, не только не допустить непріятеля ворваться въ оную, но стараться «всякое покушеніе онаго обращать въ его же собственный вредъ; а второй, не менѣшаго вниманія и «осторожности требующій, чтобы, изыскивая благонадежные способы и употребляя въ пользу вашу «положеніе непріятельское, наносить и самому ему «удары въ собственныхъ его предѣлахъ.» — Римскій-Корсаковъ въ полной мѣрѣ оправдалъ оказанную ему

довѣренность: оберегая границы, онъ уничтожилъ покушенія Шведовъ овладѣть Нейшлотомъ, и дѣйствовалъ наступательно. Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка Премiеръ-Маiоръ Мухановъ получилъ отъ него приказаніе взять непріятельскую батарею, расположенную на другой сторонѣ Сеймянскаго пролива, и первый вошелъ (28 сентября) на нее, отбилъ четыре орудія, изъ которыхъ, однакожъ, два, за тяжестію, принужденъ былъ оставить. Въ 1790 году, Римскій-Корсаковъ, узнавъ, что въ правой сторонѣ отъ Нейшлота находится Шведскій постъ у деревни Юлякоиѣ, въ 25 верстахъ отъ Кирмякской кирки, охраняемый батареею и 1000 человѣкъ непріятельскаго войска, выступилъ 19 апрѣля, вечеромъ, большою дорогою съ батальономъ Рязанскаго полка, и въ то же время приказалъ Полковнику Миллеру обойти озера на пространствѣ тридцати верстъ, съ восьмью ротами Нарвскаго. Въ назначенный часъ обѣ колонны подступили къ деревнѣ Юлакоиѣ и атаковали Шведовъ съ двухъ сторонъ. Непріятель, окруженный Русскими, слабо защищался въ укрѣпленіяхъ, засѣлъ въ избахъ, откуда отстрѣливался, но былъ выбитъ и обращенъ въ бѣгство. Въ плѣнъ взято 31 чел.; отбито: одна пушка, нѣсколько ружей и барабановъ; сожжены десять лодокъ, два магазина, провіантскій и фуражный; батарея и ретраншаментъ разорены. За этотъ мужественный подвигъ Римскій-Корсаковъ награжденъ золотою шпагою, съ надписью: *за храбрость*, и вслѣдъ за тѣмъ получилъ въ первый день мирнаго торжества (8 сент.) орденъ Св. Владиміра 2-й степени, *въ награду обороны ввѣрен-*

ныхъ ему мѣстъ (*). Сверхъ сего, велѣно ему производить изъ Кабинета по двѣ тысячи рублей ежегодно. Когда онъ возвратился въ столицу съ Семеновскимъ полкомъ, защищавшимъ подъ его командою границу во время Шведской войны, Императрица Екатерина II-я удостоила встрѣтить у Выборгской заставы храбрыхъ воиновъ. Эпоху эту Римскій-Корсаковъ называлъ потомъ *счастливѣйшею въ своей жизни*. По прошествіи нѣкотораго времени произведенъ онъ былъ въ Генералъ-Маіоры (1793 г.) и отправленъ при Графѣ д'Артуа (въ послѣдствіи Королѣ Французскомъ Карлѣ X), моремъ, въ Англію, гдѣ пробылъ по май 1794 года. Въ свитѣ Римскаго-Корсакова находились Гвардіи Офицеръ и два Сержанта. Императрица предписала ему: *оказывать Дядѣ Короля Французскаго должное уваженіе, имѣть попеченіе о его выгодахъ, и сноситься обо всемъ откровенно съ Министромъ нашимъ въ Лондонѣ, Графомъ Воронцовымъ*. Вслѣдъ за тѣмъ Римскій-Корсаковъ принятъ волонтеромъ въ Австрійскую армію, находившуюся во Франціи, подъ предводительствомъ Принца Кобургскаго. Баронъ Тугутъ, въ письмѣ своемъ къ Графу д'Артуа, отъ 12 октября 1793 года, отозвался: «что хотя Им«ператоръ и постановилъ правиломъ не имѣть во«лонтеровъ въ своихъ войскахъ; но изъ уваженія къ «ходатайству Императрицы Россійской, изъявляетъ «согласіе на принятіе г-на Корсакова, котораго хра«брость и военныя способности ему извѣстны.» Римскій-Корсаковъ находился при бомбардированіи и взя-

(*) Слова Высочайшаго Рескрипта.

тіи города Камбреси; при отступленіи соединенной арміи изъ Франціи во Фландрію, участвовалъ въ сраженіяхъ при Куртрѣ, продолжавшихся двое сутокъ; въ битвахъ при Турнѣ и Флерюсѣ; осенью отправился въ нашу армію, предводимую Суворовымъ; но взятіе Варшавы прекратило военныя дѣйствія до прибытія его въ Польшу и заставило вложить въ ножны мечь, возвратиться въ столицу. Не долго находился онъ безъ дѣла: въ 1796 году Императрица Екатерина II-я двинула два корпуса въ Персію, для укрощенія мятежнаго Аги Магометъ-Хана: командиромъ перваго назначенъ былъ Графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ; втораго, вспомогательнаго, Римскій-Корсаковъ. Послѣдній содѣйствовалъ Зубову (10 мая) въ покореніи Дербента; награжденъ (3 іюня) орденомъ Св. Анны первой степени; овладѣлъ (10 декабря), послѣ восьмидневнаго сопротивленія, крѣпостью Ганжею (*), и по случаю прекращенія военныхъ дѣйствій Императоромъ Павломъ I-мъ отозванъ въ С. Петербургъ; получилъ (12 дек. 1797 г.), въ чинѣ Генералъ-Маіора, орденъ Св. Александра Невскаго; назначенъ (4 янв. 1798 г.) Инспекторомъ С. Петербургской Дивизіи, по пѣхотѣ, подъ начальствомъ Наслѣдника Престола; произведенъ (8 февр.) въ Генералъ-Лейтенанты. Между тѣмъ онъ продолжалъ командовать Лейбъ-Гвардіи Семеновскимъ полкомъ, котораго Великій Князь Александръ Павловичъ былъ Шефомъ. Служба эта сблизила Римскаго-Корсакова съ Наслѣдникомъ: Онъ называлъ его въ письмахъ *своимъ другомъ*, обна-

(*) Нынѣ Елисаветполь.

дежпвалъ въ искренней любви, и оправдалъ это, въ послѣдствіи, самымъ дѣломъ. 14 августа Римскій-Корсаковъ, находясь въ Гатчинѣ, получилъ приказаніе отправиться немедленно въ Вильну и, явясь тамъ къ Генералъ-Фельдмаршалу Князю Репнину, ожидать дальнѣйшихъ повелѣній. Онъ считалъ себя погибшимъ, но черезъ мѣсяцъ назначенъ Шефомъ Ростовскаго мушкатерскаго полка, что нынѣ гренадерскій Принца Фридриха Нидерландскаго. Благоволеніе къ нему Императора, поддерживаемое Наслѣдникомъ Престола (*), продолжалось: ему ввѣрена (14 апрѣля 1799 г.) *центральная армія* противъ Французовъ. Она должна была состоять изъ сорока пяти тысячъ Россійскихъ войскъ, двадцати тысячъ Швейцарскихъ и двѣнадцати тысячъ Баварскихъ, но, какъ увидимъ въ послѣдствіи, не вмѣщала въ себѣ даже половины этого числа. По плану трехъ Высокихъ Дворовъ: Россійскаго, Австрійскаго и Великобританскаго, положено атаковать непріятеля тремя арміями въ собственной его землѣ. *Первой*, Эрцгерцога Карла, надлежало выгнать Французовъ изъ Швейцаріи, и идти черезъ Базель въ Гюнингъ; *второй* или *центральной*, Римскаго-Корсакова,

---

(*) Великій Князь Александръ Павловичъ писалъ тогда къ Римскому-Корсакову: «что, не смотря на несчастныя обстоятельства, разлучившія ихъ, Онъ не переставалъ любить его; что дружба эта (которая кончится только съ Его жизнію) еще усилилась, если можетъ быть сильнѣе; что Семеновскій полкъ и Шефъ онаго продолжаютъ обожать его (adorer), и послѣдній останется по гробъ вѣрнымъ ему другомъ».

вторгнуться чрезъ Швейцарію во Франшъ-Конте; *третьей*, Италіянской, Князя Суворова-Рымникскаго, въ Бургонію. Фельдмаршалъ счелъ нужнымъ усилить свои войска одиннадцати-тысячнымъ корпусомъ Генерала Ребиндера, долженствовавшимъ поступить въ составъ центральной арміи; вмѣсто обѣщанныхъ Англіею двадцати тысячь Швейцарскихъ войскъ, присоединились къ Римскому-Корсакову только три батальона. Онъ слѣдовалъ въ Швейцарію усиленными маршами, и по прибытіи своемъ узналъ, что Австрійцы, согласно повелѣнію Императора Франца, готовились выступить въ Германію. Тщетно Римскій-Корсаковъ представлялъ Эрцгерцогу о планѣ кампаніи, по которому ему слѣдовало, изгнавъ Французовъ изъ Швейцаріи, идти въ Гюнингъ. Эрцгерцогъ, ссылаясь на волю Августѣйшаго своего Брата, оправдывался невозможностію, съ 28,000 арміею, которой половина состояла изъ кавалеріи, вести съ успѣхомъ не только наступательную, но и оборонительную войну въ Швейцаріи. Между тѣмъ, Французы одержали, 14 августа, поверхность надъ Австрійскимъ отрядомъ Генералъ-Маіора Іелашица, принудили его отступить съ потерею пяти тысячь человѣкъ. Эрцгерцогъ Карлъ рѣшился отомстить непріятелю, условился съ Римскимъ-Корсаковымъ напасть на лѣвое крыло Французской арміи, приготовился перейти рѣку Ааръ, но 17 числа отмѣнилъ свое намѣреніе, предложивъ Римскому-Корсакову присоединиться къ Австрійскому Фельдмаршалу-Лейтенанту Готце, занимавшему съ десятитысячнымъ войскомъ Уцнахъ, и вмѣстѣ съ нимъ атаковать правое крыло и центръ непріятеля. Римскій-Корсаковъ повелъ свою

армію къ назначенному пункту, присоединился къ Готце 21 числа, и немедленно произвелъ осмотръ всей линіи, чтобъ узнать силы и позицію Французовъ. Положено атаковать ихъ 22 августа; но въ тотъ самый день Фельдмаршалъ-Лейтенантъ Готце получилъ отъ Эрцгерцога повелѣніе отправить къ нему шесть тысячь войска и содѣйствовать съ остальными Римскому-Корсакову, если онъ признаетъ нужнымъ воевать въ горахъ. Вмѣстѣ съ симъ увѣдомлялъ Эрцгерцогъ о поспѣшномъ отступленіи своемъ въ Германію. Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ Римскій-Корсаковъ принужденъ былъ, отмѣнивъ предполагаемое нападеніе, идти къ Цюриху и занять отдѣльными отрядами по рѣкамъ Лимату и Аару позицію, которая, за исключеніемъ изгибовъ, простиралась на пятьдесятъ шесть верстъ. Войска его снова были уменьшены, сначала четырьмя батальонами, коими онъ подкрѣпилъ Готце, потомъ еще восьмью батальонами, отправленными къ послѣднему по предписанію нашего Генералъ-Фельдмаршала. Такимъ образомъ Римскій-Корсаковъ лишился своего пятитысячнаго резерва. «Я предвидѣлъ — упоминаетъ онъ въ своихъ Запискахъ — «несчастіе, которое со мною послѣдовало; но долженъ былъ повиноваться!»—Въ это время полученъ имъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ: «Господинъ Генералъ-Лейтенантъ Римскій-Корсаковъ! «Увидя изъ депешей отъ Двора Вѣнскаго, сюда присланныхъ, что вы затрудняетесь смѣною войсками, «подъ командою вашею находящимися, корпуса Эрцгерцога Карла, нахожу нужнымъ извѣстить васъ, что «сія смѣна совершенно согласна съ общимъ операціон-

«нымъ планомъ, Мною апробованнымъ. Запявъ же «мѣста, въ коихъ теперь находятся Цесарскія «войска, имѣете вы ожидать дальнѣйшихъ повелѣ- «ній отъ Фельдмаршала Князя Италійскаго, Графа «Суворова-Рымникскаго. Пребываю вамъ благосклон- «ный *Павелъ.*» — Непріятель, которымъ предводительствовалъ знаменитый Массена, имѣлъ подъ ружьемъ около сорока тысячь человѣкъ; Римскій-Корсаковъ менѣе пятнадцати тысячь. На другой день отправленія восьми батальоновъ къ Фельдмаршалу-Лейтенанту Готцé, Массена атаковалъ (14 сентября) Русскихъ на трехъ различныхъ пунктахъ: влѣво отъ Цюриха, близь деревни Валисгофенъ; передъ самымъ городомъ и у деревни Аттикопы, гдѣ находилось правое крыло наше, подъ командою Генералъ-Лейтенанта Дурасова. Римскій-Корсаковъ немедленно отправилъ нарочнаго, воротить восемь батальоновъ, и усилилъ правое крыло драгунскимъ полкомъ и батальономъ гренадеръ. Дурасовъ имѣлъ подъ своею командою восемь батальоновъ пѣхоты, десять эскадроновъ конницы, два полка козаковъ, 16 орудій, съ которыми, не дождавшись подкрѣпленія, отступилъ отъ непріятеля *безъ выстрѣла*, какъ упоминаетъ Римскій-Корсаковъ въ своихъ Запискахъ. Между тѣмъ Корсаковъ сразился съ Французами на лѣвомъ своемъ крылѣ: пять часовъ побѣда колебалась, наконецъ, оружіе наше взяло верхъ, и непріятель обращенъ въ бѣгство, преслѣдованъ на довольно большомъ пространствѣ. Въ это время пять сильныхъ колоннъ Французскихъ, съ значительною артиллеріею, устремились на центръ нашей линіи, впереди города, вмѣщавшій только пять тысячь человѣкъ.

Тогда получено Римскимъ-Корсаковымъ непріятное извѣстіе объ отступленіи Генерала Дурасова и о переходѣ Французовъ чрезъ Лиmату, близъ Аттиконы; только посланные на помощь праваго крыла драгунскій полкъ и батальонъ гренадеръ мужественно удерживали натискъ многочисленнаго непріятеля. У Римскаго-Корсакова оставалось семь тысячь пѣхоты; завязалась подъ Цюрихомъ кровопролитная битва: два раза Французы нападали на центръ нашъ, и два раза были опрокинуты. Войска, сражавшіяся въ Валисгофенѣ, двинулись противъ лѣваго крыла непріятельскаго; къ нимъ присоединились восемь батальоновъ, которыхъ воротили съ дороги къ Уцнаху. Сраженіе возобновилось съ бо́льшимъ упо́рствомъ противъ прежняго: Русскіе удержали позицію впереди Цюриха. Ночь прекратила наступленіе. Римскій-Корсаковъ располагалъ напасть на непріятеля утромъ, но получилъ ночью увѣдомленіе о претерпѣнномъ пораженіи Готце при деревнѣ Шаннисъ, гдѣ храбрый Фельдмаршалъ-Лейтенантъ, мужественно обороняясь, палъ героемъ, и о походѣ Сульта къ Цюриху. Тщетно отправляемые офицеры старались развѣдать, куда дѣвался отрядъ Генерала Дурасова. Не надѣясь на подкрѣпленіе, угрожаемый прибытіемъ вспомогательнаго корпуса Французскаго и окруженный со всѣхъ сторонъ, Римскій-Корсаковъ рѣшился отступить. На другой день (15 сент:) Генералъ Сакенъ возобновилъ битву, опрокинулъ, преслѣдовалъ непріятеля, и въ пылу сраженія тяжело раненъ пулею въ голову, захваченъ въ плѣнъ. Храбрые гренадеры Екатеринославскаго полка, предводимые имъ, совершили чудеса храбрости. Римскій-Корсаковъ, о-

ставляя Цюрихъ (*), не согласился на постыдныя условія, и съ десятитысячнымъ войскомъ, съ 12 орудіями, проложилъ себѣ дорогу штыками къ Эглизау, сквозь сорокатысячную армію. Въ этомъ городѣ присоединился къ нему Генералъ Дурасовъ съ своимъ отрядомъ. Австрійскіе Генералы Паусндорфъ и Кіенмееръ въ продолженіе битвъ находились въ близкомъ разстояніи отъ Цюриха и не трогалась съ мѣста. Въ оба дни, Римскій-Корсаковъ лишился убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ до четырехъ тысячь человѣкъ, въ томъ числѣ трехъ Генераловъ и двѣсти двадцать офицеровъ; орудій отбито у него 18. 16-го числа присоединилось еще къ нему двухъ-тысячное Баварское войско, и вслѣдъ за тѣмъ вступилъ въ Швейцарію Принцъ Конде съ предводимымъ имъ корпусомъ.

(*) 15 сентября, въ день вступленія Французовъ въ этотъ городъ, раненъ смертельно славный Лафатеръ: нѣсколько солдатъ потребовали у него вина; онъ вынесъ имъ, сколько имѣлъ, сказавъ: *что у него не кабакъ, что они могутъ пьянствовать съ другомъ мѣсть.* Тогда одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ него изъ ружья. У Римскаго-Корсакова сохранился слѣдующій любопытный рескриптъ Императора Павла I-го къ Лафатеру, отъ 23 сентября 1799 года: «Monsieur Lavater! Depuis Mon vogage en Suisse, Je me suis rappellé constamment du plaisir que J'ai «eu à faire votre connaissance, et de trouver ensuite dans «vos ouvrages ces principes qui vous caracterisent et qui «vous ont rendu victime de la revolution française. Mes «troupes viennent en Suisse pour y consolider le bon-«heur de ses habitans, en leur rendant leur ancien gouver-«nement. Par une attention personnelle, J'ai ordonné de veil-

Такимъ образомъ силы Генерала Римскаго-Корсакова соотвѣтствовали тогда числу войскъ, состоявшему подъ его начальствомъ до Цюрихскаго сраженія. Онъ, во ожиданіи прибытія Князя Италіянскаго, занялъ позицію на правомъ берегу рѣки Рейна: отъ Рейнау чрезъ Шафгаузенъ, Дизенгофенъ, Биберахъ и Штейнъ, правымъ флангомъ къ Австрійскому отряду Генералъ-Маіора Кіенмеера, а лѣвымъ къ озеру Констанцъ, гдѣ находился корпусъ Принца Конде. Вскорѣ представился Римскому-Корсакову случай отомстить Французамъ за пораженіе подъ Цюрихомъ: узнавъ, что дивизіи: Менара, Лоржа и Гацана намѣрены напасть, 26 сентября, на его Бизингенскій *тетъ де понъ* (*) и на Дизенгофенскій постъ, онъ рѣшился предупредить ихъ нападеніемъ; для обезпеченія, въ случаѣ неудачи, своего отступленія, оставилъ нѣсколько войскъ въ Бизингенъ, Дизен-

---

«ler sur vos propriétés et sur votre repos. Mon Lieute-«nant-General Rimskoy-Korsakow est chargé de ce soin «et en même tems de vous demander ce qui pourrait «vous etre le plus agreable de Ma part, comme temoignage «aux yeux de tout le monde de l'estime que Je porte au di-«gne pasteur et ami du genre humain. Sur ce Je prie «Dieu, Monsieur Lavater, qu' Il vous ait en Sa sainte et «digne garde. *Paul.*»—Вмѣстѣ съ симъ Императоръ предписалъ Римскому-Корсакову: «узнать отъ Лафатера, что можетъ быть ему пріятнѣе, въ доказательство уваженія его особы: орденъ ли? чинъ? пенсіонъ? или другое какое-отличіе?» — Неизвѣстно почему Римскій-Корсаковъ оставилъ у себя подлинный рескриптъ Императора, ибо Лафатеръ скончался 2 января 1800 г., отъ полученной имъ раны.

(*) Мостовое укрѣпленіе.

гофенѣ и Штейнѣ, и переправился черезъ Рейнъ, въ восемь часовъ утра, съ 16 батальонами и 30 эскадронами. Непріятель, не ожидавшій атаки, совершалъ уже свое движеніе: оба войска сошлись въ двухъ миляхъ отъ Рейна, при деревнѣ Шлатѣ. Французы тотчасъ построились въ боевый порядокъ между двумя лѣсами. Римскій-Корсаковъ отрядилъ въ правый батальонъ егерей, и развернулъ свои колонны въ двѣ линіи. Непріятель занималъ болотистую позицію; кавалерія не могла атаковать его. Первая линія нашей пѣхоты шла впередъ безъ выстрѣла, въ наилучшемъ порядкѣ, выдержала весь огонь непріятеля и вслѣдъ за тѣмъ пришла Французовъ холоднымъ оружіемъ, опрокинула, обратила въ бѣгство въ лѣсъ, находившійся въ одной миль позади ихъ позиціи. Еслибъ кавалерія могла свободно дѣйствовать, непріятель понесъ бы значительную потерю плѣнными. Подкрѣпленные свѣжими войсками, Французы возобновили нападеніе подъ Дизенгофеномъ, и снова принуждены были отступить съ значительною потерею въ людяхъ: егери и стрѣлки Русскіе гнались за ними въ лѣсахъ, на большомъ пространствѣ. Упорная битва продолжалась десять часовъ. Достигнувъ своей цѣли, которая состояла въ томъ, чтобы воспрепятствовать непріятелю переправиться черезъ Рейнъ, Римскій-Корсаковъ занялъ прежнюю свою позицію, что побудило Французовъ напечатать въ газетахъ, *будто онъ, послѣ кратковременнаго успѣха, былъ принужденъ отступить за рѣку.* Нашъ Генералъ опровергаетъ въ своихъ Запискахъ это обвиненіе, ссылаясь на самую битву, которая продолжалась отъ

восьми часовъ утра до седьмаго по полудни; на малыя силы свои, препятствовавшія ему держаться на лѣвой сторонѣ Рейна, и, наконецъ, на бездѣйствіе непріятеля, который послѣ этого дѣла оставилъ его въ занимаемой имъ прежде позиціи. Потеря наша убитыми и ранеными простиралась до 765 человѣкъ, въ томъ числѣ выбыло Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 5, ранено 17. Непріятель, по собственному сознанію, лишился на полѣ сраженія до тысячи человѣкъ, кромѣ трехъ тысячъ раненыхъ; въ плѣнъ взято нашими 50 человѣкъ; отбито два орудія. Вслѣдъ за тѣмъ Римскій-Корсаковъ получилъ, 3 октября, предписаніе отъ Князя Италійскаго идти къ Линдау. Онъ выступилъ туда на другой день, и 8 числа присоединился къ арміи Генералъ-Фельдмаршала. — Императоръ Павелъ I-й, недовольный событіями 14 и 15 сентября, отставилъ (24 окт.) Римскаго-Корсакова отъ службы и удалилъ его въ деревню, поручивъ Генералиссимусу *разсмотрѣть учиненныя имъ распоряженія.* Суворовъ оправдалъ опальнаго; нашелъ, *что всѣ дѣйствія его клонились къ низверженію непріятеля, и что единственный виновникъ происшедшаго — Генералъ-Лейтенантъ Дурасовъ, не присоединившійся къ войскамъ, бывшимъ въ бою.* Со всѣмъ тѣмъ Римскій-Корсаковъ остался въ удаленіи; принужденъ былъ жить въ дымной избѣ, въ имѣніи, совершенно раззоренномъ безпечностію брата его, и въ это горестное время, претерпѣвая во всемъ нужду, получилъ отъ Наслѣдника Престола двадцать тысячъ рублей, будто *за купленную имъ мебель его, оставшуюся въ Семеновскихъ казармахъ*, которая не стоила и пятисотъ рублей. По вступленіи на Престолъ

Императора Александра Благословеннаго, Римскій-Корсаковъ снова принятъ (16 марта 1801 г.) въ службу, съ состояніемъ по Арміи, и вслѣдъ за тѣмъ произведенъ (15 сент.) въ Генералы отъ Инфантеріи, со старшинствомъ въ этомъ чинѣ съ 23 ноября 1799 года; получилъ въ тотъ же день аренду въ Курляндіи, приносившую дохода казнѣ 3800 талеровъ. Въ слѣдующемъ году Государь Императоръ, по случаю принесеннаго имъ поздравленія съ Новымъ годомъ, отвѣчалъ Римскому-Корсакову, 8 января: «что Онъ ни-«когда не сомнѣвался въ привязанности его, и взаим-«но поздравляя, желаетъ ему всего благополучія, кото-«рое онъ заслуживаетъ своими достоинствами, про-«ситъ быть увѣреннымъ въ Его благорасположеніи.»— Тогда Александру Михайловичу ввѣрено было управленіе Бѣлорусскихъ губерній. Проходя доселѣ службу по военной части, онъ просилъ Государя уволить его отъ новаго назначенія, и удостоился получить слѣдующій лестный рескриптъ, отъ 29 марта: «Александръ «Михайловичъ! Ввѣряя вамъ управленіе Бѣлорусскихъ «губерній, Я зналъ совершенно, что положеніе сего «края требуетъ начальника, не столько навыкомъ въ «дѣлахъ гражданскихъ, сколько безкорыстіемъ и пра-«вотою мыслей отличнаго, и по сему познанію обра-«тилъ на васъ Мое избраніе. Въ продолженіе служе-«нія вашего по сей части Я съ удовольствіемъ ви-«дѣлъ, что выборъ Мой вы совершенно оправдывае-«те: по сему заключить можете, сколь не ожидаемо «для Меня было встрѣтить желаніе ваше оставить «сіе званіе, тѣмъ болѣе, что не могъ Я признать до-«статочными причины, васъ къ тому побудившія. Зная

«ваше твердое расположеніе къ общественному благу, «не могу себѣ представить, чтобъ встрѣченныя вами «затрудненія могли совратить васъ съ пути, вамъ «предназначеннаго. Если есть злоупотребленія, коихъ «истребленіе, по какимъ-либо уваженіямъ, не можетъ «быть совмѣстно съ обыкновенною законною гласно- «стію, вы всегда имѣете свободу открыть Мнѣ ихъ «частно, съ полнымъ увѣреніемъ, что въ отвращеніе «ихъ приняты будутъ мѣры, столько же близкія къ «человѣчеству, какъ и сокрытыя отъ всѣхъ противъ «васъ предубѣжденій; а чтобъ дать вамъ очевидный «тому опытъ, Я требую и прошу отъ васъ сего до- «вѣрія. Впрочемъ смѣшивать закоренѣлые безпорядки «подчиненныхъ съ поведеніемъ главнаго начальника, «и поставлять ихъ на личномъ отчетѣ его добраго «имени, никогда не было Моимъ правиломъ и, конеч- «но, для васъ не будетъ. Я желаю, чтобъ вы точнѣе «размыслили о семъ Моемъ расположеніи: ибо увѣ- «рень Я, что послѣ сего бремя служенія вашего «найдете вы не только легкимъ, но и совершенно «соотвѣтствующимъ тѣмъ понятіямъ о порядкѣ и об- «щественной пользѣ, кои всегда Я въ васъ съ удо- «вольствіемъ предполагалъ, пребывая всегда вамъ бла- «госклонный. *Александръ.*» — Вслѣдъ за тѣмъ, Государь, обозрѣвая губерніи, порученныя управленію Римскаго-Корсакова, Всемилостивѣйше пожаловалъ ему табакерку, осыпанную брилліантами, съ Своимъ портретомъ. 24 января 1803 года назначенъ онъ Инспекторомъ по Инфантеріи Московской Инспекціи, подъ Генералъ-Фельдмаршаломъ Графомъ Салтыковымъ, *съ порученіемъ, довести полки оной до надле-*

жащаго устройства (*); черезъ два года потомъ (28 іюля) наименованъ начальникомъ Корпуса, составляемаго на Прусской границѣ изъ четырехъ мушкатерскихъ полковъ: Елецкаго, Копорскаго, Софійскаго и Ревельскаго, одного драгунскаго, Каргопольскаго; трехъ ротъ артиллеріи 1-го полка, роты конной артиллеріи 2-го батальона и трехъ Козацкихъ полковъ. 6 октября (того жъ 1805 г.) Римскій-Корсаковъ получилъ начальство надъ Резервною Арміею, съ повелѣніемъ образовать оную. Эта Армія должна была состоять изъ четырехъ Корпусовъ и расположиться на Западной границѣ, отъ Полангена до Проскурова. Корпусными командирами наименованы Генералъ-Лейтенанты: 1-го, Бриземанъ Фонъ-Неттигъ; 2-го, Князь Голицынъ 2-й; 3-го, Князь Ромодановскій-Ладыженскій и 4-го, Сакенъ 1-й. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ часть ввѣренной Римскому-Корсакову резервной артиллеріи была откомандирована къ составленію Резервнаго Корпуса (**), долженствовавшаго, при первомъ востребованіи, дѣйствовать въ Галиціи. Начальнику онаго, Генералу отъ Кавалеріи Михельсону, велѣно расположиться между Брестомъ-Литовскимъ и Броди. — «Важность Вильны»—писалъ Государь, отъ 8 ноября, къ Римскому-Корсакову—«при настоящемъ

(*) Слова Высочайшаго рескрипта.

(**) Всего поступило въ составъ Резервнаго Корпуса, кромѣ артиллеріи: 45 эскадроновъ, 8 полковъ Козаковъ и 35 батальоновъ. *Изъ вѣдомости*, подписанной Генералъ-Адъютантомъ Графомъ Ливеномъ и препровожденной Государемъ Римскому-Корсакову.

«положеніи обстоятельствъ, требуетъ вашего пребы-«ванія тамъ и скорѣйшаго образованія остающейся «въ начальствѣ вашемъ части Резервной Арміи. Воз-«лагая сіе на попеченіе ваше, Я совершенно увѣренъ, «что отличнымъ усердіемъ и дѣятельностію вашею «поспѣшите вы нынѣшнимъ наборомъ рекрутъ уком-«плектовать сколь возможно скорѣе командуемыя вами «войска, и привесть оныя во всѣхъ частяхъ въ дол-«жное устройство».—13 февраля 1806 года поручено Римскому-Корсакову (по случаю возвращенія войскъ въ границы Имперіи) начальство надъ 3-ю и 4-ю дивизіями. Онѣ состояли, кромѣ артиллеріи, изъ полковъ: 1) Орденскаго кираспрскаго; 2) Рижскаго; 3) Псковскаго и 4) Казанскаго драгунскихъ; 5) Польскаго копнаго; 6) Елисаветградскаго гусарскаго; мушкатерскихъ: 1) Тульскаго; 2) Тенгинскаго; 3) Навагинскаго; 4) Тобольскаго; 5) Полоцкаго; 6) Костромскаго; 7) Пермскаго; 8) Софійскаго; 9) Могилевскаго; 10) Калужскаго; 11) Углицкаго; 12) Сѣвскаго; егерскихъ: 3-го и 20 го; двухъ Козацкихъ полковъ и двухъ конныхъ Литовскихъ. Дивизіонными начальниками были Генералъ-Лейтенанты: Князь Голицынъ 5-й и Тучковъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, Римскій-Корсаковъ назначенъ (сентября 20) Военнымъ Губернаторомъ въ Вильну. «При настоящемъ положе-«ніи обстоятельствъ» — писалъ къ нему Государь — «обращая особенное вниманіе къ должности Виленска-«го Военнаго Губернатора, требующей Генерала ис-«пытанной дѣятельности, Я, руководствуясь довѣрен-«постію, на которую пріобрѣли вы совершенное пра-«во, и видя притомъ опыты попечительнаго управле-

«нія вашего по части, нынѣ вамъ ввѣренной, возла-«гаю оную должность на васъ, въ полномъ увѣреніи, «что вы и въ семъ случаѣ явите новыя доказатель-«ства вашего усердія.» — Въ то время (20 окт.) подчинены Римскому-Корсакову (кромѣ гарнизонныхъ батальоновъ: Виленскаго, Минскаго и Могилевскаго, находившихся уже подъ его начальствомъ) гарнизонные батальоны: Нарвскій, Динамюндскій, Перновскій, два Кронштадтскихъ, Рижскій, Митавскій, Ревельскій, Шлиссельбургскій, Новгородскій, Псковскій, Тверскій, Архангелогородскій, Гродненскій, два батальона Московскихъ, Смоленскій; запасные эскадроны и полу-эскадроны дивизій: 2-й: Лейбъ Кираспрскаго Его Величества; Каргопольскаго драгунскаго; Изюмскаго гусарскаго; 3-й: Малороссійскаго кираспрскаго; Курляндскаго драгунскаго; Сумскаго гусарскаго; 4-й: Орденскаго кирасирскаго; Псковскаго драгунскаго; 6-й: Екатеринославскаго кирасирскаго; Кіевскаго драгунскаго и Александрійскаго гусарскаго; шесть Донскихъ Козачьихъ полковъ и Невскій мушкатерскій полкъ. Войскамъ этимъ велѣно расположиться, по данному росписанію, въ Виленской, Гродненской и Минской губерніяхъ. Такимъ образомъ составился Резервный Корпусъ, долженствовавшій охранять спокойствіе границы. Римскому Корсакову предписано было распредѣлить всѣ войска въ Бригады, ввѣривъ оныя опредѣленнымъ начальникамъ, и состоять подъ начальствомъ Главнокомандующаго дѣйствующей Арміи. Благоразумными поступками и бдительнымъ надзоромъ, Александръ Михайловичъ уничтожилъ покушенія Французскаго Правительства поколебать спокойствіе, цар-

ствовавшее въ Литовскихъ губерніяхъ. Отправивъ, въ началѣ 1807 года, четыре тысячи человѣкъ къ Генералу отъ Кавалеріи Барону Бенингсену, для укомплектованія Арміи, онъ занялся скорѣйшимъ образованіемъ и обученіемъ остальныхъ рекрутъ, которые также усилили дѣйствовавшія войска. Тогда Государь явилъ новый опытъ *особаго своего благоволенія и признательности къ усердной, продолжительной и отличной службѣ* Римскаго-Корсакова (*): принялъ старшаго сына его Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскій полкъ Портупей-Прапорщикомъ, съ дозволеніемъ находиться при отцѣ, для обученія порядку службы, и произвелъ его, чрезъ три мѣсяца, въ Прапорщики того жъ полка. По прекращеніи кровопролитной брани съ Франціею, Александръ Михайловичъ удостоился получить (28 іюня 1807 года) орденъ Св. Владиміра первой степени: *за труды и подвиги, дознанные опытами въ прехожденіи долговременнаго и усерднаго служенія его, особливо явленные имъ въ теченіе послѣдней войны, въ которое время, имѣя съ самаго начала оной въ начальствованіи своемъ Резервный Корпусъ, неутомимою дѣятельностію и пламенною ревностію споспѣшествовалъ во многомъ дѣйствію Арміи, доставляя къ оной всѣ военныя снабженія, нужныя къ продолженію дѣятельной войны.* Вслѣдъ за тѣмъ (7 ноября) поручены Римскому-Корсакову въ команду войска 4-й, 7-й и 10-й дивизій,

(*) Слова Высочайшаго Рескрипта, отъ 25 апрѣля 1807 года.

составлявшія Корпусъ Арміи, подъ главнымъ начальствомъ Генерала отъ Инфантеріи Графа Буксгевдена. По мѣстному расположенію означенныхъ дивизій, онъ сохранилъ вмѣстѣ и званіе Литовскаго Военнаго Губернатора. Въ 1808 году (20 января) Высочайше пожаловано ему тридцать тысячъ рублей изъ оставшихся у него экономическихъ денегъ отъ покупки лошадей, повозокъ и проч. для запасныхъ артиллерійскихъ парковъ, и около того времени получилъ онъ двѣ табакерки съ портретами Государыни Императрицъ Маріи Ѳеодоровны и Елисаветы Алексѣевны. Доселѣ Александръ Михайловичъ не испыталъ никакой непріятности на службѣ въ Государствованіе Александра Благословеннаго; но возникшая у него переписка съ тогдашнимъ Военнымъ Министромъ Графомъ Аракчеевымъ *относительно подчиненности*, вынудила Императора сдѣлать слѣдующее замѣчаніе Римскому-Корсакову (18 марта 1809 года). «Я долженъ вамъ сказать» — писалъ къ нему Государь — «что званіе Военнаго Министра есть пер«вое въ Арміи и ему подчинены всѣ военные чины, «отъ перваго до послѣдняго, не смотря на то, въ «какую бы должность употребленъ кто ни былъ; слѣ«довательно, сему общему правилу и вы должны по«коряться безпреклословно. Фельдмаршалъ Князь Про«зоровскій, службою и чиномъ старѣе васъ, и братъ «Мой Константинъ Павловичъ служатъ лучшими «примѣрами подчиненности.» — Римскій-Корсаковъ обратился къ Императору съ просьбою: *уволить его въ отпускъ до излеченія болѣзни*, и получилъ желаемое 3-го іюля. Онъ оставался внѣ службы по 17

апрѣля 1812 года: тогда назначенъ во второй разъ Военнымъ Губернаторомъ въ Литву, и еще восемнадцать лѣтъ (по 20 декабря 1830 года) управлялъ этимъ краемъ, — доказательство довѣрія двухъ Монарховъ къ Римскому-Корсакову и личныхъ его способностей. Многотрудная служба Александра Михайловича была награждена въ это время: 1819 года, ассигнованіемъ ему изъ Государственнаго Казначейства, вмѣсто арендныхъ денегъ, получаемыхъ съ 1801 года, на двѣнадцать лѣтъ, 10,976 рублей серебромъ ежегодно; 1820 г, табакеркою, осыпанною брилліантами, съ портретомъ Александра Благословеннаго; 1826 г. 22 августа, въ день коронованія Государя Императора, нынѣ благополучно Царствующаго, орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, *за долговременное, отличное служеніе и труды, подъемлемые по управленію Литовскимъ краемъ* (*). Присутствуя въ Государственномъ Совѣтѣ, съ 1830 года, Римскій-Корсаковъ получилъ въ слѣдующемъ 1831-мъ знакъ отличія безпорочной службы за LV лѣтъ и арендныя деньги, пожалованныя въ 1819 году, на двѣнадцать лѣтъ, обращены ему въ пожизненный пенсіонъ, сверхъ производимаго жалованья по чину, 4560 рублей и столовыхъ по 12,000 рублей въ годъ. Въ послѣднее время своей жизни, почтенный старецъ не могъ уже ѣздить въ Совѣтъ; но, не смотря на преклонныя лѣта, сохранялъ еще довольно свѣжую память и любилъ разсказывать о походахъ своихъ и сраженіяхъ подъ знаменами незабвенныхъ Задунайскаго и Италійскаго. Се-

(*) Слова Высочайшей Грамоты.

меновскій полкъ былъ всегда цѣлью его рѣдкихъ прогулокъ: слеза радости орошала лицо Римскаго-Корсакова при проѣздѣ мимо полковой церкви и дома, въ которомъ живетъ полковый командиръ, имъ построеннаго. Смерть его, послѣдовавшая 13 мая 1840 года, на 87 мъ отъ рожденія, была тиха и безъ страданій. 16 числа произошло въ Исакіевскомъ Соборѣ отпѣваніе тѣла, съ приличными званію и чину усопшаго почестями. Военный Министръ Князь Чернышевъ, С. Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ Графъ Эссенъ и нѣсколько другихъ знатныхъ лицъ присутствіемъ своимъ почтили память его. Государя Императора (который, всегда, съ отличнымъ уваженіемъ отзывался о Римскомъ Корсаковѣ, *какъ о бывшемъ Своемъ начальникѣ*) не было тогда въ столицѣ. По окончаніи Викаріемъ С. Петербургскимъ, Преосвященнымъ Венедиктомъ, Божественной литургіи, печальная процессія двинулась къ Московской заставѣ. Шествіе заключали два батальона Лейбъ Гвардіи Семеновскаго полка, которымъ нѣкогда командовалъ покойный. Бренные останки препоровождены въ село Сукромну, Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда, принадлежащее нынѣ сыну его, Михаилу Александровичу. — Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ отличался благороднымъ и твердымъ характеромъ; имѣлъ доброе сердце; никому не причинялъ зла; благодѣтельствовалъ многимъ; когда домашніе обращали на себя гнѣвъ его, онъ наказывалъ ихъ только словами: *чтобъ они не показывались ему на глаза.* О неустрашимости Римскаго-Корсакова можно судить по военнымъ его дѣйствіямъ. Онъ, кромѣ оте-

чественнаго языка, зналъ основательно Французскій и Нѣмецкій, также нѣсколько Англійскій; оставилъ на второмъ, любопытное описаніе битвъ, происходившихъ подъ Цюрихомъ, которымъ совершенно оправдалъ понесенное имъ пораженіе. Отличный отзывъ о Римскомъ-Корсаковѣ Императрицы Екатерины II-й и Императора Австрійскаго Франца II-го; привязанность Александра Благословеннаго, котораго онъ называлъ своимъ *Благодѣтелемъ*; уваженіе Государя Императора, нынѣ благополучно Царствующаго надъ нами, и дружба *Задунайскаго* (*) служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ его достоинствъ. И Принцъ Саксенъ-Кобургскій, когда Корсаковъ былъ еще Полковникомъ, просилъ его письменно (1789 г.) *о продолженіи къ нему дружбы, которою всегда былъ удостоенъ*; отдавалъ справедливость *военнымъ его способностямъ*. Изъ новѣйшихъ Полководцевъ, Беннигсенъ болѣе всѣхъ былъ друженъ съ Римскимъ-Корсаковымъ, сообщалъ ему откровенно извѣстія о военныхъ событіяхъ 1805, 1806 и 1807 годовъ. Многія письма Беннигсена писаны съ поля сраженія (**).

(*) Послѣ Римскаго-Корсакова осталось нѣсколько собственноручныхъ писемъ къ нему Румянцова-Задунайскаго: «Не «забывайте меня» — писалъ, между прочимъ, послѣдній, — «искреннія чувства мои и почтеніе, коимъ я къ вамъ пре«исполненъ, даютъ мнѣ право на вашу дружбу.»

(**) Графъ Леонтій Леонтьевичъ Беннигсенъ, Генералъ отъ Кавалеріи, родился въ 1745 году въ Брауншвейгѣ; вступилъ въ нашу службу въ 1773; извѣстенъ одержанными имъ побѣдами надъ Французами при Пултускѣ (1806

РОЗЕНБЕРГЪ, Андрей Григорьевичъ, Курляндскій дворянинъ, родился въ 1740 году, и на четырнадцатомъ вступилъ въ военную службу солдатомъ (1753 г.); произведенъ изъ Фурьеровъ въ Сержанты (1755 г.). Вскорѣ семнадцатилѣтній юноша присоединился къ нашимъ полкамъ, выступившимъ въ Пруссію: Эгерсдорфская и Франкфуртская битвы доставили ему чины (1757 г.) Прапорщика и (1758 г.) Подпоручика. Вслѣдъ за тѣмъ участвовалъ онъ въ Гохкирхскомъ сраженіи, служа волонтеромъ въ Цесарской арміи, и въ знаменитомъ пораженіи Пруссаковъ (1759 г.) при Пальцигѣ, гдѣ тяжело раненъ. Тогда Розенбергъ былъ принужденъ перейти изъ армейскаго полка въ Рижскій гарнизонъ; но при этомъ перемѣщеніи, чувствительномъ для воина, награжденъ справедливою Монархинею чиномъ Секундъ-Маіора (1760 г.). Въ 1766 году Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ Минихъ доставилъ Розенбергу мѣсто Главнаго Судьи въ Конторѣ строенія Балтійскаго Порта. Онъ не долго оставался въ этой должности, вѣроятно, по случаю кончины Миниха (1767 г.); просилъ увольненія въ отставку, и вмѣсто того, отправленъ Императрицею въ Италію,

---

г.), Прейсишъ-Эйлау, Гутштадтѣ и Гейльсбергѣ (1807 г.), близъ Тарутина надъ Мюратомъ (1812 г.); участвовалъ въ битвѣ подъ Лейпцигомъ (1813 г.); скончался въ Ганноверѣ въ 1826 году. — Біографія Римскаго-Корсакова составлена мною изъ подлинныхъ документовъ о его службѣ и собственноручныхъ записокъ, сообщенныхъ мнѣ сыномъ его, Михаиломъ Александровичемъ Римскимъ-Корсаковымъ. Б. К.

неизвѣстно съ какимъ порученіемъ. Тогда (въ 1769 году) Розенбергъ причисленъ былъ, по прежнему, къ Арміи. Возгорѣвшаяся война съ Турціею заставила его снова обнажить мечь: онъ участвовалъ (1770 г.) въ Черногорской и Архипелагской экспедиціяхъ; въ морскихъ и сухопутныхъ сраженіяхъ, въ томъ числѣ знаменитомъ *Чесменскомъ; за мужественные подвиги свои* переведенъ Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскій полкъ Капитанъ-Поручикомъ (1770 г.). Потомъ Розенбергъ служилъ, съ 1771 по 1774 годъ, волонтеромъ во Второй Арміи; находился въ разныхъ битвахъ противъ Турковъ; пожалованъ (1772 г.) Гвардіи Капитаномъ, и 22 сентября 1775 года выпущенъ въ Армейскіе полки Полковникомъ. Въ 1778 и 1779 годахъ Розенбергъ продолжалъ службу въ отдѣльномъ Корпусѣ, бывшемъ въ Польшѣ; произведенъ (1780 г.) въ Бригадиры и (1782 г.) въ Генералъ-Маіоры; получилъ (1787 г.) орденъ Св. Владиміра второй степени, будучи Шефомъ Таврическаго Егерскаго Корпуса, и въ этомъ званіи произведенъ черезъ три года (1790 г.) въ Генералъ-Лейтенанты. По вступленіи на Престолъ Императора Павла I-го, онъ пожалованъ, 29 ноября 1797 года, въ Генералъ отъ Инфантеріи, а въ слѣдующемъ 1798 году назначенъ Смоленскимъ Военнымъ Губернаторомъ и Шефомъ Московскаго Гренадерскаго полка. — Наступила славная эпоха въ жизни Розенберга, долженствовавшая вывести его изъ толпы Генераловъ, покрытыхъ неизвѣстностію. Желая остановить завоеванія Французовъ, которые, покоривъ Италію и Швейцарію, угрожали предѣламъ Австріи, Императоръ Павелъ I-й отправилъ, въ 1799 году,

на помощь этой Державѣ двадцати-двухъ-тысячный корпусъ подъ начальствомъ Розенберга. Вскорѣ Суворовъ, по ходатайству Франца II-го, получилъ главное предводительство надъ союзными войсками. Онъ уже находился въ Вѣнѣ, когда пришли въ эту столицу Русскіе полки. Война была тогда перенесена въ Италію. Слѣдуя съ своимъ корпусомъ, изъ 22421, чел:, къ Вероиѣ, между горами Корентіи, Розенбергъ прошелъ отъ Сен-Пельтена до Виллаха, пятьдесятъ съ половиною Нѣмецкихъ миль, около 354 верстъ, въ двадцать пять дней. Въ Виллахѣ, Суворовъ далъ приказаніе войскамъ *поспѣшить къ Вероиѣ.* Воля Главнокомандующаго была въ точности исполнена Розенбергомъ: онъ ускорилъ маршъ и въ девять дней перенесся въ Верону, отстоящую отъ Виллаха въ трехъ стахъ шестидесяти четырехъ верстахъ. Первый подвигъ, согласный съ *быстротою* знаменитаго нашего Полководца, пріобрѣлъ ему любовь и похвалу его. Въ Вероиѣ, Суворовъ раздѣлилъ силы свои, желая дѣйствовать въ одно время противъ занятыхъ непріятелемъ крѣпостей и отступавшей Французской арміи. Розенбергъ получилъ начальство надъ первою колонною, въ которой находились и Австрійскія войска: перешедъ черезъ Адду въ Брешіо, онъ принудилъ Генерала Серюрье, занимавшаго позицію въ укрѣпленной деревнѣ Вердеріо, положить оружіе съ тремя тысячами чел: и восьмью пушками. Офицеры были отпущены во Францію, съ обѣщаніемъ не сражаться противъ Союзниковъ; солдаты остались военноплѣнными. Въ этомъ дѣлѣ (за которое Розенбергъ былъ награжденъ, 14 мая, орденомъ Св. Александра Невскаго, укра-

шеннымъ брилліантами) отличился Австрійскій Генералъ Вукасовичъ, командовавшій авангардомъ: онъ выдержалъ убійственный огонь непріятельской артиллеріи, и нанесъ Французамъ сильный уронъ: потеря ихъ убитыми простиралась до тысячи человѣкъ. Союзныя войска вступили въ Миланъ въ день Св. Пасхи. Продолжая очищать отъ непріятеля занятые имъ города, Суворовъ приказалъ Розенбергу вступить въ Валенцу, откуда, какъ распространился слухъ, вышли Французы; но удостовѣрившись, что эта крѣпость была ими еще занята, тотчасъ отправилъ къ Корпусному своему Генералу повелѣніе: оставить переправу при Борго-Франко и слѣдовать къ Тортонѣ, для присоединенія къ главной Россійско-Австрійской арміи. Приказъ Главнокомандующаго полученъ Розенбергомъ въ то время, когда часть его авангарда переправилась уже черезъ По. Ему надлежало предпринять обратный походъ; но онъ продолжалъ свою переправу на одномъ паромѣ и нѣсколькихъ лодкахъ, и чтобы отвлечь вниманіе непріятеля, послалъ Полковника Жукова въ верхъ по рѣкѣ, съ отрядомъ пѣхоты, съ приказаніемъ остановиться противъ Валенцы, въ виду Французовъ. Послѣдними, на этомъ пунктѣ, предводительствовалъ знаменитый Моро: онъ сначала наблюдалъ только за предпріятіемъ Розенберга. Командовавшій лѣвымъ крыломъ Французской арміи Генералъ Гренье уклонился отъ рѣшительнаго сраженія. Французы оставили Басиньяно, куда безпрепятственно вступили Русскіе, быстро сбивая непріятельскіе пикеты, при радостныхъ восклицаніяхъ жителей. Между тѣмъ Гренье сосредоточилъ свою дивизію на высо-

тахъ мѣстечка Печетто. Переправившіяся войска вступили въ сомнительное сраженіе, и вдругъ пять баталіоновъ Русскихъ и двѣсти Козаковъ увидѣли противъ себя цѣлый непріятельскій корпусъ, сосредоточившійся изъ Александріи. Тогда незабвенный Милорадовичъ, ученикъ Суворова, взявъ въ руки знамя, ударилъ въ штыки; къ нему присоединились вновь прибывшіе баталіоны; сраженіе получило другой видъ: непріятель подался назадъ; Русскіе гнали и поражали его; но въ то самое время ударили отбой: герои отступили въ свою очередь, преслѣдуемые Французами. Къ довершенію разстройства, жители Басиньяны перерѣзали канатъ парома, стрѣляли даже изъ своихъ домовъ на Русскихъ. Ночь прекратила битву, продолжавшуюся восемь часовъ. Розенбергъ обратно переправился черезъ рѣку По. Съ нашей стороны убиты: одинъ Штабъ-Офицеръ, шесть Офицеровъ и 326 рядовыхъ; ранены: Генералъ-Маіоръ Чубаровъ, восемь Штабъ и пятдесятъ Оберъ-Офицеровъ и 600 нижнихъ чиновъ. Потеря непріятеля простиралась убитыми до тысячи и гораздо болѣе ранеными. Это событіе чрезвычайно раздражило Суворова: онъ приказалъ Розенбергу слѣдовать къ Торре Ди-Гарофоли, что близъ Тортоны, потомъ возвратиться въ мѣстечко Лумелло, и, отправляя это повелѣніе, собственноручно приписалъ: «Не теряя ни минуты, немедленно сіе исполнить, *или подъ военный судъ.*» — Какъ ослушникъ, Розенбергъ заслуживалъ быть подъ судомъ; но Герой Туртукая помнилъ, что онъ также поступилъ въ 1773 году противъ приказанія Румянцова, и въ своемъ донесеніи Государю оправдалъ виновнаго

приписавъ *храбрости его* неудачную переправу и понесенное пораженіе. — Вслѣдъ за тѣмъ, продолжая командовать корпусомъ, Розенбергъ занялъ своими войсками оставленныя непріятелемъ крѣпости Валенцу и Касаль съ ихъ цитаделями; потомъ участвовалъ, 15 мая, въ занятіи Турина; предводительствовалъ въ сраженіи при Требіи первою колонною, въ авангардѣ которой имѣлъ храбраго Князя Багратіона; опрокинулъ, 7 іюня, штыками лѣвое крыло непріятельское на противоположный берегъ рѣки, и положилъ на мѣстѣ 1200 человѣкъ, взялъ въ плѣнъ болѣе 1000 человѣкъ, отбилъ у Поляковъ одно орудіе и знамя. Макдональдъ возобновилъ битву 8 іюня: Польскій Генералъ-Домбровскій, вторично переправившійся чрезъ Требію, напалъ на полки Розенберга; но послѣдній сломилъ всю линію непріятеля, и три раза отбросилъ его за рѣку, при чемъ убито до 700 человѣкъ, взято въ плѣнъ 250 и захвачено Русскими одно знамя. На другой день, Розенбергъ, преслѣдуя непріятеля, догналъ арріергардъ дивизіи Виктора при Сен-Джіоржіо, принудилъ его отступить за рѣку Пуру, и, стѣснивъ во рвахъ и лѣсахъ, ударилъ въ штыки, положилъ на мѣстѣ до 400 человѣкъ, взялъ въ плѣнъ двухъ Полковниковъ, 26 Офицеровъ и тысячу рядовыхъ стараго полка Овернье; отбилъ пушку и три знамя. Въ донесеніи Государю о Требійскихъ битвахъ, Суворовъ отозвался о Розенбергѣ: «что онъ способствовалъ къ разбитію не«пріятеля хорошимъ разсмотрѣніемъ, и вездѣ, гдѣ на«добность требовала, подкрѣплялъ съ успѣхомъ, и что «подъ нимъ ранены три лошади.» — Императоръ наградилъ Розенберга, 11 іюля, командорствомъ кре-

стомъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Вскорѣ прибылъ въ Верону Россійскій десятитысячный корпусъ, высланный Павломъ I-мъ на помощь къ Королю обѣихъ Сицилій, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Ребиндера; къ симъ войскамъ присоединилась Австрійская конница изъ тысячи человѣкъ. Тогда Суворовъ ввѣрилъ главный свой корпусъ, предводимый Розенбергомъ, Генералу отъ Кавалеріи Дерфельдену, а Розенбергу подчинилъ полки Ребиндера, съ приказаніемъ прикрывать осаду Мантуи, и на время, остановиться при Піаченцѣ. Потомъ Розенбергъ занялъ мѣстечко Бронн, откуда долженъ былъ выступить наскоро, въ исходѣ іюля, чрезъ Вогеру въ Вигиуоло, гдѣ остановился въ разстояніи отъ Тортоны на пушечный выстрѣлъ, для наблюденія за горными ущельями, чрезъ которые непріятель могъ дѣлать движенія свои противъ лѣваго крыла нашей арміи. Вслѣдъ за тѣмъ велѣно ему расположиться въ Ривальтѣ, чтобы прикрыть осаду Тортоны и, въ случаѣ надобности, подкрѣплять наши войска. 4 Августа произошла битва при Нови, на которой палъ Жубертъ. Преслѣдуя, 5 числа, Французовъ, Розенбергъ настигъ, при Гави, арріергардъ ихъ, который состоялъ изъ трехъ тысячь человѣкъ; стѣснилъ его на ближнихъ высотахъ, сбилъ передовые посты, ударилъ въ штыки, сломилъ линію и обратилъ въ бѣгство, при чемъ непріятель потерялъ убитыми болѣе двухъ сотъ человѣкъ и плѣнными 130. — Доселѣ Розенбергъ, сражавшійся подъ знаменами Суворова, могъ только выказать свою неустрашимость, но не имѣлъ случая, послѣ неудачной битвы съ Моро, насладиться полнымъ торжествомъ

побѣды, ему одному принадлежащей. Случай этотъ ожидалъ его въ Швейцаріи, куда Италійскій двинулся съ своими полками по приказанію Императора Павла I-го. Россійская армія была раздѣлена на двѣ колонны: первою, при которой находился Суворовъ, предводительствовалъ Дерфельденъ; второю Розенбергъ. Послѣдній слѣдовалъ съ ввѣреннымъ ему войскомъ, при проливномъ во весь маршъ дождѣ, изъ Белинцоны, чрезъ горныя высоты Фогельберга, на Донгіо и Сен Маріа, и ночью прибылъ въ Таветтъ, 12 сентября. Тамъ узналъ онъ, что непріятель находился за два часа марша, и немедленно приказалъ козакамъ открыть его. На другой день, съ разсвѣтомъ, Русскіе выступили къ мѣстечку Урзерну. Французы стояли близъ озера, между двухъ высокихъ горъ, во множествѣ земляновъ и шалашей. Козаки сбили ихъ пикеты, расположенные за милю впереди; авангардъ нашъ, подъ командою Милорадовича, отбросилъ непріятеля съ высоты горъ въ долину Урзернъ. Тщетно Французы покушались разстроить правый флангъ нашъ: они были принуждены отступить на правый берегъ озера; построились за громадою камней, двумя колоннами; но и тамъ потерпѣли пораженіе, обращены въ бѣгство, преслѣдованы на разстояніи шести верстъ, лишились убитыми до ста человѣкъ. Болотистое мѣстоположеніе затрудняло дѣйствіе кавалеріи. Непріятель развернулся тогда въ шести колоннахъ, въ долинѣ Урзернъ. Гранатные выстрѣлы не могли вредить Русскимъ на высотахъ. Розенбергъ днемъ ожидалъ подкрѣпленія изъ корпуса Дерфельдена, со стороны Сен-Готарда. Наступилъ вечеръ: Русскіе, подъ выстрѣлами, скати-

лись съ неприступныхъ утесовъ, построились въ нѣсколько минутъ у подошвы горъ, устремились на штыкахъ противъ Французовъ, смѣшали ихъ колонны, овладѣли мѣстечкомъ Урзерномъ, и заставили непріятеля укрыться въ горахъ, ведущихъ къ Тейфельсбрике. Ночная темнота и густой туманъ прекратили сраженіе. Двѣ пушки, единорогъ съ снарядами, 370 тысячь патроновъ и провіантъ для корпуса на цѣлый день были трофеями побѣдителей. Непріятель потерялъ убитыми около 200 человѣкъ; въ плѣнъ взяты: Маіоръ и 40 солдатъ. Эта битва предшествовала другимъ славнѣйшимъ: между тѣмъ, какъ Суворовъ открывалъ для себя путь оружіемъ сквозь непріятельскія колонны, Розенбергъ прибылъ, 17 сентября, въ долину Муттенъ. Здѣсь, 19 числа, въ третьемъ часу по полудни, сразился онъ съ Мортье, имѣвшимъ подъ ружьемъ восемь тысячь человѣкъ. Французы первые открыли огонь нападеніемъ на наши пикеты, но искуснымъ маневрами передовыхъ войскъ Розенберга, доведенные до послѣднихъ рядовъ, сбиты, послѣ жестокаго огня, назадъ; получили подкрѣпленіе; устремились снова на Русскихъ; приняты въ штыки, опрокинуты и преслѣдованы шесть верстъ по дорогѣ къ Швицу. Къ чести Розенберга должно присовокупить, что войско Мортье гораздо превосходило числомъ наше (*). Непріятель потерялъ убитыми до 500 чело-

(*) См. донесеніе Императору Павлу I-му Суворова, отъ 3 октября 1799 г., въ третьей части Исторіи Россійско-Австрійской Кампаніи, стр. 410.

вѣкъ, потоплено въ рѣкѣ болѣе ста, въ плѣнъ взято семдесять, ранено около тысячи. Отбитая восьми-фунтовая пушка, по причинѣ тяжести, была заклепана и зарыта въ землю. — На другой день, 20 сентября, въ одиннадцатомъ часу утра, Главнокомандующій Французскими войсками въ Швейцаріи, Массена, произвелъ стремительную атаку на Розенберга, съ десятитысячнымъ войскомъ. Исполняя въ точности данное приказаніе, Генералъ-Маіоръ Велецкій, съ передовыми пикетами и съ батальономъ своимъ, отстрѣливаясь, отступилъ къ лѣвому флангу, и заманилъ непріятеля въ равнину, къ стоявшимъ тамъ въ боевомъ порядкѣ нашимъ полкамъ: тогда цѣлая линія Русскихъ приняла Французовъ на штыки, опрокинула и обратила ихъ въ бѣгство. Спасавшіеся отъ пораженія увлекли съ собою выступавшихъ на кровавый бой; нѣсколько полковъ преслѣдовали побѣжденныхъ, на разстояніи двѣнадцати верстъ, усѣвая дороги тѣлами убитыхъ и раненыхъ. Такъ отомстилъ Розенбергъ Массенѣ за пораженіе нашихъ войскъ подъ Цюрихомъ! (*) Непріятель лишился Генерала Лягурье и до 300 разныхъ чиновъ, павшихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Сверхъ сего потонуло болѣе 300 Французовъ, убито до 200, бросившихся съ крутизны горъ; взято въ плѣнъ: дивизіонный Генералъ Лекурбъ, который, при Флернсѣ, выдержалъ съ тремя батальонами, въ продолженіе семи часовъ, атаку десятитысячной колонны Австрійцевъ, гордился дружбою Моро (**), одинъ Бригадный и одинъ

(*) См. біографію Римскаго-Корсакова.

(**) Лекурбъ открыто потомъ защищалъ Моро противъ

Батальонный Командиры, 13 офицеровъ и 1200 рядовыхъ; найдено въ лѣсахъ до 400 раненыхъ; отбито пять пушекъ, изъ которыхъ одну, двѣнадцати фунтовую, Розенбергъ обратилъ на пораженіе непріятеля, спасавшагося къ Швицу. Подъ нимъ въ этомъ дѣлѣ была убита лошадь. Государь наградилъ, 23 октября, побѣдителя орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, съ которымъ Розенбергъ получилъ и Аннинскую ленту, имѣвъ только, до открытія кампаніи, орденъ Св. Владиміра второй степени. Возвратясь въ Отечество, Розенбергъ опредѣленъ (8 іюня 1800 года) Военнымъ Губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскъ, и именованъ Инспекторомъ Днѣстровской Инспекціи, Шефомъ Владимірскаго мушкатерскаго полка. Вслѣдъ за тѣмъ ввѣрено ему было (11 октября 1803 года), Императоромъ Александромъ I-мъ, управленіе Херсонской губерніи. Тамъ Розенбергъ начальствовалъ по 13 марта 1805 года, бывъ тогда, по прошенію, уволенъ въ отставку, *во уваженіе слабаго здоровья*, съ сохраненіемъ всѣхъ получаемыхъ окладовъ. Онъ скончался 25 августа 1813 года, на 74 году отъ рожденія, въ пожалованномъ ему Императоромъ Павломъ I-мъ, на пятдесятъ лѣтъ, Старостѣ Черномъ, которое находится въ тридцати верстахъ отъ Каменецъ-Подольска. — Андрей Григорьевичъ Розенбергъ, высокаго

Наполеона; находился при послѣднемъ въ изгнаніи; получилъ отъ Лудовика XVIII-го ленту Почетнаго Легіона, Графское достоинство, званіе Генералъ-Инспектора надъ пѣхотою, и въ 1815 году присталъ къ знаменамъ Наполеона, передъ своею смертію.

роста, худощавый, соединялъ, съ нравомъ пылкимъ, доброе сердце; отличался привѣтливостію, ласковымъ обращеніемъ, хлѣбосольствомъ. О неустрашимости, искусномъ соображеніи и предпріимчивости его свидѣтельствуютъ воинные подвиги. Онъ не могъ равнодушно смотрѣть на висѣвшій, въ его сельскомъ домикѣ (который состоялъ только изъ двухъ комнатъ) надъ дверью, портретъ Массены; повторялъ неоднократно, указывая на него: *ускользнулъ отъ меня этотъ мошенникъ!* — Когда, подъ Мутенталемъ, приводили къ нему плѣнныхъ, онъ кричалъ Козакамъ: «На что мнѣ эти дураки! Приведите Массену.» — Суворовъ сначала называлъ Розенберга, командовавшаго арріергардомъ, *своимъ хвостомъ*, но послѣ знаменитаго пораженія Французовъ въ долинѣ Муттенъ величалъ его: *молодцомъ, богатыремъ!* — Говоря о Розенбергѣ, нельзя умолчать о тогдашнемъ Инспекторѣ Каменецъ-Подольской Врачебной Управы, Выражевичѣ, изъ Малороссіянъ: въ 1807 году постигла Розенберга сильная лихорадка, которая угрожала жизни маститаго старца; Выражевичъ освободилъ его отъ опасной болѣзни и отказался отъ предложенныхъ ему пятисотъ рублей. «Вы меня обижаете» — сказалъ, съ сердцемъ, почтенный врачъ: — «именуете *друга своимъ* и предлагаете плату! Такъ ли посту«паютъ съ друзьями!» — Давно забытъ Выражевичъ, покрытый глыбою земли, но благородный подвигъ его сохранится въ потомствѣ съ именемъ Розенберга. — *Изъ формулярнаго списка Розенберга, Исторіи Россійско-Австрійской Кампаніи, изданной 1799 года. и изъ разсказовъ его современниковъ.*

РОСТОПЧИНЪ, Графъ Оедоръ Васильевичь, произошелъ отъ знаменитаго Чингисхана, который, наслѣдовавъ, по смерти отца своего Езукая Багадура, въ началѣ XIII столѣтія, 40,000 семействъ, приказалъ сварить, въ семидесяти котлахъ, наполненныхъ кипящею водою, главныхъ виновниковъ происшедшаго тогда бунта; овладѣлъ Монгольскими и Татарскими Ордами; обезглавилъ Хана Керантскаго, дерзнувшаго обнажить мечь на него; оковалъ серебромъ его черепъ; подчинилъ себѣ Киргизовъ южной Сибири, Игуровъ, обитавшихъ на границахъ Малой Бухаріи, Царя Тибета; отказался отъ дани, платимой Езукаемъ Монарху Піучей и сѣверныхъ областей Китая; велѣлъ сказать ему, въ насмѣшку: «что хотя онъ и назы«вается *сыномъ Неба*, но въ глазахъ его *человѣкъ* и «*смертный!*» покорилъ девяносто городовъ Китайскихъ; занялъ (въ 1215 году) Пекинъ; устремился потомъ въ Великую Бухарію; взялъ: Бохару, Самаркандъ, Хиву, Термет, Балхъ и многіе другіе города; опустошилъ всю землю отъ моря Аральскаго до Инда, страны, населенныя Ясыми, Абазинцами, Касогами или Черкесами; простеръ завоеванія до самыхъ предѣловъ Южной Россіи, но, послѣ кровавой битвы на Калкѣ, отозвалъ оттуда побѣдоносное войско для покоренія Тангутъ, и, среди новыхъ успѣховъ своего оружія, палъ, въ 1227 году, подъ ножемъ молодой жены уничтоженнаго имъ Хана. Потомокъ, по прямой линіи, славнаго завоевателя Борисъ Давыдовичь, прозваніемъ *Ростопча*, выѣхалъ въ Россію изъ Крымской орды при Великомъ Князѣ Василіѣ Іоанновичѣ, въ началѣ XVI столѣтія, и поселился въ Москвѣ. Ростопчины

отправляли разныя службы, были жалованы отъ Государей помѣстьями (*), и хотя не занимали значительныхъ должностей, но имѣли вѣсъ, что подтверждается участіемъ двухъ членовъ ихъ дома: Матвѣя Игнатьевича и меньшаго сына Константина въ ручательствѣ Іоанну IV за Князя Мстиславскаго, 1571 года (**). Въ *Синодикѣ* Кириллова монастыря, въ числѣ пострадавшихъ отъ Грознаго, находятся имена трехъ Ростопчиныхъ: Ивана, Третьяка и Григорія. Первый изъ нихъ служилъ *Подрындою* или Царскимъ оруженосцемъ, въ которые выбирали молодыхъ людей знатнаго происхожденія, одаренныхъ красотою и стройнымъ станомъ. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Алексѣй Ростопчинъ находился Головою Стрѣльцовъ. Это званіе замѣнено потомъ чиномъ Полковника, и часто давалось противъ воли дворянамъ, для обузданія развратныхъ и наглыхъ воиновъ. Никифоръ Ростопчинъ, въ чинѣ Капитана, участвовалъ въ первыхъ походахъ Петра Великаго. Болѣе мы не могли собрать никакихъ свѣдѣній о предкахъ Графа О. В. Ростопчина: довольно для древности рода; имя его и безъ бумажныхъ свертковъ служило бы украшеніемъ Отечественной Исторіи. Онъ родился 12 марта 1763 года, и получилъ отличное образованіе въ домѣ своего отца, Василія Оедоровича Ростопчина, отставнаго Маіора, имѣвшаго въ Орловской, Калужской и Тульской

(*) См. въ *Гербовникѣ*, часть 2-ю.

(**) *Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ*, ч. 1, стр. 570, 575, 576 и 579.

губерніяхъ 500 крестьянъ (*). Кромѣ Россійскаго языка, которымъ совершенно обладалъ, обучили его Французскому и Нѣмецкому. Исторіею занимался онъ предпочтительно, любилъ знакомиться съ героями прошедшихъ временъ и съ доблестными мужами, которыхъ дѣянія глубоко врѣзались въ памяти юноши, одареннаго пылкимъ и наблюдательнымъ умомъ. Въ 1775 году Ростопчинъ началъ службу въ званіи Пажа, и остротою своею обратилъ на себя вниманіе Императрицы Екатерины II-й, въ присутствіи которой часто, въ рѣзкихъ чертахъ, осмѣивалъ пороки придворныхъ, забавляя также Государыню искуснымъ представленіемъ одного Нѣмецкаго проповѣдника. Изъ Пажей онъ перешелъ Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскій полкъ, и будучи Поручикомъ, оставилъ, въ 1784 году, службу, поѣхалъ въ чужіе краи, долго имѣлъ пребываніе въ Берлинѣ, гдѣ бо́льшею частію проводилъ время съ нашимъ Министромъ, Графомъ Сергѣемъ Петровичемъ Румянцовымъ. Возвратясь въ Отечество послѣ продолжительной отлучки, Ростопчинъ пожалованъ, 14 февраля 1792 года, Каммеръ-Юнкеромъ Высочайшаго Двора, и въ этомъ званіи, соотвѣтствовавшемъ тогда Бригадирскому, часто былъ назначаемъ дежурнымъ къ Наслѣднику Престола. Пребываніе его въ Гатчинѣ и въ Павловскѣ проложило ему дорогу къ быстрому возвышенію. 7 ноября 1796 года приключился Императрицѣ Екатеринѣ II й сильный предсмертный паралитный ударъ. Первымъ вѣстникомъ

(*) Родительница Графа Ростопчина, изъ фамиліи Крюковыхъ, скончалась въ молодыхъ лѣтахъ.

къ Наслѣднику былъ отправленъ Оберъ-Шталмейстеръ Графъ Зубовъ. Вслѣдъ за нимъ поѣхалъ въ Гатчину Ростопчинъ, посланный Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ. Онъ встрѣтился съ Наслѣдникомъ Престола въ Софіи: «*А, это ты, любезный мой Ростопчинъ!* — произнесъ Великій Князь, вышедъ изъ кареты—и сталъ подробно разспрашивать его о происшедшемъ событіи. Между тѣмъ перемѣнили лошадей: «*Поѣзжай за Мною* — продолжалъ Наслѣдникъ. — «*Мы пріѣдемъ вмѣстѣ. Мнѣ всегда пріятно быть съ тобою*». — Проѣхавъ Чесменскій дворецъ, Великій Князь снова вышелъ изъ кареты, въ которой также сидѣла Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна. Ночь была тихая и свѣтлая; холодъ не превышалъ трехъ градусовъ; луна, то показывалась изъ за облаковъ, то скрывалась. Говоря о погодѣ, Ростопчинъ замѣтилъ, что глаза Наслѣдника Престола, устремленные на мѣсяцъ, который находился во всемъ блескѣ, были наполнены слезами, и что слезы текли по лицу Его. «Ахъ! Государь» — осмѣлился онъ произнесть въ то время — «что ожидаетъ Васъ въ будущемъ!» При сихъ словахъ, Наслѣдникъ крѣпко сжалъ руку Ростопчина и отвѣчалъ: «*Сорокъ два года живу Я на свѣтѣ: Богъ поддерживалъ Меня. И теперь, можетъ быть, дастъ Мнѣ силу и разумъ нести тяжкое бремя, Имъ на Меня налагаемое. Возложимъ все упованіе на Его благость.*» — Еще искра жизни тлилась въ Императрицѣ: Она лишилась употребленія языка, лежала неподвижно, съ сомкнутыми вѣждями, но дыханіе продолжалось и на блѣдномъ лицѣ показывался, попеременно, багровый и самый нѣжный румянецъ.

Доктора, истощившіе всѣ усилія искусства, объявили Наслѣднику, *что не было никакой надежды.* Тогда Великій Князь приказалъ позвать въ почивальню Митрополита Гавріила съ Духовенствомъ, для совершенія глухой исповѣди и пріобщенія умиравшей св. Тайнъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ удалился въ кабинетъ и сказалъ Ростопчину: «*Я тебя совершенно знаю таковымъ, какимъ ты есть, и спрашиваю, чтобы ты откровенно объявилъ, чѣмъ при мнѣ быть желаешь?*»—Руководимый общею пользою, Ростопчинъ безостановочно отвѣчалъ: «Секретаремъ, для пріема просьбъ.» — Великій Князь немного призадумался, потомъ продолжалъ: «Тутъ Я «не найду своего счета: знай, что Я назначаю тебя «Генералъ Адъютантомъ, но не такимъ, чтобъ гулять «по Дворцу съ тростью, а для того, чтобы ты пра- «вилъ Военною Коллегіею.» Молчаніе было отвѣтомъ Ростопчина, хотя онъ не имѣлъ желанія вступать, снова, въ военную службу. Дворецъ наполнялся искателями счастія. Графъ Безбородко болѣе тридцати часовъ находился тамъ: неизвѣстность судьбы, страхъ быть подъ гнѣвомъ новаго Государя и живое воспоминаніе благотвореній умирающей Императрицы наполняли глаза его слезами, сердце горестію, а духъ ужасомъ. Два раза онъ подходилъ къ Ростопчину, говоря, умилительнымъ голосомъ, *что надѣется на его дружбу; что онъ старъ, боленъ, имѣетъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ рублей дохода, и проситъ единой милости — быть отставленнымъ отъ службы безъ пораженія.* Еще Безбородко ходатайствовалъ объ отправленіи въ Правительствующій Сенатъ указа, подписаннаго 1-го ноября Государынею, которымъ люби-

нецъ его, Трощинскій, произведенъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники. Ростопчинъ описалъ Наслѣднику отчаяніе Министра и передалъ его просьбы. Великій Князь поручилъ увѣрить Графа Безбородко, «*что Онъ не имѣетъ никакого особеннаго противъ него неудовольствія; проситъ забыть все прошедшее, и считаетъ на его усердіе, дарованія и способности въ дѣлахъ.*» Указъ о Трощинскомъ былъ немедленно отправленъ въ Сенатъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Наслѣдникъ Престола вручилъ Ростопчину печать Свою, которую носилъ при часахъ, и приказалъ приложить ее къ дверямъ кабинета Государыни, въ присутствіи Генералъ-Прокурора Графа Самойлова. Въ пять часовъ по полудни Великій Князь велѣлъ Ростопчину спросить Графа Безбородка: *нѣтъ-ли у него какихъ дѣлъ, нетерпящихъ отлагательства?* Безбородко явился съ бумагами. Ростопчинъ получилъ приказаніе остаться во время доклада. «*Вотъ человѣкъ* — произнесъ Наслѣдникъ Министру, указывая на Ростопчина — «*отъ котораго у меня скрытнаго нѣтъ.*» — Удивительная память и ловкость Безбородки изумили Великаго Князя: онъ не только по надписямъ узнавалъ, отъ кого были донесенія, но и называлъ каждаго по имени. «*Безбородко* — отозвался потомъ Наслѣдникъ Ростопчину — «*для меня даръ Божій: спасибо тебѣ, что ты меня съ нимъ примирилъ.*» Въ теченіе дня (8 ноября), Великій Князь нѣсколько разъ призывалъ къ Себѣ Зубова, разговаривалъ съ нимъ милостиво и увѣрялъ его въ Своемъ благорасположеніи. Любимецъ Екатерины, обязанный Ей быстрымъ возвышеніемъ, богатствомъ, самымъ даже образованіемъ, и опра-

вдавшій, въ послѣдствіи, оказанную ему довѣренность важными заслугами: основаніемъ городовъ Одессы и Вознесенска; учрежденіемъ карантиновъ въ Екатеринославской губерніи и въ Таврической Области; конной Артиллеріи въ Россіи; Луганскаго литейнаго завода; улучшеніемъ скотоводства и народной промышленности въ управляемомъ имъ Намѣстничествѣ — предавался тогда неописанной горести, сидѣлъ въ углу, сильно рыдалъ; толпа придворныхъ удалялась отъ него, какъ-будто отъ зараженнаго; терзаемый жаждою, тщетно просилъ онъ стакана воды; Ростопчинъ приказалъ лакею исполнить требованіе Князя Зубова и самъ подносъ ему стаканъ. Черта похвальная въ его жизни, свидѣтельствующая благородство характера и возвышенныя чувства! Ударила первая четверть одиннадцатаго часа, и Екатерина испустила послѣдній вздохъ..... Пріятность и величіе снова изобразились на лицѣ Монархини, наполнявшей вселенную славою Своего царствованія. Она, какъ будто, покоилась въ объятіяхъ сладкаго сна. Преклоня главу передъ тѣломъ Августѣйшей Родительницы, Наслѣдникъ Престола вышелъ изъ почивальни, заливаясь слезами. Послѣ присяги, къ которой были приведены, въ присутствіи Государя, находившіеся въ Дворцѣ, Императоръ сказалъ Ростопчину: «*Ты усталъ и Мнѣ совѣстно; но потрудись пожа-*«*луйста: съѣзди, съ Архаровымъ* (*) *къ Графу Ор-*«*лову* (**) *и приведи его къ присягѣ: его не было во* «*Дворцѣ.*» —Ростопчинъ немедленно отправился, съ Ар-

(*) Николаемъ Петровичемъ.

(**) Алексѣю Григорьевичу.

харовымъ, на Васильевскій островъ, гдѣ Графъ Орловъ имѣлъ собственный домъ. Было за полночь: камердинеръ разбудилъ Графа. Увидѣвъ Архарова, вошедшаго тогда въ спальню, Орловъ грозно спросилъ его: «За чѣмъ вы, милостивый государь, въ эту пору «ко мнѣ пожаловали?» — Архаровъ объявилъ Высочайшее повелѣніе. Печальная вѣсть о кончинѣ Императрицы Екатерины извлекла слезы изъ глазъ заслуженнаго воина: «Господи!» — сказалъ онъ — «помяни ее во «Царствіи Твоемъ. Вѣчная Ей память!» Потомъ продолжалъ: «что служа вѣрно Родительницѣ Императора «и Отечеству, служилъ и Наслѣднику Престола, при«сягнетъ Ему, Государю, съ такимъ же чувствомъ, «какъ и присягалъ и Наслѣднику Престола.» Болѣзнь воспрепятствовала Графу Орлову быть во Дворцѣ; но со всѣмъ тѣмъ онъ изъявилъ желаніе идти въ церковь. Архаровъ согласился; Ростопчинъ воспротивился и отвѣчалъ Графу: «*что ему можно присягнуть дома и подписать потомъ присяжный листъ, который имъ взятъ.* — «Нѣтъ, милостивый государь» — «отвѣчалъ Орловъ — «я буду и хочу присягать Го«сударю предъ Образомъ Божіимъ!» — и, снявъ образъ со стѣны, держа зажженную свѣчу, прочелъ присягу твердымъ голосомъ, потомъ утвердилъ ее подписью (*). 8 ноября, въ день возшествія на Престолъ Императора Павла I-го, Ростопчинъ пропзведенъ

(*) Любопытныя свѣдѣнія о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й и о вступленіи на Престолъ Императора Павла I-го извлечены мною изъ записки Графа Ростопчина, написанной имъ 15 ноября 1796 года.

въ Генералъ-Маіоры; 12 числа того жъ мѣсяца возложена на него Аннинская лента, а въ слѣдующемъ году (5 апрѣля), въ день Высочайшаго Коронованія, пожалованъ онъ кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго и получилъ; въ Орловской губерніи, 470 крестьянъ. Въ числѣ щедрою рукою награжденныхъ тогда Императоромъ находились Графъ Безбородко и Трощинскій: первый возведенъ въ Княжеское достоинство Всероссійской Имперіи съ титуломъ Свѣтлости; получилъ вотчину въ Орловской губерніи, поступившую въ Казну по кончинѣ Князя Кантемира; тридцать тысячь десятинъ земли въ Воронежской губерніи и шесть тысячь крестьянъ, *на собственный его выборъ;* Трощинскому пожаловано тысяча двѣсти крестьянъ.—Занятія Ростопчина, по званію Генералъ-Адъютанта, состояли въ объявленіи Высочайшихъ приказовъ о производствѣ офицеровъ въ чины. Онъ не имѣлъ большаго значенія, но, находясь неотлучно при Государѣ, могъ дѣлать много добра, и не упускалъ случая. Одинъ изъ зоиловъ Карамзина, писатель стараго времени, давно забытый, прислалъ доносъ изъ Москвы, выставляя его *человѣкомъ вреднымъ для Правительства, безбожникомъ!* — «*Знаешь-ли ты Карамзина?*» — вопросилъ Императоръ Ростопчина, давъ ему прочесть полученную бумагу. — «Знаю» отвѣчалъ послѣдній — «съ отличной стороны по сочиненіямъ «его, и не узнаю въ семъ сочиненіи.» — «*Я ожидалъ этого*» — продолжалъ Павелъ I-й — «*ибо Мнѣ изъ «вѣстенъ доноситель: вотъ и рѣшеніе Мое.*» — Произнеся сіи слова, великодушный Монархъ бросилъ до-

носъ въ камнь (*). Въ 1798 году Ростопчинъ былъ отставленъ, вѣроятно, по интригамъ завистниковъ; но временное отдаленіе отъ Государя, умѣвшаго цѣнить его достоинства и преданность, послужило ему въ пользу: 24 августа онъ снова принятъ въ службу, Генералъ-Лейтенантомъ, со старшинствомъ, и назначенъ въ Свиту Его Императорскаго Величества, а 24 октября тогожъ года пожалованъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ и третьимъ Присутствующимъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (**). Вскорѣ (6 апрѣля 1799 года) скончался Государственный Канцлеръ Князь Безбородко, который доставилъ званіе Вице-Канцлера своему родному племяннику, Виктору Павловичу Кочубею, въ 1798 году. Ростопчинъ именованъ первымъ Присутствующимъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, 25 сентября (1799 года), получивъ въ томъ году, 22 февраля, Графское Россійской Имперіи достоинство, и, 28 іюня, орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, на 37-мъ году отъ рожденія. Въ должности Вице-Канцлера Высочайше повелѣно быть Тайному Совѣтнику Графу Никитѣ Петровичу Панину. Присутствуя въ Коллегіи, Графъ Ростопчинъ участвовалъ въ постановленіи слѣдующихъ договоровъ съ разными иностранными Дер-

---

(*) Этотъ анекдотъ переданъ мнѣ другомъ Карамзина, Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, а ему Графомъ Ростопчинымъ. Б. К.

(**) Первымъ Присутствующимъ былъ Канцлеръ Князь Безбородко, вторымъ Вице-Канцлеръ Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, замѣненный (28 октября) Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ.

жавами: 1) 17/29 ноября 1798 года, съ Неаполитанскимъ Дворомъ, на восемь лѣтъ: о содѣйствіи Россійско-Турецкимъ флотомъ въ охраненіи береговъ Сициліи, и о вспомоществованіи, противъ Франціи, Королю Неаполитанскому войскомъ, съ доставленіемъ отъ него жизненныхъ потребностей. 2) 16/28 декабря того жъ года, съ Португальскимъ Дворомъ, на 12 лѣтъ, въ XXXVIII статьяхъ: относительно взаимной дружбы, мореплаванія и торговли. 3) 17/29 декабря, съ Великобританіею, противъ Франціи, которымъ Россія обязалась выставить сорокаяти-тысячное войско, а Англія взяла на себя содержаніе онаго, и обѣ Державы положили пригласить къ сему наступательному союзу Короля Прусскаго (*). 4) 10/22 іюля 1799 года, подписалъ Конвенцію, заключенную въ С. Петербургѣ съ Англійскимъ Посланникомъ Витвортомъ: объ изгнаніи Французовъ изъ семи соединенныхъ острововъ и объ освобожденіи Голландіи отъ рабства, наложеннаго на нее за-Рейнскими мятежниками, для чего Россія обязалась выслать войско изъ 17,593 человѣкъ, а Великобританія отъ 13,000 до 8,000 челов:, не менѣе, съ принятіемъ на себя всѣхъ военныхъ издержекъ и съ снабженіемъ Россійской кавалеріи лошадьми. 5) 7/19 сентября 1799 года, союзный оборонительный договоръ съ Португальскимъ Дворомъ, на 8 лѣтъ, въ XXII статьяхъ: о взаимномъ пособіи для охраненія общихъ владѣній, и о возстановленіи мира, съ сохраненіемъ спокойствія въ Европѣ.

(*) Король Прусскій отказался отъ участія въ этомъ наступательномъ договорѣ и рѣшился сохранять неутралитетъ.

Этимъ договоромъ Россія, въ случаѣ надобности, обязалась вспомоществовать Португаліи шестью тысячами пѣхоты, Португалія Россіи шестью военными судами. 6) $\frac{20\text{ сентября}}{1\text{ октября}}$, съ Баваріею: о принятіи Россійскимъ Императоромъ въ защиту Курфиршескихъ владѣній и охраненіи оныхъ, при заключеніи общаго мира, на основаніи Теченскаго договора, постановленнаго въ 1779 году; ходатайствѣ у Великобританскаго Двора относительно вспомогательныхъ денегъ на содержаніе двадцати-тысячнаго Баварскаго войска, которое Курфирстъ обѣщалъ выставить къ 1-му марта 1800 года, для присоединенія къ высланной въ Германію Россійской арміи. Сверхъ сего, Баварія должна была содѣйствовать Россіи всѣми силами въ поддержаніи германской конституціи. По званію Первенствующаго Члена Коллегіи подписалъ: 7) $\frac{17}{29}$ октября 1799 г. союзный оборонительный договоръ съ Швеціею, на восемь лѣтъ, которымъ Россія обязалась имѣть въ готовности вспомогательнаго войска: двѣнадцать тысячь пѣхоты и четыре тысячи конницы, девять линейныхъ кораблей, каждый отъ 60 до 70 пушекъ, и два фрегата о 30 орудіяхъ; а Швеція восемь тысячь пѣхоты, двѣ тысячи конницы, шесть линейныхъ кораблей, отъ 60 до 70 пушекъ, и два фрегата о 30 орудіяхъ. Войскамъ назначено получать жалованье отъ стороны, просящей пособія. Положено усилить помощь въ случаѣ надобности. Обѣ Державы, въ военное время, обѣщали не вступать въ переговоры о мирѣ или перемиріи безъ взаимнаго согласія. Сверхъ сего, *особою статьею*, позволено Шведскому Королю закупать ежегодно, въ портахъ Финскаго залива и Балтійскаго моря, по

пятидесяти тысячь четвертей хлѣба, безпошлинно, исключая неурожайныхъ годовъ въ Россіи. 8) 16/28 августа 1800 года, вмѣстѣ съ Графомъ Паниным, Декларацію, которою Россійскій Императоръ приглашалъ Королей: Прусскаго, Датскаго и Шведскаго возобновить постановленный неутралитетъ, въ 1780 году, противъ Англіи. 9) 16/28 августа 1800 года, Конвенцію съ Шведскимъ Дворомъ: о вооруженномъ неутралитетѣ, для утвержденія свободнаго мореплаванія, и 10) 5/18 декабря того жъ года, Конвенцію, въ одинакой силѣ, съ Прусскимъ Дворомъ, къ которой, 15 февраля 1801 года, приступилъ и Копенгагенскій Кабинетъ. Благоволеніе Императора къ Графу Ростопчину оставалось непзмѣннымъ: Онъ пожаловалъ ему, 30 марта 1799 года, большой крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, съ титуломъ *Великаго Канцлера* означеннаго ордена; произвелъ, 20 апрѣля того-жъ года, отца его, отставнаго Маіора, въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники и препроводилъ къ семидесятилѣтнему старцу орденъ Св. Анны первой степени (эту награду испросилъ нѣжный сынъ виновнику дней своихъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины, вмѣсто предложеннаго ему Государемъ Княжескаго достоинства); повелѣлъ, 31 мая, Графу Ростопчину, *для приведенія въ желаемый порядокъ Почтоваго Департамента*, быть Главнымъ Директоромъ онаго *и по всѣмъ дѣламъ относиться непосредственно къ Нему*, съ сохраненіемъ прежнихъ должностей. Сверхъ сего, Графъ Ростопчинъ, именованный Членомъ Совѣта, получилъ отъ Государя, въ разное время, кромѣ многихъ драгоцѣнныхъ подарковъ, три тысячи крестьянъ въ

губерніяхъ Орловской и Воронежской, и 33,000 десятинъ земли въ послѣдней; отъ иностранныхъ Монарховъ слѣдующіе ордена: Лудовика XVIII-го, Св. Лазаря; Короля Сардинскаго: Благовѣщенія и Св. Маврикія; Короля Неаполитанскаго, Св. Фердинанда, и отъ Курфирста Баварскаго, Св. Губерта (*). Между тѣмъ Суворовъ пожиналъ лавры въ Италіи и въ Швейцаріи. Что сдѣлалъ бы Герой, еслибъ не имѣлъ сильнаго противника въ Тугутѣ, который *самовластно* (**) управлялъ Вѣнскимъ Кабинетомъ и останавливалъ полетъ нашихъ орловъ? Графъ Ростопчинъ былъ ревностнѣйшимъ почитателемъ знаменитаго Полководца. Они понимали другъ друга: «*Я Русской, вы Русскіе*» — писалъ къ нему Суворовъ, жалуясь на противодѣйствіе Австрійскаго Двора. Ростопчинъ поздравлялъ его съ блистательными побѣдами: «Герои любятъ истину, а я помнятъ-«но ее въ устахъ имѣю. Говоря всѣмъ, вездѣ и всегда, «что вами славится Россія и избавляется Европа, я «горжусь тѣмъ, что въ одной землѣ съ вами родился, «и столько же ее люблю, какъ и васъ. Простите мнѣ «это слово. Перо мое пишетъ къ вамъ и о васъ, со «всѣмъ сердцемъ и душою.» — Суворовъ, за два мѣсяца до своей кончины, изложилъ въ письмѣ къ Ростопчину отчетъ въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ, отличающійся краткостію и силою. На другой день пріѣзда Генералиссимуса въ столицу, Ростопчинъ вру-

---

(*) О своихъ орденахъ Графъ Ростопчинъ говорилъ: *что они хороши только для похоронъ.*

(**) Собственное выраженіе Суворова въ письмѣ къ Графу Ростопчину.

чилъ ему, 21 апрѣля, рескриптъ Лудовика XVIII-го и орденъ Св. Лазаря. Герой лежалъ тогда на смертномъ одрѣ; но спросилъ: *Откуда прислана лента?* и потомъ произнесъ съ насмѣшливою улыбкой: «*Такъ; «мы прочитали? Французскій Король долженъ быть «въ Парижѣ, а не въ Митавѣ.*» — 6-го мая 1800 г. смерть торжествовала побѣду надъ непобѣдимымъ!— Вскорѣ, полезная для Отечества служба Графа Ростопчина, который пылалъ усердіемъ и преданностію къ облагодѣтельствовавшему его Монарху, была пресѣчена важными перемѣнами, послѣдовавшими въ Министерствѣ: 18 февраля 1801 года С. Петербургскій Военный Губернаторъ Графъ Паленъ назначенъ Главнымъ Директоромъ надъ Почтами, а 20 числа того жъ мѣсяца Присутствующимъ въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и Членомъ Совѣта, съ сохраненіемъ прочихъ должностей. Графъ Ростопчинъ принужденъ былъ выдти въ отставку, и отправился въ Москву. Другой любимецъ Государя, Графъ Аракчеевъ, находился также въ опалѣ и въ удаленіи. Зубовы, имѣвшіе значеніе при Императрицѣ Екатеринѣ II-й и получившіе, въ началѣ царствованія Императора Павла I-го, приказаніе выѣхать изъ столицы, приняты, снова, въ службу, 23 ноября 1800 года: Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Князь Платонъ Александровичъ съ переименованіемъ въ Генералы отъ Инфантеріи; Генералъ отъ Кавалеріи Графъ Валеріанъ Александровичъ съ пожалованіемъ Шефомъ Лейбъ-Кираспрскаго полка Его Величества. Первому ввѣрено управленіе 1-го Кадетскаго Корпуса, второму 2-го. 12 марта 1801 года Императоръ Павелъ I-й переселился въ вѣчность.

Долго Графъ Ростопчинъ, преслѣдуемый врагами, въ числѣ которыхъ находились многіе, выведенные имъ изъ ничтожества, лишенъ былъ счастія служить Царю и Отечеству. Между тѣмъ возгорѣлась война съ Франціею, и понесенныя неудачи подъ Аустерлицомъ заглажены, въ 1807 году, торжествомъ нашего оружія. И въ это время неблагонамѣренные распространяли ложные слухи въ древней столицѣ Россіи, тревожа умы, наводя уныніе! Тогда Графъ Ростопчинъ написалъ любопытную статью, изданную въ Москвѣ (1807 г.): *Мысли въ слухъ на красномъ крыльцѣ.* Въ ней прекрасно изобразилъ онъ, простонароднымъ слогомъ, какъ, въ началѣ этого столѣтія, соотечественники наши, зараженные Французскимъ языкомъ и модами, пренебрегали свой природный: «Господи помилуй!»— изъясняется, между прочимъ, Ростопчинъ — «только «и видишь, что молодежь, одѣтую, обутую по Фран«цузски; и словомъ, дѣломъ и помышленіемъ Фран«цузскую! Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту (*), а «Царство Небесное – Парижъ. Родителей не ува«жаютъ, старпковъ презираютъ, и бывъ ничто, хотятъ «быть все. Завелись филантропы и мизантропы. Филан«тропы любятъ людей, а разоряютъ мужиковъ; мизан«тропы отъ общества людей убѣгаютъ въ трактиры. Ста«рухи и молодыя сошли съ ума. Все стало каша ка«шей. Одѣты, какъ мать наша Евва въ раю — сущія «вывѣски торговой бани, либо мяснаго ряда! Даже и «Чухонцы сказываются Лифляндцами, а эти Нѣмцами.

(*) Такъ называется въ Москвѣ улица, въ которой находятся лучшіе магазины модъ.

«Охъ! тяжело. Дай Боже сто лѣтъ здравствовать Го-«сударю нашему, а жаль дубины Петра Великаго: взять «бы ее хоть на недѣльку изъ Кунстъ камеры, да вы-«бишь дурь изъ дураковъ и дуръ. Господи помилуй! «Согрѣшилъ грѣшный!» — Потомъ, исчисляя знаменитыхъ полководцевъ, пастырей, министровъ и писателей Русскихъ, описывая завоеванія и силу Россіянъ, безнравственность и невѣріе Французовъ, которые даже дерзнули публично казнить своего добраго Царя, онъ коснулся Бонапарта, сравнивалъ его съ угорѣлой кошкою, метающеюся изъ угла въ уголъ. «Онъ весь міръ захотѣлъ покорить: что за Александръ «Македонскій?» — продолжаетъ Графъ Ростопчинъ — «Мужичишишка въ рекруты не годится: ни кожи, ни «рожи, ни видѣнья. Разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ и духъ вонъ; а онъ таки лезетъ впередъ на «Русскихъ! Ну, милости просимъ! Лишь перешолъ за «Вислу, и стали бубновова Короля катать: подъ Пул-«тускомъ по щекѣ; сталъ покашливать! Подъ Эйлау «по другой, и свѣту Божьева не взвидѣлъ! Думалъ «потѣшными своими удивить, а наши армейскіе такъ «ихъ утѣшили, что только образцовыхъ пустили жи-«выхъ!» — Это оригинальное произведеніе, принятое съ восторгомъ многими благомыслящими людьми, особливо купечествомъ и народомъ, заслужило похвалу въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. «Ба! Опять въ честь «попалъ» — отозвался сочинитель въ письмѣ къ своему пріятелю — «смотри пожалуй! Дай Богъ, чтобъ «въ прокъ пошло.» — Тогда Графъ Ростопчинъ написалъ и комедію, въ одномъ дѣйствіи: *Вѣсти или убитый живой.* Она была представлена въ первый

разъ, на Императорскомъ Московскомъ Театрѣ, 2 февраля 1808 года. Осмѣявъ въ ней иноземцевъ и приверженцевъ ихъ, отдавая полную справедливость знаменитымъ подвигамъ соотечественниковъ на бранномъ полѣ, доспѣхами которыхъ, вмѣсто красокъ, покрыты стѣны въ Арсеналахъ, онъ вывелъ на сцену, подъ именемъ *Набатовой*, одну женщину, гордившуюся своимъ происхожденіемъ и занимавшуюся только сплетнями, злословіемъ и распространеніемъ небывалыхъ вѣстей. Прекрасно выразилъ Ростопчинъ въ этой комедіи любовь свою къ родинѣ: «Я люблю все Рус«ское, и если бы не былъ, то желалъ-бы быть Рус«скимъ, ибо ничего лучше и славнѣе не знаю: это «брилліантъ между камнями, левъ между звѣрьми, орелъ «между птицами (*).» — Комедія не всѣмъ полюбилась, ибо сочинитель укололъ многихъ не въ бровь, а въ глазъ. Это заставило его издать, въ 1808 году, два письма: *Вѣникова и Богатырева*, въ которыхъ онъ оправдывалъ себя противъ говора *модниковъ, сплетницъ и зараженныхъ заморскими проказами.* — 24 февраля 1810 года, Графъ Ростопчинъ былъ назначенъ Оберъ-Камергеромъ Высочайшаго Двора; но должность по этому званію предоставлено исполнять старшему Оберъ-Камергеру Александру Львовичу Нарышкину: бездѣйствіе его продолжалось. Онъ жилъ, по прежнему, въ Москвѣ и часто ѣздилъ въ Тверь, гдѣ обитала тогда Великая Княгиня Екатерина На-

(*) См. въ этой Комедіи, изданной въ Москвѣ 1808 г., Явленіе 2, стран. 11.

вловна, удостоивавшая его Своимъ благоволеніемъ. Наступилъ достопамятный 1812-й годъ, и Ростопчинъ не остался праздными зрителемъ послѣдовавшихъ важныхъ событій: излагалъ, въ откровенныхъ письмахъ къ Государю, свои опасенія, средства, какія употреблялъ Наполеонъ, чтобы вредить Россіи, проложить себѣ дорогу къ сердцу ея, поколебать и разрушить основаніе, на которомъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, утверждено Государство сильное, страшное врагамъ вѣрою и любовію. Можетъ быть, Ростопчинъ далеко распространялъ усердіе свое, какъ человѣкъ, ошибался; но онъ говорилъ не за себя одного, за древнюю столицу, которая избрала его представителемъ, уполномочила ходатайствовать у Престола, въ пользу и защиту Отечества (*). Пламенное, благородное чувство, одушевлявшее его, особенно въ тяжкое время испытанія, примирило вѣрнаго подданнаго съ Императоромъ Александромъ: Высочайшимъ приказомъ, даннымъ въ городѣ Вильнѣ 29 мая 1812 года, онъ переименованъ въ Генералъ отъ Инфантеріи и назначенъ Главнокомандующимъ въ Москву. Въ это время Наполеонъ велъ къ Россіи войска, составленныя изъ разныхъ народовъ. Война сдѣлалась неизбѣжною. Россія также ополчилась на защиту своихъ предѣловъ. 12 іюня непріятель переправился черезъ Нѣманъ; 16 числа занялъ Вильну; 6 іюля обнародованъ Александромъ 1-мъ Манифестъ о вооруженіи всего Государства, и подписано имъ воззваніе къ Москвѣ; 12

(*) Письмо къ Государю Графа Ростопчина, отъ 17 марта 1812 года.

Государь находился въ первопрестольной столицѣ Своей. На другой день дворянство и купечество съѣхались въ Слободскомъ дворцѣ. Графъ Ростопчинъ, указывая на залу купечества, сказалъ Императору: «Отсюда польются милліоны, а наше дѣло выставить «войско и не щадить себя!» — Тотчасъ опредѣлено собрать въ Московской губерніи 80,000 человѣкъ ополченія, со ста душъ по десяти, вооружить ихъ и снабдить одеждою и провіантомъ. Дворяне пожертвовали, сверхъ того, до трехъ милліоновъ рублей, купечество слишкомъ до десяти. Отъѣзжая изъ Москвы, Государь пожаловалъ Графу Ростопчину Свой вензель, для ношенія на эполетахъ, и произнесъ по этому случаю: «Теперь Я у тебя на плечахъ.» — Ополченіе въ Россіи было раздѣлено на Округи. Первый, составленный для обороны Москвы, изъ губерній: Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Тульской Калужской и Смоленской, ввѣренъ управленію Ростопчина. Онъ учредилъ два Комитета: одинъ для пріема, вооруженія и продовольствія людей; другой для пріема и расходованія пожертвованій. Въ теченіе мѣсяца собрано имъ и отправлено въ походъ двѣнадцать полковъ, изъ которыхъ одинъ конный козачій, три егерскихъ и восемь пѣшихъ козачьихъ, во всѣхъ 25,834 человѣка. Изъ арсенала отпущено въ каждый полкъ по 500 ружей и на каждаго воина по 60 патроновъ. Добровольныя пожертвованія на Московское Ополченіе простирались до четырехъ милліоновъ рублей; числительная сила 1-го Округа состояла изъ 121,537 человѣкъ. Черезъ шесть недѣль все войско, неусыпными попеченіями Графа Ростопчина, было устроено: каждый

Округъ охранялъ свои границы. Непріятель, между тѣмъ, вступилъ, 8-го іюля, въ Могилевъ; занялъ, 12-го, Витебскъ, 6-го августа Смоленскъ. Армія наша двинулась на Московскую дорогу. 8 августа Графъ Кутузовъ назначенъ Главнокомандующимъ вмѣсто Генерала Барклая де Толли. 18 числа Наполеонъ былъ въ Вязьмѣ, 20 въ Гжатскѣ; 22 Кутузовъ остановился при селѣ Бородинѣ; 26 произошла кровавая битва, рѣшившая участь Москвы и гордаго завоевателя. — Что дѣлалъ тогда Графъ Ростопчинъ? Сердце его обливалось кровью; горесть и гнѣвъ, попеременно, наполняли душу; на блѣдномъ лицѣ сильно изображались внутреннія страданія; но онъ не предавался отчаянію, и чѣмъ ближе видѣлъ опасность, тѣмъ болѣе вооружался мужествомъ, бодрствовалъ, принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ сохраненію тишины и благоустройства во ввѣренной ему столицѣ. Еще кровь человѣческая не обагряла полей Бородинскихъ, а онъ спрашивалъ Кутузова: *что будетъ съ Москвою?* Главнокомандующій письменно увѣрялъ его: *что съ потерею столицы соединена потеря Россіи* (*), и, вмѣстѣ, выхваляя усердіе жителей Московской губерніи, вооружившихся добровольно на защиту Отечества, изъяснился, «что эта черта доказываетъ духъ Россіянина и довѣренность народа къ Начальнику, его ожи«вляющему.» Потеря Смоленска и отступленіе нашей Арміи встревожили Москву; но печатныя объявленія Военнаго Губернатора, писанныя простымъ и вмѣстѣ сильнымъ слогомъ, вливая въ сердца вѣрныхъ

(*) *Описаніе Отечественной войны* ч. 2, стр. 199 и 200.

сыновъ Россіи ненависть къ Наполеону, одушевляли ихъ сладостною надеждою, бодростію—спокойствіе въ столицѣ не прерывалось. Окинемъ взглядомъ дѣйствія Графа Ростопчина въ это смутное время, и представимъ здѣсь, во всей полнотѣ, воззванія его, которыя, по справедливости, заслуживаютъ перейти къ потомству. 4 іюня онъ подтвердилъ всѣмъ чиновникамъ Московской Полиціи: наблюдать благопристойность и во всѣхъ случаяхъ имѣть должное уваженіе къ чинамъ, лѣтамъ и званію каждаго, безъ чего они не произведутъ къ самимъ себѣ въ порядочныхъ уваженія, а въ безпорядочныхъ страха. 10 іюня, для сокращенія разврата, пьянства, безобразія и гибели многихъ молодыхъ людей въ 392 ресторапіяхъ, съѣстныхъ трактирахъ и харчевняхъ, предписалъ Оберъ-Полиціймейстеру очистить эти дома отъ распутныхъ женщинъ и запирать въ десятомъ часу по полудни. 13 іюня велѣлъ снять вывѣски съ *изображеніемъ гробовъ*, и замѣнить ихъ именами гробовыхъ мастеровъ. 26 іюня препроводилъ слѣдующее объявленіе къ Аббатамъ двухъ Католическихъ церквей, находящихся въ Москвѣ: «Импе«раторъ Французовъ вступилъ въ предѣлы Россіи. «Война началась. Зная образъ мыслей вашихъ и дол«жность священнаго званія, вами отправляемую, обра«щаюсь къ вамъ, милостивые государи мои, прося по«корно употребить убѣдительнѣйшее средство, по мѣ«рѣ возможности, ко внушенію иностранцамъ прихода «вашего, чтобы они въ поступкахъ своихъ были бла«горазумнѣе и въ разговорахъ ограничивали себя «скромностію. Надѣюсь, что имъ будетъ возможно, по «крайней мѣрѣ, въ теченіе военнаго времени, почтить

«тотъ край, котораго Государь являетъ имъ Отеческую «защиту, а подданные Его Величества оказываютъ го- «степріимство, гдѣ бѣдные находятъ изобиліе, песча- «стные покровъ, и бродяги—странники свое счастіе. «Я въ полномъ увѣреніи, что совѣты ваши подѣйству- «ютъ на умы легкомысленные и развращенные, и что «начальству не останется другаго дѣла, какъ только «пещись о сохраненіи общей тишины, вмѣсто розы- «сковъ, наказаній и употребленія строгихъ мѣръ къ «водворенію порядка и успокоенію народа, съ давняго «времени, особенно нынѣ, раздраженнаго противъ «Французовъ.» 1-го іюля явилась первая печатная афишка съ изображеніемъ вверху: питейнаго дома, цѣловальника и Московскаго мѣщанина Карнюшки Чихирина, *который, бывъ въ ратникахъ и выпивъ лишній крючокъ на Тычкѣ, услышалъ, будто Бонапартъ хочетъ идти въ Москву, разсердился, разругалъ скверными словами всѣхъ Французовъ, вышелъ изъ питейнаго дома и заговорилъ, подъ орломъ, собравшемуся народу:* «Какъ! Къ намъ? Милости просимъ, хоть «на святкахъ, хоть на масляницу; да и тутъ жгута- «ми дѣвки такъ припопонятъ, что спина вздуется го- «рой. Полно демономъ то наряжаться: молитву сотво- «римъ, такъ до пѣтуховъ згинешь! Сидика дома да «играй въ жмурки, либо въ гулючки. Полно тебѣ фи- «глярить: вить солдаты та твои карлики, да щеголяки; «ни тулупа, ни рукавицъ, ни малахая, ни ошуч не «надѣнутъ. Ну, гдѣ имъ Русское житье-бытье вынести? «Отъ капусты раздуются, отъ каши перелопаются, «отъ щей задохнутся, а которые въ зиму та и оста- «нутся, такъ крещенскіе морозы поморятъ, будутъ у

«вороть замерзать, на дворѣ окалѣвать, въ сѣняхъ за-
«зябать, въ избѣ задыхаться, на печи обжигаться. Да
«что и говорить! *Повадился кувшинъ по воду ходить,*
«*тамъ ему и голову положить.* Карлъ та Шведской,
«пожилистѣй тебя былъ, да и чистой Царской крови,
«да уходился подъ Полтавой, ушелъ безъ возврату. Да и
«при тебѣ будущихъ та мало будетъ. Побойчей Францу-
«зовъ твоихъ были: Поляки, Татары и Шведы, да и тѣхъ
«наши такъ отпотчивали, что и по сю пору кругъ
«Москвы курганы, какъ грибы, а подъ грибами та
«ихъ кости. Ну и твоей сплѣ быть въ могилѣ. Да
«знаешь-ли, что такое наша Матушка Москва? Вить
«это не городъ, а Царство. У тебя дома та слѣпой,
«да храмой, старухи да ребятишки остались, а на
«Нѣмцахъ не выѣдишь: они тебя смаху осѣдлаютъ.
«А на Руси што, знаешь-ли ты, забубенная голова?
«Выведено 600,000, да забритыхъ 300,000, да ста-
«рыхъ рекрутъ 200,000. А всіо молодцы: одному
«Богу вѣруютъ, одному Царю служатъ, однимъ кре-
«стомъ молятся, всѣ братья родные. Да коли пона-
«добится, скажи намъ Батюшка Александръ Павло-
«вичь: *сила Христіанская выходи*, и высыпитъ без-
«конечная, и свѣту Божьева не увидишь! Ну, пере-
«дними бей пожалуй, тебѣ это по сердцу, за то осталь-
«ные та тебя доканаютъ на вѣки вѣковъ. Ну, какъ
«же тебѣ къ намъ забраться? Не токмо што Ивана
«Великова, да и Поклонной во снѣ не увидишь. Бѣло-
«русцевъ возьмемъ, да тебя въ Польшѣ и погребемъ.
«Ну, поминай какъ звали! По сему и прочее разумѣ-
«вай, не наступай, не начинай, а на право кругомъ
«домой ступай и знай: изъ роду въ родъ каковъ Рус-

«ской народъ. — Потомъ Чихиринъ пошолъ бодро и «запѣлъ: *во полѣ береза стояла*, а народъ, смотря «на него, говорилъ: *отъ куда берется? А что гово-«рить дѣло, то ужъ дѣло!*» — 3-го іюля помѣщено въ Московскихъ Вѣдомстяхъ, № 53, слѣдующее объявленіе: «Военный Губернаторъ Графъ Ростопчинъ симъ извѣщаетъ, что въ Москвѣ показалась дерзкая бумага, гдѣ между прочимъ вздоромъ сказано: *что Французскій Императоръ Наполеонъ обѣщаетъ чрезъ шесть мѣсяцевъ быть въ обѣихъ Россійскихъ Столицахъ.* Въ четырнадцать часовъ Полиція отыскала и сочинителя, и отъ кого вышла бумага. Онъ есть сынъ Московскаго второй гильдіи купца Верещагина, воспитанный иностранцемъ и развращенный трактирною бесѣдою. Графъ Ростопчинъ признаетъ нужнымъ обнародовать о семъ, полагая возможнымъ, что списки съ сего мерзскаго сочиненія могли дойти до свѣдѣнія легковѣрныхъ и наклонныхъ вѣрить невозможному. Верещагинъ же, сочинитель, и Губернскій Секретарь Мѣшковъ, переписчикъ, по признанію ихъ, преданы суду и получатъ должное наказаніе за свое преступленіе.» — «Въ Москвѣ, какъ и во всей коренной Россіи» — повѣствуетъ Михайловскій-Данилевскій въ *Описаніи Отечественной войны* (*) — «не нашлось предате-«лей, надъ которыми должно гремѣть проклятію въ «потомствѣ. Изъ 200,000 жителей древней столицы «только одинъ 23-хъ лѣтній молодой человѣкъ под-«вергся законному осужденію за составленіе наск-«вильнаго сочиненія. По разсмотрѣніи дѣла Сенатомъ,

(*) Часть 2, стр. 336, изд. 1839 года.

«оказалось, что и этотъ молодой человѣкъ поступилъ «*изъ одной вѣтрености.*» — Сообщая, каждый день, жителемъ извѣстія, получаемыя изъ Арміи, Графъ Ростопчинъ не скрывалъ отъ нихъ приближенія непріятеля, но вмѣстѣ продолжалъ успокоивать умы своими народными воззваніями: «Слава Богу!» — вѣщалъ онъ Москвитянамъ, *въ Дружескомъ Посланіи*, 9-го августа— «все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ «не дорожаетъ и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хо«чется, чтобъ злодѣя побить, и то будетъ. Станемъ «Богу молиться, да воиновъ снаряжать, да въ армію «ихъ отправлять. А за насъ предъ Богомъ заступ«ники: Божія Матерь и Московскіе Чудотворцы; предъ «свѣтомъ милосердый Государь нашъ Александръ «Павловичъ, а предъ супостаты Христолюбивое во«инство. А чтобъ скорѣе дѣло рѣшить: Государю уго«дить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то «должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ сло«вамъ Начальниковъ. Они рады съ вами и жить и «умереть. Когда дѣло дѣлать — я съ вами; на войну «идти — передъ вами, а отдыхать — за вами. Не «бойтесь ничего: нашла туча, да мы ее отдуемъ. *Все «перемелится, мука будетъ.* Берегитесь одного: пья«ницъ да дураковъ. Они, распустя уши, шатаются, да «и другимъ въ уши въ расплохъ надуваютъ. Иной «вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ, а его «дѣло кожу драть; обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего: «солдатамъ сулитъ Фельдмаршальство, нищимъ золо«тыя горы, народу свободу, а всѣхъ ловитъ за виски, «да въ тиски, и пошлетъ на смерть; убьютъ либо «тамъ, либо тутъ. И для сего прошу, если кто изъ

«нашихъ, или изъ чужихъ станетъ его выхвалять и «сулить и то, и другое, то какой-бы онъ ни былъ, «за хохолъ, да на Съѣзжую. Тотъ кто возьметъ, тому «честь, слава и награда, а кого возьмутъ, съ тѣмъ «я раздѣлаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу. Мнѣ на «то и власть дана, и Государь изволилъ приказать: *бе-*«*речь матушку Москву;* а кому жъ беречь мать, какъ «не дѣткамъ! Ей Богу, братцы, Государь на васъ, «какъ на Кремль надѣется, а я за васъ присягнуть «готовъ. Не введите въ слово. А я вѣрный слуга Цар-«ской, баринъ и православный Христіанинъ. Вотъ моя «и молитва: Господи Царю Небесный! Продли дни «Благочестиваго земнаго Царя нашего! Продли благо-«дать Твою на православную Россію; продли мужество «Христолюбиваго воинства; продли вѣрность и любовь «къ Отечеству православнаго Русскаго народа! На-«правь стопы воиновъ на гибель враговъ; просвѣти и «укрѣпи ихъ силою животворящаго Креста, чело ихъ «охраняюща, и сими знаменіемъ побѣдиша.» 17-го августа Графъ Ростопчинъ обнародовалъ: «Здѣсь есть «слухъ и есть люди, кои ему вѣрятъ, что я запре-«тилъ выѣздъ изъ города. Если бы это было такъ, «тогда на заставахъ были бы караулы и по нѣсколь-«ко тысячъ каретъ, колясокъ и повозокъ во всѣ сто-«роны не выѣзжали. А я радъ, что барыни и купе-«ческія жены ѣдутъ изъ Москвы для своего спокой-«ствія. Меньше страха, меньше новостей; но не льзя «похвалить и мужей, и братьевъ, и родню, которые, «при женщинахъ въ будущихъ отправились, безъ воз-«врату. Если, по ихъ, есть опасность, то непристой-«но, а если нѣтъ ея, то стыдно. Я жизнію отвѣчаю,

«что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, и вотъ почему:
«въ арміяхъ сто тридцать тысячь войска славнаго,
«тысяча восемьсотъ пушекъ и Свѣтлѣйшій Князь Ку-
«тузовъ, истинно Государевъ избранный Воевода Рус-
«скихъ силъ и надъ всѣми Начальникъ. У него сзади
«непріятеля Генералы Тормасовъ и Чичаговъ, восемь-
«десять тысячь славнаго войска; Генералъ Милора-
«довичь изъ Калуги пришелъ въ Можайскъ съ 36,000
«пѣхоты, 3,800 кавалеріи и 84 пушками пѣшей и
«конной артиллеріи. Графъ Марковъ чрезъ три дня
«придетъ въ Можайскъ съ 24 тысячами нашей воен-
«ной силы, а остальныя семь тысячь въ слѣдъ за-
«нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ, въ По-
«дольскѣ четырнадцать тысячь пѣхоты. А если мало
«этого для гибели злодѣя, тогда ужъ я скажу: *ну*
«*Дружина Московская! пойдемъ и мы!* И выведемъ
«сто тысячь молодцовъ, возьмемъ Иверскую Божію
«Матерь, да 150 пушекъ, и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ.
«У непріятеля же своихъ и сволочи 150,000 чело-
«вѣкъ: кормятся паренною рожью и лошадинымъ мя-
«сомъ. Вотъ, что я думаю и вамъ объявляю, чтобъ
«иные радовались, а другіе успокоились, а больше
«еще тѣмъ, что и Государь Императоръ на дняхъ из-
«волитъ прибыть въ вѣрную Свою Столицу (*). Про-
«читайте; понять можно все, а толковать нечего.» 18
августа Графъ Ростопчинъ, извѣщая жителей Москвы,
что главная квартира наша находилась въ Вязьмѣ,
Графъ Витгенштейнъ занялъ Полоцкъ и дѣйствуетъ

(*) Государь находился тогда въ Або, гдѣ, 18 августа, укрѣпилъ союзъ Россіи съ Швеціею.

далѣе, очистивъ тотъ край отъ Французовъ, писалъ: «Многіе жители желаютъ вооружиться, а оружія ты-«сячь на десять есть въ Арсеналѣ, которое куплено «дешево на Макарьевской ярмаркѣ. Всякое утро же-«лающіе могутъ покупать въ Арсеналѣ: ружья, писто-«леты и сабли. Цѣны тутъ означены. За это мнѣ «скажутъ *спасибо*, а осердятся одни изъ ружейнаго «ряда; но воля ихъ; Богъ ихъ проститъ.» Въ Москвѣ жило тогда 3,600 Французовъ. Графъ Ростопчинъ слѣдилъ за ними и, удостовѣрившись въ дурномъ поведеніи и вредномъ образѣ мыслей нѣкоторыхъ, отправилъ ихъ, водою, въ Саратовъ. Въ числѣ 43 *выборной канальи изъ каналій* — такъ изъяснился онъ въ отношеніи къ Министру Полиціи — находились актеры, ремесленники, аффекисты и четырнадцать воспитателей юношества. «Francais!» — произнесъ онъ, при отправленіи — «entrez dans la barque, rentrez en vous «mêmes et n'en faites pas une barque de Charon» — давая чувствовать имъ, что если не уймутся, то не вернутся. По вступленіи непріятеля въ Вязьму, Графъ Ростопчинъ занялся отправленіемъ изъ Москвы: Присутственныхъ мѣстъ и учебныхъ заведеній въ Казань, Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и 175 пушекъ (*) въ Нижній-Новгородъ. Остался только Правительствующій Сенатъ, который не прерывалъ своихъ занятій до 29 августа. «Жители требуютъ оружія» — донесъ онъ передъ тѣмъ — «и оно готово; но я «имъ вручу его наканунѣ дня, который долженъ бу-«детъ рѣшить участь Москвы. Если Провидѣніе опре-

(*) *Описаніе Отечественной войны*, ч. 2, стр. 375.

«дѣлало Наполеону въ нее войдти, то онъ не найдетъ «ничего для удовлетворенія своего корыстолюбія. День- «ги будутъ вывезены; вещи зарыты. Армія и Москва «соединятся во едино для спасенія Россіи. Сегодня «(14 августа) 5,000 человѣкъ идутъ къ арміи; они «выступаютъ, какъ на праздникъ.» 20 августа обна- родовано Графомъ Ростопчинымъ. «Главная Квартира «между Гжати и Можайска. Нашъ авангардъ подъ «Гжатью. Мѣсто, нашими войсками занимаемое, пре- «крѣпкое, и тутъ Свѣтлѣйшій Князь намѣренъ дать «баталію. Теперь мы равны съ непріятелемъ числомъ «войскъ. Чрезъ два дня у насъ еще прибудетъ 20,000; «но наши войска Русскія, единаго закона, единаго «Царя, защищаютъ Церковь Божію, домы, женъ, дѣ- «тей и погосты, гдѣ лежатъ отцы наши. Непріятели «же дерутся за хлѣбъ, умираютъ на разбоѣ. Если они «разъ проиграютъ баталію, то всѣ разбредутся, и по- «минай какъ звали! — Вы знаете, что я знаю все, «что въ Москвѣ дѣлается; а что было вчера не хо- «рошо и побранить есть за что: два Нѣмца пришли «деньги мѣнять, а народъ ихъ катать; одинъ чуть-ли «не умеръ. Вздумали, что будто шпіоны, а для этого «допросить должно: это мое дѣло. А вы знаете, что «я не спущу и своему брату Русскому. И что за ди- «ковина ста человѣкамъ прибить костянаго Француза, «или въ парикѣ окуренаго Нѣмца! Охота руки марать! «И кто на это пускается, тотъ, при случаѣ, за себя «не постоитъ. Когда думаете, что шпіонъ, ну! веди «ко мнѣ, а не бей и не дѣлай нареканія Русскимъ. «Войска та Французскія должно закопать, а не шу- «шерамъ глаза подбивать. Сюда раненые привезены;

«они лежатъ въ Головинскомъ дворцѣ; я ихъ смо-«трѣлъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ. Вить «они за васъ дрались; не оставьте ихъ, посѣтите и «поговорите. Вы и колодниковъ кормите, а это Госу-«даревы вѣрные слуги и наши друзья—какъ имъ не по-«мочь!» 22 августа: «Здѣсь мнѣ поручено отъ Госу-«даря было сдѣлать большой шаръ, на которомъ 50 «человѣкъ полетятъ, куда захотятъ, и по вѣтру, и про-«тивъ вѣтра; а что отъ него будетъ, узнаете и по-«радуетесь. Если погода будетъ хороша: то завтра, «или послѣ завтра ко мнѣ будетъ маленькій шаръ для «пробы. Я вамъ заявляю, чтобъ вы, увидя его, не «подумали, что это отъ злодѣя, а онъ сдѣланъ къ его «вреду и погибели (*). Генералъ Платовъ, по при-«казанію Государя, и думая, что Его Императорское «Величество уже въ Москвѣ, пріѣхалъ сюда, прямо ко

(*) Этимъ огромнымъ шаромъ занимался, близъ Москвы, въ Воронцовѣ, иностранецъ Леппихъ, присланный изъ С. Петербурга въ началѣ мая 1812 года. Онъ намѣревался подняться на воздухъ, съ 50 человѣками, и спустить на непріятельскую армію два ящика, наполненные истребительными веществами. Работы производились въ тайнѣ, подъ прикрытіемъ полицейской команды. Опытъ съ маленькимъ шаромъ, на которомъ едва могли подняться два человѣка, не удался. Леппихъ, какъ *шарлатанъ*, отправленъ былъ обратно въ С. Петербургъ Графомъ Ростопчинымъ 1-го сентября, а инструменты и другія снадобья, стоившіе 163,000 рублей, въ Нижній-Новгородъ. *Описаніе Отечественной войны*, соч. Михайловскаго-Данилевскаго, изд. 1839 г., ч. 2, стр. 408 и 409. — Графъ Ростопчинъ въ своемъ сочиненіи: *Правда о пожарѣ Москвы*, называетъ дѣлателя шара *Шмидтомъ*.

«мнѣ, и ѣдетъ, послѣ обѣда, обратно въ армію, и по-
«спѣетъ къ баталіи, чтобъ тамъ пѣть благодарный
«молебенъ и Тебѣ Бога хвалимъ!» 23 августа Графъ Ростопчинъ счелъ нужнымъ сообщить жителямъ Москвы слѣдующее письмо, полученное имъ отъ Главнокомандующаго всѣми дѣйствующими арміями, Князя Голенищева-Кутузова: «Съ сокрушеннымъ, скорбнымъ
«сердцемъ извѣщаюся я, что увеличенные на счетъ
«дѣйствій Армій нашихъ слухи, разсѣваемые неблаго-
«намѣренными людьми, нарушаютъ спокойствіе жите-
«лей Москвы и доводятъ ихъ до отчаянія. Я прошу
«покорнѣйше Ваше Сіятельство успокоить и увѣрить
«ихъ, что войска наши не достигли еще до того раз-
«слабленія и истощенія, въ какомъ, можетъ быть, ста-
«раются ихъ представить. Напротивъ того, всѣ воины,
«не имѣвъ еще до нынѣ генеральнаго сраженія, ожи-
«вляясь свойственнымъ имъ духомъ храбрости, ожи-
«даютъ съ послѣднимъ нетерпѣніемъ минуты запеча-
«тлѣть кровію преданность свою къ Августѣйшему
«Престолу и Отечеству. Всѣ движенія были доселѣ
«направляемы къ сей единой цѣли и къ спасенію пер-
«вопрестольнаго града Москвы. Да благословитъ Все-
«вышній сіи предпріятія наши, должны быть моле-
«ніемъ всѣхъ сыновъ Россіи. Прошу Ваше Сіятель-
«ство увѣрить всѣхъ Московскихъ жителей моими сѣ-
«динами, что еще не было ни одного сраженія съ
«передовыми войсками, гдѣ бы наши не одерживали по-
«верхности, а что не доходило до главнаго сраженія,
«то сіе зависѣло отъ насъ, Главнокомандующихъ (*).»

(*) Изъ Колоцкаго монастыря, отъ 21 августа 1812 г.

25 августа Графъ Ростопчинъ обнародовалъ: «Свѣт-«лѣйшій Князь, чтобъ скорѣе соединиться съ войска-«ми, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и «сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ «на него пойдетъ. Къ нему отправлено отсюда 48 «пушекъ съ снарядами; а Свѣтлѣйшій говоритъ: *что «Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ, «и готовъ хоть въ улицахъ драться.* Вы, братцы, «не смотрите на то, что Присутственныя мѣста за-«крыли дѣла: прибрать надобно, а мы своимъ судомъ «съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, «мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ и деревян-«скихъ. Я кличъ кликну дня за два, а теперь не «надо, я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ «рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки: Французъ «не тяжелѣ снопа ржанаго. Завтра, послѣ обѣда, я «подымаю Иверскую въ Екатерининскую госпиталь, «къ раненымъ. Тамъ воду освятимъ; они скорѣе вы-«здоровѣютъ; а я теперь здоровъ: у меня болѣлъ «глазъ, а теперь смотрю въ оба.» 26 августа розданы жителямъ Москвы два объявленія Военнаго Губер-натора: 1) «Въ полночь получилъ я слѣдующее извѣ-«стіе отъ Его Свѣтлости, Главнокомандующаго арміи-«ми: Вчерашняго числа (24-го), во второмъ часу по «полудни, непріятель, въ важныхъ силахъ, атаковалъ «нашъ лѣвый флангъ, командуемый Княземъ Багра-«тіономъ, и не только въ чемъ либо имѣлъ поверх-«ность, но потерпѣлъ вездѣ сильную потерю. Сраженіе «продолжалось даже въ ночи. Вторая кирасирская «дивизія преимущественно отличалась своими атаками. «Взяты плѣнные и пять пушекъ. Арміи наши стоятъ

«на томъ же мѣстѣ, при деревнѣ Бородинѣ. 2) Курь-
«еръ отправленный вчера, въ десять часовъ вечера,
«изъ арміи, привезъ извѣстіе, что кромѣ пере-
«стрѣлки егерей, ничего не произошло во весь день.
«Въ субботу Французовъ хорошо попарили; видно от-
«дыхаютъ! У Князя Багратіона, на лѣвомъ флангѣ, пе-
«редъ одной батареею, сочтено больше 2000 убитыхъ.»
Въ день Бородинской битвы (26 августа), въ праздникъ Срѣтенія Владимірской Богоматери. Преосвященный Августинъ, Викаріи Московской Епархіи, съ двумя Грузинскими Архіереями, обносилъ икону Смоленской Богоматери, вмѣстѣ съ Иверскою и Владимірскою, вокругъ Бѣлаго-города, Китая и стѣнъ Кремлевскихъ. Отъ Срѣтенскихъ воротъ до Арбатскихъ крестный ходъ шелъ между двухъ рядовъ обозовъ, въ которыхъ раненые и умравшіе воины съ умиленіемъ крестились, взирая на утѣшительныя для страдальцевъ знаменія благочестія. Духовенство окропляло ихъ Св. водою. (*) Томимые нетерпѣніемъ узнать скорѣе вѣсти изъ арміи, жители во множествѣ выходили за Дорогомиловскую заставу, останавливали курьеровъ, осыпали ихъ вопросами. Наконецъ привезли въ Москву извѣстіе, что загорѣлось общее сраженіе. Въ два часа по полудни Фельдмаршалъ послалъ къ Графу Ростопчину слѣдующее письмо: «Прошу васъ ради Бога, Графъ Оедоръ
«Васильевичъ, прикажите къ намъ немедленно изъ Ар-
«сенала прислать на 500 орудій комплектныхъ заря-
«довъ, болѣе батарейныхъ.» Внизу была приписка

(*) *Очерки жизни Московскаго Архіепископа Августина*, соч. И. М. Снегирева, изд 1841, стр. 26 и 27.

собственной руки Фельдмаршала. «Сраженіе самое «кровопролитное. Будемъ удерживать. По сю пору «идетъ порядочно.» Передъ окончаніемъ битвы Князь Кутузовъ отправилъ къ Графу Ростопчину курьера съ другимъ письмомъ, увѣдомляя о намѣреніи своемъ возобновить сраженіе въ слѣдующій день. Отъ одного конца Москвы до другаго загремѣло: «Побѣда! по-«бѣда!» Спѣшили къ Иверской Божіей Матери служить благодарственные молебны. Казалось вѣрнымъ, что удержатъ непріятеля. (*) 27 августа, Графъ Ростопчинъ, въ печатномъ объявленіи, извѣщая, что Русское войско въ Бородинскомъ сраженіи не уступило непріятелю ни шагу, хотя онъ дѣйствовалъ съ отчаяніемъ, присовокупилъ: «Потеря его неизчетная. Онъ «отдалъ въ приказѣ, чтобъ въ плѣнъ не брать (да и «брать некого) и что Французамъ должно побѣдить «или погибнуть. Когда сего дня, съ помощію Божіею, «онъ отраженъ еще разъ будетъ, то злодѣй и злодѣи «его погибнутъ отъ голода, огня и меча. Я посылаю «въ армію 4,000 человѣкъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, «на 250 пушекъ снаряды, провіантъ. (**) Православные! Будьте спокойны. Кровь нашихъ проливается «за спасеніе Отечества; наша готова, и если придетъ «время, то мы подкрѣпимъ войска. Богъ подкрѣпитъ

(*) *Описаніе Отечественной войны*, изд. 1839 г., ч. 2, стр. 345.

(**) Въ продолженіе тринадцати дней, до вступленія Наполеона въ Москву, Графъ Ростопчинъ отправлялъ каждое утро въ армію 600 телѣгъ съ сухарями, крупою и овсомъ. *Правда о пожарѣ Москвы.*

«силы наши и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ «Русской!» Мѣсто битвы удержано Княземъ Кутузовымъ, но значительная потеря, понесенная имъ 24 и 26 августа, убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими, которыхъ число превышало 55,000 человѣкъ (*), заставила его отступить для укрѣпленія себя ополченіемъ Московскимъ. Онъ писалъ, 27 числа изъ Жукова, къ Графу Ростопчину: «Намѣреніе мое «состоитъ въ томъ, чтобы, притянувъ къ себѣ столько способовъ, сколько можно только получить, у Мо«сквы выдержать рѣшительную, можетъ быть, битву. «Помощи, которыя требую я, различны, и потому от«правляю я Полковника Князя Кудашева оныя пред«ставить вамъ лично, и просить, чтобы все то, что «можетъ дать Москва въ разсужденіи войскъ, приба«вки артиллеріи, снарядовъ и лошадей, и прочаго, «имѣемаго ожидать отъ вѣрныхъ сыновъ Отечества, «все бы то было пріобщено къ арміи, ожидающей «сразиться съ непріятелемъ. И къ кому же надежнѣе «могу я во всѣхъ сихъ нуждахъ обратиться, какъ не «къ извѣстному любовію и усердіемъ достойному пред«водителю древней столицы?» — 50,000 воиновъ составляли армію Кутузова послѣ Бородинскаго сраженія. Онъ продолжалъ отступленіе свое къ Москвѣ, и писалъ къ Графу Ростопчину: «Войска мои, не смо«тря на кровопролитное, бывшее 26 числа сраженіе, «остались въ такомъ почтенномъ числѣ, что не толь«ко въ силахъ противиться непріятелю, но даже ожи-

(*) Однихъ Генераловъ убито и ранено 18. *Описаніе Отечественной войны*, ч. 2. стр. 274.

«дать и поверхности надъ онымъ. Но между тѣмъ не-
«пріятельскій корпусъ находится нынѣ на Звенигород-
«ской дорогѣ. Неужели не найдетъ онъ гроба своего
«отъ дружины Московской, когда бы осмѣлился пося-
«гнуть на столицу по сей дорогѣ, куда отсту-
«пить и Винценгероде?» (*) Множество повозокъ съ
ранеными увеличило число отъѣзжающихъ изъ Мо-
сквы. Одного казеннаго имущества вывезено на 63,000
подводъ. Пустѣла столица, но остававшіеся въ ней
не робѣли и толпились у Арсенала, гдѣ оружіе прода-
валось дешевою цѣною: ружье и карабинъ по 2 и
по 3 рубля, сабля, пика, кортикъ по рублю и деше-
вле (**) 30 августа Графъ Ростопчинъ обнародовалъ
слѣдующее воззваніе къ жителямъ Москвы: «Братцы!
«сила наша многочисленна и готова положить животъ,
«защищая Отечество, не пустить злодѣя въ Москву.
«Но должно пособить, и намъ свое дѣло сдѣлать.
«Грѣхъ тяжкій своихъ выдавать. Москва наша мать.
«Она насъ поила, кормила и богатила. Я васъ при-
«зываю именемъ Божіей Матери на защиту Храмовъ
«Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружитесь,
«кто чѣмъ можетъ, и конные, и пѣшіе; возьми-
«те только на три дни хлѣба; идите со Крестомъ.
«Возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменъ
«собирайтесь тотчасъ на Трехъ-Горахъ. Я буду съ
«вами и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ,
«кто не отстанетъ; вѣчная память, кто мертвый ля-
«жетъ; горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться

(*) Отрядъ Винценгероде состоялъ изъ 2,000 кавалеріи 500 пѣхоты и двухъ пушекъ.

(**) *Описаніе Отечественной войны*, ч. 2, стр. 347.

«станетъ!» Ночью на 31 августа, Графъ Ростопчинъ отправилъ въ Нижній-Новгородъ, подъ прикрытіемъ одного баталіона, 810 колодниковъ, которыхъ число увеличилось арестантами Витебской, Могилевской, Минской и Смоленской губерній, присланными, до того въ Москву (*). Въ тотъ день, послѣ неотступныхъ просьбъ Преосвященнаго Августина, выѣхалъ, вечеромъ, изъ столицы престарѣлый Митрополитъ Платонъ, который, стоя уже одной ногою въ гробу, явился, 28 августа, среди гражданъ, чтобы укрѣпить ихъ вѣрою и любовію. Благословляя народъ, онъ говорилъ: *Простите, прощайте! спаси васъ Господи!* На убѣжденія Викарія, отвѣчалъ: *Что враги мнѣ сдѣлаютъ?* Уѣзжая, палъ на колѣни передъ образомъ Спасителя, молился со слезами, самъ не могъ встать: его подняли и посадили въ карету. Вскорѣ Вноанія, куда онъ удалился и въ которой въ послѣднее время жизни имѣлъ постоянное пребываніе, приняла въ нѣдра свои Пастыря, долго украшавшаго собою нашу каѳедру (**). 31 Августа вышло послѣднее объявленіе Графа Ростопчина: «Я завтра рано ѣду къ Свѣтлѣйшему, чтобы съ нимъ «переговорить, дѣйствовать и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ. Станемъ и мы изъ нихъ духъ «искоренять и этихъ гостей къ чорту отправлять. Я «пріѣду назадъ къ обѣду, и примемся за дѣло: додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ.» По совѣщаніи съ Графомъ Ростопчинымъ и при его содѣйствіи, Преосвященный Августинъ отправилъ, ночью, въ Вологду,

(*) *Правда о пожарѣ Москвы.*

(**) Митрополитъ Платонъ скончался 11 ноября 1812 года.

на трехъ стахъ лошадяхъ, разныя сокровища, въ томъ числѣ драгоцѣнную ризницу Патріарховъ и библіотеку, составленную изъ многихъ достопримѣчательныхъ хартій и лѣтописей. Регаліи Царскія и прочія украшенія, были до того увезены въ Нижній-Новгородъ, посредствомъ Графа Ростопчина. Онъ оцѣнилъ въ двадцать одинъ милліонъ рублей это Церковное и Государственное богатство, освященное временемъ и воспоминаніями (*). 1 сентября армія выступила изъ Мамонова. На Поклонной горѣ, въ виду столицы, Графъ Ростопчинъ встрѣтилъ Фельдмаршала. Здѣсь произошло совѣщаніе: дать ли сраженіе непріятелю, для спасенія Москвы, или отступить? Голосъ Графа Ростопчина былъ въ пользу ввѣреннаго ему города; многіе пристали къ нему; Начальникъ Главнаго Штаба 1-й арміи Ермоловъ говорилъ съ жаромъ о невозможности удержать избранную позицію. Скрывая отъ всѣхъ свои мысли, Князь Кутузовъ взялъ его за руку и, пощупавъ пульсъ, спросилъ: «Здоровъ-ли ты (**)?—Строили полевыя укрѣпленія. Графъ Ростопчинъ разстался съ Фельдмаршаломъ въ полномъ увѣреніи, что Москва не достанется злодѣямъ. «Да бу«детъ слово *миръ*»—писалъ онъ въ тотъ день къ Государю—«далеко отъ Вашего Величества. Русскіе вос«прiимутъ свое мѣсто во вселенной, и Вы восторже«ствуете надъ Вашимъ врагомъ. Можетъ быть, это «сбудется скоро. Ваши подданные проливаютъ кровь «и не скорбятъ. Господь Богъ не введетъ Васъ во

(*) *Правда о пожарѣ Москвы.*

(**) *Описаніе Отечественной войны*, часть 2, стр. 322.

«искушеніе. Вы будете избавителемъ свѣта.» Народъ не сомнѣвался въ томъ, что сраженіе произойдетъ подъ Москвою. Тысячи устремились въ арсеналъ за оружіемъ, которое, 1 сентября, раздавали даромъ. Было воскресенье. Преосвященный Августинъ священнодѣйствовалъ въ Успенскомъ соборѣ, проливалъ слезы со всѣми предстоявшими. Обрекаясь умереть за родину, многіе напутствовали себя пріобщеніемъ Святыхъ таинъ. Защитники Москвы спѣшили на Три-Горы, вооруженные кто чѣмъ могъ: ружьями, пиками, топорами, крича въ одинъ голосъ: «Да здравствуетъ Батюшка Александръ Павловичъ!» Къ вечеру, на сборномъ мѣстѣ, было уже множество народа. Въ 8 часовъ Графъ Ростопчинъ получилъ слѣдующее письмо отъ Князя Кутузова, отправленное послѣ военнаго совѣта въ Филяхъ. «Непріятель, отдѣливъ колонны «свои на Звѣнигородъ и Боровскъ, и невыгодное «здѣшнее мѣстоположеніе, вынуждаютъ меня, съ го«рестію, Москву оставить (*). Армія идетъ на Рязан«скую дорогу. По сему покорно прошу васъ при-

(*) Въ военномъ совѣтѣ, Фельдмаршалъ, выслушавъ различныя мнѣнія, заключилъ засѣданіе слѣдующими словами: «Съ потерею Москвы не потеряна Россія. Первою «обязанностью поставляю сохранить армію и сблизиться «съ тѣми войсками, которыя идутъ къ намъ на подкрѣ«пленіе. Самымъ уступленіемъ Москвы приготовимъ мы «гибель непріятелю. Изъ Москвы я намѣренъ идти по Ря«занской дорогѣ. Знаю, что отвѣтственность обрушится «на мнѣ, но жертвую собою для блага Отечества.» *Описаніе Отечественной войны*, ч. 2, стр. 328.

«слать мнѣ съ симъ же адъютантомъ моимъ Монтре-«зоромъ сколько можно болѣе полицейскихъ офице-«ровъ, которые могли бы армію проводить, чрезъ «разныя дороги, на Рязанскую.» Какъ громомъ по-раженный, Графъ Ростопчинъ сообщилъ печальную вѣсть Преосвященному Августину, совѣтуя ему поспѣшить отъѣздомъ во Владиміръ. Вокругъ столицы пы-лали уже села и деревни, огромное зарево разлива-лось во мракѣ, когда попечительный Пастырь оста-вилъ ее, взявъ изъ Успенскаго Собора Владимірскую Богоматерь, а изъ часовни отъ Воскресенскихъ во-ротъ Иверскую. Ночью Графъ Ростопчинъ приказалъ разбивать бочки съ виномъ, отправилъ изъ Москвы 2100 человѣкъ пожарной команды со всѣми заливны-ми трубами, освободилъ содержавшихся за долги и велѣлъ карауламъ выступить изъ города. Отъ ше-стнадцати до семнадцати тысячъ раненыхъ и больныхъ вывезены тогда на четырехъ тысячахъ подводахъ, въ Коломну (*). Въ тотъ день (1 сентября) Графъ Ро-стопчинъ отправилъ слѣдующее донесеніе къ Государю: «Адъютантъ Князя Кутузова привезъ мнѣ письмо, въ «коемъ онъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офице-«ровъ для сопровожденія арміи на Рязанскую дорогу. »Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Мо-«скву. Государь! Поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій «столицы и Вашей Имперіи. Россія содрогнется, у-

(*) Оттуда они отправлены Окою, на большихъ кры-тыхъ баркахъ, въ Рязанскую губернію, гдѣ были учре-ждены госпитали. Въ Москвѣ осталось только двѣ тыся-чи раненыхъ. *Правда о пожарѣ Москвы.*

«знавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается «величіе Россіи, гдѣ прахъ Вашихъ Предковъ. Я по-«слѣдую за арміею. Я все вывезъ: мнѣ остается пла-«кать объ участи моего Отечества!» 2 сентября, до зари, вступили въ Дорогомиловскую заставу обозы нашей арміи и артиллерія; на разсвѣтѣ послѣдовали за ними пѣхота и конница. Глубокая печаль живо выражалась на лицахъ воиновъ; тихій, унылый говоръ отзывался въ рядахъ. Жители смотрѣли на полки безмолвно, нѣкоторые укоряли ихъ: *за чѣмъ они не отразили Французовъ*, и въ это смутное время, когда непріятель угрожалъ столицѣ, когда не было въ ней ни карауловъ, ни властей, никто не предавался грабежу, или своеволію. Графъ Ростопчинъ, обманутый въ надеждѣ своей, убитый горестію: бѣдственнымъ положеніемъ Россіи, потерею ввѣренной ему столицы, торжествомъ Наполеона, котораго ненавидѣлъ, предавался отчаянію. Въ минуту отъѣзда приведенъ былъ къ нему *сочинитель пасквиля;* народъ собрался на обширномъ дворѣ Градоначальника; послѣдній, въ сильномъ изступленіи гнѣва, произнесъ смертный приговоръ надъ арестантомъ, выдалъ его разъяренной толпѣ..... Пятно въ жизни великаго человѣка! Будемъ-ли винить его въ жестокости обдуманной? Онъ тогда совершенно потерялся, не зналъ, что дѣлалъ, что говорилъ. Живѣйшее раскаяніе, сохраненное имъ по смерть, примирило его съ потомствомъ. Въ восьмомъ часу утра, Фельдмаршалъ сказалъ столпившимъ у заставы жителямъ: «Головою ручаюсь, что непріятель по-«гибнетъ въ Москвѣ!» — У Яузскаго моста Графъ Ростопчинъ, выѣхавшій изъ своего дома верхомъ,

встрѣтился съ Княземъ Кутузовымъ, началъ что-то говорить ему; но Фельдмаршалъ, не отвѣчая ни слова, приказалъ очищать мостъ, чрезъ который надлежало проходить войскамъ. Миновавъ Коломенскую заставу, когда непріятель вступилъ уже въ Кремль (*), Графъ Ростопчинъ произнесъ: «Занавѣсъ опустился; моя роль «сыграна!» Тщетно Наполеонъ ожидалъ у Дорогомиловской заставы депутатовъ отъ города, спрашивалъ: «Гдѣ начальство? Гдѣ Губернаторъ, Комендантъ?» — Никто къ нему не являлся: изъ 240,000 жителей осталось въ Москвѣ не болѣе десяти тысячь человѣкъ, но и тѣ не показывались на улицахъ, прятались въ домахъ. Вскорѣ въ Замоскворѣчьи, въ четырехъ мѣстахъ, поднялось пламя, предвѣстникъ страшнаго пожара. Императоръ Французовъ расположился на ночлегъ въ обывательскомъ домѣ, въ Дорогомиловской слободѣ, гдѣ, кромѣ четырехъ дворниковъ, никого не было. Ночью запылалъ Москотильный рядъ, пожаръ распространился въ Китаѣ городѣ. 3-го сентября, по утру въ 11-мъ часу, едва Наполеонъ вступилъ въ чертоги Царей нашихъ, огонь показался въ Гостиномъ дворѣ и каретномъ ряду. Тогда порывистый вѣтръ переносилъ во всѣ стороны горящія головни и пламень. На Москвѣ рѣкѣ горѣли мосты и суда. Несчастная столица представляла изъ себя огненное море, вздымаемое бушующимъ вихремъ. Бѣдные жители, осыпаемые искрами, скрывались въ подвалахъ; многіе сдѣлались жертвою всепожиравшаго пламени. Наполеонъ вышелъ на балконъ, и пораженный зрѣлищемъ столицы, тонувшей въ

(*) *Правда о пожарѣ Москвы.*

огнѣ, воскликнулъ: «Москвы нѣтъ болѣе! Войско ли-«шилось награды, мною обѣщанной.... Русскіе сами за-«жигаютъ!.... Какая чрезвычайная рѣшительность! «Что за люди! Это Скопы!»—Вся армія непріятель-ская раздѣляла изумленіе своего вождя. (*) 4-го сен-тября, въ два часа по полудни, Императоръ Француз-овъ принужденъ былъ удалиться, чрезъ огненный ла-биринтъ, въ Петровскій дворецъ: головни падали уже на Кремль; нѣсколько разъ загорался арсеналъ. Пожа-ры свирѣпствовали съ прежнею лютостію до 7 сен-тября и начали утихать 8-го числа. Въ это время, изъ 9,257 церквей, монастырей, казенныхъ строеній, частныхъ домовъ и фабрикъ, сгорѣло 6,496 (**). Кто обратилъ большую часть Москвы въ пепелище? Напо-леонъ и Французы обвинили въ томъ Графа Ростоп-чина; послѣдній, къ изумленію соотечественниковъ, от-казался отъ этой славы и сложилъ вину на Импера-тора Французовъ. Разсмотримъ, на чьей сторонѣ спра-ведливость. Въ древней столицѣ Россіи, куда стре-мился завоеватель, ожидали его покойныя квартиры на зимнее время, въ случаѣ продолженія войны. (***) Могъ-ли Наполеонъ приказывать жечь городъ, для него не-обходимый, уничтожать добычу, кровію пріобрѣтенную, лишить себя произвольно плодовъ побѣды и средствъ къ достиженію выгоднаго мира? Воины его, влекомые не

(*) *Описаніе Отечественной войны*, ч. 2, стр. 387..

(**) Тамъ же, ч. 3, стр. 291.

(***) См. прокламацію Наполеона къ войску передъ вступленіемъ его въ Москву, въ третьей части *Исторіи Норвена*, издан. въ Парижѣ 1829 года, стран. 418.

славой, но надеждою на обогащеніе, утомленные битвами и дальнимъ походомъ, нуждавшіеся въ необходимой одеждѣ, могли-ли дѣйствовать противъ собственныхъ выгодъ? (*) Со всѣмъ тѣмъ, не одинъ Графъ Ростопчинъ, но и наши Отечественные писатели: Михайловскій-Данилевскій, Глинка (С. Н.), Терещенко выставляютъ Наполеона *зажигателемъ Москвы.* Первый изъ нихъ ссылается на донесеніе Императрицѣ Маріѣ Ѳеодоровнѣ Тутолмина, который остался въ Москвѣ съ малолѣтными воспитанницами и слышалъ *о данномъ приказѣ жечь городъ* отъ Французскихъ жандармовъ, приставленныхъ, по его просьбѣ, для охраненія Воспитательнаго Дома. (**) Онъ повѣствуетъ далѣе: что «Наполеонъ, *стараясь рѣшительно откло-*«*нить отъ себя нареканія въ пожарѣ,* учредилъ Ком-«миссію для сужденія 26-ти Русскихъ, конхъ Фран-«цузы назвали *зажигателями* (***); что изъ нихъ 10 «были приговорены къ смертной казни, а 16 осужде-«ны на тюремное заключеніе (****); и тамъ же упоминаетъ: «что *первые пожары* произведены Русскими, которые говорили: *пусть пропадетъ Москва, лишь* «*бы въ ней схоронить Французовъ*; что вездѣ были

(*) См: *въ Запискахъ Графа Ласказа*, издан. въ Парижѣ 1823 года, въ 5-мъ томѣ, на стран. 395 — 404, любопытный разсказъ Наполеона, на островѣ св. Елены, о Московскомъ пожарѣ, *который уничтожилъ всѣ его надежды.* Б. К.

(**) *Описаніе Отечественной войны*, ч. 2, стр. 401 и 402.

(***) Тамъ же, стр. 403.

(****) Тамъ-же, стр. 406.

«приняты мѣры для сожженія казенныхъ запасовъ, а «частные люди сами истребляли свое имущество (*); «что, легко статься можетъ, съ непріятелями стара«лись распространять пожаръ бродяги изъ Русскихъ, «чтобы имѣть болѣе удобности грабить въ повсе«мѣстной тревогѣ (**)». — Слѣдовательно, Наполеонъ учредилъ Коммиссію не для отклоненія отъ себя *нареканія* въ пожарѣ, но для наказанія *зажигателей*, для удержанія за собою, посредствомъ страха, города, истребляемаго огнемъ. Будемъ-ли винить его и въ неистовствахъ, грабежахъ, произведенныхъ, среди общей сумятицы, войскомъ, составленнымъ изъ разныхъ народовъ, которые чтили въ немъ не законнаго своего Государя, но завоевателя, пользовались успѣхами оружія, какъ неотъемлемымъ правомъ, наградою раболѣпнаго повиновенія? Если онъ заслуживаетъ укоризну, то единственно за поруганіе храмовъ Божіихъ, обращенныхъ въ конюшни, за взрывъ Кремлевскихъ стѣнъ, занятыхъ имъ безъ боя. Но обратимся къ главному предмету. Почтенный Сочинитель *Описанія Отечественной войны* рѣшительно говоритъ, что Графъ Ростопчинъ *не былъ главнымъ виновникомъ пожара*, и подкрѣпляетъ свои слова двумя собственноручными его донесеніями къ Государю. Въ первомъ, отъ 13 сентября, онъ писалъ: «Приказаніе Князя Кутузова «везти на Калужскую дорогу провіантъ было отдано «29 августа. Это доказываетъ, что онъ тогда уже хо«тѣлъ оставить Москву. Я въ отчаяніи, что онъ скры-

(*) *Описаніе Отечественной войны*, ч. 2, стр. 399 и 400.
(**) Тамъ-же, стр. 402 и 403.

«валъ отъ меня свое намѣреніе, потому что я, не «бывъ въ состояніи удерживать города, *зажегъ бы «его* и лишилъ бы Бонапарта славы взять Москву, «ограбить ее и потомъ предать пламени. Я отнялъ «бы у Французовъ и плодъ ихъ похода и пепелъ сто- «лицы. Я заставилъ бы ихъ думать, что они лиши- «лись великихъ сокровищъ, и тѣмъ доказалъ бы имъ, «съ какимъ народомъ они имѣютъ дѣло.» Во второмъ, отъ 13 октября: «До 30 августа Князь Кутузовъ пи- «салъ мнѣ, что онъ будетъ сражаться. 1 сентября, «когда я съ нимъ видѣлся, онъ то же самое мнѣ го- «ворилъ, повторяя: *И въ улицахъ буду драться.* Я «оставилъ его въ часъ по полудни. Въ 8 часовъ онъ «прислалъ мнѣ извѣстное письмо, требуя полицейскихъ «офицеровъ, для препровожденія арміи изъ города, «оставляемаго имъ, какъ онъ говорилъ, съ крайнимъ «прискорбіемъ. Еслибы онъ мнѣ сказалъ это за два «дня прежде, *то я зажегъ бы городъ*, отправивши «изъ него жителей (*).» — Эти донесенія свидѣтель- ствуютъ, что Фельдмаршалъ *не безъ причины* скры- валъ отъ Графа Ростопчина намѣреніе свое оставить Москву; что онъ зналъ его мысли, готовность на от- чаянное предпріятіе и, для сохраненія столицы, по- жертвовалъ достояніемъ жителей. Планъ опытнаго Полководца былъ обдуманъ: какимъ образомъ могъ- бы онъ провести армію чрезъ городъ, объятый пла- менемъ? Пожаръ Москвы, еще не занятой непріяте- лемъ, не уронилъ ли бы духа воиновъ, питавшихъ вражду только къ иноплеменникамъ? Этими донесенія-

(*) *Описаніе Отечественной войны*, ч. 2, стр. 397 и 398.

ми уничтожается и сомнѣніе, что Графъ Ростопчинъ, будто, *не могъ сжечь* ввѣреннаго ему города (*). Подкрѣпимъ его отважный поступокъ другими сильнѣйшими доказательствами: Еще до Бородинской битвы Графъ Ростопчинъ не скрывалъ отъ друзей своихъ намѣренія *сжечь Москву*, если защитники Отечества не устоятъ противъ непріятеля. «Народъ здѣшній» — писалъ онъ къ Князю Багратіону 12 августа — «рѣ-«шительно умретъ у стѣнъ Московскихъ, и когда, въ «благомъ предпріятіи, Богъ ему не поможетъ, то, «слѣдуя Русскому правилу: *не доставайся злодѣю*, «обратитъ городъ въ пепелъ, и *Наполеонъ получитъ*, «*вмѣсто добычи, мѣсто гдѣ была столица.*» *Первый пожаръ*, 2 сентября, въ Замоскворѣчьи произведенъ, по приказанію Графа Ростопчина, Слѣдственнымъ Приставомъ Вороненкомъ, который отправился тогда на Винный и Мытный дворы, въ Коммиссаріатъ и на казенныя и партикулярныя барки, стоявшія у Краснаго-холма и Симонова монастыря, *для истребленія всего огнемъ*, что исполнилъ въ разныхъ мѣстахъ по мѣрѣ возможности, въ виду непріятеля, до 10 часовъ вечера. Это событіе, переданное Сочинителемъ *Описанія Отечественной войны* (**), открываетъ, что Графъ Ростопчинъ *первый зажегъ Москву*, для спасенія Отечества, и что, не смотря на отклоненіе его отъ этой славы, она, по всей справедливости, принадлежитъ ему. Непостижимый отказъ Графа Ростопчина опровергается еще однимъ важнымъ дока-

(*) *Описаніе Отечественной войны*, ч. 2, стр. 394.
(**) Тамъ же, стр. 398 и 399.

зательствомъ: Сочинитель *Военной Исторіи похода въ Россію въ 1812 году*, Г. Бутурлинъ, повѣствуетъ, въ первой части (*): «Передъ самымъ вторженіемъ На-«полеона въ Россію, Графъ Ростопчинъ назначенъ «былъ Главнокомандующимъ въ Москву, и когда не-«пріятель занималъ наши города, приближался къ «столицѣ, онъ учѣлъ удержать буйный порывъ чер-«ни, доведенной до отчаянія бѣдствіями войны. Бо-«лѣе ревностный гражданинъ, нежели воинъ, Росто-«пчинъ полагалъ возможнымъ защитить ввѣренный «ему городъ, и воспламенялъ жителей содѣйствовать «усиліямъ арміи. Роковая вѣсть, что Князь Куту-«зовъ рѣшился уступить Москву непріятелю безъ «боя, сильно поразила душу его, исполненную любви «къ родинѣ; но и въ бѣдственное время, когда наде-«жда обманула его ожиданія, онъ продолжалъ усердно «служить Отечеству, прибѣгнулъ къ послѣднимъ, рѣ-«шительнымъ средствамъ: не могши спасти столицу, «вознамѣрился разорить ее до основанія, для спасенія «Россіи. Предпріятіе это, достойное древняго Римля-«нина, приведено имъ въ дѣйство съ совершеннымъ «искуствомъ. Отступленіе арміи воспрепятствовало «ему зажечь тогда Москву; но, по его распоряженію, «сгараемыя вещества были разложены во многихъ до-«махъ, оставленныхъ жителями; толпа наемныхъ за-«жигателей разсѣяна по городу, подъ управленіемъ «нѣсколькихъ переодѣтыхъ полицейскихъ офицеровъ; «всѣ заливныя трубы и пожарные инструменты выве-

(*) *Histoire Militaire de la Campagne de Russie* en 1812, Paris, 1824, t. 1, p. 368—370.

«зены. Вечеромъ 2 сентября, огонь показался въ За-«москворѣчьи, ночью въ Москотильномъ ряду, въ Ки-«таѣ городѣ, а въ слѣдующіе дни пожары, при силь-«номъ вѣтрѣ, распространились по всему городу до «такой степени, что усилія Французовъ тушить ихъ «остались тщетными. Кромѣ подосланныхъ зажигате-«лей, озлобленные противъ враговъ обыватели сами «предавали огню собственные дома свои.» Такъ описалъ пожаръ Москвы Сочинитель *Военной Исторіи нашествія Французовъ на Россію.* Разсказъ его, опровергаемый многими и только согласный съ ругательствомъ, съ справедливыми жалобами Наполеона (*), не могъ бы поддержать нашихъ доводовъ, еслибъ Г. Бутурлинъ, до изданія въ свѣтъ своего сочиненія, не сообщилъ этой статьи, въ рукописи, Графу Ростопчину и еслибъ послѣдній не возвратилъ ее *безъ всякихъ перемѣнъ. Военная Исторія* была напечатана въ 1824 году, за два года до кончины Графа Ростопчина, вскорѣ по выпускѣ имъ, въ Парижѣ: *Правды о пожарѣ Москвы*, въ которомъ сочиненіи, онъ рѣшительно отклонилъ отъ себя приписанную ему славу! Удивленный столь неожиданнымъ поступкомъ, Г. Бутурлинъ остался при своемъ показаніи, одобренномъ прежде Графомъ Ростопчинымъ и основанномъ *на вѣрнѣйшихъ свѣдѣніяхъ;* только въ примѣчаніи (**) прибa-

(*) См. въ 3-й части *Описанія Отечественной войны*, на страп. 65—68, письмо Наполеона къ Императору Александру.

(**) *Histoire Militaire de la Campagne de Russie* en 1812, t. 1. p. 369.

вилъ: «что если бывшій Главнокомандующій столицы, «спустя десять лѣтъ послѣ пожара Московскаго, пред«ставляетъ оный въ измѣненномъ видѣ, то, вѣроятно, «въ то время дѣйствовалъ такимъ образомъ подчи«ненный его, одаренный нравомъ предпріимчивымъ, «отважнымъ, и что, въ такомъ случаѣ, послѣднему «принадлежитъ слава великаго подвига.» —Что побудило Графа Ростопчина сорвать съ себя вѣнецъ безсмертія? Не желаніе ли примириться съ гражданами, которые, положась на его увѣренія, оставили имущество свое въ добычу врагамъ и укоряли его еще сожженіемъ домовъ? Можетъ быть содѣйствовала къ тому и ненависть, питаемая имъ къ Наполеону; но теперь, когда могила соединила враговъ и недовольныхъ, когда гробовое молчаніе оковало ропотъ, когда закрылись глубокія язвы, нанесенныя любезному Отечеству — безпристрастное потомство должно съ признательностію воспоминать о главномъ виновникѣ пожара Москвы, не смотря на отрицаніе его, на разныя сужденія нашихъ Писателей (*). — Выѣхавъ изъ столицы, Графъ Ро-

(*) Составленная мною біографія Графа Ростопчина была уже одобрена Цензурнымъ Комитетомъ, какъ явилась въ Русскомъ Инвалидѣ 1846 года, № 270-й, любопытная статья Князя Николая Борисовича Голицына: *о Московскомъ пожарѣ 1812 года.* «Проживая, въ 1822 году, въ Пари«жѣ» — говоритъ, между прочимъ, Князь Голицынъ, часто посѣщавшій тогда Графа Ростопчина — «Графъ Ростоп«чинъ, котораго громкое имя разнеслось по всѣмъ кон«цамъ вселенной, сдѣлался предметомъ народнаго любо«пытства. Надобно сознаться, что Французамъ не за что

стопчинъ не ограничилъ исполненіе начертаннаго имъ плана однѣми приказаніями, но дѣйствовалъ на умы соотечественниковъ собственнымъ примѣромъ: *зажегъ* загородный домъ свой, находившійся въ окрестностяхъ Москвы, другой, въ принадлежащемъ ему селѣ Воронове, на старой Калужской дорогѣ. Тамъ прибилъ онъ къ церковной двери слѣдующую записку, на Французскомъ языкѣ: «Восемь лѣтъ украшалъ я это село, «въ которомъ наслаждался счастіемъ среди моей семьи. «При вашемъ приближеніи, обыватели, въ числѣ 1720,

---

«было любить его. Куда онъ ни показывался, на него «указывали пальцемъ, какъ на зажигателя. Въ балаганахъ «появлялись вывѣски, гдѣ онъ изображенъ былъ какимъ »то чудовищемъ, съ факеломъ въ рукахъ, зажигающимъ «Москву, а внизу надпись: *Venez voir l'Erostrate Rostop-«chin mettant le feu á la grande ville de Moscou.* И за «два су можно было видѣть представленіе, достойное вы-«вѣски. Сначала онъ переносилъ эти карикатуры доволь-«но философически; но какъ эти пасквильныя представле-«нія не прекращались, а, напротивъ, воображеніе Фран-«цузовъ все выдумывало что нибудь новое на его счетъ, «то это наконецъ ему наскучило: издаваемое творепіе Пол-«ковника Бутурлина долженствовало еще сильнѣе укоре-«нить мысль, что Москва сожжена въ слѣдствіе его рас-«поряженій; и такъ, чтобъ сокрушить однимъ почеркомъ «пера всѣ спекуляціи балаганщиковъ на его счетъ, озада-«чить Французовъ, а можетъ быть, и съ намѣреніемъ по-«ставить въ тупикъ и нѣкоторыхъ Русскихъ, онъ издалъ «*La vérité sur l'incendie de Moscou* (Правду о пожарѣ «Москвы). Появленіе этой книжки огорчило всѣхъ дру-«зей его, которые болѣе дорожили его славою, чѣмъ онъ «самъ.» — Б. К.

«покидаютъ жилища, а я предаю огню домъ свой, чтобы «онъ не былъ оскверненъ вашимъ присутствіемъ. Фран- «цузы! Въ Москвѣ оставилъ я вамъ два моихъ дома и дви- «жимости на полмилліона рублей: здѣсь найдете вы толь- «ко пепелъ. (*).» Во все время пребыванія Наполеона въ Москвѣ, Графъ Ростопчинъ жилъ то въ Владимірѣ, то въ селѣ Красной Пахрѣ, отъ столицы въ 36 верстахъ, чтобы ближе надзирать за дѣйствіями непріятеля и вредить ему. Оттуда обнародовалъ онъ, 20 сентября, любопытное свое посланіе *къ крестьянамъ, жителямъ Московской губерніи*: «Врагъ рода человѣческаго, наказаніе «Божіе за грѣхи наши, дьявольское навожденіе, злой «Французъ, взошелъ въ Москву; предалъ ее мечу, «пламени; ограбилъ храмы Божіи; осквернилъ алтари «непотребствами, сосуды пьянствомъ, посмѣшищемъ; «надѣвалъ ризы вмѣсто попонъ; сорвалъ оклады, вѣн- «цы со Святыхъ иконъ; поставилъ лошадей въ цер- «ви Православной вѣры нашей; разграбилъ домы, иму- «щества; наругался надъ женами, дочерьми, дѣтьми «малолѣтными; осквернилъ кладбища, и, ло втораго «пришествія, тронулъ изъ земли покойниковъ, пред- «ковъ нашихъ родителей; заловилъ кого могъ, заста-

---

(*) «J'ai embelli pendant huit ans cette campagne et «j'y ai vécu heureux au sein de ma famille. Les habi- «tans de cette terre, au nombre de mille sept cent «vingt, la quittent à votre approche; et moi je mets le «feu à ma maison, pour qu'elle ne soit pas souillée par «votre présence. Français, je vous ai abandonné mes «deux maisons de Moscou, avec un mobilier d'un demi «million de roubles; ici vous ne trouverez que des cendres.»

«вилъ таскать, вмѣсто лошадей, имъ краденное; мо-
«рятъ нашихъ съ голоду, а теперь, какъ самому при-
«шло ѣсть нечего, то пустилъ своихъ ратниковъ, какъ
«лютыхъ звѣрей, пожирать и вокругъ Москвы, и
«вздумалъ ласкою сзывать васъ на торги, мастеровъ
«на промыслъ, обѣщая порядокъ, защиту всякому.
«Уже ли вы, Православные, вѣрные слуги Царя на-
«шего, кормилицы Матушки, каменной Москвы, на его
«слова положитесь и дадитесь въ обманъ врагу лю-
«тому, злодѣю кровожадному? Оглметъ онъ у васъ и
«послѣднюю кроху и придетъ вамъ умирать голодною
«смертію; проведетъ онъ васъ посулами, а коли день-
«ги дастъ, то фальшивыя; съ ними жъ будетъ вамъ
«бѣда. Оставайтесь, братцы, покорными Христіан-
«скими воинами Божіей Матери — не слушайте пу-
«стыхъ словъ. Почитайте начальниковъ и помѣщиковъ:
«они ваши защитники, помощники, готовы васъ одѣть,
«кормить и поить. Истребимъ достальную силу непрія-
«тельскую, погребемъ ихъ на Святой Руси, станемъ
«бить, гдѣ ни встрѣчутся. Ужъ мало ихъ и осталося,
«а насъ сорокъ милліоновъ людей, слетаются со всѣхъ
«сторонъ, какъ стада орлиныя. Истребимъ гадину за-
«морскую, и предадимъ тѣла ихъ волкамъ, воронамъ;
«а Москва опять украсится; покажутся золотые вер-
«хи, домы каменны; повалитъ народъ со всѣхъ сто-
«ронъ. Пожалѣетъ ли Отецъ нашъ, Александръ Пав-
«ловичъ, милліоновъ рублей на выстройку каменной
«Москвы, гдѣ Онъ муромъ помазался, короновался Цар-
«скимъ вѣнцомъ? Онъ надѣется на Бога Всесильнаго,
«на Бога Русской земли, на народъ Ему поддапной,
«богатырскаго сердца молодецкаго. Онъ одинъ Пома-

«защитникъ Его, и мы присягали Ему въ вѣрности. Онъ «Отецъ, мы дѣти Его, а злодѣй Французъ некрещеный врагъ. Онъ готовъ продать и душу свою; ужъ «былъ и Туркою, въ Египтѣ обусурманился, ограбилъ «Москву, пустилъ нагихъ, босыхъ, а теперь ласкается «и говоритъ, что не быть грабежу, а все взято имъ, «собакою, и все въ прокъ не пойдетъ. Отольются «волку лютому слезы горькія. Еще недѣльки двѣ, за«кричатъ *пардонъ*, а вы, будто, не слышите. Ужъ «имъ одинъ конецъ: съѣдятъ все, какъ саранча, и ста«нутъ стѣною, мертвецами непогребенными; куда ни «придутъ, тутъ и вали ихъ живыхъ и мертвыхъ въ «могилу глубокую. Солдаты Русскіе помогутъ вамъ; «которой побѣжитъ, того Казаки добьютъ; а вы не «робѣйте, братцы удалые, дружина Московская, и гдѣ «удастся по близости, истребляйте сволочь мерзскую, «нечистую гадину, и тогда къ Царю въ Москву явите«ся и дѣлами похвалитеся. Онъ васъ опять возстано«витъ по прежнему, и вы будете пришѣваючи жить «по старому. А кто изъ васъ злодѣя послушается, и къ «Французу преклонится, тотъ недостойный сынъ Отече«ской, отступникъ Закона Божія, преступникъ Государя «своего, отдастъ себя на судъ и поруганіе;а душѣ его «быть въ аду съ злодѣями, и горѣть въ огнѣ, какъ горѣла «наша мать Москва.» Воззваніе Графа Ростопчина сильно подѣйствовало. Крестьяне Московской губерніи, даже женщины, вооружились вилами, рогатинами, топорами, косами, а впослѣдствіи ружьями, отбитыми у Французовъ; умерщвляли мародеровъ и фуражировъ; трупы убитыхъ бросали въ колодцы, пруды и рѣки, сожигали въ овинахъ; иногда зарывали плѣнныхъ живыми въ

землю; нападали, съ Козаками, на отряды непріятельскіе, мужественно отражая ихъ отъ своихъ жилищъ. Обѣщанія Наполеона *вольности, равенства* и *свободы* остались безуспѣшными. Любовь къ Вѣрѣ Православной и къ Царю законному торжествовала. Тогда офицеры Московской Полиціи, въ одеждѣ крестьянской, слѣдили за всѣми дѣйствіями Императора Французовъ, узнавали о силѣ и движеніяхъ его войскъ, о запасахъ продовольствія. Лишь только Наполеонъ выступилъ изъ нашей столицы и Генералъ-Маіоръ Иловайскій 4-й вошелъ въ Москву, 11-го октября, Графъ Ростопчинъ поспѣшилъ на пепелище, когда въ Кремлѣ и Китаѣ городѣ возобновились пожары, произведенные непріятелемъ, улицы были покрыты мертвыми тѣлами и падалищемъ, крестьяне и Козаки (*) расхищали соляные магазины, винные подвалы, кладовыя, гдѣ кучами лежали мѣдныя деньги. Прежде всего распорядительный Начальникъ занялся водвореніемъ порядка, прекращеннаго безначаліемъ; потомъ обратилъ вниманіе на несчастныхъ жителей. Изъ 240,000 тысячъ, составлявшихъ народонаселеніе Москвы, и изъ 10,000, оставшихся въ столицѣ при вступленіи непріятеля, Графъ Ростопчинъ нашелъ въ ней не болѣе 3,000 человѣкъ; въ томъ числѣ отъ 1200 до 1500 лишенныхъ необходимыхъ способовъ къ существованію: онъ размѣстилъ ихъ по квартирамъ, снабдилъ, на счетъ Казны, теплою одеждою и, въ продолженіе года, доставлялъ имъ продовольствіе (**).

(*) *Описаніе Отечественной войны*, ч. 3, стр. 287.

(**) *Правда о пожарѣ Москвы.*

Въ разныхъ мѣстахъ сочтено болѣе 2,000 непріятельскихъ и до 700 Русскихъ раненыхъ и больныхъ. Графъ Ростопчинъ очистилъ Воспитательный Домъ, превращенный Наполеономъ въ лазаретъ (*), и госпитали, наполненные полусогнившими трупами; открылъ на площади противъ дома Генералъ-Губернатора обширную ярмарку, гдѣ крестьяне начали продавать, за умѣренную цѣну, муку, овесъ, сѣно, печеные хлѣбы, обитель и обувь. Соборы, монастыри и церкви требовали освященія. Главнокомандующій столицы обратился, 18 октября, къ Викарію Московскому Августину, съ слѣдующимъ письмомъ: «Врагъ человѣчес-«скаго рода, опустошивъ Москву и оскверня храмы, «сопровождаемый проклятіемъ Россійскаго народа, съ «малымъ числомъ оставшейся въ живыхъ нечестивой «рати своей, предался бѣгству, желая довершить зло-«дѣйство разореніемъ Кремля подкопами; но Рука «Всемогущаго спасла отъ паденія Соборы и Иванов-«скую колокольню, и прахъ Царей нашихъ съ Дер-«жавою Государя Императора нашего: они, съ вѣр-«постію и мужествомъ народа, Ему преданнаго, оста-«лись непоколебимы. Обманутый ложною надеждою и «ослѣпленный успѣхами, онъ мечталъ покорить Россію, «предписать ей законы; но Россія возстала вся на «него, попрала его силу и повергла страшное могу-«щество Наполеона къ подножію Престола Александра

(*) Пріѣхавъ въ Москву вскорѣ по выступленіи непріятеля, я былъ свидѣтелемъ, какъ вывозили Французовъ изъ Воспитательнаго Дома, и слышалъ проклятія, которыми они обременяли виновника ихъ бѣдствій. Б. К.

«Первaго. Сообщая о семъ происшествіи Вашему Пре«освященству, прошу направить путь Вашъ къ пер«вопрестольному граду, коего жители желаютъ воз«вращенія Вашего, церкви освященія и всѣ истинные «Христіане присутствія Чудотворныхъ Иконъ, для при«несенія теплыхъ молитвъ за избавленіе отъ наше«ствія врага и униженіе гордыни его.» Къ счастію, Французскіе офицеры, въ хлопотахъ и мракѣ, не успѣли зажечь всѣхъ подкоповъ: Кремль былъ подорванъ только въ пяти мѣстахъ; губительному дѣйствію другихъ минъ помѣшалъ дождь. Огромная пристройка Патріарха Филарета къ Ивану Великому, оторванная взрывомъ, лежала при его подножіи. По сдѣланному исчисленію, убытки, произведенные пожаромъ и войною въ Москвѣ и въ Московской губерніи, простирались до трехъ сотъ двадцати милліоновъ рублей (*). Въ числѣ невозвратимыхъ потерь должно считать Отечественныя Лѣтописи, подаренныя Императрицею Екатериною II-ою Графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину, которыя онъ собралъ изъ разныхъ монастырей, въ бытность свою Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода: онѣ и многія другія драгоцѣнныя рукописи, хранившіяся въ его библіотекѣ, сдѣлались жертвою огня, вмѣстѣ съ великолѣпнымъ домомъ, въ послѣдствіи возобновленнымъ. Библіотека Графа Бутурлина, оцѣненная въ милліонъ рублей, имѣла одинакую участь. Озлобленный противъ Графа Ростопчина Наполеонъ, который называлъ его, въ бюллетеняхъ, *зажигателемъ и сумасшедшимъ*, прика-

(*) *Правда о пожарѣ Москвы.*

залъ, $^{9}/_{20}$ октября, Мортье *сжечь домъ Главнокомандующаго, подорвавъ Кремль* (*). Неизвѣстно, почему Маршалъ не исполнилъ въ точности возложеннаго на него порученія: или удержанъ онъ былъ просьбами Католическаго духовенства, которое, во время Московскаго пожара, оберегая отъ огня деревянную церковь свою, на Лубянкѣ, сохранило въ цѣлости домъ Графа Ростопчина, находившійся въ близкомъ разстояніи (**); или, занятый главнымъ предметомъ, подорваніемъ Кремля, онъ не дорожилъ маловажнымъ, а потомъ былъ удержанъ нахлынувшими въ Москву Козаками. 20 октября Графъ Ростопчинъ обнародовалъ слѣдующее объявленіе: «Крестьянамъ Московской губерніи. По возвращеніи моемъ въ Москву узналъ я, что вы, недовольны бывъ тѣмъ, что ѣздили и таскали, что попалось на пепелищѣ, еще вздумали грабить домы господъ своихъ по деревнямъ и выходить изъ послушанія. Уже многихъ зачинщиковъ привезли сюда. Не ужели вамъ хочется попасть въ бѣду? Славное сдѣлали вы дѣло, что не поддались Бонапарте, и отъ этого онъ околѣвалъ съ голоду въ Москвѣ, а теперь околѣваетъ съ холоду на дорогѣ, бѣжитъ не оглядывался, и арміи его живой не приходитъ; покойниковъ Французскихъ никто не подвезетъ до ихъ дому. Ну, такъ Бонапарта не слушались, а теперь слушаетесь какова нибудь домашняго вора. Вѣдь опять и

(*) *Histoire de l'expédition de Russie*, Paris, 1823, t. 2, p. 241.

(**) *Histoire de l'expédition de Russie*, Paris, 1823, t. 2, p. 36 et 37.

«Капитанъ-Исправники и Засѣдатели вездѣ есть на «мѣстѣ. Гей, ребята! живите смирно, да честно; а «то дураки, забіячныя головы, кричатъ: *батюшка, не «будемъ!*» 31 октября Преосвященный Августинъ прибылъ въ Черкизово село, находящееся въ одной верстѣ отъ Преображенской заставы. Архіерейскія подворья были преданы огню. 7-го ноября пріѣхалъ онъ въ столицу и остановился въ Срѣтенскомъ монастырѣ. Вскорѣ (11-го ноября) скончался Митрополитъ Платонъ, и достойный ученикъ его вступилъ въ управленіе Епархіею, занялся устроеніемъ Московской Церкви и духовныхъ училищъ. Въ день освященія Срѣтенскаго монастыря, Графъ Ростопчинъ читалъ въ храмѣ извѣстія о побѣдахъ Русскихъ надъ полчищами Наполеона. Возстановить Святыню въ прежнемъ благолѣпіи было свыше предоставлено Августину; но Графъ Ростопчинъ, водворившій Присутственныя мѣста, положилъ только основаніе возобновленію древней столицы: слѣды пожара исчезли при его преемникахъ. 30 августа 1814 года уволенъ онъ отъ званія Главнокомандующаго, съ пожалованіемъ въ Члены Государственнаго Совѣта. Недоброжелатели продолжали вредить ему (*). Торжество враговъ и истощенное отъ чрезвычайныхъ занятій здоровье заставили Графа Ростопчина воспользоваться даннымъ ему отдыхомъ: онъ отправился въ чужіе край, былъ на водахъ въ Германіи, въ Лондонѣ, основалъ пребываніе въ Парижѣ,

(*) *Опытъ обозрѣнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи*, соч. Г. Терещенка, изд. 1837 г., ч. 2, стр. 214.

когда Наполеонъ, брошенный на островъ Св. Елены, влачилъ горестные дни близъ своей могилы. Въ столицѣ Франціи всѣ смотрѣли на него съ любопытствомъ, удивлялись, что *дикій Татаринъ*, каковымъ выдавали его, соединялъ съ высокимъ образованіемъ умъ просвѣщенный, привлекательную любезность. На одномъ балѣ подошелъ къ нему Англичанинъ и спросилъ его: «Вы ли Графъ Ростопчинъ, который сжегъ Москву?» — «Я Графъ Ростопчинъ» — отвѣчалъ послѣдній — «ко-«торому приписываютъ сожженіе Москвы.» — «А, «это вы?» — продолжалъ Англичанинъ, окинувъ его наблюдательнымъ взоромъ — «прошу не сходить съ «мѣста: я тотчасъ возвращусь.» — Графъ Ростопчинъ уважилъ странную просьбу незнакомца, ожидая съ нетерпѣніемъ развязки. Черезъ нѣсколько минутъ Англичанинъ подошелъ къ нему съ дамою и, указывая на него пальцемъ, какъ на восковую фигуру, произнесъ вслухъ: «Это Графъ Ростопчинъ, который «сжегъ Москву!» — Они пристально смотрѣли на зажигателя, потомъ, не сказавъ ему ни одного слова и даже не удостоивъ поклономъ, удалились. — «Вы «вѣрно хотѣли сличить Парижъ съ Москвою, послѣ «общаго ихъ несчастія?» — спросили его, однажды, въ шумной столицѣ. — «Нѣтъ!» — отвѣчалъ Графъ Ростопчинъ — «мнѣ хотѣлось лично увѣриться въ «истинныхъ достоинствахъ трехъ прославленныхъ му-«жей Франціи: Герцога Отрантскаго (*), Князя Та-«лейрана и актера Потье.» — «И вы нашли?...» «Я «нашелъ, что болѣе всѣхъ достоинъ своей славы по-

(*) Фуше.

«слѣдній (*).» — Въ Парижѣ изданa имъ: *Правда о пожарѣ Москвы* (**), сочиненіе, затмившее правду объ этомъ пожарѣ. Въ 1823 году Графъ Ростопчинъ, послѣ продолжительной отлучки, возвратился въ Отечество и, 14 декабря, согласно прошенію, *во уваженіе разстроеннаго здоровья*, Всемилостивѣйше уволенъ отъ занятій Члена Государственнаго Совѣта и отъ всѣхъ дѣлъ, съ сохраненіемъ званія Оберъ-Каммергера. Онъ привезъ изъ чужихъ краевъ любопытное собраніе картинъ: одна, Вувермана, подарена ему Фельдмаршаломъ Веллингтономъ, который заплатилъ за нее, на аукціонѣ, 20,000 франковъ, и получилъ въ замѣнъ отъ Графа Ростопчина рѣдкій экземпляръ путешествія Христофора Колумба, принадлежавшій Іосифу Бонапарте; 2) портретъ Людовика XIV, находившійся въ спальнѣ Госпожи Ментенонъ до самой ея кончины; 3) превосходный портретъ, писанный Леонардомъ Винчи и подаренный Графу Англійскимъ Королемъ; 4) портреты, писанные Рубенсомъ: духовника его и 5) Генриха X; также рѣдкое, единственное собраніе Роберовъ, состоящее изъ двадцати семи картинъ большаго размѣра. — Сошедъ съ служебнаго поприща, знаменитый Россіянинъ не утратилъ своего значенія, не походилъ на временщиковъ, которыхъ счастіе возводитъ на высоту, а ничтожность, при паденіи, не поддерживаетъ. Пріобрѣтенные имъ знаки отличія покоились въ шкатулкѣ: не они, но заслуги украшали его. Въ простой одеждѣ, представлялъ онъ Вельможу велича-

(*) *Сѣверная Пчела*, 1839 года, № 108.

(**) *La vérité sur l'incendie de Moscou.*

вою осанкою, гордою поступью, отважнымъ словомъ, проницательнымъ взглядомъ. Поручикъ Гвардіи Императрицы Екатерины II-ой, въ семь лѣтъ возведенный на степень Министра и украшенный старшимъ орденомъ Имперіи, обитая въ Москвѣ, выступалъ мѣрнымъ шагомъ съ старыми Сановниками, и изъ нихъ никто не старался опередить его, не укорялъ его быстрымъ возвышеніемъ. Безъ сомнѣнія, оскорбленное самолюбіе, свойственное человѣку, умѣющему цѣнить свои достоинства, тяготило пылкую душу; но онъ скрывалъ внутреннюю скорбь, его снѣдавшую, и на гравированномъ портретѣ, въ которомъ представленъ въ сюртукѣ, съ сложенными на крестъ руками, надписалъ:

Безъ дѣла и безъ скуки,
Сижу, поджавши руки (*).

Борьба душевныхъ силъ съ тѣлесными не долго продолжалась: потеря дочери, во цвѣтѣ лѣтъ и красоты, сблизила его съ могилою. Онъ скончался въ Москвѣ, 18 января 1826 года, на 63 отъ рожденія, приказавъ похоронить себя на Пятницкомъ кладбищѣ, *безъ малѣйшей церемоніи.* Благодарные граждане провожали до могилы бренные останки бывшаго Градоначальника, который въ тяжкую годину испытанія успокоивалъ и ободрялъ ихъ. На

(*) Одинъ экземпляръ этого портрета, съ собственноручною надписью Графа Ростопчина, подаренъ имъ Александру Яковлевичу Булгакову, который служилъ подъ его начальствомъ. Б. К.

одной сторонѣ надгробнаго камня, представляющаго пирамиду, вырѣзаны сочиненные Графомъ Ростопчинымъ стихи, не за долго до кончины:

Среди своихъ дѣтей
Покоюсь отъ людей.

На другой: «Оеодоръ Васильевичь Графъ Ростопчинъ, Оберъ-Каммергеръ, род. 1763 г. Марта 12, скончъ: 1826 г., Генваря 18.»

Графъ Ѳедоръ Васильевичь Ростопчинъ былъ высокаго роста; умъ и твердость характера въ рѣзкихъ чертахъ изображались на возвышенномъ челѣ его, въ большихъ глазахъ, исполненныхъ огня и выраженія, въ язвительной улыбкѣ. Онъ описалъ себя слѣдующимъ образомъ: «Я родился, не зная для чего; родите-«ли мои радовались, сами не зная чему. Меня обучали «всякой мудрости и всѣмъ возможнымъ языкамъ. Я «сталъ язычникомъ; шарлатанствомъ и дерзостью до «того озадачивалъ многихъ, что они почитали меня «ученымъ и снимали шапки. Голова моя была разроз-«неная библіотека, въ которой никто не могъ до-«биться толку, и ключъ къ которой былъ только у «меня. Мучимый сначала учителями и гуверперами, «терпѣлъ я потомъ отъ платья моихъ портныхъ, жен-«щинъ, честолюбія, самолюбія, тщетнаго раскаянія, на-«деждъ и воспоминаній. Мнѣ не суждено было испы-«тать трехъ величайшихъ наслажденій въ человѣче-«ской жизни: воровства, пролазничества и гордости. «Въ 30 лѣтъ я отказался отъ танцевъ; въ 40 отъ «страсти нравиться прекрасному полу; въ 50 отъ при-

«говоровъ общественнаго мнѣнія; въ 60 отъ мышле-«нія, и отъ того сдѣлался совершеннымъ мудрецомъ, «или, что одно и тоже, совершеннымъ эгоистомъ. Я «былъ упрямъ какъ лошакъ, капризенъ какъ кокетка, «веселъ какъ дитя, лѣнивъ какъ сурокъ, дѣятеленъ «какъ Бонапарте; но все это, когда и какъ мнѣ взду-«мается. Я не умѣлъ управлять выраженіемъ лица «своего, языка не могъ удерживать, и при этомъ «имѣлъ глупую привычку думать вслухъ. Такимъ об-«разомъ я нажилъ съ десятокъ друзей, со сто вра-«говъ. Я былъ очень довѣрчивъ, склоненъ къ дружбѣ, «даже добродушенъ: родись я *въ золотой вѣкъ*, даже, «можетъ быть, былъ бы препорядочнымъ человѣкомъ. «Никогда ни за себя, ни за другихъ, не вмѣшивался «я въ сватовство и сплетни; никогда и никому не ре-«комендовалъ ни повара, ни доктора: стало быть не «причинялъ вреда здоровью и жизни ни одного бли-«жняго. Я любилъ маленькія общества, тѣсный кру-«жокъ и прогулку въ тѣнистой рощѣ. Блеску солнца «почти поклонялся; отъ захожденія его иногда на ме-«ня находила хандра. Любимый цвѣтъ мой былъ го-«лубой, любимое кушанье говядина подъ хрѣномъ, лю-«бимый напитокъ вода. Изъ театральныхъ представле-«ній я любилъ больше всего комедіи и водевили. Въ «мужчинахъ и женщинахъ любилъ открытыя, вырази-«тельныя лица. Особенную, непреодолимую любовь чу-«вствовалъ я къ горбунамъ *обоего пола*. Къ тщесла-«вымъ щеголямъ (fats, dandy) и дуракамъ всегда ощу-«щалъ отвращеніе. Мнѣ были противны набожныя «женщины съ молитвой на языкѣ и съ интригой въ «умѣ, съ помпаньемъ въ ридикюлѣ и съ любовной

«почтой въ туалетѣ. Наперность возбуждала во мнѣ «самое непріятное чувство. Нарумяненные мужчины, «раскрашенныя и разукрашенныя женщины казались «мнѣ жалкими. Крысы, водка, метафизика и зеленый «сыръ, процессы и домашнія насѣкомыя приводили «меня въ ужасъ. Жду смерти терпѣливо, безъ страха. «Жизнь моя была плохая мелодрама, съ хорами, пляс«ками, превращеніями и великолѣпнымъ спектаклемъ. «Я игралъ въ ней героевъ, тирановъ, любовниковъ, «благородныхъ отцевъ, резоперовъ, но никогда не «брался за роли лакеевъ. Величайшее мое счастіе со«стоитъ въ томъ, что я рѣшительно независимъ отъ «трехъ лицъ, правящихъ нынѣ Европою: я достаточно «богатъ, дѣла до меня не касаются, и къ музыкѣ при«страстія не имѣю. Стало быть, я внѣ всякихъ отно«шеній къ Ротшильду, М (*) и Россини (**).»—Его неутомимая дѣятельность, предпріимчивость, самоотверженіе явились во всемъ блескѣ въ достопамятномъ 1812 году. Отъ взятія Смоленска до самого выѣзда

(*) Вѣроятно, *Меттерниху*. Б. К.

(**) *Сѣверная Пчела*, 1839 года, No 108. Эти остроумныя записки, въ которыхъ желчь разлита обильною струею, сочинены Графомъ Ростопчинымъ по просьбѣ одной милой и любезной дамы, любопытствовавшей знать замѣчательнѣйшія происшествія его жизни. На оберткѣ было написано: *Жизнь Ростопчина, списанная съ натуры, въ десять минутъ*. Онѣ напечатаны, въ Парижскомъ журналѣ *le Temps*, 1839 г., и потомъ на разныхъ языкахъ: Нѣмецкомъ, Англійскомъ, Италіянскомъ Испанскомъ, Португальскомъ и другихъ.

изъ Москвы, въ продолженіе двадцати трехъ дней, онъ не зналъ отдыха, не ложился на постель (*). Воззванія его къ жителямъ столицы, писанныя образцовымъ народнымъ слогомъ, сохранили въ ней, въ рѣшительныя минуты, спокойствіе и благоустройство. Тогда цѣлая Россія смотрѣла на Москву: она распространила повсюду горячую любовь къ Отечеству, несмѣтныя пожертвованія, мысль о сильномъ вооруженіи, духъ мщенія, столь губительный для враговъ, воспламененный въ сердцахъ Россіянъ ея пожаромъ. И главный виновникъ этихъ знаменитыхъ событій, котораго Императоръ Александръ I-й называлъ въ то время: *мастеромъ своего дѣла* (**), а граждане именовали: *крѣпкимъ слугою Государевымъ, отцемъ Москвы* (***), имѣлъ несчастіе обратить, потомъ, на себя упреки соотчичей! «Неудовольствіе противъ меня «Наполеона»—писалъ Графъ Ростопчинъ — «похвала; «немилость его — награда; гнѣвъ — слава, а печат«ная брань — грамота на безсмертіе. Причины зло«сти суть: выѣздъ изъ Москвы жителей ея, отпра«вленіе сокровищъ, дорогихъ товаровъ, вооруженіе по«селянъ, и все, что я имъ говорилъ и писалъ. Но хо«тя Бонапарте и сдѣлалъ своими ругательствами имя «мое незабвеннымъ; хотя въ Англіи народъ желалъ

(*) *Правда о пожарѣ Москвы.*

(**) *C'est l'homme de la chose*, произнесъ Государь, читая одну изъ первыхъ афишекъ Графа Ростопчина. *Описаніе Отечественной войны*, ч. 2, стран. 338.

(***) *Русская Исторія*, сочин. С. П. Глинкою, Москва, 1818 г., Прибавленіе къ 8 части, стр. 35.

«имѣть мой гравированный портретъ; въ Пруссіи жен-
«щины модамъ даютъ мое имя; хотя честные и благо-
«разумные люди оказываютъ мнѣ признательность: со
«всѣмъ тѣмъ есть много Русскихъ, кои меня бранятъ
«за то, что они отъ нашествія злодѣя лишились до-
«мовъ и имущества, и многіе, ничего не имѣвшіе —
«милліоновъ! — Мое дѣло было сохранить спокойствіе
«въ столицѣ, и тишина въ ней пребыла до 2-го сентя-
«бря. Взятіе Смоленска, приближеніе непріятеля къ
«Москвѣ и Бородинская битва не были тайны. Купцы
«начали отправлять свои товары съ половины іюля,
«дворянство тронулось съ августа. Вопрошаю: кого я
«задержалъ? У кого взялъ лошадей, повозки? Многіе
«говорятъ: *онъ увѣрялъ, что Москва взята не будетъ;*
«*отъ этого мы и погибли.* Но я опять спрашиваю:
«защита Столицы отъ меня ли зависелa? 2800 рекрутъ,
«160 полицейскихъ драгуновъ и пожарная команда
«могли ли остановить Наполеона со 130 тысячью вой-
«ска? Я сообщалъ Московскимъ жителямъ все, что
«получалъ отъ Главнокомандующаго арміями. Я, даже,
«не былъ приглашенъ, 1-го сентября, на военный со-
«вѣтъ, гдѣ было рѣшено оставить Москву, о чемъ
«узналъ уже въ одиннадцать часовъ вечера, чрезъ пись-
«мо Свѣтлѣйшаго Князя Кутузова, требовавшаго у меня
«проводниковъ чрезъ городъ на Рязанскую дорогу. И такъ
«выѣхавшіе изъ столицы граждане или не вѣрили моимъ
«обнародованіямъ, или боялись оставаться, не имѣли
«способовъ отправить имъ принадлежащаго, слѣдователь-
«но негодовать имъ на меня не зачто (*).» — Онъ пред-

(*) См. *Русской Вѣстникъ* 1813 *года.*

видѣлъ свою участь, говорилъ, послѣ Бородинской битвы, Александру Яковлевичу Булгакову (*): «Кутузовъ «называетъ это побѣдою..... Дай Богъ, чтобы такъ «было; но въ этомъ кровавомъ потокѣ (**) поглоще- «ны наравнѣ побѣдители съ побѣжденными. Они свое «отдѣлали! Жестоко дрались; теперь моя очередь... до- «ходитъ до Москвы! Но Москва не Можайскъ..... Мо- «сква Россія! Все это ужасное бремя ляжетъ на ме- «ня! Что я буду дѣлать?....» — «Что вы будете дѣ- «лать?....»—отвѣчалъ Булгаковъ—«ограждать внутрен- «нее спокойствіе Москвы. Все въ рукахъ Предводите- «ля арміи, и весьма естественно, что вы одни сто- «лицу спасти не можете!»—«Такъ не будетъ никто су- «дить»—продолжалъ Ростопчинъ— «я буду всему винo- «ватъ.. я буду за все и всѣмъ отвѣчать.... меня станутъ «проклинать, сперва барыни, а потомъ купцы, мѣща- «не, подъячіе, а тамъ и всѣ умники и православный «народъ.... Я знаю Москву!....» (***) Такъ мыслилъ тогда Графъ Ростопчинъ, и не ошибся. Потомство справедливѣе современниковъ. — Онъ имѣлъ отъ своей супруги, Графини Екатерины Петровны Протасовой (родной племянницы Каммеръ-Фрейлины Графини Анны Степановны Протасовой, которая пользовалась любовію Императрицы Екатерины II-й), слѣдующихъ

(*) Нынѣ Тайному Совѣтнику и Московскому Почтдиректору.

(**) Говоря по Французски, Графъ Ростопчинъ выразилъ мысль свою словомъ: *boucherie*.

(***) См. Журналъ *Москвитянинъ* 1843 года, № 2, стр. 502 и 503.

дѣтей: 1) Сына, Графа Сергѣя Ѳедоровича. Онъ служилъ въ Кавалергардахъ; былъ потомъ Адъютантомъ у Князя Барклая де Толли; вышелъ въ отставку Ротмистромъ; путешествовалъ съ своими родителями, и умеръ, въ Москвѣ, въ 1836 году, будучи сорока лѣтъ. Дочерей: 2) Графиню Наталью Ѳедоровну, которая была въ супружествѣ съ Симферопольскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Дмитріемъ Васильевичемъ Нарышкинымъ, нынѣ вдовствуетъ; 3) Графиню Софью Ѳедоровну, вышедшую за Графа Евгенія Сегюра, наслѣдственнаго Пэра Франціи, племянника Исторіографа и роднаго внука бывшаго въ Россіи Посла при Императрицѣ Екатеринѣ II-й; 4) Графиню Елисавету Ѳедоровну, умершую въ 1825 году, на 18 отъ рожденія и 5) сына, Графа Андрея Ѳедоровича, родившагося въ 1813 году, нынѣ отставнаго Штабъ-Ротмистра Гусарскаго полка Е. И. В. Герцога Лейхтенбергскаго. У него, отъ супруги, Графини Евдокіи Петровны, рожденной Сушковой (которой прелестныя стихотворенія, отпечатокъ образованнаго ума и пылкихъ, возвышенныхъ чувствъ, не умрутъ въ потомствѣ), двѣ дочери: Графини Ольга и Лидія, и сынъ Графъ Викторъ.

С.

САЛТЫКОВЪ, Михаилъ Глѣбовичъ, именовавшійся Салтыковымъ-*Морозовымъ*, (*) пылкій, честолюбивый, не довольствовался званіемъ Стольника, полученнымъ въ молодыхъ лѣтахъ, но, гоняясь за славою, искалъ опасностей на ратномъ полѣ: участвовалъ въ Ливонской войнѣ, въ 1577 году, будучи Головою и Есауломъ въ Государевомъ полку, и, въ 1579 г., вторымъ Воеводою въ Смоленскѣ; переименованъ (1580 г.) вторымъ Воеводою во Ржевъ: сразился, подъ знаменами Погтева и Князя Мосальскаго, у Смоленска, съ Литовскимъ Вельможею Филономъ Кмитою, который, съ девятью тысячами всадниковъ, былъ обращенъ въ бѣгство Россіянами, кинувъ знамена, обозъ и 60 легкихъ пушекъ. За эту блистательную побѣду, Салтыковъ, въ числѣ прочихъ Вождей, получилъ отъ Іоанна IV золотую медаль (1581 г.). Вслѣдъ за тѣмъ, онъ былъ именованъ шестымъ Воеводою въ Смоленскѣ и первымъ осаднымъ въ земляномъ городѣ; выжегъ, опу-

---

(*) Въ Государствованіе Димитрія Іоанновича Донскаго выѣхалъ въ Россію изъ Пруссіи Иванъ *Морозъ*, котораго правнукъ Михаилъ Игнатьевичъ Морозовъ, прозванный *Салтыкъ*, былъ родоначальникомъ Салтыковыхъ. Отъ послѣдняго произошелъ, въ четвертомъ колѣнѣ, Михаилъ Глѣбовичъ. *Изъ портфелей Исторіографа Миллера.*

стоилъ, съ прочими Воеводами, селенія и посады городовъ: Дубровны, Орши, Шклова и Могилева; разбилъ и обратилъ въ бѣгство, подъ Шкловымъ, выступившихъ оттуда непріятелей; пожалованъ первымъ Воеводою передоваго полка во Ржевѣ; участвовалъ въ пораженіи Шведовъ подъ Орѣшкомъ (1582 г.); умѣлъ удержаться въ грозное Государствованіе Іоанна, послѣ казни, постигшей двухъ двоюродныхъ его дядей, Бояръ Льва Андреевича и Оедора Игнатьевича Салтыковыхъ (*), во время убійствъ, пытокъ и преслѣдованій. Царь Оеодоръ Іоанновичъ отправилъ его (въ 1584 г.) первымъ Воеводою передоваго полка противъ взбунтовавшихся Черемисовъ, и за содѣйствіе въ усмиреніи ихъ пименовалъ четвертымъ Воеводою въ Новгородъ; потомъ, тамъ же (1585 г.) первымъ Воеводою передоваго полка. Въ 1587 году, Салтыковъ, начальствуя сторожевымъ полкомъ, разсѣялъ Крымцевъ на берегахъ Оки; въ 1588 назначенъ Воеводою большаго полка въ Тулѣ и вскорѣ вторымъ Воеводою Сторожеваго въ Михайловѣ; занялъ въ 1589 году прежнее свое мѣсто въ Новѣгородѣ, откуда посланъ во Псковъ вторымъ Воеводою. Возведенный (1590 г.) въ достоинство Окольничаго, онъ, съ званіемъ третьяго Воеводы Большаго полка, отправился изъ Новгорода противъ Шведовъ, и на пути получилъ предводительство передоваго полка; участвовалъ во взятіи Ямьгорода и въ занятіи Ивана; возвратился въ Новгородъ вторымъ Воеводою большаго полка. Здѣсь прерываютъ-

(*) *Сказанія Князя Курбскаго*, ч. I, стр. 146 и ч. 2, стр. 338.

ся военные подвиги Салтыкова: онъ выступаетъ на новое поприще, на которомъ продолжаетъ съ честію полезную свою службу. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ поручилъ ему (1591 г.) взять присягу отъ Сигизмунда III въ соблюденіи постановленнаго съ нимъ договора. Вторымъ Посломъ былъ дворянинъ Игнатій Петровичъ Татищевъ, извѣстный заключеннымъ перемиріемъ съ Швеціею въ 1583 году. Съ ними отправились Дьяки Захаръ Свіязевъ и Посникъ Дмитріевъ. Еще Послы не успѣли доѣхать до Варшавы, какъ распространился въ ней слухъ о набѣгѣ Крымцевъ на Россію: тогда Королевскіе чиновники, исполняя данное приказаніе, не только причиняли Салтыкову и Татищеву разныя остановки на дорогѣ, но еще выводили ихъ изъ терпѣнія своими грубостями, лишая всѣхъ удобностей, самаго нужнаго, оставляя даже безъ пищи ихъ людей. Изгнаніе Хана сдѣлало Сигизмунда сговорчивѣе: онъ утвердилъ (15 дек.) договоръ Московскій, но заставилъ нашихъОсловъ внести въ него новое условіе, чтобы ни Царю, ни Литвѣ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, не мыслить о завоеваніи Нарвы. Цѣлуя крестъ, Король сказалъ: «Мы будемъ въ мирѣ съ Ца«ремъ до его перваго нападенія на Швецію, ибо сынъ «долженъ вступиться за отца (*).» Салтыковъ возвратился, 10 января 1592 года, въ Москву, гдѣ полу-

(*) Сигизмундъ III былъ сынъ Короля Шведскаго Іоанна III; онъ желалъ наслѣдовать послѣ него, но хотѣлъ вмѣстѣ ввести въ Швецію вѣру Католическую, и по этой причинѣ утратилъ права свои. Королемъ былъ провозглашенъ, въ Стокгольмѣ (1604 г.), Карлъ IX.

чилъ новое назначеніе: отправленъ съ вспомогательными войсками къ Князю Черкасскому противъ Крымцевъ, и вслѣдъ за тѣмъ назначенъ вторымъ Воеводою передоваго полка въ Новѣгородѣ, первымъ тогожъ полка на устьѣ Паровы; но онъ не обнажалъ меча своего и снова явился на дипломатическомъ поприщѣ: подписалъ, на рѣкѣ Плюсѣ, съ Шведскими Послами, Маршаломъ Флемингомъ, Генераломъ Бое и другими, двухлѣтнее перемиріе между обоими Государствами. Неизвѣстно почему Царь или управлявшій тогда кормиломъ Россіи, Борисъ Годуновъ, не употребилъ его въ постановленіи мирнаго договора, вмѣсто Князя Туренина и Пушкина (1595 г.). Салтыковъ занимался тогда дѣланіемъ засѣкъ; предводительствовалъ, въ слѣдующемъ году, частію войскъ противъ Крымцевъ, на берегахъ Оки; пожалованъ (1598 г.) первымъ Воеводою въ Рязань. Царь Борисъ, по вступленіи на престолъ, отозвалъ Салтыкова въ столицу. Вѣроятно, виновникомъ появленія его при Дворѣ былъ внучатный братъ, Михаилъ Михайловичь Салтыковъ-*кривой*, Царедворецъ ловкій, умѣвшій пріобрѣсть любовь Іоанна Грознаго, съ которымъ пировалъ въ страшной Александровской Слободѣ, и Годунова, которому ревностно содѣйствовалъ въ преслѣдованіи Романовыхъ, который въ день своего вѣнчанія на Царство пожаловалъ ему званіе Окольничаго. Тогда вошь-дипломатъ увеличилъ собою число Сановниковъ, окружавшихъ новаго Вѣнценосца; представлялъ Борису (въ 1599 г.) Шведскаго Принца Густава, Персидскихъ Пословъ (1600 г.), Цесарскаго Посланника (1601 г.); производилъ въ томъ году переговоры съ Шведскими Полномочными,

возведенный въ достоинство Боярина и Намѣстника Суздальскаго; пользуясь правомъ доступа, взялъ верхъ надъ многими, умомъ, но не сердцемъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи. Съ Польшею постановлено перемиріе на двадцать лѣтъ; для утвержденія онаго отправленъ къ Сигизмунду III Бояринъ Салтыковъ. (*) Эпоха эта была блистательнѣйшею въ его жизни, ибо онъ умѣлъ явить себя достойнымъ представителемъ великаго Монарха, и, не взирая на худое гостепріимство въ Литвѣ, успѣлъ въ главномъ дѣлѣ, къ чести Двора Московскаго. Сигизмундъ предводительствовалъ тогда войскомъ въ Ливоніи и звалъ Посла къ себѣ въ Ригу. Салтыковъ отвѣчалъ: «Буду ждать Короля въ «Вильнѣ» — и поставилъ на своемъ; въ глубокую осень жилъ нѣсколько времени на берегахъ Днѣпра, въ шатрѣ; терпѣлъ холодъ и недостатокъ, но принудилъ Короля ѣхать для него въ Вильну, гдѣ начались жаркія прѣнія. Литовскіе Вельможи говорили Салтыкову: «Если «дѣйствительно хотите мира, то признайте нашего Ко«роля Шведскимъ, а Эстонію собственностію Польши.» Салтыковъ возразилъ: «Миръ вамъ нужнѣе, нежели «намъ. Эстонія и Ливонія собственность Россіи отъ «временъ Ярослава Великаго, а Шведскимъ Королев«ствомъ владѣетъ нынѣ Герцогъ Карлъ: Царь не «дастъ никому пустыхъ титуловъ»... «Карлъ есть из«мѣнникъ и хищникъ»—продолжали Паны—«Государь «вашъ перестанетъ ли называться въ титулѣ *Астра-*

(*) Съ Салтыковымъ посланы въ Польшу Дворянинъ Василій Плещеевъ и Думный Дьякъ Власьевъ. *Дипломат. сношенія нашего Двора съ Европ.* ч. 3.

«*ханскимъ* или *Сибирскимъ*, если какой нибудь раз-«бойникъ на время завладѣетъ сими землями? Знатная «часть Венгріи нынѣ въ рукахъ Султана, но Цесарь «именуется Венгерскимъ, а Король Испанскій Іеруса-«лимскимъ.» Убѣжденія остались безъ дѣйствія; со всѣмъ тѣмъ, Сигизмундъ, цѣлуя крестъ предъ Салты-ковымъ (7 января 1602 г.), съ обѣщаніемъ свято хранить договоръ, примолвилъ: «Клянусь именемъ Бо-«жіимъ умереть съ моимъ наслѣдственнымъ титуломъ «Короля Шведскаго, не уступать никому Эстоніи и въ «теченіе сего двадцатилѣтняго перемирія добывать «Нарвы, Ревеля и другихъ городовъ ея, кѣмъ бы они «ни были заняты.» Тутъ Салтыковъ выступилъ и сказалъ громко: «Король Сигизмундъ! цѣлуй крестъ «къ Великому Государю, Борису Ѳеодоровичу, по точ-«нымъ словамъ грамоты его, безъ всякаго прибавле-«нія — или клятва не въ клятву!» — Сигизмундъ дол-женъ былъ исполнить требованіе Боярина и перего-ворилъ свою рѣчь, не желая въ одно время воевать съ Шведами и съ Россіянами; но отложилъ именовать Бориса *Царемъ* и *Самодержцемъ*, до-заключенія ми-ра вѣчнаго. Любопытно, что Салтыковъ, ѣдучи во дворцѣ Королевскомъ въ день отпуска своего, вызвал-ся поцѣловать руку Владислава, какъ будто предчув-ствовалъ сильное вліяніе, которое юный сынъ Сигиз-мундовъ будетъ имѣть на судьбу его, и что семилѣт-ній отрокъ, вставъ съ мѣста, снялъ съ себя шляпу и велѣлъ кланяться Царевичу Ѳеодору., сказать ему, что желаетъ быть съ нимъ въ искренней дружбѣ. Довольный Салтыковымъ, Царь Борисъ продолжалъ употреблять его по дипломатической части: поручилъ

ему (въ мартѣ) вести переговоры съ Датскими Послапниками о Лапландіи, которую Христіанъ IV желалъ присоединить къ своему Королевству, и вслѣдъ за тѣмъ назначилъ Салтыкова первымъ Приставомъ (вторымъ былъ Думный Дьякъ Власьевъ) для встрѣчи на устьѣ Наровы и сопровожденія въ Москву Герцога Датскаго Іоанна, роднаго брата Короля. Годуновъ избралъ этого прекраснаго молодаго человѣка въ женихи прелестной дочери своей, Ксеніи: не видавъ ее, онъ согласился посвятить себя Россіи, и вскорѣ земля гостепріимная, долженствовавшая служить ему новымъ Отечествомъ, приняла хладный трупъ, въ которомъ незадолго передъ тѣмъ билось сердце, исполненное надежды и любви! (*) Доселѣ Салтыковъ служилъ тремъ Монархамъ вѣрою и правдою, страшась желѣзной воли Іоанна и прозорливости Бориса, которому обязанъ своимъ возвышеніемъ; но благодарность можетъ ли вмѣщаться въ сердцѣ честолюбца? Настало для Царя время испытаній. Явился (1603 г.) Самозванецъ, подъ именемъ Царевича Димитрія, убіеннаго въ Угличѣ, тайно покровительствуемый Сигизмундомъ, врагомъ Россіи, усиленный Донскими Козаками; Борисъ двинулъ полки къ Лив-

(*) Герцогъ Іоаннъ пріѣхалъ въ Москву 19 сентября; 28 числа торжественно представился Борису, не видѣвъ (по обычаю того времени) невѣсты; 28 октября скончался отъ сильной горячки, на двадцатомъ году жизни!.... 25 ноября преданъ землѣ въ Нѣмецкой-слободѣ, въ церкви Аугсбургскаго исповѣданія. Тѣло его было потомъ перевезено въ Рошильдъ.

намъ, подъ предлогомъ отраженія Крымцевъ; первымъ передовымъ предводительствовалъ Салтыковъ; главнымъ Воеводою былъ Петръ Никитичъ Шереметевъ. Они не довѣряли другъ другу, но первый изъ нихъ болѣе ограждалъ себя осторожностію. Дворянинъ Петръ Хрущовъ, отправленный Борисомъ на Донъ, чтобы вывести Козаковъ изъ заблужденія, видѣлъ (1604 г.) обоихъ вождей, обѣдалъ у старшаго, ужиналъ у Салтыкова. Шереметевъ, какъ повѣствуетъ Хрущовъ (*) не зналъ еще тогда о появленіи Лжедмитрія; разсказъ посланнаго Дворянина изумилъ его: «Мы ничего не вѣдаемъ» — произнесъ онъ, пожавъ плечами — «однако изъ сего догадыва«емся, что не противъ Перекопскаго Царя, но противъ «другаго насъ отправляютъ; и ежели сіе такъ будетъ, «*то трудно противъ природнаго Государя воевать*!» Въ такомъ расположеніи находились умы! Салтыковъ дѣлалъ только вопросы, безъ всякихъ разсужденій. Къ счастію Шереметева, Хрущовъ былъ представленъ Донскими козаками, въ оковахъ, Самозванцу, призналъ его законнымъ Государемъ и остался при немъ. — Изъ Ливенъ Салтыкову велѣно двинутся съ сторожевымъ полкомъ въ Брянскъ, чтобы собрать тамъ многочисленное полевое войско. Между тѣмъ Лжедмитрій усиливался и распространялъ свои мирныя завоеванія, стоялъ уже въ 12,000 воиновъ, въ укрѣпленномъ станѣ на берегахъ Десны. На противоположной сторонѣ расположились Воеводы Борисовы, въ томъ числѣ

(*) См. *Собран. Государ. Грамотъ и Договоровъ*, ч. 2, стр. 175.

Салтыковъ, выступившій изъ Брянска. 21 декабря произошла битва, на которой конница Польская обратила въ бѣгство правое крыло Россіянъ и опрокинула средину войска, гдѣ главный вождь, Боярин Князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславскій, добросовѣстный, мужественный, бился въ свалкѣ и, облитый кровію, съ пятнадцатью ранами, упалъ на землю. Лжедмитрій не умѣлъ воспользоваться одержанною поверхностію, не подкрѣпилъ Поляковъ. 700 Нѣмецкихъ всадниковъ, вѣрныхъ Борису, удержали стремленіе непріятеля, и лѣвое крыло наше уцѣлѣло. Тогда Басмановъ вышелъ изъ крѣпости Новгородъ-Сѣверской, чтобы дѣйствовать въ тылу у Самозванца, который, слыша выстрѣлы позади себя и видя свой укрѣпленный станъ въ пламени, прекратилъ битву. Обѣ арміи вдругъ отступили, войско Борисово къ Стародубу. Узнавъ стороною объ этомъ сраженіи, Царь отправилъ Чашника Вельяминова къ Мстиславскому, *ударить* ему *челомъ* за кровь, пролитую имъ изъ усердія къ святому Отечеству, и выслалъ къ раненному искуснаго врача и аптекаря; всѣмъ же другимъ Воеводамъ велѣлъ объявить *свое неудовольствіе* за ихъ преступное молчаніе, но войско увѣрить въ милости. Должно полагать, что съ той минуты Салтыковъ, начальствовавшій передовымъ полкомъ, поколебался въ вѣрности къ Борису, завидуя Мстиславскому, или досадуя на Царя за подвигъ справедливый. На другой день битвы присоединились къ Самозванцу 4000 Запорожцевъ, но Поляки, надѣявшіеся вести мнимаго Царя въ Москву безъ кровопролитія, оставили его, кромѣ 400 удальцевъ. Вторымъ предводителемъ послѣ Мстиславскаго назначенъ

Князь Василій Шуйскій. Басмановъ, щедро одаренный Борисомъ, былъ возведенъ въ санъ Боярина Думнаго (1605 г.). Произошла (21 января) другая битва у деревни Добрынничей. Самозванецъ потерпѣлъ совершенное пораженіе отъ нашихъ Воеводъ: они гнали бѣжавшихъ на пространствѣ восьми верстъ, убили тысячь шесть, взяли множество плѣнниковъ, 15 знаменъ, 13 пушекъ, истребили бы всѣхъ до единаго, если бы не удержала ихъ мысль, что все кончено и что самъ Лжедмитрій лишился жизни. Съ этою радостною вѣстію прискакалъ въ Лавру Св. Сергія, въ которой находился Борисъ, сановникъ Шепинъ, пожалованный тогда Окольничимъ. Воеводы, въ томъ числѣ Салтыковъ, получили золотыя медали; войску (*) отправлено 80,000 рублей (то есть 400 тысячь нынѣшнихъ серебряныхъ рублей); Царь писалъ къ первымъ, *что ждетъ отъ нихъ донесенія о концѣ мятежа, будучи готовъ отдать вѣрнымъ слугамъ и послѣднюю свою рубашку.* Но Самозванецъ былъ живъ, ускакалъ на раненомъ конѣ въ Сѣвскъ, оттуда бѣжалъ въ Путивль, гдѣ присоединились къ остаткамъ его разбитыхъ полчищъ 4000 Донскихъ Козаковъ. Между тѣмъ Воеводы двѣ недѣли осаждали Рыльскъ, защищаемый измѣнниками; потомъ отступили въ Комарницкую волость и донесли Царю, что будутъ тамъ ждать весны въ покойныхъ станахъ. Встревоженный Борисъ отправилъ къ нимъ Окольничаго Петра Шереметева и Думнаго Дьяка Васильева *съ гнѣвнымъ словомъ*: укорялъ ихъ въ

(*) Войско простиралось до восьмидесяти тысячь человѣкъ.

нерадѣніи, виновъ въ упущеніи Самозванца изъ рукъ, въ безполезности побѣды. Слѣдуя строгому предписанію Государеву, Мстиславскій и Шуйскій снова вывели войско въ поле и занялись осадою Кромъ, гдѣ, сверхъ жителей, было только шестьсотъ мужественныхъ Донцевъ съ храбрымъ Атаманомъ Корелою. Уже многіе чиновники воинскіе склонялись къ Самозванцу, но измѣна не дозрѣла еще до мятежа; Салтыковъ первый запятналъ себя предательствомъ: велѣлъ рати отступить въ тотъ часъ, когда она, обративъ деревянный городокъ въ пепелъ, овладѣла валомъ и готовилась устремиться на послѣднюю ограду осажденныхъ. Главные предводители не дерзнули наказать виновнаго, видя худое расположеніе въ сподвижникахъ. Вѣроятно, они представили гнусную измѣну на судъ Бориса; но Царь, до того взыскательный, жестокій, казнившій даже нескромныхъ, страшился тогда новыми казнями увеличить число недовольныхъ, и, видя неудачи, волнуемый внутреннимъ безпокойствомъ, мучимый сильною подагрою, скончался скоропостижно, 13 апрѣля 1605 года, на 54-мъ отъ рожденія. Ему наслѣдовалъ шестнадцатилѣтній сынъ Ѳеодоръ, вскорѣ лишенный прѣстола и жизни. Мстиславскій и Шуйскій отозваны были въ Москву, чтобы правительствовать въ Синклитѣ; мѣсто перваго заступилъ Герой Новгорода-Сѣверскаго, Басмановъ; въ товарищи ему назначенъ Бояринъ Князь Михайла Катыревъ-Ростовскій, добрый и слабодушный. Надѣялись на воинскія дарованія главнаго военачальника, осыпаннаго милостями Бориса; но этотъ честолюбивый временщикъ палъ къ ногамъ Самозванца, котораго, для собствен-

ныхъ выгодъ, рѣшился возвести на Царство, и произвелъ общую измѣну войска. Лжедмитрій выступилъ, 19 мая, изъ Путивля къ Москвѣ; на пути встрѣтилъ его Салтыковъ, прежде многихъ измѣнниковъ, опередивъ Басманова. Самозванецъ велѣлъ ему присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ, въ числѣ семидесяти избранныхъ (*). Вѣрность предателя къ мнимому сыну Іоанна продолжалась доколѣ служило ему счастіе: въ день возстанія Москвы (17 мая 1606 г.) и гибели Самозванца, Салтыковъ ревностно содѣйствовалъ Шуйскому въ возмущеніи народа; но Шуйскій, достигнувъ цѣли своихъ желаній, сдѣлавшись Самодержцемъ Россіи, наименовалъ Салтыкова (бывшаго еще при Борисѣ Намѣстникомъ въ Суздалѣ) Воеводою въ Иванъ-Городъ, откуда перевелъ его въ Орѣшекъ. Опала чувствительная и вмѣстѣ справедливая! До 1609 года, оскорбленный Царедворецъ ожидалъ удобнаго случая для новой измѣны: явился вторый Самозванецъ, извѣстный подъ названіемъ *Тушинскаго*, и Салтыковъ немедленно провозгласилъ себя намѣстникомъ его! Изгнанный изъ Орѣшка побѣдами Князя Скопина-Шуйскаго, измѣнникъ бѣжалъ въ станъ Сапѣги, осаждавшаго (съ 23 сентября 1608 г.) Троицкую Лавру Св. Сергія; тамъ, не устыдился онъ, подъѣхавъ вмѣстѣ съ Думнымъ

(*) Янъ Бучинскій, Секретарь Самозванца, именуетъ Салтыкова *Московскимъ Сенаторомъ*. *См. Собран. Госуд. Грамотъ и Договоровъ*, *ч.* 2, *стр.* 209. Салтыковъ былъ *двадцать седьмымъ Совѣтникомъ*. *Изъ пятой части Записокъ о старин. службахъ Русск. благороди. родовъ, составл. Спиридовымъ*. Хран. въ Императ. Библіотекѣ.

Дьякомъ Грамотинымъ, къ стѣнамъ монастырскимъ, увѣрять мужественныхъ защитниковъ, но тщетно, *что междоусобная война уже прекратилась въ Россіи, что Москва встрѣчаетъ Димитрія и Шуйскій съ Синклитомъ въ его рукахъ.* Между тѣмъ городъ за городомъ сдавался Самозванцу; Марина находилась при немъ; число сподвижниковъ его умножалось; но, къ счастію Россіи, тайный врагъ ея, Сигизмундъ III-й, противодѣйствовалъ Лжедмитрію, объявилъ войну Василію и повелъ войска свои къ Смоленску, въ которомъ начальствовалъ доблій Шеинъ. Тогда прибыло въ Тушино Посольство Королевское съ письмомъ къ Самозванцу отъ Сенаторовъ Польскихъ, съ грамотою къ Царю, которому Сигизмундъ предлагалъ мирныя условія, выгодныя для Республики, и съ разными возмутительными воззваніями къ Духовенству, Синклиту, Дворянству, гражданамъ и войску. Салтыковъ находился въ Тушинѣ, имѣлъ тайное свиданіе съ Послами, плакалъ отъ умиленія, читая грамоту Королевскую, цѣловалъ, прижималъ къ сердцу начертаніе его руки, восклицая: «*не можемъ имѣть «Государя лучшаго!*» — Уже мнимое господство Лжедмитріево колебалось, но замышляемая измѣна не была для него тайною — онъ бѣжалъ въ Калугу. Изъ Тушина отправилось Посольство къ Королю: первымъ представителемъ былъ Салтыковъ. Сигизмундъ принялъ Пословъ (3 января 1610 г.) съ великою пышностію, сидя на престолѣ, въ кругу Сенаторовъ и знатныхъ Пановъ. Сѣдовласый измѣнникъ Салтыковъ говорилъ длинную рѣчь о бѣдствіяхъ Россіи, о довѣренности ея къ Королю, и замолчалъ отъ усталости. Сынъ

его, Иванъ, и Дьякъ Грамотинъ продолжали: одинъ исчислилъ всѣхъ нашихъ Государей, отъ Рюрика до Іоанна и Ѳеодора; другой молилъ Сигизмунда быть заступникомъ нашего Православія, и тѣмъ снискать милость Всевышняго. Наконецъ, Боярин Салтыковъ предложилъ вѣнецъ Мономаховъ юному Владиславу, а Грамотинъ заключилъ изображеніемъ выгодъ, безопасности, благоденствія обѣихъ Державъ, которыя со временемъ будутъ единою подъ скиптромъ сына Королевскаго. Сигизмундъ благодарилъ Пословъ, чрезъ Литовскаго Канцлера Льва Сапѣгу, за оказываемую честь и довѣренность, изъявилъ согласіе быть покровителемъ Россійской Державы и Церкви, и назначилъ Сенаторовъ для переговоровъ о дѣлѣ столь важномъ. Главное разнорѣчіе возникло въ исполненіи требованія Пословъ Тушинскихъ, чтобы Владиславъ принялъ нашу вѣру. «Вѣра» — возразили Сенаторы — есть «дѣло совѣсти и не терпитъ насилія: можно внушать «и склонять, а не велѣть.» — Но со всѣмъ тѣмъ, измѣнники признали Владислава Царемъ, клялись оставить Шуйскаго и Самозванца, вѣрно служить новому Государю, *и доколѣ онъ еще не царствуетъ, служить отцу его.* Именемъ Королевскимъ Сенаторы письменно утвердили неприкосновенность всѣхъ нашихъ священныхъ уставовъ, и согласились, чтобы Королевичъ, если Богъ дастъ ему Государство Московское, былъ вѣнчанъ Патріархомъ; обязались также соблюсти цѣлость Россіи, ея законы и достояніе людей частныхъ. Сигизмундъ цѣловалъ крестъ, въ присутствіи Пословъ, въ вѣрномъ сохраненіи договора. Салтыковъ снова плакалъ отъ радости, пировалъ, обѣдалъ у Короля,

Гетмана Жолкѣвскаго и Льва Сапѣги; пилъ за здравіе Царя Владислава, хотя ясно видѣлъ, что Король готовитъ Царство не сыну, а себѣ. Такъ дѣйствовалъ измѣнникъ, желавшій гибели Василію, чтобы избавить себя отъ заслуженнаго наказанія! Бунтъ Ляпунова, побѣда Жолкѣвскаго подъ Клушинымъ, новые успѣхи Самозванца довершили ударъ: Василій (17 іюля) былъ лишенъ престола; сынъ Салтыкова Иванъ, находившійся при Жолкѣвскомъ и возведенный Сигизмундомъ, не смотря на молодыя лѣта, въ достоинство Боярина, пожалованный Начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа (*), склонилъ, письменно, Князя Мстиславскаго: *бить челомъ Сигизмунду III-му о Королевичѣ Владиславѣ* (*). Гетманъ подписалъ условіе, присягнулъ за себя и за войско. Бояре и сановники, дворянство и купечество, воины и граждане, числомъ не менѣе трехъ сотъ тысячь, также присягнули. Къ Сигизмунду отправлено было (11 сент.) великое Посольство съ хартіею Владиславова избранія и съ утварью царскою для Владислава. Въ это время прибылъ въ Москву изъ Смоленска Михайло Глѣбовичь Салтыковъ, главный виновникъ послѣдовавшаго переворота, съ видомъ лицемѣрнаго умиленія, какъ бы великодушный изгнанникъ и страдалецъ за любовь къ отечеству. Онъ пришелъ съ толпою другихъ измѣнниковъ Тушинскихъ въ храмъ Успенія и требовалъ благословенія отъ Па-

(*) См. *Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ*, ч. 2, стр. 483.

(**) См. *Акты, собран. Археографич. Экспедиціею*, томъ 2, стр. 281.

тріарха Ермогена, который произнесъ: «Благословляю «васъ, если вы дѣйствительно хотите добра Государ- «ству; но если вы Ляхи душею, лукавствуете и за- «мышляете гибель Православія, то кляну васъ име- «немъ Церкви.» — Обливаясь слезами, Михайло Салтыковъ увѣрялъ, *что Государство и Православіе спасены на вѣки* — увѣрялъ — повѣствуетъ Карамзинъ — (*) «можетъ быть не притворно, желая Вла- «диславова царствованія на заключенныхъ условіяхъ»;— но Салтыковъ, въ самомъ дѣлѣ, руководимый местію и собственными выгодами, не дорожилъ Православіемъ и Государствомъ. Послѣдующія событія оправдаютъ эту истину. Согласно постановленному договору, надлежало Жолкѣвскому удалиться къ Можайску: онъ прибѣгнулъ къ содѣйствію Салтыкова, который склонилъ Князя Мстиславскаго и другихъ легковѣрныхъ Бояръ, впустить Поляковъ въ Москву, для усмиренія мятежной черни, будто-бы готовой призвать Лжедмитрія. (**) Тщетно Патріархъ и нѣкоторые Вельможи возставали противъ явнаго нарушенія условій: иноземцы вступили въ столицу ночью, съ свернутыми знаменами; заняли всѣ укрѣпленія, башни, ворота въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ-городѣ; овладѣли пушками и снарядами, расположились въ палатахъ Царскихъ.

(*) *Исторія Госуд. Россійскаго*, т. XII, изд. 1829 г. стр. 247.

(**) Князь Пожарскій въ грамотѣ къ Вычегодцамъ упоминаетъ: «что Салтыковъ пустилъ Гетмана Жолкѣвскаго «съ войскомъ внутрь царствующаго града Москвы.» См. т. 2 *Актовъ, собран. Археограф. Экспедиціею*, стр. 345.

Сего мало: Салтыковъ выдалъ несчастнаго Василія, постриженнаго противъ воли въ иноки, Жолкѣвскому, который послалъ его, подъ надзоромъ Литовскихъ Приставовъ, въ Іосифовскую обитель, потомъ взялъ съ собою въ Смоленскъ. (*) Услуги, оказанныя Салтыковымъ Королю, не остались безъ наградъ. Онъ жаловался Сигизмунду на опалу, которой былъ подвергнутъ Шуйскимъ за то, что прежде всѣхъ поспѣшилъ въ Смоленскъ съ сыномъ своимъ, на совершенное разореніе Московскаго дома и на отобраніе деревень въ казну, какъ будто Василій наказалъ его за преданность къ Обладателю Польши, а не за признаніе втораго Самозванца: Сигизмундъ, раздававшій тогда чины, мѣста и недвижимыя имѣнія въ Россіи, которую считалъ своею собственностію, предоставилъ Салтыковымъ выбрать *любые дома* въ Москвѣ (**) и велѣлъ возвратить имъ деревни, съ денежнымъ вознагражденіемъ за претерпѣнное разореніе. Салтыковъ первенствовалъ въ робкой Думѣ — Мстиславскій занималъ въ ней только первое мѣсто, возведенный Королемъ въ санъ *Конюшаго и Слуги*. Отвсюду доходили слухи о поголовномъ вооруженіи Россіянъ. Салтыковъ умолялъ Сигизмунда *поспѣшать къ столицѣ съ многими людьми, если желаетъ владѣть Московскою землею, данною ему Богомъ его службою* (***); — но Сигизмундъ про-

---

(*) Тамъ же.

(**) Мих. Глѣб. Салтыковъ взялъ себѣ домъ, принадлежавшій прежде Ивану Васильевичу Годунову, въ Бѣломъ-городѣ. *Примѣч. 727 къ XII тому Исторіи Госуд. Россійскаго.*

(***) *Акты соб. Археограф. Экспед.* т. 2, стр. 300.

должалъ неудачную осаду Смоленска, не соглашался утвердить договора, постановленнаго Жолкѣвскимъ, не внималъ личнымъ убѣжденіямъ Гетмана, не мыслилъ даже уступить Царства нашего своему сыну! Между тѣмъ Поляки злодѣйствовали внутри Россіи; Шведскій Генералъ Делагарди открылъ непріятельскія дѣйствія: занялъ Ладогу и Кексгольмъ. Противъ него отправленъ былъ Думою, съ отрядомъ Стрѣльцовъ, сынъ Салтыкова Боярина Иванъ Михайловичъ: онъ вытѣснилъ Шведовъ изъ Ладоги, но не могъ выгнать изъ Россіи. Этотъ молодой человѣкъ, одаренный природнымъ умомъ и храбростію, гордившійся дружбою Жолкѣвскаго, способствовавшій въ день Клушинской битвы торжеству Поляковъ, имѣлъ жалкую кончину (1611 г.). Новгородцы не довѣряли ему, зная преданность отца къ Сигизмунду; пригласили его изъ Ладожскаго стана, передъ обратнымъ походомъ въ Москву; поклялись въ личной безопасности — и посадили на колъ. Издыхая въ мукахъ, злосчастный говорилъ: «Не знаю отца, знаю только Отечество, и «буду вездѣ рѣзаться съ Ляхами.» — Ударъ чувствительный для старца, полагавшаго всѣ свои надежды на любимаго сына! Но правосудіе Небесное карало уже преступника. Обратимся къ дальнѣйшему описанію его гнусныхъ подвиговъ. Войско союзныхъ городовъ встрѣтило близъ Владиміра и разбило приверженцовъ Сигизмунда; Ляпуновъ остановилъ всѣ доходы казенные и не велѣлъ впускать хлѣба въ столицу; Москвитяне, прежде смиренные, начали ссориться съ Поляками; вождь послѣднихъ, Госѣвскій, бодрствовалъ днемъ и ночью, разсылая своихъ лазутчиковъ. — Въ

это время Михаила Салтыковъ требовалъ отъ Ермогена, чтобы онъ не велѣлъ ополчаться Ляпунову. — «Не велю»—отвѣтствовалъ Патріархъ — «если увижу «крещеннаго Владислава въ Москвѣ и Ляховъ выхо- «дящихъ изъ Россіи; велю, если не будетъ того, и «разрѣшаю всѣхъ отъ данной Королевичу присяги.» Салтыковъ въ бѣшенствѣ выхватилъ ножъ; Ермогенъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и сказалъ громогласно: «Сіе знаменіе противъ ножа твоего, да взы- «детъ вѣчная клятва на главу измѣнника!» —Не дорожа вѣрою отцевъ, но соблюдая только для одной наружности церковныя постановленія, Салтыковъ явился къ Первосвятителю при наступленіи Великаго Поста (въ февралѣ 1611 г.), но уже не съ угрозами, а съ просьбою: *благословить его на говѣніе*—и снова проклятіе вылетѣло изъ устъ Іерарха (*). Между тѣмъ избавители приближались къ Москвѣ: въ третій разъ Салтыковъ нарушилъ (въ мартѣ) мирное уединеніе Ермогена, заклиналъ его, съ Думными Боярами, удалить бурю, спасти Россію отъ междоусобія и столицу отъ крайняго бѣдствія, написать къ Ляпунову и сподвижникамъ его, чтобы они шли назадъ и распустили войско. «*Ты далъ имъ оружіе въ руки*» —говорилъ онъ — «*ты можешь и смирить ихъ*». —«Все сми- «рится» —отвѣтствовалъ Патріархъ — «когда ты, измѣн- «никъ, съ своею Литвою исчезнешь; но въ царствен- «номъ градѣ, видя ваше злое господство, во святыхъ «храмахъ Кремлевскихъ оглашаясь Латинскимъ нѣ-

(*) *Акты, собран. Археограф. Экспедиціею, т. 2, стр. 306, и Собр. Госуд. Грамотъ, ч. 2. стр. 513.*

«ніемъ, благословляю достойныхъ вождей Христіан-«скихъ утолить печаль Отечества и Церкви.» Начались тогда преслѣдованія: приставили воинскую стражу къ непреклонному Іерарху; не пускали къ нему ни мірянъ, ни духовенства; обращались съ нимъ жестоко и безчинно; стращали лишить жизни — но самая жестокая смерть казалась ничтожною въ глазахъ Праведника; указывая на небо, онъ говорилъ измѣнникамъ: «Боюся Единаго, тамъ живущаго!» — Вскорѣ (19 марта) передовая дружина вѣрныхъ, предводимая Княземъ Пожарскимъ, Бутурлинымъ и Колтовскимъ, вломилась въ бѣдствовавшую столицу. Обрадованные жители устремились на Поляковъ; многолюдство преодолѣвало; Москвитяне тѣснили непріятеля къ Кремлю, его послѣдней оградѣ и надеждѣ. Тутъ, въ часъ рѣшительный, услышали голосъ: «огня! огня!» — и первый вспыхнулъ въ Бѣломъ-городѣ домъ Михаила Салтыкова, зажженный собственною рукою хозяина. «Гнусный измѣнникъ» — пишетъ Карамзинъ (*) — «уже «не могъ имѣть жилища въ столицѣ Отечества, имъ «преданнаго иноплеменнику!» — Сильный вѣтеръ усилилъ пожаръ, битва ослабѣла, и ночь прекратила ее. Поляки въ пустыхъ домахъ Китая-города, среди труповъ, отдыхали; а въ Кремлѣ, при свѣтѣ зарева, при бездѣйствіи Мстиславскаго, бодрствовали вожди ихъ съ Салтыковымъ и другими ожесточенными измѣнниками, которые, въ ночной Думѣ, совѣтовали Госѣвскому *разрушить Москву для своего спасенія* (**).

(*) *Истор. Госуд. Россійск.*, *т. XII*, *стр.* 288.

(**) Машкѣвичъ.

Онъ принялъ совѣтъ: 20 марта 2000 Нѣмцевъ съ отрядомъ конпымъ вышли изъ Кремля и Китая въ Бѣлый-городъ и къ Москвѣ рѣкѣ, зажгли въ разныхъ мѣстахъ домы, церкви, монастыри, и гнали народъ изъ улицы въ улицу не столько оружіемъ, сколько пламенемъ. Тогда прибывшій изъ Можайска съ свѣжимъ войскомъ Королевскій Полковникъ Струсъ обратилъ въ бѣгство Воеводу Плещеева, присланнаго отъ Ляпунова съ легкою дружиною; жители, осыпаемые искрами и головнями, разсыпались во множествѣ по дорогамъ къ Лаврѣ, Владиміру, Коломнѣ и Тулѣ: одинъ только Князь Пожарскій стоялъ твердо въ облакахъ дыма, между Срѣтенкою и Мясницкою, въ укрѣпленіи, имъ сдѣланномъ; бился съ Поляками, и долго не давалъ имъ жечь за каменною городскою стѣною; не берегъ себя отъ пуль и мечей, изнемогъ отъ ранъ и палъ на землю. Вѣрные сподвижники отвезли въ Лавру будущаго спасителя Россіи. Москва пустая горѣла двое сутокъ, обращенная Поляками въ громаду золы; дыша смрадомъ, они жили какъ въ туманѣ и предавались неистовствамъ; изобиловали всѣмъ роскошнымъ, не имѣли только нужнаго — хлѣба! 28 марта Ляпуновъ водрузилъ знамена на пепелищѣ Московскомъ; начались битвы и вылазки: весь Бѣлый-городъ, укрѣпленія на Козьемъ-болотѣ, башни Никитская, Алексѣевская, ворота Трехсвятскія, Чертольскія, Арбатскія перешли въ руки Россіянъ вмѣстѣ съ Дѣвичьемъ монастыремъ, вездѣ послѣ жаркаго кровопролитія. Въ это время Король не спѣшилъ на помощь къ храброму Госѣвскому, успѣлъ приступы, овладѣлъ (3 іюня) Смоленскомъ, и уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ Жолкѣвскій

представилъ ему Державнаго плѣнника, несчастнаго Шуйскаго. Между тѣмъ Гетманъ Литовскій Ходкѣвичь вызванъ былъ изъ Ливоніи, чтобы освободить Москву отъ тѣсной осады, полководецъ опытный, мужественный, дѣйствовавшій дотолѣ съ успѣхомъ противъ Шведовъ. Еще войско Польское готовилось къ походу, а время было дорого, оружіе вѣрныхъ торжествовало, число осажденныхъ примѣтно уменьшалось. Въ толь затруднительномъ положеніи, Госѣвскій, по совѣту Салтыкова, вступилъ въ тайныя сношенія съ Атаманомъ Козаковъ Заруцкимъ, при которомъ находилась Марина, замышлявшимъ возвести на престолъ Лжедмитріева сына — младенца и, въ качествѣ Правителя, властвовать съ нею! Безъ сомнѣнія, умный воспачальникъ Польскій зналъ намѣренія честолюбца, или догадывался, но страшился единственно Ляпунова, его мужества, вліянія на соотечественниковъ, пламенной любви къ родинѣ, ненависти къ Полякамъ. Гибель человѣка, опаснаго для нихъ, была необходима: они умыслили вмѣстѣ и написали именемъ его указъ къ городскимъ Воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ Козаковъ въ одинъ день и часъ. Ляпуновъ, неустрашимый до послѣднихъ минутъ своей жизни, сдѣлался жертвою гнуснаго обмана; съ нимъ исчезли и кровавыя завоеванія; Поляки отвсюду изгнали Россіянъ; въ станѣ послѣднихъ возникло неустройство; Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и съ запасами — Заруцкій торжествовалъ, Госѣвскій еще болѣе, ибо послѣдствія кова обратились въ его пользу! Что дѣлалъ тогда старый измѣнникъ Салтыковъ? Онъ привѣтствовалъ Сигизмунда съ побѣдою, хвалился новою услугою,

надѣясь на новыя награды; но ограждая себя осторожностію и страшась, чтобы счастіе не измѣнило оружію Поляковъ, отправился (6 окт.) въ Варшаву, вмѣстѣ съ Думнымъ Дьякомъ Яновымъ, въ званіи полномочнаго Посла отъ Духовенства и свѣтскихъ чиновъ, *для убѣжденія Королевича къ скорому пріѣзду въ Москву.* Вѣроятно, измѣнникъ уже не возвращался въ Россію: ровно черезъ годъ (1612 г.) пріѣхалъ въ столицу нашу меньшой сынъ его, Иванъ, также возведенный Сигизмундомъ въ достоинство Боярина, съ увѣдомленіемъ о скоромъ прибытіи Короля и Владислава. (*) Но тогда обладатель Польши имѣлъ въ Москвѣ болѣе противниковъ, нежели приверженцовъ; Гетманъ Хоткѣвичь потерпѣлъ нѣсколько пораженій отъ Россіянъ, и, вскорѣ, наступившій голодъ принудилъ непріятеля выдти (28 окт.) изъ Кремля, сдавъ всѣхъ нашихъ военнопленныхъ. Должно полагать, что Салтыковъ-сынъ удалился до того въ Литву, къ отцу и братьямъ. Тамъ, Михайла Глѣбовичь, съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича (котораго преслѣдовалъ во время могущества своего) (**), утративъ надежды, бѣдственно влачилъ горестные дни въ дали отъ родины, забытый Сигизмундомъ, которому столь ревностно служилъ, и вспоминаемый Россіянами, какъ *предатель вѣры крестьянской горшее невѣрныхъ* (***). Неизвѣстно,

(*) *Дипломат. спошенія Рос. Двора съ Европейскими*, сочин. моего родителя, ч. 3 — Б. К.

(**) См. *Собран. Государств. Грамотъ и Догов.* час. 1, стр. 611.

(***) *Акты, собран. Археографич. Экспедиціею*, т. 2, стр. 299, 321 и 328.

когда и гдѣ онъ умеръ, вѣроятно въ Вильнѣ; — но по свидѣтельству современниковъ: Ляпунова, (*) Діонисія и Авраамія Палицына (**), *отпалъ отъ Православія;* три раза нарушивъ присягу: Годунову, Самозванцу и Шуйскому, измѣнилъ и Церкви!—По странному стеченію обстоятельствъ, потомство Михаила Глѣбовича имѣло блестящую участь къ Россіи: болѣе сорока лѣтъ оно скиталось въ Литвѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ, возвративъ эту страну нашему Государству, вывезъ оттуда (въ 1655 году) внуковъ Салтыкова: Оедора Петровича, Степана и Юрія Ивановичей (***). Всѣ они были возведены потомъ въ достоинство Бояръ; дочь перваго, Параскевія Оеодоровна, вступила въ супружество съ Царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ, старшимъ братомъ Петра Великаго: отъ этого брака родилась Императрица Анна Іоанновна. Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Николай Ивановичъ Салтыковъ также произошелъ отъ Михаила Глѣбовича. Изъ Салтыковыхъ удалились еще въ Литву, при Сигизмундѣ III, Иванъ, Владиміръ и Василій Ивановичи, праправнуки Игнатія Михайловича, роднаго дяди Глѣба. Потомство ихъ доселѣ находится въ Польшѣ, гдѣ получило графскій титулъ. У Нѣсѣцкаго гербъ этой фамиліи съ княжескою коропою.

СЕНЯВИНЪ, Дмитрій Николаевичъ, сынъ Маіора

(*) Тамъ же, стр. 325.

(**) Тамъ же, стр. 328.

(***) Часть V *Записокъ Спиридова о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ*, хранящ. въ С. Пет. Имп. Публич. Библіотекѣ.

Николай Ѳедоровича Сенявина, родился 6 августа 1763 года, и на одиннадцатомъ своего возраста записанъ былъ въ кадеты въ Морской Кадетскій Корпусъ. Онъ сдѣлалъ первую кампанію, въ званіи гардемарина, 1778 года, въ Балтійскомъ Морѣ; вторую въ слѣдующемъ году; пожалованъ былъ въ Мичманы 1780, и отправился на эскадрѣ, пошедшей въ Атлантическій Океанъ, вслѣдствіе постановленій о вооруженномъ неутралитетѣ; зимовалъ въ Лиссабонѣ; возвратился въ 1781 году, и посланъ былъ въ Черноморскій флотъ. Каждый годъ ходилъ онъ въ море; въ 1783 произведенъ былъ въ Лейтенанты; въ 1787, въ Капитанъ-Лейтенанты. Вскорѣ возгорѣлась война съ Турками, и Сенявинъ участвовалъ, въ іюлѣ 1788, въ морскомъ сраженіи близъ острова Ѳеодосіи, въ званіи Флагъ-Капитана Контръ-Адмирала Графа Войновича, который съ малыми силами отразилъ и принудилъ къ отступленію значительный Турецкій флотъ, и отправилъ Сенявина съ донесеніемъ къ Князю Потемкину. Фельдмаршалъ послалъ его къ Императрицѣ. Тогда Сенявинъ удостоился получить золотую табакерку, украшенную брилліантами, съ двумя стами червонными, и опредѣленъ былъ Генеральсъ-Адъютантомъ къ Свѣтлѣйшему, съ чиномъ Капитана втораго ранга. Потемкинъ назначилъ его, въ сентябрѣ, начальникомъ отряда пяти мелкихъ судовъ, для произведенія поисковъ на берегахъ Анатоліи. Онъ исполнилъ съ успѣхомъ возложенное на него дѣло, и, по словамъ главнокомандовавшаго въ донесеніи къ Императрицѣ, «разнесъ «страхъ по берегамъ Анатолійскимъ; сдѣлалъ разныя «пораженія непріятелю; истребилъ многія суда его;

«положилъ препятствіе къ перевозкѣ войскъ, и съ «плѣнными и знатною добычею возвратился благопо- «лучно въ Севастополь.» За эти дѣйствія Дмитрій Николаевичъ получилъ орденъ Святаго Георгія четвертаго класса, на двадцать шестомъ году отъ рожденія. При взятіи приступомъ Очакова, 6 декабря, Сенявинъ явилъ новые опыты своей храбрости, и, командуя потомъ кораблемъ Святаго Владиміра, довелъ его благополучно, мимо Турецкихъ батарей, отъ Очакова въ Севастополь (1789). Фельдмаршалъ рекомендовалъ его, какъ *отличнѣйшаго офицера;* но онъ награжденъ былъ, вмѣстѣ съ многими, орденомъ Святаго Владиміра четвертой степени. Желая дать ему первенство передъ товарищами, Потемкинъ, надѣвая на него крестъ, сдѣлалъ бантъ изъ ленты и представилъ на Высочайшее утвержденіе. Въ 1789 и 1790 годахъ Сенявинъ былъ командиромъ разныхъ кораблей, а въ 1791, начальствуя кораблемъ Навархіею, находился въ сраженіи Контръ-Адмирала Ушакова съ Турецкимъ флотомъ близъ Варны. По заключеніи мира съ Портою Оттоманскою, ежегодно бывалъ онъ въ кампаніи съ ввѣренными ему судами. Въ 1796, пожалованъ онъ въ Капитаны перваго ранга. Въ 1798, командуя кораблемъ Петромъ, отправился съ эскадрою Вице-Адмирала Ушакова въ знаменитую кампанію въ Архипелагъ и Средиземное Море; въ 1799 начальствовалъ отрядомъ изъ двухъ кораблей и двухъ фрегатовъ, взялъ у Французовъ островъ Святой Мавры, и былъ награжденъ орденомъ Святой Анны второй степени. Вскорѣ пожаловали его въ Капитанъ-Командоры съ чиномъ Генералъ-Маіора. Въ исходѣ 1800 года, воз-

вратился онъ съ эскадрою въ Севастополь, опредѣленъ былъ въ Херсонъ въ должность Капитана надъ портомъ, и начальствовалъ надъ находящимися въ этомъ городѣ морскими командами; въ 1803 переименованъ въ Контръ-Адмиралы, и перемѣщенъ въ Севастополь. Въ 1804, велѣно было Сенявину быть флотскимъ начальникомъ въ Ревелѣ, а въ іюлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года ввѣрена ему эскадра изъ пяти кораблей и одного фрегата, отправляемая въ Архипелагъ. Отселѣ начинается блистательная эпоха его жизни. Сенявинъ произведенъ былъ 16 августа въ Вице-Адмиралы, съ властію главноначальствующаго надъ флотомъ и сухопутными войсками, находившимися въ Средиземномъ Морѣ. Онъ прибылъ въ Корфу въ январѣ 1806 года, и принялъ команду на островахъ Іонической Республики отъ генерала Ласси. Тогда эскадра его увеличилась пятью линейными кораблями, четырьмя фрегатами, шестью корветами, шестью бригами и двѣнадцатью канонирскими лодками. Матросовъ, морскихъ солдатъ и артиллеристовъ было подъ его начальствомъ семь тысячъ девять сотъ восемь человѣкъ; сухопутныхъ войскъ шесть полковъ и легкопѣхотный Албанскій легіонъ,—болѣе двѣнадцати тысячъ человѣкъ; пушекъ тысяча сто пятьдесятъ четыре. Въ это время Австрійскій Императоръ заключилъ съ Наполеономъ въ Пресбургѣ миръ, которымъ, между прочимъ, отдалъ Франціи Далмацію. Императоръ Александръ не приступилъ къ миру, и Адмиралъ Сенявинъ расположилъ дѣйствія свои сообразно этимъ обстоятельствамъ. Ему извѣстна была, въ прежнее служеніе на Средиземномъ Морѣ, преданность Славянскихъ

народовъ къ Россіи, особенно Катарцовъ и Черногорцевъ, и потому, принявъ главное начальство на Греческихъ островахъ, рѣшился онъ занятіемъ Катаро утвердить за собою господствованіе на Адріатическомъ Морѣ, и отклонить этимъ близкое сосѣдство Французовъ отъ Корфу. Капитанъ Белли, славный высадкою своею въ Неаполѣ (1799), съ 500 матросами, въ виду 10,000 Французовъ, получилъ отъ Вице-Адмирала приказаніе овладѣть островами, лежащими противъ Далмаціи. При его появленіи, Черногорцы заставили Австрійцевъ очистить занятыя ими крѣпости, въ томъ числѣ и Катаро. Тогда, пріобрѣтя безопасную пристань среди Адріатическаго Моря, Сенявинъ умножилъ силы свои 12,000-ми храбрыхъ Приморскихъ и Черногорскихъ охотниковъ, перенесъ театръ войны отъ Корфы къ Далмаціи, тѣсною блокадою отрѣзалъ сообщеніе ея моремъ съ Италіею, принудилъ Французовъ доставлять войска и съѣстные припасы черезъ Австрійскія владѣнія, по непроходимымъ горамъ, гдѣ нѣтъ дорогъ, и уничтожилъ, при самомъ началѣ, замыслы Наполеона на Грецію, особенно на Корфу. Удостовѣрившись въ преданности къ Россіи Митрополита Негута, главы Черногорскаго народа, онъ вступилъ въ дружескія сношенія съ извѣстнымъ Георгіемъ Чернымъ, предводителемъ Сербовъ, и умѣлъ склонить на свою сторону корыстолюбиваго Али-Пашу. Всѣ распоряженія Сенявина были одобрены лестнымъ рескриптомъ Императора Александра. Вскорѣ войска наши, овладѣвшія островомъ Курцоло, вступили въ крѣпости Катаро и Кастель-Ново. Сенявинъ былъ встрѣченъ народомъ, какъ избавитель его

отъ Французовъ, съ радостными восклицаніями, при громѣ пушекъ и безпрерывной пальбѣ изъ ружей. Духовенство съ крестомъ, чиновники съ ключами городовъ, ожидали его на пристаняхъ. Доступность, ласковость, удивительное снисхожденіе Адмирала, восхищали каждаго. Черногорцы толпились вокругъ него; цѣловали полу его платья, какъ-будто забыли своего Митрополита, и ревностно исполняли всѣ повелѣнія Сенявина. Онъ освободилъ ихъ отъ всякой повинности, обезпечилъ сообщеніе съ Герцеговиною, и учредилъ, для покровительства торговли, конвой до Трієста и Константинополя. Старѣйшины отъ лица народа поднесли ему благодарственный листъ и предложили свою жизнь и имущество въ полное его распоряженіе. Въ нѣсколько дней снаряжено на собственный счетъ жителей, и вышло въ море, для поисковъ, тридцать судовъ, вооруженныхъ отъ восьми до двадцати пушками, что, по причинѣ недостатка въ военныхъ судахъ при флотѣ, было великою помощію. Между-тѣмъ Наполеонъ принудилъ Вѣнскій Кабинетъ не только затворить порты для Россійскихъ и Англійскихъ кораблей, но даже задержать наши купеческія суда, находившіяся въ Трієстѣ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Сенявинъ отправился (13 мая) съ кораблями Селафаиломъ, Св. Петромъ, Москвою, и фрегатомъ Венусъ въ Трієстъ, гдѣ подъ самыми батареями города расположилъ эскадру свою въ боевомъ порядкѣ. Тщетно Трієстскій военный комендантъ, Фельдмаршалъ-Лейтенантъ Цахъ, требовалъ, чтобы онъ отошелъ на пушечный выстрѣлъ. «Стрѣляйте!» — возразилъ Сенявинъ—«я увижу, гдѣ ваши ядра ля-

«гутъ и гдѣ мнѣ должно стать.» Почью Цахъ доставилъ повелѣніе Австрійскаго Императора о закрытіи портовъ его для Русскихъ. «Объявленіе ваше я полу-«чилъ»—отвѣчалъ Сенявинъ— «и оставлю портъ, лишь «только исправлю нѣкоторыя поврежденія моихъ ко-«раблей.» Начались переговоры: Австрійскіе дипломаты увѣряли Сенявина въ искренней дружбѣ своего Императора къ нашему; складывали вину на Наполеона; стращали двадцати-тысячнымъ Французскимъ войскомъ, находившимся близъ Трieста. Отпуская Австрійскихъ чиновниковъ, Адмиралъ сказалъ имъ: «Теперь «нѣтъ времени продолжать безполезные переговоры. «Вамъ должно избрать одно изъ двухъ: или дѣйство-«вать по внушенію Французскихъ генераловъ, или дер-«жаться точнаго смысла правъ неутралитта. Мой вы-«боръ сдѣланъ, и вотъ послѣднее мое требованіе: если, «часъ спустя, не возвращены будутъ суда, вами за-«держанныя, то я силою возьму, не только свои, но «и всѣ ваши, сколько ихъ есть въ гавани и въ морѣ. «Увѣряю васъ, что 20,000 Французовъ не защитятъ «Трieста. Надѣюсь, однакожъ, что черезъ часъ мы «будемъ друзьями; я только и прошу, чтобы не было «малѣйшаго виду, клонящагося къ оскорбленію чести «Россійскаго флага, и, собственно для вашей же поль-«зы, чтобы не осталось и слѣдовъ неудовольствія. «Скажите генералу Цаху, что теперь отъ него зави-«ситъ сохранить дружбу Августѣйшаго моего Монарха, «которая столько разъ была вамъ полезна и впредь «можетъ пригодиться. Увѣрьте его, что черезъ часъ «я начну военныя дѣйствія.» Грозное движеніе эскадры болѣе подѣйствовало на Цаха, нежели угрозы Фран-

цузскихъ генераловъ: на задержанныхъ судахъ тотчасъ были подняты Россійскіе флаги. Такимъ образомъ Сенявинъ рѣшительнымъ поступкомъ и твердостью своею успѣлъ поддержать союзъ нашъ съ Австріею, и не оставилъ ни малѣйшей причины для дипломатической переписки. Въ это время, храбрый Митрополитъ Негутъ, узнавъ о занятіи Новой-Рагузы Французами, пошелъ на встрѣчу непріятелю съ своими войсками, двумя ротами Витебскаго и одною тринадцатаго егерскаго полковъ: онъ былъ извѣстенъ уже на ратномъ полѣ славнымъ разбитіемъ Махмуда, Паши Скутарскаго; уважаемъ Императрицею Екатериною II, Іосифомъ II, Павломъ I, который пожаловалъ ему орденъ Святаго Александра Невскаго; болѣе воинъ, нежели духовный, чуждъ предразсудковъ и суевѣрія, твердъ, безпрестанно дѣятеленъ. Сенявинъ поспѣшилъ присоединиться къ нему съ своимъ флотомъ. Втораго іюня онъ положилъ съ Митрополитомъ отнять у непріятеля гору Баргардъ надъ Рагузою, укрѣпленную и неприступную. Генералъ-Маіоръ Князь Вяземскій, прибывшій изъ Корфу, усилилъ наши войска 1200-ми человѣкъ; Черногорцевъ и Приморцевъ было 3500. Непріятель, подъ предводительствомъ генерала Лорнстона, имѣлъ 3000 регулярныхъ и 4000 Рагузцовъ, хорошо вооруженныхъ, и занималъ неприступныя высоты, на которыхъ расположены были батареи въ выгоднѣйшихъ мѣстахъ. Правое крыло его прикрывали море и крутый берегъ; лѣвое Турецкая граница, гдѣ не надлежало быть сраженію; но укрѣпленія, природою устроенныя, и сильный огонь Французскихъ батарей не остановили Русскихъ штыковъ и

отважныхъ Черногорцевъ. Пятаго іюня, послѣ сраженія, продолжавшагося отъ двухъ часовъ по полудни до семи вечера, на вершинѣ горы Баргардъ развѣвались наши знамена. Русскіе щадили плѣнныхъ; Черногорцы, не взирая что Сенявинъ обѣщалъ имъ за каждаго по червонцу, не давали Французамъ пощады и тотчасъ рѣзали имъ головы; такая же участь постигла и генерала Дельгога. Заключивъ непріятеля въ одной Рагузѣ, обложивъ городъ съ моря кораблями, а съ берегу войсками, лишивъ его воды и подвоза съѣстныхъ припасовъ, Сенявинъ захватилъ нѣсколько Рагузскихъ судовъ, совсѣмъ вооруженныхъ, осмотрѣлъ, 7-го числа, положеніе вокругъ крѣпости, и приказалъ устроить двѣ батареи на серединѣ высоты, занимаемой нашими войсками, откуда удобно было наносить вредъ непріятелю, потому что городъ находился у подошвы горы. Съ первыхъ дней осады жители начали чувствовать во всемъ недостатокъ: генералъ Лористонъ, не имѣвшій никакого запаса, отобралъ у нихъ хлѣбъ, сколько его нашлось, и цистерны съ водою. Несчастные терпѣли голодъ и жажду въ разрушенныхъ бомбами домахъ своихъ. Изъ состраданія, Сенявинъ предложилъ Французамъ капитуляцію: но Лористонъ, не нуждаясь уже въ продовольствіи и ожидая съ часу на часъ вспомогательнаго войска, никакъ не хотѣлъ сдаться. Французы дѣлали неудачныя вылазки. Вскорѣ генералъ Молиторъ показался на высотахъ, принадлежащихъ Султану, съ трехъ-тысячнымъ отрядомъ, и, въ виду Турецкой крѣпости, поднявшей въ это время флагъ, пошелъ, 24 іюня, прямо на нашу линію въ тылъ. Сенявинъ далъ повелѣніе

Митрополиту и Князю Вяземскому отступить къ Старой-Рагузѣ. Послѣдній, узнавъ, что Молиторъ отрѣзалъ ретираду къ этому городу, произвелъ, по предложенію Митрополита, славный маневръ, избавившій войска наши отъ очевидной и неизбѣжной гибели: онъ оставилъ на высотахъ егерскій баталіонъ подъ командою Маіора Велизарева, для прикрытія отступленія отъ Лористона; сдѣлалъ съ остальнымъ войскомъ контръ-маршъ, и пошелъ по лощинамъ, скрытымъ отъ непріятеля, на сѣверъ, къ порту Санта-Кроче. Французскіе генералы, надѣявшіеся напасть на своихъ противниковъ съ трехъ сторонъ близь Старой-Рагузы, узнали, но поздно уже, что они сѣли на гребныя суда, присланныя съ флота, въ двухъ верстахъ отъ крѣпости. Маіоръ Велизаревъ очистилъ себѣ дорогу штыками, и подъ прикрытіемъ канонерскихъ лодокъ удалился на другихъ вооруженныхъ судахъ. Митрополитъ и Князь Вяземскій, при громкихъ *ура*! отвалили послѣдніе отъ берега, въ то самое время, какъ Молиторъ и Лористонъ съ двухъ сторонъ приближились къ пристани, но были встрѣчены картечнымъ залпомъ. При этомъ славномъ отступленіи потеря съ нашей стороны оказалась въ одномъ раненомъ и десяти убитыхъ егеряхъ, стоявшихъ у батарей на часахъ. Четыре орудія и три мортиры оставлены заклепанными. Непріятель лишился въ продолженіе осады, съ 5 по 24 іюня, до двухъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ и Рагузцевъ, какъ показывали плѣнные; но, вѣроятно, погибло еще болѣе отъ болѣзней и изнуренія. Неожиданное событіе разстроило передъ тѣмъ планы Сенявина: въ началѣ іюня получено Высочайшее повелѣніе

сдать Бокке-ди-Катаро Австрійцамъ, а потомъ Французамъ. Зная образъ мыслей народа, Адмиралъ содержалъ въ тайнѣ это приказаніе, и между тѣмъ извлекалъ пользу изъ дружнаго и храбраго содѣйствія Черногорскихъ и приморскихъ войскъ; но вскорѣ печальная вѣсть распространилась повсемѣстно, ввергла въ уныніе жителей и лишила ихъ прежней бодрости. Сенявинъ тогда могъ полагаться на одни регулярныя войска, и долженъ былъ, по неволѣ, ограничить дѣйствія свои только осадою Рагузы, крѣпости довольно сильной и защищаемой превосходнымъ гарнизономъ. 25-го іюня онъ отправился на кораблѣ Селафаилѣ въ Катаро, для сдѣланія тамъ распоряженій и предупрежденія всякихъ безпокойствъ, по случаю предполагаемой сдачи области Австрійцамъ. По прибытіи его въ Кастель-Ново, явились къ нему народные депутаты отъ восьми Комунитетовъ, и объявили, что они единодушно согласились, предавъ все огню, скорѣй оставить отечество и слѣдовать повсюду за его флотомъ, чѣмъ быть рабами Бонапарте; они умоляли Сенявина, именемъ старцевъ, женъ и чадъ ихъ, предстательствовать у престола Монарха милосердаго и сердобольнаго, объ удѣленіи имъ малаго уголка земли въ обширной Его Имперіи. «Если же»—прибавили депутаты, заливаясь слезами, — «мы, противно ожиданію и надеж-«дѣ, должны повиноваться злѣйшимъ нашимъ врагамъ, «врагамъ вѣры и человѣчества, если ты не можешь по-«зволить намъ слѣдовать за собою, то останься спо-«койнымъ зрителемъ нашей погибели. Мы рѣшились «съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою независи-«мость, и готовы всѣ до единаго положить головы

«свои за отечество. Въ оборонѣ его пусть кровь наша «течетъ рѣкою; пусть могильные кресты свидѣтель- «ствуютъ позднѣйшему потомству, что мы славную «смерть предпочли постыдному рабству, и не хотѣли «другаго подданства, кромѣ Россійскаго.» Сенявинъ былъ въ затруднительномъ положеніи: многія семейства отплыли уже въ Корфу, другія перебрались на суда и готовили дома свои къ сожженію; нѣсколько корсеровъ предположили напасть на три тысячи Австрійцевъ въ Курцолѣ, защищаемыхъ только двумя военными бригами. Ужасное мщеніе ихъ нѣкоторымъ образомъ отнесено было бы къ Русскимъ. Отвсюду слышенъ былъ вопль женщинъ и дѣтей. Въ дѣлѣ столь важномъ, обращавшемъ на себя вниманіе многихъ Державъ, собственная безопасность Сенявина требовала, чтобъ повелѣніе немедленно исполнилось; но рѣшительная отчаянность и погибель цѣлаго народа, столь преданнаго Россіи, налагали на него также долгъ человѣчества и любви къ славѣ своей родины. Ему предстоялъ подвигъ смѣлый, благородный, и онъ не долго колебался въ выборѣ; послѣ краткаго размышленія, сказалъ депутатамъ: «Пошлемъ къ Государю выборныхъ изъ знаменитѣйшихъ гражданъ; будемъ всѣ вмѣстѣ надѣяться на Его милосердіе или на перемѣну непріятнаго положенія политическихъ дѣлъ. До тѣхъ поръ, сколько мнѣ будетъ возможно, я не оставлю васъ, храбрые и великодушные люди. Я принимаю на себя всю отвѣтственность; я готовъ защищать васъ всею силою; успокойтесь и не предавайтесь отчаянію.» Этотъ поступокъ Сенявина, какъ говоритъ Броневскій въ своихъ «Запискахъ», вывелъ его изъ

чреды обыкновенныхъ людей, и поставилъ на ряду съ тѣми, которые не страшатся жертвовать собою пользѣ и славѣ Отечества. «Съ того времени», — продолжаетъ онъ — «имя его сдѣлалось извѣстнымъ Европѣ, «и, можетъ-быть, болѣе нежели собственному его Оте«честву: скромность, чуждая самохвальствъ, всегда бы«ла добродѣтелью великихъ мужей, утѣшающихся ра«вотою знаменитыхъ дѣлъ своихъ, не заботясь о томъ, «больше ли они или меньше извѣстны.» Адмиралъ тотчасъ занялся приведеніемъ въ оборонительное состояніе крѣпости Кастель-Ново. Въ Катаро и Ризано оставлены были только три роты; сами жители вызвались защищать ихъ. Войска находились въ готовности выдти на встрѣчу непріятеля; флотъ выступилъ для притѣсненія его съ моря, народъ принялъ прежнюю свою бодрость. Дороги впереди нашихъ постовъ заняты были отборными отрядами Приморцевъ и Черногорцевъ, и партіи ихъ снова появились подъ стѣнами Рагузы, откуда Лористонъ и Молиторъ не осмѣливались выдти въ поле. Вся область представляла военный лагерь, и вездѣ раздавалось: «Да здравствуетъ, Сенявинъ!» Гдѣ бы онъ ни показался, многочисленныя толпы съ почтеніемъ сопровождали его, стрѣляли въ знакъ почести, кланялись до земли, лобзали прахъ ногъ его; но Дмитрій Николаевичъ, въ душѣ кроткій, уклонялся отъ почестей и отъ всѣхъ изъявленій любви и благодарности народной. Эта эпоха въ жизни Сенявина составляла истинное торжество гражданскихъ и военныхъ его добродѣтелей. Между-тѣмъ, полномочные Австрійскіе Коммисары, Графы Бельгардъ и де Лэнинъ, тщетно домогались у Сенявина сдачи Ката-

ро, согласно Высочайшему повелѣнію. Извѣстіе о подписанномъ въ Парижѣ мирномъ договорѣ между Россіею и Франціею также не поколебало благородной его рѣшимости. Онъ сначала требовалъ, чтобы Рагуза оставлена была Французскими войсками и независимость Республики обезпечена вѣрнымъ ручательствомъ; потомъ ссылался на отправленное прошеніе къ нашему Двору Боккезцами, на произнесенную ими клятву не сдаваться ни Австрійцамъ, ни Французамъ; изъявилъ подозрѣніе касательно достовѣрности постановленнаго мира съ Франціею; медлилъ сдачею, и тогда, какъ получилъ три депеши нашего Статскаго Совѣтника Убри, подтверждавшія миръ, имъ подписанный; онъ еще оправдывалъ свои дѣйствія тѣмъ, что ничего не упомянуто въ договорѣ о сдачѣ области Французамъ; оставилъ безъ уваженія письмо Вице-Короля Италіянскаго, только приказалъ прекратить военныя дѣйствія; наконецъ, когда Австрійскіе Полномочные возобновили требованія, когда Генералъ Лористонъ прибылъ самъ, 30 іюля, въ Кастель-Ново и вступилъ въ переговоры съ Сенявинымъ, Адмиралъ отложилъ срокъ сдачи до 15 августа; потомъ, вывѣдавъ отъ Австрійскихъ Полномочныхъ, что Мармонъ и Лористонъ увѣряли ихъ и честію своею ручались, будто бы онъ пригласилъ Англичанъ для занятія Катаро, воспользовался этимъ объявленіемъ, чтобы рѣшительно отложить сдачу области до размѣна ратификацій. Вслѣдъ за тѣмъ, Сенявинъ получилъ, 13 августа, отъ нашего Посла Графа Разумовскаго депешу Министра Морскихъ Силъ, подтверждавшую волю Государя относительно сдачи Бокке-ди-Катаро Австрійцамъ; но какъ

депеша эта была отправлена до полученія донесенія о заключеніи Убри мира, то Адмиралъ отвѣчалъ Министру, что рѣшился ожидать новыхъ приказаній Императора, и прекратилъ дальнѣйшія сношенія съ Австрійскими Полномочными. Наконецъ, 26 августа, фельдъегерь привезъ Высочайшее повелѣніе, отъ 31 іюля, всѣми мѣрами продолжать военныя дѣйствія, и если Катаро сдана, взять, и занять всѣ прежнія позиціи, какія до мира, подписаннаго Убри, но не утвержденнаго Императоромъ, флотъ и армія наша имѣли (*). Можно себѣ представить, сколько обрадованъ былъ Сенявинъ такимъ повелѣніемъ, которое оправдывало его осторожность и всѣ распоряженія, принятыя по собственному его усмотрѣнію! Непріятельскія дѣйствія возобновились втораго сентября. Контръ-Адмиралъ Сорокинъ съ четырьмя кораблями и фрегатомъ получилъ приказаніе блокировать порты Рагузы. Седьмаго, корабль Петръ и фрегатъ Венусъ сбили на низменностяхъ мыса Остро десяти-пушечную батарею. Девятаго, Капитанъ Белли, стоявшій въ Рагузскомъ заливѣ, на двухъ требакахъ, взялъ въ плѣнъ семнадцать штабъ и оберъ-офицеровъ, сорокъ шесть рядовыхъ и довольное число военной аммуниціи. Тринадцатаго, наши регулярныя войска и значительное число Приморцевъ и Черногорцевъ, подъ предводительствомъ Митрополи-

(*) Государь Императоръ, не утвердивъ этого мира, повелѣлъ предложить Французскому Правительству возобновить негоціацію на новыхъ условіяхъ, въ числѣ которыхъ требовалось, чтобъ Далмація и Бокке-ди-Катаро не были во владѣніи Франціи.

та, выступили изъ Кастель-Ново, въ то время, какъ батареи Французскія на Остро рѣшительно были атакованы кораблями: непріятель отступилъ къ Молонту, оставивъ, вечеромъ, по краткомъ сопротивленіи, ретраншаментъ, вновь сдѣланный въ этомъ портѣ. Въ занятыхъ укрѣпленіяхъ взято тридцать восемь орудій, въ томъ числѣ пять мортиръ. Четырнадцатаго и пятнадцатаго чиселъ Французы продолжали отступать къ Старой-Рагузѣ, и сраженіе не умолкало ни на минуту. Шестнадцатаго, въ присутствіи Главнокомандующаго, Приморцы и Черногорцы, имѣя при каждомъ отрядѣ плотонъ егерей, принудили Французовъ оставить укрѣпленный лагерь въ Виталинѣ. Число убитыхъ со стороны непріятеля было триста сорокъ человѣкъ. Семнадцатаго, войска Французскія получили въ подкрѣпленіе два полка, прибывшіе изъ Далмаціи, и сосредоточились всѣ въ одномъ мѣстѣ. Ими предводительствовалъ генералъ Мармонъ. Считая малочисленный отрядъ нашъ вѣрною жертвою, онъ предпринялъ отрѣзать его отъ крѣпостей и истребить въ полѣ. Восемнадцатаго сентября, на разсвѣтѣ, Французы сбили передовые посты, атаковали главную квартиру Митрополита, стоявшую при рѣкѣ Лютой, и овладѣли мѣстомъ. Митрополитъ былъ въ великой опасности; однакожъ, сражаясь съ превосходною силою, хоть и съ потерей, со славою отступилъ къ урочищамъ Модези-Каменной и Мокрино, и потомъ съ бо́льшею частію войскъ сталъ въ проходахъ, ведущихъ въ Катаро. Тогда отрядъ нашъ усиленъ былъ двумя батальонами Колыванскаго и Козловскаго полковъ и четырьмя ротами Витебскаго, доставленными изъ Корфу; со всѣмъ тѣмъ онъ состо-

ялъ только изъ трехъ тысячъ пяти сотъ человѣкъ, кромѣ двухъ тысячъ нерегулярныхъ войскъ, между тѣмъ какъ Французовъ было двадцать тысячъ. Девятнадцатаго сентября, Сенявинъ, прибывъ, передъ свѣтомъ, въ лагерь, находившійся въ окрестностяхъ Кастель-Ново, расположилъ войска къ лучшей оборонѣ, и желая заманить непріятеля подъ крѣпость, далъ приказаніе Генералъ-Маіору Папандопуло держаться, сколько силы позволятъ, а потомъ отступить; поставилъ два линейныхъ корабля по обѣ стороны крѣпости и размѣстилъ другіе вдоль берега. Съ разсвѣтомъ непріятель атаковалъ наши передовые посты на всѣхъ пунктахъ, и скоро сраженіе сдѣлалось общимъ. Генералъ Лористонъ первый напалъ, но не могъ устоять противъ нашего огня, и былъ обращенъ назадъ; другая сильная колонна имѣла ту же участь. Мармонъ, приводя въ порядокъ сзади своихъ линій разстроенныя колонны, безпрестанно вводилъ свѣжіе отряды въ огонь: наши войска отражали ихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, картечью горныхъ орудій, возимыхъ на лошакахъ, обращали въ бѣгство штыками, и возвращались на свои мѣста. Такимъ образомъ семь часовъ сряду выдерживали они всѣ усилія храбрости Французской. Когда день клонился уже къ вечеру, мужественный генералъ Папандопуло, выславъ тринадцатый егерскій полкъ для прикрытія, отступилъ въ порядкѣ на другую позицію, имъ избранную. Здѣсь непріятель напалъ на лѣвый нашъ флангъ. Генералъ Папандопуло, отступая мало-по-малу, поддерживалъ себя то маневрами, то небольшими атаками; наша рота сражалась съ батальономъ, и со всѣмъ тѣмъ одинъ егер-

скій батальонъ обратилъ въ бѣгство цѣлый Французскій полкъ. Въ донесеніи своемъ Мармонъ отдалъ справедливость мужеству и стойкости нашей пѣхоты. Преслѣдуя войска наши весьма близко, непріятель надѣялся ворваться въ крѣпость на плечахъ; но какъ скоро приблизился къ морскому берегу, у рѣчки Сатурнино, картечный залпъ съ канонерскихъ лодокъ и барказовъ остановилъ его. Подъ такимъ прикрытіемъ наши спокойно вступили въ крѣпость, а Французы расположились тамъ, гдѣ мы имѣли послѣднюю позицію. Двадцатаго сентября Мармонъ, не видя съ нашей стороны ни какого препятствія, сталъ отъ крѣпости въ трехъ верстахъ, и тотчасъ выслалъ двѣ сильныя колонны, для осмотра, или чтобъ выманить регулярныя войска, отрѣзать ихъ и потомъ истребить. Когда первая колонна приблизилась, картечный перекрестный огонь изъ крѣпости и съ корабля Ярослава разсѣялъ ее, и едва малые остатки успѣли соединиться со второю. Пушечные громы были сигналомъ общаго нападенія. Черногорцы и Приморцы съ ужаснымъ крикомъ высыпались изъ скрытыхъ мѣстъ, бѣгомъ спустились съ горъ, и бросились на колонну со всѣхъ сторонъ такъ удачно, что тотчасъ ее разстроили и гнали до самаго лагеря. Мармонъ выслалъ вторую для подкрѣпленія, маневрировалъ, употреблялъ всѣ хитрости искуства; но ни что ему не удавалось. Приморцы и Черногорцы, ободренные присутствіемъ Сенявина и Митрополита, пользуясь удобнымъ мѣстоположеніемъ, удачно поражали непріятеля сильнымъ и вѣрнымъ огнемъ ружей своихъ. Битва сдѣлалась общею; со всѣхъ сторонъ стекался народъ, и, умножая число сражающихся оказывалъ

необыкновенные порывы храбрости. Наши войска поддерживали ихъ только въ нужныхъ случаяхъ. Отъ полудня до пяти часовъ сраженіе продолжалось съ чрезвычайною жестокостію съ обѣихъ сторонъ. Послѣ того Мармонъ отступилъ къ лагерю; но и тутъ принужденъ былъ всю ночь стоять подъ ружьемъ: новыя партіи Приморцевъ и Черногорцевъ безпрерывно продолжали перестрѣлку. Двадцать-перваго сентября, Мармонъ, обманувшись въ надеждѣ, что между Боккезцами найдетъ себѣ сильную партію, и узнавъ на опытѣ, что и въ лагерѣ своемъ безъ сильной артиллеріи, которой при немъ не было, не можетъ быть безопасенъ отъ дерзости нерегулярныхъ войскъ, получилъ извѣстіе, что Герцеговинцы взяли Виталино, отбили нашихъ плѣнныхъ и истребили два обоза; онъ опасался притомъ, что Сенявинъ, по собраніи бо́льшаго числа вооруженныхъ жителей, можетъ, не только разбить, но и истребить его армію на мѣстѣ, и такъ поспѣшно оставилъ лагерь, съ семью пушками, найденными въ разоренныхъ домахъ, бросивъ всѣ тяжести, своихъ и двадцать пять нашихъ раненыхъ, что только Митрополитъ съ легкими войсками преслѣдовалъ его до Старой-Рагузы. Тамъ непріятель остановился въ укрѣпленномъ лагерѣ. Двадцать четвертаго числа наши войска расположились на квартирахъ. Сенявинъ угощалъ храбрыхъ воиновъ сытнымъ обѣдомъ; каждый изъ нихъ получилъ порцію водки, и по бутылкѣ виноградnаго вина. Потеря съ нашей стороны только девятнадцатаго сентября была чувствительна: убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ было сто семдесятъ пять человѣкъ; раненыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ двѣнадцать, и двѣ-

сти семьдесятъ шесть рядовыхъ. Черногорцевъ и Приморцевъ во все продолженіе военныхъ дѣйствій убитыхъ и раненыхъ было до восьми сотъ человѣкъ. Непріятель потерпѣлъ значительнѣйшій уронъ: у него убиты одинъ генералъ и восемнадцать штабъ и оберъ-офицеровъ; ранены генералъ Молиторъ и тридцать семь офицеровъ; въ плѣнъ взяты сорокъ семь штабъ и оберъ-офицеровъ и тысяча триста рядовыхъ; послѣдніе перехвачены были крейсерами и Боккезскими нашими корсерами. Офицеры были инженерные и артиллерійскіе, посланные въ Боснію и Албанію, для укрѣпленія нѣкоторыхъ тамъ мѣстъ. Вся потеря непріятельская состояла въ пятидесяти пушкахъ и трехъ тысячахъ человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Сверхъ того, флотъ пріобрѣлъ болѣе нежели на милліонъ рублей призовъ и знатное количество военныхъ и съѣстныхъ припасовъ. Французы, запертые въ стѣнахъ Новой-Рагузы, лишены были всякаго сообщенія съ моря. Никакое вспоможеніе не доходило къ нимъ изъ отечества. Сенявинъ, при содѣйствіи Епископа Герцеговинскихъ Славянъ Арсенія, умѣлъ склонить на свою сторону этотъ воинственный народъ, и посредствомъ сего лишилъ непріятеля подвоза съѣстныхъ припасовъ, утомлялъ его голодомъ и партизанскими партіями. Послѣднія, состоя изъ пяти тысячъ Черногорцевъ и Боккезцовъ, пріученныхъ имъ къ нѣкоторымъ егерскимъ маневрамъ, безпрестанно истребляли обозы, нападали на конвои и передовые посты, и возвращались въ лагерь съ богатою добычею и съ значительнымъ числомъ плѣнныхъ. Такимъ образомъ, Сенявинъ, сберегая регулярныя войска, которыхъ малѣйшій уронъ, по отдален-

ности отъ отечества, былъ бы невознаградимъ, при весьма ограниченныхъ средствахъ сдѣлался мощнымъ защитникомъ того края, дѣйствовалъ мечемъ и перомъ съ равнымъ успѣхомъ, и побѣдилъ, къ досадѣ Наполеона, одного изъ лучшихъ его генераловъ. Непріятель, послѣ неудачнаго покушенія взять Кастель-Ново, стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ у Старой Рагузы и ничего не предпринималъ. Когда наступило ненастное время, Сенявинъ, оставивъ двѣ тысячи триста нерегулярныхъ войскъ, прочія распустилъ; но въ случаѣ нужды, посредствомъ телеграфовъ, они могли узнать объ опасности и собраться въ двадцать четыре часа. При каждомъ знамени Приморцевъ и Черногорцевъ, для руководства въ движеніяхъ, находилось по одному офицеру и нѣсколько рядовыхъ. Кромѣ маловажныхъ стычекъ, ничего не происходило. Желая употребить въ пользу это бездѣйствіе, Сенявинъ усилилъ гарнизонъ Катарской области шестью ротами четырнадцатаго егерскаго полка, и предпринялъ овладѣть островами Курцоло, Лезино и Браццо, чтобы ихъ жители, давно искавшіе быть подданными Россійскаго Императора, не могли перейти въ чужія руки, когда Французы должны будутъ оставить Далмацію. Островъ Курцоло былъ взятъ Сенявинымъ тридцатаго ноября. Французскій гарнизонъ, храбро оборонявшійся, сдался на власть. Наши войска вошли церемоніально въ крѣпость и подняли Россійскій флагъ. Въ плѣнъ взяты были: Полковникъ Орфенго, тринадцать штабъ и оберъ-офицеровъ и триста восемьдесятъ девять рядовыхъ восемьдесятъ-перваго полка; убитыхъ на мѣстѣ найдено шесть офицеровъ и сто пятьдесятъ солдатъ; ране-

ныхъ три офицера и пятьдесятъ два человѣка нижнихъ чиновъ. Потеря наша, убитыми и ранеными, простиралась до девяноста девяти человѣкъ. Въ крѣпости получено въ добычу четырнадцать пушекъ, съ довольнымъ количествомъ пороху и снарядовъ. Вслѣдъ за этимъ, втораго декабря, Капитанъ Романовичъ и Мичманъ Тизенгаузенъ овладѣли Французскою батареею, находившеюся на островѣ Брацо, взяли въ плѣнъ четырехъ офицеровъ и семдесятъ девять солдатъ, и захватили четыре пушки восемнадцати-фунтовыхъ. Уже Сенявинъ готовился завладѣть и островомъ Лезино, какъ получилъ увѣдомленіе, что Али-Паша занялъ Превезу и движеніями войскъ своихъ угрожаетъ Корфу. Разоривъ взятую батарею на Брацо, Главнокомандующій немедленно возвратился въ Катаро. Тамъ ввѣрилъ онъ команду надъ сухопутными войсками Полковнику Кипперу, а надъ эскадрою, состоящею изъ трехъ кораблей, восьми мелкихъ судовъ и всѣхъ корсеровъ, Капитану перваго ранга Баратынскому, приказавъ имъ защищать Катаро до послѣднихъ силъ и употреблять въ пользу приверженность Герцеговинцовъ. Въ Корфу Сенявинъ узналъ (17 января 1807) о взятіи въ Молдавіи многихъ крѣпостей нашими войсками; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ извѣстилъ его, чтобы онъ не начиналъ военныхъ дѣйствій противъ Турковъ до полученія повелѣнія отъ Двора. Между тѣмъ Али-Паша собиралъ войска, дѣлалъ укрѣпленія, задерживалъ Консуловъ нашихъ и Іоническія лодки, шедшія съ провизіею въ Корфу. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Сенявинъ даромъ слова и пріобрѣтенною славою умѣлъ вторично оковать крово-

жаднаго Пашу, деспотически управлявшаго Греціею, котораго войско простиралось въ военное время до тридцати тысячь, и который, въ неприступномъ замкѣ своемъ, защищаемомъ гребною флотиліею, смѣялся надъ распоряженіями повелителя Оттомановъ. Али изъявилъ желаніе остаться неутральнымъ, быть попрежнему другомъ Республики и мирнымъ сосѣдомъ. Тогда народные представители поднесли Сенявину отъ лица благодарной Республики золотую шпагу съ брилліантами и подобный жезлъ. Вскорѣ война съ Турками подтвердилась, и Сенявинъ, назначивъ главнымъ начальникомъ въ Катаро Капитана перваго ранга Баратынскаго, а Генералъ-Маіору Назимову, которому оставилъ онъ два корабля и девять мелкихъ судовъ, поручивъ защищать Республику, пошелъ самъ, десятаго февраля, съ восмью кораблями, однимъ фрегатомъ и шлюпомъ, въ Архипелагъ. На эскадру посажено было два батальона Козловскаго полка, имѣвшихъ подъ ружьемъ девять сотъ пятьдесятъ солдатъ; тридцать шесть артиллерійстовъ и двѣсти семдесятъ человѣкъ изъ легіона легкихъ стрѣлковъ. При появленіи нашего флота въ Архипелагѣ, начальники острововъ Идры, Спеціи и другихъ ближайшихъ, съ восторгомъ и рѣдкою готовностью присоединили къ нему пять судовъ, вооруженныхъ отъ восемнадцати до двадцати шести пушками. Пройдя островъ Тенедосъ, 23 февраля, эскадра наша бросила якорь подлѣ Англійской, состоявшей изъ семи кораблей, четырехъ фрегатовъ, двухъ бомбардирскихъ судовъ и брига, подъ начальствомъ Вице-Адмирала Докворта. Сенявинъ, руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ идти къ Константинополю, по соединеніи съ

Англійскимъ флотомъ, и силою принудить Диванъ подписать миръ, двое сутокъ упрашивалъ Докворта атаковать, вмѣстѣ съ нимъ, столицу: неустрашимый Адмиралъ Англійскій, испытавшій передъ тѣмъ съ малыми силами неудачу, хоть и доказалъ, что Дарданеллы не непроходимы, рѣшительно отказался подвергать эскадру свою новому пораженію. Онъ представлялъ, что и съ пятидесятью кораблями едва ли можно въ чемъ-нибудь успѣть. Сенявинъ просилъ его оставить для подкрѣпленія нашего флота два корабля и два бомбардирскихъ суда; но и въ томъ получилъ отказъ: перваго марта Докворть объявилъ, что имѣетъ другое назначеніе, снялся, и оставилъ эскадру нашу. Послѣ того Адмиралъ положилъ взять Тенедосъ и содержать Константинополь въ тѣсной блокадѣ. На сдѣланное предложеніе Паша отвѣчалъ, что будетъ защищаться до невозможности. Восьмаго марта началась битва, цѣлый день упорно продолжавшаяся. Высадивъ войска на берегъ, Сенявинъ раздѣлилъ ихъ на двѣ колонны: первая, при которой находился Контръ-Адмиралъ А. С. Грейгъ, пошла влѣво, горами; вторая, подъ предводительствомъ Главнокомандующаго, двинулась вправо по морскому берегу. Албанскіе стрѣлки, съ охотниками регулярныхъ войскъ и матросовъ, дрались впереди колоннъ. Турки отступали по мѣрѣ наступленія; бросились въ крѣпость, защищались въ домахъ своихъ, и, окруженные со всѣхъ сторонъ, потребовали пощады. Девятаго числа Адмиралъ согласился отпустить ихъ, на честное слово, съ имуществомъ, въ Анатолію. Гарнизонъ, перевезенный на берегъ, состоялъ изъ тысячи двухъ сотъ человѣкъ, при которыхъ было

четыреста женщинъ и дѣтей. Войска наши заняли крѣпость, гдѣ найдено семдесятъ девять пушекъ, въ томъ числѣ сорокъ восемъ мѣдныхъ, и три мортиры, съ довольнымъ количествомъ снарядовъ: убито и ранено съ нашей стороны девятьсотъ человѣкъ, но Турковъ около четырехъ сотъ. Пріобрѣтеніемъ острова Тенедоса, эскадра обезпечена была въ главнѣйшей потребности, прѣсной водѣ, и доставлено ей удобное пристанище, которое, находясь отъ Дарданеллъ въ двадцати пяти верстахъ, дало возможность наблюдать проливъ, и лишало Константинополь сообщенія съ Архипелагомъ. Тщетно Сенявинъ желалъ вступить въ бой съ непріятельскимъ флотомъ, тщетно старался выманить его изъ пролива: эскадра Турецкая, состоявшая изъ восьми кораблей, шести фрегатовъ, четырехъ шлюповъ, одного брига и пятидесяти канонерскихъ лодокъ, вышла изъ Дарданеллъ седьмаго мая, но, пользуясь противнымъ вѣтромъ для нашего флота, избѣгала сраженія. Сенявинъ направилъ путь къ острову Имбросу, желая дать непріятелю болѣе способа устремиться на Тенедосъ, и тѣмъ самымъ отвесть его далѣе отъ пролива. Восьмаго числа Турки высадили десантъ на островъ; но принуждены были отступить съ значительною потерею. Вѣтеръ былъ для нихъ самый удобный. Десятаго оба флота стояли въ виду другъ друга; въ два часа по полудни, воспользовавшись перемѣною погоды, Адмиралъ поставилъ корабли въ ордеръ баталіи, и намѣревался атаковать Турецкій флотъ; но тотъ снялся съ якоря и направилъ путь въ Дарданеллы. Преслѣдуя его на всѣхъ парусахъ, храбрый Сенявинъ желалъ сразиться при дверяхъ самыхъ крѣ-

постей, и атаковалъ на своемъ кораблѣ Капитанъ-Пашу такъ близко, что реи съ реями почти сходились. Въ восьмомъ часу наступила темнота; вѣтеръ началъ уменьшаться; въ самомъ устьѣ пролива флоты смѣшались; съ обоихъ береговъ Турецкихъ мраморныя ядра поражали своихъ и нашихъ безъ разбора. Для отличія, Сенявинъ приказалъ поднять на мачтахъ по три фонаря. Турки сдѣлали то же, и оттого нѣсколько времени корабли ихъ были биты своими и нашими. Въ девятомъ часу битва кончилась, хотя перестрѣлка продолжалась еще два часа. Бѣгство непріятельскаго флота было такъ поспѣшно и безпорядочно, что три корабля стали на мель у Азіятской крѣпости. Въ первомъ часу по полуночи, при совершенномъ штилѣ, эскадру нашу вытащило теченіемъ изъ Дарданеллъ, и всѣ корабли, по сигналу, стали на якорь, гдѣ кто находился. Одиннадцатаго мая Сенявинъ приказалъ Контръ-Адмиралу Грейгу стараться отрѣзать, взять или истребить, три Турецкихъ корабля, довольно подавшихся отъ устья Дарданеллъ въ море. При первомъ движеніи нашего отряда непріятель на всѣхъ парусахъ поспѣшилъ въ проливъ. Грейгъ догналъ его почти у самыхъ крѣпостей и, подъ жестокимъ огнемъ, успѣлъ нанести сильный вредъ Туркамъ, истребилъ паруса, подбилъ снасти, разрушилъ самые корпуса кораблей. Два изъ нихъ, въ томъ числѣ вице-адмиральскій, стали на мель, подъ прикрытіемъ крѣпостей; гребной флотъ былъ обращенъ въ бѣгство. Между тѣмъ вѣтеръ началъ тихнуть. Контръ-Адмиралъ возвратился къ эскадрѣ. Султанъ лишился въ этомъ дѣлѣ трехъ кораблей, оказавшихся неспособными къ слу-

жбѣ, и до двухъ тысячъ человѣкъ. Капитанъ-Паша удавилъ своего Вице-Адмирала; но вскорѣ въ самомъ Константинополѣ произошла важная перемѣна: отъ тѣсной блокады Дарданеллъ послѣдовалъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; Янычары взбунтовались, свергли, 15 мая, Султана Селима съ престола, и возвели вмѣсто его Мустафу. Распространился слухъ о намѣреніи Дивана овладѣть Тенедосомъ, для удаленія нашей эскадры. Сенявинъ избралъ планъ сраженія совершенно новый: онъ приказалъ Капитанамъ атаковать каждаго изъ Турецкихъ Адмираловъ, которыхъ было трое, по сигналу, двумя нашими кораблями, стремительно и какъ можно ближе, отнюдь не опасаясь, чтобы непріятель пожелалъ зажечь себя. Самъ онъ назначилъ, предварительно, корабли, которые должны были совершить это предпріятіе. «Прошедшее сраженіе «10 мая показало»—писалъ Сенявинъ въ своемъ наставленіи — «что чѣмъ ближе къ непріятелю, тѣмъ отъ «него менѣе вреда: слѣдовательно, если бы кому слу«чилось и свалиться на абордажъ, то и тогда можно ожи«дать успѣха. Пришедши на картечный выстрѣлъ, на«чинать стрѣлять. Если непріятель подъ парусами, то «бить по мачтамъ; если же на якорѣ, то по корпусу; нача«дать двумъ съ одной стороны, но не съ обоихъ бор«товъ; если случится дать мѣсто другому кораблю, то «ни въ какомъ случаѣ не отходить далѣе картечнаго «выстрѣла. Съ кѣмъ начато сраженіе, съ тѣмъ и кон«чить, или потопленіемъ, или покореніемъ непріятель«скаго корабля. Въ непредвидимыхъ случаяхъ каждый «потщится выполнить долгъ свой славнымъ образомъ.» Десятаго іюня Турецкій флотъ дѣйствительно вышелъ

изъ Дарданелль, и къ вечеру бросилъ якорь у острова Имбросъ. Наша эскадра отъ 11-го до 15-го числа безпрестанно, то становилась на якорь, то вступала подъ паруса и лавировала, чтобы приблизиться къ непріятелю и принудить его къ сраженію; но слабый вѣтеръ и сильное теченіе изъ Дарданелль дѣлали всѣ усилія Адмирала тщетными. Турецкій флотъ, слѣдуя движенію нашего, тоже лавировалъ, и держался такъ, что въ случаѣ перемѣны вѣтра могъ уйти въ проливъ. Пятнадцатаго іюня онъ спустился къ Тенедосу, и приблизившись на картечный выстрѣлъ, открылъ по крѣпостямъ, городу, шанцамъ и судамъ, бывшимъ въ гавани, жестокій огонь. На другой день Турецкія войска начали въ разныхъ мѣстахъ переправляться на берегъ, подъ прикрытіемъ своихъ кораблей и фрегатовъ. Неустрашимый Маіоръ Гедеоновъ, съ горстью людей, совершилъ чудеса храбрости: нападалъ на многочисленнаго непріятеля, прогонялъ его съ высотъ, опрокинулъ правый флангъ его. Полковникъ Падейской мужественно оборонялся въ шанцахъ противъ десяти тысячъ Турковъ, шесть разъ отбивалъ ихъ меткими картечными выстрѣлами и ружейнымъ огнемъ, и когда Турки заняли гору, проложилъ себѣ дорогу штыками въ главную крѣпость, не потерявъ ни одной пушки. Лейтенантъ Додтъ, командовавшій артиллеріею съ морской стороны, исправною пальбою по непріятельскимъ лодкамъ, потопилъ, 17 іюня, двѣ изъ нихъ, а третью, съ отбитою мачтою, принудилъ уйти за мысъ. Уже въ крѣпости, послѣ дву-дневной безпрерывной пальбы, оставалось мало пороху, картечи и другихъ снарядовъ; уже артиллеристы почти всѣ были пере-

рапены, какъ, къ неописанной радости всего гарнизона, показался вечеромъ флотъ нашъ, идущій на всѣхъ парусахъ отъ Имброса къ Тенедосу. Турки вдругъ прекратили пальбу, съ торопливостью отдалились отъ крѣпости, и вся эскадра ихъ немедленно вступила подъ паруса. Противные вѣтры задержали Сенявина; но онъ достигъ своей цѣли: искусно выманилъ непріятеля изъ пролива и, снабдивъ крѣпость всѣмъ нужнымъ, пустился, 18 іюня, съ десятью кораблями, искать Капитанъ-Паши. Вмѣсто того, чтобъ идти къ Метелину, куда, какъ вообще думали, Турки ушли, Адмиралъ направилъ плаваніе къ острову Имбросъ, совсѣмъ въ противную сторону; спустился въ полночь, подъ малыми парусами, къ Лемносу, и девятнадцатаго числа, на разсвѣтѣ, настигъ Турецкій флотъ, стоявшій на якорѣ у крѣпости Ликодія. Сенявинъ сдѣлалъ сигналъ поставить всѣ возможные паруса и спуститься на непріятеля. Турки скоро и весьма исправно выстроили линію баталіи на правый галсъ. Три флагмана ихъ стали въ срединѣ; большіе фрегаты также были въ линіи. Непріятельская эскадра состояла, подъ главнымъ предводительствомъ Капитанъ-Паши Сеидъ-Али, изъ десяти кораблей, пяти фрегатовъ, трехъ шлюповъ и двухъ бриговъ. Пушекъ у нихъ считалось тысяча сто девяносто шесть; на нашихъ же десяти корабляхъ было только семьсотъ пятьдесятъ четыре. Непріятель превосходилъ насъ десятью судами, четыреста сорока двумя орудіями, и имѣлъ людей почти вдвое. Чтобы нашимъ двумъ атаковать одного непріятельскаго флагмана, назначены были корабли Рафаилъ съ Спѣшнымъ, Селафаилъ съ Уріиломъ и Мощный съ Ярославомъ. Флотъ

нашъ шелъ на непріятельскую линію попарно. Турки, будучи подъ вѣтромъ, открыли огонь въ дальнемъ разстояніи и дѣйствовали безпрестанно. Передовый корабль Рафаилъ съ великимъ терпѣніемъ выдержалъ огонь всей непріятельской линіи, и не прежде открылъ свой, какъ достигнувъ на ближайшее разстояніе; но этотъ корабль имѣлъ задніе паруса сильно обитые, и не могъ удержаться на вѣтрѣ: очутился въ линіи непріятельской, между Капитанъ-Пашинскимъ и Капитанъ-Бейскимъ кораблями, потомъ прорѣзалъ линію и, сражаясь на оба борта, скрылся въ дымѣ. Прочіе пять нашихъ кораблей, подошедши на пистолетный выстрѣлъ, привели къ вѣтру, сомкнули линію такъ тѣсно, что бугшприты заднихъ лежали на кормѣ переднихъ, и атаковали трехъ непріятельскихъ флагмановъ. Когда такимъ образомъ, въ восемь часовъ утра, началось сраженіе въ серединѣ непріятельской линіи, Главнокомандующій, на своемъ кораблѣ Твердомъ, съ другимъ кораблемъ, Скорымъ, спустился на передовые Турецкіе, приказавъ Контръ-Адмиралу Грейгу, съ кораблемъ Еленою, напасть на авангардъ непріятельскій, гдѣ были еще одинъ корабль и два большихъ фрегата. Твердый пришелъ передъ линію, и скоро сбилъ Турецкій фрегатъ; потомъ, напавъ на слѣдовавшій за нимъ корабль, онъ принудилъ его лечь въ дрейфъ, и этимъ движеніемъ остановилъ всю непріятельскую линію. Въ то время корабль Рафаилъ показался: онъ проходилъ изъ подъ вѣтру, и хотя паруса у него много были обиты, артилерія его однакожъ сильно вредила Туркамъ. Когда Рафаилъ прошелъ передовый ихъ корабль, тотъ, будучи чрезвычайно избитъ, началъ спускаться, чтобы дѣйство-

вать вдоль по Рафаилу; но Сенявинъ успѣлъ опередить непріятельскую линію, остановилъ это движеніе, и сталъ дѣйствовать лѣвымъ бортомъ вдоль всей ихъ линіи. Лишь только два корабля, лежавшіе на дрейфѣ, начали отъ него спускаться, корабль Капитанъ-Бея (втораго Адмирала) пришелся носомъ противъ борта Твердаго, и въ самое короткое время былъ сбитъ и лишенъ остальныхъ парусовъ и реевъ. Корабль Скорый, преслѣдуя сбитые Твердымъ корабли, сталъ между ними, и вступилъ съ тремя кораблями и фрегатомъ въ неравный бой: одинъ изъ нихъ показалъ желаніе идти на абордажъ, но Скорый картечнымъ и ружейнымъ огнемъ такъ много побилъ у него людей, что непріятельскій корабль принужденъ былъ отступить. Потомъ находившіеся въ арріергардѣ два Турецкіе корабля и фрегатъ, желая защитить бывшіе въ дѣлѣ передовые корабли, обошли съ подъ-вѣтру; Сенявинъ мгновенно привелъ свой корабль нѣсколько къ вѣтру, напалъ на первый непріятельскій съ носу, и скоро остановилъ его и всѣ прочіе, которые за нимъ слѣдовали. Благодаря этимъ смѣлымъ маневрамъ Адмиральскаго корабля, непріятель, сильно тѣснимый съ вѣтру прочими нашими кораблями, на разстояніи самомъ опасномъ, съ половины десятаго часа началъ уклоняться отъ сраженія, и направилъ путь прямо на берегъ, къ Аоонской Горѣ, конечно для того только, чтобы спасти людей, а корабли предать огню. Въ десять часовъ Адмиралъ сдѣлалъ сигналъ всей эскадрѣ— еще ближе спуститься на непріятеля и сильно преслѣдовать его. Корабль Рафаилъ, бывшій въ опасности за Турецкою линіею, когда она была остановлена, вышелъ

на вѣтеръ и началъ исправлять верхнія поврежденія. Поражая и прогоняя передовые непріятельскіе корабли, Сенявинъ сталъ нарочно подъ вѣтромъ обоихъ флотовъ; корабли Скорый и Мощный дрались въ серединѣ Турецкой эскадры; прочіе наши корабли образовали фигуру полукруга, и нѣкоторые, будучи обиты въ парусахъ, перемѣняли снасти, не переставая драться. Капитанъ (потомъ Адмиралъ) Рожновъ, въ самомъ пылу сраженія, подъ картечными выстрѣлами, перемѣнилъ перебитый рей. Побѣда была несомнѣнна; весь Турецкій флотъ, не смотря на мужественную защиту, былъ бы взятъ или истребленъ; но около полудня вѣтеръ началъ стихать. Битва продолжалась четыре часа. Эскадра наша остановилась на мѣстѣ сраженія, а Турецкая, уклонившись внѣ пушечнаго выстрѣла, придерживалась къ вѣтру. Наши корабли въ парусахъ и въ вооруженіи потерпѣли много, особливо Твердый, Скорый, Рафаилъ и Мощный. У Турковъ болѣе всѣхъ пострадалъ корабль Капитанъ-Бея, у котораго мачты стояли какъ голыя деревья, безъ реевъ и парусовъ. Сенявинъ собралъ свои корабли, приказалъ въ возможной скорости исправить поврежденія, желая того же для возобновить битву; но въ часъ по полудни вѣтеръ совершенно стихъ, а потомъ сдѣлалось перемѣнное маловѣтріе отъ сѣверозапада: оттого Турецкая эскадра вышла у насъ на вѣтрѣ; она держала какъ можно круче, чтобы только избѣжать сраженія. Въ шесть часовъ вѣтеръ нѣсколько посвѣжѣлъ, и корабль Капитанъ-Бея съ однимъ кораблемъ и двумя фрегатами, весьма мало поврежденными, начали отставать отъ своей эскадры. Адмиралъ приказалъ отрѣзывать ихъ.

Къ вечеру, когда три нашихъ корабля уже довольно приблизились, Турецкій корабль и два фрегата бросили букспръ, на которомъ вели корабль Капитанъ-Бея, и обратились въ бѣгство. Ночью восьмидесяти-четырехъ-пушечный корабль Турецкаго Адмирала былъ догнанъ и взятъ Капитаномъ Рожновымъ: въ числѣ плѣнныхъ находился и самъ Капитанъ-Бей. Двадцатаго числа, по утру, Турецкая эскадра была у насъ на вѣтрѣ и держала къ острову Тассо; а корабль и два фрегата, вспомоществовавшіе кораблю Капитанъ-Бея, остались подъ вѣтромъ, у мыса Святой Горы. Адмиралъ отрядилъ за отрѣзанными въ погоню Контръ-Адмирала Грейга съ тремя кораблями. Двадцать-перваго, въ четвертомъ часу по полудни, Турки, убѣгая отъ этого преслѣдованія, успѣли поставить корабль свой и два фрегата на мель въ заливѣ Святой Горы, за островкомъ Николинда, и, свезши съ нихъ людей, зажгли. Удары отъ взорванія были столь сильны, что корабли, находившіеся въ двадцати верстахъ, весьма чувствительно потрясались. На разсвѣтѣ 22 іюня, въ непріятельскомъ флотѣ еще были сожжены одинъ корабль и фрегатъ. Наша потеря убитыми и ранеными состояла въ шести стахъ семидесяти-четырехъ человѣкахъ; но въ числѣ первыхъ находился неустрашимый Капитанъ корабля Рафаила, Лукинъ, извѣстный своею необыкновенною силою: онъ ломалъ подковы, могъ держать полчаса въ распростертыхъ рукахъ пудовыя ядра, поднималъ одною рукою на оттѣсь шканечную пушку въ восемдесять семь пудовъ со станкомъ, и однимъ пальцомъ вдавливалъ гвоздь въ корабельную стѣну. Послѣ побѣды, которая истребила у непріятеля два корабля и

три фрегата и предала въ плѣнъ Адмирала и семь-сотъ пятдесятъ-семь Турковъ, Сенявину предстоялъ выборъ самый затруднительный: гнаться ли за остатками, или возвратиться въ Тенедосъ, спасти гарнизонъ отъ плѣна, немилуемаго и жестокаго, и отказаться отъ рѣдкаго случая быть истребителемъ всего Турецкаго флота? Сенявинъ не поколебался пожертвовать личною славою для спасенія братій своихъ, осажденныхъ превосходнымъ числомъ непріятеля. Онъ послѣдовалъ движенію своего добраго сердца. Положеніе осажденныхъ въ Тенедосѣ каждый день становилось плачевнѣе: Турки отрѣзали у нихъ воду 18 іюня; даже ночью производили жестокую пальбу; бросали въ крѣпость, стоящую на самомъ невыгодномъ мѣстѣ, между трехъ близкихъ горъ, девяти-пудовыя бомбы, разрушали ими строенія, но совсѣмъ тѣмъ, осажденные, мужественно отражая нападавшихъ, не хотѣли слышать о сдачѣ, и готовились искать смерти въ полѣ, когда показался, 25 іюня, корабль Скорый, а за нимъ весь флотъ нашъ, при громѣ пушекъ и радостномъ восклицаніи ура! вѣстникѣ одержанной побѣды. Двадцать восьмаго іюня, Турки, въ числѣ четырехъ тысячъ шести сотъ человѣкъ, согласно предложенію Сенявина, сняли осаду, оставили намъ всѣ пушки и спаряды, и перевезены были на Анатольскій берегъ. Государь Императоръ пожаловалъ Дмитрію Николаевичу, за знаменитое пораженіе непріятельскаго флота, орденъ Святаго Александра, награда очень лестная, потому что Сенявинъ не имѣлъ еще младшей ленты, Святой Анны. Вскорѣ (18 іюля), по трактату, заключенному съ Россіею, Англійская эскадра изъ четырехъ кораблей, трехъ фрегатовъ и одного брига, подъ

командою Контръ-Адмирала Мертина, присоединилась къ нашей. По прибытіи къ Тенедосу, Мертинъ салютовалъ Сенявину девятью выстрѣлами, что удивило всѣхъ, потому что Англичане, не объяснившись, никому прежде не салютуютъ. Лишь только Мертинъ сталъ на якорь, онъ явился къ нашему Адмиралу со всѣми Капитанами, по формѣ, въ команду. «Это что̀-нибудь не даромъ!» сказалъ Сенявинъ своимъ приближеннымъ, которые поздравляли его съ оказанною честію. Скоро Англійская эскадра увеличилась еще тремя кораблями, прибывшими 29-го числа съ Вице-Адмираломъ Коллингвудомъ, героемъ Трафалгарскаго сраженія. Послѣ взаимныхъ посѣщеній, оба храбрые Адмирала условились дѣйствовать общими силами противъ Турковъ, чтобы принудить ихъ къ скорѣйшему заключенію мира. Авангардъ соединенныхъ флотовъ, подъ командою Контръ-Адмирала Грейга, стоялъ передъ входомъ въ Дарданеллы. Англійскій Посолъ, кавалеръ Артуръ Педжетъ, велъ переговоры. Но среди надежды, одушевлявшей безстрашныхъ воиновъ, которые готовились истребить непріятельскій флотъ въ самыхъ Дарданеллахъ, получено извѣстіе о заключенномъ мирѣ въ Тильзитѣ. Осторожный Сенявинъ, не довѣряя Англичанамъ, увѣдомилъ тотчасъ Коллингвуда, что не можетъ содѣйствовать ему, на основаніи одной статьи договора, которою прекращены военныя дѣйствія съ Турціею, и отдѣлился отъ его флота. Подозрѣніе нашего Адмирала оправдалось: черезъ нѣсколько дней было получено повелѣніе Англійскаго Министерства о задержаніи нашей эскадры, не смотря на миръ. Тогда Сенявинъ,

исполняя волю Государя, занимался уже сдачею Катаро и Іонической Республики Французамъ, и готовился оставить Архипелагъ. Эскадрѣ велѣно возвратиться въ Балтійскіе и Черноморскіе порты. Узнавъ о неудовольствіи нашего Двора противъ Великобританіи за сожженіе Копенгагена, онъ, на обратномъ пути въ Россію, рѣшился идти подальше отъ береговъ, и обойти Англію по западную сторону, чтобы избѣгнуть встрѣчи съ Англійскими эскадрами, крейсировавшими въ Каналѣ. Сначала плаваніе нашего флота, при восточномъ вѣтрѣ, было благополучно; но потомъ подулъ съ чрезвычайною силою противный вѣтеръ съ сѣвера. Двадцать семь сутокъ продолжался этотъ злополучный вѣтеръ. Адмиралъ тщетно старался избавиться отъ него въ открытомъ Океанѣ. Корабли, избитые въ сраженіяхъ и остававшіеся три и четыре года безъ починокъ, безъ запасовъ, были всѣ вообще неисправны, иные даже ветхи. Мочный увѣдомилъ, что у него повреждена бизань-мачта. Рафаилъ далъ знать, что онъ терпитъ такое поврежденіе, котораго нельзя исправить въ морѣ. Безпрестанно, то на одномъ, то на другомъ кораблѣ рвало паруса; каждый день перемѣняли или стеньгу или рей. Двадцать-шестаго октября, въ день имянинъ Сенявина, вѣтеръ усилился; мрачныя тучи опустились къ морю; солнце, не задолго показавшееся, имѣло видъ раскаленнаго ядра, окруженнаго черно-багровыми облаками. Въ четыре часа Адмиралъ сдѣлалъ сигналъ распространить линію, приготовиться къ бурѣ и тщательно замѣчать движенія его корабля. Солнце скоро исчезло. Въ пять часовъ наступила ночь непроницаемая. Въ семь часовъ

море закипѣло, и бѣлизна валовъ была единственнымъ свѣтомъ въ темнотѣ. На всѣхъ корабляхъ изорвало паруса. На Адмиральскомъ горѣло нѣсколько фалшфейеровъ, показывалось пламя изъ пушечныхъ жерлъ, но грома выстрѣловъ не было слышно. Въ десятомъ часу небо облилось молніями; ревъ вѣтра, шумъ валовъ, почти заглушали удары громовъ. На одномъ кораблѣ отъ молніи зажглась мачта, и онъ скоро исчезъ въ темнотѣ. Фрегаты съ трескомъ зарывались въ волнахъ, и нижніе пушечные порты ихъ находились въ водѣ. Ужасная борьба стихій отбивала людей отъ работъ; всѣ напрягали послѣднія усилія, ожидая погибели, какъ вдругъ проливной дождь, въ одиннадцатомъ часу, погасилъ молніи и смягчилъ жестокость вѣтра. Если-бъ ураганъ продлился до свѣту; эскадра непремѣнно погибла бы. Сенявинъ не лишился ни одного корабля; но всѣ болѣе или менѣе потерпѣли. Ярославъ не могъ держаться въ морѣ, и просилъ на другой день сигналомъ позволенія идти въ ближайшій портъ. Селафаилъ показалъ, что имѣетъ течь по двадцати шести дюймовъ въ часъ. Ретвизанъ далъ знать, что у него поврежденъ руль, и что онъ не въ состояніи слѣдовать за флотомъ. Сильный потерялъ грота-рей. На Рафаилѣ, гдѣ отъ молніи загорѣлась бизань-мачта, кормовыя обшивныя доски отстали такъ, что корабль, качаясь, черпалъ кормою воду. Между тѣмъ противный вѣтеръ дулъ съ сильными шквалами. Не смѣя болѣе противиться судьбѣ, Сенявинъ, къ общей радости всѣхъ, приказалъ, въ полдень, эскадрѣ спуститься отъ вѣтру и идти въ Лиссабонъ. Еще нѣсколько дней, и онъ не могъ бы безъ сраженія вступить въ Таго,

потому что Сиръ Сидни Смитъ явился вскорѣ съ своимъ флотомъ для блокады столицы Португаліи. Нечаянное прибытіе нашего Адмирала встревожило жителей, тѣмъ болѣе, что союзникъ нашъ, Французскій Маршалъ Жюно, съ тридцати-тысячнымъ войскомъ приближался къ городу, и Принцъ Регентъ готовился уже удалиться въ Бразилію со всѣми своими сокровищами. Опасались, чтобы Сенявинъ, который долженъ былъ, по Тильзитскому миру, содѣйствовать Французамъ, не воспротивился отъѣзду Двора; но онъ не употребилъ во зло священныхъ правъ гостепріимства, и благоразумнымъ поведеніемъ пріобрѣлъ любовь Португальцевъ, своихъ непріятелей. Двадцать-втораго ноября Жюно обнародовалъ въ Лиссабонѣ именемъ Наполеона, что Брагайнскій Домъ пересталъ царствовать въ Португаліи. Считая Лиссабонъ неутральнымъ портомъ для Россійскаго флага, Сенявинъ рѣшился не принимать никакого участія въ дѣлахъ Французовъ и быть во всегдашней готовности отразить нападеніе Смита. Между-тѣмъ, пользуясь хорошимъ расположеніемъ Маршала Жюно, онъ облегчалъ участь Англичанъ, съ давняго времени поселившихся въ Лиссабонѣ, и Сидни Смитъ, котораго вскорѣ смѣнилъ Коттонъ, передалъ своему преемнику доброе мнѣніе о характерѣ нашего Адмирала. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1808 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе Сенявину состоять съ своей эскадрою въ распоряженіи Наполеона. Пламенно любя своего Государя и Отечество, Сенявинъ отвергнулъ свои личныя выгоды, и подъ разными предлогами медлилъ исполнить требованія новаго союзника, который явно хотѣлъ погубить нашъ

флотъ. Сенявинъ починивалъ корабли свои по одиначкѣ. Вскорѣ народная война распространилась во всей Испаніи и пробудила упадшій духъ Португальцевъ. Французскія войска были окружены многочисленными толпами, еще неустроенными, но привыкшими къ огню и бурямъ военнымъ. Жюно, именемъ Наполеона, требовалъ отъ Сенявина морскихъ солдатъ и матросовъ съ его эскадры. Сенявинъ отвѣчалъ, что для защиты чести Россійскаго флага, онъ долженъ быть каждую минуту готовъ отразить нападеніе Англичанъ; и потому, къ крайнему сожалѣнію, не можетъ удѣлить своихъ людей; что малое число ихъ было бы для Жюно безполезно, и вмѣсто помощи, по незнанію языка, сдѣлалось бы только для него обременепіемъ. Жюно, разбитый Англичанами при мѣстечкѣ Валейрѣ, отступилъ къ Лиссабону. Народъ возмутился. Маршалъ принужденъ былъ заключить капитуляцію съ Англійскимъ генераломъ Далримплемъ, по обстоятельствамъ выгодную для Французовъ, которыхъ положено перевезть въ ближайшій портъ ихъ отечества, безъ всякаго условія относительно будущей службы. Португальскія крѣпости сданы Англичанамъ, но Адмиралъ Коттонъ не согласился признать Лиссабонскаго порта неутральнымъ. Эскадра наша была окружена съ моря и сухаго пути превосходными силами. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, Сенявинъ призвалъ Капитановъ кораблей, и потребовалъ ихъ мнѣнія. Они объявили, что согласны слѣдовать всѣмъ его приказаніямъ. Тогда Сенявинъ вступилъ въ переговоры съ Англійскимъ Адмираломъ, и заключилъ съ нимъ, 23 августа, слѣдующій договоръ: 1. «Военные корабли, всего девять и одинъ фрегатъ,

«стоящіе нынѣ на Таго, имѣютъ быть отданы Адми-«ралу Сиръ Карлу Коттону непосредственно, со всѣ-«ми ихъ принадлежностями, какъ нынѣ состоятъ, для «отправленія въ Англію и содержанія ихъ тамъ подъ «сохраненіемъ у Его Британскаго Величества; они «имѣютъ быть возвращены черезъ шесть мѣсяцевъ «по заключеніи мира между Его Британскимъ Величе-«ствомъ и Императоромъ Всероссійскимъ. 2. Вице-Ад-«миралъ Сенявинъ, съ офицерами, матросами и морски-«ми солдатами, находящимися подъ его начальствомъ, «возвратится въ Россію безъ условія и безъ всякаго «постановленія о будущей ихъ службѣ: они будутъ ту-«да отправлены на военныхъ корабляхъ, или на дру-«гихъ приличныхъ судахъ, на иждевеніе Его Британ-«скаго Величества.» На слѣдующій день были прибавлены двѣ дополнительныя статьи: «1. Флаговъ Его Императорскаго Величества на Вице-Адмиральскомъ кораблѣ и другихъ корабляхъ, не спускать, покуда не оставятъ перваго — Адмиралъ, а вторыхъ - Капитаны, съ должными имъ почестями.» «2. По заключеніи мира корабли и фрегатъ будутъ возвращены Его Величеству, Императору Всероссійскому, въ томъ же самомъ состояніи, въ какомъ они нынче сданы (*)». Такимъ образомъ рѣшимости Сенявина, и еще болѣе личному къ нему уваженію непріятеля, обязаны мы были сохране-

(*) За пять кораблей и одинъ фрегатъ, совершенно сгнившіе, Англійское Правительство заплатило такую сумму, чего бы они стоили новые; пушки и годные снаряды привезены на флотѣ нашемъ, возвратившемся изъ Англіи въ 1813 году.

ніемъ эскадры и чести нашего флага. Въ Англіи изъявлено всеобщее неудовольствіе противъ Адмирала Коттона, и хотѣли его отдать подъ судъ. 31 августа Россійская эскадра оставила Лиссабонъ, и въ продолженіе всего плаванія на ней развѣвался Русскій флагъ. Въ Портсмоутѣ офицеры, служившіе съ Сенявинымъ, поднесли ему серебряную вызолоченную вазу, формы Этрурской, съ золотымъ, на крышкѣ, орломъ, который въ одной лапѣ держитъ Турецкую лупу, а другою опирается на щитъ. На послѣднемъ вырѣзана слѣдующая надпись: *Въ память побѣды, одержанной Россійскою эскадрою надъ Турецкимъ флотомъ у острова Лемноса въ Архипелагѣ, 1807 года, іюня 19 дня.* Четыре змѣи, знаменованіе мудрости и вѣчности, извиваясь, составляютъ обѣ ручки вазы, и головами своими поддерживаютъ широкій золотой поясъ, на которомъ начертано: *Поднесена Его Превосходительству, Г. Вице-Адмиралу и кавалеру Дмитрію Николаевичу Сенявину Россійскими офицерами, на эскадрѣ подъ его начальствомъ находившимися, въ изъявленіе своего къ нему усердія, любви и благодарности, 1809 года.* На серединѣ вазы двѣ золотыя вѣтви изъ дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ обвиваютъ, съ одной стороны, золотое изображеніе Государя, съ другой гербъ Сенявина. — Возвратясь въ Петербургъ, 24 сентября 1809 года, Дмитрій Николаевичъ полтора года оставался безъ должности, и 20 апрѣля 1811 былъ опредѣленъ въ Ревель главнымъ Командиромъ Порта; но вскорѣ уволенъ, по прошенію, отъ службы (1813 г.). Съ того времени по самую кончину Императора Александра, Сенявинъ жилъ въ отставкѣ, въ Петербургѣ, вдали

отъ своего семейства и отъ тѣхъ людей, которые смотрятъ обыкновенно на другихъ по погодѣ, ласкаютъ и чествтъ по связямъ или по личнымъ видамъ. Положеніе его было самое стѣсненное: онъ имѣлъ тяжбу, не могъ располагать родовымъ имѣніемъ своимъ, состоявшимъ изъ ста восьмидесяти трехъ душъ въ Калужской губерніи; получалъ только тысячу рублей пенсіи; нуждался во всемъ, особливо въ первые семь лѣтъ; часто употреблялъ въ пищу одинъ щи и кашу; наконецъ значительно задолжалъ и принужденъ былъ издержать на удовлетвореніе заимодавцевъ бо́льшую часть выданныхъ ему, въ 1820 году, призовыхъ денегъ, около трехъ сотъ тысячъ рублей. Однажды, возвращаясь въ домъ свой, увидѣлъ онъ утокъ, шедшихъ также на дворъ, поднялъ прутикъ и началъ загонять ихъ. Въ это самое время проходилъ мимо жившій рядомъ съ нимъ, на Измайловскомъ плацѣ, мыловаръ, поклонился ему и спросилъ съ удивленіемъ: «Что это изволите дѣлать, Ваше Превосходительство?» — *Вспоминаю, любезный сосѣдъ* — отвѣчалъ Адмиралъ — *какъ я гонялъ Турковъ.*» Въ декабрѣ 1825 года, по восшествіи на Престолъ Государя Императора, нынѣ благополучно царствующаго, Сенявинъ снова принятъ былъ въ службу, со старшинствомъ противъ сверстниковъ, и удостоенъ званія Генералъ-Адъютанта. Исполнивъ съ успѣхомъ разныя важныя порученія, Дмитрій Николаевичъ въ день коронаціи былъ пропзведенъ въ полные Адмиралы. Шестаго декабря велѣно ему присутствовать во Второмъ Департаментѣ Правительствующаго Сената. Въ 1827, начальствовалъ онъ надъ эскадрою, которая съ 15 мая

по 22 сентября совершила плаваніе отъ Кронштадта до Портсмоута и обратно. Государь Императоръ три раза посѣщалъ эту эскадру на Кронштадтскомъ рейдѣ, и каждый разъ удостоивалъ Сенявина Своего благоволенія. Ему, сверхъ того, пожаловано изъ Кабинета, передъ отправленіемъ въ море, двадцать пять тысячъ рублей, и, по возвращеніи, алмазные знаки ордена Святаго Александра Невскаго (6 октября). Въ 1828 и 1829 годахъ Дмитрій Николаевичъ ходилъ съ эскадрою до Зунда и обратно, и былъ награжденъ арендою, въ восемь тысячъ рублей серебромъ, на двѣнадцать лѣтъ. Отвыкнувъ отъ морской службы во время продолжительнаго бездѣйствія, онъ получилъ въ послѣдній походъ опухоль въ ногахъ, и вскорѣ открылась въ немъ водяная болѣзнь. Въ 1830 году уволенъ былъ онъ въ отпускъ, на четыре мѣсяца, въ Москву, пользовался тамъ искуственными водами, но онѣ не могли уже возстановить совершенно разстроеннаго здоровья: страданія его продолжались еще нѣсколько мѣсяцевъ, и прекратились, вмѣстѣ съ жизнію, 5 апрѣля слѣдующаго года. Сенявинъ сохранилъ по самую кончину твердую память, и исполнилъ всѣ обряды Православной Церкви. Послѣдняя воля его состояла въ томъ, чтобъ его похоронили просто, безъ всякихъ почестей; чтобы положили тѣло его въ гробъ въ халатѣ и предали землѣ на Охтѣ; но Государь Императоръ пожаловалъ пять тысячъ рублей на его погребеніе, повелѣлъ совершить послѣдній обрядъ съ должными почестями, назначилъ выносъ тѣла изъ Адмиралтейской церкви и Самъ командовалъ войсками. Вторая часть завѣщанія также осталась безъ исполненія, по той

причинѣ, что тогда шелъ ледъ по Невѣ: останки Сенявина покоятся въ храмѣ Благовѣщенія Александроневской Лавры, вблизи любимца славы, Милорадовича, подлѣ К. Я. Булгакова, котораго смерть похитила преждевременно, чтобы соединить въ тѣсныхъ предѣлахъ двухъ друзей. Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ былъ росту высокаго и стройнаго; имѣлъ прекрасныя черты и много пріятности въ лицѣ, на которомъ изображалась доброта души и всегда игралъ свѣжій румянецъ. Наружность его вселяла любовь и почтеніе. Будучи крѣпкаго сложенія, никогда не жаловался онъ на болѣзни, и леченіе его состояло въ домашнихъ, простыхъ средствахъ. Онъ отличался веселымъ, скромнымъ и кроткимъ правомъ; былъ незлопамятенъ и чрезвычайно терпѣливъ; умѣлъ управлять собою; не предавался ни радости ни печали, хотя сердце имѣлъ чувствительное; любилъ помогать всякому; съ строгостью по службѣ соединялъ справедливость; подчиненными былъ любимъ не какъ начальникъ, но какъ другъ, какъ отецъ: они страшились болѣе всѣхъ наказаній — *утраты улыбки*, которою сопровождалъ онъ всѣ приказанія свои и съ которою принималъ ихъ донесенія. Кромѣ того, онъ былъ исполненъ преданности къ Престолу и дорожилъ всѣмъ Отечественнымъ. Въ обществахъ Сенявинъ былъ любезенъ и привѣтливъ. Съ основательнымъ умомъ онъ соединялъ острый, непринужденный разговоръ; зналъ языки Нѣмецкій, Французскій, Англійскій и Италіянскій, но не говорилъ ни на одномъ изъ нихъ, и съ иностранцами всегда объяснялся посредствомъ переводчика. О неустрашимости Сенявина можно судить по слѣдующему

случаю, сохраненному Г. Свиньинымъ: «Въ 1788 году, когда Россійская эскадра, подъ начальствомъ Контръ-Адмирала Графа Войновича, на Черномъ Морѣ потеряла мачты отъ жестокой бури, и корабль Крымъ потонулъ, Адмиральскому кораблю Преображеніе Господне предстояла такая же участь: онъ былъ полонъ воды и погружался безпрестанно въ море. Всѣ ждали конца и неизбѣжной смерти, предавались отчаянію и не хотѣли ничего дѣлать. Матросы надѣвали бѣлыя рубашки. Сенявинъ, видя, что его уже не слушаютъ, самъ взялъ топоръ, взлѣзъ на верхъ и обрубилъ ванты, которыя держали упавшія мачты и этимъ увеличивали опасность корабля. Примѣръ его неустрашимости сильно подѣйствовалъ на другихъ; лучъ надежды блеснулъ въ сердцахъ; всѣ принялись за работу. Тогда Сенявинъ спустился въ трюмъ, который былъ наполненъ водою, и хотя насосы не могли уже дѣйствовать и отливаться, онъ умолялъ однакожъ матросовъ не унывать и надѣяться на помощь Божію; собиралъ вмѣстѣ съ ними кадки, ушаты и всякаго роду посуду, которою можно было черпать; трудился неутомимо три часа; исправилъ нѣсколько насосовъ, и привелъ воду въ такое положеніе, что она начала убавляться; корабль былъ спасенъ.» Но при всѣхъ добродѣтеляхъ, Сенявинъ имѣлъ также и слабости: не терпѣлъ старшихъ, любилъ игру и часто проигрывалъ значительныя суммы: тогда умѣлъ онъ казаться веселымъ; если же фортуна улыбалась ему — странно сказать — онъ былъ недоступенъ, угрюмъ и брюзгливъ въ пріятельскомъ кругу. Сенявинъ вступилъ въ бракъ, въ 1797 году, съ дочерью Австрійскаго Гене-

ральнаго Консула въ Яссахъ Разоровича, Терезою Ивановною, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей и трехъ дочерей: одна изъ нихъ умерла въ малолѣтствѣ. Старшій сынъ, Николай, былъ Полковникомъ, командовалъ тридцатымъ егерскимъ, и скончался отъ простуды, вскорѣ послѣ отца, на тридцать-четвертомъ году отъ рожденія. Младшій, Левъ, по причинѣ слабаго здоровья, вышелъ въ отставку Подпоручикомъ, и умеръ въ 1830 году. Изъ дочерей Сенявина, Марія вышла за-мужъ за Коллежскаго Совѣтника Волкова, а Александра за Надворнаго Совѣтника Станкевича. Государь Императоръ пожаловалъ вдовѣ его пенсію въ десять тысячъ рублей и повелѣлъ заплатить казенный долгъ его, простиравшійся до тридцати тысячъ.

СЕРАФИМЪ ГЛАГОЛЕВСКІЙ, во Святомъ крещеніи Стефанъ, сынъ сельскаго дьячка, Іерархъ достопамятный въ Исторіи нашей, Церковной и Гражданской, родился въ Калужской губерніи, 1757 года. Принадлежа къ Духовному званію, онъ обучался сначала въ Московской Академіи, гдѣ прилежаніемъ, остротою ума и быстрыми успѣхами въ наукахъ, заслужилъ вниманіе Митрополита Платона; потомъ былъ учителемъ высшаго грамматическаго класса, также Исторіи и Риторики въ Троицкой Семинаріи, и слушалъ лекціи въ Московскомъ Университетѣ, пользуясь покровительствомъ Новикова. Товарищами его были: Матвѣй Десницкій (въ послѣдствіи Михаилъ, Митрополитъ Новгородскій и С. Петербургскій), Сандуновъ, Сохацкій и М. П. Снегиревъ (*). Здѣсь Глаголевскій усовер-

(*) Профессоры Московскаго Университета.

шествовалъ себя въ Латинскомъ и Отечественномъ языкахъ и познакомился съ Французскою и Нѣмецкою Литературами. Онъ желалъ вступить въ гражданскую службу, но Митрополитъ Платонъ склонилъ его принять монашескій санъ, и на тридцатомъ году, Серафимъ (имя, данное ему при постриженіи, соотвѣтствовавшее красивой его наружности) былъ рукоположенъ въ Іеромонахи (1787 г.). Тогда онъ началъ преподавать Риторику въ Московской Духовной Академіи, которой, черезъ два года (1789 г.), именованъ Префектомъ. Въ 1795 году Серафимъ произведенъ въ Архимандриты Можайскаго Лужецкаго монастыря и вызванъ въ С. Петербургъ, для священнослуженія и проповѣди Слова Божія. Вслѣдъ за тѣмъ Митрополитъ Платонъ перевелъ его (въ 1798 году) въ Московскій Заиконоспаскій Ставропигіальный монастырь Настоятелемъ, гдѣ Серафимъ преподавалъ Богословіе. Вскорѣ онъ долженъ былъ (1799 г.) во второй разъ отправиться въ С. Петербургъ. Тамъ, въ присутствіи Императора Павла I-го, приготовился онъ сказать на-изусть проповѣдь, вышелъ изъ алтаря, и отъ смущенія не могъ говорить. Государь приказалъ Серафиму возвратиться въ Москву (*). Горестно явился любимецъ Платона къ своему благодѣтелю; но онъ оправдалъ его въ драгоцѣнномъ мнѣніи Монарха, и желая совершенно успокоить Серафима, въ томъ же году (25 декабря) доставилъ ему санъ Епископа Дми-

(*) Сообщено мнѣ другомъ моимъ, Г. Профессоромъ Московскаго Университета Иваномъ Михайловичемъ Снегиревымъ.

тровскаго, Викарія Митрополіи Московской. Серафимъ въ день вѣнчанія Императора Александра на Царство (1801 г.) удостоился получить орденъ Св. Анны первой степени, и встрѣтилъ Государя у Архангельскаго Собора, гдѣ почиваютъ останки Царей, *какъ будто въ предозначеніе судебъ Божіихъ, что будетъ*, потомъ, *препровождать и Его самого въ вѣчность* (*)! Три года исправлялъ онъ должность Викарія, которую передалъ, въ началѣ 1804 года, другому любимцу Митрополита, Августину, гремѣвшему уже на Каѳедрѣ нашей даромъ и силою слова, въ чемъ Серафимъ, при всѣхъ достоинствахъ, долженъ былъ уступить ему первенство. Съ большимъ прискорбіемъ, но съ совершенною покорностію, отправился Святитель въ Вятскую Паству. Пребываніе его тамъ было непродолжительно: въ слѣдующемъ 1805 году (7 іюля) его перевели въ Смоленскъ. Въ этомъ городѣ Серафимъ произнесъ (1806 г.) собранной Милиціи краснорѣчивое, назидательное слово, которымъ одушевилъ воиновъ на защиту любезнаго Отечества. Въ 1812 году (7 февраля), передъ самымъ нашествіемъ Наполеона, перемѣщенъ онъ въ Минскъ, съ пожалованіемъ въ Архіепископы. Въ бѣдственное время, Серафимъ принужденъ былъ оставить новую Епархію, и удалился въ С. Петербургъ, гдѣ Высочайше велѣно ему присутствовать въ Святѣйшемъ Сунодѣ и Коммисіи Духовныхъ Училищъ. Вскорѣ (30 августа 1814

(*) См. Слово, произнесенное Игнатіемъ, Архіепископомъ Донскимъ, въ Новочеркаскомъ Соборѣ, въ годичную память Митрополита Серафима.

года) наименованъ онъ Членомъ Святѣйшаго Сунода и получилъ въ управленіе Тверскую Епархію. *Отличное служеніе Церкви и Христіанскія добродѣтели, украшавшія жизнь его* (*) доставили ему, 9 марта 1816 года, орденъ Св. Александра Невскаго, а въ 1817 году алмазный крестъ, для ношенія на клобукѣ. Исполнилось надъ нимъ давнишнее предсказаніе Митрополита Платона, Іерарха прозорливаго: *что онъ достигнетъ Митрополіи* (**): въ 1819 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, по кончинѣ Архіепископа Августина, Серафимъ пожалованъ Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, также Архимандритомъ Сергіевской Лавры. Вскорѣ (16 іюля 1820 года) Императоръ Александръ прибылъ въ Москву. Громкія и радостныя восклицанія народа сопровождали Монарха до Успенскаго Собора. Здѣсь привѣтствовалъ Его Митрополитъ Серафимъ слѣдующею прекрасною рѣчью:

«Августѣйшій Императоръ,

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Священная Исторія повѣствуетъ намъ, что предъ «Александромъ Великимъ *умолкла* вся *земля* (***); но «предъ Тобою, Александръ Благословенный! восклицаетъ она въ радостномъ восторгѣ, и восклицаетъ «непрестанно. Что же причиною сихъ ея восклицаній?

(*) Слова Высочайшаго рескрипта.

(**) Сообщено Г. Профессоромъ Снегиревымъ.

(***) I Маккав., I, 3.

«Любовь, общая къ Тебѣ любовь всѣхъ народовъ, но «чистосердечнѣйшая и горячайшая, паче всѣхъ ихъ, «любовь къ Тебѣ вѣрноподданныхъ Твоихъ, чувствующихъ въ полной мѣрѣ всѣ Твои благодѣянія, всѣ «Твои милости. — Сею то любовію, мы, счастливые «первопрестольнаго града Твоего жители, срѣтаемъ «Тебя днесь; сею то любовію всегда сопровождаемъ «Тебя; и гдѣ Ты, тамъ вездѣ съ Тобою и сердце «наше, которое истаяваетъ въ пламенныхъ желаніяхъ, «чтобы Ты, Царь и Отецъ нашъ! всегда любилъ насъ, «и которое все изливается въ искреннѣйшихъ ко Все«вышнему моленіяхъ, чтобы Онъ сохранилъ Тебя, для «блага Россіи и всѣхъ концевъ земли, здрава и не«вредима до позднѣйшихъ временъ; *сохранилъ* бы «Тебя, яко *зеницу ока* Своего, и далъ бы Тебѣ всѣ «*желанія сердца* Твоего!»

Не долго Серафимъ управлялъ Московскою Паствою, которая радовалась его возвращенію: Митрополія Новгородская, С. Петербургская, Эстляндская и Финляндская была ему предоставлена въ 1821 году, вмѣстѣ съ Архимандріею Александроневской Лавры, званіемъ первенствующаго Члена Святѣйшаго Синода и Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. Императоръ Александръ въ рескриптѣ Своемъ изъяснился: «что Онъ увѣренъ «въ готовности его служить вездѣ, куда бы ни былъ «призванъ.» — Обширный кругъ обязанностей, возложенныхъ Монархомъ на Серафима, дѣйствительно, не ослабилъ всегдашней дѣятельности его и рвенія къ пользамъ Церкви и ввѣреннаго ему стада: онъ продолжалъ и въ новомъ мѣстѣ служенія заниматься благоустройствомъ обителей и храмовъ; избраніемъ до-

стойныхъ Священниковъ; увеличеніемъ окладовъ духовныхъ училищъ; жертвовалъ собственными доходами въ пользу неимущихъ воспитанниковъ, сиротъ и нуждавшихся въ необходимомъ. Бѣдные толпились у его дома, гдѣ царствовала пиѳическая простота, и никогда не оставались безъ вспомоществованія. Такъ проводилъ время Первосвятитель, скромный на верху величія, кроткій, терпѣливый; но вмѣстѣ, когда требовали обстоятельства, смѣлый, твердый, рѣшительный, врагъ лести, лицемѣрія, любитель правды, другъ людей. Бесѣда Серафима соотвѣтствовала его образу жизни: онъ со всѣми обходился одинаково, не искалъ ни въ комъ, и такимъ образомъ давалъ еще бо́льшій вѣсъ своему значенію, словомъ и дѣломъ являя въ себѣ достойнаго Пастыря Церкви. Черезъ два года по прибытіи Митрополита въ С. Петербургъ, Императоръ Александръ препроводилъ къ нему, 21 апрѣля 1823 года, орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, при слѣдующемъ милостивомъ рескриптѣ:

«Преосвященный Серафимъ, Митрополитъ Новго-
«родскій и С. Петербургскій!

«Долговременное служеніе ваше Церкви и Отече-
«ству, неусыпные труды, подъемлемые вами къ утвер-
«жденію истиннаго Христіанскаго благочестія во ввѣ-
«ренной попеченію вашему Духовной Паствѣ, а вмѣ-
«стѣ съ тѣмъ ревностное исполненіе обязанностей по
«званію первенствующаго Члена Святѣйшаго Синода,
«пріобрѣтаютъ право на Монаршую Нашу признатель-
«ность. Желая ознаменовать заслуги ваши, признали
«Мы справедливымъ сопричислить васъ къ ордену Св.
«Андрея Первозваннаго, знаки коего, при семъ пре-

«провождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя «и носить по установленію.

«Пребываемъ Императорскою Нашею милостію вамъ «благосклонны

Александръ.»

Эта почетная награда была послѣдняя, полученная Митрополитомъ Серафимомъ отъ сего Монарха. Маститый Іерархъ не могъ воображать, чтобы Александръ, котораго онъ, въ лѣтахъ возмужалыхъ и въ санѣ Епископа, привѣтствовалъ въ день Священнаго Коронованія, когда юность и красота ручались за долголѣтіе Вѣнценосца, предупредилъ его переходомъ въ вѣчность!... Еще надежда, подкрѣпляемая вѣрою, поддерживала, въ горестное время, Августѣйшее Семейство, какъ 14 декабря (1825 г.) Духовенство и первые Сановники собрались во Дворецъ, для принесенія вѣрноподданической присяги Императору Николаю I; два Митрополита, Серафимъ и Евгеній, Кіевскій, находились уже въ полномъ облаченіи — вдругъ новое, неожиданное событіе остановило торжественный обрядъ, и Государь приказалъ Первосвятителямъ поспѣшить на Адмиралтейскую площадь, для увѣщанія дерзкихъ мятежниковъ, которыми предводительствовала шайка молодыхъ вольнодумцевъ, упоенныхъ страстію къ безпачалію. Безтрепетно явились на мѣсто постыднаго сборища два Іерарха, имѣвшіе въ защиту свою изображеніе Распятаго. Серафимъ твердымъ голосомъ говорилъ безумцамъ о Богомерзскомъ ихъ поступкѣ; слова Пастырей смягчили воиновъ, вовлеченныхъ въ обманъ: они начали лобызать крестъ

Господень, и въ минуту торжества вѣры, начальники безвѣрія неистовымъ крикомъ разрушили водворявшійся порядокъ. Съ отчаяніемъ въ сердцахъ удалились Святители отъ упоенныхъ вином и нечестіемъ... Этотъ достопамятный день омраченъ въ нашихъ Лѣтописяхъ пятномъ, но оно падетъ на главы певѣрныхъ, къ вѣчному ихъ поношенію.— 25 декабря Митрополитъ Серафимъ удостоился получить отъ Императора слѣдующій лестный рескриптъ:

«Преосвященнѣйшій Митрополитъ Новгородскій и «С. Петербургскій Серафимъ!

«Подвигъ вашъ въ 14 день сего декабря, когда вы «съ ревностію, достойною Архипастырскаго сана ва«шего, не щадя живота своего, лично предстали предъ «толпу возставшихъ противъ Законной Власти, и «гласомъ кроткихъ убѣжденій тщились преклонить за«блудшихъ сихъ овецъ къ повиновенію, обратилъ Мое «на васъ вниманіе. Въ засвидѣтельствованіе онаго и «въ знакъ признательности Моей за то, жалую вамъ «украшенную брилліантами панагію, у сего препрово«ждаемую. Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю «вамъ всегда доброжелательный.

Николай.»

Въ 1826 году, 22 августа, Митрополитъ Серафимъ вѣнчалъ на Царство Императора Николая I-го и имѣлъ счастіе привѣтствовать Его рѣчью. Въ тотъ день пожалованъ ему брилліантовый крестъ, въ три тысячи рублей серебромъ. Довѣренность и уваженіе Государя къ достойному Іерарху продолжались неизмѣнно. Въ 1831 году, во время свирѣпствовавшей

въ С. Петербургѣ холеры, когда всѣ считали эту болѣзнь прилипчивою, Митрополитъ Серафимъ выходилъ увѣщевать и утѣшать народъ. Побуждаемый строгимъ исполненіемъ своего долга, онъ не помышлялъ тогда ни о какихъ наградахъ; но справедливый Монархъ препроводилъ къ нему (19 апрѣля) алмазные знаки ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, въ возмездіе: *долговременнаго служенія его въ званіи Архипастыря, всегда сопровождаемаго усердіемъ къ Церкви, ревностію ко благу общему и многими трудами, безпрерывно продолжаемыми и въ преклонныхъ лѣтахъ.* Не доставало Первосвятителю одного только украшенія, соотвѣтствовавшаго полезной и долговременной службѣ его—ордена Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра: онъ получилъ и этотъ почетный знакъ отличія 30 мая 1835 года: *за многолѣтнее служеніе въ званіи первенствующаго Члена Святѣйшаго Синода, всегда ознаменованное ревностнымъ попеченіемъ о пользахъ Православныя Церкви и живѣйшею приверженностію къ Престолу.* «Сіи достоинства» — упомянулъ Государь въ Своемъ рескриптѣ — «пріобрѣли вамъ особенное «уваженіе въ Богѣ почивающаго Императора Але«ксандра Благословеннаго и снискали совершенную «Мою признательность.» — Въ заключеніе, Государь *изъявлялъ искреннее желаніе да Небесный Пастыреначальникъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ укрѣпитъ и на грядущее время силы его къ понесенію новыхъ трудовъ ко благу Отечественной Церкви* (*). Между

(*) Митрополитъ Серафимъ, до полученія ленты С. Владиміра, не имѣлъ этого ордена.

тѣмъ здоровье маститаго Іерарха, среди безпрерывныхъ занятій, видимо слабѣло; силы и память измѣняли ему; онъ желалъ и просилъ увольненія; но 26 марта 1839 года удостоенъ новаго знака Монаршаго вниманія, при слѣдующемъ милостивомъ рескриптѣ:

«Преосвященный Митрополитъ Новгородскій и «Санктпетербургскій Серафимъ!

«Среди успѣховъ Православія, коими Всевышній съ «непзрѣченною милостію благословляетъ Отечество на«ше, Я постоянно видѣлъ въ васъ истиннаго ревните«ля древнихъ уставовъ Святыя Вѣры, равно какъ и «все многолѣтнее духовное поприще ваше ознаменова«но было непрерывнымъ попеченіемъ блюсти въ сло«весномъ стадѣ Христовомъ чистоту ученія Вселен«ской Церкви. Усердно желая вамъ свыше новыхъ «силъ къ столь полезнымъ и Церкви и Отечеству по«двигамъ, Я вмѣняю Себѣ въ удовольствіе почтить «ваши труды новымъ доказательствомъ Моего благо«воленія. Пріимите осыпанный алмазами посохъ, въ «знакъ отличнаго вниманія Моего къ пастырямъ, право «правящимъ слово Господней истины.

«Поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю всегда вамъ благосклонный

Николай.»

Въ 1839 году постигло восьмидесяти-двухъ-лѣтняго Іерарха, къ чувствительному огорченію жителей, неожиданное событіе: въ половинѣ августа мѣсяца, когда Митрополитъ, въ обыкновенное время, вышелъ къ просителямъ, одинъ изъ нихъ, крестьянинъ пожилыхъ лѣтъ, вдругъ бросился на него и ударилъ дряхлаго

Старца кулакомъ по плечу съ такою силою, что Серафимъ пошатнулся, но его успѣли поддержать. Прошелъ испугъ, и Святитель, не изъявивъ ни малѣйшей досады, молчаливо удалился во внутреннія комнаты; потомъ, успокоившись, поѣхалъ въ Святѣйшій Синодъ. — Крестьянинъ этотъ, исполненный духа изувѣрія, былъ немедленно представленъ въ Полицію. Митрополитъ еще годъ продолжалъ священнодѣйствовать; но въ 1841 году изнемогъ совершенно и жилъ только воспоминаніемъ прошедшаго. Предметомъ любимаго разговора его съ приближенными былъ *отецъ и благодѣтель* — такъ именовалъ Серафимъ Митрополита Платона. Благодарность сопутствовала ему при самомъ переходѣ его въ вѣчность. Тихо почилъ онъ, 17 января 1843 года, на 86 отъ рожденія и 44 Архіерейства. 24 числа совершилось, въ Александро-Невской Лаврѣ, погребеніе его, которое почтилъ Государь Императоръ Своимъ присутствіемъ. — Митрополитъ Серафимъ Глаголевскій, Дѣйствительный Членъ Императорской Россійской Академіи (съ 10 мая 1819 года) и многихъ Россійскихъ и иностранныхъ ученыхъ Сословій, Президентъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, средняго роста, въ лѣтахъ возмужалыхъ статный, красивой наружности; почтенный въ глубокой старости не одѣми сѣдинами и высокимъ званіемъ, но также благочестивою, строгою жизнію, Христіанскими добродѣтелями и знаменитыми заслугами, терпѣливый, милосердный, великодушный, часто благодѣтельствовавшій даже врагамъ своимъ, почитался знатокомъ Русскаго, Латинскаго и Французскаго языковъ. Въ 1789 году, будучи Іеромона-

хомъ, онъ издалъ: *Цвѣтъ чистаго Латинскаго языка* (*). Немногія изъ напечатанныхъ его проповѣдей обнаруживаютъ основательность мыслей, большую начитанность и чистый слогъ, показывающій глубокое изученіе Отечественнаго языка. Привѣтственная рѣчь Императору Александру I-му заслуживаетъ стоять на ряду съ образцовыми произведеніями нашихъ Духовныхъ Ораторовъ. Имя Серафима украшаетъ Россійскій переводъ *Евангелія* и *Псалтыри*. Онъ участвовалъ также въ исправленіи уставовъ Духовной Академіи и всѣхъ духовныхъ училищъ, будучи избранъ оною, въ санѣ Архіепископа Минскаго, Докторомъ Богословія. — Ничто не изображаетъ такъ вѣрно характера людей, какъ анекдоты объ нихъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько о Митрополитѣ Серафимѣ: отецъ его — какъ упомянуто въ началѣ этой біографіи — былъ дьячкомъ, потомъ Священникомъ, но за невоздержаніе отрѣшенъ отъ мѣста. Не смотря на его слабость и безпокойный нравъ, Серафимъ жилъ вмѣстѣ съ нимъ и всегда оказывалъ къ нему рѣдкое въ нашъ вѣкъ снисхожденіе и терпѣніе. Въ Смоленскѣ одинъ Священникъ не хотѣлъ похоронить бѣднаго рыбака, потому что вдова не могла заплатить ему требуемыхъ имъ денегъ за отпѣваніе. Серафимъ, узнавъ это, самъ отпѣлъ бѣдняка, принудилъ Священника взять съ своего Архіерея плату за участіе въ совершеніи отпѣванія и помогъ вдовѣ, также дѣтямъ ея. Въ Тверп онъ торжественно просилъ прощенія у Священника, оскорбленнаго имъ понапрасну, ибо принялъ его за дру-

(*) Flores linguae Latinae.

гаго, заслужившаго выговоръ (*). Въ Москвѣ, въ Высокоторжественный день, передъ обѣденнымъ столомъ у Военнаго Генералъ-Губернатора, обратился къ Митрополиту одинъ отставный Генералъ, временъ Екатерины II-й, съ вопросомъ: «которому изъ Завѣтовъ «должно отдать преимущество, Ветхому или Новому?» — «Какъ угодно, чтобы я отвѣчалъ Вашему Превосхо- «дительству» — возразилъ Серафимъ — «по Богословски «или запросто?» — «Я человѣкъ военный» — продолжалъ Генералъ — «и предпочитаю простое изъясне- «ніе книжному.» — «И такъ отвѣтствуйте мнѣ» — произнесъ Серафимъ — «какой прекрасной картинѣ «извѣстнѣйшаго Художника не предшествовалъ пре- «красный эскизъ, имѣющій также большое достои- «ство? Эскизъ — Ветхій Завѣтъ, картина — Новый (*).» На одномъ экзаменѣ, въ присутствіи Митрополита, завели разговоръ о жизни Св. Пророка Иліи; ссылались на нѣкоторыхъ изъ новыхъ Филологовъ, которые утверждаютъ, будто этому Пророку приносили въ пустынѣ пищу не враны, но Арабы. Начался споръ о смыслѣ и значеніи Еврейскаго текста. — «О чемъ «вы спорите?» — произнесъ Серафимъ — «Развѣ «не все равно, что вороны, что Арабы? И тѣ и «другіе одинаково черны.» — Это острое замѣчаніе, сдѣланное Святителемъ съ намѣреніемъ прекратить

(*) Эти два анекдота сообщены Иваномъ Михайловичемъ Снегиревымъ. Б. К.

(**) Передано мнѣ покойнымъ Оберъ-Камергеромъ, Княземъ Яковомъ Ивановичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ, который былъ свидѣтелемъ этого разговора. Б. К.

неумѣстный разговоръ, напоминаетъ намъ другое, которое вырвалось изъ правдивыхъ устъ его еще въ лѣтахъ возмужалыхъ, когда онъ находился въ С. Петербургѣ для священнослуженія: одинъ ученый Профессоръ доказывалъ своимъ ученицамъ, также на экзаменѣ, въ присутствіи Императрицы, *что благоденствіе Государства основывается на мореплаваніи.* «Какъ, милостивый государь» — вопросилъ его Серафимъ — «вы основываете благоденствіе народа на «водѣ, а не на Религіи, которая есть твердая его «основа?»

Митрополитъ Серафимъ, въ долговременное служеніе свое взысканный милостями двухъ Монарховъ, сдѣлалъ, передъ кончиною, слѣдующее назначеніе полученнымъ имъ наградамъ: большую золотую медаль, выбитую по случаю кончины Государя Императора Александра I-го, золотый посохъ, осыпанный алмазами; брилліантовую панагію, пожалованную въ 1825 году; брилліантовый крестъ, оцѣненный въ три тысячи рублей серебромъ, и крестъ изумрудный, украшенный брилліантами, данный ему Государемъ Императоромъ, нынѣ благополучно Царствующимъ, при обрученіи Великой Княгини Маріи Николаевны—завѣщалъ С. Петербургской Архіерейской Ризницѣ. Брилліантовые знаки ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго были возвращены въ Кабинетъ, а препровожденныя за нихъ деньги взнесены въ Сохранную Казну: *въ пользу бѣдныхъ учениковъ Новгородской Семинаріи.* — Два креста брилліантовые, украшавшіе клобуки, также обращены на деньги, которыя отосланы въ Опекунскій Совѣтъ: *въ пользу*

бѣдныхъ Духовнаго званія С. Петербургской Епархіи.—Брилліантовую панагію, съ короною, даръ Государя Императора при муропомазаніи Цесаревны и Великой Княгини Маріи Александровны, *завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ.* — Четыре драгоцѣнные креста: брилліантовый, пожалованный Императоромъ Александромъ I при муропомазаніи Великой Княгини Елены Павловны; изумрудный, осыпанный брилліантами, полученный отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны; топазовый, украшенный брилліантами, отъ Великаго Князя Михаила Павловича, и рубиновый, осыпанный брилліантами, отъ Великой Княгини Елены Павловны, отданы въ Сергіевскую Лавру, въ Архіерейскія ризницы: Новгородскую и Тверскую, и въ Новгородскій Архіерейскій домъ. Три брилліантовые собственные Митрополита Серафима креста отосланы въ Калужскій и Новгородскій Епархіальные Архіерейскіе дома и въ Иверскій монастырь, которому также завѣщалъ золотой крестъ съ Животворящимъ древомъ, подаренный Іерусалимскимъ Патріархомъ Поликарпомъ. Яхонтовый свой крестъ отдалъ въ Вяжецкій монастырь, а пять панагій, по завѣщанію, разосланы въ Архіерейскія ризницы: Калужскую, Смоленскую и Новгородскую, въ Хутынскій монастырь и въ Новгородскій Архіерейскій домъ. Послѣдняя, брилліантовая, была ему подарена Московскимъ Митрополитомъ Платономъ. — Тайныя благотворенія, извѣстныя только Сердцевѣдцу и облагодѣтельствованнымъ, остались сокрытыми отъ людей.

Останки Митрополита Серафима преданы землѣ въ Невской Лаврѣ, въ церкви Сошествія Св. Духа, съ

правой стороны, подъ мѣстнымъ образомъ Спасителя Іисуса Христа.

СИЛЬВЕСТРЪ (въ монашествѣ *Спиридонъ*), Іерей, вызванъ былъ въ Москву (1547 г.) Митрополитомъ Макаріемъ, какъ мужъ примѣрнаго благочестія, добродѣтельный, для наставленія юнаго Царя Іоанна IV-го. Тогда семнадцати-лѣтній Самодержецъ давалъ волю пылкой, безпокойной душѣ своей; не удерживалъ порывы сильнаго гнѣва; предавался шумной праздности, забавамъ грубымъ, неблагочинным; игралъ милостями и опалами. Явился Сильвестръ и встрѣтилъ Іоанна съ подъятымъ, угрожающимъ перстомъ; убѣдительнымъ гласомъ возвѣстилъ ему, *что судъ Божій гремитъ надъ главою Царя легкомысленнаго и злострастнаго; что огнь Небесный* (упомнная о пожарахъ Московскихъ) *испепелилъ столицу; что сила Вышняя волнуетъ народъ и ліетъ фіалъ гнѣва въ сердца людей.* Раскрывъ Святое Писаніе, онъ указалъ Іоанну правила, данныя Вседержителемъ сыну Царей земныхъ; заклиналъ его быть ревностнымъ исполнителемъ сихъ уставовъ; представилъ ему — по словамъ Курбскаго -даже какія то страшныя видѣнія, потрясъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ, умомъ юноши, и произвелъ чудо: Іоаннъ сдѣлался инымъ человѣкомъ; обливаясь слезами раскаянія, простеръ десницу къ наставнику вдохновенному; требовалъ отъ него силы быть добродѣтельнымъ, и пріялъ оную. Сильвестръ, въ званіи Придворнаго Священника Благовѣщенскаго Собора, сталъ у трона, чтобы утверждать, ободрять юнаго Вѣнценосца на пути исправленія; заключилъ тѣсную

дружбу съ любимцемъ Іоанновымъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Адашевымъ, добродѣтельнымъ молодымъ человѣкомъ; присоединилъ къ священному союзу не только благонамѣреннаго Митрополита, но и всѣхъ Сановниковъ, опытныхъ, усердныхъ къ Отечеству и прежде отгнаемыхъ. Онѣмѣли при Дворѣ ласкатели и шуты; загражданись въ Думѣ уста навѣтникамъ и козлодѣямъ; только правда могла быть откровенною. Мудрая умѣренность, человѣколюбіе, духъ кротости и мира сдѣлались правиломъ для Царской власти. Не многіе изъ прежнихъ Царедворцевъ, самые злѣйшіе, были удалены; другихъ обуздали или исправили. Но во время важной этой перемѣны, ознаменованной потомъ обнародованіемъ *Судебника* или второй *Русской Правды*, *Уставными Грамотами*, разными Церковными учрежденіями, перемиріемъ съ Литвою, знаменитымъ походомъ на Казань, покореніемъ Царства — многіе питали тайное неудовольствіе къ главному совѣтнику Іоаннову, не могли равнодушно видѣть правленіе Церкви и Думы въ рукахъ простаго Іерея: ибо (по словамъ Лѣтописца) Сильвестру не доставало только сѣдалища Царскаго и Святительскаго: онъ указывалъ и Вельможамъ и Митрополиту, и Судьямъ и Воеводамъ, мыслилъ, а Царь дѣлалъ. Въ 1553 году постигла Іоанна тяжкая болѣзнь: онъ желалъ, чтобъ присягнули сыну его Димитрію, находившемуся тогда въ колыбели. Возникли двѣ партіи: одна, управляемая Адашевымъ, безпрекословно повиновалась волѣ Самодержца; другая, страшась послѣдствій правленія родственниковъ Царицы, во время малолѣтства Димитрія, явно дѣйствовала въ пользу двоюроднаго брата Іоаннова,

Князя Владиміра Андреевича. Къ послѣдней тайно присталъ Сильвестръ, который съ Іоанномъ терялъ политическое бытіе свое, соглашалъ личное властолюбіе съ пользою Государственною. Опасная болѣзнь миновалась: Іоаннъ всталъ съ одра, и хотя продолжалъ уважать мудраго наставника, но, сомнѣваясь уже въ личной его привязанности, по внушеніямъ Царицы и нѣкоторыхъ недоброжелателей, простылъ въ любви къ нему. Бесѣда съ бывшимъ Епископомъ Коломенскимъ Вассіаномъ еще болѣе растлила душу Монарха. Сильвестръ продолжалъ однакожъ наставлять Царя, и Царство Астраханское увеличило (1554 г.) завоеванія его. Россіяне опустошили потомъ Ливонію (которой войнѣ противились Адашевъ и Сильвестръ), Курляндію и западную часть Тавриды (1559 г.). Между тѣмъ завистники дѣйствовали; пользуясь подозрительнымъ нравомъ Самодержца, внушали ему, что Адашевъ и Сильвестръ хитрые лицемѣры; что они желаютъ присвоить себѣ успѣхи, славу его царствованія, съ умысломъ противятся его мудрымъ предначертаніямъ, опаснымъ для ихъ властолюбія. Холодность Государева къ любимцамъ явно обнаружилась (1560 г.): Адашевъ, именованный Воеводою, поѣхалъ въ Ливонію; Сильвестръ, отъ чистаго сердца давъ благословеніе Государю, заключился въ Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ, принялъ тамъ монашескій чинъ съ переименованіемъ въ *Спиридоны*, и благочестіемъ своимъ и кротостію удивлялъ иноковъ. Въ это время скончалась Царица Анастасія, и кончились съ нею счастливые дни Іоанна. Клеветники воспользовались симъ случаемъ для довершенія удара изгнанникамъ: увѣрили огорченнаго Монар-

ха, *что Царицу извели Сильвестръ и Адашевъ, ея враги тайные и чародѣи.* Государь велѣлъ судить ихъ заочно. Тщетно Митрополитъ Макарій и добросовѣстные Вельможи представляли Царю, что надобно призвать и выслушать судимыхъ: *сонмъ губителей*— по выраженію Курбскаго—взялъ верхъ: рѣшено, *что обвиняемые виновны.* Іоаннъ умѣрилъ казнь ссылкою Спиридона на дикій островъ Бѣлаго Моря, въ уединенную Обитель Соловецкую: тамъ скончался этотъ достопамятный мужъ, обезсмертившій имя свое въ Отечественной Исторіи! Послѣ него сохранилось нѣсколько поученій, изъ коихъ особенно замѣчательно утѣшительное посланіе, писанное имъ около 1556 г. къ Боярину и Намѣстнику Казанскому, Князю Александру Борисовичу Горбатому-Шуйскому. Оно находится въ Новгородской Софійской библіотекѣ. Сынъ Сильвестра, *Анфимъ*, остался *на свободѣ* — какъ упоминаетъ Царь Іоаннъ Васильевичь въ посланіи къ Курбскому. Ему только было запрещено являться на глаза Царю.

СИЛЬВЕСТРЪ МЕДВѢДЕВЪ, во Св. крещеніи Симеонъ, родился въ Курскѣ и служилъ тамъ подъячимъ. Отъ природы краснорѣчивый, исполненный ума остраго, обогащеннаго чтеніемъ, съ правомъ честолюбивымъ, онъ видѣлъ, что гражданская служба его, вдали отъ столицы, не проложитъ ему дороги къ возвышенію, и рѣшился вступить въ монашество. Въ Москвѣ, Медвѣдевъ явился къ Іеромонаху Симеону Полоцкому, воспитателю Царя Ѳеодора Алексѣевича, и вкрался въ сердце сего ученаго, имѣвшаго большое

значеніе при Высочайшемъ Дворѣ, похвалою его стихотворныхъ и драматическихъ произведеній (давно въ наше время забытыхъ); вызвался быть его ученикомъ въ поэзіи. Посредствомъ Полоцкаго, Медвѣдевъ, въ монашествѣ *Сильвестръ*, названованъ Строителемъ и Настоятелемъ Московскаго Заиконоспаскаго монастыря. Первый шагъ былъ сдѣланъ; но возникшее несогласіе между Патріархомъ Іоакимомъ и Симеономъ Полоцкимъ и потомъ кончина послѣдняго (1680 г.) заставили Сильвестра искать другаго покровителя: онъ сблизился съ Думнымъ Дьякомъ, въ послѣдствіи Окольничимъ, Осдоромъ Леонтьевичемъ Шакловитымъ, который находился въ большой довѣренности у Царевны Софіи Алексѣевны. Между тѣмъ, кромѣ наставленій Полоцкаго, знакомство Сильвестра съ нѣкоторыми Бѣлорусскими учеными, воспитанными въ Польскихъ Іезуитскихъ училищахъ, поколебало его въ вѣрѣ Православной. Въ 1685 году прибыли въ Москву Іеромонахи Лихуды, Іоаникій и Софроній, родомъ Греки, происходившіе отъ Князей: они начали преподавать въ Богоявленской обители словесныя науки, языки Греческій, Латинскій и Италіянскій; выстроили въ Заиконоспасскомъ монастырѣ большой трехъ-этажный корпусъ для духовныхъ школъ. Слава сихъ ученыхъ (изъ которыхъ Іоаникій, отправленный Царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами (1688 г.) въ Венецію, возвратился къ своей учительской должности съ золотою медалью на цѣпочкѣ, пожалованною ему Императоромъ Леопольдомъ I-мъ) возбудила противъ нихъ зависть Сильвестра, а сочиненія Лихудовъ на Папистовъ возродили

въ немъ злобу непримиримую. Они завели споръ *о времени пресуществленія Евхаристіи.* — Медвѣдевъ, въ опроверженіе, написалъ книгу подъ названіемъ *Манна.* Тщетно Патріархъ Іоакимъ увѣщевалъ его отстать отъ заблужденій, и, наконецъ, каралъ его *анаѳемою*: Сильвестръ не уважилъ ни убѣжденій, ни проклятій. Преданный суду за ослушаніе, онъ бѣжалъ (1689 г.) въ Польшу; пойманъ на дорогѣ; лишенъ монашества; болѣе года содержался въ Троицкомъ Сергіевскомъ монастырѣ; принесъ письменное раскаяніе во всѣхъ своихъ заблужденіяхъ; но безпокойный нравъ, необузданное честолюбіе заставили его и за оградою монастырскою участвовать въ Государственномъ заговорѣ и Стрѣлецкомъ бунтѣ, душею которыхъ былъ другъ его Шакловитый. Сильвестръ надѣялся занять мѣсто Патріарха, и казненъ (1692 г.) отсѣченіемъ головы. Онъ описалъ, весьма пристрастно, *Стрѣлецкій бунтъ;* сочинилъ разные стихи: 1) *Привѣтство брачное Царю Ѳеодору Алексѣевичу;* 2) *Плачь и утѣшеніе Россіи о кончинѣ сего Государя,* подражаніе сочиненію Полоцкаго на кончину Царя Алексѣя Михайловича; 3) *Епитафію* Симеону Полоцкому, вырѣзанную на камнѣ его надгробномъ и 4) *Эпистолу Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ*, при поднесеніи ей Устава Московской Академіи.

СКУРАТОВЪ-БѢЛЬСКІЙ (*), Григорій (Малюта) Лукіановичъ сдѣлался (съ 1560 года) любимцемъ Іоанна IV-го, послѣ добродѣтельнаго Адашева, но не сто-

(*) Бѣльскіе происходятъ изъ Литвы.

ялъ, какъ онъ, за правду, не удерживалъ порывовъ вспыльчиваго, жестокаго нрава; вкрался въ душу раболѣпнымъ угожденіемъ слабостямъ; растравлялъ сердце предметами, недостойными Вѣнценосца; старался, съ другими совратителями, возвыситься на трупахъ мужей доблестныхъ, не дорожа славою Царя и судомъ потомства. Начались казни; учреждены особые тѣлохранители, подъ именованіемъ *Опричныхъ*: они ѣздили всегда съ собачьими головами и съ метлами, привязанными къ сѣдламъ, въ означеніе того, что *грызутъ* лиходѣевъ Царскихъ и *метутъ* Россію! Первое мѣсто между ними занялъ Скуратовъ. Въ страшной Александровской Слободѣ, окруженной темными лѣсами, въ которую никто не смѣлъ ни въѣхать, ни выѣхать безъ вѣдома Іоаннова, тиранъ Россіи посвящалъ бо́льшую часть времени церковной службѣ, желая набожною дѣятельностію успокоить душу; обратилъ дворецъ свой въ монастырь; выбралъ изъ Опричниковъ 300 человѣкъ, самыхъ злѣйшихъ; назвалъ ихъ *братіею*, себя Игуменомъ, Князя Аѳанасія Вяземскаго Келаремъ, Скуратова Параклисіархомъ (пономаремъ): послѣдній въ скуфейкѣ, въ черной рясѣ, прикрывавшей парчевой кафтанъ его съ собольею опушкою, каждый день, съ четвертаго часа утра, вмѣстѣ съ Царемъ и Царевичами, благовѣстилъ на колокольнѣ и потомъ нѣсколько часовъ билъ земные поклоны, раздѣлялъ такъ называемую *братскую трапезу* своего повелителя, бесѣдовалъ съ нимъ о Законѣ и присутствовалъ на пыткахъ, равнодушно смотрѣлъ на страданія, гибель невинныхъ жертвъ!.... Наступила (1568 г.) третія эпоха убійствъ: любимцы Іоанновы, ме-

жду которыми Скуратовъ, послѣ Вяземскаго, занималъ первое мѣсто, съ Царскою дружиною вломились, въ полночь, въ домы ко многимъ знатнымъ людямъ, дьякамъ, купцамъ; взяли ихъ женъ, извѣстныхъ красотою, вывезли изъ Москвы, представили Іоанну на первомъ ночлегѣ: онъ избралъ нѣкоторыхъ для себя, другихъ уступилъ любимцамъ, ѣздилъ съ ними вокругъ столицы, жегъ усадьбы Бояръ опальныхъ, казнилъ ихъ вѣрныхъ слугъ, даже истреблялъ скотъ. Въ 1569 году Скуратовъ участвовалъ въ умерщвленіи Князя Владиміра Андреевича, двоюроднаго брата Іоаннова, угождая послѣднему: привелъ къ нему несчастнаго съ женою и съ двумя юными сыновьями, былъ свидѣтелемъ ихъ терзанія и смерти. Вслѣдъ за тѣмъ (въ декабрѣ тогожъ года) онъ совершилъ новое злодѣяніе: явился въ Отрочѣ монастырѣ къ сверженному Митрополиту, Св. Филиппу, и просилъ у него благословенія. «Бла«гословляютъ только добрыхъ и на доброе» — отвѣтствовалъ ему благочестивый старецъ —. «Я давно «ожидаю смерти: да исполнится воля Государева!» — Скуратовъ задушилъ Св. мужа; но объявилъ Игумену и братіи, что Филиппъ умеръ отъ несноснаго жара въ его келліи. Погребеніе совершилось въ присутствіи убійцы. Исполнитель воли тирана спѣшилъ къ нему съ донесеніемъ и снова, обагрился кровію: содѣйствовалъ Іоанну въ умерщвленіи (въ Торжкѣ) Ливонскихъ и Крымскихъ плѣнниковъ; послѣдніе, защищаясь, тяжело ранили Скуратова. Во время новыхъ казней въ Москвѣ (1570 г.), любимецъ Іоанновъ, распоряжавшій ими, вмѣстѣ съ Царемъ, сошелъ съ коня и первый отрѣзалъ ухо Печатнику Висковатову, повѣшенному

вверхъ ногами, котораго тогда разсѣкли на части!.... Потомъ Скуратовъ разсѣкалъ самъ топоромъ мертвыя тѣла казненныхъ: цѣлую недѣлю они лежали безъ погребенія, терзаемыя псами. Такъ дѣйствовалъ наперсникъ Іоанновъ, не помышляя о вѣчности: вскорѣ она настала для него. Іоаннъ двинулъ 80,000 Россіянъ въ Эстонію, гдѣ никто не ожидалъ ихъ: вторженіе было ознаменовано грабежемъ, убійствами, насиліями. Онъ взялъ (1573 г.) приступомъ Виттенштейнъ, и здѣсь лишился своего друга: «Малю-«та Скуратовъ»—пишетъ Карамзинъ—«умеръ честною «смертію воина, положивъ голову на стѣнѣ, какъ бы «въ доказательство, что его злодѣянія превзошли мѣ-«ру земныхъ казней!» — Не жалость, но гнѣвъ и злоба овладѣли тогда Іоанномъ: пославъ съ богатою вкладою тѣло Скуратова въ монастырь Св. Іосифа Волоцкаго, гдѣ лежали отецъ, мать и сынъ его, Максимъ, онъ сжегъ на кострѣ всѣхъ плѣнниковъ, Шведовъ и Нѣмцевъ. «Жертвоприношеніе»—продолжаетъ Исторіографъ — «достойное мертвеца, который жилъ душегубствомъ!» — Любопытно, что Іоаннъ не далъ Боярства любимцу души своей, опасаясь унизить этотъ верховный санъ такимъ скорымъ возвышеніемъ человѣка *худороднаго* (*). Скуратовъ именовался просто *Дворяниномъ*. Изъ дочерей его, Марія вступила въ супружество съ Борисомъ Оедоровичемъ Годуновымъ (въ послѣдствіи Царемъ); Екатерина съ Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, извѣстная поднесенною ею (1610 г.) отравою Герою Скопину-Шуйскому—достойная дочь отца!

(*) *Исторія Государства Рос.*, т. IX.

СОЙМОНОВЪ, Ѳедоръ Ивановичъ, сынъ небогатаго дворянина, имѣвшаго въ числѣ предковъ многихъ Стольниковъ и Воеводъ (*), соединенный родствомъ съ Нарышкиными и Головкиными (**), родился въ Москвѣ 1682 года. На двадцать шестомъ своего возраста, зная уже основательно отечественный языкъ и латинскій (которымъ обучался въ домѣ и подъ надзоромъ отца), онъ принятъ (1708 г.) въ Морское Училище, бывшее тогда въ Москвѣ. Здѣсь, по окончаніи курса наукъ, Соймоновъ произведенъ (1713 г.) въ гардемарины; отправленъ потомъ въ Голландію, *для узнанія морскаго искуства*. Возвратясь въ Россію, онъ былъ балотированъ (1716 г.) въ Мичманы, въ присутствіи Петра Великаго, и удостоенъ этого чина; служилъ въ томъ году на кораблѣ Ингерманландіи, на которомъ Государь имѣлъ тогда Вице-Адмиральскій флагъ, командуя тремя соединенными флотами: Англійскимъ, Датскимъ и Голландскимъ, и былъ въ Копенгагенѣ. Предпамѣреваемая высадка войскъ въ Шонію не состоялась, потому что Датчане не сдѣлали своевременно диверсіи со стороны Аланда. Въ 1718 году, Соймоновъ совершилъ другую кампанію съ Петромъ Великимъ на томъ же самомъ кораблѣ, былъ у Ревеля и у Березовыхъ острововъ; обратилъ на себя вниманіе Государя, произведенъ (въ январѣ 1719 г.),

(*) См. часть первую Общаго Гербовника.

(**) Отецъ Ѳедора Ивановича, Иванъ Аоанасьевичъ Соймоновъ, былъ, по матери своей, Аннѣ Семеновнѣ, рожденной Головкиной, двоюродный братъ Канцлера Графа Головкина и внучатный Царицы Наталіи Кирилловны. — *Изъ записокъ Миллера.*

черезъ чинъ, въ Лейтенанты, и получилъ лестное порученіе заняться описаніемъ Каспійскаго моря. Составленная имъ карта подарена Петромъ Великимъ (1721 г.) Парижской Академіи Наукъ. Соймоновъ участвовалъ (1722 г.) въ Персидскомъ походѣ Государя; приготовилъ, по Его приказанію, въ Москвѣ нѣсколько большихъ струговъ, которые, со вскрытіемъ рѣкъ, спущены на воду. 15 мая Петръ Великій отправился на одномъ изъ нихъ, названномъ *Москворѣцкимъ токомъ*, въ Казань, вмѣстѣ съ Императрицею. Стругомъ командовалъ Соймоновъ; на каждой сторонѣ было по 18 веселъ; плаваніе продолжалось благополучно: 27 мая Государь прибылъ въ Казань, 15 іюня въ Астрахань. Русская флотилія, подъ главнымъ начальствомъ Генералъ-Адмирала Графа Апраксина, выступила въ походъ 18 іюля. Соймоновъ, находившійся неотлучно при Государѣ, упоминаетъ въ своихъ *Запискахъ* о данномъ приказаніи Петромъ, чтобы всѣ особы, сопутствовавшія Ему нѣкоторыя не бывали еще на Каспійскомъ морѣ, купались въ немъ. Соймонову поручено было начальствовать этою забавою: самого Государя опустили на доскѣ три раза въ воду. Многіе робѣли; Петръ Великій смѣялся отъ добраго сердца надъ пустымъ страхомъ своихъ спутниковъ. Сильный вѣтеръ повредилъ нѣсколько транспортныхъ лодокъ. Государь, готовясь переправиться чрезъ Сулакъ, объявилъ Генералъ-Адмиралу мнѣніе свое: затопить остальныя, чтобы сберечь ихъ для обратнаго похода войскъ изъ Дербента. «*Думай и ты*» — сказалъ онъ тогда Соймонову — «*вѣдь ты морской.*» — Соймоновъ, знавшій положеніе бе-

реговъ, предложилъ скрыть лодки за Ракушечнымъ островомъ, имѣющимъ спокойную и пространную гавань. *Далеко ли то мѣсто?*» спросилъ его Петръ Великій. — «Версты двѣ отъ флота» — отвѣчалъ Соймоновъ. — «*Изрядно*» — продолжалъ Государь — «*изготовь шлюбку и вооружи гребцовъ. Я самъ туда поѣду и осмотрю.*» Соймоновъ и дельщикъ Поспѣловъ находились въ свитѣ Императора. Лодка стала отъ берега въ шести саженяхъ; берегъ занесенъ былъ большими песчаными буграми; по этой трудной дорогѣ надлежало болѣе нежели на семьдесятъ саженей подниматься въ гору. Конвой Царскій состоялъ только (кромѣ Соймонова и Поспѣлова) изъ четырехъ вооруженныхъ гребцовъ. Петръ осмотрѣлъ островъ, измѣрилъ глубину воды и отдалъ приказъ, чтобы лодки были расположены тамъ, подъ охраненіемъ трехъ сотъ Донскихъ Козаковъ. На обратномъ пути Поспѣловъ сказалъ Государю: «Не даромъ потрудились: на«шли мѣсто, гдѣ суда будутъ сохранены.» — «*Все пріобрѣтается трудами*» — отвѣчалъ Петръ — «*и Америка не безъ трудовъ сыскана чрезъ толь дале«кій путь около мыса Доброй Надежды.*» — Тогда Соймоновъ замѣтилъ: «что Россія имѣетъ къ Америкѣ «гораздо ближайшій путь, нежели Европейцы». — «*Какой именно?*» спросилъ его Петръ Великій — «Волгою въ Каму рѣку» — отвѣчалъ Соймоновъ—;«отту«да Тоболомъ въ Иртышъ; изъ Иртыша рѣками Обью «и Кетью до Маковскаго волока; переѣхавъ его су«химъ путемъ на пространствѣ не болѣе ста верстъ, «опять рѣками: Енисеемъ, Тунгузкою и Ангардою до «Байкала и вверхъ рѣкою Удью до рѣчекъ Хилки и

«Хилкочана, до Яблоновыхъ горъ, чрезъ которыя про-«ѣздъ сухимъ путемъ не превышаетъ 33 верстъ; далѣе «Нигодою, Шилкою и Амуромъ до Сѣверо-Восточнаго «моря.» — «*Далеко*» — произнесъ Государь — «*и не пы-«нѣ*» — и, показавъ на берегъ Каспійскаго моря, про-«должалъ: «*Знаешь ли ты, что отъ сихъ горъ до «Балха и Водошкани только полторы недѣли хода «на верблюдахъ съ тяжелыми вьюками? Этого пу-«ти никто Мнѣ пресѣчь не можетъ.*» — 23 Авгу-ста сдался Императору Дербентъ, вмѣщавшій трехъ-тысячный гарнизонъ, 170 чугунныхъ и 60 мѣдныхъ орудій. Въ это время Обладатель Россіи, столь гроз-ный въ первые годы Своего царствованія, отдалъ достопамятный приказъ: *чтобы офицеры, при нака-заніи виновныхъ нижнихъ чиновъ, поступали съ ними, какъ поступаютъ родители съ виновными дѣтьми.* — Въ Астрахани Государь произвелъ Соймонова, (27 окт.) *за добрую и прилежную службу*, въ Капитанъ-Лейте-нанты, и возложилъ на него порученіе переправить вой-ско въ Гилянь. Тогда Соймоновъ представилъ состав-ленные имъ планы и описаніе гаванямъ. Одобривъ ихъ, Государь приказалъ Соймонову слѣдовать съ ввѣ-ренною ему эскадрою въ Баку: городъ сдался (26 ію-ля 1723 г.) Генералъ-Маіору Матюшкину, съ 80 ору-діями и двумя большими гаубицами. Соймоновъ при-сутствовалъ при коронованіи Императрицы Екатери-ны (1724 г.) и потомъ возвратился въ Дербентъ. Ему было поручено Государемъ окончательно описать Каспійское море, особенно восточный берегъ. За этотъ трудъ произведенъ онъ (1726 г.) въ Капитаны 3-го ранга, съ перемѣщеніемъ въ Балтійскій корабельный

флотъ. Императрица Анна Іоанновна опредѣлила его (1730 г.) Прокуроромъ въ Адмиралтействъ-Коллегію. Соймоновъ былъ тогда Капитаномъ 2-го ранга. По его предложенію начали переводить на Россійскій языкъ съ Голландскаго: описаніе морей, заливовъ, гаваней, рейдовъ и портовъ. Черезъ три года (1733 г.) онъ пожалованъ въ Оберъ-Кригсъ-Коммиссары, съ чиномъ Капитанъ-Командора, и вслѣдъ за тѣмъ (1734 г.) находился во флотѣ во время блокированія Данцига Графомъ Минихомъ. Лестный отзывъ Фельдмаршала о Соймоновѣ обратилъ на него вниманіе Императрицы. Она поручила ему, въ 1736 году, утвердить на Ханствѣ славнаго Дундукъ-Омбо, кочевавшаго между Царицыномъ и Астраханью, и вооруживъ этого владѣльца противъ Кубанцевъ, усилить Калмыками армію Миниха. Соймоновъ оправдалъ въ полной мѣрѣ довѣренность Государыни: сначала, угождая Хану, приказалъ онъ удвоить до Китайской границы число подводъ для его духовныхъ, отправляемыхъ каждый годъ на поклоненіе къ Далай-Ламѣ; предписалъ Астраханскому Губернатору выслать въ Орду всѣхъ некрещеныхъ Калмыковъ; потомъ приступилъ къ отправленію въ армію десяти-тысячнаго Калмыцкаго отряда, и силою слова, дарами склонилъ самого Дундукъ-Омбо къ перенесенію войны на Кубань. Онъ выступилъ въ походъ съ двадцатью-тысячами человѣкъ; поручилъ сыну своему, Голданъ-Нарму, съ половиною войскъ напасть на Татаръ, кочевавшихъ въ пяти тысячахъ кибиткахъ и намѣревавшихся удалиться въ степи: отчаянная оборона не спасла Кубанцевъ; кромѣ женщинъ и дѣтей, въ числѣ 10,000, всѣ они были изрублены. Вслѣдъ за тѣмъ,

Дундукъ окружилъ тридцать тысячь Татарскихъ кибитокъ, вмѣщавшихъ 10,000 семействъ, и принудилъ вступить въ подданство Россіи; атаковалъ (въ декабрѣ), при содѣйствіи храбрыхъ Козацкихъ Полковниковъ: Краснощокова и Ефремова, сильнѣйшую Татарскую Орду, называемую *Гетискульскою*, которая вышла изъ горъ для пастьбы лошадей; совершенно разбилъ Кубанцевъ, разграбилъ всѣ мѣста вдоль ихъ рѣки, и истребилъ всю означенную Орду. Болѣе десяти тысячь женщинъ и дѣтей взято въ плѣнъ. Калмыкамъ досталось на долю двадцать тысячь лошадей, кромѣ рогатаго скота и овецъ; непріятель потерялъ въ сраженіи убитыми и плѣнными до 30,000 человѣкъ; множество потонуло въ Кубани. Всѣми этими блистательными успѣхами Россія нѣкоторымъ образомъ обязана Соймонову, который умѣлъ одушевить Калмыцкаго Хана (не дававшаго ему цѣлую недѣлю аудіенціи подъ разными предлогами) къ подвигамъ, сопряженнымъ съ собственною его пользою. Важная услуга, оказанная Соймоновымъ, не осталась безъ награды: онъ пожалованъ Оберъ-Прокуроромъ Правительствующаго Сената, съ чиномъ Генералъ-Маіора (1738 г.), и, не смотря на новое свое званіе, свидѣтельствовалъ (1739 г.) въ Кронштадтѣ, по Высочайшему повелѣнію, съ Капитанъ-Командорами Вильбоа и Калмыковымъ, всѣ фрегаты, корабли и прочія военныя суда; произведенъ (въ октябрѣ) въ Генералъ-Кригсъ-Коммиссары и Вице-Адмиралы, началъ исправлять въ Коллегіи должность Вице-Президента. Тогда Президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи былъ Графъ Николай Осдоровичь Головинъ, сынъ знаменитаго любимца Петра Великаго, чело-

вѣкъ умный, свѣдущій въ дѣлахъ, но чрезвычайно самолюбивый. Дѣятельность Соймонова возстановила противъ него многихъ, особенно главнаго начальника, который не могъ равнодушно взирать на открываемыя товарищемъ его злоупотребленія и безпорядки. Между тѣмъ Соймоновъ, руководимый строгимъ исполненіемъ лежащей на немъ обязанности, не страшился мщенія оскорбленнаго вельможи; настоятельно требовалъ отъ Коллегіи, чтобъ она составила подробную опись всѣмъ корабельнымъ матеріаламъ и припасамъ; обнаружилъ, что строеніемъ кораблей занимались только 1,010 человѣкъ, а не 1,886, показываемыхъ по вѣдомостямъ; что за ними не было никакого надзора; что Коллегія не-посылала даже офицеровъ для наблюденія за работами. Графъ Головинъ пересталъ ѣздить въ присутствіе. Настало для Соймонова время тяжкаго испытанія. Тѣсная дружба соединяла его издавна съ Волынскимъ. Бирономъ, управлявшій въ то время кормиломъ Государства, преслѣдуя надменнаго Кабинетъ-Министра, велѣлъ составить противъ послѣдняго доносъ, подписанный многими изъ раболѣпства, для личныхъ видовъ. Тщетно любимецъ Императрицы убѣждалъ Соймонова увеличить собою число обвинителей: обѣщаніе наградъ и самыя угрозы не поколебали благороднаго самоотверженія. Онъ былъ признанъ *сообщникомъ* Волынскаго, подвергнутъ строгому слѣдствію, пыткѣ, суду, лишенъ чиновъ, дворянства, наказанъ кнутомъ (*), сосланъ въ Охотскъ и причисленъ къ работникамъ

(*) См. *о наказаніи кнутомъ*, въ *Обзорѣ* Г. Вейдемейера, изд. 1832 г., ч. 2, стр. 107.

тамошняго соловаренаго завода (1740 г.). Тогда управлялъ Охотскомъ другой несчастливецъ, зять славнаго Меншикова, служившій Генералъ-Полиціймейстеромъ при Петрѣ Великомъ, впослѣдствіи пожалованный Екатериною I-ой Графомъ, Генералъ-Лейтенантомъ, кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго, также наказанный кнутомъ (1727 г.), удаленный въ Сибирь. Онъ и Скорняковъ-Писаревъ, подвергнутый Меншиковымъ въ одно время одинакой участи (*), нѣкогда Оберъ-Прокуроръ Правительствующаго Сената, находившійся въ это время въ Охотскѣ, услаждали горестную участь Соймонова. Бѣдствіе соединяетъ людей, часто разлучаемыхъ счастіемъ! Таково сердце человѣческое. Вскорѣ Императрица Елисавета Петровна вступила въ наслѣдственныя права свои (1741 г.). Скорняковъ-Писаревъ и Девіеръ были освобождены изъ ссылки, съ возвращеніемъ чиновъ; Соймонову также *позволено жить гдѣ пожелаетъ*, возвращена шпага (1742 г.) (**); но онъ долго еще оставался безъ всякаго званія, вѣроятно, не имѣя покровителей. Между тѣмъ и въ старости маститой трудолюбивый мужъ продолжалъ полезныя

(*) О подробностяхъ наказанія Графа Девіера и Скорнякова-Писарева см. въ составленномъ мною *Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли*, ч. 2, стр. 192, и ч. 5 стр. 67; также въ *біографіяхъ Росс. Генералиссимусовъ и Генер.-Фельдм.*, издан. мною въ 1840 г., ч. 1, стр. 94—97.

(**) Въ указѣ упомянуто: *прикрыть его знаменъ, дабы никто не порицалъ наказаніемъ.*

свои занятія: въ 1753 году, Сибирскій Губернаторъ Мятлевъ послалъ его въ Нерчинскъ, для измѣренія фарватера рѣкъ Шилки и Амура, поручивъ ему построить нѣсколько ботовъ и развѣдать путь по Амуру. Велѣно Сенатскимъ указомъ отъ 22 декабря производить Соймонову, во уваженіе толь отдаленной экспедиціи, по тысячи рублей въ годъ жалованья. Ему было семьдесятъ второй годъ, но онъ пылалъ еще усердіемъ. Два штурмана и три геодезиста, присланные изъ Петербурга, также 58 человѣкъ морскихъ служителей, поступили подъ его начальство. Изъ Нерчинска отправились они (1756 г.), въ трехъ большихъ лодкахъ, рѣчкою Шилкою, до самого впаденія Аргуни въ Шилку, гдѣ начинается рѣка Амуръ, въ которую не велѣно имъ было входить. Соймоновъ измѣрилъ устья рѣкъ Аргуни, Шилки и Фарватеръ, на обратномъ пути; описалъ берега съ большою точностію, по тихому ходу лодки на бичевой; составилъ подробные планы не только обозрѣннымъ мѣстамъ, но и города Нерчинска со стороны рѣки Нерчи. Труды Соймонова, представленные Императрицѣ (1757 г.), напомнили ей о долговременной, полезной Отечеству службѣ его и о невинномъ, въ теченіе семнадцати лѣтъ, страданіи: онъ былъ пожалованъ (въ мартѣ) въ Тайные Совѣтники, опредѣленъ, вмѣсто Мятлева, Губернаторомъ въ Сибирь, съ годовымъ содержаніемъ по двѣ тысячи рублей. Въ шестилѣтнее управленіе отдаленнымъ краемъ, Соймоновъ, любимый, уважаемый всѣми, за кроткій нравъ, справедливость и благотворительные подвиги, завелъ въ Охотскѣ морскую школу, снабдивъ оную восемью штурманами, инструментами и нужными книга-

ми; соорудилъ при Посольскомъ монастырѣ маякъ и гавань, для безопасной перевозки товаровъ чрезъ Байкалъ, гдѣ до того разбивало множество судовъ; сформировалъ Ландмилицкій полкъ, подъ названіемъ *Селенгинскаго*, присоединенный потомъ къ арміи; уничтожилъ, въ 1763 году, Анадырскій острогъ, который былъ построенъ въ 1727 году для приведенія въ подданство непокорныхъ Чукчей, Ламутовъ, Юкагирей и Ясашныхъ Коряковъ, между тѣхъ какъ первые продолжали сохранять свою независимость, а послѣдніе, преданные до того Россійскому Престолу, откочевали въ дальнія мѣста, по причинѣ претерпѣнныхъ ими обидъ отъ нашихъ войскъ. По словамъ Соймонова: доставка провіанта и разныхъ припасовъ въ этотъ острогъ была чрезвычайно отяготительна для Камчадаловъ и Коряковъ; на одно содержаніе воинской команды израсходовано болѣе 760,000 рублей, а съ 1760 по 1763 годъ 87,879 рублей. Императрица Екатерина II, въ день своего коронованія, пожаловала Оедору Ивановичу орденъ Св. Александра Невскаго (1762 г.), и въ слѣдующемъ году возвела его въ достоинство Сенатора; неоднократно спрашивала его мнѣнія по разнымъ предметамъ относительно Сибири, въ томъ числѣ: о морской экспедиціи къ полюсу и обложеніи сборами кочующихъ народовъ. Въ 1766 году уволенъ онъ, по прошенію, отъ службы, съ чиномъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и полнымъ пенсіономъ. Маститый старецъ мирно провелъ въ кругу своего семейства послѣднее время бурной жизни; скончался 11 іюля 1780 года, на 99-мъ отъ рожденія, и погребенъ въ Высоцкомъ монастырѣ, въ двухъ верстахъ

отъ Серпухова. (*)—Оедоръ Ивановичь Соймоновъ, искусный въ Латинскомъ, Нѣмецкомъ и Голландскомъ языкахъ, оставилъ по себѣ хорошую память, не одною службою, полезной для Отечества, но и своими сочиненіями: кромѣ составленныхъ имъ *картъ Каспійскаго моря* (изъ которыхъ одна была издана Адмиралтействъ-Коллегіею въ 1731 году), съ опредѣленіемъ широты многимъ тамошнимъ приморскимъ мѣстамъ (**) и *Журнала* путешествія, онъ сочинилъ: 1) *Описаніе Штурманскаго искусства*, для пользы и безопасности мореплавателей, напеч. 1739 года; 2) *Морской Свѣтильникъ или описаніе Варяжскаго моря*. Это сочиненіе посвящено имъ было, въ декабрѣ 1733 года, Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Въ письмѣ своемъ Государынѣ, Соймоновъ изложилъ, между прочимъ, слѣдующее: «что отъ недовольнаго изслѣдованія фарва-«тера между Кронштатомъ и Ревелемъ, многіе, какъ «Россійскіе, такъ чужестранные корабли на семъ морѣ «пропадать принуждены были, понеже бывшія понынѣ «въ употребленіи морскія карты, или такъ называемый «*Голландскій Свѣтильникъ моря*, весьма не ясно свѣ-

---

(*) При составленіи этой біографіи, я руководствовался, между прочимъ, второю частію *Жизнеописаній Россійскихъ Адмираловъ*, сост. Г. Берхомъ, и изданн. въ 1831 году. Б. К.

(**) Преосвященный Евгеній, Митрополитъ Кіевскій, въ своемъ *Словарѣ о свѣтскихъ Рос. писателяхъ*, упоминаетъ: «что Англійскій корабельщикъ Вудруфъ, пополнивъ «эту карту только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выдалъ за «свою собственную при Гандваемомъ путешественномъ «описаніи.»

«тиль: на которой попадѣяся, мореплаватели въ помя-«нутыхъ мѣстахъ принуждены были многіе ошибать-«ся, и, вмѣсто правильнаго пути, на нечаянной камень «корабль свой разбить, или, вмѣсто глубины, нечанно «посадить на мель.» 3) *Извѣстіе о торгахъ Сибирскихъ*, напеч въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ Академіи Наукъ 1755 г., т. 11, стр. 195. 4) *Сибирь, золотое дно*, тамъ же 1761 г., т. 11, стр. 449. 5) *Описаніе Каспійскаго моря и чиненныхъ на ономъ Россійскихъ завоеваній*, напеч. съ картою особо, и въ Ежем. Соч. 1763 года, въ январѣ и ноябрѣ. 6) *О торгахъ за Каспійское море, древнихъ, среднихъ и новѣйшихъ временъ*, напеч. въ Москвѣ 1765 г., съ дополненіями исторіографа Миллера. 7) *Краткое изъясненіе Астрономіи*. Сверхъ сего, въ изданныхъ Миллеромъ, 1774 г., письмахъ Петра Великаго къ Фельдмаршалу Графу Шереметеву, нашъ Исторіографъ упоминаетъ, на стр. LVI: «что Соймоновъ оставилъ въ рукописи сочинен-«ную имъ *Исторію Петра Великаго.*» — Старшій сынъ Оедора Ивановича, Михаилъ Оедоровичь, былъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Членомъ Государственнаго Совѣта, Сенаторомъ, Горныхъ и Монетныхъ Дѣлъ Главнымъ Директоромъ и ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго кавалеромъ, скончался въ 1804 году; меньшій, Юрій Оедоровичь, служилъ Статскимъ Совѣтникомъ. Родной племянникъ Оедора Ивановича, Петръ Александровичь Соймоновъ, находился Статсъ Секретаремъ при Императрицѣ Екатеринѣ II-ой и умеръ въ 1799 году, будучи Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ.

СОЛОВЬЕВЪ, Осипъ Алексѣевичъ, родился въ г. Архангельскѣ, 1676 года, въ купеческомъ состояніи. Съ красивою наружностію соединялъ онъ смѣтливый умъ и необыкновенную дѣятельность, переселился въ Петербургъ въ то самое время, когда новая столица вступила въ коммерческія сношенія съ иностранными Державами. Тамъ, занимаясь торговлею, Соловьевъ умѣлъ извлечь для себя значительныя выгоды, и между тѣмъ изучилъ совершенно Голландскій языкъ. Знакомство съ Княземъ Меншиковымъ открыло ему дорогу къ бо́льшему обогащенію: онъ предложилъ Соловьеву передать контору роднымъ братьямъ, Дмитрію и Аѳанасію, и заняться управленіемъ домашними его дѣлами, въ званіи дворецкаго. Меншиковъ угощалъ тогда, по приказанію Государя, въ великолѣпныхъ чертогахъ своихъ, Вельможъ и Министровъ: распорядителемъ блистательныхъ праздествъ сдѣлался Соловьевъ, который, угождая любимцу Царскому, обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго умными сужденіями о торговлѣ и въ особенности знаніемъ любимаго Имъ языка. Сначала Государь удостоивалъ его маловажными порученіями; потомъ, испытавъ его честность и расторопность, отправилъ въ Амстердамъ, въ званіи Агента, для заведенія тамъ Россійской торговой конторы. Она во все время пребыванія Соловьева въ Голландіи, находилась въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Снискавъ дружбу тамошнихъ капиталистовъ, Соловьевъ, посредствомъ искусныхъ оборотовъ, нажилъ въ короткое время—какъ повѣствуетъ Манштейнъ въ своихъ Запискахъ — огромное состояніе, и, пользуясь довѣріемъ Петра Великаго, имѣлъ счастіе часто полу-

чать отъ Него собственноручныя письма. Государь, въ числѣ многихъ порученій, возлагалъ на Соловьева покупку и постройку, въ Голландіи, кораблей и разныхъ судовъ, согласно высылаемымъ чертежамъ. Въ такомъ положеніи находились дѣла его около восьми лѣтъ. Между тѣмъ Петръ Великій опредѣлилъ Дмитрія Соловьева Директоромъ Архангельской Таможни. Казалось, Амстердамскій Агентъ нашъ достигъ тогда цѣли желаній; но, на верху счастія, судьба готовила ему тяжелый ударъ! Послѣднее порученіе, возложенное на него Государемъ, состояло въ наймѣ *искуснаго мастера* для учрежденія въ Россіи табачной фабрики. Вскорѣ Петръ Великій прибылъ въ Голландію (1717 г.). Давно богатство Соловьева возстановило противъ него нѣкоторыхъ Царедворцевъ, которые обращались къ нему съ разными корыстолюбивыми требованіями, не получая удовлетворенія. Или Соловьевъ былъ слишкомъ разсчетливъ, или, правдоподобнѣе, надѣялся на свою самостоятельность, не имѣя надобности въ покровительствѣ другихъ. Какъ бы то ни было, гнусная клевета, руководимая алчностію, погубила его: донесли, въ томъ году, Государю, что Соловьевъ отправлялъ изъ Голландіи въ Россію множество товаровъ *безъ платежа пошлинъ*, и что въ этомъ случаѣ ему способствовали родные братья, Димитрій, по званію Директора Архангельской Таможни, и Аоанасій, имѣвшій по торговымъ дѣламъ пребываніе въ Петербургѣ. Соловьева привезли, за карауломъ, въ новую столицу и предали Тайной Канцеляріи: во время нестерпимыхъ пытокъ, несчастному *изломали руки и ноги;* движимое имѣніе его, простиравшееся до милліона рублей

ас., было между тѣмъ продано; но строжайшій розыскъ не подтвердилъ доноса. Петръ Великій, удостовѣрившись въ невинности опальнаго, грозный, но всегда справедливый, великодушный, посѣтилъ Соловьева и за претерпѣнное страданіе обнадежилъ Своею Монаршею милостію, пожаловалъ его Ассесоромъ въ Коммерцъ-Коллегію и повелѣлъ ему составить тарифъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Соловьевъ получилъ-бы значительное вознагражденіе отъ правосуднаго Монарха, еслибъ преждевременная кончина не прекратила драгоцѣнныхъ дней Его. Вслѣдъ за тѣмъ, Императрица Екатерина I-я, исполняя намѣреніе Августѣйшаго Своего Супруга, возвела (1 января 1727 года) трехъ братьевъ Соловьевыхъ въ Баронское достоинство Россійской Имперіи. Повѣствуя о несчастіи, постигшемъ Соловьева, Манштейнъ упоминаетъ, что по отбытіи его изъ Амстердама, Россійская торговая контора, учрежденная въ этомъ городѣ, совершенно пала, и какъ ни старались потомъ возстановить ее, но не имѣли въ томъ успѣха. Вмѣстѣ съ нею исчезло и богатство Соловьева: проданное имущество его едва составляло десятую часть всего огромнаго состоянія. Кромѣ значительныхъ денежныхъ капиталовъ, находившихся въ оборотахъ и ввѣренныхъ разнымъ лицамъ, которые воспользовались ими, пропали также безвозвратно около 80,000 ластовъ пшеницы, хранившихся въ наемныхъ магазинахъ у разныхъ иностранныхъ купцовъ. Съ уничтоженіемъ конторы, никто не могъ изобличить и преслѣдовать ихъ. Неблагопріятныя извѣстія, получаемыя изъ Голландіи, отклоняли поѣздку туда Соловьева; только въ 1747 году рѣшился онъ отправиться въ Ам-

стердамъ, но смерть постигла его въ дорогѣ, на 72-мъ отъ рожденія. Тѣло его было привезено въ Петербургъ, гдѣ и предано погребенію. Императрица Екатерина II-я повелѣла выдать наслѣдникамъ Барона Соловьева, въ вознагражденіе понесенныхъ убытковъ, сорокъ тысячь рублей ас. — Нынѣ находятся въ живыхъ двѣ внучки его и восемь правнуковъ и праправнуковъ. Родъ Бароновъ Дмитрія и Афанасія Соловьевыхъ давно прекратился (*).

СПЕРАНСКІЙ, Графъ Михаилъ Михайловичь, родился 1 января 1772 года, въ селѣ Черкутинѣ (Владимірской губерніи, тогожъ уѣзда) отъ тамошняго Священника; обучался въ губернской Семинаріи и въ Духовной Академіи Александро-Невской, гдѣ преподавалъ потомъ Словесность, Физико-Математическія науки и Философію. Природа одарила его красивою наружностію, умомъ предпріимчивымъ, даромъ слова, обширною памятью. Онъ говорилъ проповѣди въ стихарѣ, восхищалъ всѣхъ краснорѣчіемъ, но тяготился носить одежду церковнослужителей, и митра, которую легко могъ получить посредствомъ необыкновенныхъ своихъ способностей, неутомимаго трудолюбія, не была предметомъ тайныхъ думъ его, цѣлію желаній. Знакомство съ Генералъ-Прокуроромъ Княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ (въ Государствованіе Им-

(*) Въ составленіи этой біографіи содѣйствовалъ мнѣ, сообщенными любопытными свѣдѣніями, правнукъ Барона Осипа Алексѣевича, Баронъ Николай Дмитріевичь Соловьевъ.

ператора Павла I-го) вывело Сперанскаго изъ монастырской ограды на поприще гражданской службы, имъ прославленное: Князь Куракинъ поручилъ ему обучать Россійской Словесности своего сына, Князя Бориса Алексѣевича (въ послѣдствіи Сенатора), и опредѣлилъ преподавателя въ Канцелярію. Сперанскій, имѣвшій тогда званіе Магистра, переименованъ (2 января 1797 года) въ Титулярные Совѣтники; получилъ въ томъ году два чина; въ слѣдующемъ (1798) былъ уже Коллежскимъ Совѣтникомъ, на 27 отъ рожденія. Управляя экспедиціею, онъ не зналъ отдыха: являлся прежде всѣхъ съ докладами; мастерски объяснялъ дѣла и излагалъ ихъ на бумагѣ; умѣлъ сдѣлаться необходимымъ. Всѣ Генералъ-Прокуроры, начиная отъ Князя Куракина до Обольянинова, отличали его отъ прочихъ чиновниковъ. Товарищи старались сблизиться съ нимъ; но тщетно. Одинъ изъ нихъ говорилъ своему знакомому: «Не постигаю этого человѣка! Онъ, по «видимому, слился со мною; сердца наши какъ-будто «соединились. Глядь! Какъ палимъ, ускользнулъ изъ «рукъ!» — Между тѣмъ, простирая далеко виды свои, Сперанскій старался и успѣлъ образовать себя въ разныхъ языкахъ (кромѣ мертвыхъ, Эллинскомъ и Латинскомъ, извѣстныхъ ему еще въ духовныхъ училищахъ): Французскомъ, Нѣмецкомъ и Англійскомъ, на которыхъ въ послѣдствіи столь же свободно и краснорѣчиво изъяснялся и писалъ, какъ на своемъ Отечественномъ. Въ 1799 году онъ пожалованъ Статскимъ Совѣтникомъ, черезъ два года по вступленіи въ службу; въ 1800 Секретаремъ ордена Св. Андрея Первозваннаго (котораго былъ Герольдомъ съ 1798 года)

и почетнымъ кавалеромъ Св. Іоанна Іерусалимскаго; въ 1801 Статсъ-Секретаремъ, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ и Экспедиторомъ Канцеляріи Государственнаго Совѣта по части гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ; получилъ, за четырехъ-лѣтнюю службу, двухъ-тысячный пенсіонъ по смерть. Вслѣдъ за тѣмъ, велѣно Сперанскому (1802 г.), съ сохраненіемъ званія Статсъ-Секретаря, быть при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ въ слѣдующемъ году (1803) началъ онъ управлять Департаментомъ, и потомъ (съ 1806 по 19 октября 1807 г.), второю Экспедиціею. Въ продолженіе этого времени Сперанскій получилъ, 1803 г., табакерку, украшенную брилліантами, съ вензелевымъ Именемъ Государя; 1804 г., аренду въ Лифляндіи, въ двѣнадцатилѣтнее содержаніе; въ 1806 году орденъ Св. Владиміра 3 степени; въ 1807 г. Анненскую ленту, на 36 году отъ рожденія; въ 1808 г., съ званіемъ члена Коммиссій: составленія Законовъ и для разсмотрѣнія Лифляндскихъ дѣлъ, орденъ Св. Владиміра второй степени. Тогда нашелъ онъ другаго себѣ благодѣтеля въ Графѣ Викторѣ Павловичѣ Кочубеѣ, который сблизилъ его съ Императоромъ Александромъ. Сначала Государь поручилъ ему (въ 1803 году) составить планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Имперіи; потомъ (съ 1808 года) занималъ его предметами высшаго управленія, и часто цѣлые вечера проводилъ съ нимъ въ чтеніи разныхъ сочиненій по законодательной части. Годъ этотъ (1808) достопамятенъ въ жизни Сперанскаго: онъ сопровождалъ Александра въ Эрфуртъ, гдѣ Наполеонъ, въ присутствіи нашего Государя, цѣлый часъ

разговаривалъ съ нимъ, и восхищенный его умомъ, сказалъ Александру: «Какого человѣка имѣете вы при себѣ! Я отдалъ-бы за него Королевство (*)!»—Въ Эрфуртѣ, Императоръ Французовъ подарилъ Сперанскому богатую табакерку съ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами; Король Прусскій возложилъ на него ленту Краснаго Орла. 16 Декабря Государь возвелъ его въ достоинство Товарища Министра Юстиціи, и вслѣдъ за тѣмъ наименовалъ (1809 г.) Канцлеромъ Абовскаго Университета и Членомъ Главнаго Училищъ Правленія. Указъ *объ экзаменахъ*, написанный въ то время Сперанскимъ, возстановилъ противъ него всю Россію, а составленный имъ, по порученію Государя, планъ финансовъ, возродилъ въ тогдашнемъ Министрѣ непримиримую къ нему вражду; но виновникъ оной стоялъ самъ высоко и уже занималъ (съ 30 августа 1810 года) мѣсто Государственнаго Секретаря, имѣя свободный доступъ къ Александру. Не задолго передъ тѣмъ обнародованъ Манифестъ, также произведеніе Сперанскаго: *о новомъ образованіи Государственнаго Совѣта и Министерствъ*. Изъ недовольныхъ, *первый* заговорилъ свободно противъ нововводителя, въ 1811 году, безсмертный Исторіографъ нашъ Карамзинъ. Онъ въ рѣзкихъ чертахъ изобразилъ (**) неудобства разныхъ Указовъ и обнародованій, составленныхъ Сперанскимъ, въ томъ числѣ: проектовъ *Наказа Министерскаго и Уложенія*; *Указа объ экзаменахъ*; *Манифеста объ ассигнаціяхъ*. Этотъ

(*) Передано Графомъ Сперанскимъ. Б. К.

(**) Въ рукописномъ сочиненіи: *о древней и новой Россіи.*

первый ударъ, сильною рукою нанесенный, не поколебалъ, по видимому, могущества Сперанскаго: 1-го января 1812 года онъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго; но, вскорѣ (17-го марта), удаленъ въ Нижній-Новгородъ, съ пенсіею по шести тысячъ рублей асс., и когда непріятель занялъ Москву, былъ перемѣщенъ въ Пермь, гдѣ Государь не оставлялъ его денежнымъ пособіемъ. Оттуда Сперанскій отправилъ (въ 1813 году) къ Императору Александру свое оправданіе, сильное, краснорѣчивое, *которое не оставляетъ на немъ ни малѣйшаго подозрѣнія.* Ссылка его продолжалась четыре года. 30 Августа 1816 года опредѣленъ онъ Гражданскимъ Губернаторомъ въ Пензу. Въ обнародованномъ тогда Высочайшемъ Указѣ Правительствующему Сенату, между прочимъ, изображено: «Предъ начатіемъ войны 1812 «года, при самомъ отправленіи Моемъ къ арміи, до«ведены были до свѣдѣнія Моего обстоятельства, ва«жность коихъ принудила Меня удалить отъ службы «Тайнаго Совѣтника Сперанскаго, къ чему во всякое «другое время не приступилъ бы Я безъ точнаго из«слѣдованія, которое въ тогдашнихъ обстоятельствахъ «дѣлалось невозможнымъ. По возвращеніи Моемъ при«ступилъ Я ко внимательному и строгому разсмотрѣ«нію поступковъ его, и не нашелъ убѣдительныхъ «причинъ къ подозрѣніямъ.» — Вмѣстѣ съ тѣмъ воз«бновлена ему, еще на двѣнадцать лѣтъ, данная въ 1804 году аренда, и велѣно производить, сверхъ Губернаторскаго оклада, получаемые имъ (съ 17 марта 1812 года) шесть тысячъ рублей. Черезъ три года, Сперанскій (которому пожаловано, въ 1818 году, пять

тысячъ десятинъ земли въ Саратовской губерніи) именованъ Сибирскимъ Генералъ-Губернаторомъ, 22 марта 1819 года, сдѣлалъ второй шагъ къ будущему своему возвышенію. Казалось, его совершенно удалили отъ Высочайшаго Двора, но изобрѣтательный умъ доставилъ ему возможность сблизиться съ Дворомъ посредствомъ этого удаленія. Онъ занялся преобразованіемъ ввѣреннаго ему края, и въ два года написалъ *Учрежденіе для управленія Сибирью*, которое привезъ въ С. Петербургъ, въ твердомъ намѣреніи не возвращаться въ отдаленныя губерніи. По его проекту, утвержденному Государемъ, Сибирь была раздѣлена на двѣ части, *Восточную и Западную*, и вмѣсто одного Генералъ-Губернатора назначены два: въ первую Тайный Совѣтникъ Лавинскій, во вторую Генералъ-Лейтенантъ Кайсаровъ. Сперанскій пожалованъ (1821 г.) Членомъ Государственнаго Совѣта, по Департаменту Законовъ, и учрежденнаго тогда, согласно его представленію, *Сибирскаго Комитета*, долженствовавшаго, между прочимъ, разсматривать представленія Генералъ-Губернаторовъ о разныхъ неудобствахъ, какія встрѣтятъ они въ постановленіи о Сибири (*); получилъ въ Пензенской губерніи 3486 десятинъ земли; сохранилъ всѣ оклады прежней должности. Тогда было ему Высочайше поручено заняться Гражданскимъ и Уголовнымъ Уложеніями; назначенъ онъ также Членомъ Азіятскаго Комитета и вслѣдъ за тѣмъ (въ 1823 г.),

(*) О послѣдовавшихъ измѣненіяхъ *въ Учрежденіи для управленія Сибирью* см. въ біографіи Генералъ отъ Артиллеріи Кайсарова.

Членомъ Комитетовъ для управленія Военныхъ Поселеній и составленія Учрежденія Войску Донскому. Со вступленіемъ на Престолъ Государя Императора Николая I-го, Сперанскій, руководимый твердою волею Россійскаго Самодержца, въ короткое время совершилъ то, чего не могли исполнить многіе въ продолженіе нѣсколькихъ царствованій. Въ началѣ 1826 года Коммиссія Законовъ была преобразована во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи: работы ея поступили въ непосредственное вѣдѣніе Государя Императора, а главное распоряженіе ввѣрено Сперанскому, на котораго, вмѣстѣ, возложены и доклады по Второму Отдѣленію. Съ какою неимовѣрною быстротою двинулся впередъ исполинскій трудъ, въ которомъ нуждалась Имперія, не имѣя до того вѣрныхъ и полныхъ законовъ! Прежняя Коммиссія ограничила свои занятія *Журналомъ Законодательства;* но изданіе онаго продолжалось только три года (съ 1817 по 1820). Законы, напечатанные отдѣльно частными людьми, Чулковымъ, Максимовичемъ и другими, служили слабымъ руководствомъ для ищущихъ правосудія. Наступилъ 1830 годъ, достопамятный въ Государствованіе Императора Николая I-го, и Россія изумилась появленіемъ *Полнаго Собранія Законовъ*, съ Соборнаго Уложенія, то есть съ 1649 года, по день изданія, въ 45 томахъ, въ 4-ю долю листа! Вслѣдъ за тѣмъ, 31 января 1833 года, обнародованъ *Сводъ Законовъ*, въ 15 частяхъ. Между тѣмъ Сперанскій, занятый главнымъ предметомъ, находилъ время для исполненія другихъ порученій, на него возлагаемыхъ, будучи (съ 1826 г.) Членомъ Комитета объ устрой-

ствѣ Университетовъ, Гимназій и прочихъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія; Предсѣдателемъ (съ 1827 г.) Комитета о составленіи Уставовъ Вексельнаго и Торговой Несостоятельности, также учрежденія Коммерческихъ Судовъ; Членомъ (съ 1828 г.) Думы о знакѣ отличія безпорочной службы (*) и (съ 1829 г.) Предсѣдателемъ Комитета о составленіи Рекрутскаго Устава. Труды его по разнообразнымъ частямъ, ему ввѣреннымъ, награждены были: въ 1826 году орденомъ Св. Владиміра первой степени; въ 1827 брилліантовыми знаками ордена Св. Александра Невскаго и чиномъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника; въ 1828 табакеркою съ портретомъ Государя Императора, осыпанными брилліантами, и арендою въ пять тысячь рублей серебромъ, которая въ 1830 году удвоена на двѣнадцать лѣтъ; въ 1833, января 20, орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго: *за совершеніе Свода Законовъ Имперіи.* Этой почетной наградѣ Государь Императоръ придалъ еще болѣе вѣса, снявъ съ Себя въ тотъ день, въ Государственномъ Совѣтѣ, Андреевскую звѣзду и собственноручно возложивъ ее на Сперанскаго. Тогда препровождена къ нему, на основаніи Статута, и лента Бѣлаго Орла. Вслѣдъ за тѣмъ, Сперанскій назначенъ (въ томъ же 1833 году) Членомъ Комитета объ устройствѣ запасныхъ магазиновъ народнаго продовольствія, и велѣно ему (въ 1835 году) присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ, кромѣ Департамен-

(*) Графъ Сперанскій имѣлъ знакъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ.

та Законовъ, въ Департаментѣ Дѣлъ Царства Польскаго, также быть Членомъ Комитета для изысканія средствъ къ уменьшенію расходовъ по Министерству Финансовъ; въ 1836 году, предсѣдательствовать въ Комитетѣ объ устройствѣ столичной Полиціи. Дѣятельная и полезная Государству служба его награждена, въ 1837 году, брилліантовыми знаками ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго. 2 апрѣля 1838 года именованъ онъ Предсѣдателемъ Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта; 1 января 1839 года, *за совершеніе Свода Военныхъ Постановленій* (*), возведенъ въ Графское достоинство Всероссійской Имперіи, когда уже находился на смертномъ одрѣ, изнуренный отъ безпрерывныхъ занятій. Тщетно труженикъ старался до того возстановить, на цѣлебныхъ водахъ, свои ослабѣвавшія силы: онъ скончался въ С. Петербургѣ, 11 февраля 1839 года, на 68 отъ рожденія, и похороненъ въ Александро-Невской Лаврѣ, на такъ-называемомъ *новомъ кладбищѣ*, гдѣ покоятся останки Карамзина. Тамъ распятіе съ терновымъ вѣнкомъ указываетъ послѣднее жилище Сперанскаго. Государь Императоръ почтилъ присутствіемъ Своимъ погребеніе Сановника, содѣйствовавшаго Его Законодательной славѣ.—Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, высокаго роста, сухощавый, имѣлъ лицо, исполненное глубокомыслія и проницательности; чело возвышенное, открытое; небольшіе глаза, въ которыхъ живо изображался огненный, творческій умъ его, которые онъ, во время раз-

(*) *Сводъ Военныхъ Постановленій* изданъ, въ XII томахъ, въ 1838 и 1839 годахъ.

говора, отводилъ въ сторону; улыбку пріятную и вмѣстѣ сатирическую; съ даромъ слова соединялъ начитанность и память необыкновенную. Манифесты и Указы, имъ написанные, служатъ образцами дипломатическаго и возвышеннаго гражданскаго слога. Изъ сочиненій его изданы, въ С. Петербургѣ, 1841 года: *Правила высшаго красноръчія*, которыя онъ написалъ на 22 году своего возраста, и *Руководство къ познанію законовъ*, составленное имъ для Наслѣдника, Государя Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича, которому Сперанскій преподавалъ Законовѣдѣніе. Оно напечатано (*) въ С. Петербургѣ въ 1845 году. Изъ переводовъ: твореніе Оомы Кемпійскаго: *О подражаніи Іисусу Христу*, напечатанное, въ первый разъ, въ С. Петербургѣ въ 1819 году, потомъ тамъ же въ 1821 и 1824 годахъ. Онъ имѣлъ одну только дочь, Елисавету Михайловну, вышедшую за Дѣйствп-

(*) Къ сожалѣнію, *безъ конца*. — «Графъ Сперанскій» — сказано въ предисловіи — «по окончаніи юридическихъ «бесѣдъ своихъ съ Его Императорскимъ Высочествомъ, «Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ 1837 году, «желалъ, и даже имѣлъ Высочайшее порученіе, составить «вообще для юношества нашего краткое руководство къ «познанію отечественныхъ законовъ. Онъ приступилъ къ «этой работѣ въ 1838 году; но 1838-й годъ былъ уже по- «слѣднимъ его дѣятельной жизни, и работа осталась не «конченною. Онъ успѣлъ написать лишь *начало*.» — Въ 1837 году, по окончаніи занятій съ Наслѣдникомъ Престола, Графъ Сперанскій получилъ драгоцѣнную табакерку съ портретами Государя Императора и Государыни Императрицы.

тельнаго Тайнаго Совѣтника и Сенатора Александра Алексѣевича Фролова-Багрѣева (который скончался въ 1845 году), роднаго, по матери, племянника Князя В. П. Кочубея.

СУВОРОВЪ, Графъ Рымникскій, Князь Италійскій, Александръ Васильевичъ, сынъ Генералъ-Аншефа, Сенатора и кавалера ордена Св. Александра Невскаго, Василія Ивановича Суворова (*), родился въ Москвѣ 13 ноября 1729 года. Отецъ его, человѣкъ просвѣщенный и зажиточный, приготовлялъ сына къ гражданской службѣ; но Суворовъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ оказывалъ предпочтеніе военной: обучался съ успѣхомъ Отечественному языку, Французскому, Нѣмецкому, Италіянскому, Исторіи и Философіи, и съ жадностію читалъ Корнелія Непота, Плутарха, описаніе походовъ Тюреня и Монтекукули; говорилъ съ восхищеніемъ о Кесарѣ и Карлѣ XII, заставилъ отца своего перемѣнить намѣреніе. Онъ былъ записанъ Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскій полкъ солдатомъ (1742 г.), продолжая учиться въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ. Между тѣмъ попечительный родитель преподавалъ ему самъ инженерную науку; каждый день читалъ съ нимъ Вобана, котораго Василій Ивановичъ перевелъ въ 1724 году съ Французскаго на Россійскій языкъ, по приказанію своего крестнаго отца,

(*) Суворовы происходятъ отъ древней благородной фамиліи Шведской. Предокъ ихъ, *Сусоръ*, выѣхалъ въ Россію въ 1622 году, при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, и принялъ Россійское подданство. *Изъ второй части Гербовника.*

Петра Великаго; заставлялъ сравнивать переводъ съ подлинникомъ. Одаренный отъ природы необыкновенною памятью, молодой Суворовъ зналъ Вобана почти наизусть (*). Еще въ юномъ возрастѣ Суворовъ строго соблюдалъ воинную дисциплину. Однажды, стоя съ ружьемъ на карауле въ Монъ-плезирѣ, отдалъ онъ честь Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Она спросила: какъ его зовутъ? и пожаловала ему *крестовикъ*; но Суворовъ осмѣлился сказать: *Всемилостивѣйшая Государыня! Законъ запрещаетъ солдату принимать деньги на часахъ.*» — «Ай, молодецъ!» — произнесла Государыня, потрепавъ его по щекѣ и давъ поцѣловать Ея руку — «ты знаешь службу. Я положу монету здѣсь «на землю: возьми, когда смѣнишься.» — Суворовъ почиталъ этотъ день счастливѣйшимъ въ своей жизни, хранилъ даръ Елисаветинъ, какъ святыню, каждый день цѣловалъ его (**). Медленно возвышался онъ: современные ему Полководцы: Румянцовъ былъ Полковникомъ на девятнадцатомъ году отъ рожденія; Потемкинъ Подпоручикомъ Гвардіи и Камеръ-Юнкеромъ Высочайшаго Двора въ чинѣ Бригадира, на двадцать шестомъ своего возраста; Репнинъ въ тѣхъ же лѣтахъ пожалованъ Полковникомъ. Суворовъ служилъ Капраломъ (1747 г.); Унтеръ-офицеромъ

(*) См. *Анекдоты Суворова*, издан. Г. Фуксомъ, С. Петерб., 1827 г., стр. 23. — Переводъ Василія Ивановича остался въ рукописи, вѣроятно, по случаю кончины Петра Великаго.

(**) См. *Собраніе разныхъ сочиненій Г. Фукса*, изд. въ С. Петерб., 1827 г., стр. 108.

(1749); Сержантомъ (1751) и только въ 1754 году выпущенъ въ армію Поручикомъ; произведенъ черезъ два года въ Оберъ-Провіантмейстеры (1756 г.); потомъ въ Генералъ-Аудиторъ-Лейтенанты, и имѣлъ чинъ Премiеръ-Маіора въ 1759 году, когда побѣдоносныя войска наши въ третій разъ вступили въ Пруссію. Первымъ руководителемъ его на военномъ поприщѣ былъ знаменитый Ферморъ, извѣстный Цорндорфскою побѣдой (*), сражавшійся въ 1759 году подъ предводительствомъ Графа Салтыкова. Суворовъ участвовалъ въ пораженіи Фридриха Великаго при Франкфуртѣ, и сказалъ, когда Главнокомандовавшій повелъ обратно армію за Одеръ: *я бы прямо пошелъ къ Берлину.* Столица Пруссіи была завоевана только въ слѣдующемъ году Генераломъ Тотлебеномъ (1760). Суворовъ служилъ въ то время подъ его начальствомъ. Въ 1761 году, любимецъ славы, будучи Подполковникомъ, находился въ легкихъ войскахъ, ввѣренныхъ Генералъ-Маіору Бергу, который прикрывалъ отступленіе Россійской арміи къ Бреславлю. Подъ Рейхенбахомъ, Суворовъ участвовалъ въ пораженіи Прусскаго Генерала Кноблоха; обратилъ въ пепелъ, въ виду многочисленнаго непріятеля, большой магазинъ съ сѣномъ; потомъ, съ сотнею козаковъ, переправился вплавь черезъ Нейсу при Дризенѣ; перешелъ почью шесть Нѣмецкихъ миль къ Ландсбергу; разбилъ городскія ворота; вошелъ въ городъ; захватилъ въ плѣнъ Прусскихъ гусаровъ, тамъ находившихся; сжегъ половину моста на Вартѣ. Тогда велѣно

(*) См. біографію Графа Фермора.

ему тревожить Прусскій корпусъ, состоявшій подъ начальствомъ Платена. Суворовъ, съ тремя гусарскими и четырьмя козацкими полками, устремился, чрезъ Регенсвальдъ, къ Колбергу; опередилъ Прусскаго Генерала; ударилъ, подъ Фридбергомъ, изъ лѣса на фланговые его отряды, опрокинулъ ихъ, преслѣдовалъ подъ самыя пушки непріятельскія, захватилъ двѣсти драгунъ и гусаръ; атаковалъ (въ октябрѣ), въ окрестностяхъ Старгарда, съ саблею въ рукѣ, съ однимъ эскадрономъ драгунъ и нѣсколькими козаками, батальонъ корпуса Генерала Шепкендорфа; истребилъ значительное число Пруссаковъ; остальныхъ, загнавъ въ болото, принудилъ положить оружіе; сразился съ Прусскими драгунами, разбилъ ихъ, взялъ два орудія, двадцать плѣнныхъ и, окруженный многочисленнымъ непріятелемъ, прорубилъ себѣ дорогу; бросилъ пушки, но не плѣнныхъ своихъ. Въ этотъ день Прусаки потеряли ранеными и плѣнными до тысячи человѣкъ. *Отважность, быстрота, внезапность* еще въ то время были принадлежностію Суворова. Онъ имѣлъ разныя стычки съ непріятелемъ: разбилъ Полковника де-ла-Мотъ-Курбіера, командовавшаго авангардомъ Генерала Платена; напалъ потомъ на Прусскую конницу, взялъ 800 плѣнныхъ, захватилъ фуражировъ; ворвался съ тремя батальонами въ Глогау, подъ сильнымъ огнемъ Пруссаковъ; гналъ непріятеля въ улицахъ и черезъ мостъ. Тогда убита подъ нимъ лошадь, и онъ самъ раненъ отъ рикошета. Вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ атаковалъ близъ Нейгартена два Прусскихъ батальона и часть драгунскаго полка съ двумя стами человѣкъ; прорубился между драгунами, ударилъ

на батальонъ Принца Фердинанда, положилъ многихъ на мѣстѣ, взялъ болѣе ста человѣкъ въ плѣнъ. Подъ нимъ снова убита лошадь. Эти мужественные подвиги пріобрѣли ему въ слѣдующемъ году (1762) чинъ Полковника Астраханскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго въ Новой-Ладогѣ; въ 1763 году пожалованъ онъ командиромъ Суздальскаго полка, также пѣхотнаго, смѣнившаго Астраханскій. Доказательство, что Суворовъ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ Полководцевъ и могъ нести всякую службу. Екатерина, при самомъ началѣ, постигла его. Ему было тогда тридцать четыре года. Потемкинъ, будущій начальникъ его, служилъ еще Камеръ-Юнкеромъ и не имѣлъ значенія при Высочайшемъ Дворѣ; но въ то время, какъ предпріимчивый Царедворецъ, въ послѣдствіи водитель къ побѣдамъ и утонченный Министръ, пролагалъ себѣ дорогу по паркетамъ придворнымъ, Суворовъ приступилъ къ исполненію обдуманнаго имъ плана; рѣшился быть единственнымъ, ни на кого не походить: отличался отъ всѣхъ своими странностями, проказами; старался, по видимому, смѣшить, не улыбаясь, и въ это самое время трунилъ надъ другими, осмѣивалъ порочныхъ или вещь предосудительную, получалъ желаемое, или отклонялъ непріятный разговоръ; забавлялъ и кололъ; не боялся простирать иногда слишкомъ далеко своихъ шутокъ, ибо онѣ обратились для него въ привычку, удивляли каждаго оригинальностію, переливались въ сердца солдатъ, которые говорили о немъ съ восторгомъ въ лагерѣ и на квартирахъ, любили его языкъ и неустрашимость, были веселы, когда находились съ нимъ. Онъ учредилъ для дѣтей ихъ учи-

лище въ Новой-Ладогѣ, выстроилъ домъ на своемъ иждивеніи, и былъ самъ учителемъ Ариѳметики. Держась правила: *что солдатъ и въ мирное время на войнѣ*, Суворовъ обучалъ воиновъ своихъ разнымъ маневрамъ, и весьма желалъ показать имъ штурмъ. Мысль эта пришла ему въ голову, когда онъ проходилъ съ полкомъ мимо одного монастыря: въ пылу воображенія, тотчасъ составилъ онъ планъ къ приступу, и полкъ, исполняя повелѣнія его, бросился по всѣмъ правиламъ штурма, овладѣлъ монастыремъ. Екатерина пожелала увидѣть чудака. *Это первое свиданіе* — говорилъ Суворовъ — *проложило ему путь къ славѣ* (*). Прошло шесть лѣтъ по окончаніи военныхъ дѣйствій въ Пруссіи, и Суворовъ, съ чиномъ Бригадира (1768 г.), отправленъ, въ половинѣ ноября, съ величайшею поспѣшностію къ Польскимъ границамъ. Не смотря на едва замерзшія рѣки и болота, онъ въ мѣсяцъ прошелъ съ ввѣренною ему бригадой тысячу верстъ (238 миль); зимою продолжалъ обучать солдатъ стрѣлять въ цѣль, дѣйствовать штыками; совершалъ съ ними ночные переходы, дѣлалъ фальшивыя тревоги. Въ слѣдующемъ году (1769), Суворовъ двинулся къ Оршѣ, потомъ къ Мпнску, командуя авангардомъ корпуса Генералъ-Поручика Шумерса, котораго въ скоромъ времени смѣнилъ Генералъ Веймарнъ. Тогда продолжалась въ Польшѣ война Конфедератовъ. Суворовъ получилъ приказаніе идти къ Варшавѣ съ Суздальскимъ полкомъ и двумя драгунскими эскадронами; раздѣлилъ войска свои на двѣ колонны, и въ

(*) См. *Анекдоты Суворова*, изд. Г. Фуксомъ, стр. 115.

двѣнадцать дней перешелъ шесть-сотъ верстъ, явился подъ Прагою. Онъ безъ пролитія крови отдѣлилъ отъ Конфедератовъ два уланскихъ полка, Пеліаки и Корсинскаго; разбилъ близь Варшавы Котелуповскаго; въ Литвѣ обоихъ Пулавскихъ, разсѣявъ ихъ войска, которыя состояли изъ шести тысячь человѣкъ; награжденъ чиномъ Генералъ-Маіора (1770 г.). Въ апрѣлѣ (1770), Суворовъ, переправясь чрезъ Вислу съ двумя ротами, тремя эскадронами и двумя пушками, пошелъ ночью къ Клементову: встрѣтился съ Мошинскимъ, расположившимъ близь лѣса тысячу человѣкъ конницы въ боевый порядокъ, при шести орудіяхъ, и не взирая на безпрестанную пальбу, опрокинулъ штыками ряды непріятельскіе, преслѣдовалъ Поляковъ, захватилъ ихъ пушки; разбилъ вторично, при Опатовѣ, Мошинскаго, получившаго подкрѣпленіе; взялъ въ плѣнъ до двухъ сотъ человѣкъ; награжденъ (въ сент.) орденомъ Св. Анны. Тогда Суворовъ былъ боленъ около трехъ мѣсяцевъ, получивъ сильный ударъ въ грудь объ понтонъ, при переправѣ черезъ Вислу. Новыя побѣды вѣнчали его въ 1771 году. Онъ выступилъ, въ мартѣ, изъ Люблина, съ четырьмя ротами пѣхоты, нѣсколькими пушками и съ пятью эскадронами; переправился чрезъ Вислу у Сендомира; разбилъ отдѣльныя партіи Конфедератовъ, атаковалъ Ландскрону, овладѣлъ городомъ, не смотря на сильное сопротивленіе, но не могъ взять замка. Въ этомъ дѣлѣ шляпа и мундиръ Суворова были прострѣлены пулями. Вслѣдъ за тѣмъ онъ вступилъ неожиданно въ городъ Казиміръ, захватилъ въ плѣнъ лучшій Польскій эскадронъ Маршала Жабы; разсѣялъ Конфедератовъ, которые нѣ-

сколько дней осаждали три роты его полка въ Красникѣ; переправился вплавь чрезъ рѣку Дунаецъ; занялъ Краковъ; овладѣлъ въ разстояніи на одну милю отъ этого города редутомъ, въ которомъ находились двѣ пушки и сто человѣкъ; разбилъ, обратилъ въ бѣгство четырехъ-тысячный отрядъ Конфедератовъ; преслѣдовалъ ихъ до предѣловъ Шлезіи; положилъ на мѣстѣ пять-сотъ человѣкъ; взялъ въ плѣнъ двѣсти; сразился съ Пулавскимъ у Замостья: опрокинулъ своею кавалеріей пѣхоту его; разсѣялъ близь Красностава отрядъ Полковника Новицкаго; награжденъ военнымъ орденомъ Св. Георгія третьяго класса (авг. 19). Около этого времени Императрица опредѣлила Главнокомандующимъ расположенныхъ въ Польшѣ войскъ, вмѣсто Веймарна, Генералъ-Поручика Александра Ильича Бибикова, начальствовавшаго до того полкомъ на Цорндорфскомъ сраженіи (1758 г.), раненаго при Франкфуртѣ (1759), одержавшаго совершенную побѣду при городѣ Трептау надъ Прусскимъ Генераломъ Верперомъ (1760), славнаго, въ послѣдствіи, пораженіемъ полчищъ Пугачева. Конфедератами управлялъ тогда извѣстный Косаковскій, который волновалъ умы своими огненными обнародованіями, именовался *Литовскимъ Гражданиномъ* и самопроизвольно жаловалъ въ Маршалы; одѣвалъ въ черные мундиры формируемыя имъ войска; возмутилъ всѣ регулярные полки Польскіе; имѣлъ въ товарищахъ великаго Гетмана Литовскаго Графа Огинскаго. Суворовъ рѣшился самъ собою предупредить соединеніе ихъ, и съ девятью стами воиновъ напалъ, 12 сентября, при Столовичахъ, на пятитысячное войско Огинскаго, разбилъ его, овла-

дѣлъ двѣнадцатью пушками, Гетманскимъ жезломъ, многими знаменами, взялъ въ плѣнъ болѣе семисотъ человѣкъ, въ томъ числѣ тридцать Штабъ и Оберъ-офицеровъ и Дежурнаго Генерала Литовскаго Гетмана. Послѣдній едва успѣлъ ускакать отъ преслѣдовавшихъ его двухъ козаковъ, удалился потомъ въ Данцигъ. Косаковскій бѣжалъ въ Венгрію. Мѣсто битвы усѣяно было трупами непріятельскими. Поляки потеряли до тысячи человѣкъ убитыми; мы лишились только 80 человѣкъ; но около 400 перерапено (*). Суворовъ, въ чинѣ Генералъ-Маіора, награжденъ (20 дек.) орденомъ Св. Александра Невскаго, котораго не имѣли еще Главнокомандующій Бибиковъ и Потемкинъ, служившій тогда подъ знаменами Румянцова. Неожиданное событіе постигло Суворова въ 1772 году: Полковникъ Штакельбергъ, человѣкъ уже немолодыхъ лѣтъ, начальствовалъ въ Краковѣ, и преданный нѣгѣ, надѣясь на сильное покровительство, лежалъ у ногъ прекраснаго пола, раболѣпствовалъ, думая повелѣвать. Одна женщина, подъ видомъ человѣколюбія, уговорила его свесть часовыхъ отъ подземнаго прохода, сдѣланнаго для выбрасыванія нечистоты. Французы, высланные въ Польшу на помощь Конфедератамъ, составили заговоръ противъ безпечнаго градодержателя, и, нарядясь въ бѣлую одежду Ксензовъ, прокрались ночью, чрезъ оставленное отверстіе,

(*) Фридрихъ Великій, упоминая въ твореніяхъ своихъ о Столовичскомъ сраженіи, *совѣтовалъ Полякамъ остерегаться Суворова, чтобы вторично не попасться ему въ руки.*

въ Краковскій замокъ, съ 21 на 22 января. Неусыпные козаки первые примѣтили обманъ и произвели стрѣльбу. Мятежники и заговорщики быстро напали на часовыхъ и всѣхъ изрубили. Узнавъ оплошность свою, Штакельбергъ старался отразить непріятеля, но принужденъ былъ оставить замокъ. Главнокомандующій сдѣлалъ замѣчаніе Суворову, который поклялся отомстить Французамъ: немедленно осадилъ Краковъ; покушался (18 февр.) взять замокъ приступомъ, но не имѣлъ успѣха; держалъ его въ осадѣ до половины апрѣля; сдѣлалъ въ двухъ мѣстахъ проломъ и принудилъ, въ исходѣ мѣсяца, Французскаго Коменданта Шоази положить оружіе, объявить себя и весь гарнизонъ плѣнными. Наказывая Французовъ за употребленную ими хитрость, Суворовъ заставилъ ихъ выдти тѣмъ самымъ нечистымъ проходомъ, которымъ они прокрались въ замокъ; а уважая мужественную оборону, возвратилъ офицерамъ шпаги, пригласилъ ихъ къ обѣду, и потомъ отправилъ въ Люблинъ. Уронъ нашъ въ продолженіе осады простирался до двухъ-сотъ человѣкъ убитыхъ и до четырехъ-сотъ раненыхъ. Вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ овладѣлъ Заторомъ (въ двѣнадцати миляхъ отъ Кракова), велѣлъ взорвать тамошнія укрѣпленія и взялъ двѣнадцать пушекъ. Императрица изъявила ему Свое благоволеніе въ милостивомъ рескриптѣ отъ 12 мая; пожаловала тысячу червонныхъ, а на войско его десять тысячъ рублей. Кончилась война съ Конфедератами, и Суворовъ, надѣявшійся увидѣть берега Дуная, получилъ другое назначеніе: перемѣщенъ въ корпусъ Генералъ-Поручика Эльмта, которому прика-

зано было идти къ границамъ Швеціи (*). Онъ писалъ тогда къ Бибикову изъ Вильны: «Съ сожалѣ«ніемъ оставляю этотъ край, гдѣ желалъ дѣлать толь«ко добро или, по-крайней-мѣрѣ, всегда о томъ ста«рался. Безукоризненная моя добродѣтель услаждается «одобреніемъ моего поведенія. Но когда разсматри«ваю неправедныхъ оскорбителей моей невинности, «начинаю свободнѣе дышать. Какъ честный человѣкъ «оканчиваю здѣсь мое поприще и отъ нихъ избав«ляюсь. Женщины управляютъ здѣшнею страною, «какъ и вездѣ. Мнѣ не доставало времени заниматься «съ ними, и я страшился ихъ, не чувствовалъ въ се«бѣ достаточной твердости защищаться отъ ихъ пре«лестей (**).» Суворовъ — по собственнымъ его словамъ — готовился *сражаться среди льдовъ*, *шелъ туда, какъ солдатъ* (***); но слава ожидала его не на Сѣверѣ. Екатерина поручила ему (1773 г.) обозрѣть Финляндскую границу и узнать мнѣніе тамошнихъ жителей о послѣдовавшей перемѣнѣ въ правленіи Шведскомъ (****). Тогда имѣлъ онъ случай перейти въ армію Задунайскаго, поступилъ въ корпусъ Генералъ-Аншефа Графа Салтыкова (*****). Первый шагъ

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Графа Эльмта.

(**) См. *Жизнь Суворова*, изд. Г. Глинкою 1819 г., стр. 47 и 49.

(***) Тамъ же, стр. 55.

(****) Въ половинѣ 1772 года Густавъ III сдѣлался почти Самодержавнымъ Государемъ, въ противность коренныхъ законовъ.

(*****) См. біографію Генер. Фельд. Графа Ивана Петровича Салтыкова.

Суворова въ предѣлахъ Турціи ознаменованъ побѣдой. Салтыковъ отрядилъ его къ Туртукаю: онъ въ одну ночь прискакалъ на почтѣ въ Негоштъ, въ три дни осмотрѣлъ мѣстоположеніе, все устроилъ, и не взирая на приказаніе Румянцова отступить, рѣшился ослушаться его, овладѣлъ (10 мая) Туртукаемъ, прекратилъ Туркамъ сообщеніе между Силистріей и Рущукомъ, обезопасилъ отряды, посылаемые отъ устья Аргиса, и, вмѣсто обыкновеннаго донесенія, увѣдомилъ Румянцова стихами:

«Слава Богу! слава вамъ!
«Туртукай взятъ и я тамъ.»

Задунайскій представилъ Императрицѣ оригинальный рапортъ: «какъ безпримѣрный *лаконизмъ* без-«примѣрнаго Суворова»;—но, вмѣстѣ, долженъ былъ предать ослушника суду. «Римъ — говорилъ потомъ, Суворовъ — «меня-бы казнилъ. Военная Коллегія под-«несла докладъ, въ которомъ Секретарь ея не выпу-«стилъ ни одного закона на мою погибель; но Ека-«терина написала: *побѣдителя судить не должно* и «я остался въ арміи на служеніи моей Спасительни-«цѣ (*).» — Военный орденъ Св. Георгія большаго креста втораго класса увѣнчалъ (30 іюня) его знаменитый подвигъ. Туртукай, отданный на жертву солдатамъ, былъ обращенъ ими въ пепелъ. Съ нашей стороны убито 60 человѣкъ, ранено 150. Суворовъ увезъ десять знаменъ и шесть мѣдныхъ пушекъ изъ

(*) См. *Анекдоты Суворова*, изд. Г. Фуксомъ, стр. 114.

числа отнятыхъ у непріятеля; бросилъ въ Дунай восемь тяжелыхъ орудій; овладѣлъ 50 судами; укрѣпилъ монастырь Негоешти; но, обучая войска свои, не смотря на полученную имъ контузію въ ногу, разстроилъ здоровье, занемогъ лихорадкою и отправился въ Бухарестъ, для излеченія. Герой перемѣнилъ тогда образъ войны: въ Польшѣ, усмиряя непріятеля, охранялъ онъ селенія; въ Турціи желалъ, чтобы одно имя его приводило въ трепетъ невѣрныхъ, и достигнулъ цѣли своей. Онъ снова выступилъ на поле брани, чувствуя еще чрезвычайную слабость, поддерживаемый двумя солдатами: переправился ночью на правый берегъ Дуная, овладѣлъ, 17 іюля, нѣсколькими шанцами непріятельскими, лагеремъ Турецкимъ, 18 мѣдными пушками, 26 лодками. Уронъ Турковъ простирался до двухъ тысячъ человѣкъ; въ числѣ убитыхъ находился храбрый Сари-Мехметъ-Паша, извѣстный силою и красотой своей. Суворовъ предалъ тѣло его землѣ съ должными военными почестями. Побѣда эта, одержанная во время неудачнаго покушенія на Силистрію, обрадовала Задунайскаго: такъ умѣлъ Суворовъ, пользуясь случаями, соединять славу свою съ славой главнаго Предводителя нашихъ войскъ. Подъ Гирсовымъ ожидало Турковъ, 3 сентября, новое пораженіе: ихъ войско простиралось до одиннадцати тысячъ; Суворовъ имѣлъ три эскадрона гусаръ, сто козаковъ, четыре пѣхотныхъ полка и нѣсколько орудій. Онъ заманилъ непріятеля къ укрѣпленному стану своему, и когда невѣрные, преслѣдуя бѣжавшихъ, покушались ворваться на валъ, вдругъ двинулись штыки Русскіе, опрокинули ихъ, между тѣмъ какъ пѣхог-

ный полкъ Князя Гагарина, обойдя высоту, напалъ кареѐмъ на лѣвое крыло Турецкое, а Баронъ Розенъ врубился въ ряды Музульманъ съ конницею. Турки, наступавшіе строѐмъ, по примѣру Европейскому, и не привыкшіе сражаться такимъ образомъ, не могли выдержать сильнаго натиска противниковъ, смѣшались, приведены были въ совершенный безпорядокъ, обратились въ бѣгство, преслѣдуемые побѣдителями за тридцать верстъ. Болѣе тысячи человѣкъ пало на мѣстѣ битвы, въ томъ числѣ двое Пашей. Съ нашей стороны ранено двѣсти человѣкъ. Трофеи того дня состояли изъ восьми пушекъ, одной мортиры и девяти знаменъ; въ плѣнъ взято около ста человѣкъ. Суворовъ произведенъ былъ въ Генералъ-Поручики. Онъ содѣйствовалъ, въ 1774 году, Каменскому въ одержаніи (9 іюня) блистательной побѣды подъ Козлуджи надъ сорока-тысячнымъ Турецкимъ корпусомъ (*). Два героя сражались единодушно, хотя не любили другъ друга: одинъ завидовалъ славѣ младшаго товарища; другой, чувствуя свое превосходство, тяготился подчиненностію.—Вскорѣ Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ положилъ (10 іюля) конецъ кровопролитной бранй. Умолкли громы на берегахъ Дуная, и еще продолжались въ нѣдрахъ нашего Отечества: Донской Козакъ, служившій въ Турецкую войну, бѣжавшій потомъ въ Польшу, укрывавшійся между раскольниками, явился на Яикѣ; началъ возмущать тамошнихъ козаковъ; пойманъ; бѣжалъ снова на Яикъ изъ темницы

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Графа М. О. Каменскаго.

Казанской (1773 г.); дерзнулъ выдавать себя Императоромъ Петромъ III, и съ горстію отчаянныхъ сообщниковъ началъ опустошительныя свои дѣйствія: вступилъ въ Илецкій городокъ; взялъ приступомъ крѣпость Разсыпную; овладѣлъ крѣпостями: Нижне-Озерною, Татищевою, Черноръченскою, Пречистенскою; принятъ въ Сакмарскомъ городкѣ съ колокольнымъ звономъ и дарами; осадилъ Оренбургъ; ворвался въ крѣпость Ильинскую; занялъ крѣпости Тоцкую и Сарачинскую; потерпѣлъ совершенное пораженіе отъ храбраго Генералъ-Маіора Князя Голицына (1774 г.) (*); бѣжалъ за рѣку Сакмару въ степь; собралъ новую сволочь; занялъ Сакмарскій городокъ; возмутилъ Башкирцевъ; разорилъ Магнитную крѣпость; устремился къ Карагайской Уральскими горами; обратилъ ее въ пепелъ; разорилъ, сжегъ крѣпости: Петрозаводскую, Степную, Троицкую; разбитъ на голову Генералъ-Поручикомъ Де-Колонгомъ и потомъ Михельсономъ (**); удалился къ Башкирцамъ; собралъ свѣжее войско; завладѣлъ, на рѣкѣ Камѣ, большимъ дворцовымъ селомъ Каракулинымъ; выжегъ городокъ Осу; разорилъ до основанія казенные винокуренные заводы: Ижевскій и Воткинскій; взбунтовалъ работниковъ; осадилъ Казань: ворвался въ городъ, предалъ его огню и мечу, готовился овладѣть крѣпостью, былъ обращенъ въ бѣгство, преслѣдованъ мужественнымъ Михельсономъ; возмутилъ Заволжскихъ жителей; ограбилъ Цывильскъ и Курмышъ; опусто-

(*) См. біографію Князя Петра Михайловича Голицына.
(**) См. біографію Михельсона.

шилъ: Алатырь, Сарапскъ, Пензу, Петровскъ и Саратовъ; умерщвлялъ вездѣ градодержателей, духовныхъ, чиновниковъ, купцовъ, дерзавшихъ противиться ему. Въ это время Императрица ввѣрила главное начальство надъ войсками, высланными противъ Пугачева, Графу Петру Ивановичу Панину, который готовился тогда идти на встрѣчу бунтовщикамъ съ вооруженными служителями, намѣревался, присоединясь къ первой командѣ, подчинить себя младшему его чиномъ (*). Устрашенный именемъ Панина, самозванецъ, бывшій свидѣтелемъ завоеванія Бендеръ, бѣжалъ изъ Саратова къ Царицыну, преслѣдуемый, тѣсимый на всѣхъ пунктахъ. Въ числѣ вождей, подчиненныхъ Панину, который въ одинъ мѣсяцъ даровалъ спокойствіе и тишину Россіи, находился Суворовъ. Военная Коллегія еще въ продолженіе Турецкой войны вызывала героя на новый подвигъ, видя важность возмущенія, но Румянцовъ удержалъ его въ своей арміи, чтобы не подать Европѣ слишкомъ великаго понятія о внутреннихъ безпокойствахъ Государства. — «Такова «была слава Суворова!» — восклицаетъ Пушкинъ въ Исторіи Пугачевскаго бунта (**). Кончилась война, и Суворовъ получилъ повелѣніе немедленно явиться къ Графу Панину. Онъ принялъ начальство надъ Михельсоновымъ отрядомъ, посадилъ пѣхоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева; переправился чрезъ Волгу въ Царицынѣ; взялъ, подъ видомъ наказанія, въ одной изъ бунтовавшихъ деревень, пятьдесятъ паръ воловъ,

(*) См. біографію Графа Петра Ивановича Панина.

(**) Часть I, стр. 157.

и съ этимъ запасомъ углубился въ пространную степь, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни воды, и гдѣ днемъ должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью по звѣздамъ. Тамъ скитался Пугачевъ. Злодѣй надѣялся еще укрыться между Киргизами отъ заслуженной казни, продолжалъ обманывать сообщниковъ; но послѣдніе лишились терпѣнія и выдали своего предводителя Яицкому Коменданту Симонову, славному обороною ввѣренной ему крѣпости, которую мятежники держали въ тѣсной осадѣ семь мѣсяцевъ; отразившему, съ горстію людей, два приступа самозванца; утолявшему голодъ лошадинымъ мясомъ, овчинными кожами, костями и, наконецъ, землею!... Суворовъ, поспѣшая къ тѣмъ мѣстамъ, сбился ночью съ дороги и нашелъ на огни; напалъ неожиданно на ворующихъ Киргизовъ; разсѣялъ ихъ; прибылъ черезъ нѣсколько дней въ Яицкій городокъ; принялъ Пугачева; посадилъ его въ деревянную клѣтку на двуколесной телѣгѣ; окружилъ сильнымъ отрядомъ при двухъ пушкахъ; не отлучался отъ него; самъ караулилъ ночью, и въ началѣ октября, сдалъ въ Симбирскѣ Графу Панину. Въ Москвѣ совершилась казнь надъ самозванцемъ 10 января 1775 года. — Вскорѣ въ древней столицѣ, осчастливленной присутствіемъ Екатерины, праздновали (10 іюля) миръ съ Портою Оттоманской. Суворовъ былъ награжденъ золотою шпагой, осыпанною брилліантами, и именованъ потомъ начальникомъ С. Петербургской Дивизіи. Тогда Потемкинъ, съ которымъ сравнялся было Суворовъ на полѣ чести, вдругъ предпріимчивымъ умомъ и отважностію опередилъ многихъ, сдѣлался главнымъ вельможею въ Государствѣ, и среди негги и роскоши

приступилъ къ исполненію гигантскихъ предпріятій относительно изгнанія невѣрныхъ изъ Европы. Войска наши вступили въ Крымъ, подъ предводительствомъ Князя Прозоровскаго (1776 г.). Явился Суворовъ и разсѣялъ (1777) скопища Хана Девлетъ-Гирея, предавшаго Портѣ; заставилъ его бѣжать въ Константинополь; содѣйствовалъ Прозоровскому въ утвержденіи Ханомъ Шагинъ-Гирея, малодушнаго и неспособнаго управлять народомъ, котораго политическое существованіе исчезло съ возстановленіемъ мнимой независимости. Турція готовилась къ новой войнѣ. Суворовъ укрѣпилъ правый берегъ Кубани; сдѣлалъ также укрѣпленія въ разныхъ пунктахъ полуострова и даже въ горахъ. Въ началѣ 1778 года Князь Прозоровскій отозванъ въ Петербургъ, и войска, находившіяся въ Крыму, были вѣрены Суворову. Турецкій флотъ, подъ предводительствомъ Капитана-Паши, крейсировалъ въ Черномъ морѣ, подступилъ къ берегу Крыма, угрожалъ высадкою и удалился безъ боя. Между тѣмъ неутомимый Полководецъ занялся переселеніемъ двадцати тысячъ Грековъ и Армянъ въ Екатеринославскую губернію. Духовенство содѣйствовало ему; но Министры, управлявшіе новымъ Ханомъ, явно возстали противъ распоряженія, долженствовавшаго уменьшить получаемые ими доходы. Суворовъ окружилъ жилище ихъ солдатами, приставилъ пушку, и Министры на все согласились (*). Въ половинѣ 1779 года Порта признала Шагинъ-Гирея Ханомъ; Суворовъ выѣхалъ изъ Крыма, вслѣдъ за тѣмъ присоединеннаго къ Имперіи.

(*) *Побѣды Суворова*, изд. 1809, ч. 2, стр 23.

Государыня наградила труды его табакеркою съ портретомъ Ея, осыпанным брилліантами; возложила на него, въ Петербургѣ, брилліантовую звѣзду Александровскаго ордена, которую сама носила на орденской одеждѣ; назначила командиромъ Малороссійской Дивизіи. Въ 1780 году онъ осмотрѣлъ, по приказанію Императрицы, берега Каспійскаго моря; переведенъ былъ потомъ въ Казанскую Дивизію (1781 г.); именованъ командиромъ пятаго корпуса, расположеннаго на Кубани (1782 г.). Дѣятельно вспомоществовалъ Суворовъ Потемкину въ знаменитыхъ предпріятіяхъ: ласками, дарами и угощеніемъ склонилъ онъ Нагайскихъ Татаръ къ принятію Россійскаго подданства (1783 г.); награжденъ орденомъ Св. Владиміра большаго креста первой степени (28 іюля); разбилъ Нагайцевъ, возмущенныхъ Шагинъ-Гиреемъ; привелъ ихъ въ повиновеніе. Россія наслаждалась миромъ, и Суворовъ, обучавшій въ это время ввѣренныя ему войска Владимірской и С. Петербургской дивизій, пожалованъ былъ Генералъ-Аншефомъ, въ 1786 году. Вскорѣ Императрица предприняла путешествіе въ полуденный край (1787 г.) (*); Суворовъ находился въ Малороссіи. Она спросила его въ Кременчугѣ: «не имѣетъ ли онъ какой просьбы?» — Заслуженный воинъ бросился къ ногамъ Государыни и умолялъ *о заплатѣ за нанятую имъ въ томъ городѣ квартиру*. Въ тотъ же день выдано ему изъ Казны, по его показанію, двад-

(*) См. объ этомъ путешествіи въ біографіи Князя Потемкина-Таврическаго.

цать пять рублей съ копѣйками (*); но вслѣдъ за тѣмъ удостоился онъ получить табакерку съ вензеловымъ именемъ Императрицы, осыпанную бриллiантами. Тогда ввѣрены ему были войска, стоявшія въ Херсонѣ и въ Кинбурнѣ. Разрывъ съ Турцiей казался неизбѣжнымъ. Суворовъ, всегда дѣятельный и осторожный, укрѣплялъ берега Днѣпра, особливо Буга, на которомъ было много удобныхъ переправъ; приказалъ заложить передъ гаванью Глубокою большую батарею о двадцати четырехъ 18 и 24-фунтовыхъ пушкахъ, для защищенія обоихъ фарватеровъ; а на островѣ подъ Херсономъ построилъ пять батарей съ меньшимъ числомъ пушекъ, для произведенія крестообразнаго огня; старался также о безопасности полуострова Кинбурнскаго. Городъ былъ окруженъ ничтожными стѣнами, земляным гласисомъ, мелкимъ рвомъ. Суворовъ остался въ Кинбурнѣ, предвидя нападеніе. Турки, дѣйствительно, при самомъ началѣ войны, намѣревались овладѣть Кинбурномъ, какъ слабымъ укрѣпленіемъ; потомъ надѣялись ворваться въ Херсонъ и Крымъ; располагали сжечь корабли наши. Предводимые Французскими офицерами, они приплыли, 30 сентября, къ Косѣ, и начали укрѣпляться. Войска Суворова состояли только изъ 1000 человѣкъ, къ которымъ подоспѣли 4 козачьихъ полка и еще 1000 человѣкъ конницы. Число Турковъ, вступившихъ на берегъ, 1-го октября, простиралось до 6 тысячъ. Главный предводитель ихъ, Юсъ-Паша, знавшій совершенно Кинбурнъ, рѣшился побѣдить или умереть, велѣлъ своимъ перевозным

(*) См. *Анекдоты Суворова*, изд Фуксомъ, стр. 177.

судамъ удалиться. Турки начали бомбардировать; но имъ не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ изъ крѣпости; копали ложементы, безъ всякаго препятствія съ нашей стороны. Суворовъ далъ приказаніе *дѣйствовать, когда непріятель подойдетъ на десяти шаговъ;* назначилъ сигналомъ залпъ со всѣхъ крѣпостныхъ полигоновъ, находившихся на той сторонѣ; между тѣмъ молился въ церкви, велѣлъ, когда кончилась литургія, пѣть молебенъ. Въ часъ по полудни Турецкій авангардъ подошелъ къ назначенному разстоянію; сигналъ былъ данъ: Полковникъ Пловайскій, съ двумя козачьими полками и двумя эскадронами легкой конницы, объѣхавъ крѣпость съ лѣвой стороны, по берегу Чернаго моря, напалъ на непріятельскія войска, которыя состояли изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, пѣшихъ лѣстницы, изрубилъ ихъ, въ томъ числѣ Юсъ-Пашу, не хотѣвшаго сдаться. Между тѣмъ Орловскій пѣхотный полкъ, предводимый Генералъ-Маіоромъ Рекомъ, сдѣлалъ вылазку изъ крѣпости и устремился на непріятеля съ правой стороны, проложилъ себѣ штыками дорогу въ ложементы, очистилъ половину оныхъ, подъ громомъ шести сотъ орудій съ Турецкихъ кораблей. Въ это время храбрый Рекъ, опасно раненый, былъ вынесенъ за фронтъ. Суворовъ подкрѣпилъ сражавшихся батальономъ Козловскаго полка, но со всѣмъ тѣмъ Русскіе отступили; герой остался впереди съ горстію людей. Мушкетеры бросились выручать своего Генерала; подъ нимъ убита тогда лошадь; уже одинъ Турка готовился поразить его, какъ былъ поверженъ на землю унтеръ-офицеромъ Новиковымъ. Наши сражались еще нѣкоторое время, но

подавляемые силою принуждены были отступить. Суворовъ, не смотря на полученную имъ рану картечью въ бокъ, вывелъ свѣжія войска. Отчаянная битва возобновилась въ третій разъ. Побѣда казалась на сторонѣ Турковъ, какъ вдругъ подоспѣли къ нашимъ десять эскадроновъ легкой конницы, стоявшихъ въ тридцати верстахъ за Кинбурномъ. День склонился уже къ вечеру. Пѣхота, получивъ подкрѣпленіе, ударила на непріятеля съ бо́льшимъ ожесточеніемъ; козаки устремились во фланги. Турки, ободряемые дервишами, продолжали нападеніе, бросались съ отчаяніемъ въ ряды наши. Суворовъ былъ, снова, раненъ пулею въ лѣвую руку, но не оставилъ поля сраженія. Вскорѣ сдѣлалось совершенно темно: въ девятомъ часу присоединились еще триста человѣкъ Муромскаго полка, лишь только прибывшіе изъ Херсона и рѣшили побѣду. Турки отступили къ морю, оборонялись съ полчаса и потомъ принуждены были искать спасенія въ волнахъ, гдѣ погибло ихъ множество. Въ десять часовъ все утихло. Потеря наша убитыми простиралась до двухъ сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ десять Штабъ и Оберъ-офицеровъ; ранено восемьсотъ. Изъ шести тысячъ Турковъ, высадившихъ на берегъ, едва десятая часть спаслась отъ пораженія. Императрица, получивъ донесеніе Князя Потемкина объ одержанной побѣдѣ Суворовымъ, принесла (17 окт.) благодареніе Всевышнему съ пушечною пальбой и сказала потомъ приближеннымъ: «*Александръ Васильевичъ поставилъ «насъ на колѣни; но жаль, что старика ранили* (*).»

(*) См. *Памятныя Записки Храповицкаго* въ Отечеств. Запискахъ Г. Свиньина.

Она собственноручнымъ рескриптомъ благодарила его, на другой день, за оказанные имъ и ввѣреннымъ ему войскомъ мужественные подвиги; изъявила искреннее соболѣзнованіе о полученныхъ Суворовымъ ранахъ; желала скораго выздоровленія, и вслѣдъ за тѣмъ наградила его (9 ноября) орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, *который онъ*—по выраженію Екатерины—*заслужилъ вѣрою и вѣрностію* (*): препроводила къ нему шесть Георгіевскихъ крестовъ, *для раздачи по собственному его выбору отличившимся офицерамъ.* — Суворовъ писалъ (20 декабря), изъ Кинбурна, къ своей дочери, которая еще воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ: «У насъ были драки «сильнѣе, нежели вы деретесь за волосы; а какъ въ «правду потанцовали, въ боку пушечная картечь, въ «лѣвой рукѣ отъ пули дырочка, да подо мной лошади «мордочку отстрѣлили: часу часовъ чрезъ восемь от«пустили съ театра въ камеру. Я теперь только, что «возвратился; выѣздилъ близь пятисотъ верстъ вер«хомъ, въ шесть дней и не ночью. Какъ же весело «на Черномъ морѣ, на Лиманѣ! вездѣ поютъ лебеди, «утки, куники; по полямъ жаворонки, синички, лисич«ки, а въ водѣ стерляди, осетры: пропасть! Прости, «мой другъ Наташа и проч.» Въ 1788 году, Потемкинъ повелъ ввѣренную ему армію къ Очакову. Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Суворовъ вызывался овладѣть этою крѣпостью, но получилъ отказъ: 28 августа, преслѣдуя Турковъ, сдѣлавшихъ вылазку, онъ, въ жару сраженія, съ нѣсколькими гренадерскими батальонами ворвался

(*) Девизъ ордена.

въ непріятельскій ретраншаментъ, почти овладѣлъ онымъ, но былъ раненъ пулею, которая попала на два пальца отъ горла и остановилась въ затылкѣ. Тогда нѣсколько сотъ человѣкъ погибли, во время безпорядочнаго отступленія. Герой находился у вратъ смерти; пуля вынута; онъ велѣлъ везти себя въ Кинбурнъ; занемогъ горячкою; сдѣлалось воспаленіе; прибѣгнули къ новой операціи: вырѣзали изъ раны нѣсколько кусковъ сукна и подкладки отъ мундира, которыхъ не примѣтили при первой перевязкѣ. Ожидали кончины страдальца; но благодѣтельный сонъ возвратилъ ему силы, и опасность миновалась. Во все время леченія, которое продолжалось три недѣли, Суворовъ не лежалъ въ постелѣ; уже начиналъ выздоравливать, какъ одна бомба, изъ числа взорванныхъ отъ загорѣвшагося пороховаго магазина, разбила часть стѣны той комнаты, въ которой онъ находился: Суворовъ еще слабый на ногахъ, хотѣлъ выдти и былъ засыпанъ множествомъ щепъ, раненъ ими въ лицо, въ грудь и въ колѣно. Къ тѣлеснымъ страданіямъ присоединились душевныя, которыя болѣе первыхъ подавляютъ человѣка: «Мнѣ страшно» — писалъ гордый Князь Тавриды къ безстрашному Полководцу — «что «въ присутствіи моемъ дѣлается движеніе безъ моего «приказанія нѣхотою и конницею..... Извольте меня «увѣдомлять, что у васъ происходить будетъ; а не «такъ, что даже и не прислали мнѣ сказать о движе«ніи *впередъ*.» — Суворовъ заговорилъ: что желаетъ удалиться въ Москву, *для лучшаго излеченія ранъ*.— «Невинность не терпитъ оправданій» — отвѣчалъ онъ Потемкину. — «*Всякій имѣетъ свою систему*, —

«*такъ и по службѣ я имѣю мою.* — Мнѣ не пере-«родиться, — и поздо! Свѣтлѣйшій Князь! успокойте «остатки моихъ дней! — Шея моя не оцарапана, — «чувствую сквозную рану, — тѣло изломано. — Коли «вы не можете побѣдить свою немилость, удалите ме-«ня отъ себя. — *Добродѣтель всегда гонима.* — Вы «вѣчны, вы кратки!» — Такъ, стараясь смягчить оскор-бленнаго вельможу, герой напоминалъ ему о смерти, которая прерываетъ навсегда земное значеніе.... По-темкинъ забылъ прошедшее, называлъ Суворова въ письмахъ *сердечнымъ своимъ другомъ*, призывалъ его снова къ Очакову — черта похвальная въ жизни Князя Таврическаго! Между тѣмъ Суворовъ имѣлъ пре-бываніе въ Малороссіи, возстановлялъ силы свои и не гонялся за славою, которая ожидала его на каждомъ шагу съ распростертыми объятіями. Въ началѣ 1789 года отправился онъ въ С. Петербургъ, для свиданія съ дочерью; былъ отлично принятъ Императрицею; получилъ бриллiантовое перо на каску, съ литерою *К.* (Кинбурнъ). Новая блистательнѣйшая кампанія ожида-ла его. Суворовъ полетѣлъ въ армію, которою пред-водительствовалъ одинъ только Потемкинъ: Задунай-скій вложилъ въ ножны мечь, испытывая разныя непріятности по службѣ со стороны Президента Воен-ной Коллегіи (*), жилъ тогда на одной мызѣ въ окрестностяхъ Ясс. Тамъ посѣтилъ Кагульскаго героя достойный ученикъ его, Суворовъ, который видѣлъ въ немъ бывшаго своего начальника, непобѣдимаго вождя, и не смотрѣлъ на отношенія къ нему Князя Тавриче-

(*) Президентомъ Военной Коллегіи былъ Потемкинъ.

скаго. Принявъ въ Берладѣ отъ Генералъ-Поручика Дерфельдена ввѣренный ему корпусъ, Суворовъ, по приказанію Князя Репнина, начальствовавшаго въ Молдавіи и въ Бессарабіи, вступилъ въ сношенія съ Принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ, который командовалъ вспомогательными Австрійскими войсками. Онъ находился въ Валахіи, не зналъ еще лично Суворова, но уважалъ его: вскорѣ тѣсная дружба соединила ихъ. Турецкая армія, подъ предводительствомъ Сераскира, двинулась отъ Браилова къ Фокшанамъ, и угрожала нападеніемъ на корпусъ Принца Кобургскаго: Суворовъ поспѣшилъ къ нему и, проходя ближайшею дорогой, горами и лѣсомъ, сдѣлалъ восемдесять верстъ въ 36 часовъ. Тогда оба корпуса переправились за рѣку Стратушъ, въ двухъ колоннахъ: авангардъ состоялъ изъ однихъ Австрійцевъ, чтобы Турки не знали о прибытіи союзниковъ. 21 іюля произошло сраженіе при Фокшанахъ, на которомъ 18,000 Австрійцевъ и 7000 Русскихъ совершенно разбили 40,000 Турковъ; обратили ихъ въ бѣгство; преслѣдовали по двумъ дорогамъ: Букарестской и Браиловской; положили на мѣстѣ до двухъ тысячъ человѣкъ; взяли въ плѣнъ около трехъсотъ; отняли 16 знаменъ, 12 пушекъ; овладѣли богатымъ лагеремъ. Императоръ Іосифъ наградилъ Принца Кобургскаго большимъ крестомъ ордена Маріи Терезіи, и прислалъ Суворову, при лестномъ рескриптѣ, табакерку съ вензеловымъ именемъ, осыпанную брилліантами. Въ столицѣ ожидали дальнѣйшихъ извѣстій о его побѣдахъ. Вскорѣ Верховный Визирь съ шестидесятитысячнымъ войскомъ, переправясь отъ Браилова чрезъ рѣку Бузео, сталъ лагеремъ при деревнѣ

Градепештп, въ близкомъ разстоянiи отъ Австрiйцевъ. Принцъ отправилъ нарочнаго къ Суворову, который находился въ Берладѣ. Россiйскiй Полководецъ сначала не спѣшилъ походомъ; но получивъ второе увѣдомленiе, отвѣчалъ двумя словами: *Иду*, *Суворовъ;* полетѣлъ на помощь союзникамъ, и 9 сентября, вечеромъ, соединился съ ними, въ виду непрiятельскаго стана. Принцъ тотчасъ пригласилъ къ себѣ Генералъ-Аншефа; послѣдній велѣлъ ему доложить: *Суворовъ Богу молится.* Принцъ отправилъ другаго посланнаго: *Суворовъ ужинаетъ* — сказалъ герой. Явился третiй и услышалъ: *Суворовъ спитъ.* Между тѣмъ, не помышляя о снѣ, дѣятельный Полководецъ обозрѣвалъ съ высокаго дерева мѣстоположенiе непрiятельское, и на разсвѣтѣ явился къ Принцу Кобургскому, условился съ нимъ о нападенiи. — «Еслибъ при самомъ на«чалѣ» — произнесъ Суворовъ Генераламъ — «пошелъ «я къ Принцу, мы провели бы всю ночь въ толкова«нiяхъ *тактическихъ*; мы спорили бы и упустили «время.» Союзныя войска, въ двухъ колоннахъ, перешли вечеромъ, 10 сентября, Милковъ въ бродъ и по наведеннымъ мостамъ; приблизились, въ глубочайшей тишинѣ, къ крутымъ берегамъ Рымника и совершили переправу черезъ эту рѣку 11 числа, на разсвѣтѣ. Русскiе двинулись впередъ въ трехъ линiяхъ; пѣхота, находившаяся въ первой и второй, шла шестью кареями; конница подвигалась за ними въ третьей. Число войскъ простиралось, какъ и подъ Фокшанами, только до семи тысячъ человѣкъ, при двадцати орудiяхъ. Австрiйцы слѣдовали также тремя линiями: девять каревъ составляли двѣ первыя, а кон-

пица третью. Всѣхъ ихъ было до 18,000. Визирь, узнавъ, что долженъ будетъ сразиться съ Суворовымъ, сказалъ: «Это, навѣрно, другой Суворовъ, потому что первый умеръ отъ ранъ въ Кинбурнѣ.» Лишь только Русскіе подошли къ непріятельскому лагерю на полторы версты, Турки открыли сильный огонь изъ своихъ орудій; но солдаты, не смотря на рытвины, затруднявшія артиллерію, быстро подвигались впередъ. Между тѣмъ конница, бывшая на правомъ крылѣ подъ командою Бригадира Бурнашева, начала атаку. Турки, стоявшіе на возвышеніи, зашли лошпою пашнмъ въ бокъ и ударили на каре Шастакова, который также находился на правомъ крылѣ. Ихъ было до семи тысячь человѣкъ: янычары сидѣли на однѣхъ лошадяхъ съ спагами, и, приближась къ Русскимъ, тотчасъ соскочили, напали на противниковъ съ ожесточеніемъ; но число невѣрныхъ не устрашило храбрыхъ воиновъ, предводимыхъ Суворовымъ: они приняли Турковъ холоднымъ оружіемъ и отбросили назадъ; янычары спасались отъ смерти на лошадяхъ спаговъ, и первые падали подъ саблею нашей конницы. Въ это время Османъ Паша, съ 5,000 охотниковъ изъ спаговъ, потерпѣлъ пораженіе на лѣвомъ крылѣ нашемъ. Въ непріятельскомъ лагерѣ не найдено ни одной пушки. Когда происходила битва при Тиргокули, Принцъ Кобургскій, переправившійся чрезъ Рымникъ верстъ на семь ниже Суворова, не успѣлъ еще соединиться съ нимъ и находился верстахъ въ четырехъ. Османъ Паша съ 15,000 чел. конницы намѣревался возобновить нападеніе на Русскихъ и неожиданно сошелся съ Австрійцами, былъ во второй

разъ обращенъ въ бѣгство. Давъ отдохнуть войскамъ, Суворовъ, въ первомъ часу по полудни, выступилъ къ деревнѣ Боксѣ. Австрійцы стояли отъ него верстахъ въ трехъ; Визирь расположился за Кригумеларскимъ лѣсомъ, на Рымникѣ, въ десяти верстахъ отъ союзниковъ. Турки выкопали вдоль по опушкѣ лѣса шанцы, за которыми намѣревались, 12 числа, оставить тяжелый обозъ передъ нападеніемъ на Принца Кобургскаго; но Суворовъ не любилъ откладывать, и между тѣмъ, какъ Австрійцы вступили въ бой съ Визиремъ, обошелъ непріятельскія батареи, поставилъ свои шесть каре полукружіемъ и повелъ ихъ скорымъ шагомъ къ укрѣпленному лѣсу. Сильная пальба не остановила безстрашныхъ: чтобы сберечь людей, Суворовъ приказалъ конницѣ нападать на лѣсъ чрезъ интервалы между кареями. Въ укрѣпленіяхъ находилось болѣе 15,000 янычаръ; конница Турецкая стояла по бокамъ. Принцъ Кобургскій, отразивъ шесть сильныхъ атакъ, также двинулъ свои полки къ лѣсу. Конница паша быстро перенеслась чрезъ рвы и валы и врубилась въ толпы янычаръ: завязался рукопашный бой; Турки отчаянно защищались саблями и кинжалами; многіе изъ нихъ изрублены на пушкахъ, которыхъ не хотѣли покинуть. Стародубскіе карабинеры, предводимые храбрымъ Миклашевскимъ, и Венгерскіе гусары первые бросились на непріятеля. Козаки, Австрійскіе уланы и Арнауты ударили на Турецкую конницу, смяли ее и окружили лѣсъ слѣва и сзади. Устремилась пѣхота, и въ четыре часа соединенные корпуса совершенно овладѣли лѣсомъ. Турки были вездѣ опрокинуты и искали спасенія въ бѣгствѣ. Тщетно Визирь убѣ-

ждалъ свое войско возвратиться на поле битвы, заклиная алкораномъ, который держалъ въ рукѣ; наконецъ, обратилъ на малодушныхъ два орудія: ничто не помогло. Суворовъ самъ преслѣдовалъ бѣжавшихъ по трупамъ убитыхъ, не давалъ никакой пощады непріятелю, приказывалъ рубить всѣхъ, и запретилъ брать въ плѣнъ. Визирь, прогнанный въ Браиловъ, заперся въ крѣпости. Турки лишились убитыми болѣе десяти тысячъ человѣкъ. Потеря союзниковъ не превышала 600 человѣкъ убитыми и 300 ранеными. Въ числѣ трофеевъ было восемдесять пушекъ и сто знаменъ; весь лагерь, обозъ и множество рогатаго скота достались побѣдителямъ. Взятіе Бѣлграда Лаудономъ и сдача Бендеръ и Акермана Князю Потемкину были слѣдствіемъ Рымникской битвы. И здѣсь, какъ подъ Кинбурномъ, угрожало Суворову пораженіе: вечеромъ 11 сентября Принцъ Кобургскій получилъ, съ курьеромъ, выговоръ отъ Князя Таврическаго *за то, что понтоны не были готовы*, и будучи Имперскимъ Княземъ, находясь въ службѣ Римскаго Императора, не считая себя подчиненнымъ Россійскому Фельдмаршалу, чрезвычайно оскорбился; сказалъ Суворову: «что еслибъ «курьеръ пріѣхалъ по утру, то онъ не вступилъ бы «въ дѣло съ Турками (*).» Екатерина наградила Суворова брилліантовыми знаками ордена Св. Андрея Первозваннаго; шпагою, украшенною брилліантами и лавровыми вѣнками, съ надписью: *Побѣдителю Верховнаго Визиря*, и вслѣдъ за тѣмъ препроводила къ нему дипломъ на Графское достоинство Россійской Имперіи,

(*) См. *Побѣды Суворова*, ч. 3, стр. 32.

съ наименованіемъ *Рымникскимъ*, также орденъ Св. Великомученика Георгія перваго класса (18 окт.). Послѣдняя награда чрезвычайно обрадовала героя. Онъ писалъ тогда къ дочери своей: «Слышала ли, *сестри-*«*ца* (*), душа моя? Отъ моей щедрой Матушки (**): «Рескриптъ на полулистѣ, будто Александру Македон-«скому; знаки Св. Андрея тысячь въ пятьдесять, *да* «*выше всего*, голубушка, первый классъ Св. Георгія. «Вотъ каковъ твой папинька за доброе сердце. Чуть, «право, отъ радости не умеръ.» — Іосифъ возвелъ Суворова въ Графское достоинство Римской Имперіи (19 окт.); пожаловалъ Принца Кобургскаго Генералъ-Фельдмаршаломъ. Онъ получилъ отъ Екатерины одинакую шпагу съ Суворовымъ. Послѣ одержанной имъ побѣды, Принцъ пришелъ въ палатку нашего Полководца, сопровождаемый своимъ Штабомъ, и оба вождя бросились въ объятія другъ друга. Австрійцы расположились въ Валахіи. Корпусъ Принца Кобургскаго увеличился до сорока тысячь человѣкъ. Новый Визирь Юсуфъ Паша двинулъ сильную армію къ Рущуку (1790 г.). Суворовъ поспѣшилъ къ Букаресту. Въ это время скончался вѣрный союзникъ Россіи, Императоръ Іосифъ II, и Леопольдъ, постановивъ перемиріе съ Турціею, отозвалъ Принца въ Венгрію. Онъ изъявилъ въ письмѣ своемъ къ Суворову душевную скорбь; называлъ его *достойнымъ*, *драгоцѣннымъ* дру-

---

(*) *Сестрицею* называлъ Суворовъ дочь свою, подражая монастыркамъ. Въ началѣ письма именуетъ онъ ее: *Comtesse de deux Empires! Любезною Наташею Суворочкою.*

(**) Императрицы.

гомъ, несравненнымъ учителемъ; увѣрялъ, *что не въ силахъ проститься съ нимъ лично;* просилъ *о продолженіи къ нему дружбы, которая одна услаждаетъ военную жизнь его.* Между тѣмъ оружіе наше торжествовало въ Турціи: Контръ-Адмиралъ Рибасъ овладѣлъ Тульчею; братъ его вступилъ въ Исакчу, Гудовичъ въ Килію. Тогда Потемкинъ, въ глубокую осень, приказалъ Суворову *взять Измаилъ во чтобъ то ни стало.* За двадцать лѣтъ передъ тѣмъ эта крѣпость, имѣвшая семь верстъ въ окружности, восемь бастіоновъ, валъ, вышиною въ три и четыре сажени, рвы отъ шести до семи саженей — сдалась на условіяхъ Репнину. Турки гордились потомъ два раза неудачною осадой Русскихъ. Въ 1790 году Измаилъ, сильно укрѣпленный Французскими инженерами, почитаемый неприступнымъ Турціей и Европою, вмѣщалъ въ себѣ тридцати-пяти-тысячный гарнизонъ, который состоялъ бо́льшею частію изъ янычаръ, подъ предводительствомъ Сераскира Аудузлу Паши, стараго воина, отказавшагося отъ Визирскаго достоинства. Армія Суворова простиралась только до 28,000 человѣкъ, изъ которыхъ около половины были козаки. Она расположилась полукружіемъ въ трехъ верстахъ отъ Измаила, и занимала почти двадцать верстъ отъ одного берега Дуная до другаго: въ ней свирѣпствовали разныя болѣзни по причинѣ ненастной погоды; претерпѣвали недостатокъ въ фуражѣ. Холодъ увеличивался; Суворовъ приказалъ нарѣзать тростнику, чтобы солдаты могли грѣться у огня; приготовилъ лѣстницы и фашины; обучалъ ночью войска дѣйствовать ими; осматривалъ мѣстоположеніе; отражалъ вылазки; по-

строилъ батареи въ сорока саженяхъ отъ Измаила, желая обмануть Турковъ правильною осадой; велѣлъ стрѣлять въ крѣпость, откуда также отвѣчали жестокимъ огнемъ, и начертилъ между тѣмъ планъ приступа. Контръ-Адмиралъ Рибасъ дѣйствовалъ со стороны Дуная: укрѣпилъ островъ, лежащій противъ Измаила, построилъ на немъ батареи, бросалъ бомбы въ крѣпость, сжегъ и потопилъ почти всю Турецкую флотилію. 7-го Декабря Суворовъ вступилъ въ сношенія съ Сераскиромъ: два раза убѣждалъ его сдать крѣпость. Гордый Аудузлу-Паша отвѣчалъ: «Скорѣе Дунай оста-«новится въ теченіи своемъ и небо преклонится къ «землѣ, нежели сдастся Измаилъ.» — Суворовъ въ третій разъ увѣдомилъ Сераскира: *что если въ тотъ же день не выставитъ онъ бѣлаго флага, то крѣпость будетъ взята приступомъ, а гарнизонъ сдѣлается жертвою ожесточенныхъ воиновъ.* Паша оставилъ отзывъ Главнокомандовавшаго безъ отвѣта. Въ это время Князь Таврическій, страшась помрачить неудачею славу оружія Русскаго, вдругъ отмѣнилъ данное приказаніе, и совѣтовалъ Суворову: «не отваживаться на приступъ, если онъ не совер-«шенно увѣренъ въ успѣхѣ.» — «*Мое намѣреніе «непремѣнно*» — отвѣчалъ Суворовъ — «*два раза «было Россійское войско у воротъ Измаила—стыдно «будетъ, если въ третій оно отступитъ не сошедши «съ него.*» — Собранъ былъ военный совѣтъ: Бригадиръ Платовъ (прославившійся потомъ въ Отечественную войну) первый написалъ: *штурмовать.* Всѣ тоже подтвердили. Суворовъ вбѣжалъ въ ставку, перецѣловалъ всѣхъ и сказалъ: «*Одинъ день Богу мо-*

литься; другой день учиться; въ третій день славная смерть или побѣда (*)! Ночью съ 10 на 11 декабря, передъ приступомъ, Суворовъ велѣлъ изрѣдка бомбардировать крѣпость, чтобы обмануть Турковъ недостаткомъ пороха и другихъ артиллерійскихъ снарядовъ: онъ не сомкнулъ вѣждей своихъ, сидѣлъ у огня съ нѣсколькими офицерами, и ожидалъ сигнала. Въ пять часовъ утра, когда пущена была третья ракета, вдругъ шесть колоннъ, среди которыхъ находился Суворовъ, сухимъ путемъ, и три на судахъ двинулись къ Измаилу: первыми тремя, или правымъ крыломъ командовалъ Генералъ-Поручикъ Потемкинъ, двоюродный братъ Фельдмаршала; лѣвымъ родный племянникъ Князя Таврическаго, Генералъ-Поручикъ Самойловъ. Подъ начальствомъ послѣдняго находился Голенищевъ-Кутузовъ (**). Онъ предводительствовалъ шестою колонною. Конница расположилась въ одной верстѣ, подъ пушками крѣпости; козаки, назначенные для приступа, спѣшились, укоротили свои пики. Темнота и туманъ продолжались до девяти часовъ утра. Лишь только Русскіе подошли на четыреста шаговъ, Турки открыли сильный картечный огонь, причинившій большое опустошеніе въ рядахъ нашихъ. Секундъ-Маіоръ Неклюдовъ, вызвавшійся съ егерями въ охотники, первый бросился въ ровъ, наполненный водою, и изъ глубины онаго, безъ лѣстницъ, съ помощію только копій

(*) См. *Русскую Исторію* С. Н. Глинки, напеч. 1818 г., ч. 8, стр. 179.

(**) См. біографію Генер. Фельдм. Князя Голенищева-Кутузова Смоленскаго.

и штыковъ, взобрался на валъ, подъ пушки непріятельскія; приказалъ егерямъ, къ ободренію товарищей, стоявшихъ у рва, выстрѣлить въ промежутки Турецкой батареи; вскочилъ потомъ на бастіонъ, овладѣлъ орудіями и тяжело раненъ (*). Генералъ-Маіоръ Лассн, начальствовавшій второю колонною, прежде всѣхъ взошелъ на валъ, въ шесть часовъ: первая колонна, подъ командою Генералъ-Маіора Львова, и третья, предводимая Генералъ-Маіоромъ Мекнобомъ, должны были его подкрѣпить, но нѣсколько опоздали. Львовъ и Мекнобъ были тяжело ранены; Лассн слегка, въ руку, и продолжая нападеніе, захватилъ многія батареи за Хотинскими воротами. Между тѣмъ лѣвое крыло дѣйствовало съ однакимъ мужествомъ: Генералъ-Маіоръ Голенищевъ-Кутузовъ, преодолѣвъ сильный картечный и ружейный огонь, овладѣлъ бастіономъ; но въ первое мгновеніе удержанъ былъ многочисленными толпами непріятелей, которые сильною вылазкой остановили четвертую и пятую колонны. Ими предводительствовалъ Безбородко, братъ

(*) Неклюдовъ цѣлый годъ страдалъ отъ ранъ, и Суворовъ, считая его умершимъ, не представилъ о немъ. Въ 1792 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Екатерина наградила героя Измаильскаго военнымъ орденомъ Св. Георгія 4 класса, произвела его изъ Секундъ Маіоровъ въ Подполковники и пожаловала ему двѣсти крестьянъ. Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ произвелъ престарѣлаго воина изъ отставнаго Полковника въ Генералъ-Маіоры и Высочайше повелѣлъ ему состоять по кавалеріи. Неклюдовъ скончался въ 1839 году.

знаменитаго Капцлера, получившій тогда тяжелую рану. Суворовъ наблюдалъ каждый шагъ подчиненныхъ ему вождей, немедленно велѣлъ поздравить Кутузова *Комендантомъ Измаила*, и прибавилъ, что онъ уже отправилъ нарочнаго съ вѣстію о покоренін крѣпости. Усиливъ свои войска Херсонскимъ полкомъ, Кутузовъ возобновилъ отчаянную битву, опрокинулъ янычаръ и довершилъ побѣду штыками. Турки старались взорвать пороховые магазины, находившіеся подъ валомъ каждаго бастіона, и устремились на лагерь осаждающихъ, но были отражены Русскими съ значительной потерею. Въ восемь часовъ Суворовъ овладѣлъ крѣпостными укрѣпленіями съ сухаго пути и съ рѣки; началось сраженіе во внутренности города: Турки въ узкихъ улицахъ стрѣляли изъ оконъ, оборонялись съ ожесточеніемъ; между ними было множество женщинъ, вооруженныхъ кинжалами. Русскіе вошли въ Измаилъ четырьмя воротами. Сераскиръ долго защищался въ каменномъ строеніи, и потомъ палъ героемъ. Въ четыре часа по полудни крѣпость была совершенно завоевана. Въ числѣ девяти тысячъ плѣнныхъ, положившихъ оружіе (изъ которыхъ двѣ тысячи умерли отъ ранъ въ тотъ же день), находились: трехъ-бунчужный Паша Мустафа, одинъ Султанъ, сынъ Сераскировъ, Капиджи Баша и множество Бимъ Башей; болѣе четырехъ тысячъ Христіанъ и сто тридцать пять Евреевъ, жительствовавшихъ въ Измаилѣ, прибѣгнули въ покровительству Суворова. Во время штурма погибло до 26,000 Турковъ и Татаръ; въ числѣ трофеевъ находились: 245 пушекъ и мортиръ, 364 знамени, семь бунчуговъ, два санджака, множе-

ство пороху и другихъ военныхъ снарядовъ, полные магазины съѣстныхъ припасовъ для людей и лошадей. Солдатамъ позволено было грабить, согласно данному обѣщанію, три дни сряду: они получили въ добычу болѣе милліона рублей и множество прекрасныхъ Турчанокъ. Нашихъ убито на приступѣ 1880 человѣкъ; ранено: три Генералъ-Маіора, около 200 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и 214 рядовыхъ. «*Гордый Измаилъ палъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества*» — донесъ Государынѣ Суворовъ, и въ то же самое время написалъ къ Фельдмаршалу: «*Россійскія знамена на стѣнахъ Измаила!*» Тогда Князь Таврическій имѣлъ пребываніе въ Яссахъ, гдѣ среди блеска и пышности, окружавшихъ его, предавался внутренней скорби, страшился пережить свое значеніе. Онъ пригласилъ къ себѣ покорителя Измаила; желалъ сдѣлать ему почетную встрѣчу; велѣлъ разставить по дорогѣ нарочныхъ сигнальщиковъ, и поручилъ любимцу своему, Боуру, доложить лишь только Генералъ-Аншефъ будетъ подъѣзжать къ городу. Суворовъ нарочно пріѣхалъ въ Яссы ночью, и на другой день отправился къ Фельдмаршалу въ длинной Молдавской повозкѣ, заложенной парою лошадей въ шорахъ, съ кучеромъ и лакеемъ, одѣтыми въ широкихъ платьяхъ. Проницательный Боуръ, не смотря на странный экипажъ, узналъ Суворова, когда онъ въѣхалъ въ ворота Княжескаго дворца, и поспѣшилъ увѣдомить Фельдмаршала. Немедленно Потемкинъ вышелъ на парадное крыльцо, но не успѣлъ сойти съ трехъ ступеней, какъ увидѣвъ передъ собой Суворова, обнялъ его и произнесъ: «Чѣмъ могу я васъ наградить за ваши

«заслуги?» — *Нѣтъ, Ваша Свѣтлость* — отвѣчалъ поспѣшно Суворовъ — *я не купецъ и не пріѣхалъ съ вами торговаться. Меня наградить, кромѣ Бога и Всемилостивѣйшей Государыни, никто не можетъ.* — Потемкинъ перемѣнился въ лицѣ, замолчалъ и пошелъ въ залу. Тамъ Суворовъ подалъ ему рапортъ. Фельдмаршалъ принялъ его съ примѣтной холодностію, и они, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ залѣ, разстались не говоря ни слова (*). Суворовъ явился въ Петербургѣ въ началѣ 1791 года. Императрица велѣла спросить его: «гдѣ желаетъ онъ быть Намѣстникомъ?» — *Я знаю* — отвѣчалъ безсмертный Полководецъ — *что Матушка-Царица слишкомъ любитъ Своихъ подданныхъ, чтобы мною наказать какую-либо провинцію. Я размѣряю силы съ бременемъ, какое могу поднять. Для другаго не въ моготу Фельдмаршальскій мундиръ* (**).» — Но Потемкинъ, оскорбленный Суворовымъ, воспрепятствовалъ ему получить тогда военачальническій жезлъ: онъ былъ награжденъ званіемъ Подполковника Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка, и въ память знаменитаго его подвига выбита медаль. Присутствіе Суворова тяготило гордаго Вельможу, который приготовлялъ въ Таврическомъ дворцѣ своемъ волшебный праздникъ для Екатерины по случаю взятія Измаила, и намѣревался представить ей плѣнныхъ Пашей. 26 апрѣля Суворовъ отправленъ въ Финляндію, съ порученіемъ укрѣпить границу (***); 28 числа жи-

(*) См. *Анекдоты Суворова*, стр. 162 — 164.

(**) См. *Анекдоты Суворова*, стр. 52.

(***) См. *Записки Храповицкаго*, изд. Г. Свиньинымъ.

тели Невы стеклись во множествѣ въ великолѣпные чертоги исполина тѣхъ временъ, который не воображалъ праздновать тогда скорый переходъ свой въ вѣчность. Удаленный въ каменистую Финляндію, Суворовъ трудился для пользы и безопасности Отечества, и называлъ занятія свои *бездѣйствіемъ* въ сравненіи съ прежнею службой. Между тѣмъ Кутузовъ разбилъ Турковъ при Бабадѣ; Князь Репнинъ одержалъ знаменитую побѣду при Мачинѣ; Потемкинъ сошелъ во гробъ; Безбородко подписалъ славный миръ съ Портою Оттоманскою, и вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ назначенъ начальникомъ надъ войсками въ Екатеринославской губерніи, въ Крыму и въ новоприобрѣтенныхъ земляхъ, до устья рѣки Днѣстра (1792 г.); избралъ главною квартирою Херсонъ, гдѣ покоился Князь Таврическій; получилъ тамъ (въ сент. 1793 г.) слѣдующій рескриптъ отъ Императрицы: «Графъ Александръ «Васильевичъ! День празднованія мира напоминаетъ «Намъ знаменитыя заслуги и дѣла, коими вы отличи«лись. Всемилостивѣйше жалуемъ вамъ похвальную «грамоту, за собственноручнымъ Нашимъ подписа«ніемъ, съ означеніемъ всѣхъ ревностныхъ и муже«ственныхъ подвиговъ, произведенныхъ вами въ про«долженіе славнаго и долговременнаго вашего служе«нія. Во свидѣтельство Высочайшей довѣренности къ «вашему знанію и вашей справедливости, ввѣряемъ «вамъ орденъ Св. Георгія третьей степени: возложите «оный на того, кого почитаете достойнѣйшимъ изъ «отличившихся въ военномъ званіи. Въ знакъ же Мо«наршаго благоволенія препровождаемъ вамъ эполетъ

«и перстень брилліантовые (*).» Суворовъ занимался укрѣпленіемъ приморскихъ мѣстъ Тавриды, между тѣмъ, какъ неустройства въ Польшѣ и мятежный духъ жителей открывали ему новый путь къ славѣ. Служившій подъ знаменами Вашингтона, Костюшко, призванный соотечественниками изъ Германіи, принялъ главное начальство, поклялся защищать мнимую независимость или погибнуть. Краковъ, Варшава и Вильно возстали на Русскихъ воиновъ; Генералъ Ферзенъ отступилъ къ Прусскимъ границамъ, и потомъ двинулся къ Варшавѣ съ вспомогательнымъ войскомъ, предводимымъ Королемъ Вильгельмомъ III. Костюшко успѣлъ перехватить паркъ осадной Прусской артиллеріи; вспыхнулъ мятежъ въ областяхъ, пріобрѣтенныхъ Пруссіей отъ Польши; союзники отдѣлились отъ Ферзена. Въ это время Екатерина ввѣрила войска Свои побѣдителю при Сталовичахъ. «Я посылаю въ Польшу двѣ арміи» — сказала Она приближеннымъ — «одну армію, а другую — «Суворова.» Садясь въ кибитку, Суворовъ сказалъ сестрѣ знаменитаго нашего Адмирала Круза (**), которой мужъ, Капитанъ перваго ранга Вальронтъ, былъ вѣчно разжалованъ въ матросы: «*Молись Богу: Онъ «услышитъ молитву твою*» — и полетѣлъ въ армію (1794 г.). Благоразумными распоряженіями его, Польскія войска были обезоружены на разныхъ пунктахъ, между тѣмъ, какъ наши сосредоточивались въ одинъ, около Варковичъ. Суворовъ, во время похода, ѣхалъ

(*) Обѣ эти вещи были оцѣнены въ шестьдесять тысячь рублей.

(**) См. біографію Александра Ивановича Круза.

верхомъ, чтобы подать собою примѣръ офицерамъ: сдѣлавъ въ три недѣли 560 верстъ, овладѣлъ въ Кобринѣ магазиномъ; разбилъ при Крупчицѣ (6 сент.) семнадцатитысячный корпусъ Сераковскаго; положилъ на мѣстѣ до трехъ тысячъ человѣкъ; обратилъ его въ бѣгство; сразился во второй разъ съ нимъ и Косинскимъ (8 сентября) при Брженцѣ; овладѣлъ всею ихъ артиллеріей, состоявшей изъ 28 орудій; донесъ Задунайскому: «*Корпусъ Сераковскаго кончилъ*!» — награжденъ брилліантовою петлицею на шляпу и тремя пушками. Между тѣмъ Ферзенъ поразилъ при Мачевичахъ (28 сентября) Костюшко; взялъ его въ плѣнъ и присоединился, 14 октября, въ Станиславовѣ, къ Суворову съ десятитысячнымъ корпусомъ (*). Тогда войска послѣдняго увеличились до семнадцати тысячъ, съ которыми онъ пошелъ къ Варшавѣ, и на другой день (15 окт.) разсѣялъ при Кобылкѣ пятитысячный отрядъ непріятельскій, взялъ девять пушекъ, 400 человѣкъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ одного Генерала и 30 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ; овладѣлъ обозомъ. Вскорѣ Суворовъ подступилъ къ Прагѣ, защищаемой 30,000 лучшихъ Польскихъ войскъ и 104 пушками. Отличаясь быстротой и внезапностію, герой осмотрѣлъ укрѣпленія, начертилъ планъ атаки, раздѣлилъ войска свои на семь колоннъ, и назначилъ день приступа 24 октября. Въ пять часовъ утра была пущена ракета: колонны двинулись, не смотря на сильный крестообразный огонь съ разныхъ батарей; по сбитіи переднихъ ретраншаментовъ, Польскія войска, построясь въ бое-

(*) См. біографію Графа Ферзена.

вой порядокъ передъ вторымъ и третьимъ окопами, защищались отчаянно; но мужество ихъ и сильный взрывъ магазина съ порохомъ и бомбами, не остановили безстрашныхъ воиновъ Суворова: въ три часа Прага взята въ виду столицы Польши, полагавшей на нее всю надежду. Четыре Генерала: Ясинскій, Корсакъ, Квашневскій и Грабовскій, съ 13,540 воинами погреблись подъ развалинами крѣпости; въ числѣ плѣнныхъ были: три Генерала, 29 Штабъ-Офицеровъ, 413 Офицеровъ и 14,000 рядовыхъ; до двухъ тысячъ потонуло въ Вислѣ, и не болѣе тысячи человѣкъ спаслось въ Варшаву: 104 пушки, множество знаменъ и орудій разнаго рода достались побѣдителямъ. Съ нашей стороны убито 580 человѣкъ, ранено 960. На приступѣ было 22,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 7000 человѣкъ конницы. Суворовъ приказалъ разбить на окопахъ палатку и отдыхалъ въ ней на соломѣ! На другой день явились депутаты изъ Варшавы. Щадя кровь человѣческую и желая побѣдить Поляковъ ужасами войны, Суворовъ не велѣлъ хоронить убитыхъ, далъ приказаніе, чтобы войска находились въ готовности. Депутаты проходили въ ставку Русскаго воеиначальника по грудамъ тѣлъ, среди грознаго вооруженія и дымившихся развалинъ. Суворовъ вышелъ къ нимъ въ куртке, безъ орденовъ, въ каскѣ, съ саблею; сбросилъ послѣднюю, произнеся: *миръ, тишина и спокойствіе!* — и съ этими словами обнялъ представителей народа, цѣловавшихъ его колѣна. Графъ Потоцкій, присланный отъ Короля, желалъ вступить въ переговоры о мирѣ; но Суворовъ отвѣчалъ: «*Съ Польшею у насъ нѣтъ войны; я не министръ, а*

военачальникъ: сокрушаю толпы мятежниковъ и желаю мира и покоя благонамѣреннымъ.» —28 октября прибыли прежніе депутаты, съ предоставленіемъ жребія Варшавы великодушію Екатерины и добродѣтелямъ побѣдителя. Король убѣждалъ Суворова немедленно вступить въ столицу. Онъ имѣлъ торжественный въѣздъ 29 числа, предшествовалъ войскамъ верхомъ, въ простомъ мундирѣ, безъ знаковъ отличій. На берегу Вислы встрѣтилъ его Магистратъ, поднесшій *хлѣбъ-соль* и ключи городскіе. Суворовъ поцѣловалъ ихъ, и воздѣвъ руки къ небу, произнесъ. «*Боже! благодарю Тебя, что эти ключи не такъ дорого достались, какъ....*» Здѣсь слезы прервали рѣчь человѣколюбиваго героя, который обратилъ горестный взоръ на развалины Праги. Громкія восклицанія: *Да здравствуетъ Екатерина! да здравствуетъ Суворовъ!* — слилались съ радостнымъ *ура!* нашихъ воиновъ. 1376 Русскихъ плѣнныхъ, 500 Пруссаковъ и 80 Австрійцевъ, обреченныхъ на смерть, томившихся въ оковахъ, получили свободу. Донеся Императрицѣ о новыхъ завоеваніяхъ тремя словами: *Ура! Варшава наша!* — Суворовъ, среди полнаго торжества, вспомнилъ о Херсонскомъ изгнаніи. «*Знаю*» — писалъ онъ въ Петербургъ — «*что Матушка-Царица меня наградитъ; но величайшая для меня награда — помилованіе Вальронта.*» Екатерина отвѣчала побѣдителю (19 ноября) также тремя словами: «*Ура! Фельдмаршалъ Суворовъ!*» — и вслѣдъ за тѣмъ удостоила его слѣдующимъ рескриптомъ: «Вы знаете, что Я не произвожу никого «чрезъ очередь, и никогда не дѣлаю обиды старшимъ; но вы, завоевавъ Польшу, сами себя сдѣ-

«дали Фельдмаршаломъ»; — пожаловала ему военачальническій жезлъ, осыпанный брилліантами; семь тысячъ крестьянъ около Кобрина, и возвратила чинъ Капитана перваго ранга Вальронту. Императоръ Францъ прислалъ Суворову портретъ свой, украшенный брилліантами; Король Прусскій: ордена Чернаго и Краснаго Орловъ. Въ Варшавѣ Станиславъ просилъ Суворова возвратить шпагу одному плѣнному офицеру: онъ освободилъ вмѣстѣ съ нимъ пятьсотъ человѣкъ; смѣялся потомъ надъ сдѣланнымъ подаркомъ Королю. Во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ единственный, Суворовъ праздновалъ полученіе Фельдмаршальскаго достоинства слѣдующимъ образомъ: приказалъ поставить въ походной церкви нѣсколько стульевъ, соотвѣтственно числу лицъ, которыхъ онъ обошелъ; потомъ явился въ палатку въ камзолѣ; началъ перепрыгивать черезъ стулья, именуя, по одиначкѣ, старшихъ Генералъ-Аншефовъ: двухъ Салтыковыхъ (1773 г.); Репнина (1774); Долгорукова (1774); Эльмта (1780); Прозоровскаго (1782); Мусина-Пушкина (1782); Каменскаго (1784); Каховскаго (1784 г.) (*), и послѣ надѣлъ Фельдмаршальскій мундиръ, всѣ свои ордена, принялъ поднесенный ему жезлъ, велѣлъ служить благодарственный молебенъ, вышелъ къ войску! Тогда въ Россіи были только три Генералъ-Фельдмаршала: Разумовскій, Задунайскій и Рымникскій. Онъ пробылъ цѣлый годъ въ Варшавѣ; осенью дѣлалъ смотръ пол-

(*) Всѣ они, кромѣ Князя Юрія Владиміровича Долгорукова и Графа Каховскаго, были потомъ Генералъ-Фельдмаршалами.

камъ, занималъ ихъ маневрами; въ ноябрѣ (1795 г.) приглашенъ былъ въ Петербургъ. Въ проѣздъ Суворова чрезъ Литву и Лифляндію, крестьяне выходили толпами на дорогу, чтобы его видѣть. Императрица выслала ему на встрѣчу карету; но Фельдмаршалъ въѣхалъ въ столицу ночью, и на другой день палъ къ стопамъ Екатерины. Она приказала ему имѣть пребываніе въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ четыре года передъ тѣмъ всѣ поклонялись Потемкину. Три мѣсяца Фельдмаршалъ задержанъ былъ въ Петербургѣ, откуда отправился для осмотра пограничныхъ крѣпостей со стороны Швеціи, и вслѣдъ за тѣмъ назначенъ Главнокомандующимъ восьмидесятитысячной арміи, расположенной въ губерніяхъ: Брацлавской, Вознесенской, Харьковской и Екатеринославской (1796 г.) Вскорѣ Императрица переселилась въ вѣчность, 6 ноября, къ неописанной горести Россіянъ, тридцать четыре года блаженствовавшихъ подъ Ея Скипетромъ. Фельдмаршалъ неутѣшно оплакивалъ невозвратную потерю. «*Безъ Матушки-Царицы*» — говорилъ онъ со слезами — «*не видать бы мнѣ Кинбурна, Рымника, Измаила и Варшавы!*» По военной части послѣдовали разныя перемѣны. Суворовъ именованъ Предводителемъ Екатеринославской дивизіи и получилъ маленькія палочки для мѣры косъ и буклей солдатскихъ. Не терпя нововведеній, онъ сказалъ: «*Пудра не порохъ, букли не пушки, коса не тесакъ, я не Нѣмецъ, а природный Русакъ* (*).» — Слова эти, обра-

(*) См. *Побѣды Князя Италійскаго*, изд. въ Москвѣ 1810 года ч. 6 стр. 145.

тившіяся въ пословицу, перелетѣли въ столицу въ то самое время, какъ Фельдмаршалъ изложилъ въ письмѣ къ Императору: *что онъ скучаетъ своимъ бездѣйствіемъ.* Тогда послѣдовало Именное повелѣніе (6 февр. 1797 г.): «за сдѣланный отзывъ Фельдмаршалом Графомъ Суворовымъ Его Императорскому Ве«личеству, *что такъ какъ войны нѣтъ, ему дѣлать «нечего*—онъ отставляется отъ службы (*).» Суворовъ, оставляя дивизію, собралъ полки; велѣлъ сдѣлать передъ фрунтомъ пирамиду изъ литавръ и барабановъ; вышелъ въ простомъ гренадерскомъ мундирѣ, но во всѣхъ орденахъ; привѣтствовалъ солдатъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ: «*Прощайте, ребята! «друзья! чудо-богатыри*—сказалъ онъ имъ—«*Молитесь «Богу; мы дрались со славою и будемъ опять вмѣ«стѣ!*»—Потомъ снялъ съ себя знаки отличія, положилъ ихъ на пирамиду, въ видѣ трофеевъ, и произнесъ: «*Настанетъ время, когда Суворовъ снова явит«ся среди васъ, и возметъ назадъ то, что теперь «оставляетъ вамъ.*» – Мужественные воины не могли удержаться отъ слезъ, разстались съ Главнокомандовавшимъ, какъ съ отцомъ своимъ. Онъ избралъ пребываніемъ Москву, гдѣ имѣлъ небольшой домъ, но Частный Маіоръ объявилъ Фельдмаршалу приказаніе отправиться съ нимъ въ деревню, по случаю скораго прибытія Императора въ столицу. «*Сколько назна«чено мнѣ времени*»- спросилъ хладнокровно Суворовъ Полицейскаго чиновника — «*для приведенія въ порядокъ дѣлъ?*» — «Четыре часа» — отвѣчалъ Маіоръ. —

(*) Изъ Московскихъ современныхъ Вѣдомостей.

«*О! слишкомъ много милости*» — продолжалъ Фельдмаршалъ — «*для Суворова довольно одного часа.*» — Дорожная карета ожидала его у крыльца. «*Суворовъ «ѣдущій въ ссылку*» — сказалъ онъ — «*не имѣетъ надобности въ каретѣ; можетъ отправиться туда «въ томъ экипажѣ, въ какомъ ѣздилъ ко Двору Екатерины или въ армію.*» — Подвезли кибитку, и Маіоръ принужденъ былъ проѣхать въ ней пятьсотъ верстъ съ Фельдмаршаломъ (*). Удаленный въ село свое Кончанское (Новгородской губерніи, Боровичскаго уѣзда), побѣдитель Турціи и Польши проводилъ въ бѣдной хижинѣ остатокъ знаменитыхъ дней: звонилъ въ колокола, пѣлъ на клиросѣ, читалъ въ церкви Апостолъ, примирялъ семейства, соединялъ юныя четы брачными узами, восхищался счастіемъ крестьянъ своихъ, писалъ свои *замѣтки* и съ немногими особами, которыя посѣщали его, любилъ бесѣдовать о дѣлахъ Европы; смотря на ландкарту, восклицалъ: «*О! далеко шагаетъ «мальчикъ! пора унять его* (**)!» Такъ говорилъ Суворовъ о Бонапарте. Протекло нѣсколько времени, и къ опальному явился курьеръ съ рескриптомъ отъ Императора. Суворовъ былъ тогда въ банѣ, куда велѣлъ придти посланному. На пакетѣ было написано большими буквами: *Генералъ Фельдмаршалу Графу Суворову-Рымникскому.* — «*Это не ко мнѣ*» — сказалъ хладнокровно старый герой, прочитавъ надпись — «*Фельд-*

(*) См. *Побѣды Князя Италійскаго*, ч. 6, стр. 117, и 148.

(**) См. *Исторію Рос. Австр. кампаніи*, изд. Фуксомъ, ч. 1, стр. 1 и 2.

«маршалъ при войскѣ, я въ деревнѣ.» — Изумленный курьеръ тщетно увѣрялъ его, что присланъ къ нему, а не къ другому; — Суворовъ рѣшительно отказался отъ рескрипта, и нарочный, пропотѣвъ довольно долго въ банѣ, отправился обратно въ Петербургъ съ тѣмъ пріѣхалъ. Государь не обнаружилъ досады своей, но съ того времени надзоръ за изгнанникомъ усиленъ (*). Лишась надежды быть полезнымъ Отечеству, Суворовъ обратился къ Императору съ просьбой: *дозволить ему удалиться въ Нилову пустынь* (**). — «Я памѣ-«ренъ» — писалъ онъ — «окончить тамъ краткіе дни «въ службѣ Богу. Неумышленности прости, милосер-«дый Государь!» — Отвѣта не было: его ожидалъ лучшій жребій! Еще въ Государствованіе Екатерины II Суворовъ желалъ *идти противъ Французовъ* (***), но Императрица медлила явною войной. Между тѣмъ оружіе Республики торжествовало въ Европѣ, ниспровергало алтари и престолы. Обитая подъ соломенной крышею, знаменитый Полководецъ начертилъ (1798 г.) средства остановить и отразить властолюбцевъ: «Ав-

---

(*) См. *Побѣды Князя Италійскаго*, ч. 6, стр. 149 и 150 и *Сочиненія Фукса*, изд. 1827, стр. 88.

(**) Пустынь эта находится въ Новгородской губерніи, въ 25 верстахъ отъ города Бѣлозерска, при рѣчкѣ Сорѣ; монахи подвергнуты основателемъ оной, Преподобнымъ Нилломъ, строгимъ отшельническимъ правиламъ, а потому она называлась *Скитомъ*.

(***) Собственныя слова его: «Матушка!»—писалъ онъ къ Государынѣ, по вступленіи въ Варшаву — «вели идти про-«тивъ Французовъ.»

«стрійцы и Русскіе»—писалъ онъ—«будутъ дѣйство-
«вать противъ Франціи каждые со ста тысячами. 1.
«Ничего, кромѣ наступательнаго. 2. Быстрота въ по-
«ходахъ, натискъ въ нападеніяхъ, холодное ружье. 3.
«Не нужна методика; глазомѣръ. 4. Полная мочь Гла-
«внокомандующему. 5. Нападать и бить непріятеля въ
«полѣ. 6. Не терять время въ осадахъ, развѣ Мапцъ,
«какъ пунктъ для депо. Иногда обсерваціоннымъ кор-
«пусомъ предпринять блокаду. Брать крѣпости присту-
«помъ или штурмомъ; менѣе теряешь. 7. Никогда не
«раздѣлять силъ, дабы стеречь разные пункты. Если
«непріятель ихъ перейдетъ, тѣмъ лучше: онъ прибли-
«жится, чтобы его разбить. 8. Такимъ образомъ ну-
«женъ только обсерваціонный корпусъ на Страсбургъ;
«еще одинъ летучій къ Люксенбургу. Идти далѣе, сра-
«жаясь, не останавливаясь, прямо до Парижа, какъ
«главный пунктъ, не останавливаясь въ Ландау; развѣ,
«чтобы наблюдать оный, а не для ретирадъ, о кото-
«рыхъ никогда не должно мыслить, но для транспортовъ,
«и никогда не заниматься пустыми маневрами, контръ-
«маршами, или такъ называемыми военными хитростя-
«ми, которыя годны только для бѣдныхъ академиковъ.
«9. Италія, Нидерланды послѣдуютъ легко въ Парижъ.
«Король Сардинскій соединится. Въ Италіи есть
«еще довольно пылкихъ головъ, а остальныя вступят-
«ся за общее благо. Король Неаполитанскій возроди-
«ся. Англичане очистятъ Средиземное море. Не мѣ-
«шкать. Ложная осторожность и зависть. — Головы
«*Медузины* въ Кабинетѣ и Министерствѣ. Суворовъ и
«Кобургскій родятся какъ юный Малборугъ.» Канц-
леръ Князь Безбородко и союзныя Державы отдали

справедливость безсмертнымъ дарованіямъ Суворова; но планъ его оставленъ безъ исполненія (*). Пользуясь бездѣйствіемъ сильнѣйшихъ государствъ Европы, Республика Французская продолжала свои завоеванія, угрожала Австріи. Принцъ Оранскій, назначенный Вѣнскимъ Дворомъ предводителемъ войскъ въ Италіи, скончался; Баронъ Меласъ заступилъ его мѣсто. Императоръ Павелъ I, не желая пріобрѣтеній, но имѣя въ виду безопасность Европы, и полагая, что другіе Монархи послѣдуютъ Его великодушному примѣру, двинулъ (1799 г.) въ Австрійскія наслѣдственныя владѣнія вспомогательный корпусъ подъ начальствомъ Генерала отъ Инфантеріи Розенберга. Французскою арміей, долженствовавшею дѣйствовать въ Германіи предводительствовалъ Журданъ: ему были подчинены Массена и Бернадотъ. Эрцгерцогъ Карлъ вступилъ въ Швабію: въ это время Австрія и Англія обратились къ Императору Павлу I-му съ просьбою ввѣрить начальство надъ союзными войсками Суворову.—«*Вотъ Русскіе на все пригожаются*» — сказалъ Государь Графу Ростопчину, управлявшему тогда иностранными дѣлами, и взявъ перо, написалъ слѣдующій лестный рескриптъ, исполненный краснорѣчія и высокихъ чувствъ: «Графъ Александръ Васильевичь! Теперь «намъ не время разсчитываться. Виноватаго Богъ про«ститъ. Римскій Императоръ требуетъ васъ въ началь«ники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и «Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше спасти

(*) См. *Жизнь Суворова*, изд. С. Н. Глинкою, стр. 120—122.

«ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда и не отнимайте у «славы вашей время, у Меня удовольствія васъ видѣть. «Пребываю вамъ доброжелательнымъ Павелъ.» Облобызавъ рескриптъ, Суворовъ прижалъ его къ ранамъ своимъ, немедленно отслужилъ молебенъ въ сельской церкви, и готовясь къ неимовѣрнымъ подвигамъ, продолжалъ отличаться оригинальностію, отдалъ слѣдующій приказъ старостѣ: «*Часъ собираться, другой от-*«*правляться. Поѣздка съ четырью товарищами;* «*я въ повозкѣ, они въ саняхъ. Лошадей осмнад-*«*цать, а не двадцать четыре. Взять денегъ на* «*дорогу двѣсти пятьдесятъ рублей. Егоркѣ бѣжать* «*къ старостѣ Фомкѣ и сказать, чтобъ такую сум-*«*му повѣрилъ, потому что я ѣду не на шутку.* «*Да жилъ служилъ за дьячка, пилъ басомъ, а теперь* «*поѣду пѣть Марсомъ.*» Въ Петербургѣ Суворовъ повергнулся, 18 февраля (1799 г.), къ стопамъ Императора. Поднявъ престарѣлаго героя, Павелъ I возложилъ на него большой крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго. «*Господи! Спаси Царя!*» — воскликнулъ тогда Фельдмаршалъ. — «Тебѣ спасать Царей!» — отвѣчалъ Императоръ. — «*Съ Тобою, Государь*» — возразилъ Суворовъ — «*возможно.*» Пользуясь благоволеніемъ Царскимъ, безсмертный Полководецъ, который *торопился дѣлать добро* (*), исходатайствовалъ прощеніе сосланному въ Сибирь Капитану Лейбъ-Гренадерскаго полка Спиницкому, возвратилъ его несчастной матери, схоронившей шестнадцать взрослыхъ дѣтей и оставшейся безъ всякой подпоры. — Импе-

(*) Собственное выраженіе Суворова.

раторъ, согласно желанію Суворова, не велѣлъ объявлять въ приказахъ о вторичномъ принятіи его въ службу. Завистники утверждали, что побѣдитель неустроенныхъ войскъ Турецкихъ и Польскихъ утратитъ всю свою славу передъ искусными вождями Франціи. Нелѣпые отзывы доходили до Суворова: онъ отомстилъ тайнымъ врагамъ — дѣлами. Съ молитвой отправился герой на новое поприще, долженствовавшее передать имя его позднѣйшему потомству. Въ Митавѣ посѣтилъ онъ Лудовика XVIII. — «*Тотъ день почту «счастливѣйшимъ въ моей жизни*» — сказалъ ему Суворовъ — «*когда пролью послѣднюю каплю крови, «способствуя вамъ взойти на престолъ знаменитыхъ «вашихъ праотцевъ.*» — «Я уже не несчастливъ» — отвѣчалъ Лудовикъ — «ибо судьба отечества моего «зависитъ отъ Суворова.» Въ Вѣну Суворовъ въѣхалъ поздно вечеромъ 15 марта, и остановился въ домѣ нашего Посла. Зная, что Фельдмаршалъ былъ врагъ роскоши, Графъ Разумовскій приготовилъ для него комнаты безъ зеркалъ (*), картинъ, драгоцѣнной мебели и бронзы; велѣлъ, вмѣсто кровати, разложить сѣно: на немъ опочилъ будущій освободитель Италіи. Въ слѣдующее утро народъ обширной столицы Австрійской окружилъ домъ Графа Разумовскаго, бѣжалъ за каретою, въ которой ѣхалъ Фельдмаршалъ во дво-

(*) Если въ отводимыхъ Суворову квартирахъ находились зеркала, то онъ приказывалъ закрывать ихъ простынями, говоря: «Помилуй Богъ, я не хочу видѣть другаго «Суворова.»

рецъ. Вездѣ раздавались восклицанія: *да здравствуетъ Суворовъ!* — на которыя Русскій Полководецъ отвѣчалъ: *да здравствуетъ Императоръ Францъ II!* У оконъ, даже на крышахъ тѣснились зрители. Императоръ принялъ Суворова съ отличнымъ уваженіемъ; возвелъ его на степень Римско-Императорскаго Фельдмаршала; назначилъ жалованья въ годъ двадцать четыре тысячи флориновъ, и восемь тысячь на путевыя издержки. Въ этомъ новомъ званіи, Суворовъ торжественно присягалъ въ церкви Св. Марка. Русскія вспомогательныя войска вступили въ Вѣну. Трогательно было свиданіе съ ними Фельдмаршала въ Шенбрунѣ. Полководецъ привѣтствовалъ героевъ Кинбурна, Фокшанъ, Рымника, Измаила и Праги, послѣ горестной, долговременной разлуки, словами: *Здравствуйте чудо-богатыри, любезнѣйшіе друзья мои* — и слезы показались на мужественныхъ лицахъ воиновъ. Зная медленныя дѣйствія *Гофкригсрата* (*) и сильное вліяніе на дѣла онаго Барона Тугута, Суворовъ испросилъ позволеніе относиться во всемъ непосредственно къ самому Императору. Тугутъ, желавшій исторгнуть у него тайну военныхъ предположеній, получилъ свитокъ бѣлой бумаги. *«Вотъ мои планы!»* — сказалъ Фельдмаршалъ и убѣжалъ отъ перваго Министра. Въ день своего отъѣзда изъ Вѣны, Суворовъ, садясь въ дорожный экипажъ, велѣлъ принесть на золотомъ блюдѣ сердечко, надѣлъ его, въ знакъ благодарности за гостепріимство, на Графиню Разумовскую, заперъ ключемъ, и положа ключь въ карманъ, уѣхалъ. Согласно

(*) Главнаго Воинскаго Совѣта.

мнѣнію Фельдмаршала, рѣшено начать военныя дѣйствія въ Верхней Италіи. Тогда Эрцгерцогъ Карлъ принудилъ Журдана отступить за Рейнъ. Суворовъ ѣхалъ къ арміи съ величайшею поспѣшностію, не смотря на темныя ночи и дурную дорогу. Въ Веронѣ народъ отпрягъ лошадей отъ кареты его и повезъ ее на себѣ до приготовленнаго для Суворова дворца. Австрійскіе Генералы Меласъ и Край явились къ нему съ рапортами. Ночью городъ былъ торжественно освѣщенъ: вездѣ горѣлъ щитъ или вензель Фельдмаршала, вездѣ воспѣвали ему похвальныя пѣсни. Суворовъ сдѣлалъ смотръ Австрійскимъ полкамъ, и сказалъ окружавшимъ его Генераламъ: «*Шагъ ихъ хорошъ: побѣда!*» Вскорѣ Розенбергъ вступилъ въ Верону съ двадцати-двухъ-тысячнымъ корпусомъ. Число Императорскихъ Королевскихъ войскъ, ввѣренныхъ Суворову, простиралось до 66,084 человѣкъ (*). 3 апрѣля Фельдмаршалъ обнародовалъ воззваніе къ Италіянскимъ народамъ: приглашалъ ихъ соединиться подъ знамена, несомыя на брань за Бога и Вѣру, для возстановленія законнаго правительства; угрожалъ смертію вѣроломнымъ и содѣйствующимъ намѣреніямъ Республики. Непріятель утвердился въ многочисленныхъ крѣпостяхъ Италіи, ожидая свѣжихъ войскъ. Суворовъ счелъ нужнымъ раздѣлить силы свои, чтобы дѣйствовать вдругъ противъ крѣпостей и отступавшей Французской арміи; Баронъ Край отряженъ былъ для занятія Брешіи, важнѣйшаго пункта въ сообщеніи съ Тиролемъ: онъ

(*) См. *Исторію Россійско-Австрійской кампаніи 1799 года*, ч. 2, стр. 21 — 23.

овладѣлъ этою крѣпостью, при содѣйствіи храбраго Князя Багратіона; взялъ въ плѣнъ 1064 человѣкъ, захватилъ 46 орудій, и получилъ приказаніе отъ Главнокомандующаго осадить Мантую и Пескьеру. Число ввѣренныхъ ему войскъ простиралось до двадцати-пяти тысячь человѣкъ. Французскою арміею предводительствовалъ въ то время Генералъ Моро, который утвердился на правомъ берегу Адды. Главная квартира его была близь Кассано, въ мѣстечкѣ Писаго; дивизіи: Серюрье, около города Лекко, и Дельмаса, у крѣпости Лоди, составляли лѣвое и правое крылья. Все протяженіе Адды, широкой, быстрой рѣки, имѣющей крутые берега, приведено было въ оборонительное состояніе; пункты, удобные для переправы, охранялись сильнѣйшими батареями. «*И здѣсь вижу я*» — сказалъ Суворовъ — «*перстъ Провидѣнія. Мало славы было-бы разбить шарлатана* (*). *Лавры, которые похитимъ у Моро, будутъ лучше цвѣсти и зеленѣть.*» Авангардъ нашей арміи, предводимый Княземъ Багратіономъ, двинулся чрезъ Бергамо къ городу Лекко, и въ предмѣстіи онаго, ударилъ, 15 апрѣля, въ непріятеля штыками; покололъ до 800 человѣкъ; отразилъ съ помощію козаковъ нападеніе Французовъ, сосредоточившихся въ одинъ пунктъ; вступилъ въ городъ, преслѣдовалъ стрѣлковъ, разсыпанныхъ по горамъ, въ садахъ и ущельяхъ. Французы возобновили нападеніе съ большимъ стремленіемъ, но вскорѣ под-

(*) Подъ словомъ *шарлатана* Суворовъ разумѣлъ Шерера, который предводительствовалъ прежде Французскою арміею.

крѣпилъ Багратіона Милорадовичъ съ гренадерскимъ батальономъ, и не смотря на свое старшинство, великодушно оставилъ первому главное начальство. Упорное сраженіе продолжалось двѣнадцать часовъ: Французы поспѣшно отступили правымъ берегомъ внизъ по рѣкѣ Аддѣ, потерявъ убитыми до двухъ тысячъ человѣкъ и плѣнными сто. Фельдмаршалъ отпустилъ ихъ въ Парижъ, сказавъ: «*Идите домой и объявите «землякамъ вашимъ, что Суворовъ здѣсь.*» — Нашихъ легло на мѣстѣ до 135 человѣкъ. Между тѣмъ Австрійцы овладѣли Кремою и Кремоною. Средняя колонна союзныхъ войскъ получила отъ Главнокомандующаго приказаніе переправиться черезъ Адду противъ Треццо, и сдѣлавъ рѣшительное нападеніе на непріятельскую армію, отдѣлить ея лѣвое крыло отъ центра. Пользуясь безпечностію Французовъ, Генералъ-Квартирмейстеръ Австрійскій Маркизъ Шателеръ совершилъ это движеніе 16 апрѣля, ночью, по наведенному чрезъ рѣку понтонному мосту. Немедленно упорная битва загорѣлась: Французы имѣли нѣкоторое время поверхность; но Австрійцы, сильно подкрѣпленные, ударили на непріятеля холоднымъ ружьемъ, ворвались въ его лѣвое крыло, смяли, жестоко поразили. Храбрые Донскіе Козаки мужественно содѣйствовали имъ, предводимые Походнымъ Атаманомъ Денисовымъ и Полковникомъ Грековымъ. Сломленная первая линія Французская была подкрѣплена второю; сраженіе возобновилось, и непріятель былъ снова опрокинутъ, обращенъ въ бѣгство къ Милану. Генералъ Моро едва спасся отъ преслѣдовавшихъ его гусаръ: убито Французовъ болѣе трехъ тысячъ; взято въ плѣнъ: бригад-

ный генералъ, семдесять штабъ и оберъ-офицеровъ и и до двухъ тысячь нижнихъ чиновъ. Уронъ союзныхъ войскъ простирался болѣе тысячи человѣкъ. На другой день побѣдители двинулась колоннами къ Милану. Денисовъ первый вступилъ въ столицу Ломбардіи. Въ это время Австрійскій Генералъ Меласъ разбилъ Французовъ при мѣстечкѣ Касано; правая колонна, подъ начальствомъ нашего Генерала отъ Инфантеріи Розенберга, перешла черезъ Адду въ Бривіо; Серьюрье съ остальными войсками своей дивизіи укрѣпился, подъ защитою артиллеріи, при деревнѣ Вердеріо. Австрійскій бригадный Генералъ Вукасовичъ первый напалъ на него (17 апрѣля) съ трехъ сторонъ, и подкрѣпленный Розенбергомъ, принудилъ положить оружіе: Серюрье и Генералъ Фрезье съ тремя тыс. войска и восьмью пушками, сдались въ плѣнъ; офицерамъ позволено возвратиться во Францію, по размѣнѣ, съ условіемъ не служить противъ союзныхъ Государей. *Чтя превратность счастія въ пальномъ* (*), Суворовъ вручилъ шпагу Генералу Серюрье, сказавъ: «*Кто «ею такъ владѣетъ, какъ вы, у того она не отъем-«лема.*» — Серюрье просилъ освободить его войска. «*Эта черта дѣлаетъ честь вашему сердцу*» — отвѣчалъ Фельдмаршалъ — «*но вы лучше меня знаете, «что народъ въ революціи есть лютое чудовище, ко-«торое должно укрощать оковами.*» — Потомъ, обнадеживъ, что Французамъ не будетъ причинено никакихъ обидъ, произнесъ стихи Ломоносова:

(*) Собственныя слова Суворова. — См. *Анекдоты его*, изд. Фуксомъ, стр. 103.

Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ;
Но хищный волкъ его лежащаго терзаетъ.

«*Переведите эти стихи Французскому Генералу*, — продолжалъ Фельдмаршалъ — «*Я читалъ ихъ наизусть, «по взятіи Варшавы, и Депутатамъ Польскимъ.*» — Съ этими словами Суворовъ вышелъ изъ комнаты. «Quel homme (*)!» — воскликнулъ Серюрье. Императоръ Павелъ I препроводилъ къ Фельдмаршалу портретъ Свой, въ перстнѣ, осыпанный брилліантами. «Примите «его» — упомянулъ Государь въ рескриптѣ — «въ свидѣ- «тели знаменитыхъ дѣлъ вашихъ и носите на рукѣ, пора- «жающей врага благодѣствія всемірнаго.» — Тогда сынъ Суворова пожалованъ былъ Генералъ-Адъютантомъ и по- лучилъ приказаніе находиться при отцѣ. — «Поѣзжай и «учись у него» — сказалъ ему Государь. — «Лучшаго при- «мѣра тебѣ дать и въ лучшія руки отдать не могу.» Союз- ныя войска вступили въ Миланъ въ день Св. Пасхи (**). Суворовъ въѣхалъ верхомъ, позади свиты своей, въ Ав- стрійскомъ бѣломъ мундирѣ, и остановился въ домѣ, прежде занимаемомъ Моро. На другой день Фельдмар- шалъ, надѣвъ парадный мундиръ и ордена, украшенные брилліантами, отправился, въ великолѣпной каретѣ, между рядовъ выстроеннаго войска, въ соборную церковь Милан- скую. Громкія восклицанія *ура!* и жителей: *да здрав- ствуетъ Суворовъ!* привѣтствовали его на улицахъ. Ка- толическое духовенство встрѣтило Суворова при входѣ

(*) *Какой человѣкъ!* — См. *Анекдоты. Суворова*, стр. 179.

(**) На капунѣ взятія Милана, Суворовъ сказалъ: *De- main j' aurai mille ans.* — *Сочиненія Фукса*, *стр.* 89.

въ храмъ, въ полномъ облаченіи. «Господь да благо-
«словитъ шествіе твое, добродѣтельный Полково-
«децъ!»—произнесъ Архіепископъ—«*Молитесь*»—от-
вѣчалъ выразительно и важнымъ голосомъ, на Ита-
ліянскомъ языкѣ Фельдмаршалъ—«*да поможетъ имъ*
«*Богъ спасти ваши храмы и престолы Государей!*»—
и войдя въ соборную церковь, преклонилъ съ благо-
говѣніемъ колѣна предъ священнымъ жертвенникомъ.
Въ Миланѣ нѣкоторые Австрійскіе Генералы просили
Суворова дать отдохнуть войску; но онъ отвѣчалъ
имъ словомъ: *впередъ*, и пробывъ въ этомъ городѣ не
болѣе четырехъ дней, обнародовалъ воззваніе къ
Французамъ, которое не имѣло, однакожъ, успѣха; со-
ставилъ планъ для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ не-
пріятеля. Армія его, названная *операціонною* (кромѣ
войскъ осадныхъ, предводимыхъ Баропомъ Краемъ и
находившихся также въ Венеціи), состояла только
изъ 18 тысячъ Русскихъ и 18 тысячъ Австрійцевъ.
Оставивъ 4500 человѣкъ, подъ начальствомъ Генера-
ла Латермана, для блокады Миланской цитадели, Су-
воровъ предположилъ перейти По и Тичино и разбить
Моро до присоединенія къ нему Макдональда, идуща-
го изъ Южной Италіи. Между тѣмъ, Эрцгерцогъ
Карлъ долженъ былъ вторгнуться въ Швейцарію съ
сѣвера и тѣснить со всѣхъ сторонъ Массену, кото-
рый, покоривъ Швейцарію, расположилъ ввѣренныя
ему войска, числомъ до ста тысячъ, по лѣвому бере-
гу Рейна до самой Голландіи. Тирольская армія, пред-
водимая Графомъ Беллегардомъ, надлежала присое-
диниться къ Италіянской (*); послѣдняя, разбивъ Мак-

(*) Австрійскія войска, находившіяся подъ начальствомъ

дональда, обязана была занять Турин; осадной арміи, по взятіи Пескьеры и Мантуи, слѣдовало обложить Тортону; отдѣльному корпусу Графа Клейнау, съ подкрѣпленіемъ Англійскаго флота, идти для занятія Генуи; Русскимъ, Англійскимъ и Турецкимъ войскамъ, сдѣлавшимъ высадку въ Южной Италіи, преслѣдовать Макдональда. Моро, отступивъ отъ Милана, остановился при Александріи, на рѣкѣ Бормидѣ, съ собраннымъ имъ семнадцатитысячнымъ войскомъ. Фельдмаршалъ повелъ свою армію къ Тортонѣ, сдѣлалъ воззваніе къ обитателямъ Піемонта, убѣждая ихъ взять оружіе на защиту законнаго Государя. Баронъ Край дѣятельно продолжалъ осадную войну, открылъ траншеи противъ Пескьеры. Въ это время прибылъ въ Италію Великій Князь Константинъ Павловичъ, сопровождаемый Генераломъ отъ Кавалеріи Дерфельденомъ. Пріѣздъ его былъ ознаменованъ сдачею осаждаемой крѣпости: 90 орудій, множество съѣстныхъ и другихъ припасовъ, большое количество пороха и флотилія изъ восмнадцати канонерскихъ лодокъ увеличили трофеи союзниковъ, которые открыли для себя сообщеніе съ Тиролемъ и Швейцаріею. Вскорѣ Великій Князь явился въ главную квартиру Фельдмаршала, находившуюся въ Вогерѣ. 28 апрѣля храбрый Маркизъ Шателеръ покорилъ эту крѣпость, ключь Піемонта. Другая крѣпость Пичигетона, сдалась въ тотъ день на капитуляцію Фельдмаршалу Лейтенанту Кейму. Между тѣмъ Вукасовичъ овладѣлъ въ Верхней

Эрцгерцога Карла въ Германіи и подъ начальствомъ Белльегарда въ Тиролѣ, числомъ до ста двадцати девяти тысячь чел., оставались тогда въ бездѣйствіи.

Италіи крѣпостями: Ивреею и Ароною; поселяне вездѣ вооружались противъ Французовъ, и союзная армія безпрепятственно получала продовольствіе изъ плодородныхъ областей: Феррарской, Болонской и Моденской. Среди повсемѣстныхъ успѣховъ, Розенбергъ, увлекаемый храбростію, сразился, 20 апрѣля, при Басиньяно съ Французами; сбилъ ихъ передовые отряды, но стѣсненный, близь Пичетто, многочисленнымъ непріятелемъ, послѣ упорной обороны, продолжавшейся восемь часовъ, переправился обратно чрезъ По, оставивъ двѣ пушки. Въ этомъ дѣлѣ Милорадовичъ, подъ которымъ убиты были три лошади, съ малыми силами нанесъ чувствительный вредъ противникамъ: увидя замѣшательство рядовъ нашихъ, онъ схватилъ знамя, бросился впередъ, закричавъ: «*Солдаты! смотрите, какъ умретъ Генералъ вашъ!*» — и опрокинулъ Французовъ штыками. Смерть щадила безстрашнаго, чтобы онъ съ бо́льшею славой палъ (1825 г.) за Царя и отчизну. — Розенбергъ занялъ крѣпости Валенцу и Касаль, оставленныя непріятелемъ, а Вукасовичъ Веррую; Піемонтцы овладѣли за́мкомъ Чевою. Другой ученикъ Суворова, храбрый Князь Багратіонъ, съ шестью батальонами и двумя козачьими полками, вступилъ въ Генуэзскую крѣпость Нови; сразился съ Французами при рѣкѣ Танаро; положилъ на мѣстѣ до 2500 человѣкъ; взялъ въ плѣнъ 200. Крѣпость Александрія сдалась Генералъ-Лейтенанту Повалошвейковскому; Миланская цитадель Генералу Графу Гогенцоллерну; Феррара (въ Верхней Италіи) Графу Клейнау.—Передъ Туриномъ нѣкоторые Генералы осмѣлились представить Суворову затрудненія, препятствую-

шія взять этотъ городъ. Онъ разсердился и вскрикнулъ: «*Пустое! Аннибалъ, прошедъ Испанію, пере-*«*правясь чрезъ Рону, поразивъ Галловъ, перешедъ* «*Альпы, — взялъ въ три дни Туринъ. Онъ будетъ* «*моимъ учителемъ. Хочу быть преемникомъ его ге-*«*нія* (*).» Вскорѣ столица Сардинскаго Королевства увеличила завоеванія Суворова: Вукасовичъ, начальствовавшій передовыми Австрійскими войсками, первый вступилъ въ Турипъ, 14 мая, прогнавъ непріятеля въ замокъ. На другой день Фельдмаршалъ имѣлъ торжественный въѣздъ, въ сопровожденіи Великаго Князя, при радостныхъ восклицаніяхъ народа. Получено въ добычу 382 пушки, 15 мортиръ, двадцать тысячь ружей и арсеналъ, наполненный множествомъ припасовъ. Изъ цитадели, въ которую удалился трехтысячный гарнизонъ Французскій, безпрестанно сыпались градомъ бомбы, картечи и каленыя ядра. Суворовъ велѣлъ объявить Коменданту Фіорелле: «*что* «*если онъ не прекратитъ пальбы, то подъ выстрѣ-*«*лы будутъ выведены Французскіе плѣнные.* Тишина водворилась. — Духовенство Католическое, при входѣ Суворова въ каѳедральный храмъ, въ угодность ему, благословило его по обряду Греческой Церкви. Турипъ поднесъ побѣдителю шпагу, украшенную бриліантами. По прошествіи нѣкотораго времени, Главнокомандующій удостоился получить слѣдующій рескриптъ отъ Императора: «Графъ Александръ Васильевичъ! Въ «первый разъ увѣдомили вы Насъ объ одной побѣдѣ, «въ другой о трехъ, а теперь прислали реестръ взя-«тымъ городамъ и крѣпостямъ. Побѣда предшествуетъ

(*) *Анекдоты Суворова*, стр. 177.

«вамъ всемѣстно, и слава сооружаетъ изъ самой Ита-«ліи памятникъ вѣчный подвигамъ вашимъ. Освобо-«дите ее отъ ига нечестовыхъ разорителей; а у Меня «за сіе воздаяніе для васъ готово. Простите. Богъ съ «вами. Пребываю къ вамъ благосклонный Павелъ.» Тщетно Генералъ Викторъ съ шестнтысячнымъ войскомъ покушался взять замокъ Чеву: Вукасовичь и Фрейлихъ, отряженные Суворовымъ, принудили Французовъ отступить, овладѣвъ 14 пушками и двумя мортирами. Побѣды Суворова угрожали границамъ Франціи; но Вѣнскій Дворъ, щадившій войска свои, препятствовалъ дальнѣйшимъ его успѣхамъ, предписывалъ ему: не отваживаться на предпріятія, слишкомъ отдаленныя и не вѣрныя; ограничивать дѣйствія покореніемъ Мантуи и цитадели Миланской, также оборонною завоеванныхъ крѣпостей. Разныя распоряженія Суворова въ Піемонтѣ были уничтожены Римскимъ Императоромъ. Россійскій Самодержецъ приказывалъ Фельдмаршалу водворить Короля Сардинскаго въ его владѣніяхъ; Францъ II посягалъ на Піемонтъ въ вознагражденіе понесенныхъ потерь Австріею въ продолжительную войну противъ Франціи; отмѣнилъ составленіе Піемонтской арміи. Гофкригсратъ, безъ всякаго сношенія съ Фельдмаршаломъ, прислалъ повелѣніе Краю, тѣснившему Французовъ изъ области Болонской, возвратиться къ осадѣ Мантуи (*). Суворовъ негодовалъ и противъ Эрцгерцога Карла, *«которо-*

(*) Суворовъ называлъ дѣйствія Гофкригсрата *черепашьимъ шагомъ*. — «Ничему путному не бывать» — писалъ онъ къ Графу Ростопчину — «доколѣ Тугутъ не переста-«нетъ самовластвовать.»

му — по словамъ нашего знаменитаго Полководца — *«давно слѣдовало бы, завоевавъ Швейцарію, даровать «вольность тамошнимъ храбрымъ народамъ, и съ «помощію ихъ господствовать на Рейнѣ.»* Обезпечивъ правое крыло союзной арміи со стороны Альпійскихъ горъ, Фельдмаршалъ имѣлъ безпрестанное наблюденіе за дѣйствіями Моро и Макдональда, старавшихся соединиться. Для открытія сообщенія съ послѣднимъ, Моро отрядилъ Виктора съ десятитысячною дивизіею, а самъ занялъ Геную и намѣревался идти къ Александріи. Главнокомандующій поручилъ осаду Туринской цитадели Кейму, предписалъ Краю поспѣшить на помощь противъ Моро, приказалъ привести въ оборонительное состояніе крѣпости Валенцу и Павію, и съ 14 Русскими батальонами, съ полками драгунскимъ Австрійскимъ Карачая и казачьимъ выступилъ на встрѣчу Французскаго Генерала. Въ Александріи Суворовъ узналъ, 4 іюня, что армія Макдональда стремится въ трехъ сильныхъ колоннахъ на Модену и Парму къ Мантуѣ, и немедленно, оставивъ тяжелые обозы, повелъ войска свои усиленными маршами къ Сен-Джіовани. Тогда, прибывшій въ главную квартиру Фельдмаршалъ-Лейтенантъ Беллегардъ, который командовалъ до того въ Тиролѣ, принялъ начальство надъ осадою Тортонской и Александрійской цитаделей. Ему поручено было также наблюдать за арміею Моро: корпусъ его простирался до девяти тысячь человѣкъ; авангардомъ предводительствовалъ храбрый Вукасовичъ. Стремительно шествовалъ изъ Неаполя Макдональдъ, преодолѣвая всѣ препятствія: онъ присоединилъ къ своимъ двумъ ди-

визіямъ еще двѣ, Тоскапскую и Виктора, также Польскій легіонъ Домбровскаго, увеличилъ силы до двадцати восьми тысячъ; для облегченія похода уменьшилъ обозы; вытѣснилъ Австрійцевъ изъ Понтремоли; занялъ Болонь; принудилъ Клейнау снять осаду Урбано и отступить къ Феррарѣ; окружилъ подъ Моденою Графа Гогенцоллерна, сразился съ нимъ, раненъ, отбросилъ его къ Мирандолѣ; вступилъ въ Піаченцу; сдѣлалъ распоряженіе къ осадѣ цитадели; готовился подавить пятитысячную дивизію Фельдмаршала-Лейтенанта Отто: послѣдній, оставивъ форпосты свои при Требіи, принужденъ былъ удалиться за рѣку Тидону, и едва держался противъ шестнадцати-тысячнаго непріятельскаго войска, какъ явился Суворовъ съ Россійскимъ авангардомъ, предводимымъ Княземъ Багратіономъ (6 іюня). Козаки ударили на Французовъ въ лѣвый флангъ; Князь Горчаковъ, подкрѣпленный Великимъ Княземъ, атаковалъ правый: сражались болѣе холоднымъ ружьемъ. Кровавая битва продолжалась шесть часовъ; Багратіонъ содѣйствовалъ побѣдѣ. Непріятель отступилъ къ рѣкѣ Требіи, лишась убитыми 600 человѣкъ; въ плѣнъ взято 400. На другой день (7 іюня) союзная армія перешла тремя колоннами въ бродъ чрезъ Тидону. Макдональдъ сосредоточилъ всѣ свои силы на этой сторонѣ рѣки Требіи, построилъ въ боевый порядокъ двадцать восемь тысячъ человѣкъ. Не смотря на невыгодное мѣстоположеніе, Князь Багратіонъ, подкрѣпленный Австрійскимъ Генераломъ Карачаемъ и козачьими полками Грекова и Поздѣева, быстро атаковалъ холоднымъ ружьемъ лѣвое крыло непріятельское, которое состояло изъ семи

тысячь пѣхоты и тысячи чел. конницы, опрокинулъ ихъ за рѣку Требію, положилъ на мѣстѣ болѣе 500 человѣкъ, отнялъ двѣ пушки и знамя, взялъ въ плѣнъ 600 Поляковъ. Непріятель усилился на этомъ пунктѣ до пятнадцати тысячь человѣкъ: Розенбергъ подоспѣлъ къ Багратіону, ударилъ въ штыки, и общими силами сбилъ Французовъ за Требію, истребилъ 800 чел., увеличилъ число плѣнныхъ 400. — Генералъ-Лейтенантъ Ферстеръ атаковалъ, между тѣмъ, непріятельскій центръ, также опрокинулъ его за рѣку, положилъ на мѣстѣ до 500 человѣкъ. Правое крыло Французское, состоявшее изъ десяти тысячь, сразилось съ Генераломъ отъ Кавалеріи Меласомъ, и послѣ упорной битвы, часъ продолжавшейся, принуждено было отступить за Требію. Сильная пальба на обоихъ берегахъ продолжалась до полночи. Союзная армія отдыхала на этой сторонѣ рѣки. 8 іюня произошло третье сраженіе, съ большимъ противъ прежнихъ двухъ пролитіемъ крови: Макдональдъ ночью соединился съ послѣдними силами своей арміи, и имѣя уже до тридцати трехъ тысячь противъ двадцати двухъ тысячь союзныхъ войскъ (*), началъ колоннами переправляться черезъ Требію. Сраженіе возобновилось въ десять часовъ утра и продолжалось до седьмаго по полудни. Домбровскій съ Польскимъ легіономъ хотѣлъ обойти правое крыло наше: Багратіонъ, прежде всѣхъ, встрѣтилъ его штыками; Розенбергъ, подкрѣпленный Милорадовичемъ, атаковалъ и сломилъ въ линіи. Фер-

(*) См. *Исторію Рос. Австр. кампаніи*, изд. Фуксомъ, ч. 2, стр. 437.

стеръ, который командовалъ центромъ союзныхъ войскъ, принялъ также въ штыки и сабли дивизію Монришара, опрокинулъ ее и преслѣдовалъ, между тѣмъ какъ на лѣвомъ крылѣ Мелась разбилъ и обратилъ въ бѣгство правый непріятельскій флангъ подъ начальствомъ Оливье. Нѣсколько разъ Французы отступали за рѣку, возвращались оттуда, возобновляли атаку съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, и въ одномъ бѣгствѣ искали спасенія своего. Фельдмаршалъ, пользовавшійся рѣшительными мгновеніями, во время трехъдневныхъ битвъ не сходилъ съ казачьей лошади, забылъ преклонныя лѣта, одушевлялъ войска своимъ присутствіемъ, спѣшилъ туда, гдѣ они начинали только разстроиваться, и тотчасъ возстановлялъ порядокъ. Макдональдъ явилъ себя достойнымъ соперникомъ Суворова: страдая отъ полученной раны подъ Моденою, онъ командовалъ на носилкахъ; оспоривалъ побѣду; собравъ военный совѣтъ въ Піаченцѣ объявилъ оному намѣреніе свое: *сразиться съ Суворовымъ съ четвертый день, чтобы побѣдить или умереть*; но военачальники Французскіе не согласились на это предложеніе, и для блага Республики, для спасенія арміи, требовали отступленія. Макдональдъ принужденъ былъ покориться жестокой судьбѣ своей. Русскіе преслѣдовали враговъ за рѣку Нуру. Приказывая сильно и неутомимо гнать бѣжавшаго непріятеля, Суворовъ требовалъ, чтобы щадили и миловали покорныхъ. Макдональдъ удалился съ семнадцатитысячнымъ войскомъ въ Тосканскую область; потомъ, сдѣлавшись боленъ отъ ранъ и тягостныхъ трудовъ, отправился въ Парижъ, приказавъ арміи своей соединиться съ

Моро. Въ эти убійственные дни погибло войска Республики до шести тысячь; въ плѣнъ взято побѣдителями: 4 Генерала, 8 Полковниковъ, 502 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и 11,766 нижнихъ чиновъ; получено въ добычу семь знаменъ и шесть пушекъ. Союзники потеряли убитыми менѣе тысячи человѣкъ; ранено на ихъ сторонѣ до четырехъ тысячь, въ томъ числѣ Князь Багратіонъ. Узнавъ о походѣ Суворова противъ Макдональда, Моро устремился съ десятитысячнымъ войскомъ, черезъ Бокетту, Гави и Нови, къ Тортонѣ; занялъ этотъ городъ, перешелъ чрезъ Скривію, сразился съ Белльгардомъ, принудилъ его отступить за Бормиду, и потомъ предпринялъ обратный путь, удалился, чрезъ Бокетту, въ горы, избавивъ Макдональда, посредствомъ этого движенія, отъ дальнѣйшаго преслѣдованія Россійскаго Фельдмаршала. Во время Требійской побѣды Кеймъ овладѣлъ Туринскою цитаделью, въ которой найдено: мѣдныхъ мортиръ 148, пушекъ 384, гаубицъ 30, ружей 40,000; столько же тысячь пудовъ пороху и множество военныхъ снарядовъ. Союзники имѣли въ своей власти всю рѣку По. Для осады цитадели Александрійской и Тортоны отправлена была водою артиллерія Туринская. Между тѣмъ оставшіяся безъ защиты послѣднія крѣпости Республики Чизальпинской, Болонь и Форте-Франко или Урбано, сдались Клейнау и Отто. Италія, внимая воззваніямъ Суворова, вооружилась: составились противъ Французовъ народныя арміи подъ предводительствомъ Лагоца и Кардинала Руффо. Первый имѣлъ подъ ружьемъ двадцать двѣ тысячи Неаполитанцевъ; послѣдній болѣе тридцати тысячь вооруженнаго наро-

да. Въ числѣ отдѣльныхъ предводителей Кардинала находился молодой монахъ, по прозванію *Фра-Діаволино*, до того содержавшійся въ тюрьмѣ и загладившій потомъ вины свои неимовѣрною храбростію; разбившій непріятеля на берегу Адріатическомъ, въ Пескарѣ, учредившій блокаду крѣпостей Капуи и Гаэты. Въ освобожденіи отъ Французовъ Королевства Неапольскаго и владѣній Папы содѣйствовали Руффо Россійско-Турецкій и Англійскій флоты, которыми предводительствовали Ушаковъ (подчиненный Суворову) и Нельсонъ. Преслѣдовавшій Макдональда съ легкимъ корпусомъ Графъ Клейнау занялъ Ливорну, крѣпости Сарцанеллу, Леричи, Сенъ-Терезу; окружилъ блокадою крѣпость Сен-Марію, которую защищалъ гарнизонъ изъ 380 человѣкъ. Неприступная цитадель Александрійская, устроенная на высотѣ и защищаемая съ двухъ сторонъ рѣкою Танаро, послѣ сильнаго сопротивленія, сдалась Графу Белльгарду на капитуляцію. Тогда прибылъ въ Верону вспомогательный десятитысячный Россійскій корпусъ, высланный Императоромъ Павломъ I-мъ къ Королю обѣихъ Сицилій. Имъ предводительствовалъ Генералъ-Лейтенантъ Ребиндеръ, котораго, по распоряженію Фельдмаршала, смѣнилъ Генералъ Розенбергъ. Главный корпусъ нашихъ войскъ перешелъ подъ начальство Генерала отъ Кавалеріи Дерфельдена. Розенбергу велѣно прикрывать осаду Мантуи и на время остановиться при Піаченцѣ. Наконецъ и твердая Мантуа покорилась оружію Императорскому. Десятитысячный гарнизонъ ея, въ половину больной и израненный, сдался, 17 іюля, на капитуляцію Генералъ-Фельдцейхмейстеру Краю, съ тѣмъ,

чтобы оставаться военноплѣннымъ въ Германіи. Въ крѣпости найдено болѣе 300 пушекъ.—Суворовъ продолжалъ испытывать разныя неудовольствія отъ Гофкригсрата, который, останавливая полетъ непобѣдимаго Полководца, *вязалъ его* — какъ изъяснялся онъ. «Робость Гофкригсрата» — писалъ къ Императору Павлу I Фельдмаршалъ; — «зависть ко мнѣ, какъ чу«жестранному; интриги частныхъ, двуличныхъ началь«никовъ, относящихся прямо въ Гофкригсратъ; без«властіе мое въ производствѣ операцій прежде докла«да, на тысячи верстахъ, принуждаютъ меня всеподданнѣйше просить В. И. В. о моемъ отзывѣ, ежели «сіе не перемѣнится. Я хочу кости положить въ мо«емъ Отечествѣ и молить Бога за моего Государя.» Въ это время Король Сардинскій Викторъ-Эмануилъ прислалъ Суворову ордена: Аннонсіады, Св. Маврикія и Лазаря, дипломъ на чинъ Генералъ-Фельдмаршала Королевскихъ войскъ, также на достоинство Князя съ титуломъ его двоюроднаго брата (*cousin*) и съ предоставленіемъ онаго изъ рода въ родъ первороженнымъ; сверхъ сего изъявилъ желаніе служить въ арміи Италійской подъ его начальствомъ. Императоръ Павелъ I согласился на полученіе Суворовымъ лестныхъ отличій, и увѣдомляя его о томъ, изъяснилъ: «что чрезъ это, онъ д. Ему войдетъ въ родство, бывъ «единожды принятъ въ одну Царскую Фамилію, пото«му что владѣтельныя Особы между собою всѣ почи«таются роднею. (*)» — За пораженіе Макдональда

(*) См. *Исторію Рос. Австр. кампаніи*, 1799 г., ч. 3, стр. 268.

Фельдмаршалъ награжденъ, 13 іюля, портретомъ Государя, осыпаннымъ бриллiантами, для ношенія на груди; а за освобожденіе всей Италіи, въ четыре мѣсяца, *отъ безбожныхъ ея завоевателей*, пожалованъ (8 авг.) Княземъ Россійской Имперіи съ титуломъ *Италійскаго*, который распространенъ и на его потомковъ мужескаго и женскаго родовъ. Въ Англіи на всѣхъ праздникахъ пили здоровье: 1) Короля; 2) Императора Россійскаго и 3) *избавителя Италіи;* сочиняли въ похвалу Суворова пѣсни. — Императоръ повелѣлъ Фельдмаршалу, въ случаѣ продолженія дѣлаемыхъ ему непріятностей отъ Вѣнскаго Кабинета, собрать въ одно мѣсто ввѣренныя ему Россійскія войска и дѣйствовать, по обстоятельствамъ, независимо; но, вмѣстѣ, совѣтовалъ остерегаться союзниковъ, продолжая сношенія съ Англійскимъ Министерствомъ. Суворовъ просилъ Государя наградить Генералъ-Фельдцейхмейстера Края, и получилъ во отвѣтъ: «Я ничего ему не дамъ: «потому что Императоръ Францъ трудно признаетъ «услуги и воздаетъ за спасеніе своихъ земель учите«лю и предводителю его войскъ.» — Успѣхи союзниковъ въ Италіи произвели переворотъ во Французскомъ Правительствѣ: Директоры Республики были смѣнены; начальство надъ арміею ввѣрено Жуберту, котораго Бонапартъ называлъ *наслѣдникомъ славы своей.* Юный герой, не задолго передъ тѣмъ сочетавшійся бракомъ, надѣлъ на грудь портретъ обожаемой имъ супруги, поклялся именемъ ея побѣдить или умереть, и полетѣлъ въ Италію. Моро сдалъ ему начальство и, соединенный съ нимъ тѣсною дружбой, остался въ главной квартирѣ, чтобы вмѣстѣ отомстить честь Француз-

скаго оружія. Между тѣмъ городъ Сераваль, находящійся у подошвы утесистой горы, послѣ кратковременнаго бомбардированія, отворилъ ворота Багратіону. Русскій авангардъ, подъ начальствомъ послѣдняго, занялъ позицію передъ Нови. Вскорѣ Жубертъ и Моро появились на хребтахъ высокихъ горъ, надъ обширною равниной, простирающеюся до Тортоны и Александріи. «*Юный Жубертъ*» — сказалъ Суворовъ — *пришелъ учиться; дадимъ ему урокъ.*» Выступя изъ горъ съ 45 тысяч. чел., Главнокомандующій Французскихъ войскъ занялъ выгодное положеніе по хребту на Нови къ Серавалѣ, оставя въ тылу Гави. 4 августа начался кровавый бой, шестнадцать часовъ продолжавшійся. Центромъ союзной тридцати-восьмитысячной арміи предводительствовалъ Дерфельденъ; правымъ крыломъ Край, лѣвымъ Меласъ. Войска Розенберга составляли обсерваціонный корпусъ: ему поручено было прикрывать осаду Тортоны, и въ случаѣ надобности, подкрѣплять сражающуюся армію. На разсвѣтѣ, лѣвое крыло непріятельское было сильно атаковано Крайемъ, который овладѣлъ ближайшими высотами; но принужденъ уступить превосходнымъ силамъ Французовъ. Жубертъ самъ повелъ на штыкахъ противъ Австрійцевъ колонну пѣхоты, стремился, верхомъ, съ нею, при восклицаніяхъ солдатъ: *да здравствуетъ Республика! да здравствуетъ Жубертъ!*.... Пуля мгновенно рѣшила блистательную судьбу его; послѣднія слова его были: *впередъ, впередъ!*.... Моро снова принялъ начальство. — Чтобы облегчить препятствія, встрѣченныя Крайемъ, Князь Багратіонъ сдѣлалъ атаку на центръ непріятельскій. Французы на-

чали дѣйствовать правымъ крыломъ своимъ въ лѣвый флангъ Императорскихъ войскъ; овладѣли всѣми возвышеніями въ окрестностяхъ Нови, составляющими подошву Генуэзскихъ горъ. Тамъ ударилъ на нихъ Генералъ-Маіоръ Князь Горчаковъ, подкрѣпленный потомъ Меласомъ и Дерфельденомъ. Вся Императорская армія двинулась впередъ. Градъ ядеръ и картечи привелъ въ замѣшательство Русскія колонны; но усиленныя свѣжими полками, онѣ снова устремились на смертоносныя горы, три раза возобновляли нападенія на центръ непріятельскій. Французы, казалось, мстили за смерть Жуберта; колонны Дерфельдена, открывая путь къ убійственнымъ высотамъ подъ личнымъ предводительствомъ Суворова, котораго сопровождалъ Великій Князь, какъ будто наказывали за дерзновенное намѣреніе помрачить славу Россійскаго Полководца. Моро, Сенъ-Сиръ и начальникъ Французскаго Главнаго Штаба Дессоль, видя послѣднія усилія союзной арміи, бросились сами противъ Русскихъ съ новыми колоннами. Съ такою же твердостію противъ лѣваго крыла Французской арміи, которое получило подкрѣпленіе, возобновляли атаку войска Края, нѣсколько разъ отраженныя. Лѣвое крыло союзниковъ сражалось на берегахъ рѣки Скривіи противъ Домбровскаго. Меласъ принудилъ его отступить и снять блокаду Серавали. Нападенія на центръ Французскихъ войскъ требовали безпрестанныхъ подкрѣпленій съ праваго ихъ крыла, которое ослабѣло до того, что не могло сопротивляться стремленію лѣваго крыла соединенныхъ войскъ. Пользуясь обстоятельствами, Меласъ предпринялъ движеніе на дорогу между Серавалію и

Гави, въ тылъ правому Французскому крылу. Стѣсненная этимъ движеніемъ Республиканская армія не могла сопротивляться нападеніямъ на центръ; Русскіе достигли высотъ; Французы начали отступать, склоняясь къ лѣвому крылу своему, на деревню Пастурану. Тамъ отряды Австрійской кавалеріи и козаковъ, подъ начальствомъ Карачая, довершили пораженіе непріятеля, который удалился чрезъ Боккету къ Савонѣ, чтобы сблизиться съ своими подкрѣпленіями, собранными на границѣ Піэмонтской. Мракъ ночи покрылъ бѣгство враговъ. Потеря Французовъ простиралась до двадцати тысячъ чел., въ томъ числѣ убитыми до семи тысячъ, плѣнными болѣе 4600, ранеными болѣе 5000, пропавшими безъ вѣсти около 4000. Въ числѣ плѣнныхъ находились четыре Генерала; пушекъ взято 39, ящиковъ съ снарядами 54. Союзныя войска потеряли убитыми до 1300 чел., ранеными болѣе 4700. Побѣда при Нови заставила непріятеля заключить капитуляцію о сдачѣ Тортоны, *крѣпости неприступной, стоящей на высотѣ скалы, которую ни гаубицы, ни бомбы не достаютъ, стоившей Королю Сардинскому пятнадцать милліоновъ.* (*) Императоръ Павелъ I повелѣлъ (24 авг.) Гвардіи и всѣмъ Россійскимъ войскамъ, даже и въ присутствіи Своемъ, *отдавать* Князю Италійскому, Графу Суворову-Рымникскому *всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ Особѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.* — «Князь Александръ Васильевичъ!» — писалъ Государь къ Фельдмаршалу — «Я получилъ извѣстіе о знаме-

(*) Слова Суворова. См. въ *Анекдотахъ* его стр. 169.

«нитой побѣдѣ вашей надъ упокоенным вами Гене-«ралом Жубертом. Радъ весьма, а тѣмъ болѣе, что «убитых немного и что вы здоровы. Не знаю, что «пріятнѣе? Вамъ ли побѣждать, или Мнѣ награждать «за побѣды? Но мы оба исполняемъ должное: Я какъ «Государь, а вы какъ первый Полководецъ въ Европѣ. «Посылаю награжденіе за взятіе Серавали; а вамъ, не «зная, что уже давать, потому, что вы поставили «себя свыше награжденій, опредѣлили почесть вос-«ную, какъ увидите изъ Приказа, вчера отданнаго. «Достойному достойное. Прощайте, Князь! Живите, «побѣждайте Французовъ, и прочихъ, кои имѣютъ въ «виду не возстановленіе спокойствія, но нарушеніе «онаго.» —Между тѣмъ Генералъ-Лейтенантъ Германъ сдѣлалъ неудачную высадку въ Голландіи; другой вспо-могательный тридцати-трехъ тысячный корпусъ, подъ начальствомъ Нумсена, потомъ Генералъ-Лейтенанта Римскаго-Корсакова, вступилъ въ Швейцарію, гдѣ Эрцгерцогъ Карлъ занялъ Цирихъ: третій, пятитысяч-ный, изъ эмигрантовъ, подъ предводительствомъ Прин-ца Конде, находился въ Волыніи. Въ то время какъ Россійскій Самодержецъ, желая утвердить спокойствіе Европы, возстановлялъ вѣру и низверженныхъ Госу-дарей, Вѣнскій Дворъ продолжалъ противодѣйствовать, достигнувъ своей цѣли. Генералъ Графъ Клейнау, дол-жествовавшій, при пособіи Англійскаго флота, тѣ-снить непріятеля на берегахъ Генуэзскихъ, находив-шійся уже на одинъ переходъ отъ Генуи, поступилъ подъ начальство Фельдмаршала-Лейтенанта Фрейлиха, который былъ отозванъ отъ главной союзной арміи въ Герцогство Тосканское; Суворовъ, по приказанію

Императора Франца II, сдалъ начальство надъ Австрійскими войсками Генералу Меласу и двинулся съ своими полками въ Швейцарію. Піемонтъ остался во власти союзниковъ. Къ довершенію непріятностей, Эрцгерцогъ, до соединенія нашего Фельдмаршала съ Римскимъ-Корсаковымъ, удалился изъ Швейцаріи въ Швабію. Такъ кончился знаменитый походъ 1799 года, въ которомъ союзники, подъ главнымъ предводительствомъ Суворова, выиграли десять сраженій, пріобрѣли около трехъ тысячь огнестрѣльныхъ орудій, двѣсти тысячь ружей, восемдесять тысячь плѣнныхъ, и покорили двадцать пять крѣпостей, лишась убитыми и ранеными только восемь тысячь человѣкъ (*). Не отступая отъ предположеннаго плана, Государь, съ своей стороны, предоставилъ всѣ Россійскія войска въ Швейцаріи и корпусъ Принца Конде главному начальству Суворова, съ тѣмъ, чтобы эта армія, усиленная Швейцарами, которыхъ вооружала Англія, составивъ центръ Австрійскихъ войскъ Эрцгерцога и Меласа, стремилась чрезъ Франшъ-Конте во Францію. Оставляя Италію, Фельдмаршалъ простился съ Австрійцами приказомъ, исполненнымъ признательности. «Никогда — упомянулъ Суворовъ — «не забуду я храбрыхъ Австрій-«цевъ, которые почтили меня довѣренностію и любо-«вію; не забуду воиновъ побѣдоносныхъ, содѣлавшихъ «меня побѣдителемъ.» — Непріятная вѣсть объ удаленіи Россіянъ привела въ уныніе обитателей Піемонта и Ломбардіи. Русская армія выступила въ походъ къ

(*) См. *Замѣтку Суворова* въ Исторіи Рос. Австр. кампаніи 1799 г., ч. 3, стр. 490.

границамъ Швейцаріи двумя колоннами: первою предводительствовалъ Дерфельденъ, второю Розенбергъ. Полевыя орудія отправлены, подъ прикрытіемъ войска, чрезъ Миланъ и Комо, откуда положено перевезти ихъ на судахъ. Въ замѣнъ этихъ пушекъ корпусъ Дерфельдена долженъ былъ получить 15 горныхъ, а корпусъ Розенберга 10. Австрійское начальство обязалось снабдить мулами подъ орудія и для подвоза провіанта. Меласъ увѣрилъ Суворова, что они выставлены въ городѣ Беллинцонѣ, лежащемъ у подошвы Сен-Готарда. Быстро шествовалъ Суворовъ: въ шесть дней совершилъ переходъ, для котораго нужно было восемь; но въ Беллинцонѣ не нашелъ онъ обѣщанныхъ муловъ, потерялъ пять дней, обнадеживаемый Австрійскими коммиссіонерами, и въ такой крайности исполнилъ полезный совѣтъ Великаго Князя добавить недостававшее число муловъ козачьими лошадьми. Приближаясь къ Альпійскимъ горамъ, одушевляя Россіянъ чрезвычайными дѣлами, недавно совершенными въ Италіи, опытный Полководецъ не скрывалъ отъ военачальниковъ своихъ печальныхъ слѣдствій удаленія изъ Швейцаріи Эрцгерцога; предвидѣлъ, что Массена устремится со всѣми силами своими на Корсакова, потомъ на Конде. Наконецъ показались грозные утесы и скалы Сен-Готарда, котораго вершина возносится выше облаковъ. Осенняя, ненастная погода придавала еще болѣе мрачности дикой громадѣ. Между солдатами, утомленными отъ дальнихъ походовъ, возникъ ропотъ на трудный переходъ. Услышавъ негодованіе, Суворовъ предоставилъ имъ избрать любое: безпрекословно повиноваться ему, или предать его землѣ у подошвы

Сен-Готарда; велѣлъ рыть для себя могилу. «*Здѣсь «похороните меня*» — произнесъ герой — «*вы болѣе «не дѣти мои — я болѣе не отецъ вамъ — мнѣ ни-«чего не остается кромѣ смерти!*» — Изумленные, растроганные солдаты, зная рѣшительность вождя своего, бросились къ нему съ громкими восклицаніями: «*Веди, веди насъ!*» подняли его на руки. «Вотъ»—говоритъ очевидецъ Фуксъ — «первый шагъ Суворова «къ побѣдамъ на горахъ Альпійскихъ (*)!» Въ донесеніи своемъ Государю, отъ 3 октября (1799 г.), Суворовъ описалъ знаменитый переходъ свой «На каж-«домъ шагѣ въ этомъ царствѣ ужаса, зіяющія про-«пасти представляли отверстые и поглотить готовые «гробы смерти. Дремучія, мрачныя почи, непрерывно «ударяющіе громы, ліющіеся дожди и густой туманъ «облаковъ, при шумныхъ водопадахъ, съ каменьями съ «вершинъ низвергавшихся, увеличивали трепетъ. Тамъ «явилась зрѣнію нашему гора *Сен-Готардъ*, этотъ ве-«личающійся колоссъ горъ, ниже хребтовъ котораго «громоносныя тучи и облака плаваютъ, и другая, упо-«добляющаяся ей, *Фогельсбергъ*. Всѣ опасности, всѣ «трудности были преодолѣны, и при таковой борьбѣ «со всѣми стихіями, непріятель, гнѣздившійся въ уще-«линахъ и въ неприступныхъ, выгоднѣйшихъ мѣсто-«положеніяхъ, не могъ противостоять храбрости вои-«новъ, явившихся неожиданно на этомъ новомъ театрѣ: онъ «всюду прогнанъ. Войска В. И. В. прошли чрезъ тем-«ную горную пещеру *Урзерн-Лохъ*, заняли мостъ, уди-«вительною игрой природы изъ двухъ горъ сооруже-

(*) *Исторія Рос. Австр. кампаніи*, ч. 1. стр. 291.

«ный и применованный *Тейфельсбрике* (*). Оный раз-
«рушенъ непріятелемъ; но это не остановило побѣди-
«телей: они связываютъ доски шарфами офицеровъ;
«бѣгутъ по этимъ доскамъ, спускаются съ вершинъ
«въ бездны, и достигая врага, поражаютъ его всюду.
«Напослѣдокъ, надлежало восходить на снѣжную гору
«*Бинднеръ-Бергъ*, скалистою крутизною всѣ прочія
«превышающую; утопая въ скользкой грязи, должно
«было подыматься противъ и посреди водопада, низ-
«вергавшагося съ ревомъ, и низрывавшаго съ яростію
«страшные камни, снѣжныя и земляныя глыбы, на
«которыхъ много людей съ лошадьми съ величайшимъ
«стремленіемъ летѣли въ пренсподнія пучины, гдѣ
«многіе убивались, а многіе спасались. Всякое изра-
«женіе недостаточно къ изображенію этой картины
«во всемъ ея ужасѣ. Единое воспоминаніе преиспол-
«няетъ душу трепетомъ и теплымъ благодарственнымъ
«моленіемъ ко Всевышнему, Его же невидимая, все-
«сильная десница видимо охраняла воинство В. И. В.,
«подвизавшееся Святою Его Вѣрою.» Суворовъ совер-
шилъ пешковѣрный походъ средн своего войска, на
лошади, едва влачившей ноги, въ синемъ обветша-
ломъ плащѣ, который достался ему послѣ отца и былъ
извѣстенъ подъ названіемъ *родительскаго*, въ круглой
большой шляпѣ, взятой у одного капуцина. Ропотъ
воиновъ, отчаяніемъ исторгаемый, доходилъ до него:
«Старикъ нашъ» — говорили они вслухъ — «выжилъ
«уже изъ ума: Богъ вѣсть, куда насъ завелъ!» —
Суворовъ спрашивалъ: *что они говорятъ?* — Ему от-

(*) *Чертовъ мостъ.*

вѣчали: «Вы слышите сами.» «*Да!*» — кричалъ онъ — «*Помилуй Богъ! они меня хвалятъ; такъ хвалили «они меня въ Турецкой и Польшѣ.*» — И утомленные солдаты хохотали, забывали свою усталость, радостно повторяли слова Предводителя: «*Впередъ! съ «нами Богъ! Русское войско побѣдоносно. Ура!*» — «*Здѣсь плѣтъ des belles retirades*» (*). — говорилъ Суворовъ, улыбаясь, приближеннымъ — «*развѣ въ про-«пастяхъ.*» — Одно слово *ретирада* приводило его въ гнѣвъ и изступленіе. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и оставленный союзниками, онъ повторялъ: «Не дамъ костей своихъ врагамъ; умру «здѣсь, и изсѣките на камнѣ: *Суворовъ — жертва «измѣны, но не трусости* (**).» — Великій Князь проводилъ съ Фельдмаршаломъ ночи подъ открытымъ небомъ: иногда, въ равнинахъ только, имѣли они пристанище въ сараяхъ, гдѣ въ лѣтнее время укрываются отъ непогоды пасущіяся стада. Вытѣснивъ Французовъ изъ горныхъ ущелій, обративъ ихъ въ бѣгство, сначала къ долинѣ Урзернъ, потомъ чрезъ Чертовъ мостъ за мѣстечко Вазенъ, къ Амстегу; занявъ городъ Альтдорфъ, Суворовъ преодолѣлъ съ войскомъ своимъ чрезвычайныя трудности при переходѣ черезъ гору *Кольмбергъ*, высочайшую по Сен-Готардѣ. Въ продолженіе этихъ битвъ герои его, Багратіонъ и Милорадовичъ, покрыли себя новою славой: послѣдній, найдя въ Амстегѣ сожженный мостъ, полетѣлъ по тлѣвшимся бревнамъ; спускался на спинѣ съ утесистыхъ горъ.

(*) *Прекрасныхъ ретирадъ.* См. *Сочиненія Фукса*, стр. 179.

(**) *Сочиненія Фукса*, стр. 88, 124 и 178.

Армія вступила въ долину Мутенъ. Здѣсь Фельдмаршалъ извѣстился отъ жителей окрестныхъ селеній о печальной участи корпусовъ Римскаго-Корсакова и Фельдмаршала-Лейтенанта Готце. Слѣдуя повелѣніямъ Гофкригсрата, Эрцгерцогъ оставилъ Швейцарію въ то самое время, когда, соединивъ силы свои съ Римскимъ-Корсаковымъ и Готце (кои всѣ составили бы до ста тысячь), могъ разбить Массену, имѣвшаго подъ ружьемъ только шестдесять тысячь. Французскій Генералъ, узнавъ о приближеніи Суворова, рѣшился внезапнымъ нападеніемъ отвратить угрожавшую ему опасность: Готце, храбро обороняясь противъ Сульта, палъ при деревнѣ Шашисъ героемъ; Римскій-Корсаковъ, распространившій силы свои въ Швейцаріи по случаю удаленія изъ оной Эрцгерцога, былъ, послѣ упорныхъ битвъ (14 и 15 сент.), окруженъ въ Цирихѣ многочисленнымъ непріятелемъ, не согласился на постыдныя условія, и съ десятитысячнымъ войскомъ, съ 12 орудіями, проложилъ себѣ дорогу штыками къ Эглизау сквозь сорокатысячную армію (*). Жители Швейцаріи не отважились возстать единодушно: нѣсколько тысячь сражались подъ знаменами Французовъ и не щадили Россіянъ, пришедшихъ защищать ихъ свободу. У Суворова оставалось менѣе двадцати тысячь войска, утомленнаго отъ непрестанныхъ сраженій и дальнихъ походовъ, почти безъ патроновъ и пороху: онъ не могъ предпринять наступательныхъ

(*) См. біографію Александра Михайловича Римскаго-Корсакова.

дѣйствій въ открытыхъ равнинахъ противъ Массены, втрое сильнѣйшаго, и вмѣстѣ съ военнымъ совѣтомъ, рѣшился идти на Гларисъ горами, открыть себѣ путь оружіемъ. Непріятель нападалъ на Русскихъ днемъ и ночью со всѣхъ сторонъ: въ мокрую, холодную погоду, они должны были подниматься на утесы, покрытые снѣгомъ, проходить по тѣснымъ, болотистымъ дорогамъ, и вправо отъ Глариса вооруженною рукой пробираться къ Коиру. Безпрестанно происходили кровопролитныя сраженія, на которыхъ воины Суворова всегда оставались побѣдителями: подъ Мутенталемъ, Розенбергъ, начальствовавшій нашимъ арріергардомъ, заманилъ Массену съ 10 тысяч. человѣкъ въ долину, выждалъ, ударилъ съ тремя тысяч. Русскихъ въ штыки, разбилъ его, обратилъ въ бѣгство до самаго Швица, потопилъ болѣе двухъ тыс. человѣкъ, взялъ въ плѣнъ: Генералъ-Квартирмейстера Лекурба, двухъ Шефовъ бригады, одного батальоннаго командира, 13 офицеровъ и 1200 рядовыхъ; отбилъ пять пушекъ (*). За Гларисомъ Князь Багратіонъ, командовавшій авангардомъ, подкрѣпленнымъ Генераломъ Дерфельденомъ, стремительно напалъ въ дефилеяхъ на Молитора, опрокинулъ его, положилъ на мѣстѣ тысячу человѣкъ, взялъ въ плѣнъ: Шефа бригады, 7 офицеровъ, 347 солдатъ „ отбилъ двѣ пушки и одно знамя. Наконецъ, послѣ шестнадцатидневнаго побѣдоноснаго странствованія по Альпійскимъ горамъ, Русскіе достигли Хура, откуда выступили чрезъ Маенфельдъ и Бальцеръ въ Фельдкирхенъ. Въ достопамятный по-

(*) См. біографію Розенберга.

ходъ чрезъ Швейцарію непріятель потерялъ: убитыми: Генерала Лягурье, множество офицеровъ и болѣе четырехъ тысячъ солдатъ; плѣнными, одного Генерала, трехъ Полковниковъ, 37 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и 2778 нижнихъ чиновъ; пушекъ отбито 10, одна мортира и одно знамя. Съ нашей стороны пало 661 чел., ранено 1369, въ томъ числѣ Генералъ-Маіоры: Князь Горчаковъ, Князь Багратіонъ, Курпаковъ, Харламовъ и Мансуровъ. — Сынъ Суворова во все время сраженій и погони находился при Великомъ Князѣ, который не переставалъ одушевлять войско напоминаніемъ о любви къ Августѣйшему его Родителю. Между тѣмъ Римскій-Корсаковъ разбилъ, при деревнѣ Шлатѣ, три дивизіи Французскія: Менара, Лоржа и Гаціана, преслѣдовалъ ихъ кавалеріею, прогналъ до рѣки Тура, отбилъ двѣ пушки, положилъ на мѣстѣ до тысячи человѣкъ, взялъ 50 въ плѣнъ, сосредоточилъ силы свои на правомъ берегу Рейна. Принцъ Конде потерпѣлъ пораженіе при Костницѣ. Не теряя еще надежды соединиться съ Австрійской арміею и дѣйствовать снова къ освобожденію Швейцаріи, Фельдмаршалъ выступилъ изъ Фельдкирхена къ Линдау, гдѣ получилъ письмо отъ Эрцгерцога Карла, назначавшаго ему свиданіе въ Штокахъ. Ссылаясь на слабость здоровья, Суворовъ просилъ Эрцгерцога сообщить ему письменно виды и предположенія для дальнѣйшихъ дѣйствій, и въ присутствіи Графа Коллоредо (который былъ присланъ съ письмомъ) произнесъ: — «*Эрцгерцогъ Карлъ не при Дворѣ, но на войнѣ, такой же Генералъ, какъ Суворовъ, кромѣ того, что послѣдній старѣе его по своей опытности.*» — Возник-

шая между обоими Полководцами переписка не имѣла никакихъ успѣховъ: Эрцгерцогъ настоятельно требовалъ содѣйствія Суворова, не объявляя ему числа войскъ, которыми самъ намѣревался вспомоществовать. Фельдмаршалъ рѣшился перенесть главную квартиру въ Аугсбургъ, гдѣ вступилъ въ стольже безполезные переговоры съ Австрійскимъ Министромъ Княземъ Эстергази. Вскорѣ послѣдовало формальное объявленіе Императора Павла I, что Онъ прекращаетъ общее дѣло. — «Государь, Братъ мой!» — писалъ великодушный Монархъ Россіи къ Императору Францу II — «Вашему Величеству должно уже быть извѣстно о по-«слѣдствіяхъ удаленія изъ Швейцаріи Вашей арміи «подъ начальствомъ Эрцгерцога Карла — совершив-«шагося вопреки всѣхъ причинъ свѣта, по коимъ оная «оставалась тамъ до соединенія Фельдмаршала Князя «Италійскаго съ Генералъ-Лейтенантомъ Корсаковымъ. «Видя войска Мои оставленныя, и такимъ образомъ «преданныя непріятелю — политику, противную Мо-«имъ намѣреніямъ, и благосостояніе Европы, при-«несенное на жертву, имѣя совершенный поводъ къ не-«годованію на поведеніе Вашего Министерства, коего «побужденій не желаю знать, Я объявляю Вашему «Величеству съ тѣмъ же чистосердечіемъ, которое за-«ставило Меня летѣть на помощь къ Вамъ и споспѣ-«шествовать успѣхамъ Вашего оружія, что отнынѣ «общее дѣло прекращено, дабы не утвердить торже-«ства въ дѣлѣ вредномъ. Пребываемъ съ должнымъ «къ Вамъ почтеніемъ и проч. (*).» Суворовъ получилъ

(*) См. *Исторію Рос. Австр. кампаніи*, ч. 3, стр. 505 и 506.

Высочайшее повелѣніе возвратиться въ Россію, и читая въ будущемъ, произнесъ: «*Я билъ Французовъ; но «не добилъ. Парижъ мой пунктъ — бѣда Европѣ!*» — Признательный къ заслугамъ Государь возвелъ героя въ почетное достоинство Россійскаго Генералиссимуса, 29 октября 1799 года. «Побѣждая повсюду и во «всю жизнь вашу враговъ Отечества» — писалъ къ нему Павелъ I-й — «не доставало вамъ еще одного ро«да славы: преодолѣть самую природу; но вы и надъ «нею одержали пышѣ верхъ. Поразивъ еще разъ зло«дѣевъ вѣры, попрали вмѣстѣ съ ними козни сообщни«ковъ ихъ, злобою и завистію противъ васъ вооружен«ныхъ. Нынѣ, награждая васъ по мѣрѣ признательности «Моей, и ставя на вышній степень, чести и герой«ству предоставленный, увѣренъ, что возвожу на оный «знаменитѣйшаго Полководца сего и другихъ вѣ«ковъ.» — «*Это много для другаго*» — произнесъ тогда Императоръ Графу Ростопчину — «*а Суворову мало: «ему быть Ангеломъ*», и велѣлъ вылить бронзовую статую его, для украшенія столицы, въ память знаменитыхъ подвиговъ. Императоръ Францъ II препроводилъ къ Суворову орденъ Маріи Терезіи первой степени большаго креста, предоставилъ ему по жизнь званіе своего Фельдмаршала и сопряженное съ онымъ жалованье. Великій Князь Константинъ Павловичъ, *за храбрость и примѣрное мужество*, получилъ отъ своего Августѣйшаго Родителя титулъ *Цесаревича*. Въ Прагѣ Генералиссимусъ провелъ время очень весело (въ декабрѣ); завелъ у себя на банкетахъ святочныя игры: фанты, жмурки, жгуты и проч.; бѣгалъ, мѣшался въ толпѣ подчиненныхъ, съ точностію

исполнялъ, что ему назначалось дѣлать, когда вынимали его фантъ; пустился въ танцы: *люди вправо, а онъ влѣво; такую* — какъ изъясняется очевидецъ Фуксъ — *причинилъ кутерьму, суматоху, штурмъ, что всѣ скакали, прыгали и сами не знали куда.* Знатнѣйшія Богемскія дамы, Австрійскій Генералъ Графъ Беллегардъ, Англійскій Посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ Лордъ Минто и множество иностранцевъ путались въ нашихъ простонародныхъ играхъ. Кто бы подумалъ тогда, что Суворовъ находился у вратъ смерти? «Князь!» — писалъ собственноручно Императоръ къ Суворову 29 декабря —. «Поздравляю васъ съ но-«вымъ годомъ, и желая его вамъ благополучно, зову «васъ къ себѣ. Не Мнѣ тебя, герой, награждать. Ты «выше мѣръ Моихъ; но Мнѣ чувствовать сіе и цѣ-«пить въ сердцѣ, отдавая тебѣ должное. Благосклон-«ный Павелъ.» Сдавъ команду Генералу Розенбергу, Генералиссимусъ простился въ Прагѣ съ войсками горестно и трогательно: солдаты предчувствовали, что не увидятъ болѣе своего водителя къ побѣдамъ! Въ городѣ Нейтитшенѣ (въ Моравіи), Суворовъ желалъ поклониться праху Лаудона. Приблизившись къ надгробному памятнику, онъ прочелъ со вниманіемъ Латинскую надпись, въ которой описаны титулъ и заслуги знаменитаго Полководца, и произнесъ сопровождавшему его Фуксу (*): «Нѣтъ! Когда я умру, не

(*) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Егоръ Борисовичъ Фуксъ, Правитель Канцеляріи и неразлучный спутникъ Суворова, управлялъ также военною Канцеляріею Князя Кутузова-Смоленскаго въ достопамятный 1812 годъ; скончался въ С. Петербургѣ 25 марта 1829 года.

«дѣлайте на моемъ надгробіи похвальной надписи; но «скажите просто: «*Здѣсь лежитъ Суворовъ.*» Начало болѣзни Генералиссимуса, называемой *фликтеною*, оказалось въ Краковѣ: сыпь и водяные пузыри покрыли все тѣло его. Онъ поспѣшилъ въ имѣніе свое Кобрино (*) и тамъ слегъ въ постель, велѣлъ *отыскать аптечку блаженной памяти Екатерины.* — «Она надобна мнѣ только *на память*»—говорилъ Суворовъ, не любившій лекарствъ. Тотчасъ отправлена была съ печальнымъ извѣстіемъ эстафета къ Генералъ-Прокурору Обольянинову. Императоръ прислалъ Лейбъ-Медика Вейкарта къ больному.—«Молю Бога»—писалъ Онъ къ нему — «да возвратитъ Мнѣ героя Суворова. «По пріѣздѣ вашемъ въ столицу узнаете вы признательность къ вамъ Государя, которая, однакожъ, не «сравняется съ вашими великими услугами, оказанными «Мнѣ и Государству.»—Суворовъ получилъ облегченіе, началъ выздоравливать, и бо́льшую часть времени, по случаю наступившаго тогда Великаго поста, проводилъ въ молитвахъ; заставлялъ Вейкарта участвовать въ нихъ три раза въ день, бить земные поклоны, употреблять самую строгую постную пищу, не смотря на отговорки, велѣлъ ему говорить по Русски, хотя онъ съ трудностію изъяснялся на нашемъ языкѣ; продолжалъ въ церкви пѣть съ пѣвчими, сердился когда они не согласовались съ нимъ, читалъ Апостолъ съ великимъ напряженіемъ голоса, безпрестанно перебѣгалъ съ одного клироса на другой или въ алтарь и молился мѣстнымъ образамъ. Иногда герой предавался меч-

(*) Ныпѣ уѣздный городъ Гродненской губерніи.

таніямъ о новой кампаніи, диктовалъ отвѣты на письма знаменитыхъ особъ Европы, разговаривалъ о приготовленіяхъ, которыя дѣлались къ торжественному въѣзду его въ С. Петербургъ. Наконецъ, докторъ позволилъ ему отправиться въ дорогу, съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ сутки не болѣе двадцати пяти верстъ, о чемъ донесено Государю. Передъ отъѣздомъ Генералиссимусъ спросилъ: *не забылъ ли кого наградить?* Онъ не могъ уже путешествовать по своему обыкновенію, ѣхалъ не въ кибиткѣ, а въ дормезѣ, лежа на перинѣ и въ сопровожденіи врачей; на пути получилъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ Государь изъявлялъ величайшую радость, *что вскорѣ обниметъ героя всѣхъ вѣковъ, Суворова.* При выѣздѣ изъ Вильно, болѣзнь его вдругъ усилилась: великій Полководецъ остановился въ бѣдной хижинѣ, легъ на лавку и, прикрытый полотномъ, съ тяжелыми вздохами произнесъ: «*За что страдаю?*» — Въ Ригѣ, собравшись съ силами, онъ надѣлъ, въ первый день Пасхи, свой Фельдмаршальскій мундиръ, всѣ знаки почестей, слушалъ Божественную Литургію и разговѣлся у Губернатора. — «*Ахъ! старъ я сталъ!*» — повторялъ Суворовъ во время двухнедѣльнаго путешествія своего отъ Риги до С. Петербурга. Народъ вездѣ толпился съ нетерпѣливымъ любопытствомъ взглянуть на непобѣдимаго вождя. Въ Стрѣльнѣ дормезъ его былъ окруженъ многими жителями столицы, выѣхавшими къ нему на встрѣчу: дамы и дѣти подносили фрукты и цвѣты; слабымъ, болѣзненнымъ голосомъ благодарилъ онъ ихъ, и съ умиленіемъ благословлялъ дѣтей. Избѣгая уже всѣхъ почестей, Гене-

рапссемусъ желалъ въѣхать въ Петербургъ вечеромъ; приблизился, 20 апрѣля, къ тріумфальнымъ воротамъ въ десять часовъ; поднялся шлагбаумъ, солдаты выступили въ рядъ безъ ружей. Въ Зимнемъ Дворцѣ были приготовлены для него комнаты: Суворовъ остановился въ домѣ своего племянника, Графа Дмитрія Ивановича Хвостова (*), гдѣ, отъ увеличившейся болѣзни, слегъ въ постель. На другой день явился къ нему Вице-Канцлеръ Графъ Ростопчинъ съ собственноручнымъ рескриптомъ Людовика XVIII, при которомъ Король Французскій препроводилъ къ нему орденъ Св. Лазаря. Суворовъ лежалъ въ совершенномъ разслабленіи; долго не могъ понять, зачѣмъ Ростопчинъ пріѣхалъ; наконецъ, велѣлъ прочитать письмо, взялъ орденъ, заплакалъ, спросилъ о мѣстѣ, изъ котораго онъ присланъ, и съ ироническою улыбкой сказалъ: «*Такъ ли прочитали? Французскій Король «долженъ быть въ Парижѣ, а не въ Митавѣ.*» — Не задолго передъ тѣмъ, Курфирстъ Баварскій Максимиліанъ-Іосифъ прислалъ Суворову орденъ Св. Губерта (**). Онъ уже обѣдалъ не въ семь часовъ утра, а во второмъ по полудни; спалъ не на сѣнѣ; часто вставалъ съ постели, садился въ большія кресла, въ

(*) На Екатерининскомъ каналѣ, близъ церкви Св. Николая. Этотъ домъ принадлежалъ потомъ Г. Болотникову.

(**) Суворовъ, кромѣ орденовъ: Австр. Маріи Терезіи, Прусскихъ, Сардинскихъ, Французскаго и Баварскаго, имѣлъ еще Польскіе: Бѣлаго Орла и Св. Станислава; желалъ получить орденъ *Подвязки* и намекалъ о томъ посредствомъ спущеннаго чулка Англійскому Послу.

которыхъ возили его по комнатѣ; продолжалъ, для препровожденія времени, заниматься Турецкимъ языкомъ; сохранилъ въ памяти всѣ подробности о походахъ противъ Поляковъ и Турковъ и забывалъ названія покоренныхъ имъ городовъ и крѣпостей въ послѣднюю кампанію, также имена Генераловъ, надъ которыми одержалъ свѣжія, блистательныя побѣды. «*Для чего*» — говорилъ Суворовъ — «*не умеръ я на поляхъ Италіи!*» Тщетны были старанія искуснѣйшихъ врачей; болѣзнь день ото дня усиливалась, и смерть приближалась скорыми шагами. Однажды вошелъ къ больному племянникъ его и сказалъ ему: «До «васъ есть дѣло.» — Окинувъ его быстрымъ взглядомъ, Суворовъ отвѣчалъ твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ: «*Дѣло? я готовъ!*» — Но узнавши, что Баронъ Бюллеръ желалъ получить изъ рукъ его Баварскій орденъ Золотаго Льва, опустилъ голову на подушку, и слабо, едва внятными словами, произнесъ: «*Хорошо; пусть войдетъ* (*).» Уговорили Суворова исповѣдаться и причаститься Св. Таинъ. Онъ исполнилъ послѣдній долгъ, какъ истинный христіанинъ, простился съ окружавшими одръ его. Наступила ночь; въ безпамятствѣ, умиравшій произносилъ слабымъ голосомъ разныя приказанія, какъ бы находясь съ военачальниками въ главной квартирѣ, твердилъ о Генуѣ, о новыхъ своихъ военныхъ планахъ. Бредъ продолжался и утромъ — наконецъ Суворовъ умолкъ — и навсегда.... 6 мая 1800 года, во второмъ часу по полудни, на 72 году своей жизни. Огорченный смер-

(*) См. о Баронѣ Бюллерѣ въ концѣ біографіи Гросса.

тію Генералиссимуса, Императоръ послалъ своего Генералъ-Адъютанта утѣшить родственниковъ и объявить имъ, *что Онъ наравнѣ съ Россіею и съ ними раздѣляетъ скорбь о потерѣ великаго человѣка.* Великолѣпный гробъ былъ поставленъ въ богато-убранной залѣ, гдѣ въ продолженіе семи дней жители столицы орошали слезами признательности бренные останки. Въ назначенный день, вельможи, чиновники и всѣ сословія двинулись къ Александроневской Лаврѣ. Императоръ, окруженный блистательною свитой, ожидалъ печальное шествіе у Публичной Библіотеки, и по приближеніи гроба, снялъ шляпу, низко и почтительно поклонился праху знаменитаго мужа, который прославилъ Его царствованіе. У монастырскихъ воротъ высокій балдахинъ затруднилъ входъ дрогамъ; уже хотѣли снимать его, какъ одинъ унтеръ-офицеръ, находившійся во всѣхъ походахъ съ Суворовымъ, вскрикнулъ: «Оставьте! Онъ пройдетъ, какъ и вездѣ проходилъ.» — Двинулись — и гробъ проѣхалъ благополучно. Останки Генералиссимуса покоятся въ церкви Св. Благовѣщенія. Долго простая, но краснорѣчивая надпись: *Здѣсь лежитъ Суворовъ* — украшала мѣсто его погребенія. — Въ 1826 году, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, *въ честь непобѣдимому Полководцу и для возбужденія въ молодыхъ воинахъ воспоминанія о безсмертныхъ подвигахъ*, Высочайше повелѣть соизволилъ (17 авг.) именоваться впредь Фанагорійскому гренадерскому полку (съ которымъ Суворовъ взялъ Измаилъ, разбилъ при Рымникѣ Визиря) *гренадерскимъ Генералиссимуса Князя Суворова Италійскаго полкомъ.* — Князь Алс-

ксандръ Васильевичь Италійскій, Графъ Суворовъ-Рымникскій, средняго роста, взлизистый, сухощавый, имѣлъ лицо, покрытое морщинами, большой ротъ, взглядъ быстрый и часто грозный, волоса сѣдые, какъ лунь; былъ жестокъ и сострадателенъ, гордъ и доступенъ, снисходителенъ и склоненъ къ насмѣшкамъ; скоръ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ: никогда не ходилъ, а бѣгалъ; не ѣздилъ верхомъ — скакалъ; одаренъ счастливою памятью: въ Турціи выучился по Турецки, въ Польшѣ по Польски, въ Фрипяндіи по Чухонски. Воспитанный среди битвъ, получивъ всѣ высшіе чины и знаки отличія на бранномъ полѣ, онъ жилъ въ арміи какъ простой солдатъ, употреблялъ суровую пищу, хлѣбалъ солдатскія щи и кашицу, спалъ на соломѣ; часто являлся въ лагерѣ въ одной рубашкѣ или солдатской курткѣ, иногда въ изодранномъ *родительскомъ плащѣ*, съ опущенными чулками и въ старыхъ сапогахъ; былъ доволенъ, когда его не узнавали; ѣздилъ на неосѣдланной козацкой лошади, и по утру, до зари, пѣлъ три раза пѣтухомъ, пробуждая такимъ образомъ войско; при Дворѣ боялся скользкаго паркета, перебѣгалъ изъ угла въ уголъ; былъ неловокъ въ обращеніи съ женщинами, говорилъ: «*Отъ «нихъ мы потеряли рай!*» — дышалъ лишь славолюбіемъ. Онъ ложился спать въ шесть часовъ вечера, вставалъ въ два часа по полуночи, купался или окачивался холодною водой, обѣдалъ утромъ въ семь часовъ. Камердинеръ *Прошка* уполномоченъ былъ отнимать у него тарелку съ кушаньемъ, и на вопросъ: *По чьему приказанію онъ это дѣлаетъ?* отвѣчалъ: «По прика«занію Фельдмаршала Суворова.» — «*Ему должно*

«*повиноваться*» — говорилъ Суворовъ (*). Императрица Екатерина II, узнавъ, что Графъ Рымникскій ѣздитъ и ходитъ въ трескучіе морозы въ одномъ мундирѣ, подарила ему черную соболью шубу. Суворовъ принялъ съ должнымъ благоговѣніемъ даръ Монархини, возилъ его съ собою на колѣнахъ; *но никогда не дерзалъ* — какъ изъяснялся — *возлагать на грѣшное свое тѣло.* — Выпарившись въ банѣ, онъ бросался въ рѣку или въ снѣгъ, и между тѣмъ, переносилъ въ горницѣ ужасную теплоту. Однажды Правитель его Канцеляріи Фуксъ закапалъ потомъ донесеніе, которое докладывалъ Суворову: «Вотъ, Ваше «Сіятельство» — сказалъ онъ ему — «я не виноватъ, «а ваша Этна» — указавъ на печь. — «*Ничего, ни-*«*чего*» — отвѣчалъ Суворовъ — «*въ Петербургѣ* «*скажутъ, или что ты до поту лица работаешь,* «*или что я окропилъ эту бумагу слезою. Ты пот-*«*ливъ, а я слезливъ.*» — Въ другое время Австрійскій Генералъ-Квартирмейстеръ Цахъ до того распалился въ кабинетѣ его, что снялъ съ себя галстукъ и мундиръ. Фельдмаршалъ бросился его цѣ-

(*) Этому *Прошкѣ*, всегда пьяному, дерзкому, грубившему господину, Король Сардинскій Карлъ Еммануилъ прислалъ двѣ медали, на зеленыхъ лентахъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Императора Павла I, на другой своего портрета, съ Латинскою надписью: *за сбереженіе здоровья Суворова.* Послѣдній спиходилъ ему потому, что онъ нѣкогда спасъ его жизнь. Прохоръ Дубасовъ, пожалованный Государемъ въ классный чинъ, съ пенсіею по 1200 рублей въ годъ, въ день открытія памятника Суворову на Царицыномъ лугу, умеръ въ 1823 году, 80 лѣтъ.

ловать, произнесся: «*Люблю кто со мною обходится «безъ фасоновъ.*» — «Помилуйте» — вскрикнулъ Цахъ — «здѣсь можно сгорѣть!» — «*Что дѣлать!*» — возразилъ Суворовъ. — «*Ремесло наше такое, чтобъ быть всегда «близъ огня, а потому я и здѣсь отъ него не отвы-«каю.*»— Суворовъ презиралъ роскошь, не терпѣлъ лести, любилъ давать милостыню; по здоровому нищему дарилъ топоръ, говоря: *Руби дрова; не умрешь съ голоду*; присылалъ нѣсколько лѣтъ сряду въ С. Петербургскую тюрьму, отъ неизвѣстнаго, по десяти тысячь рублей на искупленіе содержащихся за долги (*); отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ; примѣрнымъ безстрашіемъ и самоотверженіемъ; во всю жизнь поражалъ непріятеля многочисленнаго мѣньшими силами; былъ любимъ, боготворимъ войскомъ; наказывалъ солдатъ, за неисправность, отечески; офицеровъ арестами — никого не погубилъ: только одинъ разъ въ жизнь свою вынужденъ онъ былъ удалить Полковника, присвоившаго себѣ солдатскія артельныя деньги, но и тутъ велѣлъ написать просто, что онъ увольняется за *нелогузнайство*. Генералы Дерфельденъ, Розенбергъ, Меласъ и другіе обращались съ нимъ съ нѣкоторою боязнію, страшась его насмѣшекъ. Отличаясь благочестіемъ, часто кричалъ онъ своимъ воинамъ: *Начало премудрости есть страхъ Господень;* умѣлъ бесѣдовать съ ними въ ихъ вкусѣ, слогѣ, языкѣ. Солдаты отзывались: «Нашъ Суворовъ съ нами «въ побѣдахъ и вездѣ въ паю, только не въ добычѣ,

(*) *Собраніе разныхъ сочиненій Фукса*, С. Петерб., 1827 г., стр. 130.

«она вся наша. Онъ не спитъ, когда мы спимъ; не «ѣстъ, когда насъ угощаетъ, и еще въ жизни своей «ни одного дѣла не проспалъ.» Тактика Суворова состояла въ трехъ словахъ: *Быстрота, глазомѣръ, натискъ.* Пѣхота его дѣйствовала штыками, конница саблями. «*Ошибки великихъ Полководцевъ поучитель-*«*ны*»—говорилъ онъ—«*За ученаго даютъ трехъ не-*«*ученыхъ. Намъ мало трехъ! Давай намъ шесть,* «*десять на одного.... всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ по-*«*лонъ возьмемъ. Береги пулю на три дни, а иногда* «*и на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять. Стре-*«*ляй рѣдко да мѣтко—штыкомъ коли крѣпко. Пу-*«*ля обмишулится, а штыкъ не обмишулится; пуля* «*дура, штыкъ молодецъ.*» — Въ Рымникскомъ сраженіи, замѣтивъ ужасныя лица Янычаръ, Суворовъ тотчасъ приказалъ солдатамъ: «*не смотрѣть бусурма-*«*намъ въ лицо, а колоть ихъ прямо въ грудь.*» Онъ не терпѣлъ *ретирадъ* и оборонительной войны. «Словъ: «*ретирада* (которое произносилъ всегда зажмурясь и съ насмѣшливымъ протяженіемъ) «*дефансивъ* въ моемъ «Словарѣ нѣтъ» — повторялъ Суворовъ. — Генералъ Меласъ, называвшій его *Генераломъ впередъ* и которому нашъ Полководецъ сказалъ: «Правда, *впередъ!* но «иногда оглядываюсь и *назадъ*, не съ тѣмъ, однакожъ, «чтобъ бѣжать, но чтобъ напасть?» — тѣснимый подъ Требіею Французами, прислалъ къ нему за повелѣніемъ: куда отступать?» — «*Въ Піаченцу*» — отвѣчалъ Суворовъ, приказавъ, такимъ образомъ, разбить непріятеля и обратить его въ бѣгство (*). «*Не-*

(*) Суворовъ называлъ Меласа: *Папа Меласъ*, *Haute Excellence.*

пріятель думаетъ, что ты за сто, за двѣсти версть» — говорилъ Генералиссимусъ—«*а ты, удвоивъ, утроивъ шагъ богатырскій, нагрянь на него быстро, внезапно. Непріятель поетъ, гуляетъ, ждетъ тебя съ чистаго поля, а ты изъ за горъ крутыхъ, изъ за лѣсовъ дремучихъ налети на него, какъ снѣгъ на голову; рази, стѣсни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться: кто испуганъ, тотъ побѣжденъ въ половину; у страха глаза большіе, одинъ за десятерыхъ покажется. Будь прозорливъ, остороженъ, имѣй цѣль опредѣленную. Возьми себѣ въ образецъ героя древнихъ временъ, наблюдай его, иди за нимъ въ слѣдъ, поровняйся, обгони—слава тебѣ! Я выбралъ Кесаря. Альпійскія горы за нами—Богъ передъ нами: ура! Орлы Русскіе облетѣли орловъ Римскихъ!*» Все Русское было близко къ сердцу Суворова; любя родину, онъ часто повторялъ: «*Горжусь, что я Россіянинъ!*» — Подражавшихъ Французамъ въ выговорѣ и ухваткахъ спрашивалъ: «*Давно ли изволили получать письма изъ Парижа отъ родныхъ?* Италіянскія простонародныя пѣсни чрезвычайно нравились ему, сходствуя нѣсколько съ Русскими, особливо когда Италіянецъ поетъ вдали, въ чистомъ полѣ. Онъ переписывался съ Державинымъ и Костровымъ: первый воспѣлъ его знаменитые подвиги въ безсмертныхъ стихахъ; Костровъ посвятилъ ему переводъ своей *Оссіана*. Книга эта была любимымъ его чтеніемъ (*); онъ бралъ ее во всѣхъ походахъ. «Оссіанъ, мой сопутникъ» — говорилъ Суворовъ– «меня

(*) И Наполеонъ любилъ читать *Оссіана*, котораго перевелъ на Французскій языкъ Бауръ Лорміанъ.

«воспламеняетъ; я вижу Фингала, въ туманѣ, на вы-«сокой скалѣ сидящаго, слышу слова его: *Оскаръ, «одолѣвай силу въ оружіи; щади слабую руку.* Честь «и слава пѣвцамъ! Они мужаютъ насъ и дѣлаютъ «творцами общихъ благъ.»—Но съ умомъ образованнымъ, съ начитанностію, Суворовъ имѣлъ предразсудки: не терпѣлъ, чтобъ за столомъ его брали соль ножемъ изъ солонки; двигали ее съ мѣста, или ему подавали: каждый долженъ былъ отсыпать себѣ на скатерть соли сколько ему угодно, и тому подобное. Екатерина Великая, желая вывесть Потемкина изъ ошибочнаго его мнѣнія объ умѣ Суворова, присовѣтовала ему подслушать ихъ разговоръ изъ сосѣдней комнаты. Удивленный необыкновеннымъ остроуміемъ и глубокомысліемъ Рымникскаго, Князь Таврическій упрекнулъ его, зачѣмъ онъ съ нимъ не бесѣдуетъ такимъ образомъ. — «*Съ Царями у меня другой языкъ*» — отвѣчалъ Суворовъ. Проказничая въ обществахъ и передъ войскомъ, онъ въ кабинетѣ диктовалъ диспозиціи къ сраженіямъ, взвѣшивалъ въ умѣ своемъ силы непріятельскія, назначалъ позиціи полкамъ, предписывалъ имъ новыя дѣйствія, чертилъ самъ планы или поправлялъ ошибки искуснѣйшихъ своихъ Генералъ-Квартирмейстеровъ, Шателера и Цама, которые за то не сердились, но изумлялись и благодарили его. Упоминая о корыстолюбіи Массены, Суворовъ присовокупилъ: «*Не помѣстятся въ тѣ-«сномъ гробѣ его награбленные имъ и кровію оби-«тренные милліоны!*» — О Моро отзывался: «*Онъ «меня, стараго старика, нѣсколько понимаетъ; но я «его больше. Горжусь, что имѣлъ дѣло съ славнымъ*

«человѣкомъ!» Румянцева называлъ *своимъ учителемъ;* Петра Великаго *первымъ Полководцемъ своего вѣка. «Мнѣніе мое о Государѣ»* — прибавлялъ онъ — *«и «Графъ Петръ Александровичъ (*) удостоилъ одобрить.»* Однажды, разговаривая о самомъ себѣ, Суворовъ сказалъ окружавшимъ его: *«Хотите ли меня знать? Я вамъ себя раскрою: меня хвалили Цари, любили воины, друзья мнѣ удивлялись, ненавистники меня поносили, при Дворѣ надо мною смѣялись. Я бывалъ при Дворѣ; но не придворнымъ, а Эзопомъ, Лафонтеномъ: шутками и звѣринымъ языкомъ говорилъ правду. Подобно шуту Балакиреву, который былъ при Петрѣ Первомъ и благодѣтельствовалъ Россіи, кривлялся я и корчился. Я пѣлъ пѣтухомъ, пробуждалъ сонливыхъ, утомлялъ буйныхъ враговъ Отечества. Если бы я былъ Кесарь, то старался бы имѣть всю благородную гордость души его; но всегда чуждался бы его пороковъ (**).»* — Въ другое время, когда живописецъ Миллеръ явился къ нему въ Прагѣ (1799 г.) отъ Курфирста Саксонскаго, Суворовъ привѣтствовалъ художника: *«Ваша кисть изобразитъ черты лица моего; онѣ видны; но внутреннее человѣчество мое сокрыто. И такъ скажу вамъ, любезный господинъ Миллеръ, что я проливалъ кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближняго, во всю жизнь мою никого не сдѣлалъ несчастнымъ; ни одного приговора на смертную казнь не подписывалъ; ни одно*

(*) Румянцевъ-Задунайскій.

(**) См. *Анекдоты Князя Италійскаго*, *изданіе Фуксомъ*, стр. 80.

насѣкомое не погибло отъ руки моей. Былъ малъ, былъ великъ (тутъ вскочилъ на стулъ); *при приливѣ и отливѣ счастія уповалъ на Бога и былъ непоколебимъ* (сѣлъ на стулъ), *какъ и теперь* (*).» Онъ умолкъ и сидѣлъ неподвижно. Восхищенный Миллеръ написалъ прекрасный портретъ, хранящійся въ Дрезденскомъ Музеумѣ. «Суворовъ»—передалъ намъ Генералъ Дерфельденъ, тридцатипятилѣтній спутникъ его — «пробѣжалъ обширное поле Исторіи всѣхъ вѣковъ; со «вниманіемъ читалъ, слушалъ біографіи великихъ му«жей; хвалилъ примѣры ихъ величія; но для своей «славы проложилъ новую, дотолѣ неизвѣстную тро«пу. Не имѣя сановитости и дара слова Румянцова, «милліоновъ Потемкина, и одаренный отъ природы не«видною наружностію, онъ началъ играть ролю, ни «отъ кого не заимствованную, а самимъ имъ для себя «сотворенную, и выдержалъ ее во всѣхъ превратно«стяхъ долговременной жизни: былъ героемъ и казал«ся чудакомъ.» Графъ Сегюръ справедливо замѣчаетъ въ своихъ *Запискахъ* (**): что Суворовъ прикрывалъ блестящія достоинства странностями, желая избавить себя отъ преслѣдованія сильныхъ завистниковъ. Потемкинъ говорилъ объ немъ: «Суворова никто не *пересуворитъ*.» Моро отзывался о Суворовѣ: «что никто «лучше его не умѣлъ одушевлять войскъ, не соединялъ «въ высшей степени качествъ военачальника; что «главные его подвиги въ Италіи: сраженія при По«ви и при Требіи, особенно маршъ на Требію, ко-

(*) См. *Собраніе разныхъ сочиненій Фукса*, стр. 136.
(**) Т. 3, p. 57.

«торый есть совершенство въ военномъ искусствѣ (*).» Въ числѣ почитателей Князя Италійскаго находился безсмертный Нельсонъ, который писалъ къ нему: «Нѣтъ въ Европѣ человѣка, любящаго васъ такъ, какъ «я, не за одни великіе подвиги, но и за презрѣніе къ «богатству. Горжусь тѣмъ, что, по увѣренію видав- «шаго васъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, имѣю «сходство съ вами ростомъ, видомъ и ухватками.» Князь Александръ Васильевичь былъ женатъ на дочери Генералъ-Аншефа Князя Ивана Андреевича Прозоровскаго, Княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ, отъ которой имѣлъ дочь, Княжну Наталью Александровну, вышедшую за Оберъ-Шталмейстера Графа Николая Александровича Зубова; и сына Князя Аркадія Александровича: онъ подавалъ большія надежды, но преждевременно лишился жизни въ волнахъ *Рымника*.

СУХАНОВЪ, Кириллъ Васильевичь, сынъ Сибирскаго мѣщанина, родился 7 января 1741 года. Любовь къ вѣрѣ и чтеніе Священныхъ книгъ внушили ему счастливую мысль обратить въ Христіанство Тунгузовъ: онъ познакомился съ ихъ языкомъ и пришелъ въ Даурію съ котомкою за плечами, началъ проповѣдывать слово Божіе, умѣлъ, въ короткое время, присоединить къ Церкви множество идолопоклонниковъ. Епископъ Иркутскій Михаилъ (скончавшійся въ 1789 году) ревностно содѣйствовалъ благочестивому подвигу Суханова, облекъ его въ санъ Свя-

(*) См. *Записки о походѣ* 1813 *года*, *соч.* Сенатора Михайловскаго Данилевскаго, втор. изд., стр. 296.

щенника и далъ ему походную церковь, во имя Св. Креста. Кириллъ, обучившійся самоучкою живописи, рѣзьбѣ, позолотѣ, былъ вмѣстѣ каменьщикъ и плотникъ, населялъ деревни Тунгузами, сооружалъ храмы, писалъ иконы, основалъ училища, и изъ новокрещенныхъ образовалъ отличныхъ причетниковъ, служителей алтаря и иконописцевъ. Неимовѣрные труды сократили жизнь добродѣтельнаго: онъ скончался, въ санѣ Протоіерея, 15 августа 1810 года, на 70-мъ отъ рожденія, и погребенъ въ Перчинскомъ соборѣ. На чугунной доскѣ, гдѣ покоятся его останки, высѣчены слѣдующіе стихи:

Усердною душею Вышнему служа,
И къ славѣ Божіей сердечно прилежа,
Гдѣ былъ лѣсъ, степь и дикія пустыни,
Къ служенію Ему воздвигъ ты тамъ свытыни.

Его именемъ называются ясашные (*), обращенные имъ въ Христіанство, которые чтутъ память своего просвѣтителя (**).

(*) *Сухановскими.*

(**) *См. Отечеств. Записки*, т. XII, 1840 г., N 10.

Т.

ТАТИЩЕВЪ, Алексѣй Даниловичъ, сынъ Компатнаго Стольника Даніила Михайловича Татищева (*), служилъ въ молодыхъ лѣтахъ деньщикомъ при Петрѣ Великомъ и отличался расторопностію своею, точнымъ исполненіемъ всѣхъ возлагаемыхъ на него порученій. Государь столько любилъ его, что часто обѣдалъ съ нимъ за однимъ столомъ (**). Императрица Екатерина I пропзвела его (1725 г.) въ Гофъ-Юнкеры, вмѣстѣ съ Бутурлинымъ (въ послѣдствіи Фельдмаршаломъ) и Каменскимъ (отцемъ Фельдмаршала). Въ слѣдующемъ году (1726 г.) пожалованъ онъ Камеръ-Юнкеромъ; но вскорѣ удаленъ отъ Высочайшаго Двора, въ то время, какъ Долгоруковы, пользуясь малолѣтствомъ Императора Петра II, управляли кормиломъ Государства. Опала, коей онъ былъ подверженъ, не долго продолжалась. Императрица Анна Іоанновна возвратила Татищеву (1730 г.) прежнее званіе Камеръ-Юнкера и пропзвела его (1737 г.) въ Дѣйствительные Камергеры. Посвятивъ себя придворной жи-

---

(*) Татищевы происходятъ отъ Князей Смоленскихъ. *Общій Гербовникъ*, ч. 2.

(**) *Берхгольцъ*. См. *Магазинъ Бишинга*.

зни, Алексѣй Даниловичъ умѣлъ удержаться на скользкихъ паркетахъ въ самое шаткое время, когда Россія стонала подъ игомъ Бирона и тысячи людей дѣлались жертвами подозрительнаго его права. Среди общаго ужаса царствовала при Дворѣ скука: единственною забавою служили шуты. Ихъ выбирали изъ Дворянъ и даже изъ Князей. Въ (1740 г.) жребій палъ на одного потомка Гедемина, въ наказаніе, что онъ, во время путешествія своего, принялъ Римско-Католическій законъ: его переименовали *Квасинымъ* и пожаловали Пажемъ, не смотря, что ему было сорокъ лѣтъ. Для развлеченія Государыни, Татищевъ предложилъ, въ самую жестокую зиму, поставить между Дворцемъ и Адмиралтействомъ ледяной домъ въ нѣсколько комнатъ, съ тѣмъ, чтобы новый шутъ провелъ въ немъ ночь съ своею суженою. Ему содѣйствовалъ Кабинетъ-Министръ Волынскій. Вытребованы были, чрезъ Губернаторовъ, по два человѣка обоего пола разныхъ племенъ, въ Россіи обитающихъ, какъ то: Вотяки, Черемисы, Татары, Калмыки, Остяки, Самоѣды и проч.—Между тѣмъ, Татищевъ занялся устройствомъ ледянаго дома: разрубили ледъ на подобіе большихъ квадратныхъ плитъ, и для скрѣпленія ихъ поливали водою, которая тотчасъ замерзала. Домъ этотъ, красивой наружности, занималъ восемь саженъ въ длину, двѣ съ половиною въ ширину и три въ вышину. Передъ нимъ стояло четыре ледяныя трехъфунтовыя пушки на ледяныхъ лафетахъ и колесахъ и двѣ ледяныя мортиры: изъ первыхъ неоднократно стрѣляли ядрами; изъ послѣднихъ бросали бомбы. У воротъ поставлены были два ледяные дельфина, ко-

торые, посредствомъ насосовъ, выбрасывали изъ челюстей огонь отъ зажженной нефти. Деревья около дома, съ насаженными на нихъ птицами, рамы и стекла въ окнахъ, кровать съ занавѣсомъ, столы, стулья, разная посуда, стаканы, рюмки, уборный столъ съ зеркаломъ, множество другихъ вещей и даже блюды съ кушаньемъ, приличнымъ образомъ раскрашенныя, все это было сдѣлано изъ льда. Дрова въ каминѣ и свѣчи въ шандалахъ, также ледяныя, горѣли вечеромъ, будучи намазаны нефтью. Возлѣ дома стоялъ ледяный слонъ настоящей величины, на которомъ сидѣлъ Персіянинъ. Слонъ этотъ внутри былъ пустъ и днемъ выбрасывалъ воду на 24 фута въ вышину, а ночью горящую нефть; скрытый въ немъ человѣкъ подражалъ голосомъ крику сего животнаго. Въ день свадьбы Кваснина, приглашенные гости, числомъ болѣе 300 человѣкъ, собрались у Волынскаго, откуда проѣхали мимо дворца по главнѣйшимъ улицамъ. Впереди выступалъ слонъ, на которомъ въ большой клѣткѣ сидѣли новобрачные (*); гости слѣдовали за ними попарно въ саняхъ, которыя были сдѣланы въ видѣ животныхъ, рыбъ и птицъ, и запряжены оленями, собаками, быками, козлами, свиньями; нѣкоторые ѣхали на верблюдахъ. Послѣ обѣда, даннаго на нѣсколькихъ столахъ въ манежѣ Бирона, гдѣ угощали гостей любимыми ими кушаньями, начался балъ: каждая пара имѣла свою музыку и плясала по своему. Новообрачные были отвезены потомъ въ ледяный домъ:

(*) Кваснина, не смотря, что онъ былъ Князь, женили на дѣвушкѣ изъ простаго званія.

ихъ положили въ постель и въ то самое время затопили соломою баню, выстроенную подлѣ дома, также изъ льду. У дверей поставлены были часовые, чтобы молодые не вышли до утра. «Во время поѣзда» — пишетъ очевидецъ Нащокинъ — «ямщики города Твери ока«зывали весну разными высвистами по птичью, и весь«ма то было во удивленіе, что въ поѣздѣ, при вели«комъ отъ поѣзжанъ крикѣ, слонъ, верблюды и про«чіе звѣри такъ служили той свадьбѣ, что ни малаго «во установленномъ порядкѣ помѣшательства не бы«ло (*).» Подробности этой любопытной свадьбы доказываютъ распорядительность Татищева и умѣнье его угождать; но ловкость его не доставила ему тогда никакой награды, кромѣ нѣкоторой знаменитости въ исторіи тѣхъ временъ. Вскорѣ вступила на Престолъ Императрица Елисавета Петровна (1741), отличавшая приближенныхъ Своего Родителя: Она возложила на Татищева, въ день коронованія (1742), орденъ Св. Александра Невскаго; произвела его, вслѣдъ за тѣмъ, въ Генералъ-Поручики и именовала Генералъ-Полиціймейстеромъ. Алексѣй Даниловичъ сохранилъ это почетное званіе по самую свою кончину, послѣдовавшую 21-го сентября 1760 года. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ былъ произведенъ въ Генералъ-Аншефы. О характерѣ Татищева можно судить также по слѣдующему анекдоту: «Государыня» — сказалъ онъ (1754) Придворнымъ, съѣхавшимся во Дво-

(*) См. *Записки Манштейна и Нащокина*, также *Обзоръ славнѣйшихъ происшествій въ Россіи*, соч. Вейдемейера, изд. втор. 1832 г., ч. 2, стр. 141 и слѣд.

рецъ — «чрезвычайно огорчена донесеніями, которыя «получаетъ изъ внутреннихъ губерній о многихъ по- «бѣгахъ преступниковъ. Она велѣла мнѣ изыскать «средство къ пресѣченію сего зла: средство это у «меня въ карманѣ.» — «Какое?» — вопросили его. — «Вотъ оно» — отвѣчалъ Татищевъ, вынимая новые знаки для клейменія. — «Теперь — продолжалъ онъ — «если преступники и будутъ бѣгать, такъ легко ихъ «ловить.» — «Но» — возразилъ ему одинъ присутствовав- шій — «бываютъ случаи, что иногда невинный полу- «чаетъ тяжкое наказаніе, и потомъ невинность его «обнаруживается: какимъ образомъ избавите вы его «отъ поносительныхъ знаковъ?» — «Весьма удобнымъ» — отвѣчалъ Татищевъ съ улыбкою — «стопъ только къ «словамъ «*вор*, прибавить еще на лицѣ двѣ литеры «*не.*» — Тогда новые стемпели были разосланы по Имперіи и состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы колодниковъ, на которыхъ поставлены знаки, употреб- ляли въ тяжелую всегдашнюю работу.

ТАТИЩЕВЪ, Аоанасій Даниловичъ, братъ Генералъ-Полиціймейстера, родился въ 1685 году и так- же былъ деньщикомъ Петра Великаго. Государь лю- билъ его за проворство и острыя шутки, которыя Татищевъ иногда позволялъ себѣ. Какъ-то онъ про- винился неисполненіемъ даннаго повелѣнія и услышалъ грозныя слова: *явиться къ караульному офицеру, которому приказано наказать его, посредствомъ ба- рабанщиковъ, батожьемъ.* Татищевъ и въ эту рокo- вую минуту не лишился надежды: вспыльчивый нравъ и доброе сердце Государя были ему извѣстны; онъ

утѣшалъ себя мыслію, что получитъ прощеніе, и чтобъ выиграть время, пошелъ вокругъ дворца. На дорогѣ встрѣтился съ нимъ Кабинетный писарь Замятинъ: вдругъ Татищеву пришла счастливая мысль подставить его вмѣсто себя. Онъ привелъ его къ барабанщикамъ; въ это время Петръ Великій выглянулъ въ окно, и произнеся: *раздѣвайте*, отошелъ отъ онаго. Татищевъ и тутъ не потерялъ присутствія духа, вскрикнулъ на барабанщиковъ: «Чтожъ вы стали? Прини-«майтесь за него.» — Въ мгновеніе ока, Замятинъ былъ раздѣтъ, положенъ и началъ кричать подъ палками. Татищевъ между тѣмъ спрятался за строеніе. *Полно!* — закричалъ въ скоромъ времени Государь, и потомъ поѣхалъ въ Адмиралтейство. — Надобно было Татищеву избавиться другой бѣды: онъ зналъ, что проказа его будетъ доведена до свѣдѣнія Петра, что тогда наказаніе увеличится, и поспѣшилъ къ Екатеринѣ, бросился къ ногамъ Ея, умолялъ: *вступиться за него, отвратить заслуженный гнѣвъ Государя.* Екатерина пожурила виновнаго, но не отказала ему въ своемъ предстательствѣ. Нѣсколько разъ, за обѣденнымъ столомъ, просила она Петра: *простить Татищева.* — «Дѣло уже кончено: онъ наказанъ, и гнѣву «моему конецъ» — отвѣчалъ Государь; но слыша повтореніе прежней просьбы, произнесъ. «Да отвяжись «пожалуй отъ меня. Ну, *Богъ его проститъ.*» — Татищевъ немедленно бросился къ стопамъ Государя, который и ему подтвердилъ прощеніе словомъ Божіимъ. Тогда виновный признался шутливымъ образомъ: *что не онъ былъ наказанъ, а Замятинъ,* примолвя: *и ништо ему подъячему крючку.* Государь, раздо-

садованный непростительнымъ поступкомъ Татищева, схватилъ палку и вскрикнулъ: «Я тебѣ покажу, какъ «поступаютъ съ такими плутами, каковъ ты» — Но Екатерина остановила Его напоминаніемъ: «что про«щеніе запечатлѣно именемъ Божіимъ.» Слово это немедленно укротило гнѣвъ благочестиваго Монарха: послѣ кратковременнаго молчанія, Онъ произнесъ: «Быть такъ»; — приказалъ Татищеву признаться во всемъ безъ утайки; послалъ за Замятинымъ и сказалъ ему: «Ну, братъ, прости меня пожалуй; мнѣ тебя очень «жаль; но что дѣлать? Пѣняй на плута Татищева. Од«нако я сего не забуду и зачту побои сіи тебѣ «впредь (*).» — Дальнѣйшая служба Аоанасія Даниловича покрыта непзвѣстностію: онъ скончался въ Москвѣ, въ чинѣ Генералъ-Маіора, 31 августа 1750 года, на 66-мъ отъ рожденія. Первое его удовольствіе было говорить, со слезами на глазахъ, о Петрѣ Великомъ: о Его милостяхъ, неусыпныхъ трудахъ и о преждевременной кончинѣ, которая воспрепятствовала Ему совершить много предпріятій, полезныхъ для Отечества. Однажды молодой богатый дворянинъ сказалъ Татищеву: «Я отъ тебя же слыхалъ, что не одинъ разъ «и палка Его гуляла по спинѣ твоей, а воспоминаніе о «томъ, кажется, должно бы осушить слезы твои». — «*Врешь!*—возразилъ съ гнѣвомъ почтенный старецъ—

(*) Замятинъ, въ послѣдствіи, за сдѣланное имъ преступленіе, былъ приговоренъ къ жесточайшему наказанію, но избавленъ отъ онаго Государемъ. — См. *Анекдоты о Петрѣ Великомъ, собранные Голиковымъ*, изд. 1807, стр. 406—411.

Пусть бы Онъ былъ, только-бы жилъ; ибо всѣ наказанные Имъ должны признаться, что они наказываны были праведно, и наказанія тѣ служили намъ исправленіемъ отъ шалостей, ни къ чему годныхъ; а безъ того были-бы мы такіе же повѣсы, какъ и ты. (*).»

ТАТИЩЕВЪ, Василій Никитичь, сынъ Стольника Никиты Алексѣевича Татищева, родился 19-го апрѣля 1686 года; обучался сначала въ домѣ отца своего, потомъ въ Новгородѣ, гдѣ была учреждена Петромъ Великимъ школа для начальныхъ основаній математики; въ Нарвѣ и, наконецъ, въ С. Петербургской Морской Академіи. Она состояла въ вѣдѣніи Графа Апраксина и Григорія Петровича Чернышева. Всѣхъ учениковъ изъ дворянскихъ дѣтей считалось до трехъ сотъ. Въ 1716 году, Государь выбралъ изъ нихъ тридцать человѣкъ (въ томъ числѣ Татищева) (**) и, опредѣливъ во флотъ гардемаринами, велѣлъ отослать въ Ревель. Каждому дано было на дорогу по тридцати рублей. Въ іюлѣ мѣсяцѣ флотъ ходилъ къ Копенгагену. 18 числа Петръ Великій приказалъ выбранныхъ Имъ Дворянъ отправить въ Венецію и записать тамъ въ галерную службу. Въ числѣ товарищей Татищева находились: Неплюевъ и Мордвиновъ (***), знаменитые, въ послѣдствіи, Сановники. Татищевъ получилъ на дорогу до Амстердама шесть ефимковъ и деньгами за

(*) См. *Анекдоты о Петрѣ Великомъ*, Голикова, стр. 529 и 530.

(**) Голиковъ. См. *Журналъ Ивана Ивановича Неплюева.*

(***) Семенъ Ивановичь См. *его Біографію.*

порцію; на дальнѣйшее же путешествіе двадцать пять червонцевъ. Въ Венеціи молодые Дворяне явились (1717) къ Россійскому Агенту Петру Ивановичу Беклемишеву, который, согласно повелѣнію Государя, опредѣлилъ ихъ (10 мая) въ тамошнюю галерную службу. Они участвовали въ разныхъ морскихъ и сухопутныхъ сраженіяхъ противъ Турковъ, возвратились въ Венецію въ 1719 году. Тогда Россійскій Агентъ, исполняя приказаніе Петра Великаго, обмундировалъ ихъ, кромѣ нѣкоторыхъ (въ томъ числѣ Татищева), ибо въ собственноручномъ письмѣ Государь упомянулъ, «чтобы сдѣлать темносѣрые мундиры съ красны«ми обшлагами, отворотами и камзолами, также исподнее платье изъ одного сукна съ мундиромъ, *однимъ только убогимъ, которые платья не имѣютъ.*—» Въ апрѣлѣ, молодые Дворяне отправлены были въ Испанію: на дорогѣ обозрѣли Флоренцію и Тулонъ. Изъ Кароагена, тамошній Губернаторъ препроводилъ ихъ къ Кадикскому, который писалъ къ Королю: о пріятіи нашихъ соотечественниковъ гардемаринами въ Королевскую Академію. Тамъ обучались они: *артиллерійскому и инженерному искуству, биться на шпагахъ, танцовать и солдатскому артикулу.* Въ февралѣ 1720 года отозваны они нашимъ Посломъ, Княземъ Куракинымъ, въ Амстердамъ и отправлены въ С. Петербургъ. Здѣсь Государь приказалъ (27-го мая) опредѣлить ихъ, по прежнему, гардемаринами. Служба Татищева во флотѣ не долго продолжалась: онъ перешелъ въ Бергъ-Коллегію, которою управлялъ (съ 1718 г.) Графъ Брюсъ; занялъ (1721 г.) мѣсто его *письмоводителя.* Находясь подъ начальствомъ Вельмо-

жи просвѣщеннаго, благотворительнаго, Татищевъ не только имѣлъ случай проложить себѣ дорогу къ быстрому возвышенію, но обогатилъ еще умъ свой новыми свѣдѣніями, послужившими ему въ пользу, и какъ человѣкъ приближенный къ любимцу Царскому, имѣлъ счастіе обратить на себя вниманіе Государя. Онъ часто возлагалъ на него разныя порученія, въ особенности посылалъ нѣсколько разъ на Уральскія горы, для содѣйствія Генералъ-Лейтенанту Геннигу. По прошествіи нѣкотораго времени, Татищевъ былъ пожалованъ въ Совѣтники Бергъ-Коллегіи. Тогда извѣстный Демидовъ (*), любимецъ Петровъ, сдѣлалъ доносъ на него Государю *во взяткахъ*. Петръ Великій послалъ за Васильемъ Никитичемъ и спросилъ его: «Правду ли объявляетъ Демидовъ?» — «Правду» — отвѣчалъ Татищевъ — «я беру; но въ томъ ни «предъ Богомъ, ни предъ Вашимъ Величествомъ «не погрѣшаю. Лихоимство есть грѣхъ, достойный на«казанія; а мзда за труды, *дѣлающему* — по словамъ «Апостольскимъ — *не по благодати, но по долгу*, не «есть грѣхъ».— Государь потребовалъ отъ Татищева, чтобы онъ объяснилъ Ему обстоятельнѣе настоящій смыслъ своего оправданія. — «Судья» — продолжалъ Василій Никитичъ — «обязанъ смотрѣть на существо «дѣла: если онъ даже не беретъ взятокъ, но дѣйствуетъ «въ противность закона, то заслуживаетъ наказанія; «тѣмъ еще болѣе подвергаетъ себя опому, предаваясь по«стыдному лихоимству. Но когда правда управляетъ его «поступками, когда онъ не кривитъ совѣстію, не откла-

(*) Никита Демидовичъ. *См. его біографію.*

«дываетъ на сторону дѣлъ, и отъ праваго возметъ что ли-«бо изъ благодарности, то не можетъ быть за то осуж-«денъ. Посредствомъ пресѣченія мзды за трудъ, Государ-«ство не получитъ никакой пользы, а подданнымъ по-«слѣдуетъ разореніе, ибо Судья долженъ, за получаемое «жалованье, сидѣть въ Приказѣ только до полудня; «если же онъ, оставляя карты, собакъ, бесѣды и дру-«гія увеселенія, посвятитъ служебнымъ занятіямъ не «одно послѣ-обѣденное время, но даже и часть ночи; «если, не придерживаясь слѣпо канцелярскаго поряд-«ка: *рѣшать дѣла по реестрамъ* (въ которые вносят-«ся и непужныя, къ чрезвычайному ущербу челобитчи-«ковъ) доставитъ просителямъ пользу, никого не оби-«дя, то, въ такомъ случаѣ, за мзду, взятую за тру-«ды, ни отъ Бога, ни отъ Вашего Величества не можетъ «быть осужденъ.» —Петръ Великій не прерывалъ Та-тищева, потомъ произнесъ: «Ты забылъ, что истинно «добродѣтельный Судья, считая службу свою священ-«нымъ долгомъ, жертвуетъ для нее всѣмъ своимъ вре-«менемъ; дѣлаетъ тоже самое, что и ты, но только не для «суетныхъ наградъ, а по влеченію своей совѣсти, въ твер-«домъ упованіи на мздовоздаятеля Бога. Такого Судью «въ тебѣ желалъ бы я видѣть (*).» — Признаніе Та-тищева спасло его отъ отвѣтственности: правосудный Монархъ ограничилъ взысканіе отеческимъ наставле-ніемъ, и вслѣдъ за тѣмъ отправилъ Василья Ники-тича (1724 г.) въ Швецію, съ нѣсколькими молодыми людьми, которымъ велѣлъ обучаться тамъ горнымъ

(*) См. *Анекдоты о Петрѣ Великомъ*, собранные Голико-вымъ.

наукамъ (*). Возвратясь въ отечество (1726 г.), Татищевъ получилъ отъ Императрицы Екатерины I-й новое назначеніе: посланъ въ Москву *по монетному дѣлу*. Служба его награждена (1728 г.) чиномъ Статскаго Совѣтника. Онъ находился въ С. Петербургѣ, когда Долгоруковы и Голицыны вознамѣрились ограничить власть Самодержавную, и принялъ дѣятельное участіе въ уничтоженіи правленія, несогласнаго съ благомъ Государства (1730 г.). Главными дѣйствователями въ пользу Императрицы Анны Іоанновны были Князья Трубецкій и Черкасскій. Нашъ Ювеналъ, Князь Кантемиръ, сочинилъ прошеніе на Высочайшее имя: *о принятіи неограниченнаго Самодержавія;* Татищевъ привезъ ночью въ домъ Князя Борятинскаго этотъ актъ, утвержденный въ то время подписью семидесяти четырехъ особъ, и когда представители народа явились во Дворецъ (24 февр.); когда старшій изъ нихъ, Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Трубецкій, подалъ прошеніе Государынѣ, оно было прочитано вслухъ Татищевымъ. Императрица щедро наградила всѣхъ своихъ приверженцевъ: Василій Никитичъ получилъ (28-го апр.) чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и мѣсто Главнаго Судьи; должность Оберъ-Церемоніймейстера (1732 г.); named потомъ (1734 г.) Главноуправляющимъ Сибирскими заводами; пожалованъ (1737 г.) Тайнымъ Совѣтникомъ и Генералъ-Бергамтмейстеромъ; снабженъ слѣдующею ин-

(*) *Сокращ. извѣстіе о взаимныхъ между Рос. Монархами и Европ. Державами сношеніяхъ, соч. моего родителя*, ч. 4.

струкціею: «чтобы онъ занялся сокращеніемъ канце-«лярскаго порядка; закрылъ, перестроилъ, по совѣту «съ подчиненными, или перенесъ на другія удобныя «мѣста, старые заводы; приписалъ къ нимъ ближнія «деревни; отписалъ отдаленныя, донеся о своихъ рас-«поряженіяхъ *только за извѣстіе Императрицѣ;* «учреждалъ новые заводы въ мѣстахъ ему подвѣдо-«мыхъ; строилъ новыя крѣпости; пролагалъ вновь до-«роги; переселялъ жителей по своему усмотрѣнію; «учреждалъ торги съ совѣта Губернаторскаго, *не* «*описывался въ С. Петербургѣ*; раздавалъ фабрики, «признанныя имъ не нужными, частнымъ людямъ, на «условіяхъ, съ представленіемъ, однакожъ, Импера-«трицѣ; оказывалъ пособіе Демидову и прочимъ за-«водчикамъ; *отобралъ въ казну, ежели найдетъ ну-«жнымъ, заводы Демидова въ Томскомъ и Кузнецкомъ «уѣздахъ* (нынѣ *Колыванскіе*); сравнилъ чиновниковъ, «служащихъ при заводахъ, съ офицерами полевыхъ «полковъ, выдавая имъ одинакое жалованье; произво-«дилъ на убылыя мѣста до Поручичьяго чина, предста-«вляя о высшихъ Императрицѣ; раздавалъ, съ Высочай-«шаго утвержденія, служащимъ подъ его начальствомъ «Дворянамъ деревни, въ замѣнъ принадлежащихъ имъ въ «Россіи, дабы чрезъ то удержать ихъ навсегда съ дѣтьми «при заводахъ; устроилъ хорошую школу для дѣтей дво-«рянскихъ, подьяческихъ и неслужащихъ церковныхъ; «надзиралъ (по существующему порядку въ Швеціи) за «частными заводами, посредствомъ Горныхъ офицеровъ: «чтобы заводчики размножали заводы; не отпускали «въ продажу негоднаго желѣза; не тѣснили другъ «друга; не принимали бѣглыхъ крестьянъ и проч.» —

Никто, кромѣ Татищева, не имѣлъ еще подобной довѣренности. Она составлена, какъ должно думать, согласно его представленіямъ, чему служитъ доказательствомъ ссылка на порядокъ надзора, введенный въ Швеціи, куда онъ былъ посланъ въ 1724 году. — Василій Никитичъ, вмѣсто учрежденнаго Генераломъ Геннигомъ Оберъ-Бергъ-Амта, открылъ въ Екатеринбургѣ (1734) *Канцелярію Главнаго заводовъ Правленія;* переименовалъ Нерчинскій Бергамтъ *Горнымъ Начальствомъ;* сочинилъ *Горный Уставъ*, которымъ доселѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи, руководствуются; выстроилъ новые заводы; исправилъ старые, особливо запущенные заводы Нерчинскіе; привелъ въ единообразный порядокъ управленіе всѣхъ частей горныхъ и заводскихъ; прихотилъ чиновниковъ, исходатайствованными имъ преимуществами, къ продолженію горной службы. Въ августѣ 1737-го года, порученa ему, сверхъ исправляемой должности, *Оренбургская военная Экспедиція*, послѣ умершаго Статскаго Совѣтника Кирилова; чрезъ четыре года потомъ, опредѣленъ онъ (1741 г.) Губернаторомъ въ Астрахань. Татищеву велѣно тогда заняться устроеніемъ Калмыцкаго народа; но въ 1745 г. возникло у него несогласіе съ Намѣстникомъ Ханства; Василій Никитичъ лишился мѣста, сдалъ дѣла Генералъ-Лейтенанту Еропкину и удалился въ принадлежащее ему сельцо Болдино, въ семидесяти верстахъ отъ Москвы. Тамъ посвятилъ онъ все свое время приведенію въ порядокъ собранныхъ имъ въ теченіе тридцати лѣтъ матеріаловъ для *Исторіи Россійской*, которую намѣревался довести до 1613 года, то есть до восшествія

на ПрестолъЦаря Михаила Феодоровича, но не успѣлъ сего исполнить, по случаю кончины своей, послѣдовавшей 15-го іюля 1750 года. Онъ погребенъ на погостѣ, въ одной верстѣ отъ сельца Болдина. — Василій Никитичъ Татищевъ, чрезвычайно дѣятельный, трудолюбивый, имѣлъ правъ горячій, образъ мыслей свободный, почитался вольнодумцемъ: Петръ Великій, узнавъ, что онъ въ одной бесѣдѣ позволилъ себѣ превратно толковать нѣкоторыя мѣста Св. Писанія, собственноручно наказалъ его палкою, приговаривал: *не соблазняй впрующихъ честныхъ душъ; не заводи вольнодумства, пагубнаго благоустройству; не на тотъ конецъ старался Я тебя выучить, чтобы ты былъ врагомъ общества и Церкви* (*). По отличительною чертою характера Василія Никитича была благодарность; онъ говорилъ о Петрѣ: «*Все, что я ни имѣю: чины, чести, имѣніе и, главное надъ всѣмъ, разумъ, единственно по милости Его имѣю; ибо если-бы Онъ въ чужіе краи меня не посылалъ, къ дѣламъ знатнымъ не употреблялъ и милостію не ободрялъ, то-бы я ничего того не имѣлъ* (**). Сочиненія его слѣдующія: 1) *Исторія Россійская, отъ самыхъ древнихъ временъ, чрезъ 30 лѣтъ собранная и описанная.* Ее можно приличнѣе назвать сводною Русскою Лѣтописью, объясненною примѣчаніями. Поводомъ къ составленію оной было намѣреніе Графа Брюса (***) написать

(*) См. *въ Анекдотахъ Голикова*, № 105-й.

(**) *Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго*, изд. 1797 г., томъ XVIII, стр. 558.

(***) Генералъ-Фельдмаршала.

полную Россійскую Географію. Татищевъ помогалъ ему въ томъ, и вскорѣ усмотрѣлъ, что трудъ его не будетъ увѣнчанъ желаемымъ успѣхомъ безъ надлежащей Исторіи. Для сего собралъ онъ, особенно въ Сибири, разныхъ книгъ болѣе тысячи (въ томъ числѣ много древнихъ Русскихъ Лѣтописей, *изъ коихъ*, какъ самъ упоминаетъ, *ни одна, кромѣ Никоновой, была не моложе двухъ сотъ пятидесяти лѣтъ*); началъ сводить ихъ, и для объясненія выписывалъ приличныя мѣста изъ историческихъ книгъ Нѣмецкихъ и Польскихъ; заставлялъ переводить изъ Латинскихъ, Французскихъ и Татарскихъ. Исторія его долго хранилась въ спискахъ. *Татищевъ*, по словамъ Шлецера, *не могъ нигдѣ ее напечатать, ибо, по своему вольному образу мыслей, навлекъ на себя подозрѣніе не только въ духовномъ, но и въ политическомъ вольнодумствѣ* (*). Императрица Екатерина II поручила Исторіографу Миллеру издать въ свѣтъ твореніе Татищева, съ весьма невѣрнаго списка, подареннаго сыномъ его, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Евграфомъ Васильевичемъ, Московскому Университету. Миллеръ исправилъ многія замѣченныя имъ ошибки, исключилъ разныя вольныя сужденія автора, и издалъ первую часть (въ 4 д. листа) въ 1769, вторую въ 1773, третью въ 1774 году. Четвертая часть, самая неисправная и необъясненная примѣчаніями Татищева, напечатана, по повелѣнію Екатерины II, въ 1784 году въ С. Пет. Она оканчивается 1462 годомъ. Исторія эта почита-

(*) См. *Словарь о свѣтскихъ писателяхъ* Преосвященнаго Евгенія, Митрополита Кіевскаго.

лась до нынѣшнихъ временъ лучшимъ сводомъ нашихъ Лѣтописей. Строгій критикъ Шлецеръ признаетъ трудъ Татищева *полезнымъ*, подтвердилъ самъ во многихъ мѣстахъ его изслѣдованія, но опровергаетъ сужденіе о Скиѳахъ и Сарматахъ, и о подложной Іоакимовой Лѣтописи (*). «Сей трудолюбивый мужъ, достойный нашего «почтенія»—пишетъ о Татищевѣ Карамзинъ—«вмѣсто «Исторіи, оставилъ намъ только матеріалы ея, и при«бавилъ къ Лѣтописямъ свои замѣчанія. Въ догадкахъ «его не всегда находимъ вѣроятность, а въ соображе«ніяхъ ту ясную простоту, которую любятъ читатели «для своего покоя. Онъ заставляетъ насъ еще рабо«тать умомъ, и вмѣстѣ съ нимъ теряться въ хаосѣ «противорѣчій. Историкъ долженъ все обдѣлать въ го«ловѣ своей; ему трудъ, а намъ плоды трудовъ его. «Мы охотно идемъ за нимъ во мракъ давно прошед«шихъ вѣковъ, если факелъ его свѣтитъ передъ нами «ясно. Впрочемъ Г. Татищевъ былъ рѣдкимъ человѣ«комъ (у насъ въ Россіи) по дѣятельности ума своего «и страстной охотѣ къ историческимъ наукамъ (**)». 2) Василій Никитичъ, какъ выше сказано, трудился и надъ сочиненіемъ *Полной Россійской Географіи*: разсылалъ по Сибирскимъ городамъ съ своими наставленіями Геодезистовъ, требовалъ изъ разныхъ мѣстъ географическихъ свѣдѣній и плановъ, сравнивалъ, испра-

(*) См. о *Іоакимѣ* въ третьемъ примѣчаніи къ Источникамъ Россійской Исторіи Карамзина и въ Словарѣ Митроп. Евгенія о Писателяхъ Духовн. чина, ч. 1.

(**) См. *Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ*, изд. 1802 г. ч. 1, тетр. 3.

влялъ всѣ получаемыя имъ извѣстія, и въ 1736 и 1739 годахъ представилъ Кабинету и Академіи Наукъ ландкарты Сибири и большой ея Атласъ, изданный на 20 листахъ въ 1745 году. 3) *Лексиконъ Россійскій, историческій, географическій, политическій и гражданскій*, доведенный только до буквы Л и напечатанный въ С. Петербургѣ, въ трехъ частяхъ, 1793 года. Митрополитъ Евгеній пишетъ: «что въ сей книгѣ Тати«щевъ изъяснилъ много древностей Россійскихъ, и со«жалѣть должно, что она не окончена».—4) *Примѣчанія на Страленбергову книгу о Сибири.* 5) *О Россійскомъ Государственномъ Гербѣ.* 6) *Лексиконъ Сарматскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ словъ.* Эти три сочиненія (о которыхъ Татищевъ упоминаетъ въ своей Исторіи) потеряны. 7) *Завѣщательное наставленіе сыну.* «Въ немъ»—по словамъ Митрополита Евгенія—«много «достойнаго замѣчанія, но также есть нѣсколько воль«ныхъ политическихъ мнѣній.» — 8) *Горный Уставъ.* Сверхъ сего Татищевъ изъяснилъ примѣчаніями: 9) *Русскую правду*, напечат. съ оными въ Продолженіи Древней Россійской Вивліоѳики, въ С Пет., 1786 года, въ первой части, и 10) *Судебникъ Царя Іоанна Васильевича*, съ дополнительными къ нему Указами, изданный по его списку въ Москвѣ, въ первый разъ 1768 года; въ другой 1786; въ третій въ томъ же году, въ С. Петербургѣ, въ Продолженіи Вивліоѳики, ч. 1.—Сожалѣть должно, что многочисленное собраніе лѣтописей и разныхъ историческихъ записокъ Василія Никитича сдѣлалось жертвою пожара въ принадлежавшемъ ему селѣ Грибановѣ. Тогда погибъ и самый подлинникъ его Исторіи. Карамзинъ, въ своемъ без-

смертномъ твореніи, подробно упоминаетъ объ ошибкахъ, противорѣчіяхъ и вымыслахъ Татищева.

ТАТИЩЕВЪ, Игнатій Петровичъ, умѣвшій удержаться въ грозное Государствованіе Царя Іоанна Васильевича, былъ пожалованъ имъ (1580 г.) Думнымъ Дворяниномъ, и двадцать лѣтъ засѣдалъ въ Большой Думѣ или Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, составленномъ, подъ предсѣдательствомъ самаго Государя, изъ Бояръ и Окольничихъ. Онъ участвовалъ (1582 г.), подъ главнымъ предводительствомъ Князя Андрея Ивановича Шуйскаго, въ разныхъ битвахъ близъ Орѣшка (Шлиссельбурга) съ Шведами; находился (1583 г.), вмѣстѣ съ Княземъ Иваномъ Семеновичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ и Дьякомъ Дружиною-Петелинымъ, на съѣздѣ въ Шелонской Пятинѣ, на рѣкѣ Плюсѣ, съ Шведскими Полномочными: Класомъ-Оксомъ и де-ла-Гардіемъ; требовалъ, сначала, отъ нихъ возвращенія Эстонскихъ и Новогородскихъ городовъ, захваченныхъ Шведами, и потомъ, исполняя волю Іоанна (который не довѣрялъ Литвѣ и опасался Магметъ-Гирея, Хана Крымскаго), постановилъ (26 мая) перемиріе, сперва на два мѣсяца, а послѣ (29 іюня) на три года: Яма (Ямбургъ), Иванъ-Городъ и Копорье остались въ рукахъ Шведовъ. Любопытно, что (по словамъ Шведскаго историка Далина), во время переговоровъ, Уполномоченные не сходились вмѣстѣ, а находясь въ своихъ шатрахъ, громко бесѣдовали между собою. Вскорѣ (1584 г.) Іоаннъ сошелъ въ могилу; приблизился срокъ перемирію, и Царь Осодоръ Іоанновичъ выслалъ на устье Плюсы, близъ Нарвы,

Боярина и Намѣстника Ярославскаго, Князя Оеодора Дмитріевича Шестунова, Думнаго Дворянина Татищева и Дьяка Петра Татищева. Свита ихъ состояла изъ тысячи человѣкъ. Шведскіе Послы: Класъ Оксъ, дела-Гарди и Класъ Белке; Секретари: Рекъ, Розмусъ и Кранкъ, хотя производили конференціи по прежнему обряду, но сидѣли за *нашимъ столомъ*, ибо онъ входилъ въ оба шатра. Шведы требовали Новагорода и Пскова; наши Уполномоченные: отнятыхъ городовъ Россійскихъ, всей Эстоніи и семисотъ тысячь рублей деньгами; наконецъ предложено, чтобы Король возвратилъ Царю Иванъ-Городъ, Яму, Копорье за 10,000 рублей или 20,000 Венгерскихъ червонцевъ; но Шведы отвергнули и эти условія; согласились только (въ декабрѣ) утвердить перемиріе на четыре года безъ всякихъ уступокъ, съ обязательствомъ вновь съѣхаться въ Августѣ 1586 года, для соглашенія о мирѣ вѣчномъ. Во время сихъ переговоровъ надменный дела-Гарди утонулъ въ Наровѣ. Назначенный съѣздъ также не былъ увѣнчанъ желаемымъ успѣхомъ: Шведы соглашались уступить Россіи только городъ Копорье. Князь Шестуновъ и Татищевъ возвратились въ Москву 17 октября. По прошествіи четырехъ лѣтъ (1591 г.), Татищевъ былъ отправленъ въ Польшу, вмѣстѣ съ Окольничимъ Михайломъ Салтыковымъ-Морозовымъ, для утвержденія заключеннаго въ Москвѣ (10 января) перемирія на 12 лѣтъ. На пути въ Варшаву, Послы наши терпѣли большія остановки и неудовольствія; люди ихъ не имѣли пищи, что побудило Салтыкова и Татищева предложить Королевскимъ чиновникамъ, вмѣсто денегъ, 50 сосудовъ се-

ребряныхъ. 15 декабря Сигизмундъ подтвердилъ присягою Московское соглашеніе, но заставилъ нашихъ Пословъ внести въ этотъ договоръ новое условіе: чтобы ни Царю, ни Литвѣ, въ теченіе 12 лѣтъ, не мыслить о завоеваніи Нарвы. Въ 1600 г. Татищевъ былъ возведенъ Годуновымъ въ достоинство Казначея, началъ завѣдывать Государевою казною, драгоцѣнными вещами и управлять Казеннымъ Приказомъ или Дворомъ (*). Онъ скончался въ этомъ почетномъ званіи въ 1604 году, пользуясь довѣренностію и любовію трехъ Россійскихъ Самодержцевъ.

ТАТИЩЕВЪ, Михаилъ Игнатьевичъ, сынъ Казначея Игнатія Петровича, былъ возведенъ изъ Думныхъ Дворянъ въ Ясельничіе (**) (1596 г.) Царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ (***); отправленъ по его кончинѣ (1598 г.) въ Польшу съ Дьякомъ Максимовымъ, для увѣдомленія объ избраніи на Царство Бориса Годунова, и, какъ сановникъ ловкій, умный, сохранилъ свое значеніе при послѣднемъ; посланъ (1604 г.) въ Грузію, для утвержденія этого Царства въ Россійскомъ подданствѣ, и съ тайнымъ порученіемъ. Царь Александръ находился тогда у Шаха. Татищевъ пашелъ въ Загемѣ (въ авг.)

(*) Въ послѣдствіи Приказъ этотъ былъ переименованъ въ Статсъ-Конторy.

(**) Ясельничій соотвѣтствовалъ нынѣшнему Штальмейстеру.

(***) См. *Древнюю Рос. Вивліовику*, изд. 1791 г. ч. XX, стр. 66. — Карамзинъ называетъ его просто Думнымъ Дворяниномъ въ 1604 году.

сына его, Юрія, который принялъ нашего Посла не только ласково, но и раболѣпно; описалъ ему бѣдственное положеніе своего отечества. «Мы стоимъ «подъ ножами Султана и Шаха» — говорилъ онъ — «отдали себя Россіи: пусть же Россія возметъ насъ, «не словомъ, а дѣломъ!» — Тогда Турки шли къ Загему. Юрій убѣждалъ Татищева дать ему своихъ Стрѣльцовъ, для отраженія непріятеля. Посолъ долго колебался, не имѣя на то указа Царскаго и опасаясь послѣдствій; наконецъ рѣшился удостовѣрить Иверію въ дѣйствительномъ правѣ Борисовомъ именоваться ея верховнымъ Государемъ, и далъ Юрію сорокъ Московскихъ воиновъ, которые присоединились къ шести тысячамъ Грузинскихъ. 7-го октября Турки потерпѣли пораженіе, были обращены въ бѣгство. Вслѣдъ за тѣмъ Юрій одержалъ побѣду надъ хищными Кумыками, и всю честь приписалъ сподвижникамъ, горсти Россіянъ, которыми предводительствовалъ Сотникъ Михайла Семовской. Татищевъ взялъ съ Юрія новую присягу (въ янв. 1605 г.). Вскорѣ (8 марта) Царь Александръ возвратился изъ Персіи съ сыномъ Константиномъ, принявшимъ тамъ Магометанскую вѣру. Послѣдній, по приказанію Шаха, началъ собирать войско, съ которымъ намѣревался идти къ Шамахѣ. Нѣсколько Хановъ, Князей и 2000 ратниковъ Персидскихъ составляли его конвой. Тщетно Татищевъ говорилъ Александру и Юрію: *что они должны остерегаться этой дружины; что Константинъ, измѣнивъ Богу Христіанскому, можетъ измѣнить и святымъ узамъ родства.* 12 числа несчастный Царь палъ, вмѣстѣ съ Юріемъ, подъ сабельными ударами

Персіянъ, и Константинъ, объявленный Царемъ Иверіи, приказалъ сказать Татищеву «что отецъ его «убитъ нечаянно, а братъ достойно, какъ измѣнникъ «Шаховъ и Государя Московскаго, другъ и слуга не«навистныхъ Турковъ. — Татищевъ зналъ, что настоящая цѣль пролитой крови была преданность Александра и Юрія Россіи, и не страшился требовать отъ Константина клятвеннаго обѣщанія въ вѣрности къ Государю, укорялъ его въ принятіи Магометанской вѣры, говорилъ: *Царемъ Иверіи можетъ быть единственно Христіанинъ.* Но убѣжденія не произвели желаемаго успѣха; Константинъ, увѣряя, что онъ будетъ защитникомъ Христіанства и другомъ Россіи, сказалъ: «Гдѣ твердый вашъ хребетъ, на который мы, «въ случаѣ нужды, могли бы опереться?» — Татищевъ торжественно объявилъ въ день отъѣзда изъ Загема, *что Борисъ не уступаетъ Иверіи Шаху, и что Аббасъ, самовластно казнивъ Александра рукою Константина, нарушилъ счастливое дружество между Персіею и Россіею.* Онъ отправился въ Карталинію, для исполненія тайнаго порученія, чтобъ увидѣть дочь ея Владѣтеля, Царевну Елену, о красотѣ которой отзывался съ похвалою Посолъ Грузинскій, на которую Обладатель Россіи простиралъ виды для своего сына, Ѳеодора, уже близкаго къ совершенному возрасту. Отецъ Еленинъ, Князь Юрій, принялъ нашего Посла въ кругу многочисленныхъ Царедворцевъ, Бояръ и Святителей, угостилъ его въ шатрахъ, и выслушалъ предложенія: о вступленіи въ подданство Россіи и о согласіи на бракъ дочери, *если она имѣетъ всѣ достоинства, нужныя для чести*

вступить въ семейство Борисово. — Судьба Царя Грузинскаго ужасала Юрія. Татищевъ винилъ самого Александра въ преждевременной смерти; сказалъ, *что онъ палъ, ибо не прямилъ Россіи, и не стоилъ ея сильнаго вспоможенія;* обязался немедленно прислать въ Карталинію изъ Терской крѣпости 150 храбрѣйшихъ воиновъ, какъ передовую дружину, для безопасности будущаго свата Борисова — и Юрій съ обрядами священными назвалъ себя Россійскимъ данникомъ. Елену видѣлъ Татищевъ въ шатрѣ у Царицы: она сидѣла между матерью и бабкою, на золотомъ коврѣ и жемчужномъ изголовьѣ, въ бархатной одеждѣ съ кружевами, въ шапкѣ, украшенной каменьями драгоцѣнными. Отецъ велѣлъ ей встать, снять съ себя верхнюю одежду и шапку; вымѣрилъ ея ростъ деревцомъ, и подалъ Татищеву эту мѣрку, чтобы сличить данную отъ Государя. «*Елена*» — пишетъ онъ — «*прелестна; но не чрезвычайно: бѣла и еще нѣсколько бѣлится; глаза у нея черные, носъ не большой, волосы крашеные; станомъ прямa, но слишкомъ тонка отъ молодости: ибо ей только десять лѣтъ, и въ лицѣ не довольно полна. Старшій братъ Еленинъ гораздо благовиднѣе.*» Татищевъ возвратился въ Москву 5-го ноября 1605 года: тогда сидѣлъ на престолѣ Дмитрій Самозванецъ. Любимецъ Годунова умѣлъ вкрасться въ сердце его: льстилъ, угождалъ ему, пировалъ вмѣстѣ, и въ то же самое время присталъ къ заговорщикамъ. Главою ихъ былъ потомокъ Рюриковъ, Князь Василій Шуйскій, честолюбивый, лукавый и смѣлый. Онъ пользовался полною довѣренностію Самозванца: однажды, за столомъ Царскимъ, когда подавали блюдо съ теля-

тишою, Шуйскій сказалъ Лжедмитрію, что не должно подчивать Россіянъ яствами, для нихъ гнусными. Татищевъ приталъ къ Князю Василію и (вѣроятно, разгорячешный напитками) началъ говорить невѣжливо, дерзко: его вывели изъ Дворца, хотѣли сослать на Вятку, но любимецъ Самозванца, Басмановъ, исходатайствовалъ ему чрезъ двѣ недѣли прощеніе. Этотъ случай возбудилъ подозрѣніе въ нѣкоторыхъ ближнихъ людяхъ Отрепьева и въ немъ самомъ: онъ сказалъ, что *Татищевъ задумалъ какое-то коварное дѣло и не даромъ измѣнилъ своему навыку.* Но безпокойная мысль не долго тревожила похитителя Престола: ее изгнали веселыя лица царедворцевъ, мнимая преданность Шуйскаго и приготовленія къ великолѣпному пріему Марины. 8 мая совершился бракъ ихъ; въ слѣдующее утро начались пиры. 15-го числа Татищевъ участвовалъ въ переговорахъ Шуйскаго, Власьева и дьяка Грамотина съ Послами Сигизмундовыми, относительно объявленія войны Туркамъ; сказалъ имъ: «*Король хочетъ знать, когда и съ какими силами непобѣдимый Цесарь думаетъ идти на Султана? вѣримъ; но хочетъ ли дѣйствительно помогать ему въ войнѣ? сомнѣваемся. Желаніе все выпдать, съ намѣреніемъ ничего не дѣлать, кажется намъ только обманомъ и лукавствомъ.*» — И эти дерзкія, неумѣстныя рѣчи, удивившія Пословъ, остались безъ дальнѣйшаго изслѣдованія: столь искусно управлялъ Шуйскій умомъ Лжедмитрія! Онъ тѣшился и плясалъ съ своими Поляками, между тѣмъ какъ въ тишинѣ ночи заговорщики совѣщали о его низложеніи. 17-го мая произошло возстаніе Москвы. Пробужденный зву-

комъ набата, Лжедмитрій слышитъ свирѣпый вопль народа, видитъ въ окно лѣсъ копій и блистаніе мечей; зоветъ Басманова. Паперешикъ, другъ Самозванца, выходитъ къ народу; старается усовѣстить мятежниковъ; убѣждаетъ ихъ одуматься; ручается за милость Царя — и въ эту минуту слышитъ голосъ Татищева, спасеннаго имъ отъ ссылки: *«Злодѣй! иди въ адъ вмѣстѣ съ твоимъ Царемъ!»* — падаетъ, пронзенный имъ въ сердце (*). 19-го мая былъ избранъ въ Цари Князь Василій Іоанновичь Шуйскій. Татищевъ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ послѣдовавшаго переворота въ Государствѣ, продолжалъ засѣдать въ Большой Думѣ съ Боярами; участвовалъ (27 числа) въ переговорахъ съ Польскими Послами: Олесницкимъ и Госѣвскимъ; возведенъ (1607 г.) въ достоинство Окольничаго; начальствовалъ въ Новгородѣ, вмѣстѣ съ Боярином Княземъ Андреемъ Куракинымъ, когда явился второй самозванецъ, извѣстный болѣе подъ именованіемъ *вора Тушинскаго*. Въ числѣ вождей, ополчившихся на защиту Царя и Отечества, находился знаменитый Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. Ему содѣйствовалъ увѣщаніями своими Митрополитъ Новгородскій Исидоръ. Вскорѣ распространился слухъ, что мятежники идутъ отъ Тушина къ берегамъ Ильменя. Татищевъ вызвался вести передовый отрядъ къ Броницамъ; но Князю Михаилу донесли, что этотъ царедворецъ лукавый замышляетъ предательство. Из-

(*) Очевидецъ Беръ, Нѣмецкій Пасторъ, пишетъ, что Татищевъ ударилъ Басманова своимъ длиннымъ ножемъ такъ, что онъ палъ мертвый.

вѣтъ былъ важенъ, а Князь Шуйскій молодъ и пылокъ: онъ созвалъ воиновъ и гражданъ, объявилъ имъ доносъ, и хотѣлъ съ ними торжественно судить, уличить или оправдать виновнаго. Вмѣсто суда, народъ, въ изступленіи ярости, умертвилъ Татищева, не давъ ему сказать ни единаго слова, къ горести Михаила, увидѣвшаго поздно, что народъ, въ кипѣніи страстей, можетъ быть скорѣе палачемъ, нежели судьею. Татищева, сдвали виновнаго — пишетъ Карамзинъ — схоронили съ честію въ обители Св. Антонія.

ТЕКЕЛЛІЙ, Петръ Авраамовичъ, Сербскій уроженецъ, благороднаго происхожденія, родился въ 1720 году, и первоначально служилъ въ Цесарскихъ войскахъ. Онъ прибылъ въ новое Отечество свое въ 1747 году, будучи Поручикомъ; принятый тѣмъ же чиномъ въ нашу службу, произведенъ черезъ пять лѣтъ въ Капитаны; въ 1757 году въ Секундъ-Маіоры, и вскорѣ (19 августа) отличился въ сраженіи при Гросъ-Эгерсдорфѣ: раненъ саблею въ голову. Въ слѣдующемъ году (1758) Текеллій, получившій (5 марта) чинъ Подполковника, участвовалъ въ бомбардированіи крѣпости Кистрина; въ знаменитой битвѣ при Цорндорфѣ, на которой Генералъ Фермеръ овладѣлъ 26 орудіями, 2 штандартами, 8 знаменами, и взялъ въ плѣнъ около 1500 человѣкъ; находился въ сраженіяхъ (1760 г.) при Пальмигѣ (12 іюля) и Франкфуртѣ (1 августа), подъ главнымъ предводительствомъ Графа Салтыкова; явилъ, въ томъ году, новые опыты своей храбрости подъ мѣстечкомъ Кеслиномъ: раненъ пулею въ правую ногу; участвовалъ

въ занятіи Берлина Графомъ Чернышевымъ; гнался за непріятелемъ до Шпандау; отбилъ одну пушку и захватилъ въ плѣнъ болѣе ста человѣкъ; продолжая одерживать поверхность надъ Прусаками, разбилъ (2 октября 1761 г.) особый отрядъ ихъ подъ мѣстечкомъ Голнау, слѣдовавшій изъ Штетина къ Кольбергу, съ порохомъ, бомбами и прочими военными снарядами; овладѣлъ ими и обратилъ въ бѣгство непріятеля, за что объявлено Текеллію Высочайшее благоволеніе; поступилъ подъ начальство безсмертнаго Румянцова; содѣйствовалъ ему (5 декабря) во взятіи Кольберга: произведенъ (1762 г.) въ Полковники. Въ 1764, 1767 и 1768 годахъ, Текеллій сражался въ Польшѣ, противъ Конфедератовъ, и *за благоразумныя распоряженія* заслужилъ похвалу отъ Военной Коллегіи. Тогда онъ былъ произведенъ въ Бригадиры (1768 г.). Возгорѣлась новая война съ Турціею (1769 г.), и Текеллій снова обнажилъ свою саблю: участвовалъ, подъ главнымъ предводительствомъ Князя Голицына, въ битвахъ 17, 19 и 21 апрѣля подъ Хотинымъ; въ пораженіи Абазы-Паши; удостоился получить Монаршее благоволеніе *за оказанное имъ отличіе*, съ обнадеживаніемъ, *что заслуги его въ забвеніи оставлены не будутъ;* содѣйствовалъ, 19 іюня, подъ Каменецъ-Подольскомъ, въ прогнаніи за Днѣстръ непріятеля: сразился, 30 іюня, съ Турками въ горахъ, и болѣе шести часовъ, не смотря на превосходное число непріятеля, удерживалъ, съ своими гусарами, мѣсто битвы; потомъ, подкрѣпленный батальономъ пѣхоты, обратилъ невѣрныхъ въ бѣгство и овладѣлъ двумя знаками. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ поразилъ, 2

іюля, Турецкій отрядъ, вышедшій изъ Хотина; заслужилъ благоволеніе отъ Государыни; разсѣялъ, 22 числа, вспомогательное Турецкое войско, пришедшее къ этой крѣпости; удостоился получить новое Высочайшее благоволеніе *за оказанную имъ неустрашимость.* — Армія наша перешла снова за Днѣстръ: Текелліи находился въ битвахъ августа 6, 29 и 5 сентября; вступилъ съ войсками въ Молдавію и въ Валахію; пропзведенъ, 1 января 1770 года, въ Генералъ-Маіоры; сразился съ Турками (3 и 4 января) при Фокшанахъ, командуя каресю праваго фланга; разбилъ непріятеля (17 и 18 чиселъ) при Брапловѣ; 4 и 5 февраля, подъ Журжею, гдѣ были истреблены предмѣстья этихъ крѣпостей; принялъ дѣятельное участіе въ битвахъ 15 и 17 іюня; въ прогнаніи изъ лагеря Турковъ; преслѣдовалъ ихъ на двадцать верстъ; находился въ схваткахъ 3, 4 и 5 іюня; въ генеральныхъ сраженіяхъ 7 и 21 чиселъ; при овладѣніи лагерями Турецкими и пушками. Тогда одно знамя наше, перваго Московскаго полка, взятое непріятелемъ, было отбито Текелліемъ, который врубился въ ряды невѣрныхъ съ предводимымъ имъ Сербскимъ полкомъ. Военные подвиги его награждены (1770 г.) орденомъ Св. Анны первой степени. Въ 1771 году предводительствовалъ онъ авангардомъ Генералъ-Фельдмаршала Графа Румянцова, состоявшимъ изъ семи батальоновъ пѣхоты и трехъ полковъ конницы. Главнокомандующій отправилъ его на подкрѣпленіе Генерала Эссена, который начальствовалъ второю дивизіею, покушался овладѣть Журжею, былъ отбитъ съ значительною потерею, и отступилъ къ Бухаресту. Они сразились,

20 октября, при урочищѣ Попешти, съ Сераскиромъ, имѣя только восемь тысячь подъ ружьемъ, съ которыми отбросили къ Журжѣ сорокапятитысячную Турецкую армію, овладѣли 14 орудіями и взяли въ плѣнъ до 2000 человѣкъ. Въ этомъ блистательномъ дѣлѣ, Текеллій, находившійся за высотами, пропустивъ Турковъ, атаковалъ ихъ во флангъ и тылъ, между тѣмъ, какъ Эссенъ устремился на ихъ фронтъ. 24 октября Журжа, оставленная непріятелемъ, занята Эссеномъ почти безъ выстрѣла (*). 1772 годъ прошелъ въ переговорахъ. Текеллій участвовалъ, въ слѣдующемъ году, въ неудачной осадѣ Задунайскимъ Силистріи, въ разсѣяніи Турецкаго стана, расположеннаго на высотахъ, окопаннаго рвомъ и защищаемаго пушками; содѣйствовалъ ему и въ 1774 году въ овладѣніи многими орудіями Турецкими и всѣмъ обозомъ Верховнаго Визиря; произведенъ, 17 марта, въ Генералъ-Поручики и награжденъ, 26 ноября тогожъ года, орденомъ Св. Георгія третьяго класса. По окончаніи войны съ Турціею, Текеллій, командовавшій, въ отсутствіе Потемкина, войсками, которыя были расположены въ Новороссійскомъ краѣ, получилъ приказаніе занять Сѣчь и положить конецъ вольному устройству необузданныхъ Запорожцевъ. Онъ двинулся въ походъ изъ крѣпости Св. Елисаветы 25 мая 1775 года, а 6 іюня

(*) Эссенъ, Рейнгольдъ, Іоаннъ, изъ Ревельскихъ дворянъ, Генералъ-Поручикъ и кавалеръ орденовъ Св. Александра Невскаго (30 авг. 1771 г.) и св. Анны (19 марта 1762 г.), скончался 6 января 1788 года, на 64-мъ отъ рожденія.

исполнилъ возложенное на него порученіе, и безъ выстрѣла овладѣлъ укрѣпленіями Сѣчи. — 10 іюля, въ день празднованія заключеннаго мира съ Портою Оттоманскою, Текеллій награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго, и охраняя потомъ, съ 18,000 войскомъ, безопасность Россійскихъ границъ съ восточной стороны Чернаго Моря, пожалованъ, въ 1786 году, Генералъ-Аншефомъ; въ 1787 Шефомъ Нижегородскаго Драгунскаго полка; неоднократно (въ 1788 году) разсѣвалъ собиравшагося на правомъ берегу Кубани непріятеля, и содержалъ въ страхѣ Турецкіе гарнизоны крѣпостей Анапы и Суджукъ-Кале. Въ 1789 году (14 апрѣля), по прошенію, уволенъ онъ, *за старостію лѣтъ*, въ отставку, съ сохраненіемъ, *въ награду долговременной и усердной службы*, всѣхъ получаемыхъ окладовъ; скончался въ 1793 году, потерявъ уже зрѣніе, Херсонской губерніи, Александрійскаго уѣзда, въ принадлежавшемъ ему селеніи (нынѣ мѣстечко) Александровкѣ, гдѣ и погребенъ. — Петръ Авраамовичъ Текеллій, высокаго роста, сухощавый, пользовался любовію подчиненныхъ и начальниковъ. Вотъ отзывъ объ немъ Суворова: однажды въ присутствіи послѣдняго разговаривали о храбрыхъ подвигахъ Текеллія: «Помню, помню сего лю«безнаго моего сослуживца» — воскликнулъ Италійскій — «усача-гусара-рубаку-наѣзднпка, гордившагося сходствомъ съ Петромъ Великимъ, съ портре«томъ котораго онъ и умеръ. Его вздумалъ одинъ мн«ролюбивый предводитель уклонять, по какимъ то по«литическимъ видамъ, отъ нападенія; но онъ, сказавъ «ему: *политика, политика, а рубаться треба*, бросил«ся на непріятеля, разбилъ его, и, возвратясь къ мн-

«ролюбивому Китайцу, произнесъ: *а що твоя папира?* «Я бы съ Текелліемъ воевалъ безъ бумаги: онъ съ «саблею, а я со штыкомъ. Да покоится прахъ его»— и вставъ, перекрестился (*). Императрица Екатерина II-я предоставила Текеллію избрать любую награду за покореніе Сѣчи. «Прости Хорвата»—отвѣчалъ Государынѣ достойный любимецъ Суворова. Сохранилось преданіе, будто Текеллій, вступившій въ бракъ въ преклонныхъ лѣтахъ, ревновалъ молодую, прекрасную супругу и не позволялъ ей никуда отлучаться; что по этому случаю сочинили на счетъ его извѣстную въ Малороссіи пѣсню:

Ой, пидъ вишнею, пидъ черешнею
Стоявъ старый зъ молодою, якъ изъ ягодою.
И просилася, и молилася:
Пусти менѐ, старый диду, на улицу погулять! —
Ой, я самъ не пи̇ду, и тебѐ не пущу:
Хочешь менѐ старенького та покинуты!
Ой, не ки̇дай менѐ, моя голубочко!
Куплю тоби хатку, ище сина жатку,
И ставо̀къ, и млынокъ, и вишневенькій садокъ. —
Ой, не хо̀чу хатки, и ни сина жатки,
Ни ставка, ни млынка, ни вишневаго садка.
Ой, ты старый дидуга̀ изогнувся якъ дуга;
А я молоденька, гуляты радѐнька...

ТИМОѲЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧЬ НАДАРЖИНСКІЙ, дворянскаго происхожденія, посвятилъ себя духовному званію, и въ санѣ Іерея, кротостію своею и добродѣ-

(*) *Сочиненія Фукса*, изд. въ С. Петерб. 1827 г., стран. 143.

тельною жизнію, обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго. Государь пригласилъ его въ столицу, въ 1703 году, и удостоилъ почетнаго званія Духовника, наименовавъ Протоіереемъ Московскаго Благовѣщенскаго Собора. Надаржинскій сопутствовалъ Петру во всѣхъ Его походахъ, находился при немъ безотлучно въ продолженіе войнъ Шведской, Турецкой и Персидской. Въ 1704 году, по взятіи Нарвы, Государь пожаловалъ Духовнику найденный въ этомъ городѣ драгоцѣнный крестъ съ мощами, обложенный алмазами; въ 1712, марта 1-го, портретъ свой, осыпанный брилліантами, въ 350 рублей, для ношенія на груди, и въ разное время, до четырехъ тысячъ крестьянъ въ нынѣшней Слободско-Украинской губерніи. Онъ сопровождалъ, въ 1717 году, Петра Великаго въ чужіе край. Герцогъ Ришелье, извѣстный во Франціи, не столько побѣдами, одержанными надъ непріятелями, какъ веселою и сладострастною жизнію, котораго винятъ въ совращеніи Людовика XV-го, (*) отзывается слѣдующимъ образомъ о Надаржинскомъ: «Петръ Великій очень любилъ и уважалъ своего Ду-«ховника, человѣка крѣпкаго сложенія и охотника до «горячихъ напитковъ. Я пригласилъ его къ себѣ на «ужинъ и далъ ему въ собесѣдники одного маленькаго «Аббата, изъ хорошей фамиліи, который съ четвертой «бутылки повалился подъ столъ, между тѣмъ, какъ

(*) Герцогъ Ришелье, Маршалъ Французскихъ войскъ, былъ внукъ славнаго Кардинала, котораго родная сестра вышла за его дѣда. Онъ родился въ 1696 году, скончался въ 1788.

«Духовникъ Петра смотрѣлъ на это паденіе съ герой-«скимъ презрѣніемъ.» (*) Надаржинскій сохранилъ званіе свое и въ кратковременное Государствованіе Екатерины I-й, которой также былъ Духовникомъ. По вступленіи на престолъ Императора Петра II-го онъ удалился отъ Двора въ Малороссійское село свое Тростенцу (**). Тамъ, лишась сына Алексѣя, котораго нѣжно любилъ, раздѣлилъ имѣніе между другими дѣтьми, обогатилъ вкладами разныя обители и церкви, щедрою рукою роздалъ значительныя суммы нещущимъ, и *оставшись только съ душею и тѣломъ* (***), отягощеннымъ недугами, отказался навсегда отъ свѣта, въ которомъ до того принужденъ былъ вести жизнь разсѣянную, несогласную съ строгими его правилами. Послѣднее жилище добродѣтельнаго старца, употреблявшаго силу свою у Высочайшаго Двора на дѣла благотворенія, было въ Троицкомъ монастырѣ, который находится въ четырехъ верстахъ отъ города Ахтырки, на высокой горѣ, и замѣчателенъ красивымъ положеніемъ. Тамъ, еще въ 1724 году, помышляя о смерти, соорудилъ онъ каменную церковь, во имя Живоначальныя Троицы и оградилъ обитель каменною стѣною. Изъ надгробной надписи его видно, что онъ жилъ въ этомъ монастырѣ только трое сутокъ, и принявъ монашескій чинъ, скончался Іеромонахомъ, съ именемъ *Товія*, въ 1731 году.

(*) См. *Записки Герцога Ришелье*, изданныя въ Парижѣ 1829 года, ч. 2, стр. 207.

(**) Это село, въ которомъ родился Надаржинскій, было ему потомъ пожаловано Петромъ Великимъ.

(***) Изъ надгробной надписи.

ТОЛСТОЙ, Графъ Петръ Андреевичь, сынъ Окольничаго и Воеводы Черниговскаго Андрея Васильевича Толстаго (*), сначала служилъ Стольникомъ у Царицы Натальи Кирилловны, въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, потомъ находился въ томъ же званіи при Царѣ Оеодорѣ Алексѣевичѣ, и въ послѣдствіи пожалованъ Комнатнымъ Стольникомъ къ Царю Іоанну Алексѣевичу. — Петръ Великій опредѣлилъ его Прапорщикомъ Гвардіи въ Семеновскій полкъ, изъ котораго перевелъ въ Преображенскій, когда онъ былъ уже Капитаномъ. 1702 года Государь отправилъ Толстаго Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ къ Портѣ Оттоманской. Въ бытность свою въ Константинополѣ, Петръ Андреевичь старался, чтобы Порта унята набѣги Татаръ на Россійскія границы и не вмѣшивалась въ тогдашнія Польскія дѣла (**). Въ началѣ 1709 года распро-

---

(*) Толстые происходятъ отъ древней благородной Германской фамиліи. Предокъ ихъ *Индрисъ*, во святомъ крещеніи Леонтій, выѣхалъ 1353 года въ Черниговъ съ двумя сыновьями и тремя тысячами служителей; а правнукъ сего Леонтія, Андрей Харитоновичь, по пріѣздѣ своемъ изъ Чернигова въ Москву, получилъ прозваніе *Толстой* отъ Государя и Великаго Князя Василья Васильевича.

(**) 1706 года, Петръ Великій писалъ слѣдующее письмо въ Царьградъ къ Послу Петру Андреевичу Толстому, отъ 7 марта.

Г. *Амбасадеръ*! (Посолъ)

«Письмо ваше о заключеніи границъ и о прочемъ, Мы «благодарно приняли, на которое и о иныхъ дѣлахъ пи-

страшилъ онъ въ Царьградѣ слухъ о вооруженіи сильнаго въ Россіи флота (*) и о томъ, что, въ случаѣ нарушенія мира съ Турецкой стороны или какой либо помощи отъ Порты непріятелямъ Царскимъ, флотъ этотъ явится подъ стѣнами самого Царьграда съ 100,000 войска. Разглашеніе это увѣчано желаемымъ успѣхомъ. Устрашенный Султанъ, имѣвшій у себя въ то время только 27 кораблей, поспѣшилъ подтвердить миръ съ Россійскимъ Монархомъ. Толстой пожалованъ многими деревнями, а въ слѣдующемъ 1710 году, іюня 29, Тайнымъ Совѣтникомъ и портретомъ Государевымъ, украшеннымъ алмазами. Въ томъ же 1710 году, по случаю данная Портою прибѣжища разбитому при Полтавѣ Шведскому Королю, Монархъ, чрезъ Посла своего Толстаго, убѣждалъ Султана святостію существующаго договора, выпроводить Карла XII изъ Турецкихъ владѣній въ Швецію; но вмѣсто благопріятнаго отъ Мустафы II-го отвѣта, 10 ноября всенародно объявлена была въ Константинополѣ война Россіи, и чрезвычайный Посолъ Государевъ, Толстой, посаженъ въ эдикуль (**), а имѣніе его все разгра-

---

«салъ къ вамъ пространнѣе Г. Адмиралъ. Что же о самой «вашей персонѣ, чтобъ васъ перемѣнить, и то исполнено «будетъ впредь; нынѣ же для Бога не поскучь еще нѣ- «которое время быть; больше нужда вамъ тамъ побыть; «которыхъ вашихъ трудовъ Господь Богъ не забудетъ, и «Мы никогда не оставимъ.» Piter.

(*) Крекшинъ въ *Дневникѣ* своемъ повѣствуетъ, что выведенный, въ маѣ мѣсяцѣ, въ Черное море Россійскій флотъ состоялъ изъ 55 кораблей и фрегатовъ.

(**) Семибашенная тюрьма.

блено. Петръ Андреевичь долго находился въ этомъ заточеніи вмѣстѣ съ Барономъ Шафировымъ (*), и только въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1714 года возвратился въ Москву, къ чрезвычайному удовольствію Монарха, который тогда же произвелъ его въ Сенаторы и наградилъ богатыми деревнями. 1716 года Толстой сопровождалъ Государя во время путешествія Его Величества въ Голландію, и 26 ноября тогожъ года посыланъ изъ Гаги въ Ганноверъ, для постановленія договора съ Королемъ Англійскимъ, о вспоможеніи Россіи флотомъ противъ Швеціи. Договоръ этотъ, однакожъ, не состоялся; ибо Король отговорился тѣмъ, что былъ тогда въ Ганноверѣ, а не въ Лондонѣ, гдѣ находились всѣ его министры. Главнѣйшая причина отказа, занятіе Россійскими войсками Мекленбургіи. Толстой возвратился къ Государю въ Гагу 11 января 1717 года, и сопутствовалъ Его Величеству во Францію, откуда, въ іюнѣ мѣсяцѣ, посыланъ въ Вѣну, съ грамотою къ Цесарю о выдачѣ Царевича Алексѣя Петровича, котораго онъ укрывалъ въ своихъ владѣніяхъ. Въ этой грамотѣ Петръ Великій представлялъ Карлу VI несправедливые его противъ всѣхъ правъ поступки, и требовалъ непремѣнно выдачи виновнаго Царевича Толстому, угрожая въ противномъ случаѣ принять оружіе въ отмщеніе причиненной Ему обиды. Цесарь, не желая вести опасной войны съ Россіею, принужденъ былъ исполнить требованіе Петра Великаго, и 1718 года, въ январѣ мѣсяцѣ, Царевичъ привезенъ Толстымъ изъ Неаполя въ Москву, а 3 фе-

(*) См. біографію Шафирова.

врая представленъ, въ видѣ арестанта, въ Грановитой Палатѣ Государю (*). Еще до возвращенія своего изъ этого посольства, Толстой опредѣленъ былъ Президентомъ въ Коммерцъ-Коллегію; по привезеніи же имъ въ Россію Царевича Алексѣя Петровича, Государь возложилъ на него орденъ Св. Андрея Первозваннаго, и въ томъ году, 14 декабря, пожаловалъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ. Тогда Толстой находился также Предсѣдателемъ *Тайной Канцеляріи*. 1719 года, іюля 3, Петръ Андреевичъ отправленъ Государемъ къ Прусскому Королю, чтобы воспрепятствовать ему заключить съ Англійскимъ Дворомъ противный для Россіи договоръ, и не прежде октября мѣсяца выѣхалъ изъ Берлина. Король Прусскій, чрезъ нарочнаго посланнаго (Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Шлиппенбаха), увѣрилъ Монарха о безвредномъ для Россіи постановленіи трактата между Прусскимъ и Англійскимъ Дворами. 1722 года, во время Персидскаго похода, Толстой находился при Его Величествѣ, и на возвратномъ пути Государя въ Москву, оставленъ Имъ въ Астрахани, для дипломатическихъ

(*) Извѣстно, что Петръ Великій, изданнымъ 3 февраля 1718 года Манифестомъ, отрѣшилъ отъ наслѣдства Царевича Алексѣя Петровича, который приговоренъ былъ потомъ 24 іюня, Совѣтомъ, составленнымъ изъ всѣхъ Сенаторовъ, Министровъ, всего Духовенства, воинскихъ и статскихъ чиновъ, къ смертной казни, за желаніе скорой смерти Государю, Родителю своему, и за намѣреніе вступить на престолъ Россійскій посредствомъ бунта въ народѣ. Царевичъ скончался *отъ апоплексическаго удара*, 26 іюня 1718 года, имѣя 27 лѣтъ отъ рожденія.

сношеній съ Персіею, Портою и другими Державами. Изъ Астрахани возвратился онъ въ маѣ мѣсяцѣ 1723 года, и въ слѣдующемъ году, 7 мая, въ день коронаціи Императрицы Екатерины Алексѣевны, пожалованъ отъ Петра Великаго Графомъ Россійской Имперіи. 1726 года, февраля 8, Императрица, которой Толстой содѣйствовалъ (1725 г.), вмѣстѣ съ Княземъ Меншиковымъ, въ полученіи Престола, велѣла ему присутствовать въ новоучрежденномъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, а 1727 года, мая 26, въ царствованіе Императора Петра II, лишенъ онъ чиновъ, знаковъ отличія и деревень (*), и сосланъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Графомъ Иваномъ Петровичемъ, въ Соловецкій монастырь, гдѣ и скончался. Иванъ Толстой, послѣ смерти отца своего, не хотѣлъ возвратиться къ своему семейству (**) и умеръ также въ Соловецкомъ монастырѣ. Виновникомъ несчастія Графа Толстаго былъ Князь Меншиковъ, противъ котораго онъ составилъ заговоръ, когда любимецъ Екатерининъ находился въ Курляндіи. Меншиковъ, правившій при Петрѣ II кормиломъ всего Государства, восторжествовалъ надъ своимъ противникомъ, и въ изданномъ 26 мая 1727 года Манифестѣ обвинилъ его въ намѣреніи отдалить юнаго Монарха отъ престола, при покойной Импера-

---

(*) Графъ Петръ Андреевичъ Толстой получилъ въ разное время отъ Государя тысячу шесть сотъ девяносто пять дворовъ крестьянскихъ.

(**) Графъ Иванъ Петровичъ Толстой имѣлъ пятерыхъ сыновей, Графовъ: Василья, Ѳедора, Бориса, Андрея и Петра.

трицѣ, равно въ сопротивленіи бракосочетанію Петра II съ дочерью его, Княжною Маріею. Толстой, опасаясь, чтобъ Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, сдѣлавшись Императоромъ, не отомстилъ ему въ послѣдствіи, за своего родителя, Царевича Алексѣя Петровича, дѣйствительно противился его воцаренію; но въ понесенномъ имъ наказаніи видна болѣе месть раздраженнаго Вельможи, нежели воля кроткаго Государя. Берхгольцъ въ *Запискахъ* упоминаетъ о Толстомъ: что онъ былъ веселаго и любезнаго права, чрезвычайно вѣжливъ и хорошо говорилъ по Италіянски. Въ молодости своей Графъ Петръ Андреевичъ участвовалъ въ Стрѣлецкомъ мятежѣ; но избавленъ отъ казни Петромъ Великимъ, который, по прошествіи многихъ лѣтъ, за обѣденнымъ столомъ, находясь однажды въ веселомъ расположеніи духа, сорвалъ парикъ съ Толстаго, и ударивъ рукою по его головѣ, произнесъ: «Голова! голова! «Еслибъ ты не такъ была умна, то давно была бы от-«сѣчена (*)!» Онъ, въ 1718 году, вмѣстѣ съ Меншиковымъ и Адмираломъ Графомъ Апраксинымъ, *допрашивалъ*, въ крѣпости, несчастнаго Царевича Алексѣя Петровича и всѣхъ прикосновенныхъ къ *розыску* людей....

ТРАВЕРСЕ, Маркизъ Иванъ Ивановичъ, родился въ Америкѣ въ 1753 году, и съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя морской службѣ; былъ уже Мичманомъ на три-

(*) *Записки Порошина.* — Объ участіи Толстаго въ Стрѣлецкомъ бунтѣ см. въ концѣ біографіи Князя Михаила Юрьевича Долгорукова, во второй части моего *Словаря*, изданнаго въ 1836 году, стр. 300.

надцатомъ году отъ рожденія; сдѣлалъ потомъ восемнадцать кампаній; семь разъ командовалъ кораблемъ; взялъ, во время Американской войны, двадцать два приза, въ томъ числѣ: одинъ фрегатъ, три корсера и тринадцати-пушечное судно; находился въ сраженіи при Осантѣ; участвовалъ въ занятіи острова Св. Христофора: первый поднялъ на немъ Французскій флагъ, завладѣлъ береговыми укрѣпленіями и тремя судами. Въ вознагражденіе заслугъ своихъ получилъ онъ ордена: Св. Лудовика (въ 1782 г.) и Цинцината (въ 1785 г.), а за послѣднюю службу произведенъ въ капитаны корабля, не въ очередь, обойдя сто сверстниковъ Представленный (въ 1788 г.) Лудовику XVI, Маркизъ де-Траверсе имѣлъ честь находиться на охотѣ съ Королемъ. Правомъ этимъ пользовались во Франціи только тѣ, которые могли доказать, подлинными хартіями, дворянство свое за четыре столѣтія. Въ 1791 году, когда онъ былъ въ Швейцаріи, Маркизъ де-Кастри (въ то время Морской Министръ во Франціи), исполняя порученіе Принца Нассау, который отыскивалъ въ иностранныхъ Государствахъ офицеровъ для нашего Флота, отправилъ Маркиза де-Траверсе, съ соизволенія Лудовика XVI, въ Россію. Прибывъ въ новое отечество, Траверсе былъ принятъ въ нашу службу Императрицею Екатериною II (въ маѣ) прямо Генералъ-Маіоромъ, и вскорѣ (10 іюня) переименованъ въ Контръ-Адмиралы, съ причисленіемъ къ гребному флоту, который поступилъ потомъ подъ его команду. Въ 1796 году именованъ онъ Начальникомъ Роченсальма. Императоръ Павелъ I произвелъ его, въ 1797 году,

въ Вице-Адмиралы, пожаловалъ ему орденъ Св. Анны первой степени и пятьсотъ крестьянъ въ Пензенской губерніи (которые были возвращены въ казну въ 1825 году, съ выдачею владѣльцу соотвѣтственной суммы). Послѣ сего Маркизъ де-Траверсе оставался, какъ-бы забытымъ, въ Роченсальмѣ; но лучшая участь ожидала его въ Государствованіе Александра Благословеннаго: онъ былъ произведенъ (въ 1801 году) въ Адмиралы; пожалованъ (въ 1802 г.) Главнымъ Командиромъ Черноморскихъ портовъ, Военнымъ Губернаторомъ Севастопольскимъ и Николаевскимъ. Здѣсь Маркизъ де-Траверсе имѣлъ случай оказать многія важныя услуги Россіи. Когда послѣдовалъ, въ 1809 году, разрывъ перемирія съ Портою и Горцы начали производить набѣги по Кубани, грабили, брали въ плѣнъ и убивали беззащитныхъ жителей, сожгли Новогригорьевскій редутъ и вырѣзали въ немъ 95 солдатъ, Императоръ подчинилъ ему оборону Крыма и Тамани, отдавъ также въ его вѣдомство и расположенныя тамъ сухопутныя войска, въ числѣ 19,735 человѣкъ. Въ это время Горцы готовились къ новому набѣгу въ бо́льшихъ си́лахъ. Для обузданія ихъ, Маркизъ де-Траверсе отправилъ эскадру къ Анапѣ. 15 іюня она высадила на берегъ отрядъ подъ командою Инженеръ-Полковника Ферстера. Черкесы побѣжали изъ города, не выждавъ атаки, и Ферстеръ занялъ Анапу безъ сопротивленія. Между тѣмъ Полковникъ Золотницкій истребилъ нѣсколько селеній и разсѣялъ большую толпу Черкесовъ, простиравшуюся до 12,000 человѣкъ; Черноморскій Войсковый Атаманъ, отряженный за Кубань, сжегъ десять ауловъ, заключавшихъ

въ себѣ 800 домовъ, разбилъ выходившихъ къ нему на встрѣчу Горцевъ, а сыскный начальникъ Борзиковъ, ходившій съ маленькою флотиліею по берегамъ лимана Кизильтажскаго, взялъ двѣ лодки ихъ и также истребилъ нѣсколько семействъ. Тогда укрѣпили Анапу и Севастополь. Защищая пространство отъ Тамани, черезъ Таврическій полуостровъ, до Березанскаго устья, Маркизъ де-Траверсе употребилъ часть ввѣренныхъ ему сухопутныхъ войскъ, для приведенія береговъ въ оборонительное положеніе. По его настоянію, для воспрепятствованія Крымскимъ Татарамъ, при высадкѣ Турковъ, присоединиться къ послѣднимъ, выведено 100,000 лошадей за Перекопь. Мѣра эта была употреблена и въ послѣднюю Турецкую войну при Императрицѣ Екатеринѣ II-й. Дѣятельная и полезная служба Маркиза де-Траверсе не осталась безъ наградъ: въ 1804 году онъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго; въ 1807 ленту Св. Владиміра; въ 1809 назначенъ Управляющимъ Морскимъ Министерствомъ; въ 1810 велѣно ему присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ, съ сохраненіемъ должности; въ 1811 году пожалованы алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго, и въ томъ же году (28 ноября) онъ утвержденъ Морскимъ Министромъ. Вслѣдъ за тѣмъ Маркизъ де-Траверсе удостоился получить (въ 1814 г.) перстень съ портретомъ Государя, осыпанный брилліантами, и единовременно пятьдесять тысячь рублей ас.; ордена: Меча отъ Шведскаго Короля (въ 1816 г.), и св. Апостола Андрея Первозваннаго (30 авг. 1821 года). Награда эта была послѣдняя, которую пожаловалъ ему Императоръ Александръ. При

Августѣйшемъ Преемникѣ Его, Маркизъ де-Траверсе, согласно прошенію, Всемилостивѣйше былъ уволенъ (въ 1828 году) отъ управленія Морскимъ Министерствомъ (которое девятнадцать лѣтъ находилось подъ его начальствомъ), съ сохраненіемъ званія Члена Государственнаго Совѣта и всего получаемаго содержанія. Въ томъ году украшенъ онъ двумя лестными наградами: знакомъ безпорочной службы за тридцать лѣтъ и орденомъ св. Георгія 4-го класса, за двадцать пять. Маркизъ де-Траверсе скончался 19 мая 1831 года, на 79-мъ отъ рожденія, съ покойною совѣстью, *не сдѣлавъ во всю жизнь свою никого несчастнымъ*; правъ имѣлъ вспыльчивый, но добрый: однажды заказалъ онъ для себя картину, не условясь въ цѣнѣ. Живописецъ воспользовался этимъ случаемъ, потребовалъ за свой трудъ значительную сумму. Траверсе удовлетворилъ его и при немъ искололъ перочиннымъ ножемъ картину! — По его ходатайству состоялось, въ 1809 году, Высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ древности и рѣдкости, отыскиваемыя въ Новой-Россіи и въ Черноморіи, поступали въ учрежденное имъ, въ Николаевѣ, *Гидрографическое Депо*.

У.

УШАКОВЪ, Графъ Андрей Ивановичь, родился 1670 года. Онъ былъ сынъ одного бѣднаго Дворянина Ивана Алферьевича Ушакова, и лишась въ молодыхъ лѣтахъ родителей, остался сиротою вмѣстѣ съ четырьмя братьями: Поликарпомъ, Иваномъ, Романомъ и Іеремеемъ. Всѣ они имѣли жительство Новгородскаго уѣзда, Бѣжецкой пятины, въ Мегрискомъ погостѣ, и хотя происходили отъ древнѣйшей дворянской фамиліи (*), но въ такой, однакожъ, находились бѣдности, что у всѣхъ пяти братьевъ былъ одинъ только крестьянинъ, по имени Апофрій, котораго просто называли *Апоха*. Примѣрное усердіе добраго Апохи къ господамъ замѣняло для нихъ всѣ выгоды избытка въ жизни: онъ сшилъ имъ одинъ праздничной балахонъ изъ холстины и сплелъ изъ семи лыкъ одинѣ лапти, которыя потому и называются *семерички*. Въ воскресные и праздничные дни, кто изъ нихъ ранѣе вставалъ, тотъ и надѣвалъ на себя балахонъ и семе-

---

(*) Родъ Ушаковыхъ имѣетъ начало свое отъ Князя Касожскаго *Редеди*, за сыномъ котораго была дочь Великаго Князя Мстислава Владиміровича, владѣвшаго въ началѣ XII столѣтія.

ричкн и уходилъ къ обѣдни; другіе же братья, за неимѣніемъ такого праздничнаго наряда, оставались дома. Андрей Ивановичь изъ всѣхъ ихъ отличался своимъ проворствомъ и силою. Онъ хаживалъ съ крестьянскими дѣвками по грибы и по ягоды, и хотя не имѣлъ еще совершенныхъ лѣтъ, однакожъ, по просьбѣ дѣвокъ, перенашивалъ ихъ чрезъ лужи и грязь. Крестьянки, удивляясь несоразмѣрной лѣтамъ силѣ его, хвалили обыкновенно Ушакова сими словами: *ай дытина! ай дытина!* Къ сему выраженію, часто отъ нихъ слышанному, такъ привыкъ Андрей Ивановичь, что напослѣдокъ сдѣлалось оно его поговоркою. Въ такомъ безвинномъ и бѣдственномъ состояніи оставался Ушаковъ до того времени, когда Государевымъ Указомъ велѣно было, подъ жестокимъ штрафомъ, всѣмъ недорослямъ дворянскимъ явиться на смотръ, а объ укрывающихся доносить холопямъ ихъ. Анюха, услыша читанный въ церкви этотъ Указъ, залился слезами при одной мысли, что будетъ принужденъ разстаться съ господами своими, особливо съ Андреемъ Ивановичемъ, котораго болѣе всѣхъ любилъ; но долженъ былъ препроводить ихъ въ С. Петербургъ, гдѣ видѣлъ, какъ любимый его баринъ записанъ Гвардіи въ Преображенскій полкъ солдатомъ. Ростъ, сила и проворство Ушакова тотчасъ замѣчены были Монархомъ, и Его Величество произвелъ его въ скоромъ времени въ унтеръ-офицеры. Рачительное исправленіе обязанностей и всѣхъ возлагаемыхъ Начальствомъ препорученій пріобрѣли ему отличную отъ прозорливаго Государя милость, а черезъ нѣсколько лѣтъ доставили

чинъ Гвардіи Капитана (*). В ь это время, Монархиня, прогуливаясь, однажды, по Петербургу, удостоила посѣщеніемъ своимъ новаго Капитана. Благоволеніе, оказанное Государынею Ушакову, столько обрадовало его, что онъ, угощая тогда Ея Величество и всѣхъ сопровождавшихъ Ее Вельможъ, и подвеселясь, разсказалъ Государынѣ, какъ проводилъ въ деревнѣ молодыя свои лѣта, перепосилъ дѣвокъ, былъ ими хваленъ, и заключилъ повѣствованіе свое словами: «Те«перь-то и впрямь сталъ я *дѣтина*, что и сама Мо«нархиня пожаловала ко мнѣ въ гости!» Восхищеніе и откровенность, оказанныя при этомъ случаѣ Ушаковымъ, весьма понравились Ея Величеству, и Государыня, возвратясь во дворецъ, объявила Монарху, что Она была въ гостяхъ *у дѣтины*, примолвивъ: «Угадайте же, батюшка, у кого?» — Потомъ пересказала слышанное Ею отъ Ушакова. На другой день, когда Андрей Ивановичъ пришелъ благодарить Государыню за Ея посѣщеніе, Петръ Великій приказалъ разсказать и Ему исторію его молодости, что было исполнено Ушаковымъ съ радостнымъ видомъ и чрезвычайною при томъ откровенностью. Искренность его понравилась справедливому Государю: Онъ тогда же пожаловалъ Андрею Ивановичу немалое число дворовъ крестьянскихъ изъ Комарицкой волости, и съ того времени, когда Его Величеству угодно было слышать о чьихъ-либо дѣлахъ и поступкахъ, особливо

(*) 1707 года Андрей Ивановичъ Ушаковъ былъ Гвардіи Поручикомъ, а 1708 Гвардіи Капитанъ-Поручикомъ, и надзиралъ за плѣнными Шведами.

знатнѣйшихъ Вельможъ, то приказывалъ Ушакову разсказывать, словами: *дитина* (или Ушаковъ) *рыжь*. Посредствомъ расторопности и вѣрнаго исполненія повелѣній Государевыхъ, Ушаковъ умѣлъ снискать, въ послѣдствіи, особливую довѣренность Его Величества. Въ 1712 году, будучи Адъютантомъ Государя и Гвардіи Капитаномъ, посланъ былъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ Польшу для надзиранія, тайнымъ образомъ, за армейскими офицерами. Ему велѣно было также вывести оттуда войско въ Померанію. Въ 1713 году, въ мартѣ, ѣздилъ онъ изъ Петербурга въ Москву съ разными отъ Государя порученіями: между прочимъ предписано ему было истребить злоупотребленія, вкравшіяся средп тамошняго купечества; сдѣлать слѣдствіе о бѣглыхъ крестьянахъ, и набрать молодыхъ купеческихъ дѣтей для отправленія ихъ въ чужіе краи. 1714 года былъ онъ уже Гвардіи Преображенскаго полка Маіоромъ и посыланъ вторично въ Москву, также по слѣдственнымъ дѣламъ о расточеніи казенныхъ денегъ и укрывательствѣ отъ службы. 1715 года, 4 іюля, Петръ Великій, въ бытность Свою въ Кронштадтѣ, отправилъ его въ разныя губерніи, для осмотра порядка въ судопроизводствѣ и открытія вкравшагося лихоимства. Ушакову данъ былъ тогда отъ Государя къ Губернаторамъ тѣхъ губерній Указъ, по которому обязаны они были исполнять все по его предложеніямъ. 1716 года находился онъ въ Москвѣ, гдѣ пробылъ до послѣднихъ чиселъ октября мѣсяца 1717 года, отыскивая злоупотребленія въ судебныхъ мѣстахъ, особливо въ казенныхъ подрядахъ, и производя слѣдствія. Въ бытность свою въ древней столицѣ набралъ онъ въ ре-

круты довольное число боярскихъ людей и недорослей, которыми дополненъ былъ Финляндскій корпусъ. Изъ Москвы отправился онъ, въ концѣ того года, въ Нижній-Новгородъ, для розыска порубленнаго казеннаго лѣса въ той губерніи и наказанія виновныхъ. 1718 и 1719 годовъ поручено ему было Петромъ Великимъ смотрѣть за корабельною работою, и Государь слѣдующими словами заключилъ данное Ушакову по этому предмету повелѣніе: «*Сіе ежели «исправите, за добрую викторію вамъ причтено бу-«детъ; ибо нечемъ викторію получить, когда флотъ «не въ состояніи.*» — 1720 и 1721 года, сверхъ надзора за Адмиралтейскими работами, имѣлъ онъ еще наблюденіе за арестантами, и 22 октября (1721 г.), въ день торжества о мирѣ съ Швеціею, пожалованъ Генералъ-Маіоромъ, оставаясь при прежней должности Гвардіи Маіора. Въ то время былъ онъ также членомъ Адмиралтейской Коллегіи и *Тайной Канцеляріи*, а 1724 года Сенаторомъ. Въ 1725 году, мая 21, Императрица Екатерина I-я пожаловала ему орденъ Св. Александра Невскаго въ самый день учрежденія онаго, а 1727 произвела въ Генералъ-Поручики. Въ царствованіе этой Государыни Андрей Ивановичъ Ушаковъ находился въ числѣ особъ, совѣтовавшихъ Ей удалить отъ Двора Князя Меншикова, въ бытность его въ Курляндіи (*), почему, по вступленіи на престолъ Императора Петра II-го, объявленъ ему арестъ, 22 мая (1727 года), и переведенъ онъ тѣмъ же чиномъ въ полевой полкъ. 1730 года, марта 4, Императрица Анна Іоанновна по-

(*) См. жизнь Князя Меншикова.

жаловала его снова Сенаторомъ, а 1733 года Гвардіи Семеновскаго полка Подполковникомъ и въ скоромъ времени послѣ сего Генералъ-Аншефомъ (*). Въ 1740 году, ноября 10, Принцесса Анна, супруга Брауншвейгскаго Герцога Антона Ульриха, отрѣшивъ Герцога Бирона отъ Регентства и объявя себя Правительницею до совершеннолѣтія сына Ея Императора Іоанна Антоновича, сама надѣла орденъ Св. Андрея Первозваннаго, и возложила также оный на Андрея Ивановича Ушакова, управлявшаго тогда *Тайною Канцеляріею.* По возшествіи на Родительскій престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, 25 ноября 1741 года, Андрей Ивановичь Ушаковъ получилъ подтвержденіе отъ Ея Величества въ ношеніи пожалованнаго ему Правительницею ордена Св. Андрея Первозваннаго. Государыня, уважавшая любимцевъ Августѣйшаго Родителя своего Петра Великаго, еще большую оказала въ послѣдствіи милость Ушакову, произведя его, 15 іюля 1744 года, въ Россійскіе Графы, по случаю торжества въ Москвѣ заключеннаго съ Швеціею мира. Въ этомъ достоинствѣ, скончался онъ въ С. Петербургѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1747 года, на семьдесять-седьмомъ году отъ рожденія (**). Трогательно

(*) Доказательствомъ отличнаго благоволенія Императрицы Анны Іоанновны къ Андрею Ивановичу Ушакову можетъ также служить и пожалованный ему портретъ Ея Величества, для ношенія на груди.

(**) Графъ Андрей Ивановичь Ушаковъ имѣлъ одну только дочь, Графиню Екатерину Андреевну, которая была въ замужствѣ за Графомъ Петромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ.

Голиковъ описываетъ кончину Ушакова. «Въ послѣд-«нюю болѣзнь свою, Графъ Андрей Иваповичь, почув-«ствовавъ приближающуюся кончину, пріуготовился къ «разлученію съ жизнію пріобщеніемъ Святыхъ Таинъ «и Елеосвященіемъ, и лежа на смертномъ одрѣ, воз-«велъ очи свои на портретъ Петра Великаго, всегда «въ спальнѣ его висѣвшій, вдругъ необыкновен-«но возстеналъ, проливая слезы. Изъ предстоявшихъ «передъ нимъ, любимый его Адъютантъ Михайла Ива-«новичь Ярославовъ спросилъ о причинѣ толикаго его «стенанія; тогда почтеннѣйшій старецъ сей, какъ-бы «забывъ всѣ свои болѣзни и самый часъ предстоявшей «ему смерти, указавъ на изображеніе сего Государя, «сказалъ слабымъ голосомъ: *Я, вообразя всѣ безпре-«дѣльные труды Его и любовь къ отечеству, всѣ «милости Его, изліянныя на подданныхъ и собствен-«но на меня, не могъ не возчувствовать, въ послѣд-«нее разлучаясь со свѣтомъ, живѣйшей къ Нему бла-«годарности и благоговѣнія.* — Добродѣтели сего Ве-«ликаго Государя, отвѣтствовалъ на сіе Г. Яросла-«вовъ, безъ сомнѣнія, сопричислилъ Его къ лику свя-«тыхъ. Ваше Сіятельство, приготовясь сообщеніемъ «со Христомъ чрезъ Святую Евхаристію предстать «тому же праведному Мздовоздаятелю Господу, предъ «которымъ предстоитъ и сей Монархъ, тѣмъ больше «радостнѣйшими чувствованіями наполнять себя дол-«жны, чѣмъ ближе приходитъ тотъ часъ, въ кото-«ромъ созерцать Его можете лицомъ къ лицу. — Уми-«рающій старецъ, выслушавъ сіе съ покойнымъ ду-«хомъ и собравъ всѣ остальныя силы свои, возвы-«шеннымъ нѣсколько голосомъ произнесъ: *О дабы*

«сіе было такъ! Тогда-то бы исполнилось все мое «желаніе! тогда-то бы я былъ прямо блаженъ и «треблаженъ! — Сіи были послѣднія слова умираю-«щаго мужа сего, и замѣчено всѣми присутствовавшими «при смерти его, что сими пріятнѣйшими мыслями «занявшись, съ радостію испустилъ духъ свой.» — Петръ Великій отдавалъ Ушакову преимущество передъ другими гвардейскими офицерами за отличное его покорыстолюбіе, безпристрастіе и вѣрность, и обыкновенно говаривалъ объ немъ: «что еслибъ Онъ «имѣлъ много подобныхъ офицеровъ, то могъ бы на-«звать себя совершенно счастливымъ.» — Его упрекаютъ въ пристрастныхъ дѣйствіяхъ, особливо когда Бирон подозрительный, кровожадный, подавлялъ Россію своею желѣзною рукою. Отъ Ушакова пострадали Долгоруковы. Управляя *Тайною Канцеляріею*, онъ производилъ жесточайшія истязанія; но въ обществахъ отличался очаровательнымъ обхожденіемъ и владѣлъ особеннымъ даромъ выведывать образъ мыслей собесѣдниковъ.

Ф.

ФОНЪ-ВИЗИНЪ, Денисъ Ивановичь, родился въ Москвѣ 3 апрѣля 1745 года (*). Отецъ его, человѣкъ добродѣтельный, много читалъ въ своей жизни Русскихъ книгъ, не зная иностранныхъ языковъ; любилъ правду; всегда краснѣлъ, когда при немъ не стыдились лгать; уважалъ своихъ начальниковъ; не забѣгалъ къ Вельможамъ; ненавидѣлъ лихоимство; исполненъ былъ великодушія, доказательствомъ чему служитъ первый бракъ его въ цвѣтущей юности, съ семидесятилѣтнею, богатою старухой, которая обязалась заплатить значительные долги роднаго его брата: она жила послѣ свадьбы еще двѣнадцать лѣтъ, и во все это время, отецъ Дениса Ивановича имѣлъ объ ней самое заботливое попеченіе. На третьемъ году отъ рожденія, отняли младенца Фонъ-Визина отъ кормилицы: онъ чрезвычайно тосковалъ: «Грустно тебѣ, другъ мой?» спро-

---

(*) *Фонъ-Визины* ведутъ свой родъ изъ Лифляндіи отъ Петра Барона Володимірова сына Визина, которому Царь Іоаннъ Васильевичь пожаловалъ многія помѣстья. Внукъ его, Юрій Денисовичь принялъ вѣру Греческаго исповѣданія, по крещеніи названъ *Аѳанасіемъ* и пожалованъ въ Стольники. *Гербовникъ* часть 3.

силъ его, однажды, отецъ.—«*А такъ грустно, батю-*«*шка*» — отвѣчалъ сынъ, затрепетавъ отъ злобы — «*что я и тебя, и себя теперь же вдавилъ бы въ* «*землю.*» — «Это сильное выраженіе скорби»—упоминаетъ Денисъ Ивановичъ въ своихъ Запискахъ — «показывало уже, что я чувствовалъ сильнѣе обык-«новеннаго младенца.» — На пятомъ году начали учить его грамотѣ, *такъ что онъ не помнилъ себя безграмотнымъ.* Попечительный отецъ заставлялъ сына читать церковныя книги, ознакомившія его съ Славянскимъ языкомъ, *безъ котораго* — по справедливому заключенію Фонъ-Визина—*и Россійскаго знать невозможно*; изъяснялъ ему мѣста, которыхъ онъ не разумѣлъ; часто разсказывалъ дѣтямъ разныя Исторіи изъ Ветхаго Завѣта: однажды, слушая повѣствованіе о Іосифѣ, проданномъ своими братьями, Денисъ началъ рыдать неутѣшно, и стыдясь своей чувствительности, сложилъ вину на зубную боль, но потомъ признался отцу, *что плакалъ отъ сожалѣнія.* На одиннадцатомъ году (1755 г.) отданъ онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, въ Гимназію Московскаго Университета, учрежденнаго въ то время Императрицею Елисаветою по предстательству Шувалова (*). «Тогда»—пишетъ Фонъ-Визинъ —» Университетъ былъ не тотъ, каковымъ «сталъ въ послѣдствіи. Приведу въ примѣръ экзаменъ «въ нижнемъ Латинскомъ классѣ. Наканунѣ дѣлалось «приготовленіе: явился къ намъ учитель въ кафтанѣ, «на которомъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ че-«тыре. — Удивленный этою странностію, спросилъ я

(*) См. біографію Ивана Ивановича Шувалова.

«учителя о причинѣ? — *Пуговицы мои вамъ кажут-*«*ся смѣшны* — говорилъ онъ — *но онѣ суть стражи* «*вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значутъ пять* «*склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; и такъ*— «продолжалъ учитель, ударя по столу рукою — *изволь-*«*те слушать всѣ, что говорить стану. Когда нач-*«*нутъ спрашивать о какомъ нибудь имени, какого* «*склоненія, тогда примѣчайте, за которую пугови-*«*цу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчай-*«*те: втораго склоненія. Съ спряженіями поступай-*«*те, смотря на мои камзольныя пуговицы, и нико-*«*гда ошибки не сдѣлаете.* Вотъ каковъ былъ экзаменъ «нашъ!» — Не менѣе забавенъ и разсказъ Фонъ-Визина о другомъ событіи, доставившемъ ему медаль: тогдашній Инспекторъ покровительствовалъ Нѣмцу, который преподавалъ Географію и имѣлъ только трехъ учениковъ. Онъ, бывъ тупѣе Латинскаго учителя, пришелъ на экзаменъ съ полнымъ партикемъ пуговицъ, слѣдовательно, приступилъ къ дѣлу безъ всякихъ условій. На вопросъ: куда течетъ Волга? — одинъ изъ товарищей Фонъ-Визина отвѣчалъ: *въ Черное море*, другой *въ Бѣлое;* дошла очередь до самаго Фонъ-Визина: *не знаю* — сказалъ онъ съ такимъ видомъ простодушія, что экзаминаторы единогласно присудили ему золотую медаль. — «Я конечно» — упоминаетъ въ своихъ Запискахъ Денисъ Ивановичъ — «заслужилъ-«бы ее изъ класса практическаго правоученія, но от-«нюдь не изъ Географическаго.» Со всѣмъ тѣмъ, описывая тогдашній образъ преподаванія наукъ, Фонъ-Визинъ съ благодарностію воспоминаетъ о полученномъ имъ въ Московскомъ Университетѣ вкусѣ къ словесно-

сти. Еще въ юномъ возрастѣ занимался онъ переводами на Россійскій языкъ съ Нѣмецкаго *Гольберговыхъ басней.* Книгопродавецъ обѣщалъ ему за трудъ чужестранныхъ книгъ на пятьдесятъ рублей, и сдержалъ свое слово; но, видя его въ лѣтахъ бурныхъ страстей, доставилъ ему цѣлое собраніе сочиненій соблазнительныхъ, украшенныхъ скверными картинами, которыя развратили юное воображеніе, возмутили душу! — По прошествіи нѣкотораго времени, Директоръ Университета отправился въ С. Петербургъ (1759 г.), съ десятью учениками (въ томъ числѣ съ Фонъ-Визинымъ). Цѣль путешествія его состояла въ желаніи показать Шувалову плоды основаннаго имъ училища. Чрезъ нѣсколько дней ученики были представлены нашему Меценату: Шуваловъ принялъ ихъ весьма милостиво, и, взявъ Фонъ-Визина за руку, подвелъ его къ незнакомцу, на котораго любопытный юноша обратилъ свое почтительное вниманіе. Онъ спросилъ Фонъ-Визина: «Чему учился?» — «По Латынѣ —» отвѣчалъ послѣдній. Тогда Ломоносовъ началъ говорить о пользѣ Латинскаго языка съ великимъ краснорѣчіемъ. Въ тотъ день, послѣ обѣда, были они во Дворцѣ, который показался Фонъ-Визину *жилищемъ существа выше смертнаго;* но ничто въ Петербургѣ такъ его не восхищало, какъ театръ: онъ хохоталъ изо всей силы надъ шутками Шумскаго; имѣлъ случай познакомиться у своего дяди съ славными актерами Волковымъ и Дмитревскимъ. Первый изъ нихъ вскорѣ скончался; послѣдній сдѣлался другомъ Фонъ-Визина. Посѣщая театры, Денисъ Ивановичъ вступилъ однажды въ разговоръ съ сыномъ знатнаго господина, и отразилъ своими эпиграм-

мами шутки его въ незнаніи Французскаго языка: они разошлись пріятельски. Съ того времени Фонъ-Визинъ почувствовалъ необходимость учиться этому языку, не оставляя и Латинскаго, на которомъ, по возвращеніи въ Москву, слушалъ Логику у Профессора Шадена, бывшаго тогда Ректоромъ Университета. Переводы съ Нѣмецкаго языка на Россійскій также занимали его. Вскорѣ онъ былъ произведенъ въ Студенты; черезъ два года могъ разумѣть Вольтера, и началъ переводить стихами его Альзиру. Этотъ трудъ Фонъ-Визинъ называетъ *грѣхомъ юности*, не смотря на нѣкоторые хорошіе стихи. Въ 1762 году былъ онъ уже Сержантомъ Гвардіи, но уклонялся отъ дѣйствительной службы, посвящая всѣ свои часы ученію. Вскорѣ, по случаю прибытія Высочайшаго Двора въ Москву, Фонъ-Визинъ переведенъ въ Иностранную Коллегію Переводчикомъ, и на сей разъ не остался безъ занятій, заслуживъ переводами своими похвалу отъ Канцлера Графа Воронцова. Въ томъ же году (въ дек.) отправленъ онъ съ Екатерининскою лентою къ Герцогинѣ Мекленбургской. Ему велѣно было заѣхать въ Гамбургъ, откуда нашъ Посланникъ, Мусинъ-Пушкинъ, взялъ его съ собою въ Шверинъ, и потомъ одобрилъ Начальству поведеніе Фонъ-Визина. Служба его въ Иностранной Коллегіи не долго продолжалась: онъ познакомился съ Членомъ Кабинета, Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ, любителемъ отечественной литературы, который уговорилъ Фонъ-Визина перейти въ Придворное вѣдомство. Тогда Денисъ Ивановичъ былъ произведенъ (3 дек. 1764 г.) изъ Переводчиковъ въ Титулярные Совѣтники, и велѣно ему производить жа-

ловапья по пяти сотъ рублей въ годъ. Онъ испыталъ въ то время много непріятностей по службѣ, не отъ новаго начальника, добраго, снисходительнаго, который ласкалъ Фонъ-Визина, отдавалъ ему полную справедливость, но отъ любимца его, Секретаря Лукина, человѣка надменнаго, тяжелаго: послѣдній ненавидѣлъ Фонъ-Визина за нескромный отзывъ о его перѣ, и старался вредить ему. Фонъ-Визинъ поѣхалъ въ отпускъ на родину. Тамъ написалъ онъ комедію *Бригадиръ*, въ пяти дѣйствіяхъ, и перевелъ поэму *Іосифъ*, соч. Битобе, *которая*—какъ самъ онъ изъясняется — *извлекла слезы у многихъ людей чувствительныхъ*. Онъ продалъ ее за двѣсти рублей. Возвратясь въ С. Петербургъ, Фонъ-Визинъ прочелъ *Бригадира* Александру Ильичу Бибикову и Графу Григорію Григорьевичу Орлову: послѣдній, восхищенный произведеніемъ молодаго писателя, познакомилъ его за-очно съ Императрицею. Фонъ-Визинъ приглашенъ былъ въ Петергофъ въ самый Петровъ день: ему велѣно взять комедію. На балѣ, Орловъ подошелъ къ автору *Бригадира* и сказалъ: «Ея Величе-«ство приказала вамъ послѣ бала идти въ Эрмитажъ, «гдѣ желаетъ слышать ваше произведеніе.» Никогда Фонъ-Визинъ не находился въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Государыни: сначала оробѣлъ, но нѣсколько словъ, произнесенныхъ кроткою Монархинею, благосклонная улыбка и лестныя похвалы Ея привели его въ состояніе читать комедію съ обыкновеннымъ искусствомъ, завлекли даже въ нѣкоторыя шутки. Въ день своего отъѣзда изъ Петергофа, Фонъ-Визинъ встрѣтился въ саду съ Графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, которому никогда не былъ представленъ. Онъ

остановилъ его словами: «*Слуга покорный. Поздравляю васъ съ успѣхомъ: я васъ увѣряю, что нынѣ во всемъ Петергофѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о Бригадирѣ и о вашемъ чтеніи. Долго ли вы здѣсь останетесь?*» — «Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ городъ» — отвѣчалъ Фонъ-Визинъ. — «*А мы завтра*» — продолжалъ Графъ и пригласилъ сочинителя явиться въ Петербургѣ къ Великому Князю, для прочтенія комедіи. Фонъ-Визинъ поручилъ себя его покровительству. «*Мнѣ будетъ очень пріятно*» — произнесъ Панинъ съ видомъ чистосердечія и душевной доброты—«*если могу быть вамъ въ чемъ полезнымъ.*» — «Съ этой минуты» — упоминаетъ Фонъ-Визинъ въ своихъ Запискахъ — «сердце мое стало къ нему привержено, какъ будто предчувствовало, что онъ будетъ мнѣ «первый и истинный благодѣтель.» — Вскорѣ авторъ Бригадира былъ представленъ Наслѣднику Престола Графомъ Панинымъ (который, предварительно, въ разговорахъ съ Фонъ-Визинымъ, старался узнать его не только со стороны ученой, но и нравственной), *какъ молодой человѣкъ отличныхъ качествъ и дарованій.* Онъ приглашенъ былъ къ обѣденному столу Его Высочества, и потомъ началъ свое чтеніе; чрезъ нѣсколько минутъ произвелъ во всѣхъ слушателяхъ громкое хохотаніе. «*Я вижу*» — сказалъ ему Графъ Панинъ — *что вы очень хорошо знаете наши нравы: ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую нибудь свойственницу. Это въ нашихъ правахъ первая комедія. Удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя гово-*

«рить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали, однако, роль ея столь интересною, что все хочется ее слушать. Совѣтую вамъ не оставлять вашего дарованія.» — И Великій Князь удостоилъ Фонъ-Визина весьма лестнымъ привѣтствіемъ. *«Вы можете»* — произнесъ Графъ Панинъ — *«ходить къ Его Высочеству и при столѣ оставаться, когда только хотите.»* — На другой день Фонъ-Визинъ читалъ свою комедію въ кабинетѣ Графа Никиты Ивановича, и умѣя искусно передразнивать многихъ людей, даже принимать видъ ихъ, мастерски говорилъ голосомъ Сумарокова; повторилъ потомъ тотъ же самый разговоръ и въ присутствіи Наслѣдника. Всѣ Вельможи наперерывъ приглашали его къ себѣ: Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, Графы Чернышевы, Строгоновъ, Шуваловъ, Графини: Румянцова, Бутурлина, Воронцова. Цѣлую недѣлю отдыхалъ онъ послѣ безпрерывныхъ обѣдовъ и чтеній. Между тѣмъ слухъ объ этомъ блистательномъ успѣхѣ уничтожилъ вліяніе его недоброжелателей; Елагинъ увеличилъ ласки свои къ Фонъ-Визину; *но вся любовь его* — писалъ послѣдній (1768 г.) къ своимъ родителямъ — *состояла въ томъ только, чтобы отобѣдать вмѣстѣ и проводить время. Не только онъ не заботился о моемъ счастіи, даже и о своемъ собственномъ мало помышлялъ, а держался одною удачею.* — Фонъ-Визинъ, все еще бывшій Титулярнымъ Совѣтникомъ, перешелъ (1770 г.) снова въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, которымъ управлялъ Графъ Панинъ. Онъ вознаградилъ потерянное имъ время у Елагина, доставилъ въ томъ же году Денису Ивановичу, съ званіемъ своего Секретаря, чинъ

Надворнаго Совѣтника. Слава готовила ему вѣнець не на дипломатическомъ поприщѣ. Безпечность и вмѣстѣ наслѣдственная отъ матери головная боль препятствовали Фонъ-Визину дѣятельно заниматься службою, между тѣмъ, какъ другіе пролагали себѣ дорогу къ почестямъ; но предчувствіе не обмануло его: онъ дѣйствительно нашелъ въ Графѣ Паниѣ *истиннаго благодѣтеля*. Этотъ великодушный, безкорыстный Вельможа получилъ отъ Императрицы (1773 г.), въ день бракосочетанія его Августѣйшаго Воспитанника (въ послѣдствіи Императора Павла I-го) съ Принцессою Гессенъ-Дармштадтскою, въ числѣ многихъ наградъ, восемь тысячъ четыреста двѣнадцать крестьянъ, и отдалъ половину пожалованнаго ему недвижимаго имѣнія своимъ тремъ Секретарямъ. На часть Фонъ-Визина досталось 1180 душъ. Тогда познакомился онъ съ молодою вдовою, дочерью богатаго купца Роговикова. Она имѣла тяжбу съ роднымъ дядею, который удержалъ до 300,000 рублей, слѣдуемыхъ ей по смерти отца. Фонъ-Визинъ сдѣлался ея стряпчимъ: дѣло кончилось мировымъ актомъ, и корыстолюбивый опекунъ не остался въ накладѣ. Событіе это имѣло важныя послѣдствія для Фонъ-Визина: онъ женился на своей довѣрительницѣ, столь же прекрасной, какъ добродѣтельной, которая услади ла жизнь его до самаго конца. Обезпечивъ свое состояніе, нашъ литераторъ, *любившій* — какъ изъясняется Князь Вяземскій въ Запискахъ своихъ объ немъ — *быть съ людьми дома и въ гостяхъ, хорошо пить и хорошо кормить*, получилъ возможность роскошною рукою угощать пріятелей своихъ, въ числѣ которыхъ находились: Держа-

винъ, Богдановичъ, Княжнинъ, актеръ Дмитревскій. Но, оживляя бесѣды веселостію, остроуміемъ, онъ вредилъ самому себѣ: одно замысловатое слово, сказанное имъ на счетъ Князя Потемкина, возстановило противъ Фонъ-Визина этого Вельможу. Острякъ нашъ принужденъ былъ воспользоваться болѣзнію жены своей и получилъ (1777 г.) увольненіе въ чужіе край. Разгоняя во время путешествія скуку чтеніемъ, онъ пріѣхалъ въ Варшаву 5 сентября. На другой день Чрезвычайный Посолъ Графъ Стакельбергъ, *царетвовавшій* — по словамъ Сегюра — *въ Польшѣ именемъ Екатерины, котораго Дворъ былъ многочисленнье, блистательнье Королевскаго*, прислалъ поздравить его съ пріѣздомъ, и послѣ взаимныхъ визитовъ, далъ ему обѣдъ и ознакомилъ съ лучшимъ обществомъ. *На ассамблеѣ* Гетманши Огинской Фонъ-Визинъ видѣлъ *цѣлую Варшаву*. Всякой вечеръ, изъ спектакля, онъ приглашаемъ былъ, съ женою, разными Сановниками. На Королевскомъ куртагѣ Графъ Стакельбергъ представилъ Дениса Ивановича Станиславу-Августу: послѣдній сказалъ ему, съ ласковымъ видомъ, *что знаетъ его давно, по репутаціи, и весьма радъ видѣть въ своей землѣ; жалѣетъ объ одномъ только, что онъ на короткое время пріѣхалъ въ Варшаву*. «Женщины одѣваются здѣсь «какъ кто хочетъ — писалъ Фонъ-Визинъ къ сестрѣ своей — «но по большой части странно. Въ ассам-«блеи ѣздятъ иногда въ шляпкахъ, иногда въ Турец-«кихъ чалмахъ; а если одѣты въ волосахъ, то на го-«ловѣ башни. Развращеніе въ жизни дошло до край-«ности. Часто въ компаніи найдешь мужа съ двумя «женами: съ тою, съ которою живетъ, и съ тою, съ

«которою развелся. Развестись съ женою, или сбро-«сить башмакъ съ ноги, здѣсь все равно. Дуэли все-«частые. За всякое слово выходятъ молодцы на писто-«летахъ.» — Въ Дрезденѣ Фонъ-Визинъ пробылъ около трехъ недѣль, осматривая все достойное примѣчанія. Въ Лейпцигѣ не засталъ уже ярмарки; но нашелъ множество педантовъ. «Иные изъ нихъ — упоминаетъ нашъ путешественникъ въ письмѣ къ Графу Панину — «по-«читаютъ главнымъ своимъ и человѣческимъ достоин-«ствомъ то, что умѣютъ говорить по Латыни, чему, «однакожъ, во времена Цицероновы умѣли и пяти-«лѣтніе ребята; другіе, вознесясь мысленно на небеса, «не смыслятъ ничего, что дѣлается на землѣ; иные «весьма твердо знаютъ артифиціальную Логику, имѣя «крайній недостатокъ въ натуральной: словомъ — Лейп-«цигъ доказываетъ, что честность не родитъ разума.» — Въ Франкфуртѣ на Майнѣ видѣлъ Палату, въ которой избирали Римскихъ Императоровъ; *Золотую Буллу* Карла IV, писанную въ 1356 году; Имперскую Архиву. Оттуда продолжалъ путешествіе по Нѣмецкимъ Княжествамъ, на Мангцъ, Фульду, Саксенъ-Готу, Эйзенахъ. «Что ни шагъ, то Государство» — пишетъ Фонъ-Визинъ. — Дороги часто находилъ немощеныя, но вездѣ платилъ дорого за мостовую, и когда спрашивалъ: «*гдѣ «она?*» «Его Свѣтлость, владѣющій Государь» — отвѣ-чали ему — «намѣренъ приказать мостить впредь, «а теперь велѣлъ собирать деньги.» — Въ Мангеймѣ Фонъ-Визинъ обѣдалъ у Курфирста Пфальцскаго, кото-рый за столомъ посадилъ его возлѣ себя. Нашъ путе-шественникъ выхваляетъ просвѣщенный умъ этого Вла-дѣтеля, благоразуміе его, усердіе къ Россійскому Дво-

ру; говоритъ о городѣ, что онъ лучшаго не видалъ въ Германіи; что строеніе новое и регулярное; но близкое сосѣдство съ Французами лишило Майнцскихъ Нѣмцевъ національности. Оттуда отправился онъ въ Ліонъ, чрезъ Стразбургъ (знаменитый надгробнымъ памятникомъ славнаго Морица Саксонскаго и высокою колокольнею) и Безансонъ, городъ большой, но также темный, похожій на тюрьму; хвалитъ дорогу; хулитъ узкія, нечистыя улицы въ городахъ; упоминаетъ, что въ Ліонѣ, на самой большой (которую, однакожъ, нельзя сравнить даже съ нашими переулками), среди бѣлаго дня, опаливали свинью! Здѣсь Фонъ-Визинъ осмотрѣлъ фабрики шелковыхъ издѣлій, откуда Франція посылаетъ во всю Европу наилучшія парчи и штофы; Госпиталь (*l'hotel Dieu*), построенный въ половинѣ шестаго вѣка; Ратушу, превосходящую своимъ великолѣпіемъ Амстердамскую; многіе монастыри и церкви, украшенныя картинами великихъ художниковъ; остатки дома, въ которомъ жилъ Императоръ Неронъ.—Изъ Ліона, онъ отправился въ Монпелье, городъ небольшой, но имѣющій пріятное мѣстоположеніе, хорошіе дома; посѣтилъ тамошній Университетъ, основанный въ 1180 году и знаменитый въ Европѣ своимъ Медицинскимъ Факультетомъ; каждый день прогуливался за городомъ, на высокомъ, чистомъ, усаженномъ деревьями мѣстѣ (*la place du Peyron*), гдѣ тогда возвышалась статуя Людовика XIV, находится извѣстный водопроводъ, и откуда можно любоваться Средиземнымъ Моремъ. Во время пребыванія Фонъ-Визина въ Монпелье происходило тамъ, въ залѣ стариннаго дома, открытіе Земскаго Суда

или съѣзда Государственныхъ Чиновъ Лангедока. Собраніе было многолюдное. Въ назначенный часъ, представлявшій особу Королевскую, Комендантъ Провинціи и кавалеръ ордена Св. Духа Графъ Перигоръ, встрѣченный Дворянствомъ, взошелъ, въ шляпѣ, на сдѣланное нарочно возвышеніе и сѣлъ въ кресла подъ балдахиномъ; по правую сторону сидѣли Архіепископъ Нарбонскій и двѣнадцать Епископовъ; по лѣвую Дворянство, въ древнихъ рыцарскихъ платьяхъ и шляпахъ. Читанныя рѣчи Синдикомъ, Графомъ Перигоромъ, Интендантомъ и произнесенная рѣчь Архіепископомъ клонились къ тому только, чтобы жители приступили *къ добровольному платежу* подушнаго оклада, который простирался на наши деньги до 920,000 рублей. Интендантъ превозносилъ похвалами Архіепископа, Архіепископъ Интенданта; оба они выхваляли Перигора, а Перигоръ выхвалялъ ихъ обоихъ. Потомъ всѣ пошли въ соборную церковь, гдѣ пѣтъ благодарный молебенъ. По окончаніи Земскаго Суда, ограничившаго свои дѣйствія собраніемъ податей, знатные и богатые, старавшіеся выслужиться у Двора, возвратились въ Парижъ; мелкіе, призванные для формы, удалились въ свои деревни. Провинція осталась въ добычу безсовѣстнымъ людямъ, которые тѣмъ жесточе грабили, чѣмъ дороже становилась имъ привиллегія разорять своихъ сограждан. — Маркизша Фревиль, добрая, богатая, къ которой Фонъ-Визины имѣли рекомендательное письмо изъ Стразбурга, познакомила ихъ съ главными членами собранія. «Не «знаю, каковы сіи знатные господа въ Парижѣ» — писалъ Денисъ Ивановичъ изъ Монпелье — «но здѣсь

«ласковѣе, учтивѣе и любезнѣе быть никому невозмо-«жно.» — Онъ провелъ всю зиму въ Монпелье, пользуясь прекраснымъ климатомъ; обогащалъ умъ свой разными свѣдѣніями, между тѣмъ, какъ жена его лечилась: слушалъ лекціи Философіи, за два рубля сорокъ копѣекъ въ мѣсяцъ на наши деньги; занимался Юриспруденціею, платя еще дешевле за науку, *которая*—по словамъ его—*при развращеніи совѣсти человѣческой, ни къ чему почти не служила.* «Первое «право каждаго Француза»—говоритъ Фонъ-Визинъ—«есть вольность; но истинное, настоящее его состоя-«ніе есть рабство, ибо бѣдный человѣкъ не можетъ «снискивать своего пропитанія иначе, какъ рабскою «работою; а если захочетъ пользоваться драго-«цѣнною своею вольностію, то долженъ будетъ уме-«реть съ голоду. Словомъ, вольность есть пустое «имя, и право сильнаго остается правомъ превы-«ше всѣхъ законовъ.» — Часто бывалъ въ театрѣ, и, описывая жителей, отдаетъ преимущество прекрасному полу, отзывается, что женщины гораздо умнѣе мужчинъ, имѣютъ много пріятностей. Мужчины сами смѣялись надъ собою, но, подражая Лудовику XVI, у котораго были кривыя ноги, кривили тогда и свои, ходили, разваливаясь, какъ медвѣди. Фонъ-Визинъ прогуливался по городу въ собольемъ сюртукѣ съ золотыми петлями и кистями, и съ горностаевою муфтою; на каждомъ шагу Французы останавливали его, гладили, поперемѣнно, очень бережно, чтобъ не заворотить волоска, то обшлага, то муфту; восклицали: *Qu'elle finesse! Dieu! qu'elle beauté!* спрашивали о цѣнѣ послѣдней? «Триста рублей» — отвѣчалъ Фонъ-

Визинъ. — «*Parbleu! je le crois bien* — говорили они — *Il n' y a rien de si beau que ca.*» — «*Beau blanc!*» — кричали всѣ единогласно. — У Фонъ-Визина горѣлъ всегда огонь въ двухъ каминахъ, за что платилъ онъ каждый мѣсяцъ двадцать рублей. И этотъ маловажный расходъ, почитаемый тамъ роскошью, пріобрѣлъ ему наименованіе: *чрезвычайнаго богача, Россійскаго Сенатора, вельможи!* — Но со всѣмъ тѣмъ, онъ отдавалъ справедливость нѣкоторымъ умнымъ людямъ, въ томъ числѣ Графу Перигору, который, не взирая на свою флегму, самъ смѣялся отъ добраго сердца надъ своими согражданами. Изъ Монпелье, Фонъ-Визинъ отправился въ нѣкоторыя южныя Французскія провинціи; весело провелъ время въ Марсели, гдѣ нашелъ прекрасный спектакль, пріятное общество; былъ въ Авиньонѣ, Оранжѣ, Валансѣ, Маконѣ, Шалонѣ, Дижонѣ; потомъ, чрезъ города Онсерръ, Санъ и Фонтенебло, пріѣхалъ, $\frac{20\text{ февр.}}{3\text{ марта}}$ 1788 года, *въ мнимый центръ человѣческихъ знаній и вкуса*, въ Парижъ, который называетъ онъ не городомъ, но *цѣлымъ міромъ*. На другой день Фонъ-Визинъ послалъ къ Секретарю нашего Министра, съ приглашеніемъ его къ себѣ; но, вмѣсто Секретаря, прискакалъ верхомъ самъ Министръ, Князь Иванъ Сергѣевичъ Борятинскій, и обошелся съ Денисомъ Ивановичемъ — по словамъ послѣдняго — *какъ съ роднымъ братомъ*: повезъ его къ Графинѣ Шуваловой, къ Графамъ Строгонову и Разумовскому. Тогда Русскихъ было много въ Парижѣ, и всѣ они жили какъ одна семья; но образъ жизни ихъ не нравился Фонъ-Визину: они дѣлали день ночью, а ночь днемъ. Игра и прекрасный полъ зани-

мали каждаго всякую минуту. Кто не подвергался опасности потерять имѣніе и здоровье, того называли философомъ. Парижъ и въ то время походилъ на нынѣшній: имѣлъ величественную наружность, безобразную внутренность; отличался нечистотою своею, заразительнымъ воздухомъ; но въ немъ было только пять театровъ, всегда наполненныхъ. *Безъ спектаклей и дѣвокъ* двѣ трети чужестранцевъ — говоритъ Фонъ-Визинъ — разъѣхались бы изъ этого города. Безчинство простиралось до того, что знатнѣйшіе люди не стыдились сидѣть въ ложахъ съ дѣвками, осыпанными брилліантами! Комедія возведена была на возможную степень совершенства. Фонъ-Визинъ именуетъ лучшихъ актеровъ: Превиля, Моле, Бризара, Оже, Долиньи, Вестриса, Сенвальшу. Трагедію нашелъ *посредственною:* она упала по смерти Лекеновой. Ларивъ, заступившій его мѣсто, отличался своею холодностію. Оперу называетъ *великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ*; хвалитъ декораціи и танцы, но не пѣвцовъ. Италіанскій спектакль чрезвычайно забавлялъ его. Онъ слышалъ славнаго, краснорѣчиваго проповѣдника, Абата Мори; нашелъ декламацію его слишкомъ театральною; познакомился съ Д'Аламбертомъ, Дидеротомъ, Мармонтелемъ, Томасомъ; но, исключая послѣдняго, котораго называетъ *кроткимъ, честнымъ человѣкомъ*, говоритъ о прочихъ: *что пріятнѣе читать ихъ сочиненія, нежели слышать разговоры.* Они простирали самолюбіе свое до такой степени, что сами выхваляли умъ свой и гордились безсмертною славою. Фонъ-Визинъ видѣлъ въ Парижѣ и славнаго Франклина, который тогда былъ Министромъ отъ Американскихъ Соединен-

ныхъ Провинцій; Вольтера, въ день представленія новой его трагедіи *Ирены, или Алексія Комнина;* видѣлъ, какъ старшій актеръ, Бризаръ, вошелъ въ ложу сочинителя съ вѣнкомъ, который надѣлъ ему на голову; какъ Вольтеръ тотчасъ снялъ съ себя вѣнокъ, и, заплакавъ отъ радости, сказалъ въ слухъ Бризару: «*Ah Dieu, vous voulez donc me faire mourir!*» Трагедія была играна превосходно. По окончаніи, занавѣсъ опять былъ поднятъ: всѣ актеры и актрисы, окружа бюстъ Вольтеровъ, увѣнчали его лавровыми вѣнками. Публика рукоплескала около четверти часа. Г-жа Вестрисъ, представлявшая Ирену, читала стихи въ честь Вольтера. Зрители велѣли повторить чтеніе, и возобновили рукоплесканіе съ великимъ крикомъ. Когда Вольтеръ, выходя изъ театра, сталъ садиться въ карету, то многочисленный народъ закричалъ: «*des flambeaux, des flambeaux!*» — велѣлъ кучеру ѣхать шагомъ и провожалъ Вольтера съ факелами до самаго дома, восклицая безпрестанно: *Vive Voltaire!*—Фонъ-Визинъ видѣлъ его и во Французской Академіи, которой члены вышли Вольтеру на встрѣчу. Когда сходилъ онъ съ лѣстницы и садился въ карету, народъ закричалъ, чтобъ всѣ снимали шляпы. Въ третій разъ нашему путешественнику удалось вблизи посмотрѣть на знаменитаго писателя въ день представленія *Альзиры.* Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ его на крыльцѣ. Вольтеръ пріѣхалъ; два человѣка почти несли его на рукахъ. Примѣтивъ, что Фонъ-Визинъ съ женою нарочно для него остановились, онъ сказалъ послѣдней съ видомъ удовольствія и почтенія: «*Madame! je suis bien votre serviteur très-humble!*» — При этихъ

словахъ сдѣлалъ такое движеніе, которое показывало, будто онъ самъ дивится своей славѣ. Публика лишь только примѣтила Вольтера въ ложѣ, тотчасъ, потерявъ всю благопристойность, начала аплодировать и кричать: *Vive Voltaire!* Въ послѣдній разъ, Фонъ-Визинъ сидѣлъ очень близко отъ него въ Академіи Наукъ *и не спускалъ глазъ съ его тощей фигуры.* — Ученые обѣщали показать Дениду Ивановичу и Руссо; онъ назначалъ уже день свиданія, но судьба воспрепятствовала имъ узнать другъ друга: Руссо сочинилъ *Записки* своей собственной жизни, въ которыхъ весьма свободно описалъ всѣ интриги Французскихъ вельможъ поименно. Онъ предоставилъ изданіе женѣ своей, но съ тѣмъ, чтобы она напечатала эту книгу по его смерти. Алчная къ деньгамъ женщина позволила, за сто лундоровъ, одному книгопродавцу списать эту рукопись; она была издана въ свѣтъ; появившіеся экземпляры во Франціи конфискованы; бѣдный Руссо, отъ страха и негодованія, прекратилъ жизнь свою: найдена на тѣлѣ его рапка въ самомъ сердцѣ. Такъ говорили тогда въ Парижѣ. Фонъ-Визинъ жалѣлъ о преждевременной кончинѣ философа, почтеннаго строгимъ безкорыстіемъ. — Знакомясь съ Парижемъ, онъ въ шумномъ городѣ, средп веселостей и разсѣянія, не оставлялъ любимыхъ занятій своихъ: слушалъ курсъ Экспериментальной Физики у Бриссона. «Жители Па«рижскіе почитаютъ свой городъ столицею свѣта, а «свѣтъ своею провинціею, — писалъ Фонъ-Визинъ въ Россію;» — но, кромѣ окрестностей, которыя по«ходятъ на Московскія, самъ Парижъ немножко по«чище свинаго хлѣва. Мудрено-ли, что здѣсь дѣлаютъ

«столько благоухающихъ водъ: да безъ нихъ-бы, я ду-
«маю, всѣ задохлись. Спору нѣтъ, много есть очень
«хорошаго, но хорошее здѣсь найдешь поискавши, а
«худое само въ глаза валитъ. Одинѣ только фабрики и
«мануфактуры находятся въ цвѣтущемъ состояніи. Нѣтъ
«въ свѣтѣ народа, который-бы имѣлъ такой изобрѣта-
«тельный умъ, какъ Французы, въ художествахъ и ре-
«меслахъ, до вкуса касающихся. Я хаживалъ къ *mar-*
«*chandes des modes*, какъ къ артистамъ, и смот-
«рѣлъ на уборы и наряды, какъ на прекрасныя кар-
«тины.» Далѣе, говоря о характерѣ народа и первыхъ
особъ въ Государствѣ, онъ продолжаетъ: «Французъ
«всегда молодъ, а изъ молодости переваливается вдругъ
«въ дряхлую старость: слѣдственно, въ совершенномъ
«возрастѣ никогда не бываетъ. Нынѣшній Король (Лу-
«довикъ XVI-й) трудолюбивъ и добросердеченъ, но
«оба сіи качества управляются чужими головами. Коро-
«лева страстно любитъ наряжаться. Одинъ изъ Прин-
«цевъ имѣетъ великую претензію на царство небес-
«ное, и о земныхъ не помышляетъ. Другой — побѣдилъ
«силу вѣры силою вина: мало людей перепить его могутъ.
«Король, будучи ограниченъ законами, имѣетъ въ ру-
«кахъ всю силу попирать законы. Каждый Министръ
«есть деспотъ въ своемъ Департаментѣ. Фавориты его
«дѣлятъ съ нимъ самовластіе, и своимъ фаворитамъ
«удѣляютъ. Въ провинціяхъ судьба народа зависитъ
«главнѣйше отъ Интенданта, имѣющаго полномочіе
«грабить безотчетно. Франція вся на откупу. Изъ ува-
«уваженія къ особѣ Государя, узаконено не сбирать
«пошлины тамъ только, гдѣ его присутствіе. Сіе при-
«чиною, что Король уже нѣсколько лѣтъ не былъ въ Па-

«рижѣ: Версаль есть мѣсто, куда его посылаютъ от-«купщики въ вѣчную ссылку. Другой источникъ казен-«ныхъ доходовъ во Франціи, зло безмѣрное: продажа «чиновъ и должностей. Въ войскѣ ихъ нѣтъ души во-«енной: всякой солдатъ умствуетъ, слѣдственно плохо «повинуется. Парижская Полиція весьма еще далека «отъ приписываемаго ей совершенства: грабятъ по «улицамъ и рѣжутъ въ домахъ не рѣдко. Тяжебныя «дѣла также несчастны, какъ и у насъ: всего чаще «обвинена бываетъ сторона безпомощная. Воспитаніе «ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго «плана, и все юношество учится, а не воспитывается. «Дворянство Французское по большой части въ край-«ней бѣдности, отъ того что старшій сынъ наслѣ-«дуетъ въ родительскомъ имѣніи; меньшимъ предоста-«влено право вступать въ военную службу или жить «въ священной праздности и изобиліи, то есть прини-«мать чинъ духовный. Невѣжество поповъ дѣлаетъ по-«ношеніе всей націи. Прелаты публично имѣютъ на «содержаніи дѣвокъ. Суевѣріе народное простирается «до невѣроятности. Много пріобрѣлъ я пользы отъ «путешествія. Кромѣ поправленія здоровья, научился «быть снисходительнѣе къ тѣмъ недостаткамъ, которые «оскорбляли меня въ моемъ Отечествѣ. Я увидѣлъ, что «во всякой землѣ худаго гораздо больше, нежели до-«браго; что люди вездѣ люди; что умные люди вездѣ «рѣдки; что дураковъ вездѣ изобильно, и, словомъ, «что наша нація не хуже иныхъ, и что мы дома «можемъ наслаждаться истиннымъ счастіемъ, за кото-«рымъ нѣтъ нужды шататься въ чужихъ краяхъ.» — Выѣхавъ изъ Парижа въ сентябрѣ, Фонъ-Визинъ воз-

вратился въ С. Петербургъ въ началѣ ноября 177[illegible] года, и въ слѣдующемъ году (21 мая) произведенъ въ Канцеляріи Совѣтники. Вскорѣ написалъ онъ превосходнѣйшее свое сочиненіе, комедію *Недоросль*, въ пяти дѣйствіяхъ (1782 г). Она была представлена въ первый разъ 24 сентября, и принята съ громкимъ рукоплесканіемъ: многіе изъ зрителей, признавъ себя *Простаковыми*, немедленно удалили *Вральмановъ* и другихъ недостойныхъ воспитателей. Доселѣ въ Россіи избалованное дитя называется *Митрофанушкою*; глупый мужъ *Простаковымъ;* деревенскій помѣщикъ безъ воспитанія *Скотининымъ;* безсмысленный иностранный учитель *Вральманомъ*; мама *Еремеевною.* Когда представляли эту комедію на Придворномъ театрѣ, Потемкинъ, забывъ оскорбленіе, сказалъ Фонъ-Визину: «*Умри, Денисъ, или больше не пиши: имя твое без-*«*смертно!*» — Головная боль Фонъ-Визина продолжалась; неумѣренная пища увеличивала болѣзнь. Однажды, за обѣденнымъ столомъ, Графъ Никита Ивановичь Панинъ, примѣтивъ что Фонъ-Визинъ взялъ пять большихъ пироговъ, подаваемыхъ къ супу, закричалъ на него: «Денисъ Ивановичь! Что ты дѣлаешь? «Давно ли мнѣ жаловался на тяжесть своей головы?—» «*По этой самой причинѣ, Ваше Сіятельство*»—отвѣчалъ Фонъ-Визинъ — «*и стараюсь я оттянуть го-*«*ловную боль, сдѣлавъ перевесъ въ желудкѣ.*» — Но всего болѣе подѣйствовала на здоровье Дениса Ивановича кончина его благодѣтеля, послѣдовавшая 31 марта 1783 года. Онъ засвидѣтельствовалъ свою благодарность Панину сочиненіемъ любопытной его біографіи, въ которой описалъ добродѣтели и заслуги этого

Вельможи временъ Екатерины II-й. Въ 1784 году, Фонъ-Визинъ, вышедшій въ отставку, съ чиномъ Статскаго Совѣтника и съ пенсіею по три тысячи рублей въ годъ, рѣшился ѣхать съ женою въ Италію, чтобы разсѣять печаль свою: любовался, въ окрестностяхъ Парвы, извѣстнымъ водопадомъ, котораго страшный ревъ раздается иногда за двѣнадцать верстъ; сердился потомъ на медленную ѣзду Прусскихъ извощиковъ; осмотрѣлъ Кенигсбергъ, чрезъ который уже три раза проѣзжалъ: нашелъ его мрачнымъ; говоритъ объ узкихъ улицахъ, о высокихъ домахъ; обычаѣ жителей ужинать въ восемь часовъ по полудни и вывозить въ это самое время нечистоту изъ города. Въ Франкфуртѣ на Одерѣ остановился въ лучшемъ трактирѣ и не могъ сомкнуть глазъ отъ множества клоповъ и блохъ; называетъ городъ *тюрьмою*. 10 августа пріѣхалъ въ Лейпцигъ: хвалитъ устройство ванны, садъ купца Рихтера, нѣкоторыя осмотрѣнныя имъ картины извѣстныхъ художниковъ; но о городѣ отзывается, *что онъ очень хорошъ на одну недѣлю*; говоритъ: *что въ жизни свою нигдѣ столько не видывалъ горбуновъ и горбушъ, сколько въ Лейпцигѣ*, и что это происходитъ отъ существовавшей тамъ моды водить дѣтей на помочахъ; хвалитъ чистоту и опрятность Нюренберга; описываетъ мѣстоположеніе этого города, лежащаго на горахъ и представляющаго громаду набросанныхъ неправочно камней; говоритъ: что жители вѣрятъ, будто тамошній огромный и мрачный замокъ, стоящій на крутизнѣ, построенъ Нерономъ, и что онъ уродливостію своею достоинъ быть дворцомъ такого чудовища, ибо честный человѣкъ за всѣ престолы свѣта жить въ немъ

не согласится. Фонъ-Визинъ осмотрѣлъ въ этомъ замкѣ картины Альбрехта Дюрера, знаменитаго болѣе старинною, нежели искуствомъ, потому что въ его время живопись въ Европѣ была еще въ колыбели; отдастъ справедливость прекрасному собранію картинъ купца Вильда; внѣ себя отъ Нюренбергскаго пирожнаго, славнаго въ Европѣ; былъ въ Ратушѣ, украшенной картинами Дюрера, который родился въ Нюренбергѣ и много работалъ; называетъ тамошній театръ *чуланомъ*; посѣтилъ хорошихъ живописцевъ и художниковъ, которые умирали съ голоду на чердакахъ: купилъ у нихъ нѣсколько произведеній; осмотрѣлъ славный бронзовый фонтанъ, за который Императрица Екатерина II предлагала тридцать тысячь рублей, но за него просили пятдесятъ тысячь; любопытный арсеналъ, наполненный одеждою древнихъ рыцарей. «Удивительно» — пишетъ Фонъ-Визинъ — «какъ могли они таскать на себѣ такую тягость. Я «не совсѣмъ безсиленъ; но насилу поднялъ копье, «которымъ они воевали. — » 31 августа пріѣхалъ онъ въ Аугсбургъ, котораго окрестности прекрасны. И въ этомъ городѣ Фонъ-Визинъ посѣщалъ бѣдныхъ художниковъ; осматривалъ ихъ работу; нашелъ, что многіе изъ нихъ имѣли великія достоинства, но, какъ въ Нюренбергѣ, не могли сбывать своихъ произведеній; хвалитъ ситцевую фабрику, которая одѣваетъ ситцемъ самую Италію; былъ въ Ратушѣ, первой во всей Германіи: огромная зала прекрасно расписана и великолѣпнымъ образомъ раззолочена; ѣздилъ къ Францисканамъ; къ славному въ Европѣ органисту Штейлу; въѣхалъ (6 сентября) въ Альпійскія горы; хва-

лить исправность дорогъ. Въ Инспрукѣ, окруженномъ горами, осмотрѣлъ кельи Императора Максимиліана I; великолѣпный монументъ его и двадцать восемь бронзовыхъ статуй, выше человѣческаго роста, погребенныхъ Государей въ Францискаиской церкви; видѣлъ, на экзаменѣ солдатскихъ дѣтей, Эрцгерцогиню Елисавету, родную сестру Императора Іосифа II и Королевы Французской, на которую очень походила. Ей было тогда лѣтъ сорокъ, но она, лицомъ и живостью характера, казалась десятью годами моложе. Фонъ-Визинъ, хотя и прятался въ народѣ, со всѣмъ тѣмъ Эрцгерцогиня тотчасъ его примѣтила, узнавъ отъ Полиціи, что онъ пріѣхалъ въ городъ; нечувствительно выманила нашего путешественника изъ толпы, присылала ему каждый листочикъ экзамена и велѣла спросить чрезъ Гофмаршала: *будетъ ли онъ представляться?* — Фонъ-Визинъ отвѣчалъ, что намѣренъ выѣхать на другой день, почему предоставляетъ себѣ это счастіе на возвратномъ пути. — Эрцгерцогиня, безъ всякихъ церемоній, тотчасъ подошла къ нему и сказала: «*Хотя вы мнѣ и не представлены, но я слышу, что вы идете въ Италію: прошу васъ сказать мой поклонъ брату моему, Великому Герцогу Тосканскому, и сестрѣ моей, Королевѣ Неаполитанской.*» — Онъ отвѣчалъ, что почитаетъ за великое себѣ счастіе, исполнить ея повелѣніе. Потомъ Эрцгерцогиня долго разговаривала съ нимъ о разныхъ предметахъ, и весьма милостиво пожелала ему счастливаго пути. Фонъ-Визинъ отдаетъ справедливость доброму ея сердцу, пріобрѣтенной любви въ городѣ; но упоминаетъ, *что она огорчена своимъ бракомъ,*

который удалилъ изъ Инспрука одного приближеннаго къ ней Маіора.—Преддверіе Италіи, городъ Боценъ, окруженный также горами и лежащій въ ямѣ, испугалъ нашего путешественника своею нечистотою: не было въ немъ ни хорошаго хлѣба, ни чистой воды. Фонъ-Визинъ хвалитъ великолѣпную Ратушу; называетъ *адскимъ* театръ, построенный безъ половъ и на сыромъ мѣстѣ: комары выгнали его оттуда послѣ первой сцены; видѣлъ въ церквахъ много прекрасныхъ картинъ. Такуюжъ непріятность нашелъ онъ и въ Трієнтѣ, гдѣ былъ, однакожъ, восхищенъ прекраснымъ органомъ, находившимся въ соборной церкви, который подражалъ совершенно многимъ инструментамъ и птичьему пѣнію; любовался превосходною живописью Романипія. Въ этомъ городѣ Фонъ-Визинъ осмотрѣлъ древній замокъ Епископа, убранный великолѣпно, наполненный картинами великихъ мастеровъ. Его водили и въ погребъ Преосвященнаго, который находился въ деревнѣ: въ немъ было тогда нѣсколько сотъ огромныхъ бочекъ съ старымъ виномъ; отъ двухъ рюмокъ, Фонъ-Визинъ едва удержался на ногахъ. Онъ посѣтилъ и начальника города, Графа Валькенштейна, который показалъ ему свою картинную галлерею. Изъ Трієнта отправился (16 сентября) въ Верону водою. Приближаясь къ этому городу, нашъ путешественникъ обрадовался, что простился съ горами, *какъ будто былъ выпущенъ изъ тюрьмы.* «Верона—пишетъ онъ «городъ многолюд-«ный, большой, черномазый, и какъ всѣ Италіянскіе, «не провонялый, но прокислый. Вездѣ пахнетъ капу-«стою и гнилымъ виноградомъ, который держатъ въ

«погребахъ; на каждомъ шагу встрѣчаешь нищихъ, «почти нагихъ, высохшихъ отъ голоду и мучимыхъ «какою-нибудь отвратительною болѣзнію.» — Здѣсь Фонъ-Визинъ смотрѣлъ картины и прекрасные антики: у Графа Бевилакви, Графа Турки, Маркиза Жерарднни; брата покойнаго Чнверонія, славнаго живописца; Графа Ротарія, и восхищался безсмертными произведеніями Павла Веронеза въ женскомъ Георгіевскомъ монастырѣ; былъ въ саду Графа Юстія, разведенномъ на большой каменной горѣ, внизъ уступами, откуда видѣнъ весь городъ; въ древнемъ славномъ амфитеатрѣ, въ которомъ свободно помѣщались 22,000 человѣкъ, а тогда прогуливались во множествѣ одни ящерицы; на *плацъ-дармъ*, гдѣ поставлена статуя Венеціянской Республики; на плацѣ *de Signori*, гдѣ Ратуша, на которой стоятъ статуи древнихъ знаменитыхъ Веронезцевъ; видѣлъ *porto del Pallio*; трое Римскихъ торжественныхъ воротъ; Оперный домъ; всю Маффееву коллекцію сдѣланныхъ въ стѣнѣ древнихъ монументовъ, надписей и статуй; залу Филармонической Академіи; церковь госпитальную; *campus Martius*, прекрасное поле за городомъ, гдѣ бываетъ два раза въ году ярмарка; кладбище фамиліи Скалигеровъ, правившей Вероною сряду нѣсколько сотъ лѣтъ: хвалитъ великолѣпныя гробницы, особливо три монумента, съ которыхъ выгравированы эстампы; присутствовалъ на игрѣ въ мячи: каждый удачный ударъ сопровождался крикомъ и рукоплесканіями многочисленнаго народа. Изъ Вероны, Фонъ-Визинъ выѣхалъ 19 сентября; ужиналъ въ тотъ день въ Мантуѣ, и на другой пріѣхалъ въ Модену, гдѣ видѣлъ

картинную галлерею, манускрипты XV и XVI столѣтій; хвалитъ Библію, молитвенникъ и Данта, миніатюры, помѣщенныя на поляхъ каждаго листа, сохранившія яркій свой колоритъ. 21 числа вечеромъ путешественникъ нашъ былъ уже въ Болоньи, гдѣ, во время ужина, дали ему прекрасный концертъ подъ окнами, за который онъ заплатилъ только четверть рубля. Деньги эти приняты съ великою благодарностію. Концерты каждый день повторялись. 22 сентября онъ видѣлъ славный Институтъ, описаніе котораго требовало-бы цѣлой книги, столько въ немъ любопытныхъ предметовъ; болѣе трехъ часовъ осматривалъ ихъ; анотомическая камера въ особенности обратила его вниманіе. Оттуда Фонъ-Визинъ ѣздилъ въ соборную церковь; въ *Palais Zampieri*, гдѣ показывали ему первую Гвидову картину Петра Апостола, въ которой всѣ части искуства соединены совершенно; былъ во многихъ домахъ, принадлежащихъ Болонскимъ Сенаторамъ, великолѣпно убранныхъ, вмѣщавшихъ множество картинъ великихъ мастеровъ, которыя переходятъ отъ предковъ къ потомкамъ по духовнымъ, съ запрещеніемъ выпускать ихъ изъ фамиліи; осмотрѣлъ церковь Св. Петронія, одну изъ величайшихъ въ Италіи; видѣлъ Оперу *Buffo*; восхищался фасадою, лѣстницею и украшеніями *Palais Ranuzzi*; былъ въ Университетѣ; въ разныхъ церквахъ и дворцахъ; у лучшихъ живописцевъ; выѣхалъ 26 сентября изъ Болоньи: хвалитъ городъ, климатъ, но не людей, мстительныхъ, вѣроломныхъ, которые, становясь за дверью съ ножемъ, часто, ошибкою, вмѣсто одного, умерщвляютъ другаго

злодѣйскимъ образомъ, нападая сзади. 27 сентября пріѣхалъ въ Флоренцію. Здѣсь видѣлъ славную галлерею Великаго Герцога (который находился тогда въ Пизѣ), одну изъ первыхъ въ Европѣ, соединенную съ дворцемъ *Palazzo Pitti*. Рафаэлева Богородица, картины дель-Сартовы, Венера Тиціанова и статуя *Venus de Medicis*, всего болѣе обратили вниманіе нашего путешественника. Онъ называетъ ихъ *прямыми Государственными сокровищами*. Множество молодыхъ живописцевъ снимали копіи съ славныхъ картинъ: Фонъ-Визинъ видѣлъ тутъ и галерею и школу; хвалитъ кабинетъ Натуральной Исторіи, найденный имъ въ чрезвычайномъ порядкѣ, содержащій весьма рѣдкія вещи. Лучшая комната въ галереѣ, восьмиугольная, въ которой окна въ самомъ верху, называется *Трибуна*. Въ ней были помѣщены двадцать четыре картины извѣстнѣйшихъ художниковъ и любопытнѣйшія статуи, въ томъ числѣ Венера Медицейская. Изъ картинъ, Фонъ-Визинъ велѣлъ списать для себя: *une Mère de douleur d' André del Sarto*, три Рафаэлевы и Богоматерь Карла Дольчи. Двѣ комнаты наполнены портретами великихъ живописцевъ, писанными собственною ихъ кистью. Въ галереѣ показывали и прекрасное собраніе древнихъ вазъ. «Въ ней столько сокро«вищъ» — говоритъ Фонъ-Визинъ — «что можно од«ною ею цѣлый годъ заняться.» — *Palazzo Pitti* стоитъ на холмѣ; дворецъ не большой, но великолѣпно убранный; двѣ залы были расписаны *альфреско* съ удивительнымъ искуствомъ. Одну изъ нихъ украшала, въ числѣ многихъ картинъ великихъ мастеровъ, Рафаэлева Богоматерь, извѣстная подъ именемъ *Madon-*

na della Sedia. Жена Фонъ-Визина съ полчаса стояла передъ нею, не спуская глазъ, и не только купила копію масляными красками, но заказала миніатюру и рисунокъ. — Позади дворца находится садъ *Boboli*: онъ состоитъ изъ террасъ и украшенъ многими фонтанами; видъ въ него изъ внутреннихъ комнатъ прекрасный. Продолжая обозрѣвать любопытнѣйшія зданія въ городѣ, нашъ путешественникъ былъ въ соборной церкви, огромной и покрытой цвѣтнымъ мраморомъ; называетъ ее *монументомъ древняго республиканскаго великолѣпія;* видѣлъ другую занимательную церковь, въ которой крестятъ всѣхъ безъ исключенія младенцевъ: бронзовыя двери ея съ прекрасными барельефами прозваны *райскими.* Изъ увеселительныхъ домовъ отдаетъ преимущество *Poggio Imperiale*: хвалитъ простую, но благородную архитектуру его, многія хорошія картины. Нашелъ отличный порядокъ и примѣрную чистоту въ Госпиталѣ; говоритъ, что не только въ Италіи, но и у насъ въ Россіи, многіе зажиточные люди не спятъ на такихъ хорошихъ постеляхъ, какъ больные нищіе въ Флоренціи. Театры для серьезной и комической оперы называетъ великолѣпными, только дурно освѣщенными. «*Дамы* «*не любятъ*» — пишетъ Фонъ-Визинъ — «чтобъ ихъ «проказы видны были. Всякая сидитъ съ своимъ чи- «чисбеемъ и не хочетъ, чтобъ свѣтъ мѣшалъ ихъ «амуру. Развращеніе нравовъ въ Италіи несравненно «больше самой Франціи. Здѣсь день свадьбы есть день «развода. Всякая дама безъ чичисбея была-бы пре- «зрѣна всею публикою, потому что ее почитали бы «недостойною обожанія, или старухою. Изъ сего проис-

«ходитъ, что здѣсь нѣтъ ни отцовъ, ни дѣтей. Дворян-«ство отъ того въ крайней бѣдности и въ крайнемъ «невѣжествѣ. Всякой разоряетъ свое имѣніе, зная, что «прочить его не кому; а молодой человѣкъ, ставъ чи-«чисбеемъ лишь только вышедъ изъ ребятъ, не имѣетъ «уже ни минуты времени учиться, потому что, кромѣ «спа, неотступно живетъ при лицѣ своей дамы, и какъ «тѣнь шатается за нею. Надобно знать, что жена, про-«снувшись, уже не видитъ мужа до тѣхъ поръ, какъ «спать ложиться надобно. Въ Генуѣ этотъ обычай до-«шелъ до такого безумія, что если публика замѣтитъ «мужа съ женою вмѣстѣ, то закричитъ, засвищетъ, «захохочетъ и прогонитъ бѣднаго мужа. Во всей Ита-«ліи дама съ дамою одна никуда не поѣдетъ и никуда «показаться не можетъ. Словомъ сказать, дурачествамъ «нѣтъ конца.» — Говоря о нравѣ народа, склоннаго къ обманамъ, Фонъ-Визинъ приводитъ въ примѣръ одинъ случай: въ Флоренціи знакомый ему купецъ пригласилъ его къ Маркизу Гвадани, у котораго были продажныя картины. Нашъ путешественникъ дѣйствительно нашелъ въ огромномъ, великолѣпномъ домѣ нѣсколько залъ, убранныхъ картинами. На вопросъ: чего стоила одна изъ нихъ, выдаваемая хозяиномъ за Гвидо-Рени, который, будто, перешелъ къ нему отъ его прародителей?—Маркизъ отвѣчалъ: «Самая малая цѣна «оной тысячу червонныхъ.» Фонъ-Визинъ выпросилъ картину на домъ, чтобы посовѣтоваться съ своею женою, и созвалъ всѣхъ лучшихъ живописцевъ. Каждый оцѣнилъ мнимаго Гвидо-Рени въ пять или шесть червонныхъ. Маркизъ чрезвычайно разсердился на художниковъ, но передъ отъѣздомъ Фонъ-Визина изъ

Флоренціи, имѣлъ безстыдство предложить ему ту самую картину за десять червонныхъ. Фонъ-Визинъ отвѣчалъ: *что онъ не намѣренъ покупать дряни.* — 8-го ноября нашъ путешественникъ пріѣхалъ въ Пизу. Вспоминая древнюю Исторію этого города, онъ пришелъ въ уныніе, видя суетность мірскихъ дѣлъ: площадь, украшаемая великолѣпнѣйшею соборною церковью; высокою, вспящею башнею, которая, кажется, совершенно падаетъ; огромнымъ зданіемъ *Batisterio*, гдѣ крестятъ младенцевъ, и *Compo Santo*, то есть: галереею, прелестною своей архитектурою, гдѣ 650 мертвыхъ тѣлъ погребены подъ монументами въ землѣ, привезенной изъ Іерусалима рыцарями — заросла травою, и въ будни не было тутъ живаго человѣка! — Хвалитъ бани, окрестности города; но объ Университетѣ говоритъ, что въ немъ Профессоры совершенные невѣжды во всемъ томъ, что за Альпійскими горами дѣлается; кромѣ Италіянскаго языка, другаго не знаютъ. — Изъ Пизы Фонъ Визинъ ѣздилъ въ Лукку, родину предковъ своего благодѣтеля, Графа Панина: удивляется, какимъ образомъ этотъ маленькій городокъ могъ сохранять еще свою независимость, когда всѣ окружающіе его города давно ее потеряли; осмотрѣлъ соборную и прочія церкви, также Княжескій домъ; провелъ два дни въ Ливорнѣ, небольшомъ, но многолюдномъ, веселомъ городкѣ по причинѣ морской пристани; возвратился снова въ Пизу, откуда выѣхалъ 14 ноября. Въ Сіенѣ осматривалъ: Консисторію, соборную церковь и Августинскую; любовался въ первой изъ нихъ альфресками съ Рафаэлевыхъ рисунковъ; 17-го числа пріѣхалъ въ Римъ. Здѣсь видѣлъ онъ: Ро-

тонду, Музеумъ Капитольный, столпы, Музеумъ Ватиканскій и прочіе памятники древности, и называетъ художниковъ новѣйшихъ временъ: *ребятишками*. «Изъ «сего — пишетъ Фонъ-Визинъ — «исключается одна «церковь Св. Петра, которая можетъ почесться чу- «домъ, какъ-будто создана Богомъ для Самого Себя, «которую чѣмъ больше видишь, тѣмъ больше видѣть «хочешь; но и въ ней — многое совершенно хорошо по- «тому, что подражали древнимъ: куполъ — подражаніе «Ротондѣ; статуи и живопись во вкусѣ древнихъ. Я «былъ въ ней уже разъ съ тридцать и не могу зрѣ- «ніемъ насытиться. Въ ней есть двѣ вещи, которыя «похожи на волшебство: первое то, что, при вели- «чинѣ безмѣрной, ничто не кажется колоссальнымъ, на «примѣръ, по бокамъ поставлено по два ангела, ко- «торые кажутся росту младенческаго; но, подошедъ «ближе, удивишься, какой они величины и огромно- «сти. Второе то, что лѣтомъ найдешь въ церкви «животворящую прохладу, а зимою она такъ тепла, «какъ-бы натоплена была. О величинѣ ея можно «судить по нѣсколькимъ придѣламъ, изъ которыхъ «каждый больше Московскаго Успенскаго Собора.» — Въ Римѣ, Фонъ-Визинъ посѣщалъ лучшія общества; былъ и у Принцессы Санта-Кроче, къ которой съѣзжался весь городъ на конверсацію: у этой знатной госпожи не горѣло на крыльцѣ ни одной плошки; надобно было брать свой фонарь, чтобы взлѣзать на лѣстницу; въ каждой комнатѣ находилась лампадочка съ масломъ; гостей ничѣмъ не подчивали, даже стаканомъ воды, между тѣмъ, какъ тѣснота и духота были нестерпимыя. Господа содержали слугъ своихъ на самомъ

маломъ жалованьѣ: если кто пріѣзжалъ къ нимъ съ визитомъ, на другой день слуги являлись къ гостю просить денегъ. Въ Римѣ установлена обычаемъ такса: Кардинальскимъ служителямъ платили шестьдесятъ копѣекъ, а прочимъ по тридцати. Камердинеръ Фонъ-Визина, *Семка*, иначе не докладывалъ о нихъ, какъ: *пришли, сударь, нищіе.* Господа, по прошествіи нѣкотораго времени, дѣлили межлу ними кружку. Бѣдность въ народѣ была безпримѣрная: проспвшіе подаянія не имѣли ни одежды, ни обуви; ходили по улицамъ, какъ скелеты, лѣтомъ въ одеждѣ нашего праотца Адама; зимою прикрытые лохмотьемъ, съ обнаженными животами; лежали у церквей, подъ дождемъ и градомъ. Злодѣй, умертвя человѣка, бросался въ храмъ, откуда его, по законамъ, никакая власть уже взять не могла. Каждый человѣкъ носилъ съ собою большой ножъ, одинъ для нападенія, другой для обороны. Въ январѣ 1785 года, Фонъ-Визинъ ѣздилъ въ Неаполь, но, къ сожалѣнію, неизвѣстно, куда дѣвалось описаніе его путешествія. Онъ возвратился въ Римъ къ концу карнавала. Въ Папскихъ областяхъ сдѣлана была тогда новая дорога, и съ проѣзжающихъ брали тройные прогоны: за новую дорогу, по которой ѣздили; за старую, по которой не было проѣзда, и за выставку лошадей съ старой почты на новую. Фонъ-Визинъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ народныхъ дурачествъ во время карнавала, особливо въ послѣдній день, то есть при погребеніи масляницы: народъ хоронилъ ее со свѣчами. На первой недѣли великаго поста былъ онъ, съ женою, въ церкви Св. Сабины, гдѣ смотрѣли процессію кающихся: множество людей, въ мѣшкахъ на головахъ

съ прорѣзанными глазами, босикомъ, въ предшествованіи двухъ скелетовъ, шли по улицамъ, по два въ рядъ, и пѣли стихи покаянія. По видимому, первый день поста (исключая Страстной недѣли, посвященной богослуженію), былъ и послѣдній: начались концерты. Нашъ путешественникъ былъ приглашенъ Сенаторомъ Реконито и Кардиналомъ Бернисомъ. Вскорѣ тяжкая болѣзнь, отъ которой почувствовалъ Фонъ-Визинъ слабость нервовъ и онѣмѣніе лѣвой руки и ноги, воспрепятствовала ему осматривать городъ; но въ началѣ марта онъ получилъ облегченіе, началъ прохаживаться по комнатѣ, и на Страстной недѣлѣ могъ уже выѣзжать. Въ Вербное Воскресенье, по утру въ девять часовъ, въ Сикстовой церкви, Папа роздалъ вербы Кардиналамъ, съ которыми около храма была процессія. Одинъ изъ Кардиналовъ служилъ обѣдню. Музыка была вокальная, потому что инструментальной при самомъ Папѣ не бываетъ. Въ этотъ день въ церкви Св. Петра всѣ образа закрываютъ черными завѣсами и красота храма помрачается съ наступленіемъ дней плачевныхъ. Въ понедѣльникъ и вторникъ Страстной недѣли не происходило ничего примѣчательнаго; но въ среду, послѣ обѣда, была вечерня въ Сикстовой церкви. Папа не присутствовалъ; Кардиналъ и знатное духовенство сидѣли на своихъ мѣстахъ. Служба началась плачемъ Іереміинымъ. Одинъ голосъ болѣе читалъ, нежели пѣлъ; но это заунывное чтеніе продолжалось слишкомъ долго, и подлинно на плачь походило. Потомъ одинъ за другимъ въ три голоса читалъ Евангеліе; образъ чтенія понравился Фонъ-Визину: у всѣхъ голоса были прекрасные.

Одинъ читалъ слова Христовы, другой того съ кѣмъ Онъ бесѣдовалъ, а третій историческую часть Евангелія; народныя же рѣчи пѣлъ весь хоръ. Это чтеніе подходило близко къ пѣнію, и хотя всякое слово выговаривалось, но тономъ весьма жалостнымъ и естественнымъ. Наконецъ погасили въ церкви всѣ свѣчи; сдѣлалось глубочайшее молчаніе: всѣ встали на колѣни, и пѣвчіе начали пѣть славной *miserere*, сочиненіе Аллегріево. «Ничто въ свѣтѣ»—говоритъ Фонъ-Визинъ—«не можетъ такъ тронуть душу, какъ это пѣніе. Музы«ка столь проста, что тѣ, кои видятъ ее написанную на «бумагѣ, удивляются, откуда происходитъ неизрѣченная «красота ея. Приписываютъ ее нѣкоторому особливому «мастерству пѣвцовъ, которые умѣютъ вдругъ усилить «и ослабить тонъ, ускорить или продлить въ нѣкото«рыхъ словахъ такты; одну строфу поютъ скорѣе, нежели «другую, и проч. И дѣйствительно, въ Вѣнѣ и Петербур«гѣ эта самая музыка не имѣла съ здѣшнею никакого «сходства.»—Вечеромъ смотрѣлъ Фонъ-Визинъ церемонію въ *Trinita di pelerini:* въ огромной залѣ поставлены были возлѣ стѣнъ возвышенныя лавки, на которыхъ сидѣли больные нищіе. Нѣсколько Кардиналовъ и знатное духовенство умывали имъ ноги, обрѣзывали ногти, перевязывали больнымъ раны, и наконецъ, поцѣловавъ ноги, давали нищимъ милостыню. Между тѣмъ какъ это происходило, бѣдные ужинали въ другой такой же залѣ: имъ служили тринадцать Кардиналовъ съ помощію духовенства. Въ третьей залѣ угощали вечернимъ столомъ неимущихъ женщинъ Принцессы и другія знатныя дамы. Въ Четвергъ, Фонъ-Визинъ съ утра до вечера находился на ногахъ:

въ восемь часовъ по полуночи была обѣдня, въ присутствіи Папы въ церкви Сикстовой, изъ которой потомъ онъ вынесъ Святыя Тайны въ церковь Пантеона съ большею церемоніею. Тогда Папа изъ средняго окна или ложи Св. Петра показался стоящему на площади народу: «Сперва»—пишетъ Фонъ-Визинъ—«произнесъ онъ проклятіе намъ грѣшнымъ, т. е. «всѣмъ не признающимъ его вѣру за правую; а по«томъ благословилъ народъ.» Этой церемоніи помѣшала дождливая погода, и площадь была довольно просторна. Послѣ сего происходило умовеніе ногъ тринадцати *пилигримамъ* (богомольщикамъ), отправленное самимъ Папою. Онъ мылъ сперва ногу, потомъ, поцѣловавъ ее, подавалъ полотенцо, милостыню, или дарилъ пилигриму на этотъ случай сдѣланную картину. По окончаніи церемоніи, Фонъ-Визинъ смотрѣлъ, какъ Папа съ великимъ смиреніемъ служилъ, во время обѣденнаго стола, тѣмъ самымъ пилигримамъ. Послѣ обѣда была та же служба, что и въ Среду, въ Сикстовой церкви, но въ присутствіи Папы. *Miserere* было другаго автора, весьма хорошаго, но далеко отъ перваго. Оттуда ѣздилъ онъ въ лучшія церкви смотрѣть плащаницы, изъ которыхъ одна другую превосходила великолѣпіемъ. Часу въ девятомъ вечера, снова пошелъ въ церковь Св. Петра. Сто лампадъ, обыкновенно день и ночь горящихъ предъ гробомъ Апостоловъ, равно какъ и всѣ свѣчи, были погашены; огромный храмъ, покрытый внутри черными завѣсами, освѣщался только висѣвшимъ среди онаго большимъ, великолѣпно иллюминованнымъ крестомъ, въ знакъ того, что во время страдальческой Христовой кончи-

ны, Церковь Его весь свой свѣтъ не могла заимствовать ни отъ чего иного, какъ отъ единаго креста. «Мысль высокая» — говоритъ Фонъ-Визинъ — «и въ «Христіанскомъ законѣ истинная!» — Народу въ храмѣ было множество; въ разныхъ мѣстахъ сидѣли живописцы, и рисовали архитектурныя перспективы, происходившія отъ этого освѣщенія. Въ Пятницу по утру Кардиналы служили обѣдню въ присутствіи Папы, по окончаніи которой онъ босыми ногами подошелъ ко кресту, и упавъ на землю, къ нему приложился, ибо крестъ положенъ былъ на полъ. Кардиналы и духовенство сдѣлали тоже. Послѣ обѣда была обыкновенная вечерня въ Сикстовой церкви съ первымъ *miserere*; оттуда Папа ходилъ въ церковь Св. Петра, гдѣ, какъ наканунѣ, одинъ крестъ освѣщалъ внутренность храма. Папа сталъ со всѣмъ народомъ на колѣни; одинъ изъ Кардиналовъ вынесъ на высокій балконъ часть истиннаго Креста, истинный Нерукотворенный образъ и копье, коимъ ребро Христово было уязвлено воиномъ. Народъ съ благоговѣніемъ поклонялся этой святынѣ. Наконецъ Папа вышелъ изъ храма, и тѣмъ кончился вечеръ.—Въ Великую Субботу, въ самый полдень, пушечный выстрѣлъ съ крѣпости Св. Ангела далъ знать, что Христосъ воскресъ. Фонъ-Визинъ думалъ, что народъ въ ту минуту съ ума сошелъ. По всѣмъ улицамъ раздался ужасный крикъ; со всѣхъ дворовъ началась стрѣльба, и бѣднѣйшіе люди, набивъ горшки порохомъ, стрѣляли. Начался въ церквахъ колокольный звонъ, который дня три уже не былъ слышенъ: ибо, вмѣсто колоколовъ, въ это печальное время сзывали народъ въ церкви трещотками. Необы-

чайшая радость продолжалась съ часъ; потомъ всѣ понемногу успокоились, и до другаго дня во всемъ городѣ была такая тишина, какъ на Страстной недѣлѣ. — Въ Свѣтлое Воскресеніе Папа служилъ обѣдню въ церкви Св. Петра. Онъ въ этомъ храмѣ служитъ только четыре раза: въ Рождество, въ Свѣтлое Воскресеніе, въ Троицынъ и въ Петровъ день. Служеніе его весьма великолѣпно; «но это великолѣпіе» — пишетъ Фонъ-Визинъ — «походитъ болѣе на свѣтское торжество, «нежели на торжественное богослуженіе. Я видѣлъ бо«лѣе Государя, нежели Первосвященника; болѣе при«дворныхъ, нежели духовныхъ учениковъ. Знатнѣйшія «здѣшнія особы, Кардиналы, служатъ ему со всѣмъ «рабскимъ униженіемъ, и минуту спустя, отъ подчи«ненныхъ своихъ, со всею гордостію, требуютъ раб«скаго предъ собою униженія. Вообще сказать, Пап«ская служба есть не что иное, какъ обожаніе самаго Па«пы; ибо даже обрядъ поклоненія отъ твари Создателю «довольно гордъ: не Папа приходитъ къ престолу при«чащаться, но, освятя Св. Дары, носятъ ихъ къ нему «на тронъ, а онъ на встрѣчу къ нимъ ни шагу не «дѣлаетъ! Гвардія его, во время обѣдни въ шляпахъ «и съ алебардами окружающая престолъ, на которомъ «приносится жертва Богу, отнимаетъ всякую мысль, «чтобы тутъ эта жертва была *духъ сокрушенъ*, и по«казываетъ только духъ Папскаго любоначалія. Послѣ «обѣдни посадили Папу на кресла, и понесли на верхъ, «къ тому среднему окну, изъ котораго онъ въ чет«вергъ на Страстной недѣлѣ давалъ народу благосло«веніе, и нынѣ повторялъ тоже. День былъ прекрас«ный! Обширная площадь Св. Петра, которой нигдѣ

«нѣтъ подобной; великолѣпная колоннада; безчисленное «множество народа, ставшаго на колѣни при появле«ніи Папы; глубокое молчаніе предъ благословеніемъ, «и наконецъ, послѣ онаго, громъ пушекъ и звонъ ко«локоловъ — все это приводило въ восхищеніе!» — Въ понедѣльникъ Святой недѣли, предъ полуночью, былъ зажженъ съ крѣпости Св. Ангела фейерверкъ; во вторникъ онъ повторенъ. Тѣмъ кончилось торжество Святой недѣли. — Фонъ-Визинъ скучалъ въ Римѣ, жилъ только съ картинами и статуями, и *боялся, чтобъ самому не превратиться въ бюстъ;* Французскихъ газетъ, кромѣ Кардинала Бернса, никто не получалъ; Вольтеръ, Руссо и почти *всѣ умные авторы* были запрещены; продавались только Латинскія каноническія книги. Въ концѣ Святой недѣли были два концерта, у Кардинала Бернса и Сенатора Реконнго, на которые приглашенъ Фонъ-Визинъ. Онъ осмотрѣлъ потомъ Тиволи, Фраскати и прочія любопытныя мѣста; 20 апрѣля выѣхалъ изъ Рима, гдѣ пріобрѣлъ любовь не только знатныхъ особъ, но и народа: въ день его отъѣзда улица сперлась отъ множества людей; народъ кричалъ въ слѣдъ ему. Путешествіе его Апенпинскими горами было сопряжено съ большею опасностію, ибо на каждомъ шагу Фонъ-Визинъ встрѣчалъ глубокія пропасти, ничѣмъ не загороженныя. Отъ города Фолиньи своротилъ онъ (22 апр.) въ сторону верстъ тридцать, чтобы видѣть городъ Перуджіо, славный картинами великихъ мастеровъ; ѣхалъ туда долинами, оживлялъ чувства свои благоуханіемъ цвѣтовъ, которыми усыпаны были поля. Перуджіо построенъ на прекрасной и пологой горѣ, простираю-

щейся отъ подошвы на пять верстъ; она вся покрыта загородными домами и садами. Онъ провелъ тамъ 24 число, и на другой день возвратился въ Фолиньи, гдѣ нашелъ жителей въ страшномъ испугѣ отъ бывшаго наканунѣ землетрясенія, которое повредило нѣкоторыя зданія; народъ, оставляя жилища, спалъ подъ открытымъ небомъ, на дорогѣ. 26 апрѣля нашъ путешественникъ прибылъ въ Лоретто, гдѣ цѣлый день осматривалъ сокровища, собираемыя со всего свѣта. «Донынѣ» — пишетъ онъ — «всѣ добрые Католики «вѣрятъ, что икона Богоматери и домикъ, въ кото«ромъ она жила въ Назаретѣ, перенесены оттуда ночью «Ангелами и поставлены на томъ мѣстѣ, на которомъ «храмъ воздвигнутъ.» 27 апрѣля Фонъ-Визинъ ѣхалъ берегомъ Венеціянскаго залива; 28 числа прибылъ въ Болонью; осмотрѣлъ за городомъ монастырь Св Луки, сооруженный на горѣ и знаменитый образомъ Божіей Матери, писаннымъ Святымъ Евангелистомъ. 30 апрѣля почевалъ въ Моденѣ; 3 мая пріѣхалъ въ Парму, гдѣ занялся обозрѣніемъ многихъ церквей, Академіи, старинnаго театра; видѣлъ нѣсколько картинъ славнаго Корреджіо. На другой день былъ въ Плезансѣ: ходилъ по ярмаркѣ; провелъ вечеръ въ оперѣ. Въ Миланѣ пробылъ пять дней: Маркизша Палавичини, первая дама въ городѣ, вездѣ сопровождала Фонъ-Визина и жену его. Венеція ему не полюбилась: онъ нашелъ въ этомъ городѣ людей, которые живутъ и движутся на одной водѣ, для которыхъ вся красота природы совершенно погибла, и которые, чтобъ сдѣлать два шага, должны ихъ переплыть. Зданія старинныя и черныя, нѣсколько тысячь гондолъ, похо-

жихъ на гробъ и выкрашенныхъ черною краскою (ибо другая запрещена), представляютъ погребеніе, тѣмъ болѣе, что Венеціяне ѣздятъ въ нихъ лежа. Къ сему должно присоединить нестерпимые жары и страшную вонь изъ каналовъ. Изъ Венеціи (гдѣ Фонъ-Визинъ пробылъ только двое сутокъ) онъ пріѣхалъ въ Вѣну въ совершенно разстроенномъ состояніи здоровья: по-кааль пособія славнаго медика, Г. Столя; отправился потомъ въ Баденъ, городокъ, отстоящій на три мили отъ Вѣны; началъ принимать тамъ бани съ 16 іюня; но онѣ могли только поддержать угасавшую жизнь его — болѣзнь была неизлечима. Чтеніе книгъ разгоняло скуку Фонъ-Визина. Возвратясь на родину, онъ прибѣгнулъ въ Москвѣ къ электризаціи: и это средство осталось безполезно. Въ половинѣ 1786 года, Фонъ-Визинъ, по совѣту Столя, предпринялъ второе путешествіе въ Вѣну, *съ разтерзаннымъ горестію сердцемъ*, и въ это время, когда тяжкая болѣзнь сопровождалась душевною, когда въ лѣтахъ возмужалыхъ чувствовалъ онъ себя неспособнымъ болѣе наслаждаться жизнію, быть полезнымъ гражданиномъ, сохранялъ еще веселость права: упоминаетъ, что въ Калугѣ хозяйка его, *дѣвушка замаетерѣвшая*, Мароа Петровна, *великая богомолка*, молилась за него громогласно, вопія: «спаси его, Господи, отъ скорби, печали и *за-падной* (вмѣсто *внезапной*) смерти!» — что одна гостья Мароы Петровны, играла роль предвѣщательницы, и устремя на страдальца свои буркалы, говорила ему жалкимъ голосомъ: «Ты не жилецъ, батюш-ка!» — «Вотъ на!» — отвѣчалъ ей Фонъ-Визинъ — «я еще тебя переживу.» — «Нѣтъ, батюшка» — про-

должала она — «тебѣ не доѣхать, куда ѣдешь.» — Такое непріятное предсказаніе и слезы жены сдѣлали языкъ больнаго еще тупѣе, и онъ не могъ продолжать разговора. — Въ Карачевѣ Фонъ-Визины остановились у купца Масленикова, который имѣлъ на глазу шишку съ кулакъ. Онъ, смотря на немощи Дениса Ивановича (не владѣвшаго рукою, ногою и находившагося почти безъ языка), выразилъ свое соболѣзнованіе словами: «Жаль, что болѣзнь дѣлаетъ васъ «столь безобразнымъ.» — «Правда» — отвѣчалъ больной — «однако я моимъ состояніемъ не промѣняюсь на «ваше. Мнѣ кажется, что шаръ, который носите вы «на глазу, гораздо безобразнѣе хромоты и прочихъ «моихъ несчастій.» — Въ Кіевѣ онъ былъ въ Соборной церкви; называетъ ее прекрасною, но весьма далекою отъ Римской, Св. Петра; въ Софійскомъ монастырѣ, гдѣ нашелъ нѣсколько мозаической работы; въ пещерахъ, *которыя* — какъ изъясняется Фонъ-Визинъ — *вселяютъ въ душу благоговѣніе;* въ монастыряхъ: Михайловскомъ, Флоровскомъ и Богоявленскомъ. Дальнѣйшее путешествіе его въ Карлсбадъ неизвѣстно. — Воды продолжали поддерживать остатокъ жизненныхъ силъ Фонъ-Визина: онъ услаждалъ душевную скорбь чтеніемъ; сочинялъ разныя статьи, въ сатирическомъ духѣ; намѣревался издавать, въ 1788 году, журналъ, подъ названіемъ: *Другъ честныхъ людей или Стародумъ, періодическое сочиненіе, посвященное истинѣ;* но вскорѣ лишился возможности заниматься. Еще разслабленный боролся со смертію какъ она внезапно сразила, на высотѣ величія и славы, въ силѣ мужества, исполина тѣхъ временъ, вели-

колѣпнаго Князя Таврпды, 5 октября 1791 года. Дрожащею рукою Фонъ-Визинъ написалъ тогда размышленіе о суетной жизни человѣческой. — «*Видѣхъ человѣка яко кедры Ливанскія, мимо идохъ — и се не бѣ!*» — упомпнаетъ онъ въ своемъ сочпненіп. «Теперь — говоритъ въ концѣ — «обращу «разсужденіе на самаго себя. Всѣмъ знающимъ меня «извѣстно, что я стражду отъ слѣдствія удара апо- «плексическаго; не болѣе какъ въ теченіе года, пора- «зили меня четыре таковыхъ удара; но Господь, за- «щитникъ живота моего, всегда отвращалъ возпес- «шуюся на меня злобу смерти; Его святой волѣ угод- «но было лишить меня руки, ноги и части употре- «бленія языка: *наказуя наказа мя Господь, смерти «же не предаде.* По сіе лишеніе почитаю я дѣйствіемъ «безконечнаго Его ко мнѣ милосердія; ибо воспомп- «ная, что лишился я пораженныхъ членовъ въ самое «то время, когда, возвратясь изъ чужихъ краевъ, «уносилъ былъ мечтою о моихъ знаніяхъ, когда без- «умное на разумъ мой надѣяніе изъ мѣръ выходило, «и когда, казалось, представлялся случай къ возвы- «шенію въ суетную знаменитость, тогда Всевидецъ, «зная, что таланты мои могутъ быть болѣе вредны, «нежели полезны, отнялъ у меня способы изъяснять- «ся словесно и письмено, и просвѣтилъ меня въ раз- «сужденіи меня самаго. Съ благоговѣніемъ пошу я «наложенный на меня крестъ, и не престану до конца «жизни моей восклицать: *Господи! благо мнѣ, яко «смирилъ мя еси!*» — Черезъ годъ кончились въ С. Петербургѣ его семилѣтнія страданія, 1 декабря 1792, на 48 отъ рожденія. – Денисъ Ивановичъ Фонъ-Ви-

зинъ, первый прозаикъ своего времени, отличался пылкимъ, бѣглымъ умомъ, щедростію, услужливостію, откровеннымъ нравомъ, пріятнымъ обхожденіемъ и остротою, — за которую страдалъ неоднократно; нѣжно любилъ родителей своихъ, жену и кровныхъ; былъ счастливъ только въ кругу ихъ; употреблялъ силу свою въ пользу нуждавшихся; просилъ не для себя, но для другихъ; помнилъ благодѣянія; осмѣивалъ порокъ; говорилъ о вельможахъ: «большіе бояра, когда «держатся въ черномъ тѣлѣ, всего любезнѣе на свѣтѣ; «а какъ скоро изъ него выходятъ, то всѣхъ людей «становятъ прахомъ предъ собою, и думаютъ, что «царствію ихъ не будетъ конца»: — о самомъ себѣ: «перо мое никогда не было и не будетъ омочено ни «ядомъ лести, ни желчью злобы.» — «Дѣти!» — говорилъ онъ также питомцамъ Московскаго Университета, сидя въ церкви въ болѣзненномъ состояніи — «возьмите меня въ примѣръ; я наказанъ за свое воль- «подумство: не оскорбляйте Бога ни словами, ни мы- «слію!» Сочиненія его, напечатанныя порознь, съ 1764 года, и въ разныхъ современныхъ журналахъ, собраны потомъ Платономъ Петровичемъ Бекетовымъ и изданы въ Москвѣ, 1830 года, въ четырехъ частяхъ. Кромѣ двухъ комедій, *Бригадира* и *Недоросля*, о которыхъ упомянуто въ этой біографіи, Фонъ-Визинъ написалъ еще третью: *Выборъ Гувернера*, въ трехъ дѣйствіяхъ. Изъ стихотвореній его извѣстны три: 1) *Къ уму моему*. 2) *Посланіе къ слугамъ моимъ: Шумилову, Ваньки и Петрушки*. 3) *Лисица-Кознодѣй, басня*. — и 4) *Матюшка, разнощикъ* — не напечатано. — Въ числѣ мелкихъ сочиненій занимательны: 1)

Письма изъ Франціи и изъ Италіи; 2) *Чистосердечное признаніе Фонъ-Визина въ дѣлахъ его и помышленіяхъ,* не конченное; 3) *Слово на выздоровленіе Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Павла Петровича,* пап. 1770 года; 4) *Поученіе, говоренное въ Духовъ день Іереемъ Василіемъ.* 5) *Письма и разные отрывки въ духѣ сатирическомъ и правоучительномъ,* для журнала, который Фонъ-Визинъ намѣревался издавать въ 1788 году. 6) *Всеобщая Придворная Граматика.* 7) *Жизнь Графа Никиты Ивановича Панина.* 8) *Письмо къ Осипу Петровичу Козодавлеву о планѣ Россійскаго Словаря.* 9) *Опытъ Россійскаго Сословника.* 10) *Вопросы Фонъ-Визина и отвѣты Императрицы Екатерины Второй.* Для примѣра, выпишемъ здѣсь нѣкоторые: *Отъ чего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми? — Гордость большей части бояръ гдѣ обитаетъ: въ душѣ, или въ головѣ? — Отъ чего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?* 11) *Челобитная Россійской Минервѣ отъ Россійскихъ Писателей.* 12) *Каллисѳенъ, Греческая повѣсть.* 13) *Размышленіе о суетной жизни человѣческой.* — Переводы его, отличающіеся чистотою и ясностію: 1) *Слово Профессора Рейхеля* (у котораго Фонъ-Визинъ обучался Исторіи), о томъ, что науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ Особъ и великихъ людей въ Государствѣ; съ Нѣм., Москва, 1762 г. 2) *Басни правоучительныя Гольберговы,* съ Нѣмецкаго, М. 1763 года. 3) *Альзира,* трагедія Вольтера, пер. стихами 1762 г., напеч. 1786 г., 4) *Любовь Хариты и Полидора,* повѣсть, съ Фран.,

пан. въ С. Петер. 1763 г. 5) *Жизнь Сива, Царя Египетскаго*, 4 части, соч. Аббата Террассона, 1764 г., съ Французскаго. 6) *Іосифъ*, поэма, соч. Битобе, съ Французскаго, 1764 г., напеч. 1769 г. — 7) *Торгующее Дворянство, противоположенное Дворянству военному*, съ Французскаго, С. Пет. 1766 г. 8) *Сиднеи и Силли или благодѣніе и благодарность*, Англійская повѣсть, пер. съ Франц., С. Пет .1769 и Моск. 1788 г. 9) *Слово похвальное Марку Аврелію*, соч. Томаса, пер. съ Фран., С. Петер. 1777 г. и 10) *Сиднеи*, стихами, перев. съ Французскаго. — По кончинѣ Дениса Ивановича вдова его еще нѣсколько лѣтъ влачила горестную жизнь въ нищетѣ, лишенная даже пенсіи, которую получалъ мужъ, столь путешествія, хлѣбосольство, продолжительное леченіе и неисправность въ условленномъ платежѣ арендатора, управлявшаго ихъ имѣніемъ, разстроили домашній бытъ Фонъ-Визиныхъ.

X.

ХЕМНИЦЕРЪ, Иванъ Ивановичь, при жизни неизвѣстный и по смерти не всѣми достойно цѣнимый, родился въ 1744 году, въ С. Петербургѣ, гдѣ отецъ его, выѣхавшій изъ Саксоніи, служилъ Надзирателемъ Сухопутнаго Госпиталя. Честный Нѣмецъ ничего не нажилъ себѣ въ этой должности, довольствовался однимъ содержаніемъ, и употреблялъ послѣднія деньги на образованіе сына, занимая его, въ особенности, медицинскими науками. Юноша оказывалъ въ нихъ значительные успѣхи, радовалъ старца своимъ прилежаніемъ, но не могъ преодолѣть врожденнаго отвращенія къ анатомическимъ опытамъ, и въ 1757 году получилъ согласіе родителей на вступленіе въ военную службу, попалъ — по собственнымъ словамъ его — *изъ анатомической залы на обширный хирургическій театръ.* Неизвѣстно, въ какихъ полкахъ находился молодой Хемницеръ и въ какихъ сраженіяхъ участвовалъ во время семилѣтней войны и въ началѣ Турецкой. Слава не вѣнчала его на бранномъ полѣ: онъ пожиналъ лавры наравнѣ съ прочими, и въ 1769 году, будучи Поручикомъ, перешелъ въ Гитенфервалтеры при Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ. Отецъ его уже переселился въ вѣчность; осталась престарѣлая

мать съ двумя дочерьми, безъ всякаго состоянія. Хемницеръ долженъ былъ получаемымъ жалованьемъ содержать себя и семейство, проводилъ день въ Корпусѣ, а ночь сидѣлъ за книгами. Нужда заставила его заниматься литературою: въ 1769 и 1770 годахъ написалъ онъ двѣ оды и сочинилъ трагедію *Бланка*, въ трехъ дѣйствіяхъ, которая осталась въ рукописи (*); въ 1774 году издалъ переведенное имъ съ Французскаго: *письмо Барневиля къ Труману изъ темницы*. Онъ тогда служилъ Маркшейдеромъ и находился въ числѣ одиннадцати Членовъ Ученаго Собранія, которое было учреждено при Горномъ Училищѣ, участвовалъ въ разныхъ переводахъ по Минералогической части, но болѣе всего любилъ бесѣдовать съ Лафонтеномъ; засыпалъ съ нимъ, и вставая отъ сна, тотчасъ обращался къ нему. Лафонтенъ далъ ему мысль идти по его слѣдамъ, писать *Басни*, которыми славился въ то время Сумароковъ и которыя требовали лучшаго подражателя. Хемницеръ, робкій, скромный отъ природы, трудился въ тайнѣ и скрывалъ даже отъ друзей своихъ, Николая Александровича Львова и Василія Васильевича Капниста, безсмертныя произведенія, долженствовавшія передать имя его потомству. Въ концѣ 1776 года Президентъ Бергъ-Коллегіи и первый Директоръ Горнаго Училища, Тайный Совѣтникъ Михайла Ѳедоровичъ Соймоновъ, отправился въ чужіе край, для возстановленія своего здоровья. Съ нимъ поѣхалъ Хемницеръ, поль-

(*) См. *Словарь о Россійскихъ Писателяхъ*, *Новикова*, изд. въ 1772 году.

зовавшійся его покровительствомъ. Ихъ путешествіе продолжалось болѣе года. Возвратясь въ отечество, Хемницеръ передалъ друзьямъ свои остроумныя замѣчанія: сравнивалъ Германію съ ульемъ, наполненнымъ трудолюбивыми пчелами; Голландію называлъ страною, въ которой только двигаются деньги и сундуки; Францію жилищемъ нестарѣющагося легкомыслія. Путешествіе перемѣнило образъ жизни Хемницера; онъ началъ съ того времени заниматься своею одеждою: пудрился, носилъ платье, соотвѣтствовавшее тогдашней модѣ; проводилъ утра на службѣ, вечера въ обществахъ. Въ домѣ Капниста познакомился онъ съ Державинымъ, который полюбилъ его образованный умъ, добродушіе и скромность, совѣщался съ нимъ, и потомъ сдѣлалъ объ немъ лестный отзывъ: *что онъ указалъ ему въ сочиненіяхъ особый путь.* Львовъ первый узналъ о баснях Хемницера, вѣроятно, нашедши одну изъ нихъ на столѣ, долго уговаривалъ его, вмѣстѣ съ Капнистомъ, не скрывать отъ публики сочиненій, которыми онъ долженъ гордиться. Хемницеръ возражалъ: «что многіе будутъ понимать его ба«сни въ дурную сторону, что это повредитъ его службѣ, «что онъ, со временемъ, намѣренъ измѣнить явные наме«ки.» Но дружба восторжествовала надъ скромностію: сначала Хемницеръ согласился прочесть свои басни Львову и Капнисту, потомъ изъявилъ согласіе напечатать ихъ, въ 1778 году, только *не выставляя имени*, взявъ съ друзей честное слово, *что они не выдадутъ его.* Современники не обратили вниманія на произведенія неизвѣстнаго сочинителя и продолжали восхищаться Сумароковымъ! Чтобы справедливо судить

о заслугахъ, оказанныхъ Хемницеромъ нашей Словесности, сравнимъ обоихъ Баснописцевъ:

Конь и оселъ.

(Сумарокова.)

Въ нѣкоторо время,
Конь празденъ былъ, Оселъ тяжелое несъ бремя.
Просилъ Оселъ Коня сево:
Возьми ты часточку отъ ига моево,
Коль хочешь ты меня отъ смерти злой избавить,
И въ семъ мученіи несносномъ не оставить.
Конь морду отвернулъ;
А иго сей Оселъ не долго потянулъ,
И издохнулъ.
Конь гордый пренебрегъ просительное слово,
И подчиненъ былъ самъ подъ иго онъ ослово;
Хозяинъ на него то иго положилъ,
По смерти Конь Осла, Ослом ему служилъ;
Хозяинъ говоритъ: я это бремя множу,
Которо несъ Оселъ, когда еще онъ жилъ;
Неси, дружечикъ мой, сево теперь и кожу.
Другому помогай, поможетъ онъ тебѣ;
Или неси одинъ ты бремя на себѣ.

Лошадь и Оселъ.

(Хемницера).

Добро, которое мы дѣлаемъ другимъ,
Въ добро послужитъ намъ самимъ;
И въ нуждѣ надобно другъ другу
Всегда оказывать услугу.
Случилось Лошади въ дорогѣ быть съ Ослом,
И Лошадь шла порожнякомъ;
А на Ослѣ поклажи столько было,
Что бѣднаго совсѣмъ подъ нею задавило.

«Нѣтъ мочи!»—говоритъ:—«я право упаду,
До мѣста не дойду.»
И проситъ Лошадь онъ, чтобъ сдѣлать одолженье,
Хоть часть поклажи снять съ него:
«Тебѣ не стоитъ ничего.
А мнѣбъ ты сдѣлала большое облегченье»
Онъ Лошади сказалъ.
«Вотъ, чтобъ я съ ношею ослиною таскалась!»
Сказала Лошадь и помчалась.
Оселъ потуда шелъ, пока подъ ношей палъ,
И Лошадь тутъ узнала,
Что ношу раздѣлить напрасно отказала,
Когда ее нести одна
Съ ослиной кожею была принуждена.

Въ томъ же 1778 году изданo Хемницеромъ сочиненіе Лемана: *Кобальтословіе*, въ двухъ частяхъ, которое онъ перевелъ съ Нѣмецкаго. 7 января 1781 года Соймоновъ, по прошенію, уволенъ былъ, за болѣзнію, въ отставку. Хемницеръ оставилъ также службу, не желая продолжать ее подъ начальствомъ новаго Директора. Онъ имѣлъ чинъ Коллежскаго Совѣтника и не улучшилъ своего состоянія, боролся съ нищетою. Въ томъ году Басни его были напечатаны во второй разъ, въ двухъ книгахъ, и снова безъ имени сочинителя. Мы выше сего видѣли, какъ удачно переводилъ онъ Лафонтена; съ такимъ же искуствомъ переданы имъ на Отечественный языкъ и семнадцать басень Геллерта; но Хемницеръ прославился не одними переводами: онъ творческимъ умомъ своимъ проложилъ дорогу къ безсмертію Крылову, сочинялъ басни и въ духѣ народномъ. Лучшія изъ

ихъ: *Друзья* и *Праздникъ деревенской.* Выпишемъ отрывокъ изъ послѣдней:

Насталъ ихъ праздникъ, и настало
Ненастье съ праздникомъ, какого не бывало:
Такъ, что ни вонъ изъ избъ. А правду всю сказать,
Такъ для народа,
Тогда и погулять,
Какъ хороша погода.
А тутъ и дождь, и снѣгъ, и градъ,
И грязь гулякамъ по колѣни.
Крестьяне въ жалобу и въ пѣни,
Никто и празднику не радъ;
И къ Богу ведра приступили
(Язычники крестьяне были):
«Помилуй! — говорятъ — во весь мы круглый годъ
Часа покою не имѣемъ;
То пашемъ мы, то жнемъ, то сѣемъ,
Когда не на себя, такъ на своихъ господъ;
Недѣля намъ въ году, чтобы повеселиться,
И та вотъ прахомъ вся пошла.
Погода до того все хороша была
Теперь на улицу не можно появиться.» —
«Неблагодарные! — богъ ведра имъ сказалъ: —
Не знаете, чего хотите.
Впередъ судьбу вы не гнѣвите,
Къ спасенью вашему я вамъ ненастье далъ;
Хлѣбъ на поляхъ у васъ совсѣмъ ужъ пропадалъ;
Зной жегъ его, а червь съѣдалъ.»

Стрѣлка часовая Хемницера дала мысль Крылову написать прекрасную басню: *Листы и Корни* (*).

Когда то Стрѣлка часовая
На башнѣ городской,

(*) См. біографію Крылова.

Свои достоинства считая,
Расхвасталась собой,
И прочимъ часовымъ частямъ въ пренебреженье:
«Не должноль — говоритъ — имѣть ко мнѣ почтенье!
Всему я городу служу какъ бы въ законъ;
Все, что ни дѣлаютъ, по мнѣ располагаютъ:
По мнѣ работаютъ, по мнѣ и отдыхаютъ;
По мнѣ, чрезъ колокольный звонъ,
Къ молитвѣ даже созываютъ;
И только часъ я покажу,
Какъ будто прикажу.
Да я — жъ стою домовъ всѣхъ выше,
Весь городъ подо мной;
Всѣмъ видима и всѣхъ я вижу подъ собой!
А вы что значите? Кто видитъ васъ?» — «Постой!
Нельзя-ли какъ нибудь потише;
И слово дать
И намъ сказать —
Другія части отвѣчали: —
Знай, что когдабъ не мы тобою управляли,
Тебя бы ни во что считали;
Важна ты нами, не собой.»
И я скажу (по будь то сказано межъ нами):
Что эдакъ и дѣлецъ иной
Чужими хвалится дѣлами.

Какъ мастерски изложена эта басня и въ какое время, семдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ славную эпоху для Сумарокова, когда другіе подражали ему тѣмъ же грубымъ, неочищеннымъ слогомъ: Дмитріевъ не восхищалъ еще своими стихотвореніями, о Крыловѣ — ребенкѣ не было и слуха!

Хемницеръ написалъ 89 Басень, Сумароковъ 376 Притчъ. Первыя доселѣ не потеряли своего достоин-

ства; послѣднихъ никто не читаетъ. Броснмъ взглядъ на нѣкоторыя правоученія Хемницера.

Баснь: *Паукъ и Мухи* оканчиваетъ онъ сравненіемъ:

А это и съ людьми бываетъ,
Что маленькимъ, куда
Ни оберись, бѣда:
Воръ, напримѣръ, большой, хоть въ кражѣ попадется,
Выходитъ прямъ изъ подъ суда;
А маленькой — наказанъ остается.

Стрянчій и воры:

Кто плутнями живетъ и плутнямъ потакаетъ,
Отъ нихъ и погибаетъ.

Попугай:

Бѣда попасть съ умомъ
Къ невѣждѣ въ домъ.

Поворъ львиной:

Чѣмъ больше сборщиковъ, тѣмъ больше воровство.

Мужикъ и Корова:

Кто ползать родился, тому ужъ не летать.

Гадатель:

Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты честенъ и уменъ.

Совѣтъ Старика:

Ужъ легче пѣтъ тово, какъ дуракомъ прожить;
А и глупцовъ чиновныхъ много!

Баронъ:

И доказалъ своимъ житьемъ
Баронъ нашъ правду эту всѣмъ,
Что дѣтямъ только зла родители желаютъ,
Когда лишь имъ одно богатство оставляютъ:
Богатство пагуба и вредъ
Тому, въ комъ воспитанья нѣтъ.

Богачъ и Бѣднякъ:

Зачѣмъ достоинствамъ, уму,
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?
«Легко, мой другъ, понять:
Достоинства не льзя занять,
А деньги всякой занимаетъ.»

Соловей и Вороны:

Теперь хотѣлъ бы я спросить:
Ково съ Воронами поставить здѣсь въ сравненье?
Мое простое мнѣнье:
Къ нимъ Сочинителей пныхъ бы примѣнить.

Куры и Голубка:

На свѣтѣ часто такъ идетъ,
Что счастія иной отвагой доступаетъ;
И смѣлый тамъ найдетъ,
Гдѣ робкій потеряетъ.

Дуракъ и Тѣнь:

Ты счастья ищешь, а не знаешь,
Что ты, гоняясь за нимъ, его гоняешь.
Послушайся меня, и ты его найдешь:
Остановись твоимъ желаньемъ,
И будь доволенъ состояньемъ,
Въ которомъ ты живешь.

Не долго Хемницеръ влачилъ горестную жизнь внѣ службы, въ совершенной бѣдности: любимица Императрицы, Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, которая занималась науками и словесностью, покровительствовала ученымъ, доставила ему (въ 1782 году) почетное мѣсто Генеральнаго Консула въ Смирнѣ.

Горестно Хемницеръ разстался съ друзьями и съ любезнымъ Отечествомъ, какъ будто-бы предчувствовалъ, что болѣе ихъ не увидитъ. Перемѣна климата и одиночество сильно подѣйствовали на здоровье и умъ чувствительнаго поэта: онъ впалъ въ уныніе; душевная болѣзнь увеличила разстройство физическихъ силъ — 20 марта 1784 года ударилъ послѣдній часъ его. Незадолго до кончины Хемницера Императорская Россійская Академія избрала его, 24 февраля, въ свои Дѣйствительные Члены, вѣроятно, при содѣйствіи Н. А. Львова (*),поступившаго въ Академію 21 октября 1783 года (**). Любопытно, что Лафонтенъ получилъ одинакое достоинство во Франціи на 63 году отъ рожденія. Останки Хемницера были привезены въ Россію и преданы землѣ въ Николаевѣ. На его надгробномъ кам-

---

(*) Николай Александровичь Львовъ скончался 3 декабря 1803 года, будучи Тайнымъ Совѣтникомъ.

(**) Императорская Россійская Академія основана 30 сентября 1783 года. Первымъ Предсѣдателемъ оной была Княгиня Дашкова; вторымъ, съ 1801 года, Тайный, въ послѣдствіи Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Андрей Андреевичь Нартовъ, именовавшійся *Президентомъ* и умершій 2 апрѣля 1813 года; третьимъ и послѣднимъ Адмиралъ Александръ Семеновичь Шишковъ, который поступилъ въ Члены Академіи 16 декабря 1796 года.

нѣ вырѣзана эпитафія, имъ самимъ сочиненная, въ подражаніе Лафонтену:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Изъ нашихъ баснописцевъ ни одинъ не сходствовалъ столько характеромъ съ Лафонтеномъ, какъ Хемницеръ, добродушный, скромный, робкій въ обращеніи, разсѣянный: увидѣвъ въ Парижѣ, на сценѣ, славнаго актера Лекена, онъ до такой степени былъ пораженъ величественною его осанкою, что вскочилъ съ своего мѣста и поклонился ему. Въ другое время передалъ, за обѣденнымъ столомъ, благодѣтелю (вѣроятно Соймонову), происшествіе, слышанное отъ него въ тотъ самый день, и когда выведенъ былъ изъ своей разсѣянности пріятелемъ, въ такое пришелъ замѣшательство, что положилъ въ карманъ салфетку вмѣсто платка, и, послѣ обѣда, бросился бѣжать. Тщетно пріятель старался остановить его; наконецъ, послѣ многихъ убѣжденій, Хемницеръ вслушался въ его слова, опустилъ руку въ карманъ, вынулъ салфетку и, въ величайшемъ смущеніи, долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ вкопаный; но смѣхъ хозяина и гостей ободрилъ отчаяннаго; потомъ онъ самъ смѣялся надъ собою.—Не менѣе забавно приготовленіе его къ отъѣзду въ чужіе краи, когда, въ условленный день и часъ, пришелъ къ нему одинъ изъ его друзей, чтобы вмѣстѣ ѣхать за городъ. Онъ нашелъ его въ большихъ хлопотахъ, и на вопросъ: «почему такъ суетится?»—услышалъ: «Я обѣщалъ быть на обѣдѣ, а не

«успѣлъ взять паспорта: вѣдь безъ него не пропу-«стятъ насъ за границу?» — Большаго труда стоило другу вывести его изъ новой разсѣянности, доказать, что они должны отправиться на дачу, а не въ дальнее путешествіе.

Имя Хемницера, которому мы одолжены Дмитріевымъ и Крыловымъ, останется незабвеннымъ въ Лѣтописяхъ нашей Литературы и перейдетъ къ позднѣйшему потомству, вмѣстѣ съ его *Баснями*. Досель вышло ихъ тринадцать изданій (*), не смотря на опасное для него соперничество двухъ знаменитыхъ Писателей.

ХРАПОВИЦКІЙ, Александръ Васильевичъ, (**) сынъ Генералъ-Маіора Василія Ивановича Храповицкаго, содѣйствовавшаго Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ при вступленіи Ея на престолъ, родился 7-го марта 1749 года и воспитанъ въ Кадетскомъ Корпусѣ. Извѣстія о первоначальной его службѣ ограничиваются тѣмъ, что онъ въ 1772 году исправлялъ должность Генералъ-Аудитора-Лейтенанта въ штатѣ Графа Ки-

(*) Въ 1799 году, въ третьемъ изданіи *Басенъ Хемницера*, напечатано, въ первый разъ, его имя.

(**) Предокъ Храповицкаго, Польскій Шляхтичъ, выѣхалъ въ Россію при Царѣ и Великомъ Князѣ Осодорѣ Алексѣевичѣ. Отецъ его, служившій въ Лейбъ Компаніи, получилъ, 7 февраля 1747 года, дипломъ на достоинство Дворянина Россійской Имперіи. *Гербовникъ*, ч. 4. — Любимецъ Петра Великаго, *Сердюковъ*, извѣстный отдѣлкою Вышневолоцкихъ шлюзъ, былъ *родный дядя Александра Васильевича*, какъ онъ упоминаетъ въ своемъ Журналѣ.

риллы Григорьевича Разумовскаго; отличался остротою; писалъ разныя мѣлкія стихотворенія, заслужилъ похвалу Сумарокова. Отъ Разумовскаго перешелъ онъ къ Генералъ-Прокурору Князю Вяземскому, который, испытавъ его способности, сдѣлалъ объ немъ самый лестный отзывъ Государынѣ. 1-го января 1783 года, Храповицкій, въ чинѣ Статскаго Совѣтника, опредѣленъ *къ принятію челобитенъ*, поступилъ на мѣсто Статсъ-Секретаря Императрицы Екатерины II-й. Находясь въ числѣ приближенныхъ особъ къ Государынѣ, онъ дѣятельною и усердною службой явилъ себя достойнымъ Ея довѣрія и въ полной мѣрѣ оправдалъ представительство сильнаго Вельможи; получилъ, въ 1783 году (сентября 22) орденъ Св. Владиміра 3-й степени; въ 1784-мъ (дек. 22) пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, и въ томъ году велѣно ему, сверхъ исправляемой должности, присутствовать въ Коммиссіи объ установленіи народныхъ училищъ. Въ слѣдующемъ (1785 г.) Храповицкій посыланъ былъ въ Ямбургъ, для прекращенія неустройства, возникшаго на сукопной фабрикѣ; награжденъ (11 апр.) 5000 рублями; (2 авг.) деревнями и (22 сент.) орденомъ Св. Владиміра 2-й степени большаго креста. Онъ поднесъ Императрицѣ (1786 г.) печатный экземпляръ *Карантиннаго положенія*, имъ написаннаго, и получилъ (21 іюля) табакерку, осыпанную брилліантами. Разнообразны были занятія его: каждый день Храповицкій докладывалъ Государынѣ дѣла и просьбы; писалъ указы; сочинялъ планы, хоры и аріи для оперъ, лексиконъ для рифмъ; переписывалъ самъ по почамъ оперы, сочиняемыя Императрицею; читалъ Ей сказки

во время болѣзни, которыя Екатерина любила слушать *для разбитія мыслей.* Часто Государыня забавлялась надъ толщиною Храповицкаго; замѣчала, *что, не смотря на свою дородность, онъ бѣгаетъ проворно;* совѣтовала ему *всегда садиться на диванъ, а не на стулъ, потому, что Она сама не можетъ его поднять, если онъ упадетъ.* И въ 1786 году Храповицкій получилъ въ подарокъ 5000 рублей. Въ слѣдующемъ (1787), онъ находился въ свитѣ Императрицы во время Ея путешествія въ Таврицу: Государыня поручила ему объяснять все Посламъ: Кобенцелю, Фицгербергу и Сегюру; называла Храповицкаго: *souffre douleur.* — «Однако же—прибавляла Екатерина II-я —» «ты отъ того не худѣешь!» Въ августѣ мѣсяцѣ Храповицкій разсматривалъ вѣдомость о строеніяхъ, и уменьшилъ расходы болѣе нежели на милліонъ. 8 января (1788 г.) пожаловано ему 10,000 рублей. Вскорѣ случилось съ нимъ слѣдующее любопытное произшествіе: 24 марта, онъ вошелъ съ докладною запискою къ Императрицѣ. Государыня писала въ то время къ Князю Потемкину и произнесла: *не дадутъ кончить несчастнаго письма!* — Потомъ за туалетомъ *извинилась*, а на другой день *поздравила* Храповицкаго *съ праздникомъ.* 26 числа онъ нѣсколько опоздалъ, ожидая почты. — «*Ты отъ меня прячешься*» — сказала Императрица — «*но я на тебя третьяго дни не сердилась: это только былъ порывъ нетерпѣливости. Весь годъ была тобою довольна.* — Храповицкій, ставъ на колѣни, поцѣловалъ руку великодушной Монархини.—30 августа, въ день своихъ именинъ, получилъ онъ табакерку, въ 1800 руб-

лей, осыпанную брилліантами (*). Въ концѣ года Государыня замѣтила: *что часто посылаетъ за нимъ и обязана заплатить ему за башмаки;* пожаловала Храповицкому (30 января 1789 г.) другую табакерку. Онъ именованъ (2 марта), вмѣстѣ съ Соймоновымъ, Директоромъ Театровъ, и должность эту исправлялъ по 11 февраля 1791 года. Тогда театры перешли въ управленіе Князя Юсупова. Въ 1790 году (8 сент.), въ день торжества заключеннаго мира съ Швеціею, Храповицкій получилъ брилліантовый перстень въ 6,000 рублей и 2000 рублей пенсіи. По случаю тяжкой болѣзни Князя Вяземскаго, Графъ Александръ Андреевичъ Безбородко совѣтовалъ Императрицѣ (1792 г.) поручить исправленіе должности Генералъ-Прокурора Храповицкому; послѣдній благодарилъ его за лестное мнѣніе, но вмѣстѣ, объявилъ: *что не желаетъ быть Генералъ-Прокуроромъ, чтобъ не сломать себѣ шеи.* Вскорѣ скончался Князь Вяземскій (8 янв. 1793 г.), котораго Императрица Екатерина II-я называла *Своимъ ученикомъ* (**). Огорченный потерею благодѣтеля, Храповицкій написалъ по этому случаю слѣдующіе стихи:

Онъ славою своей не долженъ никому;
Но многіе должны всѣмъ счастіемъ ему.

(*) Такія же табакерки подарены Императрицею Храповицкому 30 августа 1789 и 1790 г.

(**) «Ваше Величество» — сказалъ однажды Государынѣ Задунайскій — «земное божество: у меня, Вяземскій не «умѣлъ управлять ротою; у Васъ онъ управляетъ дѣлами «цѣлаго Государства!» — Пашины не любили его, особливо Графъ Петръ Ивановичъ, который говорилъ ему колкія истины въ Сенатѣ. Б. К.

30-го марта Государыня спросила Храповицкаго: какъ идутъ дѣла военныя и гражданскія послѣ Князей Потемкина и Вяземскаго? — «Теперь» — прибавила Императрица — *вездѣ почти люди новые.* «Законы старые» — отвѣчалъ Храповицкій — «и Ваши пра«вила непремѣнны; слѣдовательно, новымъ людямъ «надобно вникнуть въ законоположенія и основать «только по своимъ должностямъ часть исполнитель«ную.»—2 сентября происходило торжество по случаю постановленнаго мира съ Портою Оттоманскою: Храповицкій пожалованъ въ Тайные Совѣтники и Сенаторы 4-го Департамента, сложилъ съ себя званіе Статсъ-Секретаря, которое исправлялъ болѣе десяти лѣтъ. Онъ получилъ (1797 г.), въ день Коронованія Императора Павла I-го Аннинскую ленту; произведенъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники Императоромъ Александромъ I-мъ (15 сент. 1801 г.), и вскорѣ скончался, 29 декабря, на 53-мъ отъ рожденія.—Александръ Васильевичъ Храповицкій, тучный собою, имѣлъ нравъ гибкій, вкрадчивый, и долженъ стоять на ряду съ утонченными придворными: онъ умѣлъ ладить съ Вяземскимъ и Безбородкою; познакомился у Завадовскаго съ Мамоновымъ, прежде нежели послѣдній вошелъ въ силу; былъ друженъ съ любимымъ камердинеромъ Государыни, Зоотовымъ, извѣстнымъ болѣе подъ именемъ *Захара*, который передавалъ ему *самые тайные разговоры.* Императрица Екатерина II-ая говорила о Храповицкомъ: «*что Она руку свою дастъ на сожженіе, въ томъ, что онъ не беретъ взятокъ*»; называла его *умникомъ.* — Храповицкій оставилъ послѣ себя *журналъ*, который онъ велъ въ продолженіе своего

Статсъ-Секретарства; въ немъ много любопытнаго: описано, какимъ образомъ Екатерина II проводила свое время, какъ судила Она о разныхъ коронованныхъ Главахъ; какого мнѣнія была и о Своихъ Сановникахъ; но, къ сожалѣнію, повѣствованіе слишкомъ сокращенно. Журналъ этотъ еще не можетъ быть изданъ. Изъ другихъ сочиненій Храповицкаго извѣстны въ каталогѣ книгъ трагедія *Идамандъ*, въ 5-ти дѣйствіяхъ, и опера *Меломанія*; нѣсколько сатирическихъ его писемъ напечатаны въ *еженедѣльныхъ* изданіяхъ 1769 года. Новиковъ, въ своемъ Словарѣ, хвалитъ остроту Храповицкаго, и чистоту его слога. Увѣряютъ, будто онъ при всѣхъ своихъ достоинствахъ имѣлъ одинакую слабость съ безсмертнымъ Лирикомъ нашимъ Ломоносовымъ, только предавался оной ложась спать, въ надеждѣ, что не будетъ приглашенъ во Дворецъ. Донесли о томъ Государынѣ: Она послала за Храповицкимъ поздно вечеромъ. Храповицкій нашелся: немедленно велѣлъ себѣ пустить кровь изъ руки, и явился передъ Государынею въ совершенно трезвомъ видѣ.

Ч.

ЧЕРНЫШЕВЪ, Графъ Григорій Петровичь, сынъ Полковника Петра Захарьевича Чернышева, умершаго 1689 года отъ ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи противъ Татаръ, родился 1672 года и произошелъ отъ древней Польской фамиліи *Чернецкихъ*. Предокъ его, Иванъ Михайловичь Черпецкій, выѣхавъ 1493 года изъ Польши къ Великому Князю Іоанну Васильевичу, почтенъ былъ отъ него чиномъ Думнаго Дворянина (*), и первый началъ писаться *Чернышевымъ*. Григорій Петровичь спачала служилъ Стольникомъ Царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, потомъ вступилъ въ военную службу; записанъ въ солдаты 1699 года; былъ при взятіи Кокенгаузена и Дипамиидъшапецъ, 1701 г.; Шлиссельбурга, 1702; Канецъ, 1703 года. Въ 1704 г. пожалованъ Маіоромъ и командовалъ Тобольскимъ пѣхотнымъ полкомъ, съ которымъ находился при атакѣ Нарвы, гдѣ, не смотря на полученныя имъ раны, прошелъ брешъ и взошелъ на бастіонъ; потомъ всту-

---

(*) *Думный Дворянинъ* былъ чинъ гражданскій, обыкновенно даваемый людямъ извѣстнымъ по ихъ добрымъ качествамъ и свѣдѣнію въ дѣлахъ; немногіе получали это достоинство, что самое и придавало оному болѣе важности.

шелъ въ Вышъ городъ, полонилъ Нарвскаго Коменданта, Генералъ-Маіора Горна, и овладѣлъ Иванъ-городомъ. За все это пожалованъ, 1705 года, Подполковникомъ. 1708 года, во время измѣны Мазепы, воспрепятствовалъ онъ Шведамъ взять городъ Новгородъ-Сѣверскій и Ахтырку, хотя первый и осажденъ былъ три мѣсяца самимъ Королемъ Карломъ XII. На Полтавскомъ сраженіи Чернышевъ также отличился своею храбростію, и былъ пожалованъ за то Бригадиромъ. 1710 года, въ мартѣ мѣсяцѣ, посланъ съ нѣсколькими полками къ Выборгу, занялъ предмѣстье этого города, и участвовалъ во взятіи онаго. Тогда удостоился онъ получить отъ Петра Великаго портретъ Его, украшенный алмазами, и пожалованъ Выборгскимъ Комендантомъ. Послѣ сего съ одною эскадрою ходилъ къ Гельзингфорсу, сбилъ непріятельскія батареи, сдѣлалъ чертежъ атаки, и самъ присутствовалъ при оной. Ревностные его подвиги доставили ему въ награду отъ Государя чинъ Генералъ-Маіора. Неоднократно потомъ поражалъ онъ въ разныхъ мѣстахъ Шведовъ, а 1714 года, не смотря на сильное сопротивленіе со стороны непріятеля, переплылъ съ ввѣренными ему полками на плотахъ озеро Пелкино, которое шириною не менѣе трехъ верстъ, и одержалъ совершенную надъ Шведами побѣду. Въ этомъ сраженіи былъ онъ трижды раненъ. Петръ Великій во второй разъ наградилъ его тогда своимъ портретомъ, осыпаннымъ алмазами, и сверхъ сего пожаловалъ ему значительную сумму денегъ. Въ тоже время Григорій Петровичъ Чернышевъ, во уваженіе полученныхъ имъ ранъ, былъ опредѣленъ въ Адмиралтейство. 1725 года, Императрица Екате-

рина I-я пожаловала его Генералъ-Кригсъ-Коммиссаромъ, въ рангѣ Генералъ-Поручика, и кавалеромъ Св. Александра Невскаго; потомъ онъ былъ Губернаторомъ въ Воронежѣ, а оттуда въ томъ же званіи переведенъ въ Лифляндію. 1730 года, Императрица Анна Іоанновна произвела его въ Сенаторы и въ полные Генералы. 1741 года, ноября 30, Императрица Елисавета Петровна, по вступленіи Своемъ на престолъ, возложила на него орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, а 1742 года возвела въ Графское Россійской Имперіи достоинство. — Графъ Григорій Петровичъ Чернышевъ былъ изъ числа тѣхъ слугъ Петра Великаго, которые никогда не страшились говорить правду Монарху. 1720 года, въ маѣ мѣсяцѣ, по прибытіи нѣсколькихъ молодыхъ дворянъ изъ чужихъ краевъ, гдѣ они съ великимъ успѣхомъ обучались артиллерійскому и инженерному искуству, когда эти дворяне представлены были Государю, въ бытность Его въ Адмиралтейской Коллегіи, то Онъ, будучи въ тотъ день не веселъ, приказалъ Генералъ-Адмиралу Графу Апраксину записать ихъ во флотъ гардемаринами. — «Грѣхъ Тебѣ будетъ, «Государь!» — сказалъ Григорій Петровичъ Петру, привставши съ креселъ. — «Люди, по Твоей волѣ, бывъ «отлучены отъ своихъ родственниковъ и отъ отече«ства въ чужіе краи, сносили всякія нужды и учи«лись по возможности, желая угодить Тебѣ, и по до«стоинству своему были и тамъ гардемаринами; а по«томъ, объѣхавъ многія Государства, возвратились, по «Твоей же волѣ, и надѣялся за службу и науки полу«чить награду, отсылаются ни съ чѣмъ на равнѣ съ «тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни дѣла

«столько не знаютъ.» — «Я награжу ихъ» — отвѣчалъ Государь — «пусть одну только компанію послужатъ.» — «Но легколи» — возразилъ Чернышевъ — «гардемари-«наши-то служить такимъ, изъ которыхъ есть до-«стойны теперь же управлять галерою?» — «Кто жъ бы «такіе были изъ нихъ?» — «Неплюевъ (*) и Кукаринъ» — отвѣчалъ Григорій Петровичъ. — Тогда Государь, посмотрѣвъ пристально на сихъ двухъ молодыхъ людей, сказалъ: «чтобъ въ первой половинѣ будущаго «мѣсяца было въ Коллегіи полное собраніе. Я хочу, «чтобъ въ присутствіи онаго были они экзаменова-«ны.» — «Это дѣло иное» — возразилъ великодушный Чернышевъ, и сими словами кончился разговоръ его съ Государемъ о томъ предметѣ. Слѣдующій анекдотъ послужитъ намъ еще лучшимъ объясненіемъ характера знаменитаго мужа: — Григорій Петровичъ проѣзжалъ однажды чрезъ Калугу, о чемъ свѣдавъ напередъ тамошніе купцы, и зная, въ какой находился онъ милости у Монарха, вышли къ нему на встрѣчу за городъ; но какъ Калужане имѣли тогда между собою ссору, раздѣлявшую ихъ на двѣ партіи, то каждая изъ нихъ вышла съ особымъ хлѣбомъ и солью. Григорій Петровичъ, поблагодаря ихъ за сдѣланную ему чѣсть, тотчасъ спросилъ: какая была причина, что они раздѣлились на двѣ половины и каждая особо поднесла ему хлѣбъ и соль? — Должно было имъ признаться, что причиною тому ихъ ссора. «Какъ, ссо-«ра?» — возразилъ на это Чернышевъ съ великимъ гнѣвомъ — «одного города жители, одной церкви Хри-

(*) См. біографію Ивана Ивановича Неплюева.

«стіане в одного Государя подданные имѣютъ такую «вражду, что и сообщаться другъ съ другомъ не хо- «тятъ? Такъ-то вы исполняете законъ Божій и волю «Государя, желающаго видѣть всѣхъ въ согласіи! Ле- «тей!» — закричалъ онъ бывшимъ при немъ нѣскол- кимъ гренадерамъ. Устрашенные купцы пали на ко- лѣна и со слезами просили помилованія. «Какой мило- «сти достойны вы, непотребные?» — закричалъ на нихъ Чернышевъ — «Вы мятежники, разрушающіе спо- «койствіе города, и должны въ примѣръ другимъ «быть безъ милости наказаны». — Купцы увеличили вопль и слезы; обѣщали примириться и никогда не заводить подобныхъ между собою ссоръ. — «Хоро- шо» — сказалъ тогда добродѣтельный Вельможа, и не- медленно послалъ въ городъ за Протопопомъ, чтобъ онъ вышелъ со Крестомъ, Евангеліемъ и налоемъ. По прибытіи Протопопа, Григорій Петровичь велѣлъ купцамъ присягнуть въ томъ, что они искренно вся- кую между собою вражду оставляютъ и предаютъ за- вѣнію; что мстить другъ другу и возобновлять злобу свою никогда не будутъ, и что вѣчно станутъ жить въ мирѣ и согласіи. Все это было ими исполнено, и Чернышевъ приказалъ имъ въ знакъ мира другъ съ другомъ поцѣловаться. — «Теперь», произнесъ онъ — «я «долгомъ своимъ поставляю навѣдываться всегда, какъ «вы будете себя вести; и ежели узнаю, что вы и по- «слѣ сего заведете еще какую-либо между собою ссо- «ру, то поступлено будетъ съ вами, яко съ клятво- «преступниками, нарушителями крестнаго цѣлованія и «мятежниками.» — Григорій Петровичь велѣлъ имъ по- томъ снова перецѣловаться, и самъ ихъ всѣхъ перецѣ-

ловавъ, въѣхалъ въ городъ вмѣстѣ съ ними, какъ будто въ нѣкоторомъ тріумфѣ. Слѣдствіемъ сего было, что Калужскіе граждане и по смерти Чернышева не смѣли даже мыслить о ссорахъ, и жили въ великомъ согласіи. Миръ этотъ назывался *Чернышевскимъ миромъ*.— Графъ Григорій Петровичъ, послѣ 57 лѣтней ревностной и всегда усердной отечеству службы, скончался въ С. Петербургѣ 30 іюля 1745 года, на 74 году отъ рожденія. Дюкъ де Лирія отзывается объ немъ въ своихъ *Запискахъ*: «что онъ былъ уменъ, храбръ и служилъ хорошо; но чрезвычайно скупъ и лживъ, и не любилъ иноземцевъ.»— Онъ имѣлъ четырехъ сыновей, Графовъ Петра, Григорія, Захара и Ивана. Графъ Петръ Григорьевичъ находился Чрезвычайнымъ Посланникомъ при многихъ Европейскихъ Дворахъ: Датскомъ, Прусскомъ, Англійскомъ, и Полномочнымъ Посломъ при Французскомъ; потомъ пожалованъ Сенаторомъ и кавалеромъ ордена Св. Андрея. Скончался 1773 года. Графъ Григорій Григорьевичъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, Бригадиромъ, 1750 года. Графъ Захаръ Григорьевичъ былъ Генералъ-Фельдмаршаломъ, Президентомъ Военной Коллегіи и потомъ Главнокомандующимъ въ Москвѣ. Скончался 1784 года. Графъ Иванъ Григорьевичъ былъ Генералъ-Фельдмаршаломъ *по флоту*, Президентомъ Адмиралтейской Коллегіи, Сенаторомъ и ордена Св. Андрея кавалеромъ. Скончался 1797 года.

ЧЕРНЫШЕВЪ, Графъ Иванъ Григорьевичъ, меньшой братъ Графа Захара Григорьевича, родился 24 ноября 1726 года, и получивъ начальное образованіе въ домѣ родителей, отправленъ, въ 1741 году,

на шестнадцатомъ своего возраста, Дворянином Посольства въ Данію, куда другой братъ его, Дѣйствительный Камергеръ Петръ Григорьевичъ, назначенъ былъ тогда Чрезвычайнымъ Посланникомъ. Посвятивъ себя дипломатическому служенію, молодой Чернышевъ продолжалъ учиться подъ надзоромъ своего брата, который вскорѣ перемѣщенъ былъ въ Пруссію (1742 г.); оттуда въ Англію Полномочнымъ Министромъ (1746 г.), исходатайствовалъ ему чинъ Камеръ Юнкера (*). Послѣ четырнадцатилѣтней отлучки, Чернышевъ возвратился въ Отечество и получилъ Камергерскій ключъ (1755); въ слѣдующемъ году отправленъ въ Дрезденъ къ Королевѣ Польской и Кур-Принцессѣ Саксонской, которыя терпѣли чрезвычайный недостатокъ въ осажденномъ Прусаками городѣ, просили денежнаго пособія у Императрицы. Государыня послала съ нимъ сто тысячъ рублей Королевѣ и двадцать тысячъ Принцессѣ, дозволивъ ему про-

---

(*) Графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и орденовъ: Св. Апостола Андрея, Св. Александра Невскаго и Польскаго Бѣлаго Орла кавалеръ, родился 1712 г.; служилъ сначала въ арміи и при Высочайшемъ Дворѣ; потомъ былъ Полномочнымъ Министромъ въ Даніи, Пруссіи и Англіи; пожалованъ Сенаторомъ (1755 г.), Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ во Францію (1760); возвратясь въ Отечество, продолжалъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, по самую кончину, послѣдовавшую въ С. Петербургѣ 20 авг. 1773 г., на 62 году отъ рожденія.

ѣхать оттуда въ Вѣну и въ Парижъ (*). Чернышевъ находился въ Аугсбургѣ (1761 г.) при Чрезвычайномъ Послѣ Графѣ Кейзерлингѣ; но какъ конгрессъ съ Пруссіею не состоялся, отозванъ въ С. Петербургъ (1762). Тогда царствовала уже Императрица Екатерина II, издавна покровительствовавшая брату его, Графу Захару Григорьевичу, который былъ возведенъ въ достоинство Генералъ-Аншефа и получилъ, въ день Ея коронованія, Андреевскій орденъ. Въ это самое время и Графъ Иванъ Григорьевичъ пожалованъ Генералъ-Поручикомъ; сошелъ съ дипломатическаго поприща, именованъ: Членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи (1763 г.); Присутствующимъ въ учрежденной Морской Коммиссіи Россійскихъ флотовъ (въ ноябрѣ); Главнымъ Командиромъ Галернаго Порта (1765 г.). Онъ былъ тогда кавалеромъ орденовъ Бѣлаго Орла и Св. Анны. Въ началѣ 1767 года Графъ Иванъ Григорьевичъ опредѣленъ Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ къ Великобританскому Двору, куда выѣхалъ только въ 1768 году. Императрица пожаловала его (1769 г.) Вице-Президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Онъ вступилъ въ новую должность въ 1770 году и ссудилъ Коллегію 75,000 руб., по случаю недостатка въ оной денегъ. Черезъ три года Графъ Чернышевъ уволенъ въ отпускъ (по 1776 годъ) къ теплымъ водамъ. Императрица пригласила его потомъ

(*) Изъ третьей части: *Сокращен. извѣстія о взаимныхъ между Рос. Монархами и Европейскими Державами Посольствахъ*, сочин. моимъ родителемъ.

въ Москву, гдѣ въ день празднованія мира съ Турціею (10 іюля 1776 г.) удостоенъ онъ орденовъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и Св. Александра Невскаго: *за многіе труды его въ приведеніе флота въ доброе состояніе* (*). Благоволеніе Екатерины II къ Графу Ивану Григорьевичу непзмѣнно продолжалось по самую Ея кончину: онъ, въ числѣ малыхъ особъ, имѣлъ право каждый день обѣдать у Государыни; при учрежденіи ордена Св. Владиміра (1782 г.), получилъ ленту этого почетнаго отличія вмѣстѣ съ Потемкинымъ, Румянцовымъ, Княземъ Орловымъ, Фельдмаршаломъ Княземъ Голицынымъ, братомъ своимъ Графомъ Захаромъ Григорьевичемъ, Графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, Княземъ Репнинымъ, Бецкимъ, Шуваловымъ и Безбородко; сопровождалъ Императрицу въ Фридрихсгамъ (1783 г.) во время свиданія Ея съ Королемъ Шведскимъ; находился при Ней, когда Она обозрѣвала южныя Свои провинціи (1787 г.); награжденъ алмазными знаками ордена Св. Андрея въ день празднованія мира съ Швеціею (8 сент., 1790 г.): *за труды въ вооруженіи флотовъ при управленіи Морскимъ Департаментомъ;* пожалованъ Членомъ Совѣта. Императоръ Павелъ I, котораго Графъ Чернышевъ часто посѣщалъ, когда Онъ занимался еще ученіемъ, возвелъ его, 12 ноября 1796 года, въ достоинство Генералъ-Фельдмаршала по флоту, *съ тѣмъ, однакожъ, чтобы онъ не былъ Генералъ-Адмираломъ* (**), повелѣлъ ему быть Президентомъ Адмиралтейской Кол-

(*) Слова Высочайшаго Рескрипта.

(**) Слова Высочайшаго Указа.

легіи и Сенаторомъ. Здоровье почтеннаго старца нѣсколько лѣтъ уже ослабѣвало: онъ отправился въ чужіе краи, надѣясь посредствомъ цѣлебныхъ водъ поддержать угасавшую жизнь; но смерть приближалась къ нему скорыми шагами, и 26 февраля 1797 года послѣдній былъ день его жизни. Останки Чернышева привезены въ С. Петербургъ и преданы землѣ въ церкви Благовѣщенія Александро-Невской Лавры.—Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ съ умомъ образованнымъ соединялъ любезность и вмѣстѣ нѣкоторое непостоянство въ характерѣ; въ Совѣтахъ былъ не рѣшителенъ, слишкомъ остороженъ; но въ продолжительное пребываніе свое внѣ Отечества, остался Русскимъ во всемъ пространствѣ этого слова; отличался хлѣбосольствомъ; имѣлъ прекрасный столъ, лучшія вины, которыя привозили ему Капитаны кораблей. Первымъ удовольствіемъ его было, когда онъ посѣщалъ Наслѣдника Престола (въ послѣдствіи Императора Павла I) разсказывать Ему о знаменитыхъ дѣяніяхъ соотечественниковъ; съ восхищеніемъ, со слезами повѣствовалъ онъ о Его Прадѣдѣ, Петрѣ Великомъ. — «*Это истинно Богъ былъ на землѣ во время «отцевъ нашихъ!*» — восклицалъ Чернышевъ; благодарилъ Наслѣдника *за Его доброе мнѣніе о Русскихъ* (*). — Еслибъ Графъ Иванъ Григорьевичъ и не оказалъ по флоту значительныхъ услугъ Отечеству, то одно стараніе его поселить столь полезныя правила въ Порфиропосномъ Отрокѣ дастъ ему полное право на уваженіе наше. — Императорская Ака-

(*) См. *Записки Порошина.*

демія Наукъ имѣла его въ числѣ своихъ Членовъ. Онъ былъ *Почетнымъ Благотворителемъ* Воспитательнаго Дома, въ образованіи котораго принималъ дѣятельное участіе. Сынъ Графа Ивана Григорьевича, Оберъ-Шенкъ Высочайшаго Двора, Графъ Григорій Ивановичь Чернышевъ, скончался въ 1831 году.

III.

ШАФИРОВЪ. «Петръ Великій, будучи еще въ «молодыхъ лѣтахъ, не задолго до перваго своего въ «чужіе краи путешествія, прогуливаясь по Москов- «скимъ торговымъ лавкамъ и въ паискомъ ряду, за- «мѣтилъ проворнаго одного молодаго сидѣльца, оста- «новился у лавки его и вступилъ съ нимъ въ разго- «воръ. Его Величество изъ отвѣтовъ сего сидѣльца «узналъ его острый умъ; а въ продолженіе разговора «свѣдавъ, что онъ разумѣетъ Нѣмецкій, Французскій «и Польскій языки (*), спросилъ: *гдѣ онъ учился?*— «Сей отвѣтствовалъ, что у отца своего. — *Кто же «отецъ твой?*—вопрошаетъ снова Государь.—Посоль- «скаго Приказа Переводчикъ. — «*А кто хозяинъ «твой?*» — Московскій гость Евреиновъ. — Монархъ «напослѣдокъ повелѣлъ ему, сдѣлавъ разсчетъ съ хо- «зяиномъ своимъ и взявъ аттестатъ, придти съ от- «цомъ своимъ къ Нему: *ибо-де ты мнѣ надобенъ.* — «На третій день отецъ съ сыномъ предстали предъ «Монарха, и сынъ подносъ Его Величеству данное «ему отъ хозяина о порядочномъ поведеніи его сви-

(*) Въ послѣдствіи Баронъ Шафировъ обучился еще Ла- тинскому, Голландскому и Италіянскому языкамъ.

«дѣтельство. Великій Государь опредѣлилъ его въ «Посольскій Приказъ, и по краткомъ времени засту- «пилъ онъ мѣсто своего отца. Изъ сего-то сидѣльца» — присовокупляетъ Г. Голиковъ въ *Анекдотахъ* своихъ *о Петрѣ Великомъ* — «вышелъ славный Господинъ «Петръ Павловичъ Шафировъ» — Въ 1691 году Шафировъ былъ уже Переводчикомъ въ Посольской Канцеляріи, гдѣ получалъ ежегодно жалованья по 30 рублей, да харчевыхъ по 20 копѣекъ на день, что составляло всего 103 рубля. 1696 года занимался онъ переводомъ Голландскихъ писемъ; въ 1697 сопутствовалъ Государю во время перваго путешествія Его Величества по Европѣ, и былъ въ Пруссіи, Голландіи, Англіи, Германіи и Польшѣ. Доказательствомъ отличной привязанности Петра Великаго къ Шафирову можетъ также служить, что въ слѣдующемъ году, по полученіи Его Величествомъ извѣстія о Стрѣлецкомъ бунтѣ, Государь, отправляясь изъ Вѣны на почтовыхъ, 19 іюля, взялъ съ Собою первыхъ двухъ Пословъ и нѣсколько приближенныхъ къ Нему дворянъ, въ числѣ которыхъ находился и Переводчикъ Шафировъ. Въ 1701 году, въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ, Шафировъ участвовалъ въ заключенномъ Государемъ въ городѣ Биржѣ, съ Польскимъ Королемъ Августомъ II-мъ договорѣ. 1704 года пожалованъ Тайнымъ Секретаремъ и находился при взятіи Нарвы и крѣпости Иваногородской (*).

(*) Ософанъ Прокоповичъ, Архіепископъ Новгородскій, въ *Исторіи* своей *о Петрѣ Великомъ*, стр. 93, упоминаетъ, между прочимъ, что Шафировъ посыланъ былъ къ Комеданту Иваногородскому съ предложеніемъ о немедленной сдачѣ этой крѣпости.

1706 года, сентября 3, поручено ему управленіе Посольскимъ Приказомъ; почему какъ въ томъ году, такъ равно и въ слѣдующемъ, контрасигнировалъ онъ грамоты и прочія министерскія бумаги. Въ тоже самое время, въ отсутствіе Государя, имѣлъ онъ сношенія по дипломатическимъ дѣламъ съ иностранными въ Москвѣ Посланниками. 1707 года, сентября 4, участвовалъ въ заключенномъ въ Варшавѣ, между Великимъ Канцлеромъ Графомъ Головкинымъ и Послами Седмиградскаго Князя Ракоція, договорѣ о воспомоществованіи послѣднему Россійскими войсками и деньгами, въ случаѣ избранія его Королемъ Польскимъ (*). Въ 1709 году находился при Государѣ во время славнаго Полтавскаго сраженія, и въ томъ же году, іюля 16, пожалованъ Подканцлеромъ, а 19 октября кавалеромъ Прусскаго ордена *Великодушія* отъ Короля Фридриха I-го.—Петръ Великій, вмѣсто того, чтобъ возгордиться успѣхами оружія Своего на Полтавскомъ полѣ, нетерпѣливо желалъ заключить миръ съ Карломъ XII и прекратить кровопролитіе. Шафировъ былъ

(*) Въ 1708 году, января 24, Государь пожаловалъ болѣе 300 дворовъ крестьянскихъ Тайному Секретарю Петру Шафирову, и въ жалованной ему на оные Грамотѣ сказано: «что онъ награждается такимъ образомъ за вѣр«ныя и усердно-радѣтельныя Государю службы; а особливо «при бытности Его Величества въ чужихъ краяхъ; также «за непрестанное его пребываніе въ воинскихъ походахъ «отъ самого начала Шведской войны, равно какъ и за не«усыпные его труды и совѣты въ Государственныхъ По«сольскихъ секретныхъ дѣлахъ.»

уполномоченъ отъ Его Величества, предложить условія получившимъ свободу Шведскому Генералъ-Маіору Мардефельду и Королевскому Секретарю Цедергельму. Требованія Государя были самыя умѣренныя, и состояли только въ слѣдующемъ: 1) чтобъ городъ Нарва и провинція Ингрія, которая съ давнихъ временъ принадлежала Россіи, остались за оною. 2) Чтобы часть Карелін съ городомъ Выборгомъ и въ Эстляндіи городъ Ревель остались также за Россіею, въ вознагражденіе понесенныхъ ею отъ войны убытковъ. Сдѣлавъ, именемъ Государя, это предложеніе Шведскимъ Генераламъ, для донесенія Королю, Шафировъ представилъ имъ, сверхъ сего, отъ себя, чтобъ они поспѣшили внушить Его Королевскому Величеству и Сенату о великодушіи побѣдителя, равно и о томъ, что въ случаѣ несогласія на этотъ выгодный миръ для ихъ Монарха, Россійскій Государь принужденъ будетъ продолжать войну съ бо́льшимъ еще противъ прежняго успѣхомъ. Карлъ XII отвергнулъ съ презрѣніемъ предложенія Петра Великаго, — и несчастная Швеція доведена была въ послѣдствіи до такой крайности, что нашлась уже принужденною заключить миръ съ Россіею на условіяхъ, какія угодно было этому Государству предписать ей. 1710 года, мая 30, Петръ Павловичъ Шафировъ пожалованъ Россійскимъ Баронomъ; а въ слѣдующемъ году, во время несчастнаго положенія нашихъ войскъ при Прутѣ, оказалъ великую услугу Россіи, убѣдивъ, посредствомъ своего краснорѣчія, Верховнаго Визиря Магмедъ-Пашу согласиться на предложенный ему Петромъ Великимъ миръ (*), ко-

(*) См. объ этомъ мирномъ договорѣ въ жизни Канцлера Графа Головкина.

торый и былъ заключенъ между ими 12 іюля 1711 года (*). Верховный Визирь потребовалъ тогда отъ Государя, чтобъ Баронъ Шафировъ, вмѣстѣ съ сыномъ Генералъ-Фельдмаршала Графа Шереметева, Генералъ-Маіоромъ Графомъ Михайломъ Борисовичемъ, остались въ Турецкомъ лагерѣ аманатами до исполненія постановленнаго въ трактатѣ, на что Петръ Великій принужденъ былъ также изъявить согласіе (**). Не смотря на противодѣйствіе Карла XII, миръ Прутскій, по неусыпному старанію Барона Шафирова, подтвержденъ былъ Султаномъ Ахметомъ III въ декабрѣ мѣсяцѣ тогожъ года; но какъ Петръ Великій медлилъ отдачею Азова и разореніемъ занятыхъ крѣпостей, ожидая, чтобъ Турки выслали прежде изъ своихъ владѣній Короля Шведскаго, то Визирь началъ угрожать Государю нарушеніемъ договора и смертію Шафирова; не-

---

(*) Въ 1711 году Баронъ Шафировъ упоминается въ дѣлахъ Подканцлеромъ, Тайнымъ Совѣтникомъ и орденовъ: Польскаго Бѣлаго Орла и Прусскаго Великодушія кавалеромъ.

(**) 1711 года, іюля 15, Государь писалъ изъ лагеря слѣдующее утѣшительное письмо къ супругѣ Барона Шафирова и его дочерямъ:

«Моя Госпожи!

«Понеже Г-нъ Подканцлеръ Шафировъ нынѣ въ учиненномъ миру былъ полномочнымъ, по учиненіи онаго Турки просили, дабы ему, и Г. Михайлу Шереметеву у нихъ до исполненія договора остаться, что для необходимой нужды и учинено. Того ради не имѣйте въ томъ печали, ибо Богу извольшу, не замѣшкается тамъ.»

Петръ.

торгнулъ отъ послѣдняго обязательство, противное выгодамъ Россіи, и потомъ простеръ дерзость требованіемъ исполненія по оному не только отъ Фельдмаршала Графа Шереметева, но даже отъ Самого Государя. Въ началѣ 1712 года, стараніями Карла XII, Султанъ нарушилъ подтвержденный имъ Прутскій договоръ, и предложилъ новыя Россійскимъ Посланникамъ требованія: 1) чтобъ войскамъ Россійскимъ никогда впредь не входить въ Польшу, хотя бы и Король Шведскій вступилъ туда съ своею арміею; также не имѣть Россіи никакого союза и сношенія съ Польшею; 2) чтобъ Царь учинилъ перемиріе на три года съ Шведскимъ Королемъ; 3) чтобъ онъ отказался отъ всей Малороссіи и отдалъ оную Порть и проч.—Въ толь смутныхъ обстоятельствахъ Баронъ Шафировъ, считая войну неизбѣжною, писалъ къ Фельдмаршалу Графу Шереметеву, *чтобъ онъ Азова Туркамъ не отдавалъ* (*). То-

(*) Сколько Турки безчеловѣчно поступали съ Россійскими Министрами, можно заключить изъ письма Барона Шафирова къ Фельдмаршалу Графу Шереметеву, отъ 13 ноября 1711 года, писаннаго имъ изъ обоза Турецкаго. Въ ономъ, между прочимъ, Шафировъ увѣдомлялъ: *что онъ и Графъ Михайло Борисовичь находятся въ великомъ опасеніи быть умерщвленными отъ Турковъ, но что, не смотря на это, если Адмиралъ Графъ Апракинъ и получитъ отъ нихъ о сдачѣ Азова письма (которыя Турки, посредствомъ разныхъ мученій, могутъ принудить ихъ написать), то чтобъ не поступалъ, однакожъ, по оным.* «Кто сіе привезетъ письмо» — продолжаетъ Баронъ Шафировъ—«изволишь о немъ держать секретно, и дать ему «тысячу рублей въ заплату, ибо великой страхъ въ томъ

гда онъ былъ заключенъ въ Семибашенную крѣпость вмѣстѣ съ Графомъ Михайлою Борисовичемъ Шереметевымъ (*). Къ счастію ихъ, Послы, Великобританскій кавалеръ Суттонъ, и Голландскій, Графъ Колліеръ, опасаясь, чтобъ съ возгорѣніемъ новой войны между Портою и Россіею, не успѣлися Король Французскій, горячо вступились за Россійскихъ Министровъ, и представленіями своими, смягчивъ нѣсколько жестокость Двора Константинопольскаго подали нѣкоторую надежду къ возстановленію мира. Наконецъ, неусыпными трудами Барона Шафирова и Графа Шереметева, преодолѣны были всѣ коварства Короля Шведскаго, препятствовавшаго поста-

---

«терпятъ; а хотя маленькой отвѣтъ цыфирью безъ подпи-«санія напиши съ нимъ; а если буде въ тюрьму насъ «посадятъ, а не погубятъ, не могутъ ли къ намъ прислать «чего, однакожъ не чаю. Прошу, ради Бога, показать ми-«лость къ оставшимся моимъ; а мы съ сыномъ твоимъ уже «еле живы съ печали.» — Однакожъ Государь, не смотря на письмо Барона Шафирова, желая уничтожить всякія причины въ войнѣ съ Портою, приказалъ тогда же Адмиралу Графу Апраксину немедленно отдать Азовъ Туркамъ и роззорить Таганрогъ.

(*) Графъ Борисъ Петровичь Шереметевъ, въ рапортѣ своемъ къ Государю, отъ 16 января 1712 года, увѣдомлялъ, между прочимъ, Его Величество о слѣдующемъ: «Прежній «Визирь, что учинилъ трактатъ, ругательно отставленъ. По-«ложа на шею его цѣпь, пѣшаго и босаго, чрезъ одного «Турку конпаго, по улицамъ въ Стамбулѣ водили, и по-«томъ удушенъ. Г. Баронъ Шафировъ и сынъ мой въ «эдикуль засажены и проч.» Виновникомъ толь бѣдственной кончины несчастнаго Магмеда былъ Карлъ XII.

повленію между Россіею и Портою Оттоманскою мира. Россійскіе Министры нашли случай склонить на свою сторону не только окружающихъ новаго Визиря Юсуфа, но даже и самую мать Султанскую, которая столь осталась довольна ихъ щедростію, что отослала обратно Карлу XII полученные ею отъ него подарки, и обнадежила Барона Шафирова всею своею помощію. Мирный трактатъ заключенъ и подписанъ былъ въ Константинополѣ, 5 апрѣля 1712 года, Россійскими Полномочными и Верховнымъ Визиремъ Юсуфъ Пашею (*); срокъ оному положенъ на двадцать пять лѣтъ. Въ исходѣ 1712 года Послы Россійскіе вторично посажены были въ Семибашенную крѣпость (**), и 14 ноября Султанъ, происками Короля Шведскаго, снова объявилъ войну Россіи. Баронъ Шафировъ въ

(*) Этотъ Визирь былъ также въ скоромъ времени лишенъ своего достоинства, по наущенію Карла XII, представившаго на него Султану, *что онъ преданъ Россійскому Государю.*

(**) Баронъ Шафировъ увѣдомлялъ, между прочимъ, Фельдмаршала Графа Шереметева, въ письмѣ своемъ отъ 4 марта 1713 года: «что Султанъ посадилъ ихъ въ ноябрѣ «мѣсяцѣ въ эдикуль, гдѣ»—прибавляетъ онъ — «и донынѣ «обрѣтаемся съ сыномъ вашимъ Михайломъ Борисовичемъ, «и живемъ съ великою нуждою, имѣя свѣтъ только съ «верху сквозь рѣшетку, и терпимъ отъ тѣсноты и отъ «смрада великую нужду. Если война продолжится, въ та«комъ случаѣ мы въ семъ своемъ бѣдственномъ заключе«ніи принуждены будемъ помереть и проч.»—Въ бытность въ крѣпости Баронъ Шафировъ занимался изученіемъ Италіянскаго языка — *Изъ Вебера.*

самой даже темницѣ не оставлялъ стараться о склоненіи Обладателя Порты Оттоманской къ примиренію съ Россійскимъ Монархомъ. Посредникомъ его въ переговорахъ съ Диваномъ былъ Голландскій Посолъ. Этому Министру обязаны Баронъ Шафировъ, Графъ Шереметевъ и Толстой (*) освобожденіемъ своимъ изъ крѣпости и позволеніемъ явиться въ Адріанополь, гдѣ тогда находился Султанъ, для трактованія о мирѣ. Ханъ Крымскій, пользовавшійся въ то время отличною довѣренностію Двора Турецкаго, уполномоченъ былъ вступить въ переговоры съ Россійскими Послами; но послѣдніе не согласились, зная, что Ханъ желалъ заставить Россію платить прежнюю дань Татарамъ. Твердость Министровъ нашихъ могла быть для нихъ бѣдственною, еслибъ не помогло имъ упрямство Карла XII, который отказался выѣхать изъ Турціи съ опредѣленнымъ ему пятитысячнымъ конвоемъ, а требовалъ отъ Султана многочисленной арміи въ свое распоряженіе. Тогда Ханъ Крымскій прибѣгнулъ къ Верховному Визирю Али-Пашѣ, и, посредствомъ подарковъ, умѣлъ склонить его на свою сторону. 26 мая 1713 года объявлено было Посламъ, чтобъ они готовились снова въ Семибашенную крѣпость, въ случаѣ несогласія ихъ на удовлетвореніе требованій Хана и уступку Портѣ Украйны. Послы, чтобъ удалить отъ себя угрожавшее имъ заключеніе и даже самую смерть, принуждены были дать Хану Крымскому 120,000 рейхсталеровъ. Избавившись такимъ образомъ отъ этого безпокойнаго и сильнаго непріятеля,

(*) *См. біографію Графа Петра Андреевича Толстаго.*

они воспользовались упрямствомъ Короля Шведскаго, и 13 іюня тогожъ года заключили въ Адріанополѣ новый съ Верховнымъ Визиремъ, на 25 лѣтъ, договоръ (*), въ такой же силѣ, какъ и постановленный ими 5 апрѣля 1712 года. Петръ Великій, получивъ отъ Барона Шафирова подтвержденіе мира съ Портою Оттоманскою, отправилъ съ ратификаціею онаго Посломъ къ Константинопольскому Двору Ближняго Стольника Дмитрія Бестужева-Рюмина, который, по пріѣздѣ своемъ въ Адріанополь, 9 сентября (1713 года), имѣлъ 19 числа тогожъ мѣсяца, вмѣстѣ съ другими Россійскими Послами, аудіенцію у Султана. Казалось, ничто уже не могло болѣе препятствовать счастливому окончанію мирнаго постановленія, равно отъѣзду Пословъ Россійскихъ въ ихъ отечество; но Порта, подъ разными пустыми отговорками, откладывала исполненіе какъ того, такъ и другаго. Эта медлен-

(*) Баронъ Шафировъ писалъ изъ Адріанополя къ Фельдмаршалу Графу Шереметеву слѣдующее, отъ 16 іюня 1713 года, письмо:

«Вашему Высокографскому Сіятельству допошу, что хо«тя мы ни отъ Двора Его Царскаго Величества, ниже отъ «Вашего Сіятельства, во все время нашего заключенія и «по сіе число, чрезъ восемь мѣсяцовъ, ни единаго писанія «и никакова извѣстія не имѣли и воли Его Величества, «потребенъ ли съ Портою миръ, не знаемъ; однакожъ, «усмотря случай и пропекавъ себѣ освобожденіе изъ эди«куля чрезъ посредство Посла Голландскаго, вступили съ «Портою, обще съ сыномъ Вашимъ, моимъ государемъ «Михайломъ Борисовичемъ, въ трактаты о возобновленіи «мира; и по многимъ трудностямъ и смертнымъ страхамъ,

пость заставила Барона Шафирова и товарищей его неоднократно возобновлять настоянія о размѣнѣ съ Турецкой стороны ратификаціи. Въ то самое время, къ крайнему удивленію ихъ, Верховный Визирь, снова заговорилъ объ удовлетвореніи Крымскаго Хана, страшая, по прежнему, Пословъ тюремнымъ заключеніемъ. Огорченные Послы съ презрѣніемъ и твердостью отвѣчали на толь постыдное и клятвопреступное домогательство Али-Паши, *что не имѣютъ никакого повелѣнія отъ своего Государя; что, съ заключеніемъ мирнаго договора, кончены обоюдныя о томъ дѣлъ сужденія, и что, наконецъ, никакая власть не можетъ принудить ихъ учинить малѣйшую перемѣну въ трактатѣ.* Твердость увѣнчана была желаемымъ

«тотъ трактатъ въ сихъ числѣхъ постановили на мѣрѣ, «отъ большой части на прежнемъ основаніи, и призваны «мы были въ великой Турецкой Совѣтъ къ Крайнему Ви«зирю, гдѣ онъ и мы со всѣми ихъ главными духовными «и мірскими Чинами были, при которомъ, по изустномъ съ «ними разговорѣ и по доношеніи Солтану, поставили они «сами на мѣрѣ тотъ контрактъ заключить, по уговорен«нымъ статьямъ и проч.» — Далѣе — «И сіе не могъ Ва«шему Сіятельству не донесть, что естьли вскорѣ сей «миръ не будетъ подтвержденъ, или въ чемъ не испол«ненъ будетъ, то всеконечно можемъ мы съ сыномъ Ва«шимъ много претерпѣть; ибо и нынѣ многократно жи«вотъ нашъ въ опасности былъ, понеже нынѣшній Визирь «Али-Паша, зять Султанской и крайній его Фаворитъ, зѣ«ло человѣкъ прегордой и превирѣный и многократно, «при нынѣшнемъ трактованіи, смертію намъ угрожалъ, «какъ аманатамъ, и проч.»

успѣхомъ. Визирь, видя, что угрозы его нимало не подѣйствовали надъ Послами, принужденнымъ нашелся перемѣнить обхожденіе съ ними. Вскорѣ подписана была Султаномъ ратификація, и 7 октября вручена Посламъ, которые, однакожъ, принуждены были остаться въ Константинополѣ до размежеванія границъ между обѣими Державами. Наконецъ, 1714 года Россійскіе Послы, столь много претерпѣвшіе, Баронъ Шафировъ и Петръ Андреевичь Толстой, возвратились въ декабрѣ мѣсяцѣ изъ Царьграда въ Петербургъ, къ чрезвычайному порадованію Государя; третій же ихъ товарищъ, Графъ Михайло Борисовичь Шереметевъ, скончался на дорогѣ въ Кіевѣ, гдѣ и погребенъ (*). 1715 года іюля $^{9}/_{20}$, Баронъ Шафировъ участвовалъ въ постановленномъ между Россійскимъ и Датскимъ Дворами соглашеніи о взаимномъ дѣйствіи противъ Шведовъ. 1716 года, января 22, за-

(*) Г. Веберъ въ книгѣ своей: *Преобразованная Россія*, пишетъ о Шафировѣ слѣдующее: «По возвращеніи изъ «Турціи Барона Шафирова, принятъ онъ съ великою «честію у Двора. Счастіе его возбудило новую ненависть «въ многочисленныхъ его завистникахъ, особливо въ Кня«зѣ Меншиковѣ. Я помню, что однажды, находясь они на «кораблѣ, подняли большой споръ между собою, и Шафи«ровъ сказалъ Меншикову: *что если бъ свойственная ему «зависть превратилась въ горячку, то весь приближенный «къ Государю особы померли бы отъ нея; и что онъ, не «щадя самихъ даже благодѣтелей своихъ, походитъ, по «своему нраву, на червяковъ, точущихъ деревья, которыми «они питаются и живутъ.* — Притомъ онъ упрекалъ его «тѣмъ, что Князь Меншиковъ во многихъ сраженіяхъ

ключилъ въ С. Петербургѣ съ Совѣтникомъ Мекленбургскимъ, Барономъ Георгомъ Габихшталемъ, брачный между Царевною Екатериною Іоанновною и Мекленбургъ-Шверинскимъ Герцогомъ Карломъ Леопольдомъ, въ VII статьяхъ, договоръ. Въ томъ же году, во время путешествія Государя въ Голландію, находился онъ при Его Величествѣ, а въ слѣдующемъ сопутствовалъ Ему во Францію. Въ бытность Петра Великаго въ Парижѣ, Баронъ Шафировъ, вмѣстѣ съ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ, видя, съ какимъ любопытствомъ Его Величество осматривалъ тамошнія шелковыя фабрики, изъявили Ему желаніе завести такія же въ Россіи, съ тѣмъ, что онѣ ни въ чемъ не будутъ уступать Французскимъ. Можно представить, сколь пріятно было Государю, покровительствовавшему всѣ полезныя учрежденія, это предложеніе Его Министровъ. Онъ тогда же пожаловалъ имъ грамоту, которою позволилъ завести въ Своемъ Государствѣ фабрики для дѣланія парчей, штофовъ и всякой шелковой матеріи, съ безпошлиннымъ внутри онаго чрезъ пятьдесятъ лѣтъ торгомъ (*). На возврат-

---

«смотрѣлъ издали въ зрительную трубку, подобно какъ «Нептунъ, съ Фракійскихъ горъ, на битву Троянъ съ «Греками, или какъ Ксеркъ, находившійся въ Саламинскомъ сраженіи на такомъ разстояніи, что не могъ уязвленъ быть стрѣлою. — Эта ссора причинила въ послѣдствіи паденіе Барона Шафирова.»

(*) Г. Шафировъ и Толстой вызвали для сего изъ Франціи и другихъ Государствъ искуснѣйшихъ въ этомъ дѣлѣ мастеровъ, также выписали всѣ нужные матеріалы и инструменты. Въ послѣдствіи приняли они къ себѣ въ това-

номъ пути изъ Франціи Баронъ Шафировъ, въ бытность свою въ Амстердамѣ, участвовалъ въ заключеномъ, августа 4 (1717 года), между Россійскимъ, Французскимъ и Прусскимъ Дворами договорѣ о дружбѣ, союзѣ и торговлѣ и о взаимномъ стараніи сохранять миръ и тишину въ Европѣ, на основаніи Утрехтскаго и Баденскаго трактатовъ. Въ томъ же году, при посредствѣ его, постановленъ въ Берлинѣ между Мекленбургскими и Нассавскими Министрами другой договоръ, о добровольномъ разводѣ Герцога Мекленбургскаго съ первою его супругою, Софіею Гедвигою, урожденною Принцессою Нассавскою. 1719 года, мая 30, Баронъ Шафировъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго; 1722, января 17, Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ. Въ этомъ году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, во время похода Петра Великаго въ Персію, произошла въ Москвѣ, между Шафировымъ, Оберъ-Прокуроромъ Сенатскимъ Скорняковымъ-Писаревымъ и Княземъ Меншиковымъ страшная ссора, причинившая паденіе перваго. Вражда между Княземъ Меншиковымъ и Барономъ Шафировымъ возникла съ того самого времени, какъ они вступили въ общую компанію морскаго сальнаго и рыбнаго промысла въ Архангельскѣ и Колѣ, къ чему способствовало также и отнятіе у нихъ того промысла, по оказавшейся за ними неисправности (*). Съ

рицы и Князя Меншикова; но происшедшая между послѣднимъ и Барономъ Шафировымъ ссора, разрушила полезное это заведеніе въ самомъ его началѣ.

(*) Это послѣдовало въ началѣ 1721 года. Государь предо-

тѣхъ поръ сдѣлались они тайными другъ другу врагами, искавшими одинъ другому погибели. Межеванье земель города Почепа, принадлежавшаго Князю Меншикову, открыло эту ссору. Баронъ Шафировъ донесъ Государю объ учиненномъ при томъ межеваніи пристрастіи, въ пользу Князя Меншикова, Полковникомъ Богданомъ Скорняковымъ-Писаревымъ, роднымъ братомъ Оберъ-Прокурора, и настоялъ, чтобы Полковникъ отданъ былъ за то подъ судъ. Поступокъ Барона Шафирова возстановилъ противъ него Князя Меншикова и Оберъ-Прокурора Писарева; а слѣдующее, маловажное, впрочемъ, происшествіе обнаружило злобу ихъ на него. Послѣдній имѣлъ у себя брата, Совѣтника Берг-Коллегіи Михаила Шафирова, присутствовавшаго предъ тѣмъ въ Ревизіонъ-Коллегіи, въ послѣдствіи Государемъ уничтоженной. До опредѣленія Шафирова въ Берг-Коллегію находился онъ безъ мѣста шесть мѣсяцовъ, и отпущенъ для своихъ нуждъ въ Москву. Онъ просилъ Сенатъ о выдачѣ ему за то время жалованья, и посредствомъ ходатайства Барона, опредѣленіе въ пользу просителя подписано 28 сентября. Оберъ-Прокуроръ Писаревъ, желая отмстить Шафирову за своего брата, подалъ на другой день Сенату протестъ о томъ, что Сенаторъ Шафировъ, во время выхода его въ другую палату, взялъ у Секретаря Кирѣева приговоръ о выдачѣ того жалованья и предложилъ оный для подписанія присутствовавшимъ тогда двумъ Сенаторамъ, Князьямъ Долгорукову и Го-

---

ставилъ тогда ихъ право Московскому Купцу Матвѣю Евреинову и его дѣтямъ.

лицыну, безъ вѣдома его, Оберъ-Прокурора. Баронъ Шафировъ, 2 октября, утверждалъ противное тому, представляя, что выписка и приговоръ о выдачѣ жалованья его брату сдѣланы съ вѣдома Оберъ-Прокурора; что послѣдній нападаетъ на него за Почепское дѣло. Писаревъ въ тотъ же самый день далъ другое предложеніе Сенату, исполненное желчи, въ которомъ, не только ссылался на прежній свой протестъ, но еще называлъ Барона Шафирова *сыномъ одного боярскаго холопа, прозваніемъ Шаюшки, и притомъ Жидовской породы.* 8 октября Баронъ вручилъ возвратившемуся изъ отлучки Генералъ-Прокурору Ягушинскому жалобу, въ которой изобразилъ съ большею еще желчію всѣ обиды и ругательства ему, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику, Сенатору и кавалеру отъ Писарева нанесенныя; приписывалъ дѣйствіе оныхъ злобѣ послѣдняго по вышеномянутому Почепскому дѣлу; просилъ объ отрѣшеніи его вовсе отъ Сената, или, въ случаѣ невозможности, о придачѣ къ нему какого-либо Прокурора, который могъ-бы напоминать Писареву о его должности, равно удерживать отъ подобныхъ продерзостей. Касательно же отца своего, Баронъ Шафировъ слѣдующимъ образомъ изъяснился: «Его Императорское Величество самъ моего «родителя милостиво знать и жаловать изволилъ, и «онъ безпорочный свой животъ Христіански и, по «милости Его Величества, въ Дворянехъ Московскихъ «скончалъ, и ни у кого въ кабальномъ холопствѣ не «былъ, и, Божіимъ призрѣніемъ, еще блаженныя па«мяти при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, за че«стные свои поступки, въ чинъ Дворянской произве-

«день.» Послѣ сего происходили новыя между Барономъ Шафировымъ и Писаревымъ ссоры. Оберъ-Прокуроръ подавалъ разные въ Сенатъ доносы на Вице-Канцлера, подтверждалъ несправедливый приговоръ о выдачѣ жалованья его брату, равно какъ и происхожденіе ихъ отъ *Жида*; и, наконецъ, просилъ, чтобы за учиненную ему Барономъ Шафировымъ обиду получилъ онъ надлежащее удовлетвореніе. Шафировъ, съ своей стороны, оправдываясь передъ Сенатомъ, утверждалъ, что Оберъ-Прокуроръ Скорняковъ-Писаревъ происходилъ отъ *площаднаго писаря и скорняка*, и что отецъ его пахалъ землю и приучалъ къ тому же сына своего, что самые грубые и подлые поступки его подтверждаютъ; сверхъ сего доказывалъ, что дядя родной Писарева за воровство былъ повѣшенъ. Оберъ-Прокуроръ представилъ тогда Сенату разныя отъ Государей предкамъ его жалованныя грамоты, и, прописавъ о происхожденіи своей фамиліи, за 300 лѣтъ предъ тѣмъ существовавшей, равно какъ и о томъ, что никто изъ его родственниковъ не только не былъ повѣшенъ, но даже и наказанъ, просилъ Правительствующій Сенатъ изслѣдовать ссору его съ Барономъ, доложить о томъ Его Императорскому Величеству, и не принимать болѣе отъ Шафирова подобныхъ прежнимъ *ябедническихъ, бездѣльныхъ, многоглаголивыхъ и изъ лжи сплетенныхъ доношеній.* Между тѣмъ Князь Меншиковъ слѣдующимъ, исполненнымъ пристрастія * письмомъ увѣдомилъ уже Монарха о происходившемъ въ Сенатѣ: «У Г. Барона «Шафирова съ Оберъ-Прокуроромъ Писаревымъ учи«пилась ссора, и онъ, Баронъ, по обыкновенной сво-

«ей злобѣ, клевещетъ на него напрасно, злясь за то, «что онъ, Оберъ-Прокуроръ, предостерегъ подложное «дѣло брата его, Михайлы Шафирова, о жалованьѣ, «по которому и выписка уже была учинена, и при- «говоръ подложенъ имъ предъ Сенаторовъ и подпи- «салисъ подъ оными только двѣ персоны, о чемъ «пространно изволите Ваше Величество быть извѣ- «стны изъ посланныхъ его Писарева донесеній; и «правда, что онъ Господинъ Писаревъ по тому дѣлу «правъ, понеже оное дѣло зѣло вымышленно учинено, «и о чемъ онъ Михайло Шафировъ и въ челобитьѣ «не просилъ, то исполнено въ приговорѣ.» Но не однимъ этимъ письмомъ враги Шафирова намѣревались восторжествовать надъ нимъ: Оберъ-Прокуроръ Писаревъ донесъ на Барона, что онъ, будучи въ званіи главнаго надъ почтами Директора, наложилъ самъ собою излишнюю таксу на письма и посылки, и не давалъ никому отчета въ почтовыхъ деньгахъ; почему и предложилъ Сенату изслѣдовать справедливость его доноса. Дѣло это непосредственно началось за вышепомянутою ссорою. Тщетно Баронъ Шафировъ представлялъ, что какъ онъ поставленъ начальникомъ надъ почтами самимъ Государемъ, то Его Величеству, а не Сенату, надлежитъ судить его въ томъ. 31 октября произошла вновь въ Сенатѣ еще большая распря между Барономъ и Оберъ-Прокуроромъ Писаревымъ, исправлявшимъ, въ отсутствіе Ягушинскаго, должность Генералъ Прокурора (*). Писаревъ объявилъ Барону

(*) Любопытно, что Ягушинскій, предвидя непріятныя послѣдствія этой ссоры, устранилъ себя отъ всякаго участія въ оной отлучкою изъ С. Петербурга. Б. К.

Шафирову, что какъ господа Сенаторы намѣреваются слушать дѣло о почтѣ, которое до него касается, то ему, по указу, запрещающему находиться при слушаніи своего дѣла, надлежитъ выдти изъ присутственной палаты. На это Баронъ Шафировъ возразилъ: *что онъ, по его предложенію не выдетъ, и что ему высылать его не можно.*—Оберъ-Прокуроръ прочелъ тогда Барону указъ, повелѣвающій всѣмъ тѣмъ, которыхъ дѣла слушаютъ и судятъ, выходить вонъ изъ присутствія.—«Указъ этотъ»—отвѣчалъ Шафировъ—«не принадлежитъ къ сему дѣлу. Притомъ ты меня, «какъ Сенатора, не можешь выслать отсюда.»—Послѣ сего оба противника начали еще болѣе возвышать свой голосъ. Оберъ-Прокуроръ предложилъ Сенату, чтобъ поступлено было съ Барономъ по силѣ указовъ, а послѣдній возразилъ тогда: «Что ты о семъ пред-«лагаешь? Ты мой главный непріятель, и будучи самъ «воръ, меня воромъ называешь, и письменно проте-«стуешь, будто я Государя обманулъ.» — Князь Меншиковъ и Графъ Головкинъ, непримиримые враги Барона Шафирова, воспользовались его запальчивостію, и начали говорить другимъ товарищамъ своимъ, *что имъ не льзя болѣе отправлять дѣлъ въ Сенатѣ, когда Оберъ-Прокуроръ онаго воръ.* — «Напрасно гнѣ-«ваетесь вы на меня, и высылаете вонъ» — сказалъ тогда Баронъ Шафировъ Сенаторамъ, — и обратясь потомъ къ Князю Меншикову и Графу Головкину, продолжалъ: «вы главные мои непріятели, одинъ за «Почепское дѣло, а другой за многія челобитныя, по-«данныя мною Государю и къ Сенатъ (*), и такъ вамъ

(*) Графъ Головкинъ не любилъ Барона Шафирова и за

«не слѣдуетъ меня судить.»—Меншиковъ возразилъ на это Барону: *Пожалуй не убей меня.*» — «Ты можешь» — отвѣчалъ Шафировъ — «и всѣхъ побить.» Послѣ сего шумъ между Княземъ и Барономъ еще болѣе усилился: они требовали, чтобъ каждое слово ихъ было записано въ протоколъ; потомъ Князь Меншиковъ, Канцлеръ Графъ Головкинъ и Графъ Брюсъ вышли изъ Сената, и первый, при выходѣ своемъ, подалъ Сенату голосъ, которымъ представилъ, чтобы, для лучшаго теченія дѣлъ Государственныхъ, было запрещено Барону Шафирову, за его многія продерзости, присутствовать въ Сенатѣ, до возвращенія въ столицу Его Императорскаго Величества. Князь Меншиковъ не довольствовался этимъ. Онъ подалъ, 3 ноября, другое доношеніе Сенату, которымъ требовалъ, чтобы за оказанное Барономъ безчестіе, учинено было ему, какъ Генералъ-Фельдмаршалу и Россійскому Князю, должное удовлетвореніе. Сверхъ сего отправилъ, 31 октября, курьера къ Государю и къ Государынѣ съ пристрастнымъ письмомъ обо всемъ происшедшемъ въ Сенатѣ. Баронъ Шафировъ, съ своей стороны, послалъ также нарочнаго къ Императору. Ссора эта, чрезвычайно огорчившая Его Величество, была причиною скораго Его въ Москву изъ Персидскаго похода возвращенія. Петръ Великій, прибывъ 15 декабря (1722 года) въ столицу, съ великимъ неудовольствіемъ принялъ поздравленіе Барона Шафирова и Оберъ-Прокурора Писарева, давъ имъ чрезъ то по-

---

то также, что онъ, будучи расточителенъ, позволялъ себѣ забавляться иногда надъ лишнею его бережливостію.

чувствовать, сколь непростительно для нихъ нанесенное оскорбленіе священному мѣсту непристойными спорами. Тогда была учреждена Коммиссія для изслѣдованія происшедшей ссоры между Барономъ Шафировымъ и Писаревымъ. Она названа *Вышнимъ Судомъ*, состояла изъ Сенаторовъ: Графовъ Брюса, Мусина-Пушкина и Матвѣева; Генерала Бутурлина; Генералъ-Маіоровъ Головина и Дмитріева-Мамонова; Бригадира Воейкова; Полковника Блеклова; Капитановъ Гвардіи Бредихина и Баскакова. Члены Вышняго Суда, разсмотрѣвъ дѣло Барона Шафирова, нашли его виновнымъ въ слѣдующихъ преступленіяхъ: 1) въ ослушаніи изданному Монархомъ закону, повелѣвающему выходить изъ присутствія всѣмъ тѣмъ, которыхъ дѣла слушаются и судятся; 2) въ противномъ толкованіи Шафировымъ сего закона; 3) въ нарушеніи порядка и благопристойности, которыя всѣ господа Сенаторы строжайше обязаны наблюдать въ первомъ присутственномъ мѣстѣ, долженствующемъ служить примѣромъ въ томъ для другихъ мѣстъ; 4) въ присвоеніи знатной суммы почтовыхъ денегъ и въ наложеніи таксы на письма, не только безъ указа, но и въ противность правилъ, данныхъ предмѣстнику его, Г. Виніусу; 5) въ нарушеніи установленнаго порядка опредѣленіемъ выдачи жалованья брату его; и 6) въ необъявленіи имъ въ предписанный указомъ Государевымъ срокъ бѣглыхъ, найденныхъ въ его деревняхъ. За всѣ эти преступленія Баронъ Шафировъ приговоренъ Коммиссіею къ лишенію чиновъ, достоинствъ, имѣнія (*) и самой жизни, который при-

(*) Недвижимое имѣніе Барона Шафирова, простиравшее-

говоръ и былъ утвержденъ, 15 февраля 1723, правосуднымъ Монархомъ; однакожъ Его Величество, помня важныя услуги, оказанныя Государству Барономъ Шафировымъ, перемѣнилъ смертную казнь на изгнаніе (*). Шафировъ оказалъ великую твердость во время своего несчастія, которое не долго продолжалось, ибо, по восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины I-й, Ея Величество возвратила ему въ

ся до 3,000 купленныхъ имъ и жалованныхъ дворовъ крестьянскихъ, было все конфисковано.

(*) Прилагаю у сего слѣдующее любопытное описаніе наказанія Барона Шафирова, почерпнутое мною изъ *Записокъ Голстинскаго Оберъ-Камергера Беркгольца.*

«15 февраля (1723 года) ѣздилъ я по утру въ семь часовъ «въ Кремль, чтобъ видѣть происходившее тамъ наказаніе «Барона Шафирова. Лобное мѣсто наполнено было безчислен- «нымъ множествомъ народа и солдатами. Когда преступникъ, «сопровождаемый конвоемъ, изъ Преображенскаго Прика- «за привезенъ туда на простыхъ саняхъ, то прочитанъ «былъ ему приговоръ, состоявшій въ лишеніи его жизни «отсѣченіемъ головы. Послѣ сего сняли съ Шафирова па- «рикъ и ветхую шубу, въ коей онъ тогда находился; взве- «ли его на мѣсто казни, гдѣ, по Россійскому обычаю, обо- «ротясь къ церкви, крестился онъ различнымъ образомъ, «а потомъ преклонилъ колѣна свои и положилъ голову «на плаху; палачи протянули ему въ то время ноги, и «одинъ изъ нихъ, подявъ тогда вверхъ большой топоръ, «ударилъ онымъ по плахѣ, при чемъ объявлено Шафиро- «ву Макаровымъ, отъ имени Государя, отмѣненіе, за ока- «занныя имъ Государству услуги, смертной казни на «ссылку его въ Сибирь. (Однакожъ Баронъ Шафировъ оставленъ былъ по близости Петербурга, и, какъ видно изъ письма его къ Бассевичу, первому Герцога

февралѣ мѣсяцѣ 1725 года, по ходатайству Герцога Голстинскаго (*), Баронское Россійской Имперіи достоинство. «27 марта»—пишетъ Г. Веберъ въ книгѣ своей *Преобразованная Россія*—«Императрица призвала къ се-«бѣ Барона Шафирова и весьма милостивыми словами «изъявила ему: *чтобы онъ приписалъ претерпѣнное «имъ несчастіе врагамъ своимъ, а не покойному Импера-*

Голстинскаго Министру, находился подъ карауломъ въ Новѣгородѣ). «Послѣ сего Шафировъ приподнялся на но-«ги и сошелъ съ эшафота съ заплаканными глазами. Въ «то время повели его въ Сенатъ, гдѣ многіе Сенаторы «жали ему руку и поздравляли его съ полученною мило-«стію. Потомъ Лейбъ-Медикомъ Гови пущена была ему «кровь, находившаяся у него въ великомъ волненіи, и «Шафировъ сказалъ въ то время: *лучше было бы, если бъ «выпустили мнѣ кровь изъ большой жилы, дабы прекра-«тить мои мученія!* — Въ самомъ дѣлѣ многіе, въ осо-«бенности нашъ Дворъ и Министры иностранные, сожа-«лѣютъ о немъ, какъ о весьма честномъ человѣкѣ. Въ «тотъ день Его Высочество Герцогъ обѣдалъ у себя до-«ма и былъ невеселъ, по причинѣ происходившаго по «утру наказанія. Онъ лишился въ Шафировѣ хорошаго «пріятеля, а Иностранные Министры врядъ найдутъ ли «въ другомъ Вице-Канцлерѣ такого человѣка, кото-«рымъ столько были бы довольны, какъ имъ; ибо хотя «онъ нѣсколько былъ вспыльчивъ, однакожъ очень легко «соглашался на дѣлаемыя ему представленія, и Послани-«ки могли полагаться на данное имъ слово, что много дѣ-«лаетъ чести Государственному Министру.—»

(*) Слѣдующій переводъ съ Нѣмецкаго письма Барона Шафирова къ Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Бассевичу послужитъ доказательствомъ, что Баронъ обязанъ былъ своею свободою стараніямъ этого Голстинскаго Министра:

«тору, который, даже передъ кончиною Своею, всегда «хорошихъ былъ объ немъ мыслей, противился ссыл-«кѣ его въ Сибирь и намѣревался возвратить ему «прежнюю Свою милость; почему Она, исполнял «желаніе въ Бозѣ почивающаго своего Супруга, «долгомъ поставляетъ увѣрить Барона въ отлич-«ной своей къ нему благосклонности. Шафировъ отвѣчалъ на это съ совершенною покорностію, говоря: *что онъ поступилъ противъ воли Императора, и признаетъ вину свою тѣмъ непрости-*

«Высокородный и высокопочтенный Дѣйствительный «Тайный Совѣтникъ и первый Министръ, высокой благо-«дѣтель мой!

«Не могу найти довольно словъ, чтобъ возблагодарить «Ваше Превосходительство за высокую и мною незаслу-«женную милость, которую изволили Вы оказать мнѣ, не-«щастному, въ теперешнихъ моихъ тѣсныхъ обстоятель-«ствахъ. Самъ Богъ впушилъ Вашему Превосходительству «предстательствовать обо мнѣ у Его Высочества Герцога, «котораго стараніями возвращена мнѣ свобода Ея Величе-«ствомъ. Будучи не въ состояніи принесть Вашему Пре-«восходительству достойную благодарность, мнѣ остается «только посвятить всю мою жизнь для испрашиванія у «Всемогущаго, вмѣстѣ съ семействомъ моимъ, всякого «благоденствія какъ Вамъ, такъ равно достойной супругѣ «Вашей и любезнымъ дѣтямъ. При семъ осмѣливаюсь ут-«руждать Ваше Превосходительство слѣдующею новою мо-«ею просьбою: хотя я и не нахожусь болѣе подъ карауломъ «бывшаго при мнѣ Гвардіи Сержанта, но имѣю запрещеніе «жить въ Петербургѣ, гдѣ не могу употребленъ быть ни «къ какимъ дѣламъ; по чему и не смѣю явиться въ сей «городъ безъ дальнѣйшаго милостиваго позволенія. Свидѣ-«тельствуюсь Вамъ самимъ Богомъ, что, получа свободу

«*тельпье, чѣмъ болѣе Государь оказывалъ ему ми-*
«*лости въ его возвышеніи; почему вторично испраши-*
«*ваетъ у Ея Величества прощенія себѣ и милости-*
«*ваго снисхожденія.* — Государыня прервала его рѣчь
«словами: *И я помню ваши заслуги;* потомъ пожало-
«вала ему поцѣловать Свою руку и велѣла принести
«его шпагу; но какъ ее долго не могли отыскать, то

«ничего теперь не желаю въ свѣтѣ, какъ только, чтобъ
«провести безъ всякой должности, если то возможно мнѣ
«будетъ, остальное время печальной и многотрудной моей
«жизни. Но совѣмъ тѣмъ, щитая необходимо нужнымъ и
«сообразнымъ винѣ моей, лично засвидѣтельствовать съ
«колѣнопреклоненіемъ Ея Императорскому Величеству ни-
«жайшую мою благодарность, и совершенно увѣриться въ
«дарованномъ Ею мнѣ прощеніи, дабы потомъ съ покор
«постію и спокойнымъ духомъ посвятить себя на службу
«Ея Императорскаго Величества, въ какомъ бы ни было
«Ей угодно опредѣлить меня мѣстѣ, осмѣлился я прила-
«гаемымъ у сего письмомъ засвидѣтельствовать нижайшую
«благодарность Его Королевскому Высочеству, Свѣтлѣй-
«шему Герцогу, за дарованную мнѣ Императрицею свобо
«ду, и просить Его, дабы Онъ исходатайствовалъ позво-
«леніе пріѣхать мнѣ въ Петербургъ. Я увѣренъ, что сіе
«желаніе мое будетъ увѣнчано успѣхомъ, если Ваше Пре-
«восходительство снова пріимите на себя трудъ, быть мо-
«имъ предстателемъ у Его Королевскаго Высочества. То-
«гда я пріятное буду имѣть утѣшеніе, лично благодарить
«Васъ за всѣ неоцѣненныя Ваши одолженія. Въ ожиданіи
«чего, имѣю честь быть

Вашего Превосходительства
преданнѣйшимъ слугою
Петръ Шафировъ.

Новгородъ, 6 февраля 1725 года.

«Ея Величество приказала принесть изъ Своего ка-«бинета золотую шпагу покойнаго Императора, кото-«рую Генералъ Бутурлинъ и падѣлъ тогда, по Ея «повелѣнію, на Шафирова. Потомъ Монархиня подала «ему бокалъ Венгерскаго вина, и велѣла Великимъ «Княжнамъ взойти въ комнату, въ которой Она находи-«лась, чтобъ поздравить Шафирова. Императрица дари-«ла его прежнимъ домомъ, но онъ отказался отъ онаго, «представляя, съ чрезвычайною скромностію, что для «человѣка, не имѣющаго никакихъ средствъ и услу-«гъ, непристойно будетъ жить въ столь великолѣпномъ «домѣ. Толь милостивый пріемъ былъ весьма непрія-«тенъ врагамъ Шафирова. Они не могли понять, «какъ Меншиковъ допустилъ Императрицу простить Ба-«рона; но не думали о томъ, что Императрица возпамѣ-«рилась ознаменовать вступленіе Свое на престолъ «кротостію и снисхожденіемъ; что во время Прутска-«го похода, Она обязана была стараніямъ Шафи-«рова жизнію Своею и свободою, и что, наконецъ, «Она весьма уважала предстательство будущаго Ея «зятя, Герцога Голштинскаго. Самъ Меншиковъ не «могъ противостоять столь сильнымъ причинамъ; къ «тому жъ, видя, что число собственныхъ враговъ его «ежедневно увеличивалось, онъ рѣшился примириться «съ Шафировымъ, и симъ усилить свою партію, но-«забывъ наставленіе Курція: Quos vicеris, cave amicos «tibi esse credas; т. е. *не считай тѣхъ пріятелями, «которыхъ побѣдилъ*». 14 іюля (1725 года) Баронъ Шафировъ, посредствомъ предстательства Герцога Голштинскаго, пожалованъ былъ Президентомъ Комерцъ-Коллегіи, съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго

Совѣтника. Въ слѣдующемъ году, въ бытность его въ Архангельскѣ, заключилъ онъ, 22 сентября, согласно данной ему инструкціи Государынею, договоръ съ купцами этого города: иностранцемъ Генрихомъ Шведенгребелемъ и Иваномъ Масловымъ съ товарищами. Онъ отдалъ имъ весь семговой промыслъ на четыре года, съ 1-го января 1727 по 1 января 1731 года. Составляя компанію, Баронъ Шафировъ надѣялся, что она приметъ на себя, по истеченіи четырехъ лѣтъ, и китовую ловлю; но старанія его о томъ и обнадеживанія разными привиллегіями остались безъ всякаго успѣха. 1730 года, августа 23, онъ былъ отправленъ въ Гилянь Полномочнымъ Министромъ, вмѣстѣ съ Генераломъ Левашовымъ (*). Императрица Анна Іоанновна столь довѣряла ему, что поручила не только трактовать о вѣчномъ мирѣ съ Шахомъ Персидскимъ, но еще и заключить оный на выгодныхъ и безопасныхъ для Россіи условіяхъ. Баронъ Шафировъ прибылъ въ Гилянь 4 апрѣля 1731 года; а въ слѣдующемъ году, января 21, постановилъ въ Рящѣ, вмѣстѣ съ Генераломъ Левашовымъ, между Россійскимъ Государствомъ и Персидскимъ Шахомъ Тахмасибомъ трактатъ, которымъ возобновлены были обѣими Дер-

(*) Василій Яковлевичъ Левашовъ, Генералъ-Аншефъ, Сенаторъ и орденовъ Св. Ап. Андрея Первозваннаго и Св. Александра Невскаго кавалеръ, родился въ 1667, скончался въ 1751 году. Этотъ храбрый полководецъ былъ Бригадиромъ въ царствованіе Петра Великаго. См. его біографію въ третьей части моего *Словаря*, изд. 1836 года.

жавами прежняя дружба и согласіе, равно уступлены Россіею Персіи завоеванныя провинціи, въ замѣнъ чего Испаганскій Дворъ предоставилъ разныя выгоды Россійской торговлѣ. По возвращеніи изъ Персіи, декабря 7 (1732 года), Шафировъ пожалованъ Тайнымъ Совѣтникомъ. 1733 года, марта 25, Императрица Анна Іоанновна снова возвела его въ почетное достоинство Президента Коммерцъ-Коллегіи, и велѣла ему также присутствовать въ Сенатѣ. 1734 года, января 28, пожалованъ онъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, и въ томъ же году, декабря 2, участвовалъ въ заключенномъ, въ С. Петербургѣ, Графомъ Остерманомъ съ Англійскимъ Резидентомъ Рондо, договорѣ между Россійскимъ и Англійскимъ Дворами о дружбѣ и взаимной торговлѣ, на пятнадцать лѣтъ. Въ 1737 году, марта 19, Баронъ Шафировъ, вмѣстѣ съ Оберъ-Егермейстеромъ Волынскимъ и Тайнымъ Совѣтникомъ Иваномъ Ивановичемъ Неплюевымъ, отправленъ былъ первымъ Министромъ въ Немировъ (Польское мѣстечко), для постановленія мира между тремя Имперіями: Россійскою, Цесарскою и Турецкою. — Конгрессъ этотъ, на который съѣхались также Цесарскіе и Турецкіе Полномочные, за разными спорами, прекратился безъ малѣйшей пользы въ декабрѣ тогожъ года. — Баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ скончался въ С. Петербургѣ 1 марта 1739 года. Хотя онъ былъ малаго роста, чрезвычайной толщины и едва передвигалъ ноги, но соединялъ ловкость въ поступкахъ съ великою пріятностію въ лицѣ. Любопытно, что въ 1720 году, на шуточной свадьбѣ Петра Ивановича Бутурлина (котораго Петръ Великій име-

повалъ *Княземъ-Папою*), Шафировъ находился въ числѣ трехъ скороходовъ. Другіе два, также отличавшіеся своею дородностію, были: Иванъ Ѳедоровичъ Бутурлинъ и Иванъ Степановичъ Собакинъ. Изъ сочиненій его, напечатано, въ 1716, 1719 и 1722 годахъ: *Разсужденіе о Шведской войнѣ*, которое содержитъ въ себѣ вѣрную картину дипломатическихъ сношеній нашего Двора съ Сѣверными Державами и было посвящено Царевичу Петру Петровичу. Оно издано и на Нѣмецкомъ языкѣ въ 1717 году. У Барона Шафирова былъ только одинъ сынъ, Баронъ Исай Петровичъ, служившій Совѣтникомъ въ Каммеръ-Коллегіи, и четыре дочери. Первый тучностію своею превосходилъ отца. Свадьба его и, особливо, любопытный разговоръ, *на другой день*, Петра Великаго съ новобрачною, описаны въ *Запискахъ Берхольца*. Посредствомъ дочерей, Шафировъ сродинлся съ первыми домами въ Россіи: Князьями Долгоруковыми, Хованскими, Гагариными и Графами Головкинымъ. Онъ участвовалъ въ открытіи Императорской Академіи Наукъ, и положилъ основаніе библіотекѣ оной пожертвованіемъ около 500 книгъ, большею частію дипломатическихъ. Характеръ и заслуги Барона Шафирова изображены въ его дѣяніяхъ. Остерманъ, хитрѣйшій Министръ того времени, находилъ въ немъ опаснаго для себя соперника.

ШУБИНЪ, Алексѣй Яковлевичъ, началъ службу свою въ 1721 году, солдатомъ Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскомъ полку, гдѣ произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры и потомъ въ Прапорщики. Одаренный отъ

природы красивою наружностію, проворствомъ, умомъ предпріимчивымъ, онъ сдѣлался первымъ приверженцемъ Цесаревны Елисаветы Петровны (*), которая тогда не имѣла никакихъ властолюбивыхъ видовъ, посвящала все свое время уединенію и любимымъ занятіямъ. Бутурлинъ, Разумовскій, Шуваловы не выступали еще на поприще, долженствовавшее возвысить ихъ въ послѣдствіи. Вскорѣ Шубинъ былъ арестованъ по приказанію Императрицы Анны Іоанновны, долго томился въ оковахъ, въ застѣнкѣ, въ такъ называемомъ *каменномъ мышкѣ*, гдѣ нельзя было *ни сѣсть, ни лечь*; наконецъ отправленъ, подъ строгимъ карауломъ, въ Камчатку, обвѣнчанъ тамъ съ Камчадалкою, противъ воли. Вступивъ на Престолъ Своихъ Прародителей, Елисавета вспомнила о несчастномъ Шубинѣ, забытымъ всѣми, и отправила нарочнаго въ отдаленную Сибирь. Съ великимъ трудомъ отыскали его. Онъ былъ пожалованъ (1743 г.) Императрицею, *за невинное претерпѣніе*, изъ Прапорщиковъ въ Генералъ-Маіоры Гвардіи Семеновскаго полка; награжденъ (2 марта) орденомъ Св. Александра Невскаго, многими деревнями; но всѣ эти милости не могли возвратить ему разстроеннаго здоровья. Шубинъ оставилъ скользкій Дворъ, и, получивъ увольненіе отъ службы, 17 декабря 1744 года, съ чиномъ Генералъ-Поручика, благоразумно удалился въ пожалованное ему имѣніе. Годъ кончины его неизвѣстенъ. — Я видѣлъ въ Москвѣ, у Павла Осдоровича Карабанова, пѣ-

(*) См. *Mémoires sur la Russie par Manstein*, Leipzig 1771, p, 450.

сню, сочиненную и писанную дѣвицею, которая страстно любила Шубина. Слогъ устарѣлъ, но пѣсня дышитъ огненнымъ чувствомъ. Для любопытныхъ прилагаю здѣсь одну строфу:

Я не въ своей мочи огнь утушить,
Сердцемъ болѣю, да чѣмъ пособить?
Что всегда разлучно и безъ тебя скучно —
Легчебъ тя не знати, нежель такъ страдати
Всегда по тебѣ.

Щ.

ЩЕРБАТОВЪ, Князь Михаилъ Михайловичъ, потомокъ Св. Михаила, Князя Черниговскаго, родился въ Архангельскѣ 22 іюня 1733 года. Отецъ его, Князь Михаилъ Юрьевичъ, Комнатный Стольникъ, потомъ Полковникъ въ Государствованіе Петра Великаго, участвовалъ въ разныхъ побѣдахъ Его надъ врагами Россіи, получилъ нѣсколько ранъ, и, въ послѣдствіи, продолжалъ службу въ Москвѣ Оберъ-Комендантомъ, произведенъ въ Генералъ-Маіоры, пожалованъ (1732 г.) Губернаторомъ въ Архангельскъ, гдѣ и скончался (1738 г.). Еще въ младенчествѣ, лишась родителя, Щербатовъ обучался, подъ надзоромъ нѣжной матери, Россійскому, Французскому и Италіянскому языкамъ и разнымъ наукамъ. На четырнадцатомъ году началъ онъ служить, съ нижнихъ чиновъ, Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскомъ полку (1746 г.); произведенъ (1756 г.) въ Прапорщики; черезъ два года (1758 г.) въ Подпоручики; въ 1761 г. пожалованъ Поручикомъ; въ 1762 Капитанъ-Поручикомъ, и въ томъ же году (29 мар.) вышелъ въ отставку Капитаномъ. Не долго Князь Щербатовъ пользовался отдохновеніемъ: въ 1767 году Ярославское Дворянство избрало его Депутатомъ въ Коммиссію для сочиненія Проекта новаго Уложенія, и вскорѣ (22 сент.), причисленъ онъ къ Высочайшему

Двору въ званіи Каммеръ-Юнкера (чинъ соотвѣтствовавшій тогда Бригадирскому), пожалованъ (1768 г.) присутствующимъ въ Коммиссіи о Коммерціи. Императрица Екатерина II-я, узнавъ, что Князь Щербатовъ собираетъ матеріалы для Отечественной Исторіи, одобрила похвальный трудъ его и поручила ему привести въ порядокъ кабинетный Архивъ Петра Великаго. По прошествіи трехъ лѣтъ онъ получилъ (1771 г.) должность Герольдмейстера, и, продолжая Придворную службу, пожалованъ (1773 г.) въ Дѣйствительные Камергеры, вслѣдъ за тѣмъ (1778 г.) въ Тайные Совѣтники и Президенты Камеръ-Коллегіи. Тогда Князь Щербатовъ, на котораго Государыня возложила, 22 сентября, орденъ Св. Анны, опредѣленъ также присутствующимъ въ Экспедиціи винокуренныхъ заводовъ. Здѣсь имѣлъ онъ случай оказать дѣятельность свою и безкорыстіе, доставивъ Казнѣ прибыли на милліонъ девятьсотъ семнадцать тысячъ двадцать семь рублей. Въ слѣдующемъ году (1779) велѣно ему присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ: въ этомъ почетномъ званіи ревизовалъ онъ (1784 г.), съ товарищемъ, губерніи: Владимірскую, Костромскую и Ярославскую, и занимался изслѣдованіемъ разныхъ взятокъ. Не задолго передъ тѣмъ Императрица прислала тамошнему Намѣстнику въ подарокъ *кошелекъ*, длиною болѣе аршина: курьеръ имѣлъ приказаніе пріѣхать во Владиміръ въ день имянинъ корыстолюбца, и вручить ему пакетъ во время обѣда. Увѣряютъ, будто онъ не перенесъ этого неожиданнаго, но заслуженнаго удара. Событіе, не подверженное никакому сомнѣнію: оно служитъ доказательствомъ, сколько справедливая

Монархиня довѣряла Князю Щербатову. Съ того времени его не отрывали болѣе отъ любимыхъ занятій, и онъ продолжалъ писать *Россійскую Исторію*, имѣя, по Высочайшему повелѣнію, свободный входъ во всѣ Государственныя Библіотеки и Архивы. Первый томъ, посвященный Императрицѣ, напечатанъ былъ въ Санктпетербургѣ еще въ 1770 году, въ 4 д. листа; но послѣдующіе доведены только до Царя Михаила Ѳеодоровича. Уже изнуренный продолжительною болѣзнію, чувствуя приближеніе смерти, Князь Щербатовъ не покидалъ пера.... оно выпало изъ рукъ его 12 декабря 1790 года. Любовь къ полезнымъ занятіямъ сохранила до нашихъ временъ имя этого трудолюбиваго писателя; но вѣнокъ безсмертія предназначенъ былъ другому. Исторія его, писанная тяжелымъ слогомъ, съ большими неисправностями, еще при жизни сочинителя дала обильную пищу ученой критикѣ. Карамзинъ отзывается о Князѣ Щербатовѣ: «что онъ совсѣмъ не «зналъ Славяно-церковнаго языка, почему и не могъ «понимать лѣтописей, ни старинныхъ историческихъ «актовъ, и сверхъ того дозволялъ себѣ дополнять «все то, чего не понималъ, собственными своими вы«мыслами, которые утвердительно выдавалъ за истину.» Елагинъ обличилъ его въ томъ, что онъ не умѣлъ различить Владиміръ *на Волынѣ* отъ Владиміра *на Клязьмѣ*, а Карамзинъ: «что, сказавши въ одномъ мѣстѣ о «казни нѣкоторыхъ сановниковъ Іоанна IV, говоритъ «о казни ихъ по другому случаю и въ другое время, «ошибаясь такимъ образомъ потому, что въ Царствен«ной Книгѣ, на которой онъ основался, листы пере«мѣшаны и нѣкоторые вдвойнѣ;» вмѣнъ его, что онъ,

оставивъ достовѣрнаго Нестора, послѣдовалъ автору *Синопсиса*, выписаннаго бо́льшею частію изъ Польскихъ Историковъ Длугоша и Стриковскаго; но вмѣстѣ оправдываетъ противъ нѣкоторыхъ несправедливыхъ нападковъ Болтина, который судилъ слишкомъ пристрастно, укорялъ Щербатова и тѣмъ, *что этотъ историкъ не всегда вѣрилъ Татищеву*. Князь Щербатовъ, въ изданномъ въ Москвѣ, 1789 года, *Письмѣ къ пріятелю*, старался опровергнуть *замѣчанія* Болтина; послѣдній не замедлилъ *отвѣтомъ*, на который Щербатовъ написалъ: *Примѣчанія*, подъ именемъ одного дворянина, возратившагося изъ чужихъ краевъ. Онѣ изданы 1792 года, уже по смерти автора. Кромѣ *Россійской Исторіи*, въ 15 книгахъ, и спорныхъ за оную сочиненій, Князь Щербатовъ извѣстенъ еще слѣдующими: 1) *О старинныхъ степеняхъ чиновъ въ Россіи*, напеч. въ Москвѣ 1784 г. и въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, гдѣ также помѣщены составленныя имъ *родословныя Князей Щербатовыхъ* и нѣкоторыхъ другихъ Княжескихъ родовъ и 2) *Краткое историческое повѣствованіе о началѣ родовъ Князей Россійскихъ, происходящихъ отъ Великаго Князя Рюрика*, напеч. въ Москвѣ 1785 года. Сверхъ сего многія статьи его помѣщены въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ: *О пользѣ законовъ*, въ Санктпетербургскихъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ; *Опытъ о древнихъ Россійскихъ монетахъ*, въ Академическихъ Извѣстіяхъ. Имъ изданы также слѣдующія любопытныя сочиненія: 1) *Царственная Книга*, напеч. въ Санктпетербургѣ 1769 года. 2) *Лѣтопись о многихъ мятежахъ въ Россіи*, выбранная бо́льшею частію

изъ Лѣтописи Палицына, напеч. въ С. Пет., 1771 г. 3) *Царственный Лѣтописецъ*, С. Пет., 1772 г. 4) *Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ*, С. Пет., 1774 г. 5) *Житіе Петра Великаго*, съ подлинника, въ Венеціи напечатаннаго, съ пріобщеніемъ многихъ примѣчаній издателя. 6) *Журналъ или подённая записка Петра Великаго*, С. Пет., 1770 и 1771 г., въ двухъ томахъ. 7) *Его же записныя тетради всякимъ письмамъ и дѣламъ, 1701, 1705 и 1706 годовъ*, со многими также примѣчаніями издателя о службахъ людей, бывшихъ при Государѣ, напеч. въ С. Пет., 1774 г. 8) *Картина владѣнія Мономахова* и проч. Не задолго до смерти своей, Князь Щербатовъ сочинилъ еще: *Размышленіе утѣшительное слезящаго отца о смерти любезнаго сына*, напеч. въ Москвѣ 1790. Сынъ его, Полковникъ Князь Иванъ Михайловичъ, умеръ тогда въ Кизлярѣ; эта невозвратная утрата ускорила кончину нѣжнаго родителя. Съ сердцемъ чувствительнымъ, Князь Михаилъ Михайловичъ отличался правотою, примѣрнымъ безкорыстіемъ; любилъ полезными совѣтами и убѣжденіями возстановлять спокойствіе въ семействахъ; снискалъ общее уваженіе. Библіотека его состояла изъ пятнадцати тысячъ книгъ и большаго собранія рѣдкихъ вещей и физическихъ машинъ.

ЭЛЬМТЪ, Графъ Иванъ Карповичъ, происшедшій отъ древней благородной фамиліи Германской, родился въ Кіевѣ 1725 года, и кончивъ ученіе, вступилъ въ военную службу, сначала во Франціи, гдѣ на двадцать четвертомъ году былъ Маіоромъ; потомъ въ Россіи, въ чинѣ Капитана (1749 г.). Способности, расторопность и усердіе проложили ему дорогу къ быстрому возвышенію: черезъ пять лѣтъ былъ онъ уже Полковникомъ (1755 г.), и за оказанную храбрость въ Прусскую войну пропзведенъ Бригадиромъ (1758 г.) и Генералъ-Маіоромъ (1762 г.); пожалованъ Генералъ-Квартирмейстеромъ. Вслѣдъ за тѣмъ Императрица Екатерина II возложила на него орденъ Св. Анны (1763 г.). Разрывъ съ Турціей снова доставилъ Эльмту случай явить опыты своего мужества и воинскаго искуства. Онъ поступилъ въ армію Генералъ-Аншефа Князя Голицына (*) (1769 г.), будучи Генералъ-Поручикомъ; участвовалъ (29 августа) въ пораженіи Верховнаго Визиря Молдованжи; заслужилъ похвалу Главнокомандовавшаго, и. предводительствуя

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Князя Александра Михайловича Голицына.

десятитысячнымъ корпусомъ, занялъ (9 сентября) Хотинъ; преслѣдовалъ бѣжавшаго непріятеля; вступилъ (26 числа) въ Яссы; покорилъ Молдавское Княженіе, утвердивъ повсемѣстно присягой покорность и вѣрность жителей Императрицѣ и Ея Наслѣднику. За этотъ подвигъ Графъ Эльмтъ награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. Онъ сражался съ Польскими Конфедератами; командовалъ (1772 г.) корпусомъ, расположеннымъ на границѣ Швеціи; былъ произведенъ въ Генералъ-Аншефы (1780 г.); нѣсколько лѣтъ находился въ домовомъ отпускѣ (*), вѣроятно, скучая бездѣйствіемъ, претерпѣвая неудачи; служилъ потомъ, въ 1787 и 1788 годахъ, подъ знаменами Задунайскаго; командовалъ 3-ю дивизіею, состоявшею изъ 7000 человѣкъ; перешелъ (1788 г.) черезъ Днѣстръ въ Косницѣ, ниже Сорокп; прикрывалъ осаду Хотина (**); не допустилъ (5 августа) Татарскаго Хана подать помощь этой крѣпости; расположилъ свою дивизію въ окрестностяхъ Яссъ, куда вступили Австрійцы 23 числа. Императрица Екатерина II не любила Графа Эльмта за его невоздержный языкъ; Военачальники — за вспыльчивый нравъ, благородную гордость, хотя и отдавали справедливость достоинствамъ этого Полководца. Онъ начальствовалъ войсками, расположенными въ Ригѣ, когда скончалась Государыня. Императоръ Павелъ I переименовалъ его (1796 г.) въ Генералъ отъ Инфантеріи и въ командиры

(*) 1777 года, 1778, съ 1781 по 1785 годъ.

(**) См. біографію Генер. Фельд. Графа Ивана Петровича Салтыкова.

Лифляндской дивизіи; пожаловалъ Шефомъ С. Петербургскаго гренадерскаго полка (названнаго потомъ *полкомъ Графа Эльмта)*, и въ день своего коронованія, 5 апрѣля 1797 года, Генералъ-Фельдмаршаломъ, кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго; но въ скоромъ времени (10 января 1798 г.) уволилъ, *за старостію*, отъ службы, съ дозволеніемъ носить общій армейскій мундиръ. Графъ Эльмтъ былъ самъ виновникомъ своего паденія: къ нему пріѣхалъ Инспекторомъ Генералъ-Адъютантъ Баратынскій. Однажды, въ присутствіи его, за обѣденнымъ столомъ, Фельдмаршалъ спросилъ гостей, сидѣвшихъ вдали: *о чемъ они разговариваютъ съ такимъ жаромъ?* Ему отвѣчали, что въ сосѣдней дивизіи Инспекторъ Аракчеевъ арестовалъ Полковника, имѣющаго Георгіевскій крестъ. — «*Осмѣлился-бы у меня Инспекторъ поступить такимъ образомъ!* — воскликнулъ съ сердцемъ Графъ Эльмтъ — *Я велѣлъ бы «ему связать руки и ноги и отправилъ бы его пря»мо въ Гатчино.*»—Въ другое время присланъ къ нему Штабъ-Офицеръ, изъ Нѣмцевъ, для обученія солдатъ, и, маршируя съ ними на флангѣ, мимо Фельдмаршала, повторялъ во весь голосъ слова: *разъ, два.*— «*Какой тактикъ!*»—произнесъ вслухъ Эльмтъ, и тотчасъ приказалъ Штабъ-Офицеру выйдти изъ рядовъ, занялъ его мѣсто, началъ маршировать съ солдатами, поднималъ какъ можно выше ноги и, въ тактъ, палку, которую держалъ въ рукѣ, но, вмѣсто произносимыхъ офицеромъ словъ, повторялъ съ разстановкою: *так— тикъ.* Онъ скончался въ 1802 году и погребенъ въ принадлежавшей ему мызѣ Свитенъ (Курляндской Гу-

берiи); былъ высокаго роста; имѣлъ и въ старости маститой красивую, пріятную наружность; съ великимъ умомъ соединялъ большія свѣдѣнія по военной части, отважность, нравъ веселый, обходительный: не смотрѣлъ вблизи на формы: но отъ природы чрезвычайно вспыльчивый, откровенный, не щадилъ никого для остраго слова.

11.

ЯГУШИНСКІЙ, Графъ Павелъ Ивановичь, родился 1683 года въ Польшѣ, откуда отецъ его Іоганъ Ягушинскій (*) выѣхалъ въ Россію съ женою, дѣтьми (**), братомъ и *племянникомъ*, 1687 года, въ царствованіе Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна и Петра Алексѣевичей и Великой Княжны Софіи Алексѣевны. Петръ Великій увидѣлъ нечаянно, въ 1701 году, Павла Ивановича, и примѣтивъ въ немъ чрезвычайную остроту и проворство, взялъ его къ себѣ. Ягушинскому было тогда осмнадцать лѣтъ (***).

(*) Іоганъ Ягушинскій вызванъ былъ для Московской Лютеранской кирхи иностранцами, пребывающими въ Москвѣ, и въ челобитной ихъ о пропускѣ его въ Россію, названъ онъ *школьнымъ мастеромъ*. 1692 года Іоганъ Ягушинскій все еще находился при Лютеранской Московской кирхѣ; потомъ вступилъ въ военную службу, и 1713 года, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, уволенъ въ отставку Маіоромъ.

(**) Родной братъ Павла Ивановича Ягушинскаго былъ Полковникомъ въ Россійской службѣ, и умеръ въ Москвѣ, въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1722 года.

(***) 1706 года, 9 іюля, въ данной Грамотѣ иноземцу Павлу Ягушинскому на вѣчное владѣніе островомъ, находящимся въ Москвѣ, у Яузы рѣки, противъ Нѣмецкой слободы, упомянуто, что онъ, Павелъ Ягушинскій, *жи-*

Онъ опредѣленъ потомъ Государемъ въ гвардію, и дослужился до офицерскаго чина, снискивая при всякомъ случаѣ Монаршую милость и довѣренность. Наконецъ, Петръ пожаловалъ Ягушинскаго своимъ деньщикомъ (*), достоинство важное въ то время, ибо оно не только давалось однимъ дворянамъ, но еще открывало вѣрнѣйшій путь къ будущему ихъ возвышенію. Въ одно время Государь сказалъ деньщику своему Ягушинскому: «Хочешь ли, Ягушинскій, получить нынѣшній день зна«тный подарокъ?—» «Ктобъ сего не хотѣлъ?» отвѣчалъ Ягушинскій. — «Такъ слушай же: старикъ Ре«пнинъ (**) нынѣ не домогаетъ; поѣзжай къ нему, и «спроси отъ Меня о здоровьѣ; но умѣй угодить ста«ринной его Боярской суетности; оставь лошадь у «воротъ, и взойди на дворъ пѣшій и безъ шляпы; ве«ли о себѣ доложить, что ты присланъ отъ Государя спросить о здоровьѣ Его Сіятельства. Тебя «будутъ просить къ нему; но ты скажи, что не «достоинъ увидѣть очей его Боярскихъ, и не пре«жде взойди, какъ по двукратному зву, а взойдя, съ

тельствовалъ уже тогда при Дворѣ Его Величества, и пожалованъ тѣмъ островомъ за его вѣрную службу.

(*) Государь поручалъ обыкновенно деньщикамъ Своимъ важныя должности, особливо относительно развѣдыванія о поступкахъ Генералъ-Губернаторовъ, Губернаторовъ и другихъ знатныхъ чиновниковъ. Они, подобно курьерамъ, разъѣзжали повсюду, и на вѣрность ихъ Петръ Великій особенно полагался.

(**) Ближній Боярин Князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ. *См. объ немъ въ біографіи сына его, Фельдмаршала Князя Никиты Ивановича Репнина.*

«раболѣпнымъ видомъ ставши у дверей, поклонись ему «объ ручку, и если старикъ велитъ тебѣ сѣсть, от- «нюдь не садись, говоря, что ты не достоинъ толи- «кой чести; и Я увѣряю, что не отпуститъ онъ тебя «съ пустыми руками.» Ягушинскій точно поступилъ по сему наставленію. Князь, тронутый такимъ къ себѣ уваженіемъ посланца Государева, спросилъ его: «Пьешь ли что, другъ мой?—» «Не пью, Ваше Сія- «тельство»—отвѣчалъ онъ съ униженностію.—Потомъ Репнинъ спрашивалъ Ягушинскаго о его лѣтахъ? давно ли онъ у Государя? довольно ли Его Величество его жалуетъ? и проч.—На все это Павелъ Ивановичъ отвѣчалъ съ тою же униженностію.—Старикъ хвалилъ его за все, особливо за то, *что онъ умѣетъ почитать людей старыхъ и заслуженныхъ.*—«Я не оста- «влю похвалить тебя и Государю»—примолвилъ Князь.—Ягушинскій благодарилъ Его Сіятельство за толь высокую его милость, и чуть не въ ноги ему поклонился, изъявляя, что онъ во всю жизнь свою будетъ хва- литься таковымъ счастіемъ; потомъ, откланиваясь, спросилъ: «что Его Сіятельство прикажетъ ему доне- «сти Государю?»—«Донеси, другъ мой, что мнѣ, слава «Богу, есть получше, и что я самъ лично благода- «рить буду Его Величество, что вспомнилъ меня, ста- «рика. Да побудь еще у меня, другъ мой»—примолвилъ Князь Репнинъ — «и поговоримъ что нибудь.» — «Не «смѣю преслушать повелѣнія Вашего Сіятельства», от- вѣчалъ Ягушинскій съ низкимъ поклономъ. — Князь, обратясь потомъ къ дворецкому своему, стоявшему за его креслами, сказалъ ему: «Поди, въ такомъ то шка- «фѣ и ящикѣ лежитъ мѣшечикъ съ червонными; возь-

«ми и принеси его ко мнѣ.» — Дворецкой пошелъ было; но Князь остановилъ его сими словами: «Принеси «еще подносъ серебряный». — Потомъ, когда дворецкой хотѣлъ выдти изъ комнаты, Князь снова остановилъ его, сказавъ: «На тотъ подносъ поставь кубокъ «вызолоченный съ крышкою, высыпь въ него червон«цы изъ мѣшечка, и принеси ко мнѣ.»—Между тѣмъ Ягушинскій усугублялъ свои учтивости и униженность. Тропутый симъ еще болѣе, старикъ велѣлъ снова кликнуть къ себѣ дворецкаго, и сказалъ ему: «Да поставь «на тотъ же подносъ еще чару золотую.» — Все это принесено было къ Князю, и онъ, взявъ въ свои руки вышеупомянутый, поддерживаемый дворецкимъ, подносъ, подозвалъ къ своимъ кресламъ Ягушинскаго, которому, отдавая оной, сказалъ: «За то, что ты такъ «умелъ, возьми сіе себѣ, другъ мой, и, съ моей руки, «разживайся; да не оставляй и впредь почитать лю«дей знатныхъ, старыхъ и заслуженныхъ; тогда и «Богъ и Царь тебя не оставятъ.» — Ягушинскій съ низкими поклонами отговаривался отъ принятія подарка, изъясняясь, *что Его Сіятельство приводитъ его толь неслыханною милостію въ замѣшательство и онъ боится и Его Сіятельство прогнѣвитъ отказомъ, и Государя принятіемъ толь великаго и незаслуженнаго имъ подарка.* — «Возьми, возьми, другъ «мой»—возразилъ Репнинъ — «и не опасайся ничего: «коль скоро можно будетъ мнѣ выѣхать, то буду у «Государя и скажу, что я пришудилъ тебя это взять. «Право»—примолвилъ Князь — «Государь умѣетъ вы«бирать людей; самъ Богъ Его, Царя, Государя, наста-

«вляетъ и проч. (*).» Довѣренность и любовь Монарха къ Ягушинскому, ежегодно возраставшія, возвели его наконецъ на степень Генералъ-Адъютанта (**) и Дѣйствительнаго Камергера. Это случилось около 1711 или 1712 года. Въ 1713-мъ году Петръ Великій отправилъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, Ягушинскаго въ Копенгагенъ, для склоненія Короля Датскаго къ соединенію флота его съ Россійскимъ. Король продержалъ Ягушинскаго до 6 марта (1714 года), постановилъ съ нимъ того числа соглашеніе атаковать и разорить общими силами Карлскрону и флотъ Шведскій; однакожъ Фридрихъ IV не устоялъ въ этомъ договорѣ, и заключилъ въ послѣдствіи, чрезъ посредство Англіи и Франціи, мирный трактатъ съ Швеціею, подавшій поводъ къ разрыву дружбы между Россійскимъ и Датскимъ Дворами (***). Въ слѣдующихъ годахъ Ягушинскій неоднократно посыланъ былъ отъ Государя въ Копенгагенъ съ разными порученіями; а 1716 года сопутствовалъ Петру Великому въ путешествіи Его въ Данію, Мекленбургію, Голландію, и 1717 года во Францію. По возвращеніи въ Россію пожалованъ онъ (29 октября) въ Генералъ-Маіоры (****). 1719 года, мая 16, Ягушинскій назначенъ былъ,

(*) Голиковъ. См. *Анекдоты его о Петрѣ Великомъ.*

(**) Генералъ-Адъютанты состояли тогда въ рангѣ Полковниковъ.

(***) Трактатъ этотъ былъ подписанъ въ Фридрихсбургѣ іюня 22 (іюля 3) 1720 года.

(****) Въ томъ же 1717 году (февраля 3), въ бытность Ягушинскаго въ Амстердамѣ, Государь пожаловалъ ему въ Лифляндіи, въ Дерптскомъ округѣ, Ряпинскія маетности со

вмѣстѣ съ Генералъ-Фельдцейхмейстеромъ Брюсомъ и Канцеляріи Совѣтникомъ Остерманомъ, Министромъ на Аландскій конгрессъ, куда и прибылъ 7 іюня; но какъ конгрессъ этотъ не имѣлъ желаемаго окончанія, по происшедшему между Россійскими и Шведскими уполномоченными несогласію, то Ягушинскій возвратился съ онаго, 6 октября, въ Петербургъ. 1720 года, Государь, желая возстановить съ Цесаремъ издревле существовавшую между обѣими Державами дружбу, и возобновить прерванное интригами Ганноверскими согласіе, отправилъ для сего въ Вѣну (28 февраля) Ягушинскаго, поручивъ ему также, стараться при Дворѣ Цесарскомъ и о возвращеніи Шлезвига Герцогу Голштинскому Карлу Фридриху. Ягушинскій прибылъ въ Вѣну 27 апрѣля, а 4 мая имѣлъ аудіенцію у Императора, на которой былъ весьма благосклонно имъ принятъ. Хотя онъ, въ бытность свою въ Вѣнѣ, и не могъ заключить оборонительнаго союза съ Австріею, къ которому Цесарскіе Министры, по причинѣ не оконченныхъ тогда на Сѣверѣ военныхъ безпокойствъ, не согласились приступить, однакожъ послѣдствіемъ его Посольства было возобновленіе дружбы между Императоромъ и Государемъ Всероссійскимъ, равно возвращеніе Голштиніи, завладѣнной Датскимъ Королемъ, Герцогу Карлу Фридриху. 1721 года, марта 10, Ягушинскій имѣлъ отпускъ у Цесаря, пожаловавшаго ему на другой день въ пода-

---

многими мызами и деревнями. Онъ ихъ продалъ, въ 1728 году, за 54,800 рублей, Генералъ-Поручику Графу Левенвольду.

рокъ портретъ свой. По возвращеніи въ Россію, Государь отправилъ его (24 августа) на конгрессъ Нейштадскій, для окончанія происшедшихъ между нашими и Шведскими Министрами споровъ, относительно постановленія границъ. Ягушинскій, поспѣшая на этотъ конгрессъ, думалъ участвовать въ заключеніи мирнаго съ Швеціею трактата; но, къ удивленію, пріѣхавъ въ Нейштадтъ, нашелъ, что договоръ былъ уже подписанъ до его прибытія. Событіе это какъ громовымъ ударомъ поразило Ягушинскаго: оно тѣмъ было для него чувствительнѣе, что онъ не могъ жаловаться Государю на Остермана, которому (какъ пишетъ Г. Манштейнъ *въ запискахъ своихъ о Россіи*) Петръ I, при отправленіи его въ 1721 году на Нейштадтскій конгрессъ, подтвердилъ требовать уступки Выборга, однакожъ не съ тѣмъ, чтобъ, въ противномъ случаѣ, рушить вовсе переговоры. Остерманъ, зная, сколько нужно было удержать за Россіею эту крѣпость, продолжалъ представлять о томъ во всѣхъ своихъ реляціяхъ, увѣряя, что онъ жизнію своею отвѣчаетъ, если Шведы, доведенные до крайности, на то не согласятся. Однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, вѣдая мысли своего Государя и страсть Ягушинскаго представлять важную особу въ Совѣтѣ, опасался, чтобы послѣдній не воспользовался нетерпѣливостію Монарха кончить войну съ Шведами, и не убѣдилъ бы Его, уступить Выборгъ, позволивъ ему заключить миръ на такомъ основаніи. Въ сихъ обстоятельствахъ Остерманъ условился съ Генераломъ Шуваловымъ, Комендантомъ Выборгскимъ, съ которымъ былъ весьма друженъ, чтобы, въ случаѣ пріѣзда Ягушинскаго въ Вы-

боргъ, Шуваловъ задержалъ его у себя, а между тѣмъ, чрезъ нарочнаго, далъ бы ему знать о прибытіи Ягушинскаго. Предположенія Остермана сбылись. Ягушинскій, склонный къ веселію, пробылъ двое сутокъ въ Выборгѣ. Между тѣмъ Остерманъ воспользовался симъ временемъ и объявилъ Шведамъ, что получилъ съ нарочнымъ повелѣніе, заключить въ 24 часа миръ, или прервать переговоры. Хитрость его имѣла совершенный успѣхъ. Шведы, приведенные въ крайность, согласились уступить Выборгъ — и трактатъ тогда же заключенъ и подписанъ. Ягушинскій никогда не могъ простить Остерману этой обиды; однакожъ должно ему отдать справедливость, что онъ, хотя по наружности, жилъ съ нимъ всегда довольно согласно. 1722 года, января 8, Государь пожаловалъ Ягушинскаго Генералъ-Прокуроромъ (*), и передъ отъѣздомъ Своимъ въ Астрахань, прибывъ съ нимъ (въ маѣ мѣсяцѣ) въ Сенатъ, сказалъ присутствовавшимъ тогда Сенаторамъ (**), представляя имъ Ягушинскаго: «Вотъ Мое «око, коимъ Я буду все видѣть. Онъ знаетъ Мои на«мѣренія и желанія — что онъ заблагоразсудитъ, то «вы дѣлайте; а хотя бы вамъ показалось, что онъ

(*) Ягушинскій былъ первый Генералъ-Прокуроръ въ Сенатѣ.

(**) Сенаторы были: Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Меншиковъ, Генералъ Адмиралъ Графъ Апраксинъ, Великій Канцлеръ Графъ Головкинъ, Вице-Канцлеръ Баронъ Шафировъ, Камеръ-Коллегіи Президентъ Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Петръ Андреевичъ Толстой, Маіоры Гвардіи: Андрей Ивановичъ Ушаковъ и Князь Юсуповъ.

«поступаетъ противно Моимъ и Государственнымъ «выгодамъ, вы, однакожъ, то исполняйте, и увѣдомивъ «Меня о томъ, ожидайте Моего повелѣнія.» Такова была должность, возложенная въ то время Монархомъ на Ягушинскаго! Столько довѣрялъ Государь подданному Своему! Не могу умолчать здѣсь объ одномъ анекдотѣ, переданномъ Г. Штелиномъ въ любопытныхъ и достопамятныхъ *Сказаніяхъ его о Императорѣ Петрѣ Великомъ*: Государь, засѣдая однажды въ Сенатѣ и слушая дѣла о различныхъ воровствахъ, за нѣсколько дней до того случившихся, въ гнѣвѣ Своемъ клялся пресѣчь оныя, и тотчасъ сказалъ тогдашнему Генералъ-Прокурору Павлу Ивановичу Ягушинскому: «Сей «часъ напиши отъ Моего имени указъ во все Госу- «дарство, такого содержанія: что если кто и на столь- «ко украдетъ, что можно купить веревку, тотъ, безъ «дальнѣйшаго слѣдствія, повѣшенъ будетъ». — Генералъ-Прокуроръ, выслушавъ строгое повелѣніе, взялся было уже за перо, но нѣсколько поудержавшись, отвѣчалъ Монарху: «Подумайте, Ваше Величество, какія «слѣдствія будетъ имѣть такой Указъ?» — «Пиши» — прервалъ Государь — «что Я тебѣ приказалъ.» — Ягушинскій все еще не писалъ, и, наконецъ, съ улыбкою сказалъ Монарху: «Всемилостивѣйшій Государь! «не ужели Ты хочешь остаться Императоромъ одинъ, «безъ служителей и подданныхъ? Всѣ мы воруемъ, «съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ болѣе и при- «мѣтнѣе, нежели другой.» — Государь, погруженный въ мысли, услышавъ такой забавный отвѣтъ, разсмѣялся и замолчалъ (*). 1722 года, въ маѣ мѣсяцѣ, Ягу-

(*) Анекдотъ этотъ сообщенъ Господину Штелину самимъ Графомъ Ягушинскимъ.

шинскій развелся съ женою своею (*), по причинѣ задумчиваго и страннаго ея нрава. Императоръ, уговорившій его приступить къ этому разводу, нашелъ, въ слѣдующемъ году, любимцу Своему лучшую подругу, Фрейлину, Графиню Анну Гавриловну Головкину, дочь Великаго Канцлера (**), которая любезностію своею вознаградила его за всѣ печали, понесенныя имъ отъ первой супруги. Для любопытства читателя, сообщаю здѣсь описаніе свадьбы Ягушинскаго, почерпнутое мною изъ Записокъ Голштинскаго Оберъ-Камергера Г. Берхгольца, что самое послужитъ доказательствомъ, сколь много Государь любилъ своего подданнаго: «10 ноября Его Высочество (Герцогъ Гол«штинскій) поѣхалъ послѣ обѣда на свадьбу къ любим«цу Императора, Павлу Ивановичу Ягушинскому, гдѣ «нашелъ уже Государя и множество знатныхъ особъ. «Всѣ комнаты наполнены были разными военными и «статскими чиновниками, потому что большая часть «Петербургскихъ жителей приглашены были на эту «свадьбу. Дамы съѣхались къ невѣстѣ въ домъ Кия-

---

(*) Имя первой супруги Ягушинскаго мнѣ неизвѣстно. Она скончалась въ Москвѣ, въ одномъ дѣвичьемъ монастырѣ, куда заключена была по Именному повелѣнію.

(**) Вторая супруга Ягушинскаго пожалована Императрицею Екатериною I въ Статсъ-Дамы, 1725 года. По кончинѣ Павла Ивановича, вышла она за мужъ, 1743 года (въ маѣ мѣсяцѣ), за Оберъ-Гофмаршала Графа Михайла Петровича Бестужева, и въ томъ же году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, арестована за участіе въ заговорѣ противъ Императрицы Елисаветы Петровны. *См. ея біографію.*

«зя Трубецкаго, откуда, около 4 часовъ по полудни, «въ трехъ богатыхъ экипажахъ, отправились съ нею «въ церковь, въ сопровожденіи маршала и всѣхъ ша- «феровъ. Въ 4 часа женихъ также поѣхалъ въ цер- «ковь въ одной каретѣ съ Герцогомъ, а Императоръ «ѣхалъ впереди ихъ въ своей одноколкѣ. Большая «часть гостей оставались въ свадебномъ домѣ; Импе- «ратрица же, вмѣстѣ съ Великими Княжнами и при- «дворными Дамами, присутствовала при вѣнчаніи. Око- «ло 6 часовъ Государь съ новобрачными и всѣми зна- «тными особами, бывшими въ церкви, отправился на «Своей яхтѣ, которою Самъ управлялъ, въ домъ Г. «Ягушинскаго. Хотя свадебный столъ накрытъ былъ «на 150 кувертовъ, но и за тѣмъ многимъ еще не «доставало мѣста. Когда Императоръ, около восьмаго «часа, примѣтилъ, что Г. Ягушинскій болѣе имѣлъ на- «клонности къ танцамъ, нежели къ церемоніальному «сидѣнію за столомъ, то сказалъ управлявшему свадеб- «нымъ пиромъ Г. Маіору Князю Юсупову: *Время «вставать.* — Въ 11 часу Великія Княжны возвра- «тились во дворецъ, и тогда новобрачные начали тан- «цовать польское, которое окончилось въ комнатахъ, «опредѣленныхъ для молодой. Въ одной изъ нихъ сто- «ялъ столъ, наполненный конфектами и разными на- «питками, за которымъ новобрачный, по Русскому «обыкновенію, въ присутствіи Императора и Импера- «трицы, былъ потчиванъ, и эти веселости продолжа- «лись до полуночи.» — 1724 года (мая 7), въ день коронованія Императрицы Екатерины Алексѣев- ны, Государь возложилъ орденъ святаго Андрея на Ягушинскаго, который все еще былъ тогда Генералъ-

Прокуроромъ и Генералъ-Лейтенантомъ. Въ томъ же году Ягушинскій пожалованъ Капитаномъ Кавалергардской роты, при учрежденіи оной. По кончинѣ Императора Петра Великаго, послѣдовавшей 28 января 1725 года, Ягушинскій участвовалъ вмѣстѣ съ Княземъ Меншиковымъ и Толстымъ въ возведеніи на Престолъ Екатерины I, которая въ томъ году пожаловала его Графомъ Россійской Имперіи. 1726 года, въ августѣ мѣсяцѣ, по случаю открывшагося въ Гродиѣ Сейма, онъ отправленъ былъ туда полномочнымъ Министромъ, для воспрепятствованія избранію въ Курляндскіе Герцоги Саксонскаго Принца Морица (*). Ягушинскій возвратился изъ Варшавы въ началѣ 1727 года, и въ слѣдующемъ, отъ Императора Петра II пожалованъ былъ Оберъ-Шталмейстеромъ. Въ 1730 году, когда скончался Государь Петръ II, Верховный Тайный Совѣтъ, отправивъ отъ себя Депутатовъ въ Митаву, къ Герцогинѣ Курляндской Аннѣ Іоанновнѣ, съ извѣщеніемъ о избраніи Ея на престолъ, и съ предложеніемъ условій, на какихъ надлежало Ей принять правленіе, запретилъ подъ смертною казнію, предупреждать о томъ Герцогиню, чтобы Она узнала объ этомъ не чрезъ кого другаго, какъ только чрезъ Депутатовъ. Не смотря на всѣ предосторожности, принятыя Совѣтомъ, Графъ Ягушинскій, имѣвшій, въ бытность свою еще въ Польшѣ, сношенія съ Аннною Іоанновною по Курляндскому дѣлу, и желавшій оказать ей услугу, тогда же отправилъ въ

(*) См. о Морицѣ въ біографіи Меншикова.

Митаву, ночью, Адъютанта своего Сумарокова (*), которому поручилъ донести Герцогинѣ обо всемъ происшедшемъ. Въ письмѣ своемъ просилъ онъ Анну Іоанновну, чтобы Она согласилась на всѣ предложенія уполномоченныхъ Депутатовъ, и поспѣшила бы отъѣздомъ своимъ изъ Митавы; также обѣщалъ, до прибытія Ея въ Москву, умножить число Ей преданныхъ недовольными правленіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, и увѣдомлялъ Ее, что тесть его, Великій Канцлеръ Графъ Головкинъ, былъ уже на его сторонѣ. Сумарокову не малаго стоило труда пробраться въ Митаву, и онъ, по пріѣздѣ своемъ въ этотъ городъ, едва вручилъ Герцогинѣ депеши свои, какъ и Уполномоченные прибыли туда съ предложеніями. Важная услуга, оказанная Ягушинскимъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, едва не погубила его. Онъ былъ ввержень въ тюрьму, по повелѣнію Совѣта, и навѣрно лишился бы жизни, еслибъ Канцлеръ Графъ Головкинъ не взялъ его сторону. Императрица, по объявленіи себя Самодержавною, 25 февраля (1730 года), тотчасъ освободила его изъ тюрьмы, пожаловала Сенаторомъ и наградила многими деревнями. Происшедшая въ слѣдующемъ году (въ ноябрѣ мѣсяцѣ) между

(*) Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ былъ за то арестованъ въ Митавѣ Россійскими Полномочными, которые, сковавъ его, отправили въ Москву подъ присмотромъ Генералъ-Маіора Леонтьева. Онъ дослужился потомъ до Генералъ-Аншефа, Оберъ Шталмейстера, Камергера и орденовъ Св. Андрея и Св. Александра Невскаго кавалера. Скончался 1780 года.

Графами Ягушинскимъ и Бирономъ (*), любимцемъ Императрицы, распря была причиною, что Ея Величество, для успокоенія Своего Оберъ-Камергера, отправила Ягушинскаго Посланникомъ къ Королю Прусскому. Удаляя Ягушинскаго отъ Двора, Анна Іоанновна помнила оказанную имъ услугу, почему и понесъ онъ столь легкое наказаніе, не смотря на всѣ усилія Бирона отмстить своему противнику. Графъ Ягушинскій пробылъ въ Берлинѣ по 1735 годъ, и возвратясь въ Россію (въ мартѣ мѣсяцѣ), пожалованъ Императрицею въ Кабинетъ-Министры. Въ этомъ достоинствѣ онъ скончался въ С. Петербургѣ 6 апрѣля 1736 года, на 53 отъ рожденія, и погребенъ въ Невскомъ монастырѣ (**).—Графъ Павелъ Ивановичь Ягушинскій, высо-

---

(*) Графъ Іоаннъ Эрнстъ Бironъ былъ потомъ Герцогомъ Курляндскимъ и Правителемъ Россійской Имперіи. Въ 1740 году лишенъ онъ этого достоинства и сосланъ въ Сибирь, откуда возвращенъ Императрицею Елисаветою Петровною. Умеръ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1772 года.—Бironъ былъ человѣкъ весьма честолюбивый и мстительный. Онъ до ареста своего имѣлъ намѣреніе возвесть на престолъ Россійскій свое потомство посредствомъ женитьбы старшаго сына на Великой Княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Сколько знатныхъ фамилій сдѣлались жертвами жестокаго его права и погибли на эшафотѣ и въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири! Долгоруковы, Волынскій, Мусинъ-Пушкинъ и многіе другіе пострадали отъ него. Болѣе двадцати тысячь человѣкъ сосланы имъ были въ Сибирь. — *Записки Манштейна.*

(**) Сынъ Графа Павла Ивановича, Графъ Сергѣй Павловичь Ягушинскій, былъ Генералъ-Поручикъ, Дѣйствительный Камергеръ и ордена Св. Анны 1 класса кавалеръ.

каго роста, пріятной наружности, зналъ многіе иностранные языки; съ добрымъ сердцемъ соединялъ нравъ веселый, пылкій; любилъ музыку и танцы; одушевлялъ собою общества, въ которыхъ находился; но отличался честолюбіемъ и неумѣреннымъ употребленіемъ горячихъ напитковъ. Тогда вѣжливость и любезность его исчезали и онъ переступалъ границы должнаго приличія. Дюкъ де Лирія, Испанскій въ Россіи Посолъ, описываетъ его слѣдующимъ образомъ въ своихъ *Запискахъ*: — «Графъ Ягушинскій, родомъ Полякъ, низкаго происхожденія, привезенъ въ Россію «отцомъ, въ юныхъ лѣтахъ; принялъ потомъ Греко-«россійскую вѣру и пріобрѣлъ любовь Петра I, про-«должавшуюся по самую Его кончину. Онъ не слиш-«комъ много зналъ военное дѣло, да и самъ не скры-«валъ этого; но былъ человѣкъ умный, способный, «смѣлый, рѣшительный; другъ искренній, врагъ яв-«ный; любилъ выпивать лишній стаканъ вина, и дѣ-«лалъ, тогда, множество глупостей; но въ послѣдствіи «оставилъ эту дурную привычку.»

ЯЗЫКОВЪ, Димитрій Ивановичъ, сынъ помѣщика Тамбовской Губерніи, Шацкаго Уѣзда, Ивана Ивановича Языкова, родился въ Москвѣ 14 октября 1773 года, въ эпоху достопамятную, когда Пугачевъ производилъ кровавыя опустошенія въ Россіи, и, преслѣдуя въ особенности дворянъ, заставлялъ ихъ укрываться въ древней столицѣ. Фамилія Языковыхъ извѣстна съ XIV столѣтія (*): въ числѣ пострадавшихъ

(*) Въ 1387 году выѣхалъ къ Великому Князю Димитрію Іоанновичу Донскому изъ Золотой Орды Мурза *Ев-*

отъ Іоанна Грознаго упоминается въ *Синодикѣ* дворянинъ Карпъ Андреевичь Языковъ. Многіе члены этого дома занимали почетныя мѣста въ Государствѣ: Иванъ Алексѣевичь, родной братъ прапрадѣда Димитрія Ивановича, Боярин и Оружейничій (Генералъ-Фельдцейхмейстеръ), участвовалъ въ уничтоженіи Мѣстничества Царемъ Осодоромъ Алексѣевичемъ; Иванъ Максимовичь, Боярин и Постельничій, умерщвленъ Стрѣльцами въ 1682 году; сынъ его Семенъ Ивановичь и Павелъ Петровичь Языковы служили Окольничими. Первый изъ нихъ былъ Генералъ-Провіантмейстеромъ при Петрѣ Великомъ. Андрей Максимовичь, Сергѣй Савичь, Семенъ Алексѣевичь, родной братъ Боярина, Григорій Ивановичь и Василій Сергѣевичь находились въ числѣ Стольниковъ. Довольно знаменитостей, еслибъ добродѣтельный мужъ, котораго описываю біографію, нуждался, для своей славы, въ громкомъ имени, которое, безъ личныхъ заслугъ, украшаетъ только бумажные свертки! Лишась матери (*) на восьмомъ году своего возраста, онъ жилъ въ домѣ родной сестры отца, женщины богобоязливой и благочестивой (**). «У нашихъ родителей и «прародителей» — пишетъ Языковъ въ своихъ *Запискахъ* — «вотъ какой былъ обычай: когда ребенокъ

гулей, по прозванію *Языкъ*, и въ Святомъ крещеніи именованъ Алексѣемъ. Онъ былъ родоначальникомъ *Языковыхъ*.

(*) Родительница Димитрія Ивановича Языкова, Прасковья Петровна, была изъ фамиліи *Сабуровыхъ*.

(**) Княгини Авдотьи Ивановны Енгалычевой.

«приходилъ въ возрастъ ученія, и имянно по дости-
«женіи семи лѣтъ, тогда призывали Священника, слу-
«жили молебенъ, просили Всевышняго, да ниспошлетъ
«Онъ отроку способность книжнаго разумѣнія, и по-
«ручали его тому же Священнику, или дьячку, или
«пономарю. Учитель влагалъ въ руку отрока *указ-*
«*ку*, раскрывалъ передъ нимъ *букварь*, и начиналъ
«учить, сначала *по складамъ*, потомъ *по толкамъ*.
«Другой день начинался *задами*, то есть повтореніемъ
«вчерашняго урока; послѣ сего задавался новый урокъ.
«По изученіи буквъ и складовъ, принимались за *часо-*
«*словъ* или *часовникъ*, а за нимъ слѣдовалъ *Псалтирь*.
«Не забудьте, что ученіе каждый день начиналось и
«оканчивалось молитвою, или, по меньшей мѣрѣ,
«крестнымъ знаменіемъ. Таково было первоначаль-
«ное воспитаніе отрока шестьдесятъ пять лѣтъ то-
«му назадъ. Теперь смѣются сему способу; но
«онъ, по мнѣнію моему, былъ весьма хорошъ, ибо
«научалъ отрока бѣгло читать церковныя книги
«и вселялъ въ него охоту читать ихъ, питать-
«ся душеспасительными наставленіями и восхищаться
«красотами. Теперь знаютъ языки Греческій, Латин-
«скій, не говоря уже о новѣйшихъ, и не умѣютъ про-
«читать строчки въ родимыхъ своихъ Церковныхъ
«книгахъ! Впрочемъ, пѣтъ правила безъ исключенія:
«по крайней мѣрѣ для меня сей способъ ученія былъ
«весьма полезенъ.»—Тетка Языкова, замѣнившая ему
родную мать, увидя, что онъ хорошо читалъ церков-
ныя книги, сдѣлала его своимъ собесѣдникомъ, и съ
наступленіемъ глубокой осени, во всю зиму, до весны
каждый вечеръ заставляла его передъ собою читать

Библію, Четью-Минею, Прологъ или Патерикъ. Въ промежуткахъ иногда читывалъ онъ ей и произведенія тогдашней свѣтской Словесности. Такъ протекло его отрочество. Наняли Француза, который преподавалъ ему свой языкъ, Исторію, Географію и начальныя правила Ариѳметеки. Послѣ сего помѣстили юношу въ Московскій пансіонъ Бартолія, гдѣ онъ нѣсколько болѣе обучился Исторіи и Географіи, и узналъ Нѣмецкую *Азбуку*. Тогда въ частныхъ пансіонахъ о Русскомъ языкѣ совсѣмъ и не думали: только въ 1784 году Правительство заставило содержателей пансіоновъ преподавать Отечественный языкъ, поручивъ ихъ надзору Московскаго Университета. Въ это самое время, Языковъ, не кончивъ курса наукъ, записанъ былъ, по существовавшему обычаю, Сержантомъ Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскій полкъ, и на тринадцатомъ году отъ рожденія (1785 г.) поступилъ въ дѣйствительную службу! Онъ имѣлъ одинакую участь съ другими современными ему писателями: Дмитріевымъ и Крыловымъ— самъ образовалъ природный умъ свой, познакомился съ иностранными языками и усовершенствовалъ себя въ отечественномъ посредствомъ прилѣжнаго чтенія нашихъ классиковъ. Къ несчастію, Языковъ—какъ сознается въ своихъ *Запискахъ* — читалъ также Вольтера, Руссо и Дидерота *съ товарищами*, которые совсѣмъ было совратили его съ истиннаго пути; но Богъ, по милости Своей, помогъ ему: *здоровое зерно, брошенное въ него теткою, не погибло, а прозябло и принесло плодъ* (*). Въ С. Петербургѣ Языковъ жилъ у Се-

(*) Собственныя слова Д. И. Языкова.

кретаря Л. Г. Семеновстаго полка Ивана Петровича Ляпунова; въ числѣ друзей его были товарищи: Вельяминовы (*), Писаревъ (**) и Княжнинъ (***), извѣстные въ послѣдствіи на военномъ, гражданскомъ и литературномъ поприщахъ. Быстро протекли первые годы неопытной юности въ разнообразныхъ увеселеніяхъ, часто отвлекавшихъ его отъ полезныхъ занятій! Тогда подружился онъ и съ Крыловымъ, который проводилъ съ нимъ ночи за картами, не помышляя о славѣ, ожидавшей его. Языковъ служилъ въ Гвардіи одиннадцать лѣтъ: въ 1797 году, 16 Января, вышелъ онъ въ отставку, съ чиномъ Прапорщика, отправился въ Тамбовскую губернію, и тамъ избранъ дворянствомъ (въ 1800 году) въ помощь Уѣздному Предводителю, для устройства, по Высочайшему повелѣнію, сельскихъ магазиновъ. Черезъ два года потомъ (1 окт. 1802 г.) опредѣлился онъ въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія младшимъ Помощникомъ Начальника Стола. Министромъ въ то время былъ Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій. Служба по ученой части сблизила Языкова, которому было тогда двадцать девять лѣтъ, съ любимыми занятіями, имъ оставленными; въ томъ году перевелъ онъ съ Французскаго языка лю-

(*) Генералъ отъ Инфантеріи: Иванъ Александровичъ и Генералъ-Лейтенантъ Алексѣй Александровичъ Вельяминовы.

(**) Александръ Александровичъ Писаревъ, Генералъ-Лейтенантъ, бывшій Попечитель Московскаго Университета, нынѣ Сенаторъ.

(***) Генералъ отъ Инфантеріи и Сенаторъ Борисъ Яковлевичъ Княжнинъ.

бопытное сочиненіе Беккарія: *о преступленіяхъ и наказаніяхъ*, съ приложеніемъ Примѣчаній Дидерота и переписки сочинителя съ Французскимъ переводчикомъ Морелле томъ. Книга эта, написанная въ 1764 году, на Италіянскомъ языкѣ, была принята въ Европѣ съ восторгомъ, переведена на многіе иностранные и даже на Новогреческій, Кораемъ. «Если»—говоритъ Беккарія (*) въ своемъ Введеніи — «удастся мнѣ истор-«гнуть изъ рукъ тиранства или невѣжества хотя од-«ну жертву, то слезы и благословенія одного невин-«наго, изливаемыя въ восхищеніи его радости, утѣ-«шатъ меня, не смотря на презрѣніе всего человѣче-«скаго рода!» — Императрица Екатерина II многія мысли его внесла въ Свой *Наказъ*. Языковъ рѣшился посвятить первый трудъ на поприщѣ Словесности Императору Александру I. Желаніе его было исполнено любимцемъ Государя, Николаемъ Николаевичемъ Новосильцовымъ, который исходатайствовалъ у Его Величества, чтобы переводъ былъ напечатанъ на счетъ Кабинета, въ пользу Языкова. Онъ изданъ въ С. Петербургѣ, въ 1803 году, и съ такимъ успѣхомъ принятъ публикою, что нынѣ не остается ни одного экземпляра у книгопродавцевъ (**). Любопытно посвященіе Языкова:

(*) Маркизъ Чезаро Бонесана Беккарія родился въ Миланѣ въ 1735 году; умеръ въ 1793 году.

(**) Д. И. Языковъ намѣревался во второй разъ напечатать свой переводъ Беккарія въ 1837 году; но не имѣлъ въ томъ успѣха. Онъ прибавилъ краткое свѣдѣніе о жизни сочинителя и указаніе тѣхъ статей его творенія, ко-

«Всемилостивѣйшій Государь! Мужъ, осмѣлившій-«ся первый возвысить гласъ свой противу предраз-«судковъ, терзавшихъ человѣчество, безъ страха мо-«жетъ явиться къ Престолу Твоему, ибо кроткое и «человѣколюбивое сердце Твое приметъ его въ свое «покровительство.

«Я дерзнулъ украсить переводъ мой Именемъ Ва-шего Императорскаго Величества. Примите его, какъ «слабый знакъ приверженности и любви моей къ «Отечеству.»

Тогда (въ 1803 году) Языковъ былъ пожалованъ Титулярнымъ Совѣтникомъ и избранъ въ Дѣйстви-тельные Члены Вольнаго Общества Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ. Въ это время явилось *Разсужденіе* А. С. Шишкова *о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка*, направленное бо́льшею ча-стію на Карамзина, котораго произведеніями восхи-щались всѣ соотечественники и прекрасный полъ нашъ, до того занимавшійся только Французскою Ли-тературою. Языковъ написалъ ѣдкую критику на со-чинителя, напечатанную въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* 1804 года (*); осмѣялъ требованіе его: чтобы Русскіе бро-сили чтеніе новыхъ отечественныхъ книгъ и ино-странныхъ, принялись бы за старину и начали объ-яснять мысли свои на языкѣ Славянскомъ; доказалъ, что самъ сочинитель впадаетъ въ ошибки противъ отечественнаго языка, изъясняясь (стр. 8) о *разора-*

торыя Императрица Екатерина II-я внесла въ Свой *Наказъ* Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія.

(*) См. ч. 1, стр. 17 — 29.

щеніи и *растяженіи* онаго (стр. 14), которыя слова не могутъ относиться къ языку; что приведенные имъ примѣры образцоваго слога изъ Ломоносова не достойны пера великаго нашего Лирика, столь слабо имъ написаны; что сочинитель несправедливо нападаетъ *на одни только* Французскія книги, выставляя ихъ *вредными для нравственности*, между тѣмъ, какъ есть соблазнительныя книги и у Англичанъ, у Нѣмцевъ и другихъ народовъ; соглашается съ сочинителемъ, *что не надобно вводить въ нашъ языкъ иностранныя слова* безъ всякой нужды, особливо когда имѣемъ имъ равносильныя; но, при недостаткѣ, счастливую отважность не считаетъ порокомъ. «Не «худо для таковыхъ случаевъ» — заключаетъ Языковъ свою критику — «всегда имѣть въ памяти, что самые «богатѣйшіе языки, въ томъ числѣ и Славянскій, об«разовались одинакимъ способомъ, то есть подража«ніемъ, или, если можно такъ сказать, переливомъ «словъ одного языка въ другой. Сличите церковныя «наши книги съ Греческими, и убѣдитесь въ сей «истинѣ. Разумѣется, что во всемъ должна быть толь«ко мѣра.» *На злонамѣренную брань* (*) Шишковъ отвѣчалъ *Примѣчаніями*. Языковъ не выставилъ своего имени, но оно, въ послѣдствіи, сдѣлалось извѣстнымъ сочинителю *Разсужденія*. Тогда защитникъ Карамзина не воображалъ, чтобы ученая выходка могла потомъ обратиться ему во вредъ!—Служба не отрывала его отъ полезныхъ занятій: въ одно время онъ переводилъ, съ Французскаго: *О существѣ законовъ*, *Мон-*

(*) Слова А. С. Шишкова.

тескю, и съ Нѣмецкаго: *Нестора*, изданнаго *Шлецеромъ*. Любопытно, что важный трудъ этотъ соединилъ онъ съ бездѣлкою, и перевелъ съ Французскаго языка, въ пользу и бенефисъ славнаго актера нашего Шушерина, съ которымъ находился въ тѣсной дружбѣ, комедію въ одномъ дѣйствіи, Александра Дюваля, *Влюбленный Шекеспиръ*. Она была напечатана въ 1807 году, и имѣла большой успѣхъ на нашемъ театрѣ. Между тѣмъ Языковъ пожалованъ въ Коллежскіе Ассессоры, въ 1806 году, и старшимъ Помощникомъ Начальника Стола, а въ 1807 году перешелъ изъ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія Экспедиторомъ въ Канцелярію Главнаго Управленія Училищъ, и, *за усердную службу*, награжденъ (1808 г.) брилліантовымъ перстнемъ. Тогда кончилъ онъ переводъ свой первой части *Нестора*, и она была поднесена Государю Императору Статсъ-Секретаремъ Молчановымъ, который объявилъ Кабинету Высочайшее соизволеніе: «объ изданіи на счетъ онаго «перевода Языкова, съ предоставленіемъ въ пользу «его всѣхъ экземпляровъ, но съ тѣмъ, чтобы эта «книга, писанная переводчикомъ безъ буквы ѣ, была «напечатана съ употребленіемъ сей буквы (*)».—*Рус-*

(*) Языковъ усилівался въ то время вытѣснить изъ Русской азбуки буквы ѣ, *и* и *ъ*. Прилагаемъ здѣсь стихи, написанные имъ въ альбомѣ пріятеля: *Видѣніе на берегахъ Леты*.

«Кто ты?» спросіл Допросчік тень,
Несущу связку фоліанта. —
«Увы! я целу ночь і день

скія Лѣтописи Нестора, на древле-Славянскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя Августомъ Лудовикомъ Шлецеромъ (*), были изданы, въ С. Петербургѣ, въ слѣдующихъ годахъ: *первая часть* въ 1809; *вторая* въ 1816; *третья* и послѣдняя въ 1819. Для незнающихъ языки Латинскій и Греческій, нашъ переводчикъ переложилъ на отечественный ссылки, выписанныя Шлецеромъ изъ разныхъ сочиненій. «Совершеннаго ничего нѣтъ на свѣтѣ»—пишетъ Языковъ въ своемъ Предисловіи ко второй части—«Шле«церъ, хотя и величайшій критикъ своего времяни, «не избѣжалъ ошибокъ, въ чемъ онъ и самъ при-

---

«Пісалъ, пішу і вечно буду
«Пісать все прозоj безъ іеров!
«Не́вінен я: на эту груду
«Смотрі: здесь тысячі листов,
«Священноj пылію покрытых,
«Печатью мелкою убітых,
«І нетъ іера ні одного.»

(*) *Шлецеръ*, мужъ ученый и славный—какъ справедливо именуетъ его Карамзинъ въ Предисловіи къ *Исторіи Россійскаго Государства* — сорокъ лѣтъ трудился надъ *Несторомъ*, изъяснилъ въ немъ темныя мѣста, исправилъ ошибки и возстановилъ утраченное временемъ посредствомъ сличенія разныхъ списковъ съ Византійскими Писателями. Карамзинъ, *въ своихъ Примѣчаніяхъ*, во многомъ соглашается съ нимъ, но и опровергаетъ многія его мнѣнія. Онъ скончался, въ званіи Геттингенскаго Профессора, въ 1809 году, на 73 отъ рожденія. Императоръ Александръ I-й пожаловалъ его, въ 1802 году, кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4 степени за изданіе *Нестора*.

«знается. Упражняющіеся въ Исторіи замѣтили сіи «ошибки и нѣкоторыя мнѣнія его опровергли основа«тельно. Я обращаю вниманіе своихъ читателей на ва«жнѣйшія мнѣ извѣстныя сочиненія, въ которыхъ за«ключаются сіи замѣчанія и опроверженія; 1) *Kri«tischer Versuch zur Aufklärung der Byzanti«schen Chronologie, von Ph. Krug.* S-t Petersbourg, «1810, 8. Это сочиненіе приводилъ я здѣсь въ нѣко«торыхъ мѣстахъ. Очень жаль, что оно, изданное на«шею Академіею Наукъ, для объясненія и исправленія «Русской Исторіи, по сію пору еще не переведено на «Русскій языкъ. 2) *Altrussische Geschichte nach «Nestor, von Ios. Müller.* Berlin, 1812, kl. 8. Въ сей «Исторіи находятся многія замѣчанія Іосифа Добров«скаго, и, между прочимъ, въ самомъ началѣ книги, «мнѣніе: *какимъ образомъ возстановить настоящій «Несторовъ Временникъ?* 3) *Untersuchungen zur «Erläuterung der älteren Geschichte Russlands, «von A. C. Lehrberg.* S-t. Petersbourg, 1816, 4. — «Напечатанныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ* замѣчанія на «Шлецера не стоятъ вниманія.» Въ концѣ третьей части Языковъ помѣстилъ: *Поправки* и *Прибавленія*, полученныя Шлецеромъ отъ аббата Іосифа Добровскаго (*). Не прерывая нашего повѣствованія о переводѣ и изданіи на Русскомъ языкѣ Шлецера, мы уклонились отъ прочихъ ученыхъ занятій Языкова: въ 1808 году онъ напечаталъ въ С. Петербургѣ другой переводъ свой съ Нѣмецкаго: *Сравненія, замѣчанія и мечтанія, писан-*

(*) Напечатаніе трехъ частей обошлось въ 4,375 р. 12½ к. ас.

ныя въ 1804 году, во время путешествія, однимъ Русскимъ, и вслѣдъ за тѣмъ вышла въ свѣтъ, въ 1809 году, первая часть перевода его съ Французскаго: *О существѣ Законовъ*, сочин. Монтескю. Послѣдняя, четвертая, издана въ 1814 году. Оканчивая ее и занимаясь еще *Несторомъ*, Языковъ перевелъ съ Нѣмецкаго и напечаталъ, въ 1812 году, въ осьмушку: *Философически-Юридическое изслѣдованіе Государственной измѣны и преступленія противъ Величества, съ краткимъ начертаніемъ исторіи законодательства о семъ преступленіи, сочин. Фрейербаха.* Не льзя не удивляться разнообразнымъ, неутомимымъ его занятіямъ! Полезные труды Языкова доставили ему, въ 1808 году, чинъ Надворнаго Совѣтника и орденъ Св. Владиміра 4-й степени. Онъ продолжалъ служить въ званіи Экспедитора по 1817 годъ; тогда поступилъ Начальникомъ Отдѣленія въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія (17 ноября), и вскорѣ, съ сохраненіемъ этой должности, назначенъ Управляющимъ Типографіею Департамента (въ 1818 году). Министромъ Народнаго Просвѣщенія былъ Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Въ одно время съ послѣднею частію *Нестора*, напечатанъ (въ 1819 году), иждивеніемъ Государственнаго Канцлера Графа Николая Петровича Румянцова, новый переводъ съ Нѣмецкаго, Языкова: *Изслѣдованія А. Х. Лерберга, служащія къ объясненію древней Русской Исторіи.* На это любопытное сочиненіе сдѣлалъ ссылку переводчикъ еще за три года передъ тѣмъ, въ Предисловіи своемъ ко второй части *Русскихъ Лѣтописей*. — Въ 1819 году онъ пожалованъ (8 января) Коллежскимъ Совѣтникомъ,

съ старшинствомъ съ 1814 года, и получилъ (14 апрѣля) орденъ Св. Анны втораго класса. Въ слѣдующемъ (1820 году) изданъ имъ переводъ съ Нѣмецкаго: *Краткое извѣстіе о Русской торговлѣ, какимъ образомъ оная производилась чрезъ всю Россію въ 1674 году*, соч. Іог. Кильбургера; но этотъ занимательный отрывокъ написанъ Языковымъ, для развлеченія, во время важнаго труда, имъ предпринятаго въ 1814 году. Я говорю о *Церковномъ Словарѣ* его, *Историческомъ*, *Географическомъ и Археологическомъ*, которымъ онъ по самую кончину свою дѣятельно продолжалъ заниматься. Объ немъ будетъ подробно упомянуто въ своемъ мѣстѣ. Внимательный и справедливый Начальникъ продолжалъ между тѣмъ благодѣтельствовать труженику: исходатайствовалъ ему (въ 1820 году), въ награжденіе, двѣ тысячи пятьсотъ рублей ас.; поднесь переведенныя Языковымъ *Русскія Лѣтописи* Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, отъ которой удостоился онъ получить золотую табакерку, и увеличилъ окладъ его жалованьемъ по Типографіи. Занимаясь, по своему обыкновенію, въ одно и то же время разными предметами, Языковъ составлялъ *Церковный Словарь* и вмѣстѣ переводилъ: съ Французскаго: *Спутникъ въ Царство Польское и въ Республику Краковскую;* съ Латинскаго: *Собраніе путешествій къ Татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, Карпини и Асцелина.* Обѣ книги были изданы въ свѣтъ въ 1822 и 1825 годахъ. Между тѣмъ служба его не оставалась безъ поощренія: Князь Голицынъ доставилъ ему, въ 1823 году, чинъ Статскаго Совѣтника, съ старшинствомъ съ

31 декабря 1818 года, и вслѣдъ за тѣмъ, во уваженіе ученыхъ трудовъ его, онъ избранъ былъ (въ 1823 году) въ Дѣйствительные Члены Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества (20 окт.) и Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежденнаго при Московскомъ Университетѣ (28 ноября). 1824 годъ достопамятенъ въ жизни Языкова событіемъ неожиданнымъ, которое едва не прервало полезной его службы: 15 мая назначенъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія Членъ Государственнаго Совѣта, Адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ. Мѣсто Директора, за увольненіемъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Попова, оставалось праздднымъ, и новый Министръ доставилъ оное Начальнику Отдѣленія, Статскому Совѣтнику Балеману. Вскорѣ послѣдній занемогъ. Языковъ, какъ старшій чиновникъ по Департаменту, вступилъ, 4 октября, въ исправленіе должности Директора. Болѣе года занималъ онъ ее, и вдругъ распространился слухъ, что Министръ намѣревается замѣнить Балемана Генералъ-Маіоромъ Ахшарумовымъ. Оскорбленный Языковъ написалъ просьбу объ увольненіи въ отставку, препроводилъ ее къ Министру, и на другой день явился къ нему съ докладами; но, къ крайнему удивленію, Министръ не имѣлъ съ нимъ никакого объясненія о просимой отставкѣ. Языковъ также хранилъ глубокое молчаніе, и, кончивъ докладъ, печально возвратился въ квартиру, предоставивъ рѣшеніе участи своей волѣ Всемогущаго, на Котораго возлагалъ надежду. Они молчали, но справедливый отголосокъ публики о достоинствахъ и правахъ Языкова достигъ до Министра: 9 августа

1825 года, по его представленію, состоялось Высочайшее повелѣніе, которымъ Языковъ утвержденъ былъ Директоромъ Департамента. Какъ человѣкъ, почтенный старецъ питалъ неудовольствіе къ критику (*)— какъ Министръ, онъ пожертвовалъ этимъ невольнымъ чувствомъ для пользы службы: исходатайствовалъ, сверхъ того, Языкову, въ 1826 году: 10 января чинъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника; 24 августа орденъ Св. Владиміра 3 степени; поднесъ Государю и Императрицѣ изданное имъ *Путешествіе къ Татарамъ*, за которое переводчикъ удостоился получить (9 іюня) два брилліантовые перстня и, по его представленію, доставилъ *всѣмъ Чиновникамъ Департамента* награды и вспомоществованія, соотвѣтственныя службѣ и нуждамъ каждаго изъ нихъ. Признательные подчиненные поднесли своему доброму начальнику (1826 г.), въ ознаменованіе благодарности, литографированный портретъ его, чрезвычайнаго сходства. Типографія тогда отошла отъ него. Въ это время разныя Ученыя Сословія въ Россіи избрали Языкова въ Почетные Члены: въ 1826 году, Общество Любителей Россійской Словесности, учрежденное при Московскомъ Университетѣ, и Харьковскій Университетъ; въ 1827 г. Императорское Московское Общество Испытателей Природы; Университеты: Московскій и Виленскій; въ 1828, Казанскій Университетъ и основанное при немъ Общество Любителей Отечественной Словесности. Тогда Александръ Семе-

(*) См. выше *критику Языкова* на *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ, Шишкова.*

новичь Шишковъ былъ уволенъ (23 апрѣля 1828 г.) отъ управленія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, по разстроенному здоровью, съ сохраненіемъ званій Члена Государственнаго Совѣта и Президента Императорской Россійской Академіи. Министромъ именованъ Генералъ отъ Инфантеріи Князь Карлъ Андреевичь Ливенъ, въ которомъ Языковъ нашелъ истиннаго благодѣтеля. Входя въ стѣсненное положеніе дѣлъ его, Князь Ливенъ, сострадательный и вмѣстѣ великодушный, исходатайствовалъ ему у Государя, въ 1829 году, единовременно десять тысячь рублей ас. и въ слѣдующемъ (1830 г.), вмѣсто аренды, *не въ примѣръ другимъ*, изъ Государственнаго Казначейства по тысячи двѣсти рублей серебромъ ежегодно въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Языковъ пользовался совершенною его довѣренностію, и не употребилъ ее во зло, занимаясь дѣлами благотворенія. Время это считалъ онъ *счастливѣйшимъ* въ своей жизни. Въ 1830 году, 20 декабря, Императорская Академія Наукъ присоединила его къ Почетнымъ своимъ Членамъ; черезъ девять дней потомъ онъ избранъ былъ въ Дѣйствительные Члены и Россійской Императорской Академіи, въ чемъ наиболѣе содѣйствовалъ ему Крыловъ, ибо Предсѣдатель долго не соглашался. Болѣе осьми лѣтъ Языковъ управлялъ Департаментомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Разстроенное здоровье его отъ сидячей жизни и разнообразныхъ трудовъ заставило его просить, въ началѣ 1833 года, увольненія отъ службы. Тогда и благодѣтель его намѣревался сложить съ себя званіе Министра. 2 марта Языковъ получилъ отставку съ ежегодною пен-

сіею по три тысячи рублей ас. и съ единовременнымъ награжденіемъ десятью тысячами рублей ас. изъ Государственнаго Казначейства. Симъ ознаменовалъ Князь Лиевенъ (оставившій Министерство 18 марта тогожъ года) свое расположеніе къ достойному подчиненному. Какъ отдыхалъ въ это время нашъ литераторъ? Окруженный книгами, онъ до наступленія ранняго утра дѣятельно занимался въ своемъ уединенномъ кабинетѣ составленіемъ *Церковнаго Словаря;* собиралъ матеріалы для другаго *Словаря Исторіи и древностей Русскихъ*; перевелъ съ Нѣмецкаго, по порученію Общества для поощренія сельскаго хозяйства, *Сельское Хозяйство*, сочин. Шварца, издан. 1833 года, и *Основаніе Лѣсоводства*, сочиненіе Котты, издан. 1835 года. Послѣдній переводъ замѣчателенъ по техническимъ терминамъ, изъ которыхъ нѣкоторые вошли въ *Словарь*, составляемый Академіею Наукъ. Сверхъ сего онъ перевелъ, также съ Нѣмецкаго, *Сербскую Грамматику* (*); составилъ *Указатель къ Журналамъ Россійской Академіи* (которые переплетены въ 63 томахъ), съ самаго основанія оной, съ 1782 года по 1835 годъ (**) и собралъ для *Академическаго Словаря* до 1500 словъ, выписывая изъ старинныхъ и новыхъ книгъ слова, не внесенныя въ прежніе Словари, или оставленныя безъ примѣровъ и надлежащихъ объясненій; трудился до самаго обѣда; потомъ покоился не болѣе часа, и только вече-

(*) Рукопись хранится въ библіотекѣ Языкова.

(**) Рукопись осталась у него.

ромъ находилъ разсѣяніе въ кругу друзей и знакомыхъ, которыхъ посѣщалъ и принималъ въ своемъ скромномъ жилищѣ. Здѣсь должно упомянуть о тѣсной дружбѣ его съ нѣсколькими почтенными мужами, извѣстными на поприщахъ гражданскомъ и литературномъ: Алексѣемъ Николаевичемъ Олениным, Константиномъ Матвѣевичемъ Бороздинымъ, Василіемъ Алексѣевичемъ Поленовымъ, Петромъ Григорьевичемъ Бутковымъ и Константиномъ Ивановичемъ Арсеньевымъ. Въ занимательной бесѣдѣ ихъ наслаждался онъ настоящимъ отдохновеніемъ, и когда смерть разлучила его съ Олениным, разговоръ объ немъ, о его заслугахъ и добродѣтеляхъ, услаждалъ душевную скорбь Языкова. Любопытно, что онъ среди ученыхъ трудовъ находилъ удовольствіе убивать время и за картами, иногда до разсвѣта. Игра его была тогда незначительная, соотвѣтствовала бѣдному состоянію; но онъ имѣлъ искуство или несчастную участь всегда быть плательщикомъ, и при горькихъ неудачахъ, самъ смѣялся надъ собою, не обнаруживая ни малѣйшей досады. Часто посѣщалъ онъ и престарѣлаго Предсѣдателя, который любилъ бесѣдовать съ нимъ *о корнесловіи* Русскаго языка, утверждая, что отъ него произошли всѣ прочіе, называя его *первоначальнымъ*. Языковъ не всегда соглашался съ нимъ. Однажды сказалъ: «Не всѣ, одна-«кожъ, чужестранныя слова происходятъ отъ Русскаго; «напримѣръ, *берлога* есть чистое Нѣмецкое: lager?»— «Какой вздоръ ты говоришь!»—отвѣчалъ Шишковъ»— «Развѣ *лога* не Русское слово, отъ глагола *лежать*, «а отъ него и Нѣмецкое *lager!* Слово *бер*, вѣроятно, «и въ Русскомъ имѣетъ какое либо значеніе. Когда ни-

«будь пайду.»—Въ началѣ 1835 года Языковъ, по кончинѣ Непремѣннаго Секретаря Россійской Академіи Соколова, занялъ почетное это мѣсто. Стѣсненное положеніе его нѣсколько улучшилось: онъ переѣхалъ въ Академическій домъ, находившійся у Тучкова моста, и, сверхъ пенсіона, началъ получать двѣ тысячи рублей ас. жалованья. Болѣе всего утѣшалъ его небольшой садикъ, гдѣ труженикъ проводилъ, весною, лѣтомъ и осенью свое время, укрываясь отъ солнечныхъ лучей въ тѣни и отъ дождя въ бесѣдкѣ, въ которой продолжалъ свои ученыя занятія. Труды его по части Отечественной Исторіи увѣнчаны, 9 сентября 1837 года, Императорскою Академіею Наукъ единовременною выдачею 4000 руб. ас. Тогда, по его совѣту, Шишковъ предложилъ Россійской Академіи о переводѣ на Русской языкъ и изданіи на счетъ Академическій всѣхъ Западныхъ Писателей о Россіи. Языковъ взялся перевесть *Гельмондову Хронику* (*). Въ слѣдующемъ году Россійская Академія напечатала на свой счетъ, въ пользу Языкова, и купила у него тысячу экземпляровъ, для разсылки по учебнымъ заведеніямъ, *Книгу Большому чертежу или древнюю Карту Россійскаго Государства.* Она въ первый разъ была издана въ 1792 году и сдѣлалась очень рѣдкою. Къ ней Языковъ присоединилъ *древнюю идрографію*, объясняющую географическое положеніе Россіи съ конца XVI по конецъ XVII столѣтія, также свои замѣчанія въ самомъ текстѣ и въ азбучномъ указателѣ. Переводы его съ

(*) Рукопись этого перевода хранится въ Академическомъ Архивѣ.

Нѣмецкаго: *Баварскаго странника* (XIV вѣка) *Шильбергера*, заключающаго множество любопытныхъ свѣдѣній о бытѣ нашего Духовенства и объ обрядахъ Греко-Россійской Церкви, съ замѣчаніями и объясненіями Френа, также *Выписки изъ путешествій по Россіи* (помѣщенныхъ въ Библіотековомъ Магазинѣ) не были увѣнчаны желаемымъ успѣхомъ. Объ рукописи остались не изданными. *Буди воля Божія!....* писалъ Языковъ при неудачахъ въ своихъ ученыхъ предпріятіяхъ. Въ 1838 году постигла его тяжкая болѣзнь: онъ едва могъ ходить по комнатѣ, едва держалъ перо въ рукѣ, и со всѣмъ тѣмъ перевелъ съ Французскаго, для Военной Библіотеки, *Исторію Ксенофонта*, изданную Глазуновымъ. Журналы осудили этотъ переводъ, которымъ занимался онъ на срокъ и въ трудное для него время, когда тѣлесныя силы совершенно измѣнили ему! Геморроидальная боль, слѣдствіе сидячей жизни, бросилась на мочевый пузырь; но пособіе искуснаго врача, Г. Кни, избавило страдальца отъ опасности. «Рѣдкой человѣкъ Кни!» — упоминаетъ Языковъ въ своихъ *Запискахъ* — «Третьяго года спасъ онъ меня отъ воспаленія въ печени, и «съ тѣхъ поръ ко мнѣ привязался, не смотря, что «отъ меня почти ничего не получалъ (*)!» — Кончина Воейкова, въ 1839 году, Редактора *Русскаго Инвалида*, который приносилъ ему въ годъ до пятнадцати тысячъ рублей ас., внушила Языкову мысль искать его мѣста. Онъ обратился съ просьбою о томъ ко

(*) Г. Кни, въ десять лѣтъ, получилъ отъ Языкова только два подарка въ пятьсотъ рублей ас. — Прекрасная черта безкорыстія! Б. К.

многимъ Членамъ Комитета, Высочайше учрежденнаго 18 августа 1814 года; но Государю Императору угодно было, чтобы *Инвалидъ* издавался на прежнемъ положеніи отъ Комитета и чтобы редакція была поручена Члену онаго (нынѣ Тайному Совѣтнику) Павлу Павловичу Помпань-Пезаровіусу (*). «Извѣстіе это»—пишетъ Языковъ — «принялъ я весьма хладнокровно; «ибо противъ Пезаровіуса говорить нечего: онъ былъ «основателемъ сего изданія въ 1812 году, и собствен«ными своими средствами, безъ всякого вспоможенія «отъ Правительства, назначилъ всю прибыль, за «издержками печатанія, въ пользу воиновъ, ране«ныхъ въ Отечественную войну, или семействъ «убитыхъ.» — Утѣшился онъ и тѣмъ, что привыкъ къ неудачамъ, которыя не разъ испыталъ въ свою жизнь. — Тогда Предсѣдатель Россійской Академіи исходатайствовалъ ему прибавку къ получаемому жалованью еще двухъ тысячъ рублей ас. Въ 1840 году Россійская Академія издала, въ пользу Языкова, *Записки Желябужскаго, съ 1682 года по 2 іюля 1709.* Онѣ были напечатаны въ первый разъ Тумапскимъ въ 1787 году (**), съ неисправной рукописи, безъ всякаго соображенія и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже безъ смысла. Языковъ досталъ нѣсколько списковъ этого любопытнаго сочиненія; свѣрилъ ихъ съ Журналами Барона Гизена, Петра Великаго и другими современными повѣствованіями; замѣтилъ,

(*) См. Высочайшій Указъ 29 іюня 1839 года.

(**) См. седьмую часть *Собранія разныхъ записокъ и сочиненій о Петрѣ Великомъ*, стр. 88—299.

въ выпоскахъ „ важнѣйшія ошибки перваго издателя, и приложилъ къ своему списку нѣкоторыя замѣчанія и объясненія, также алфавитъ.—«*Записки Желябужскаго*» — какъ справедливо говоритъ Языковъ въ своемъ предисловіи — «изображаютъ живую картину «тогдашнихъ обычаевъ и правовъ, грубость которыхъ «представляла Петру Великому столько затрудненій «въ великомъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.» Онѣ содержатъ въ себѣ и любопытное описаніе строгихъ мѣръ, употребленныхъ Государемъ для удержанія подданныхъ отъ самоуправства и разныхъ преступленій. Первое изданіе, которымъ руководствовался Голиковъ, сдѣлалось очень рѣдко. Около этого времени Языковъ намѣревался продолжать изданіе *Энциклопедическаго Лексикона* (въ составленіи котораго онъ до того участвовалъ), прекращеннаго Плюшаромъ, и отыскалъ многихъ сотрудниковъ; но старанія его не были увѣнчаны желаемымъ успѣхомъ. Неудача эта предшествовала тяжкому горю: 9 апрѣля 1841 года скончался, въ преклонныхъ лѣтахъ, Предсѣдатель Россійской Академіи, Адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, и вслѣдъ за тѣмъ, 19 октября, Россійская Академія присоединена къ Академіи Наукъ, въ видѣ втораго *Отдѣленія Русскаго языка и Словесности*. Языковъ сохранилъ свое званіе въ числѣ шестнадцати Ординарныхъ Академиковъ. Ему поручено было составлять протоколы, съ годовымъ окладомъ 500 руб. серебромъ изъ экономической суммы Академіи, и 3 марта 1842 года, по представленію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Высочайше утвержденному, назначено, сверхъ сего, производить прибавочное со-

держаніе, по 571 рублю 84 коп. въ годъ; но онъ лишился казенной квартиры и принужденъ былъ разстаться съ своимъ любезнымъ садикомъ, которымъ столько дорожилъ! — 28 декабря Сергій Семеновичъ Уваровъ исходатайствовалъ ему на шесть лѣтъ продолженіе арендныхъ денегъ, по 1200 рублей серебромъ въ годъ. Обратимся къ ученымъ занятіямъ Языкова: мы выше сего упомянули, что онъ съ 1814 года занимался составленіемъ *Церковнаго Словаря*. Въ 1840 году представлена имъ въ Духовный Цензурный Комитетъ первая тетрадь, содержащая букву *А*. Въ ней заключались объясненія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ; но въ послѣдствіи сочинитель исключилъ изъ своей рукописи Ветхій Завѣтъ и ограничился Новымъ. Между тѣмъ онъ собиралъ матеріалы для *Словаря Исторіи и древностей Русскихъ*; доставлялъ разныя статьи въ *Военно-Энциклопедическій Лексиконъ*, въ Журналъ *Сынъ Отечества*, въ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ 1842 году изданы имъ *Записки Пащокина*, къ которымъ прибавилъ онъ любопытныя объясненія и замѣчанія, также алфавитъ. Не смотря на занимательность ихъ, ибо онѣ знакомятъ насъ съ современниками Петра Великаго, Екатерины I, Петра II, Анны и Елисаветы, напечатана была *въ Библіотекѣ Чтенія* критика, которую сочинитель заключилъ словами: *что, купивъ записки Пащокина*, занимавшагося (будто) только обѣдами, *не должно ихъ читать, а просто поставить въ шкафъ!*—Къ сожалѣнію, такъ у насъ разбираютъ нѣкоторые журналисты отечественныя произведенія, желая выказать остроту ума! Я руководствовался ру-

кописью Нащокина при составленіи моего *Словаря достопамятныхъ людей Русской земли* и почерпнулъ оттуда множество свѣдѣній о характерѣ нашихъ сановниковъ: Фельдмаршала Апраксина, Генерала Вейде, Волынскаго, Фельдмаршала Князя Голицына, Князей Долгоруковыхъ, Левенвольдовъ, Меншикова, Миниха, Репниныхъ, Трубецкаго, Фермора, Шафирова и Ягушинскаго.—«Сен—кій» — упоминаетъ въ своихъ *Запискахъ* Языковъ—«судитъ о прошедшихъ временахъ «по нынѣшнимъ, требуя описанія всѣхъ сокровенныхъ «изгибовъ Политики. Онъ забылъ или, лучше, не «знаетъ, какъ страшно было тогда, не только запи«сывать, но даже разговаривать о сихъ предметахъ! «Вотъ причина, которая заставила Нащокина ограждать «себя осторожностію: онъ опасался, по смерти своей, «подвергнуть несчастію дѣтей. Тайная Канцелярія су«ществовала въ то время во всей своей силѣ.» – Новая печаль постигла, въ 1844 году, Языкова: 9 ноября скончался знаменитый баснописецъ нашъ, съ которымъ онъ былъ издавна соединенъ тѣсною дружбою. Трогательно простился съ Крыловымъ, 13 числа, Языковъ. Возвратясь съ похоронъ, онъ написалъ слѣдующее письмо къ Товарищу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Князю Ширинскому-Шихматову:

Милостивый Государь
Князь Платонъ Александровичъ!

Отдавъ послѣднее цѣлованіе Крылову, мнѣ пришла въ голову слѣдующая мысль:

Крыловъ былъ писатель народный, истинно Русскій. Весь Русскій народъ, и высшаго и низшаго состоянія,

читаетъ и понимаетъ его, любуется имъ, потому что онъ думалъ и писалъ по Русски. Имя его будетъ существовать въ устахъ Русскаго народа, пока Русскій народъ существовать будетъ.

При выносѣ и погребеніи бренныхъ остатковъ Крылова, мы видѣли стеченіе почти всего Петербургскаго народонаселенія, желавшаго отдать ему послѣдній долгъ. Не худо бы было почтить память его отъ лица, не только Петербургскаго, но и всего Русскаго народа. Во первыхъ: отслужить, въ приличный день, публичную панихиду.

Во вторыхъ: выбить въ память его медаль.

Въ третьихъ: украсить могилу его надгробнымъ памятникомъ. Въ послѣднихъ двухъ статьяхъ дозволить принять участіе жителямъ всей Имперіи. Для сего объявить подписку на приношенія, не опредѣляя количества денегъ: да принесетъ одинъ свой талантъ, другій свою лепту.

Въ четвертыхъ: сдѣлать собраніе, въ которомъ прочесть его жизнеописаніе и стихотворенія, въ его память сочиненныя. Онѣ должны быть предварительно разсмотрѣны и одобрены, и состоять изъ лучшаго и въ небольшомъ числѣ.

Само собою разумѣется, что на все это надлежитъ испросить Высочайшее соизволеніе.

Я увѣренъ, что приношенія будутъ изобильныя. Если за издержками на медаль, памятникъ и проч. будетъ значительный остатокъ, то отдать его на богоугодныя или учебныя заведенія, подъ названіемъ: *вклада Крылова.*—Простите, если я обезпокоилъ Васъ сими строками; но память о такомъ человѣкѣ, каковъ

былъ Крыловъ, съ которымъ я былъ знакомъ съ юношескихъ лѣтъ, и могу даже гордиться тѣсною его дружбою, даютъ мнѣ на это смѣлость.

Если Ваше Сіятельство одобрите мою мысль, то отъ Васъ будетъ зависѣть дать ей дальнѣйшій ходъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства
покорнѣйшій слуга
Дмитрій Языковъ.

Языковъ едва-ли не первый заговорилъ о памятникѣ Крылову: счастливая мысль его, согласная съ общимъ желаніемъ, съ признательностію и любовію Россіянъ къ безсмертному Баснописцу, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.—Послѣднимъ трудомъ Языкова было изданіе въ свѣтъ, въ 1845 году, переведенныхъ имъ съ Французскаго языка, любопытныхъ *Записокъ Дюка Лирійскаго*, находившагося съ 1727 по 1731 годъ Полномочнымъ Министромъ Испанскаго Двора въ Россіи. Онъ присоединилъ къ нимъ свои *Примѣчанія* (стр. 135 — 217), свидѣтельствующія о начитанности его и глубокихъ свѣдѣніяхъ въ Отечественной Исторіи. Тогда открыта имъ подписка и на *Церковный Словарь, Историческій, Географическій и Археологическій*. «У насъ въ Россіи»—пишетъ Языковъ въ своемъ объявленіи» — по сіе время не было Церковнаго Словаря, кромѣ изданнаго въ прошедшемъ сто«лѣтіи (въ 1773 году) Протопресвитеромъ Петромъ «Алексѣевымъ (*). Сей Словарь, при совершенномъ

(*) Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ, Протоіерей Московскаго Архангельскаго Собора, скончался въ 1801 году.

«недостаткѣ другихъ, конечно былъ въ свое время по-
«лезенъ; но теперь онъ дѣлается уже весьма недоста-
«точнымъ, тѣмъ болѣе, что бо́льшая часть онаго
«состоитъ изъ предметовъ, относящихся къ объясне-
«нію языка Славено-Церковнаго, и по тому книгу эту
«можно скорѣе причислить къ разряду Словарей Лин-
«вистическихъ. Не смотря на это, ее приняли съ та-
«кимъ радушіемъ, что она была напечатана четыре
«раза, съ дополненіями при каждомъ изданіи: доказа-
«тельство, какъ благочестивый Русскій народъ жа-
«ждетъ имѣть такія книги. Это самое заставило ме-
«ня привести въ порядокъ сборникъ, надъ которымъ
«я, для собственной своей нужды, трудился слиш-
«комъ тридцать лѣтъ, и издать его для общей пользы.
«Сборникъ мой, которому даю названіе *Церковнаго*
«*Словаря Историческаго, Географическаго и Архео-*
«*логическаго*, будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе
«предметы: 1) Догматы вѣры. 2) Образъ Богослуже-
«нія. 3) Канонническія правила, относящіяся къ Цер-
«ковному благочестію. 4) Соборы Вселенскіе и помѣ-
«стные, съ показаніемъ причинъ, для которыхъ они
«собирались. 5) Праздники: причина и цѣль устано-
«вленія оныхъ. 6) Ереси и расколы, съ краткою ис-
«торіею оныхъ. 7) Народоописаніе. 8) Землеописаніе.
«9) Бытописаніе. 10) Нравы и обычаи первобыт-
«ныхъ Христіанъ. 11) Изъясненіе словъ чужезыч-
«ныхъ и Словенскихъ, вышедшихъ изъ употребленія.
«Въ заглавіи каждой статьи я употребляю правописа-
«ніе Церковное, какъ освященное временемъ, и пока-
«зываю сокращенія нѣкоторыхъ словъ, такъ какъ они
«употребляются въ Церковныхъ нашихъ книгахъ, *подъ*

«*титлами*. Каждую важную статью я подкрѣпляю ссыл-«ками на сочиненія, изъ коихъ она заимствована. Ссылки «сіи означены сокращеніями, объясненіе которыхъ бу-«детъ приложено къ каждой части. Бывъ твердо увѣ-«ренъ въ истинѣ ученія нашей Православной Церкви, я «не допускаю *Полемики* въ свой Словарь. Въ заклю-«ченіе скажу, что въ трудѣ моемъ приняли участіе, по «благорасположенію своему ко мнѣ, нѣкоторыя духов-«ныя особы, съ помощію которыхъ я надѣюсь, если «то будетъ угодно Всевышнему, привести къ концу «свой трудъ.» — Къ сожалѣнію, надежда обманула его! — *Церковный Словарь* былъ уже доведенъ имъ до буквы *И*; для остальныхъ составленъ указатель предметамъ, входящимъ въ составъ Словаря, съ означеніемъ источ-никовъ, которыми должно руководствоваться; изъ вось-ми частей этого сочиненія первыя двѣ были приго-товлены къ печати и одобрены Духовною Цензурою — но 13 ноября 1845 года, ровно черезъ годъ, когда Языковъ писалъ любопытное письмо о Крыловѣ, пер-вическій ударъ прекратилъ полезную жизнь нашего труженика, успѣвшаго, однакожъ, до своей кончины, приготовить себя къ переходу въ вѣчность исповѣдью и пріобщеніемъ Святыхъ Таинъ. — Димитрій Ивановичъ Языковъ, средняго роста, сухощавый, имѣлъ, по ви-димому, угрюмое лицо; но нрава былъ веселаго и, одаренный обширною памятью, одушевлялъ общества любопытнымъ разсказомъ о своихъ современникахъ, придавая оному особое достоинство разными забав-ными анекдотами. Исполненный высокихъ Христіан-скихъ добродѣтелей, съ душею незлобивою, онъ за-бывалъ обиды, ему причиненныя; ни о комъ дурно не

отзывался; любилъ дѣлиться послѣднимъ съ неимущими, и умеръ въ совершенной нищетѣ, оставивъ послѣ себя деньгами *двадцать копѣекъ серебромъ*, девяносто крестьянъ въ Тамбовской губерніи, заложенныхъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ, и пятьдесятъ тысячь рублей ас. частнаго долга! Душевная печаль и бѣдность преждевременно свели его въ могилу! Онѣ живо отражались въ сумрачныхъ чертахъ лица его, въ тускломъ взорѣ, не смотря на пріятную улыбку, которою старался онъ прикрывать внутреннее чувство. Теплая вѣра была его спутницею: безропотно несъ онъ крестъ свой, и въ самыя тяжкія минуты, погруженный въ глубокую думу, хранилъ молчаніе! Единственнымъ утѣшеніемъ служила ему молитва: въ послѣднее время каждый день ходилъ онъ къ обѣднѣ и нѣсколько разъ въ году умерщвлялъ себя строгимъ постомъ, продолжая ученыя занятія и обращаясь въ кругу своихъ пріятелей. Объ этомъ узнали только послѣ его кончины. Въ числѣ воспитывавшихся на его иждивеніи и жившихъ у него были: Гнѣдичъ, Карташевскій (въ послѣдствіи Сенаторъ), Журавлевъ (нынѣ Дѣйств. Ст. Совѣтникъ), двое Раевскихъ, Чикмаревы, Князья Энгалычевы, Мартыновы. Случалось, что онъ давалъ у себя убѣжище и снабжалъ всѣмъ необходимыхъ людей, не имѣвшихъ имени, пристанища и одежды. И эти подвиги были имъ совершаемы не изъ тщеславія но единственно по влеченію сострадательнаго сердца, любившаго благодѣтельствовать! Кромѣ Отечественнаго языка, Языковъ зналъ совершенно: Латинскій, Французскій, Нѣмецкій и Италіянскій и понималъ Еврейскій, также Греческій, съ которымъ, какъ Кры-

ловъ, познакомился самоучкою. Мы выше сего исчислили ученые его труды; но имъ составлено еще множество любопытныхъ выписокъ, бо́льшею частію, историческихъ, особой важности. Онъ велъ и собственныя свои *Записки* съ 1839 г. по 1844 годъ, въ которыя включалъ событія каждаго дня и слышанные имъ разные анекдоты.

Прахъ Языкова покоится на Волковомъ кладбищѣ.

Ѳ.

ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЬ, нареченный при крещеніи *Елеазаромъ*, сынъ купца, родился въ Кіевѣ 8 іюня 1681 года. Въ юныхъ лѣтахъ лишился онъ родителей, одолженъ первоначальнымъ воспитаніемъ родному своему дядѣ, Іеромонаху Ѳеофану Прокоповичу, который былъ тогда намѣстникомъ Кіевобратскаго монастыря и съ 1675 по 1684 годъ Ректоромъ Академіи. Въ ней обучался Елеазаръ съ нижнихъ классовъ до Богословія. Въ 1689 году (апр. 3) скончался родственникъ и единственный благодѣтель его, Ѳеофанъ, мужъ—по словамъ Св. Димитрія Ростовскаго—*важный, въ Церкви Божіей добрѣ послужившій, проповѣдникъ сладкоглаголивый.* Оставшись сиротою на восьмомъ году отъ рожденія, Елеазаръ былъ призрѣнъ однимъ Кіевскимъ гражданиномъ (котораго, къ сожалѣнію, имя неизвѣстно) и продолжалъ ученіе на его иждивеніи. Въ 1698 году поѣхалъ онъ въ Литву, для усовершенствованія въ наукахъ; тамъ встрѣтилъ препятствіе по причинѣ исповѣдуемой имъ Греческой вѣры, назвался *Уніатомъ* и даже вступилъ въ братство Битевскаго Базиліанскаго монастыря, подъ именемъ *Елисея* — столь пламенно стремился пылкій юноша къ просвѣщенію, готовя себя на служеніе Отече-

ству! Вскорѣ Настоятель перевелъ его въ Волынское Володимірское училище, находившееся при Каоедральномъ монастырѣ Уніатскаго Епископа. Здѣсь *Елисей*, по причинѣ оказанныхъ имъ блистательныхъ успѣховъ, опредѣленъ былъ учителемъ стихотворства и краснорѣчія. Не долго оставался онъ во Владимірѣ: Провинціалъ Базиліанскаго Ордена, усматривая необыкновенныя способности въ молодомъ преподавателѣ, отправилъ его въ Римскую Академію. Тамъ продолжалъ онъ ученіе три года, но, не кончивъ курса наукъ, возвратился чрезъ Венецію и Австрію въ Польшу, постриженъ въ Почаевскомъ православномъ монастырѣ Игуменомъ Исаевичемъ въ монахи, съ перименованіемъ *въ Самуилы*. По прошествіи нѣкотораго времени, *Самуилъ* увидѣлъ родину, бывъ приглашенъ въ Кіевъ Митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ, который опредѣлилъ его (1704 г.) въ Академію учителемъ стихотворства. Въ слѣдующемъ году онъ принялъ имя покойнаго дяди своего *Оеофана*, четвертое по крещеніи (*); началъ потомъ (1706 г.) преподавать Риторику. Тогда прибылъ въ Кіевъ Петръ Великій для заложенія Печерской крѣпости: Оеофанъ привѣтствовалъ Его (5 іюля) въ Софійскомъ соборѣ, и своимъ краснорѣчіемъ обратилъ на себя вниманіе мудраго Преобразователя нашего. «Ты» — произнесъ онъ, между прочимъ — «пресвѣтлый Монархъ нашъ! и прежде при«шествія Твоего присутствовалъ еси здѣ, и всегда «обитаеши. Обитаеши на судѣхъ правдою, обитаеши

(*) См. *Словарь Историческій о Духовныхъ Писателяхъ Россійской Церкви*, изд. въ 1818 г. ч. 2 стр. 669 — 671.

«въ церквахъ помппаніемъ Твоимъ, обитаеши въ мо-«настырѣхъ Твоими милостынями, обитаеши во всемъ «градѣ державою, обитаеши во всѣхъ мыслях славою, «во всѣхъ сердцахъ любовію.» Въ этотъ день Оеофанъ сдѣлалъ первый шагъ къ будущему своему возвышенію. Возведенный (1707 г.) въ званіе Префекта Академіи и учителя Философіи, онъ замѣнялъ собою нѣсколькихъ преподавателей: обучалъ Физикѣ, Ариѳметикѣ и Геометріи, чему прежде не учили въ Академіи. *Панегирикъ* въ честь Полтавскаго Побѣдителя (10 іюля 1709 года) довершилъ торжество Оратора: Петръ Великій, отдавая справедливость духовному краснорѣчію его, полюбилъ тѣмъ болѣе Оеофана, что онъ не имѣлъ соперника на каѳедрѣ. Но, пролагая себѣ дорогу къ сердцу Обладателя Россіи, Прокоповичъ, не столько монахъ, какъ политикъ, ласкалъ и любимца Царскаго: произнесъ (дек. 5) въ Кіевобратскомъ монастырѣ всенародно *Похвальное слово* гордому Меншикову. «*Мы въ Александрѣ*» — сказалъ онъ — «*видимъ* «*Петра и Его Священнѣйшему Величеству въ твоемъ лицѣ поклоняемся!*» (*). Изъ келіи мирной обители вскорѣ перешелъ онъ на бранное поле, сопутствовалъ (1711 г.) Государю въ Молдавію, былъ свидѣтелемъ достопамятныхъ событій, происшедшихъ при Прутѣ; наименованъ (въ томъ году) Игуменомъ Кіевобратскаго монастыря и Ректоромъ Академіи. — «Никто до не-«го — говоритъ Митрополитъ Евгеній въ своемъ Словарѣ — «не проходилъ эту должность съ такою славою!» —

(*) См. это *Похвальное Слово* въ *словахъ и рѣчахъ Оеофана Прокоповича*, издан. въ С. Петерб. 1760 — 1765 г.

Въ 1715 году открылась у Ѳеофана каменная болѣзнь, воспрепятствовавшая ему отправиться въ С. Петербургъ по приглашенію Петра Великаго: онъ поѣхалъ въ столицу только въ 1716 году; продолжалъ проповѣдывать во время путешествія Государя, и, когда Петръ возвратился изъ чужихъ краевъ, привѣтствовалъ Его тремя рѣчами: отъ лица новорожденнаго Царевича Петра Петровича, именемъ Царевенъ Анны и Елисаветы и отъ всего Россійскаго народа. «Все при Те«бѣ лучшій видъ пріемлетъ» — говорилъ Ѳеофанъ во второй рѣчи — «и солнце свѣтитъ веселѣе, и дни «осеннія пріятнѣйшіе намъ паче весеннихъ и лѣтнихъ «мимошедшихъ: лучи очесъ родительскихъ вся намъ «видимая предивнѣ позлащаютъ» — Въ 1718 году, по Указу Государеву, Ѳеофанъ нареченъ (1 іюня) во Епископа Псковскаго и Нарвскаго, и на другой день, въ присутствіи Петра Великаго, хиротонисанъ, съ облаченіемъ въ саккосъ, что почиталось тогда особеннымъ благоволеніемъ Монаршимъ, ибо Епископы служили въ то время только въ Священнической фелони съ омофоромъ. Въ санѣ Пастыря Церкви, Ѳеофанъ сдѣлался Министромъ, написалъ (1719 г.), по приказанію Государя, *Духовный Регламентъ*, исправленный Петромъ и утвержденный Имъ, Духовенствомъ и Сенатомъ. Довѣренность, оказываемая Государемъ Ѳеофану, и достоинства послѣдняго возбудили противъ него зависть: Стефанъ Яворскій, Митрополитъ Рязанскія, Администраторъ, блюститель, Викарій и Екзархъ Московскаго Патріаршаго престола, до Ѳеофана одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ въ Россіи, чувствовалъ превосходство послѣдняго, и страшась, чтобы онъ со-

вершенно не затмилъ его, рѣшился написать (1718 г.) *Обличеніе*, въ 18 статьяхъ, *Богословіи*, преподаванной Оеофаномъ въ Кіевской Академіи; но оно не было уважено Государемъ, а только послужило поводомъ къ непримиримой враждѣ обоихъ іерарховъ (*). Въ 1720 году Прокоповичъ пожалованъ Архіепископомъ; въ 1721 году, при открытіи Св. Синода, вторымъ Вице-Президентомъ онаго. Первымъ былъ Оеодосій, Архіепископъ Новгородскій. Стефанъ, въ званіи Президента, продолжалъ преслѣдовать Оеофана, донесъ на него Петру Великому, что онъ живетъ соблазнительно, проводитъ время съ *иновѣрцами* въ гульбѣ и пьянствѣ; вызвался доказать это на самомъ дѣлѣ. Государь изъявилъ согласіе: однажды, въ полночь, когда иностранные Министры ужинали у Оеофана, отправился къ нему съ доносителемъ; вошелъ неожиданно въ столовую въ то самое время, какъ гремѣла музыка, и хозяинъ, державшій въ рукѣ кубокъ вина, готовился пить. Оеофанъ не оробѣлъ: далъ знакъ, чтобы музыканты умолкли, приподнялъ бокалъ, произнесъ громогласно: «*Се женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща, недостоинъ же, его же обрящетъ унывающа!* Здравствуй, Всемилостивѣйшій Государь!» — и потомъ выпилъ вино. — Немедленно поднесены такіе же бокалы всѣмъ присутствовавшимъ: они провозгласили тостъ *за здравіе Царя*; Оеофанъ осмѣлился предложить и Петру Великому кубокъ: Государь принялъ его изъ

(*) *Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи Писателяхъ Духовнаго чина.* ч. 2, стр. 641.

рукъ хозяина, благодарилъ гостей при звукѣ трубъ; послѣ, оборотясь къ Митрополиту, произнесъ: «Ваше «Преосвященство можете остаться здѣсь, ежели хо«тите, а буде не изволите, то имѣете волю ѣхать до«мой, а я останусь въ столь пріятной бесѣдѣ (*).» Усилившаяся подагрическая болѣзнь Стефана Яворскаго заставила его просить отпуска въ Москву, гдѣ вскорѣ онъ скончался, 27 ноября 1722 года. Оеофанъ избавился сильнаго врага, съ которымъ долженъ былъ вести открытую войну въ Св. Сунодѣ; но и тогда не остался доволенъ, представляя второе, а не первое лице, хотя умомъ и дѣломъ браль верхъ надъ Феодосіемъ. Государь поручилъ Феофану (1722 г.) сочинить, сверхъ правилъ, въ *Духовномъ Регламентѣ* положенныхъ, прибавленіе *о духовномъ причтѣ и монахахъ*, которое тогда же было исправлено и утверждено Петромъ Великимъ. Велѣдъ за тѣмъ велѣно ему составить пространнѣйшій *Уставъ о монахахъ и училищахъ*, также *о новомъ распоряженіи всей Россійской Іерархіи*. Возникли по сему различныя мнѣнія, и Оеофанъ, для уничтоженія народныхъ толковъ, написалъ отъ имени Государя (31 января 1724 г.) Указъ Св. Суноду, въ которомъ исторически объяснилъ начало монашескаго чина, раздѣленіе онаго на ученое и неученое, и назначеніе каждому изъ нихъ особенныхъ должностей и занятій. Въ томъ же году

(*) См. *Анекдоты о Петрѣ Великомъ*, въ 17 томѣ *Дѣяній*, изд. Голиковымъ 1796 года, стр. 357 и 358, и тѣжъ *Анекдоты*, изд. въ Москвѣ 1842 г., въ XV томѣ *Дѣяній*, стр. 212 и 213.

послѣдовалъ (18 сентября) другой Высочайшій Указъ о распоряженіи монастырскихъ доходовъ. На этомъ основаніи Ѳеофанъ составилъ штатъ, по которому слѣдовало быть въ Россіи пяти Архіепископамъ: Велико-Россійскому, Бѣлорусскому, Малороссійскому, Болгарскому и Сибирскому, а подъ ихъ начальствомъ 38 Епископамъ, и при послѣднихъ, для содѣйствія въ правленіи, особливо въ надзираніи за училищами и богадѣльнями, 48 Архимандритамъ, съ достаточнымъ для всѣхъ жалованьемъ изъ получаемыхъ доходовъ (*). Вѣроятно, любимецъ Петровъ надѣялся тогда занять одно Архіепископство. Значеніе его примѣтнымъ образомъ усилилось. Въ 1724 году старѣе Ѳеофана были: Антоній, Митрополитъ Сибирскій, Варлаамъ, Архіепископъ Кіевскій и Ѳеодосій, Архіепископъ Новогородскій, первенствовавшій Членъ Св. Синода, но не онъ, а Ѳеофанъ совершилъ въ Москвѣ, 7 мая, священный обрядъ коронованія Екатерины Петромъ Великимъ. Кромѣ личныхъ заслугъ Прокоповича, подкрѣплялъ его у Высочайшаго Двора сильный Меншиковъ, соединенный съ Ѳеофаномъ тѣсною дружбою: одинакій образъ мыслей, одинакіе замыслы связывали ихъ неразрывнымъ узломъ. Но ожиданіе Прокоповича на сей разъ не исполнилось: Петръ Великій унесъ въ могилу трудъ его о преобразованіи Россійской Іерархіи. Ѳеофанъ утѣшалъ Монарха (27 янв.) въ послѣднія минуты Его жизни, пріобщилъ С. Таинъ, и

(*) *Рос. Истор. Татищ.*, ч. 1 стр. 578 и *Словарь Историч. Преосв. Евгенія, Митрополит. Кіевскаго*, изд. въ С. Петерб. 1818 г., ч. 2, стр. 675.

былъ свидѣтелемъ Христіанскаго умиленія, душевной радости, съ которою вкусилъ Петръ тѣло и кровь нашего Искупителя. «*Вѣрую Господи*»—произнесъ Онъ за нимъ ослабѣвавшимъ голосомъ—«*и исповѣдую. По-«мози*»—прибавилъ—«*моему невѣрію* (*).» Всѣ спѣшили къ одру обожаемаго Государя, знатные и всякого званія люди; каждый хотѣлъ проститься съ Нимъ, оросить слезою благодарности оледенѣвшія уже руки. Умиравшій привѣтствовалъ взглядомъ подходившихъ, и, собравшись съ остальными силами, произнесъ: *посл*ъ. Не знали, чему приписать это слово: желанію ли, чтобъ не толпились вокругъ Него, или распоряженію о наслѣдованіи Престола. — Комната (кромѣ особъ приближенныхъ къ Государю) вдругъ опустѣла; вслушивались, ожидали дальнѣйшихъ приказаній, но Петръ Великій умолкъ и—навсегда. Ѳеофанъ продолжалъ, между тѣмъ, говорить умиравшему о суетѣ міра, о вѣчномъ, грядущемъ блаженствѣ, милосердіи Божіемъ—Петръ внималъ словамъ его, старался приподнять руку, сдѣлать крестное знаменіе, но силы оставляли Его, смерть торжествовала уже побѣду надъ непобѣдимымъ, который свѣтлымъ, спокойнымъ лицемъ выражалъ надежду Свою на праведнаго Мздовоздаятеля. 28 января 1725 года, въ четверть шестаго часа по полуночи, кончились тяжкія страданія Его, на 53 году отъ рожденія.—Не

(*) См. *Краткую Повѣсть о смерти Петра Великаго*, сочин. Ѳеофана Прокоповича, издан. въ С. Петербургѣ 1810 года, стр. 14; *Дѣянія Петра Великаго*, изд. 1789 г. ч. IX, стр. 199; *Исторію Петра Великаго, сочин. Бергмана*, издан. въ С. Петерб. 1834 г., томъ 6, стр. 9.

стало Петра Великаго, и Царедворцы (какъ всегда бываетъ, когда наслѣдіе Престола не упрочено при жизни Самодержцемъ) приступили къ исполненію своихъ честолюбивыхъ видовъ: одни желали присвоить себѣ власть, другіе отклонить удары, могшіе ихъ постигнуть. Петръ на смертномъ одрѣ, когда мученія Его нѣсколько умепьшились, успѣлъ только начертить (26 числа), съ великимъ трудомъ, слова: *отдайте все....* перо выпало. Онъ велѣлъ призвать любимую Имъ дочь, Герцогиню Голштинскую Анну Петровну, Родительницу Императора Петра III-го, хотѣлъ говорить и лишился памяти. Можно думать, что Она, а не Екатерина, которою Государь въ послѣднее время былъ недоволенъ, занимала тогда мысли Его; но Родительница Анны имѣла на своей сторонѣ Меншикова и Оеофана: первый, взявъ роту Преображенскаго полка, пошелъ съ нею къ комнатѣ, въ которой Голицыны, Долгоруковы, Репнинъ, Трубецкіе совѣщали между собой о возведеніи на престолъ юнаго Петра, сына несчастнаго Алексія; приказалъ выломать дверь и провозгласилъ Екатерину *Императрицею Всероссійскою.* Оеофанъ, въ многочисленномъ собраніи, съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ напомнилъ о присягѣ, учиненной въ 1722 году для признанія Наслѣдникомъ, того, кто будетъ назначенъ Монархомъ, и повторилъ слова Петровы, будто произнесенныя Имъ приближеннымъ наканунѣ короноваиія Екатерины: *что возводитъ достойную Свою Супругу на Престолъ для того, чтобы Она Царствовала послѣ Него* (*). Такъ послѣдовало избраніе

(*) *Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кон-*

Екатерины. — Ѳеодосій, Архіепископъ Новгородскій, содѣйствовалъ оному: первый присягнулъ; но этотъ Пастырь, честолюбивый, дерзкій, самонадѣянный, желалъ въ то время упрочить за собою верховную власть надъ Духовенствомъ, домогался высокаго званія Патріарха, не страшась Ѳеофана, который давно искалъ случая выдти изъ тягостной для него подчиненности. 1 марта произошло погребеніе Петра Великаго. Здѣсь Ѳеофанъ снова явился ораторомъ: «Что се есть?» — произнесъ онъ въ кипѣніи горести, въ отчаяніи сердца—» До чего мы дожили, о Россіяне! Что видимъ? «что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!»—и, выговоря это ужасное слово, не могъ продолжать отъ собственныхъ слезъ и всеобщаго стенанія.—Вскорѣ слѣдующее событіе послужило въ пользу Ѳеофана: подъѣзжая ко Дворцу, Архіепископъ Ѳеодосій былъ остановленъ часовымъ, объявившимъ ему, что *Государыня почиваетъ и что онъ долженъ выдти изъ кареты.* Въ запальчивости своей, Архіепископъ началъ бранить часоваго, замахнулся на него тростью: потомъ наговорилъ грубости караульному Капитану, назвалъ стражу *шелудивыми овцами*, и когда услышалъ, что Императрица никого не принимаетъ, сказалъ съ сердцемъ: «*Не пойду болѣе во Дворецъ, «разве противъ воли привезутъ меня* (*)». Поступокъ

чины Петра Великаго, сочин. Вейдемейера, изд. въ С. Петерб. 1832 *г.* ч. 1 стр. 16 и изд. мною (въ 1850 г.) *Біографіи Рос. Генералис. и Генер. Фельдм.*, стр. 90.

(*) См. *Обзоръ*, Вейдемейера, изд. въ С. Петерб. 1832 г., ч. 1, стр 25 и 26, и въ *Полномъ Собраніи Законовъ Рос. Имперіи*, изд. 1830 г., т. VII, стр. 474.

не извинительный; опишемъ послѣдствія: Ѳеодосій былъ преданъ суду тайнаго врага своего Ѳеофана, который давно желалъ получить его мѣсто; обвиненъ: «въ обра-«щеніи въ слитки драгоцѣнныхъ окладовъ святыхъ «иконъ и древней Церковной серебряной посуды, въ «продажѣ монастырскихъ колоколовъ, выжигѣ ризъ, «самовольномъ завладѣніи жемчугомъ и каменьями, на-«ходившимися на старинныхъ Архіерейскихъ митрахъ и «омофорахъ, въ продажѣ многихъ отобранныхъ имъ «церковныхъ имѣній и пріобрѣтеніи на эти деньги се-«ребрянаго сервиза, въ непристойныхъ и укоритель-«ныхъ словахъ противъ Петра Великаго и Екатерины «I-й, наконецъ, въ именованіи Россіянъ *идолопоклон-«никами* за поклоненіе святымъ иконамъ.» (*)—Приговорили несчастнаго *къ смертной казни;* Императрица ограничила наказаніе лишеніемъ сана, ссылкою въ Никольскій Корельскій Архангельскій монастырь, гдѣ Ѳеодосій скончался въ тѣсномъ заключеніи, подъ надзоромъ гвардейскихъ солдатъ. Указъ о преступленіяхъ его (какъ извѣстно по преданію) былъ написанъ Ѳеофаномъ, который возведенъ тогда (въ маѣ) на степень Архіепископа Новгородскаго и первенствующаго Члена Св. Синода (1725 г.).—Дѣйствуя за одно съ Меншиковымъ, управлявшимъ въ Государствованіе Екатерины I-й кормиломъ Государства (ибо Императрица во всемъ довѣряла ему), Ѳеофанъ, угождая послѣднему, и покорностію своею возвышая могущество сильнаго вре-

(*) См. *Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго*, сочин. Вейдемейера, изд. 1832 г., ч. I, стр. 25—27; — въ пятомъ томѣ моего *Словаря*,

менщика, не уронялъ своего, совершилъ (10 марта 1726 г.), въ присутствіи Императрицы, обрученіе десятилѣтней дочери его, Княжны Маріи, съ Графомъ Петромъ Сапѣгою. Онъ не помышлялъ тогда о раздѣленіи Россійской Іерархіи на пять Архіепископствъ, имѣя, по званію первенствующаго Члена въ Св. Сунодѣ, всю власть надъ Духовенствомъ въ своихъ рукахъ, ибо Вице-Президентъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, Архіепископъ Тверскій, ревностный защитникъ православія, не походилъ на честолюбиваго Ѳеодосія. Съ этой стороны Ѳеофанъ оставался покойнымъ. 6 мая 1727 года Императрица Екатерина I-я переселилась въ вѣчность, на 45 году отъ рожденія: Меншиковъ все устроилъ для удовлетворенія неограниченнаго своего властолюбія и собственной гибели. На другой день кончины Государыни, Ѳеофанъ, сопутствуемый тремя Архіереями, явился къ нему въ шестомъ часу утра, и вмѣстѣ съ Членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, Высокаго Сената и съ Генералитетомъ, находившимся въ С. Петербургѣ, пошелъ, въ исходѣ восьмаго часа, въ большую залу, куда вступилъ потомъ одиннадцатилѣтній Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, сопровождаемый Меншиковымъ, и сѣлъ въ кресла, поставленныя для Него на возвышенномъ мѣстѣ. Тогда представлено было Княземъ Пжорскимъ духовное завѣщаніе, будто *подписанное Екатериною. Первою* статьею

изд. 1836 г., стр. 385 и 386, и *въ Полномъ Собраніи Законовъ*, изд. 1830 г., Им. Указъ (No 4,717) о ссылкѣ Ѳеодосія, съ опубликованіемъ преступленій его во всенародное извѣстіе.

Великій Князь назначенъ былъ преемникомъ Престола; *двѣнадцатою*: во уваженіе отличныхъ услугъ, оказанныхъ покойному Императору и Ей самой Княземъ Меншиковымъ, Государыня повелѣла Дочерямъ Своимъ и Главнѣйшимъ Вельможамъ содѣйствовать къ обрученію Наслѣдника Престола съ одною изъ дочерей Князя Ижорскаго, и коль скоро Петръ достигнетъ совершеннолѣтія, къ сочетанію ихъ бракомъ.—Петръ II-й, провозглашенный Императоромъ, пожаловалъ Меншикова Адмираломъ, Генералиссимусомъ, перевезенъ въ его домъ, и 25 мая обрученъ Оеофаномъ Прокоповичемъ съ шестнадцатилѣтнею Княжною Маріею, бывшею невѣстою Сапѣги. — По счастіе не долго еще служило любимцу Петрову: чрезмѣрною гордостію, неограниченнымъ властолюбіемъ и ненасытною алчностію къ увеличенію богатствъ, онъ возстановилъ противъ себя многихъ Вельможъ и сдѣлался жертвою своего самонадѣянія: 3 сентября Оеофанъ Прокоповичъ освятилъ въ Ораніенбаумѣ, при громѣ орудій, храмъ во имя Св. Пантелеймона цѣлителя, сооруженный Княземъ Ижорскимъ. Послѣдній приглашалъ въ тотъ день Императора; Петръ отказался подъ предлогомъ нездоровья, и надменный Вельможа занялъ, во время церковнаго служенія, мѣсто въ видѣ трона, приготовленное для Государя, въ присутствіи: Генералъ-Адмирала Графа Апраксина, Канцлера Графа Головкина, Князя Голицына, Черышева, Головина, Бестужева, Нарышкина, Шаховскаго и многихъ другихъ сановниковъ! Во время обѣда музыка и пушечная пальба не умолкали.—7 числа объявленъ арестъ Меншикову: опустѣли гостиныя опаль-

наго! Непзмѣнный, по видимому, другъ его, Оеофанъ, проводивший съ нимъ время въ откровенной бесѣдѣ, угощавшій его пышными обѣдами, сидѣлъ въ кабинетѣ своемъ, ожидая развязки. Только Генералъ-Лейтенантъ Алексѣй Яковлевичъ Волковъ и Генералъ-Маіоръ Егоръ Ивановичъ Фаминцынъ продолжали посѣщать Меншикова до самого выѣзда его (9 сентября) въ Раненбургъ; обѣдали у него наканунѣ, уговорили пустить кровь изъ руки (*). Съ удаленіемъ Меншикова, вся власть перешла къ Долгоруковымъ: они исторгнули Императора изъ подъ вліянія Барона Остермана, сочинившаго подробный планъ ученію порфиророднаго Юноши. Осторожный Министръ тщетно старался, посредствомъ Нарышкина, возвратить Петра къ занятіямъ необходимымъ: Долгоруковы отвлекали Его приготовленіями къ путешествію въ Москву, разными распоряженіями къ коронаціи. Не менѣе Остермана огорчался и Оеофанъ, содѣйствовавшій ему мнѣніемъ *о наставленіи въ Христіанскомъ законѣ;* но, изливая сокровенныя мысли свои хитрому Министру, онъ приготовлялъ для Петра великолѣпный пріемъ въ Новгородѣ: выслалъ Ему (11 января 1725 г.) за версту отъ тріумфальныхъ воротъ, построенныхъ по сему случаю, нѣсколько каретъ цугами и богато убранныхъ саней, окруженныхъ гвардейскими всадниками. Въ слободѣ встрѣтили Высокаго Путешественника 400 отроковъ въ бѣломъ платьѣ, съ нашивными красными чрезъ грудь и плеча пере-

(*) Изъ *Журнала Кн. Меншикова*, хранящагося въ Главномъ Моск. Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

вязями. Императоръ остановился, и двое изъ дѣтей привѣтствовали Его на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ. У воротъ, Оеофанъ, сопровождаемый многочисленнымъ Духовенствомъ, ожидалъ Монарха со крестомъ, произнесъ ему рѣчь, и потомъ, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, продолжалъ шествіе съ пѣніемъ, среди войскъ, до самого Собора. Оттуда Петръ, отслушавъ литургію и приложась къ Святымъ мощамъ, пошелъ въ Архіерейскій домъ; стоявшій въ строю полкъ произвелъ въ это время бѣглый огонь. Въ продолженіе обѣда пѣвчіе пѣли на хорахъ псалмы, въ другой комнатѣ играла музыка (*). По окончаніи стола Оеофанъ раздавалъ печатные стихи на Латинскомъ языкѣ; вечеромъ былъ у его дома большой фейерверкъ, кончившійся великолѣпною иллюминаціею изъ 150 пирамидъ (**). 25 февраля происходило коронованіе: главнымъ дѣйствователемъ былъ Оеофанъ. Начались богатыя пиршества при Дворѣ, различныя увеселенія и потѣхи. Долгоруковы совершенно удалили Петра II отъ занятій, сопряженныхъ съ благоденствіемъ народа и съ достоинствомъ Государя; безотлучно находились при Немъ; забавляли нѣсколько недѣль сряду охотою въ окрестностяхъ Москвы; хвалили ловкость Его, искуство въ стрѣльбѣ (***), и, забывъ несчастный примѣръ Меншикова, впали въ одинакую ошибку. 22 ноября скончалась Ве-

---

(*) Оеофанъ имѣлъ своихъ музыкантовъ. — *Голиковъ.*

(**) *Обзоръ* Вейдемейера, ч. 1, стр. 78 — 80.

(***) *Царствованіе Петра* II, сочин. К. П. Арсеньева, изд. въ С. Петерб. 1839 г., стр. 101, 102, 105 и 108.

ликая Княжна Наталія Алексѣевна, на 15 году отъ рожденія. Для разсѣянія глубокой горести Императора, чрезвычайно привязаннаго къ своей Сестрѣ, Долгоруковы каждый день увозили Его за городъ, и, наконецъ, отдалили на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Москвы, чтобы свободнѣе исполнить обдуманный ими планъ: старались поселить въ юномъ Монархѣ ненависть къ полезнымъ учрежденіямъ Его Дѣда, воспламеняли пылкое воображеніе описаніемъ прелестей Княжны Екатерины: Петръ увидѣлъ Долгорукову и плѣнился ею. 19 ноября (1729 г.) возвѣщено Верховному Совѣту о намѣреніи Государя вступить въ бракъ; 24 числа Онъ принималъ поздравленія; 30 произошло обрученіе Его съ Княжною Екатериною. Архіепископъ Оеофанъ совершилъ этотъ торжественный обрядъ въ Лефортовскомъ Дворцѣ. 6 января (1730 г.), въ день Крещенія, Государь простудился: открылась оспа; 19 числа, въ день, назначенный для Его бракосочетанія, Петръ II, на 15 году возраста, похищенъ смертію. Оеофанъ съ двумя Архіереями соборовалъ масломъ Монарха, за двѣ недѣли передъ тѣмъ исполненнаго жизни и надеждъ!—Во время этого важнаго Государственнаго переворота, когда выборъ палъ на вдовствующую Курляндскую Герцогиню, Архіепископъ Новгородскій (котораго Долгоруковы устранили отъ совѣщанія), желая оказать усердіе свое Императрицѣ, намѣревался отслужить торжественное молебствіе, въ народномъ присутствіи; но Члены Верховнаго Совѣта воспротивились. Оеофанъ немедленно отправилъ къ Аннѣ Іоанновнѣ нарочнаго, который прежде всѣхъ пріѣхалъ въ Митаву, съ увѣдомленіемъ о сдѣланномъ вы-

борѣ и о дерзкихъ замыслахъ Вельможъ (*). 3 февраля, въ присутствіи Верховнаго Совѣта, главнѣйшаго Духовенства и Сенаторовъ, было прочтено отвѣтное письмо Императрицы, сочиненное Княземъ Васпліемъ Лукичемъ Долгоруковымъ. Оеофанъ предложилъ совершить безъ отлагательства молебствіе, чему уже никто не противорѣчилъ. По повелѣнію Сунода, Государыня была провозглашена *Самодержавною*. Верховный Совѣтъ продолжалъ еще нѣкоторое время дерзновенное намѣреніе, несогласное съ благомъ Государства (ибо— какъ справедливо пзъяснился Оеофанъ Прокоповичъ (**) — *Русскій народъ только Самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ*) и съ коренными законами: ограничить власть Царскую новою присягою. 15 февраля Императрица имѣла въѣздъ въ Москву. Члены Совѣта составили присягу; Оеофанъ хотѣлъ знать содержаніе оной; но Долгоруковы и Голицыны не удовлетворили справедливаго его требованія и, не предварив. отправились въ Соборъ. Прибыли Архіереи. Предложено Духовенству присягнуть прежде всѣхъ: Оеофанъ требовалъ, чтобы присяга была прочтена вслухъ для общаго свѣдѣнія. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ противился; прочіе Члены Совѣта, опасаясь общаго неудовольствія, согла-

---

(*) *Словарь Историческій о Духовныхъ писателяхъ*, ч. 1, стр. 678.

(**) Въ сочиненіи: *о смерти Императора Петра II-го и о восшествіи на Престолъ Государыни Императрицы Анны Іоанновны*, напечат. въ Московскомъ Вѣстникѣ на 1829 годъ, No 1. — *См. стр.* 54.

слись: въ формѣ не было упомянуто объ условіяхъ, принятыхъ Императрицею; только присяга опредѣлялась: *Государынѣ и Отечеству*. Ософанъ не противорѣчилъ, предвидя послѣдствія (*). Вскорѣ Анна Іоанновна уничтожила Актъ, подписанный Ею въ Митавѣ, и честолюбцы, надѣявшіеся управлять кормиломъ Государства, были арестованы, преданы суду, отправлены въ дальніе города и деревни. Ософанъ пріобрѣлъ полную довѣренность Государыни, которую коронавалъ 28 апрѣля; никогда не находился въ такой силѣ; убѣдилъ Императрицу (17 декабря 1731 г.) подписать Манифестъ, сочиненный Остерманомъ: *чтобы всѣ знатныя свѣтскія и духовныя особы присягнули въ признаніи Наслѣдникомъ того, кого угодно будетъ Ея назначить.*—Взглянемъ на событія того времени: Епископъ Воронежскій Левъ Юрловъ, отложившій присягу и молебствіе о восшествіи на Престолъ Императрицы, ссылаясь, *что не получалъ еще Синодальнаго Указа*, былъ взятъ въ Москву по доносу Губернатора, преданъ Суду, лишенъ сана (3 декабря 1730 г.), и, по перемѣненіи Лаврентьемъ, *наказанъ кнутомъ*, сосланъ въ Архангельскій Кре-

(*) См. *Записки Манштейна*, изд. 1810 г. ч. 1 стр. 84—101; *Сказанія о родѣ Князей Долгорукихъ*, изд. 1840 г. стр. 115—120; *Словарь достопамятныхъ людей Русской земли*, составленный мною и изд. 1836 г., ч. 2. стр. 76, 77, 269 и 270 и *Біографіи Рос. Генералис.*, и *Генер. Фельдм.*, изд. мною въ 1840 г., ч. 1, стр. 139 и 140; также сочиненіе Ософана Прокоповича: *о смерти Императора Петра Втораго*, напечат. въ Московскомъ Вѣстникѣ 1830 г., No 1, стр. 70.

стный монастырь. Члены Св. Синода: Георгій Дашковъ, Архіепископъ Ростовскій, и Игнатій Смола, Митрополитъ Коломенскій, *за то, что не произвели тотчасъ слѣдствія надъ Епископомъ Львомъ*, были также преданы суду и лишились должностей. Варлаамъ Ванатовичь, Архіепископъ Кіевскій, *не служившій молебна въ одинъ Высокоторжественный день*, по доносу Войта, вытребованъ въ Москву (въ августѣ); преданъ суду *Тайной Канцеляріи*, приговоренъ къ лишенію сана, сосланъ, въ званіи простаго монаха, въ Бѣлозерскій Кириловъ монастырь, Новгородской губерніи. Имѣніе его описано и взято въ казну (*). Мелхиседекъ Борщовъ, Архимандритъ ставропигіальнаго Воскресенскаго, *Новый Іерусалимъ* именуемаго, монастыря, управлявшій онымъ съ 1727 по 1733 годъ, лишенъ тогда священства и наказанъ кнутомъ, по доносу одного діакона, *за то, что въ Высокоторжественный день служилъ въ ризахъ не перваго, но втораго разряда.* Будемъ-ли обвинять во всѣхъ этихъ жестокостяхъ Анну Іоанновну, отъ природы сострадательную, великодушную? Или Бирона? Но онъ не господствовалъ еще тогда самовластно надъ Россіею, и если даже приписать эти строгія мѣры любимцу Государыни, то ужели Ѳеофанъ, умѣвшій вкрасться въ его сердце, уважаемый Императри-

(*) См. біографію Льва Юрлова въ 5-й ч. моего *Словаря достопамятныхъ людей Русской земли*, изд. 1836 г., стр. 368 и 369 и въ первой части тогожъ *Словаря*, біографію Варлаама Ванатовича, стран. 242 — 244.

цею, посредствомъ котораго, въ важныхъ случаяхъ, дѣйствовалъ Остерманъ, не могъ защитить опальныхъ, не обязанъ былъ сего сдѣлать? Всѣ сомнѣнія уничтожаются слѣдующимъ происшествіемъ: Ѳеофилактъ Лопатинскій, Архіепископъ Тверскій и Вице-Президентъ Св. Сунода, Пастырь, любимый Петромъ Великимъ, уважаемый современниками, извѣстный исправленіемъ перевода Славенской Библіи и своимъ сочиненіемъ противъ раскольниковъ, одобрилъ (1727 г.) къ печатанію твореніе покойнаго Митрополита Стефана Яворскаго: *Камень Вѣры православно-Каѳолическія Восточныя Церкви.* Оно было написано въ 1713 году, по случаю возникшей тогда въ Москвѣ, между нѣкоторыми Россіянами, Лютеранской, а болѣе Кальвинской Секты. Ѳеофилактъ, въ дополненіе, самъ сочинилъ книгу *на ереси Лютеранскія и Кальвинскія*, и другую: *Иго Господне благо.* Тогда о Биронѣ не было даже слуха въ Россіи; но Ѳеофанъ, полагая, что Тверскій Архіепископъ желалъ сочиненіемъ своимъ опровергнуть книгу его: *о игѣ неудобоносимомъ*, и досадуя на него за пропускъ творенія Яворскаго, къ которому даже за предѣлами гроба питалъ ненависть, сдѣлался врагомъ Ѳеофилакта, заставилъ послѣдняго, по вступленіи на Престолъ Императрицы Анны Іоанновны, удалиться въ ввѣренную ему Епархію; подвергнулъ запрещенію сочиненіе: *Камень вѣры*, которое вездѣ было отобрано. Между тѣмъ Ѳеофилактъ занимался устроеніемъ Семинаріи въ Отрочѣ монастырѣ и продолжалъ говорить проповѣди. Въ 1732 году, Ѳеофанъ, желая показать усердіе свое Бирону, предалъ (въ авг.) *Тайной Канцеляріи* Ѳеофилакта: *его*

строго допрашивали по тремъ первымъ пунктамъ; разсматривали сочиненную имъ книгу на Лютеранъ и Кальвинистовъ; содержали потомъ подъ стражею, съ 24 августа по 6 октября, на Петербургскомъ Тверскомъ подворьѣ, однакожъ, *безъ обвиненія*, возвратили въ Тверь. Казалось, кончились преслѣдованія, но они только прекращены на время: въ 1735 году Оеофилактъ былъ снова привезенъ въ столицу (въ іюнѣ), преданъ суду Св. Синода, гдѣ предсѣдательствовалъ его гонитель, лишенъ Архіерейства, монашества, и, подъ мірскимъ именемъ *Оеодора*, поступилъ въ *Тайную* (*). Здѣсь пытанъ онъ: *подымали его три раза на виску, въ разное время, и столько же наказывали батогами, безъ рубахи* (**)!.... Все это совершилось за годъ съ небольшимъ до кончины Оеофана Прокоповича, послѣдовавшей 8 сентября 1736 года, на 55 году, отъ каменной болѣзни. Сохранилось преданіе, что въ послѣднія минуты жизни, онъ приставилъ ко лбу указательный палецъ, и произнесъ: «*О главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь?*» Остатки его погребены въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ въ ризничной палатѣ. — Оеофанъ Прокоповичъ, прозванный *Россійскимъ Златоустомъ*, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ мужей своего времени, сочинялъ книги богословскія, историческія, политическія и прагматическія; проповѣди; рѣчи похвальныя и над-

---

(*) См. *Историч. Словарь о духовныхъ писателяхъ* ч. 2, стр. 705—707.

(**) См. въ пятой ч. моего *Словаря*, изд. 1836 г., стр. 389.

гробныя; писалъ стихи (*); отличался остротою ума, счастливою памятію, даромъ слова: не только голосомъ, но тѣлодвиженіями, выраженіемъ лица услаждалъ слушателей. «Онъ въ похвальныхъ и поучительныхъ «словахъ своихъ» — пишетъ Каченовскій — «является «ученымъ и вмѣстѣ опытнымъ ораторомъ: въ ка«ждомъ изъ нихъ видимъ взаимную зависимость мы«слей, раздѣленіе частей и направленіе ихъ къ глав«ной цѣли. На примѣръ: въ похвальномъ словѣ Петру «Великому, по кончинѣ Его проповѣданномъ, Ѳеофанъ «исчисляетъ подвиги безсмертнаго Монарха во пер«выхъ *просто какъ Царя*, а потомъ какъ *Царя хри«стіанскаго*. Каждая часть опять имѣетъ свои подраз«дѣленія, и они, равно какъ весь внутренній составъ «слова, закрыты цвѣтами краснорѣчія. Слогъ его во«обще нечистъ и негладокъ; принявъ за основаніе «книжный Славенскій языкъ, Ѳеофанъ пестрилъ его «простонародными Русскими, Малороссійскими и чу«жестранными словами. Но можно-ли обвинять въ «томъ славнаго Витію, и надобно-ли останавливаться «надъ негладкостію слога, когда извѣстно, что почти «всѣ ученые современники Ѳеофановы, писавшіе не «объ однихъ только духовныхъ дѣлахъ, употребляли «нечистый языкъ по необходимости, и что Ломоно«совъ первый постигъ и открылъ для насъ тайну вы«бора словъ и *приличнаго* сочетанія книжнаго языка

(*) См. подробное исчисленіе ученыхъ трудовъ Ѳеофана Прокоповича въ *Словарѣ Историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина*, Преосв. Митрополита Евгенія, изд. въ С. Петерб. 1818 г., ч. 2, стр. 679—702.

«съ общенароднымъ. Можетъ быть, Ѳеофанъ думалъ, «что, уклоняясь отъ книжнаго языка, приближается къ «употребительному въ общежитіи; я не осмѣливаюсь «предполагать, будто ученый мужъ сей не видѣлъ, «что языкъ его не вездѣ сходенъ съ богослужеб-«нымъ.»—Въ Латинскихъ сочиненіяхъ Ѳеофана слогъ весьма чистъ, витіеватъ и плавенъ. — Петръ Великій совѣщался съ нимъ о разныхъ Государственныхъ дѣлахъ: по Его порученію, Ѳеофанъ сочинилъ не только *Духовный Регламентъ*, но и *Предисловіе* къ Морскому Уставу. Библіотека сего Пастыря состояла изъ 4,000 книгъ, которыя, по Именному Указу, отданы въ Новогородскую Семинарію. Изъ жизнеописанія его, мы можемъ судить о характерѣ Прокоповича: хитромъ, властолюбивомъ, мстительномъ, жестокомъ; но къ чести его должно упомянуть, что онъ старался доказать мудрость всѣхъ новыхъ учрежденій Петра Великаго; содѣйствовалъ Ему въ просвѣщеніи соотечественниковъ посредствомъ заведенія духовныхъ школъ въ разныхъ городахъ, въ томъ числѣ (1721 г.) при Александро-Невскомъ монастырѣ; обратилъ вниманіе на образованіе молодыхъ монаховъ и церковническихъ дѣтей, къ школьному ученію годныхъ (1723 г.); самъ завелъ въ занимаемомъ имъ домѣ училище, и отправлялъ потомъ отличныхъ учениковъ на своемъ иждивеніи въ чужіе край, для усовершенствованія въ наукахъ и языкахъ (*); первый открылъ талантъ молодаго Князя Кантемира; ободрялъ, наставлялъ его, не смотря, что послѣдній задѣвалъ духовныхъ въ сатирахъ своихъ.

(*) См. *Записки Манштейна.*

Въ 1727 году, въ бытность Ѳеофана въ Москвѣ, онъ замѣтилъ Ломоносова въ Заиконоспаскомъ училищѣ, похвалилъ его прилѣжаніе, оказываемые имъ успѣхи, и на вопросъ о происхожденіи, услышавъ, что юноша выдаетъ себя *дворянином*ъ, сказалъ ему: «Не бойся «ничего; хотябы со звономъ въ большой Московской «соборный колоколъ стали тебя публиковать самозван- «цемъ, я твой защитникъ.» —Вслѣдъ за тѣмъ Ѳеофанъ содѣйствовалъ (1735 г.) опредѣленію Ломоносова въ Гимназію С. Петербургской Академіи Наукъ. Онъ ходатайствовалъ (въ 1730 году) у Императрицы Анны Іоанновны въ пользу Сербовъ, претерпѣвавшихъ тогда большія гоненія въ Австріи, за исповѣдуемую ими Грекороссійскую вѣру, и подкрѣпилъ свое предстательство ссылкою на преимущества, данныя имъ Римскими Императорами.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Читай.
30	26	особою	особую.
91	6	Миахйловича	Михайловича.
144	—	44	144.
179	23	Годунова	Годуновъ.
223	3	восемъ	восемь.
325	5	Котиръ	Контръ.
377	5	Генераллиссимуса	Генералиссимуса.
380	—	830	380.
487	20	Богоявленскомъ	Богословскомъ.